

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

СЕРИЯ

БИБЛИОТЕКА РУССКОЙ ПЕДАГОГИКИ

Е. Ф. ШНУРЛО

КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ
Возникновение и образование
Русского государства
(862 1462)

*Евгений Францевич Шмурло
(1853-1934)*

СЕРИЯ
БИБЛИОТЕКА РУССКОЙ ПЕДАГОГИКИ

КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ
Возникновение и образование
Русского государства
(862-1462)

Ответственный редактор: академик РАО
Корольков А. А.

Допущено учебно-методическим объединением ВУЗов Российской Федерации по педагогическому образованию Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших и средних специальных учебных заведений.

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
1998

ББК 72819 (Рос.)

Е.Ф.Шмурло 98

*Редакционный совет серии
«Библиотека русской педагогики»:*

*Г. А. Бордовский, Л. А. Вербицкая, А. А. Корольков,
О. Л.Абышко, И. А. Савкин*

«Курс русской истории» — главная, итоговая работа выдающегося русского историка Евгения Францевича Шмурло (1853-1934). Основу курса лекций составляет так называемое догматическое изложение твердо установленных наукой основных фактов русской истории с 862 по 1725 гг. Все разногласия между историками по наиболее важным вопросам вынесены автором во вторую часть каждого из опубликованных им томов под названием «Спорные и невыясненные вопросы русской истории». Большой интерес для начинающих ученых представляет и тщательно подобранная библиография, являющаяся органической частью труда. Однако главная ценность книги — это необычное для русского университетского курса внимание к духовной, историко-культурной стороне нашего прошлого, истории письменности, литературы и просвещения, развитию национального самосознания. Это придает книге скорее характер энциклопедического издания. Первый том «Курса» — «Возникновение и образование Русского государства» представляет собой общий обзор отечественной истории с 862 по 1462 гг., периода Древней Руси. Издание снабжено современным научным аппаратом.

Для самого широкого круга читателей.

ISBN 5-89329-063-1

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ЭМИГРАЦИИ РУССКОЙ ИСТОРИИ
ЕВГЕНИЙ ФРАНЦЕВИЧ ШМУРЛО

Читатель имеет счастливую возможность открыть замечательную книгу по русской истории Е. Ф. Шмурло, книгу, которая только однажды оыла издана в Праге тридцатых годов и в ошеломляюще малом количестве — всего сто экземпляров. Была война, были потери книг из крохотного тиража. Директор Славянской библиотеки в Праге в середине 80-х годов подарил мне несколько русских книг из избыточного для пражских читателей фонда, и с тех пор я взял на себя внутреннюю ответственность за переиздание уникального курса русской истории.

Достаточно полистать хотя бы оглавление каждого тома, чтобы обнаружить самое привлекательное — наиболее спорные вопросы нашей истории. Е. Ф. Шмурло не избегает ставить самые острые, самые загадочные вопросы и дает ответы на них не на основе субъективных предпочтений, а основываясь на многообразии версий и фактов, причем делает это он исторически и художественно убедительно. Если вообще возможно говорить о пражской исторической школе (география местообитания русских эмигрантов не могла создать единства школ), то более всего сказала здесь стилистика В. О. Ключевского, тяготение к созданию убедительных образов прошлого Удивительно, книги Е. Ф. Шмурло одновременно несут в себе исследовательское богатство, красоту и ясность учебного курса лекций и увлекательность повествования о событиях и лицах, выписанных с писательской яркостью. «Как умер царевич Димитрий?», «Как возникло на Руси Патриаршество?», «Как сложилось представление о Москве, как третьем Риме?», «С какой поры можно начинать непрерывную историю русского национального самосознания?» — это лишь наудачу выхваченные заголовки разделов работы Е. Ф. Шмурло Разве оыи оставят равнодушным современного читателя?

Уникальность труда Е. Ф. Шмурло еще и в том, что перед нами не история государства в традиционном ее толковании, а одновременно — история русской культуры: народной, религиозной, светской Литератор, философ, культуролог, музыкант, богослов отныне смогут

воспользоваться россыпями фактов, обобщений, описаний книг забытого, неузнанного еще на Родине историка.

Для русского уха и фамилия-то какая-то странная, забавная даже — Шмурло, но если бы мы впервые услышали фамилию Глинки — разве не показалась бы она нам веселой? Трудно пока, до знакомства с самими трудами, убедить читателя в том, что перед нами — выдающийся историк, которого почитали еще в пору его первых лекционных курсов в Санкт-Петербургском университете и особенно в годы испытаний изгнаннической послереволюционной жизни, когда Евгений Францевич Шмурло стал основоположником Русского исторического общества в Праге, блестящим исследователем и лектором. Современники отмечают нескрываемую поэтическую жилку в творчестве историка — это в сущности особенность русского мировосприятия, проявившего себя по преимуществу не в круге формальных знаний, а на ниве просветленной чувственности, которая сказывалась в любых формах творчества и деятельности.

Русское историческое общество в Праге позволило объединиться более двадцати историкам, имена которых в разной степени известны ныне, но эта вина наша, а не историков, достойных памяти и изучения. Здесь трудились, начиная с 1921 года, одни до смертного часа, другие кратковременно, А. А. Кизеветтер, Н. П. Кондаков, Н. В. Ястребов, П. Б. Струве, Г. В. Вернадский, Б. А. Евреинов, А. В. Флоровский, М. В. Шахматов, И. И. Лаппо, В. А. Францев.

Всюду, где пришлось и довелось жить Е. Ф. Шмурло, в Юрьеве, Праге, Риме, он с головой уходил в исторические изыскания, считая себя рядовым научным работником, на самом же деле, оставляя глубочайшие исследования во всяком предмете, который увлекал его. Специалистам еще предстоит открыть такие его труды, как «Римская курия на русском православном Востоке», «Россия и Италия», «Петр Великий в русской литературе» и множество других.

Е. Ф. Шмурло до последнего дня не расставался со своими рукописями и дневником, он надеялся издать полный курс лекций русской истории, писал легко, по-юношески увлеченно. Недавно из Брюсселя в Петербург приезжала дочь другого историка того же пражского круга, Б. А. Евреинова. Наталья Борисовна вспоминала о бесприютном бытии стареющего Шмурло, который жил у них летом на даче и оставался влюбчивым: должно быть, его историческое вдохновение питалось красотой, рождающей поэзию.

Предлагаемое издание снабжено списком работ Е. Ф. Шмурло и рецензий на них, составленным вскоре после смерти историка В. Саханеевым.

Учитывая высочайшую осведомленность Е. Ф. Шмурло в вопросах влияний на Россию культур Запада и Востока и особый интерес современного читателя к евразийским сюжетам, в качестве приложения к «Курсу русской истории» публикуется публичная лекция историка в Юрьевском университете «Восток и Запад в русской истории»

Предисловие

Настоящая книга состоит из двух частей: в первой (стр. 1 - 340) события русской истории излагаются применительно к тому, как они установлены в исторической науке, и потому могут считаться более или менее бесспорными и общепризнанными; вторая часть (стр. 341 - 511) посвящена тем «Спорным и невыясненным вопросам русской истории», которые и до сих пор понимаются и толкуются по-разному. Первая часть знакомит с **фактами**, вторая предлагает читателю свод главнейших мнений по тому или иному спорному вопросу и должна служить материалом для **самостоятельной критической** работы. Первая часть предназначена для **усвоения**, вторая — для **анализа**, для выработки **собственного** мнения. Эта вторая часть, пригодная при университетском преподавании под руководством профессора, может для подготовленного читателя служить подспорьем и вне стен университета. Таково, по крайней мере, назначение книги по замыслу ее автора.

Относительно самого выбора «спорных и невыясненных вопросов» автору могут сделать упрек, что не все заслуживающее внимания нашло себе место на страницах книги, что некоторые вопросы, второстепенного значения, могли бы с большею..

Указания на литературу, конечно, не исчерпывающие; цель их не дать полную библиографию, а лишь ввести в лабораторию научной работы, указать, с чего приступить при изучении данного вопроса. С этой точки зрения указания страдают скорее излишеством, чем неполнотой. Потому нет указаний и на источники: последние вскроются при чтении самого исследования (пособия).

Автор лишен был возможности напечатать свою книгу в типографии; отсюда неприятные недочеты, неизбежные при литографском способе воспроизведения. Однако даже и в этом несовершенном виде появление книги могло состояться лишь при материальной поддержке Славянского института в Праге, принявшего на себя некоторую часть расходов по изданию, за что автор и приносит ему глубокую благо-

дарность. Живейшую признательность выражает он также и Славянской библиотеке Министерства иностранных дел Чехословацкой Республики: участливое отношение ее служебного персонала в значительной степени облегчило его работу, позволив широко использовать богатейшие книжные сокровища Библиотеки, этого едва ли не единственного (в обширных пределах нынешнего русского рассеяния) книгохранилища, где отдел русских книг отличается такой полнотой, разнообразием и внутренней ценностью своего содержания.

Е. Ш.
Прага, июнь 1931 г.

В в е д е н и е

Культурные достижения русского народа

Каждому народу присуща своя собственная физиономия, своя коллективная душа. Если хотите узнать и понять ее — познакомьтесь с его *культурой*. Культура — это есть своего рода зеркало, отражающее его религиозные воззрения, понятия о праве, долге и справедливости, его характер и идеалы. В этом зеркале вы увидите уклад его общественной жизни, его правовые отношения, накопленное знание, материальные достижения, а также творческую работу ума в области искусства, т. е. в области Красоты и Прекрасного.* Культура данного народа отличает его от других народов, дает ему право говорить о своем Я, мыслить себя самостоятельной особью; она воспитывает в нем чувство самосознания, горделивой независимости и поистине становится его *национальным* достоянием.

Культуры, по удельному их весу, бывают разных степеней, одни более развитые, законченные, качественно более высокие, другие — более низкие, менее совершенные. Первые мы наблюдаем преимущественно у народов, насчитывающих своему историческому существованию длинный ряд веков; вторые — у народов, сравнительно более молодых. С наибольшей отчетливостью и определенностью душа народная раскрывается и познается лишь у народов, уже сошедших с мировой сцены, завершивших свой исторический и культурный цикл, уже сказавших свое «последнее слово». Таковы народы древнего Востока, древние греки и римляне: их культурные достижения наиболее ясны, расхождения в их понимании и оценке наиболее редки; к тому же они уже давно стали общим достоянием человечества.

Наоборот, народ молодой, без продолжительного жизненного опыта, с высокой культурой, еще не успел проявить своего Я, у него еще нет своей физиономии, или она еще бледная, неяркая, во всемирной истории такой народ исполняет лишь служебную роль, явля-

* *Здесь и далее по всему тексту Издатель придерживался авторской орфографии.*

ется не самостоятельным элементом, а скорее всего простым объектом чужого воздействия.

Хотя народам славянского, германского и романского корня, пришедшим на смену древнему миру, еще только в будущем предстоит произнести свое «последнее слово», однако «душа» каждого из них успела уже и теперь обрисоваться в очертаниях, позволяющих не смешивать одну с другою.

Культура русского народа есть результат его материальной и духовной работы на протяжении последних 10—11 столетий. Своими корнями она уходит в доисторическую даль, во времена скифов, сарматов и готов, т. е. еще задолго до того момента, когда, согласно известной легенде о призвании варягов, лицо русского народа выступает в истории впервые, так сказать, официально. С той поры русский народ образовал обширное и могучее государство, превратил первоначальное Киевское княжество в мировую державу и проявил свои духовные, творческие силы на самых разнообразных поприщах культурной деятельности.

Размах, разнообразие и многосторонность этой деятельности особенно наглядно выразились за последние 60—70 лет в небывало быстром росте промышленности и торговли, в усиленной постройке фабрик и заводов, железных дорог и водных путей сообщения, в улучшенных приемах земледелия, осушке болот, орошении бесплодных пустынь, в создании новых отраслей обмена на внутреннем и внешнем рынке. Особенно за последние десятилетия, вплоть до революции, можно было наблюдать быстрое заселение свободных пространств Сибири, гигантский рост кооперативных обществ, постоянный рост школ, особенно низших и высших, между прочим и женских университетов («высших женских курсов»). Ученые экспедиции и исследования глухих уголков Кавказа; замерзших тундр на сибирском побережье Ледовитого океана и особенно (раньше почти недоступных европейцу) обширных пространств Средней Азии, скрывавших в своих тайниках ценные остатки древних культур, — покрыли славой и мировой известностью неустрашимых путешественников-исследователей, обогативших науку о географии, физике, геологии, этнографии, истории новым ценным материалом.

Некогда пушкинский Скупой Рыцарь спускался в свои подвалы, открывал сундуки и любовался блеском хранимого там золота, наслаждаясь *сознанием* того, что он является обладателем накопленного в этих сундуках богатств. У русского народа тоже есть свои сундуки, которыми можно не только любоваться, но и гордиться; только в них не золотой металл сложен, а плоды духовного творчества русского народа, плоды тех усилий, какие проявили десятки поколений, строивших русскую государственность и общественность. В отличие от Скупого Рыцаря мы любимся содержанием этих сундуков не с чувством корыстолюбивого эгоиста, а с трепетной мыслью о непреходящей ценности наших сокровищ, что они не лежат втуне, что из этих

сундуков свободно черпает каждый, свой или чужой, кому вообще дороги культурные завоевания человеческого духа, причем самый вид этих сокровищ вызывает в нас чувство благодарной памяти о тех, кто накопил их, оставив в наследство нам и всему человечеству

В этих сундуках собраны перлы художественной прозы и поэзии, в них бережно хранятся образы, созданные великими талантами русской сцены и музыки; русское зодчество, старая и новая живопись, так увлекательно отразившая русскую душу, ее настроения и переживания. Здесь и религиозные запросы, русское старчество с его исканием правды Божией; русское мессианство с его идеей «Третьего Рима»; здесь русская научная мысль, в тысячах и тысячах книг, проявившая себя тоже творчески в области точного знания, изучения прошлого во всем его многообразии, — научная мысль, сумевшая сказать свое слово как в области отвлеченного знания, так и в подходах к решению мировых проблем.

Характерная особенность этих сундуков в том, что на их содержании лежит яркий отпечаток *национальности*, печать русского таланта и русского мирозерцания; сказалась *душа* той народности, что создала его. Достижения русского народа, будучи глубоко национальны, *именно в силу этого*, приобретают *мировую* ценность, становятся дороги и понятны не только одним русским, но всем людям вообще, потому что и славянин, и германец, и француз, и японец одинаково найдут в них нечто *общечеловеческое*, одинаково понятное и близкое каждому, к какой бы нации или религии он ни принадлежал

Ни одному народу его культура не преподносится готовою как дар Небес: она *растет*, медленно и постепенно *созревает*, *слагается*, иначе говоря, имеет свою *историю*. И вот почему культура народа, т е его душа, раскрывается перед нами с надлежащей полнотой и отчетливостью лишь при условии знакомства с тем, как он творил и вырабатывал свою культуру, иными словами, — с историей самого народа.

Общие понятия о государстве

Первым серьезным научным трудом по истории России была много-томная «История Государства Российского» Н. Карамзина¹ Современная автору критика осталась недовольна тем, что темою своего сочинения Карамзин избрал *государство*, а не *народ*, не *общество*, причем главный критик, Н. Полевой, как бы в поучение, тогда же написал свою «Историю Русского народа».² Если у Карамзина культурная и Духовная жизнь массы, — эволюция народного быта, его социального

¹ 12 томов. СПб., 1818-1829.

² 6 томов. СПб., 1829-1833.

стройка, — действительно заслонены правительственным механизмом, и даже не столько правительственным механизмом, сколько деятельностью государей и правителей; если из отдельных личностей, по капризу судьбы очутившихся на первом месте, на виду всех, действительно, зачастую не видать толпы безымянных работников, то было бы ошибкою вообще историю *народа, общества* противопоставлять истории *государства* уже по одному тому, что Государство и Общество, живущее государственным бытом, по существу одно и то же.

В какие новые, более совершенные формы общежития выльется в будущем жизнь людей на земле, об этом можно только гадать, до настоящего же времени государство остается высшею формою общежития, до какой доросло человечество. Вне государства мы не знаем ни одного исторического народа. Лишь государственная форма жизни дает народности возможность проявить наиболее полно и ярко свои духовные силы, явить свой духовный лик. Вот почему следить за ростом государства есть то же, что наблюдать за ходом целой исторической жизни данного народа во всевозможных проявлениях материального и духовного его существования; равно и, наоборот, все, в чем проявил свою жизнь народ, одинаково входит в историю государства, которое само есть лишь плод его творческой мысли и деятельности.¹

Возможность противопоставлять Государство Обществу в значительной степени вызвана тем, что в само понятие обычно вкладывается содержание, не вполне отвечающее надлежащему представлению о нем. В самом деле, что такое государство? Ходячее представление о нем такое: государство есть территория, т. е. известная, больших или меньших размеров, часть земного шара, населенная людьми и управляемая единою, общею для всего этого населения и для этой территории властью. Такое определение слишком *материализирует* наши представления о государстве, носит чересчур *географический* характер, так как выросло из представления о внешних *пределах*, в которых протекает жизнь данной группы людей. Между тем центр тяжести не в территории, а в этой самой группе людей, в том *обществе*, которое живет на ней и связано общею для всех властью. Недостаток указанного определения еще и в том, что оно совершенно заслоняет самый характерный и существенный признак любого государства, каково бы оно ни было, — упускает из виду тот, я бы сказал, химический процесс, вследствие которого эти три отдельных сами по себе элемента: территория, население и власть претворились в единое

⁰ После Карамзина и Полевого это обыкновенно так и понимается. Покойный Забелин нашел прекрасную форму для своего труда, назвав его «Историей русской *жизни*», совместив в этом выражении понятие об историческом развитии одинаково и государства, и общества

новое целое, органически срослись один с другим и выступают со специально присущими им особенностями.

Чтобы из простой толпы, из простого собрания отдельных семей, родовых, племенных и областных союзов превратиться в государственное общество, необходимо, чтобы население данной территории прониклось сознанием *общности* своих интересов, мощным, неудержимым стремлением воплотить ее в жизнь; чтобы видело в государстве *необходимую* и единственно возможную для него форму существования и для сохранения, и процветания его готово было бы, если понадобится, пойти на самые великие жертвы. Сознание это приходит не сразу, оно воспитывается поколениями. Его нельзя принять извне. Нельзя создать государства, если люди не чувствуют в нем потребности. Скажите лопарям, патагонцам, какому-нибудь полудикому племени африканскому: вот вам государство, живите и управляйтесь сами — завтра же они распадутся снова на свои кланы, роды, племена. Правда, той связи, какая существует у них сейчас, они не потеряют, но и новой, государственной, не создадут. И параллельно с этим, разрушить государство, силою подчинить его другому — еще не значит уничтожить у народности чувство своей государственности: чувство это будет неудержимо клочкотать, вырваться наружу и упорно домогаться восстановления утраченной политической свободы. В наши дни наглядный пример тому — ирландцы и народы славянской расы чехи, словаки, поляки, словенцы, хорваты.

Общий интерес, поставленный выше интереса частного, создает то, что называется *суверенитетом*, — правом данного общества на независимое от других, подобных ему государственных обществ, существование, совместно с правом, **ЕО ИМЯ** Целого, Единого требовать себе подчинения от Частного, Личного. Это суверенное право находит себе выражение в *верховой власти*, какова бы, по форме, ни была последняя. Деспотия, самодержавная и конституционная монархия, республика, теократия — в основе всех их заложен один общий признак самодержавность, полная независимость этой власти, обязательность ее повелений, беспрекословное ей повиновение каждого лица в отдельности, каждой группы или союза. Суверенная власть не спрашивает отдельную личность или союз частного характера, согласны они или нет исполнить ее повеление, но прямо и категорически предписывает им свой закон, предъявляет свое требование. «*Cartel est notre bon plaisir*» — выражались в старое время французские короли, и та же фраза, поскольку слово «*notre*» выражает все государственное общество, с одинаковым правом могла бы появиться и за подписью простого, ежегодно сменяющегося президента Швейцарской республики.

Такова сущность суверенитета. Но для того, чтобы ему проявиться в сознании общественном, необходимо время, целые поколения. Вот почему государство не появляется на свет готовым. Это не Афродита, выплывающая из пены морской; не Афина-Паллада, что, вполне

сформированная, выходит во всеоружии из головы Зевса: *государство растет*, и на этот рост ему нужны целые столетия. Первоначально, *налицо* имеются лишь простые элементы его; само общество еще долгое время не сознает, что уже начало существовать государственно, сознание приходит крайне медленно, нарастает постепенно, и лишь только когда оноросло вполне, тогда можно говорить, что государство образовалось и существует как таковое.

В течение первых шести веков русской жизни (862 — 1462) еще нельзя говорить о Русском государстве, как о чем-то готовом, сложившемся: о нем, особенно вначале, еще никто не думает, в сознании народном оно пока еще не существует; зато незаметно, мало-помалу накапливаются и нарастают те элементы, из которых оно потом возникнет. Государство уже потому не готово, что из трех необходимых для его образования элементов *налицо* пока только два — территория и народ, простые людские группы в неустойчивых территориальных пределах — группы недостаточно оформленные, слишком подвижные, чтобы чувствовать кровную связь со своею землей: сама Земля еще не стала *своею*. Россия за эти первые шесть веков напоминает ребенка, у которого еще нет своего места; ребенок растет, формируется, но еще не стал *человеком*, да и не *чувствует себя* (а в этом вся суть) таковым.

Но вот наступает момент, когда ребенок не только стал взрослым, но и осознал совершившуюся в нем перемену. С этой минуты рождается третий фактор — невидимый, неосязаемый, бесплотный, но тем не менее вполне реальный и обладающий чудодейственной силою. Имя ему — суверенитет народный. С его рождением совершается великое *химическое* чудо: все три элемента претворяются в одно сложное тело — *государство*. Если в нем еще и можно мысленно выделить один составной элемент из другого, то отцепить, реально оттащить один от другого уже нельзя; элементы навеки соединены, слиты, претворены один в другой. Превратиться в такое государство Россия стала готовою в середине XV века.

Процесс образования, рождения Русского государства, превращение «ребенка» во «взрослого человека», переход из небытия государственного в государственное бытие — и составит предмет настоящей книги.

Деление человеческого рода на расы и народности

Расы (иначе: народы). Каждая раса имеет свои отличительные особенности:

1) *Анатомические*: строение черепа (народы длинноголовые, широкоголовые); скуластость.

2) *Физиологические*: цвет кожи, глаз, волос. По волосам различаются: а) народы *курчавоволосые*: шерстеволосые негры, пучково-

лосые готтентоты и папуасы; б) *гладковолоосые*. прямоволосые монголы, американцы, индейцы; волноволосые семиты, арийцы, дравиды, нубийцы.

Другой признак (изменчивый и трудно поддающийся точному определению): степень умственных способностей.

Племя. Главным признаком его служит язык.

Народ (народность) определяется общностью языка, культуры, характером общественного уклада и происхождения (последнее не всегда).

Совокупность людей, населяющих земной шар, обыкновенно подразделяется по цвету кожи на *пять рас*: 1. Кавказскую, или белую; 2. Монгольскую, или смугло-белую, 3. Африканскую, или черную, 4. Американскую, или медно-красную, и 5. Малайскую, или темно-желтую. Между ними много переходных ступеней (оттенков), что иным дает основание вместо пяти видеть только *три* основные группы Белую, Черную и Желтую. Каждая раса, в свою очередь, подразделяется на отдельные группы и побеги. Вполне точных граней между ними науке установить еще не удалось. Особенно спорны подразделения в группе тюрко-татарской

В кругозор русской истории входят представители только (да и то далеко не все) двух первых рас: Кавказской и Монгольской

А. Кавказская раса.

I. *Семиты*: евреи, арабы и вымершие ассиро-вавилоняне, египтяне, финикийяне, халдеи, арамеи.

II. *Индоевропейцы* (иначе, *арийцы*).

1. Азиатская ветвь: индусы, иранцы, армяне

Примечание Иранцы персы, таджики, курды, осетины, афганы, вымершие скифы и сарматы
Сравн. ниже о сартах.

2. Европейская ветвь: греки, албанцы, италы (латины, самниты, сабины, вольски), кельты, германцы, литовцы, славяне.

3. Кавказские народы

а) Картвельская группа грузины, аджарцы, хевсуры, имеретины, лазы, гурийцы, мингрельцы, сванеты

б) Горская группа: абхазцы, черкесы, кабардинцы, шапсуги, чеченцы, ингуши, лезгины, аварцы

Б. Монгольская раса.

1. Восточно-азиатская группа: сиамцы, японцы, корейцы, китайцы, тибетцы.

2. Собственно монгольская группа (монголы): хакасы, ойраты, джунгары, торгоуты, буряты.
3. Тунгусская группа: тунгусы, маньчжуры, ороконы, голды, гиляки
4. Тюркская (тюрко-татарская) группа (потомки гуннов):
  - а) в Сибири: якуты, алтайские калмыки, телеуты, теленгиты, урянхайцы, западно-сибирские татары;
  - б) в Средней Азии: киргизы (киргиз-каесаки, кара-киргизы), узбеки, таранчи, туркмены;
  - в) в Европейской России: калмыки, ногайцы, татары (волжские и крымские);
  - г) в Малой Азии и на Балканском полуострове: турки-османы.
Вымершие племена: печенегы, торки, половцы (иначе* куманы)
5. Группа Урало-Алтайских народов:

- А. *Финны*: а) Прибалтийские: финны (вместе с карелами и ижорой), лопари, эсты, ливы.
- б) Приволжские: черемисы, мордва и вымершие: весь, мурома, меря.
- в) Прикамские: вотяки, пермяки, зыряне
- Б. *Самоеды*: близкие к финнам.
- В. *Угорская* ветвь: вогулы, остяки (те и другие древн. «Югра»), мадьяры (венгры)
- б. Народности, не подходящие ни к одной из вышеперечисленных групп: юкагиры, коряки, камчадалы, айны.

Примечание. *Этруски и баски* — народы неизвестного происхождения. Происхождение *хазар* очень спорно: тюрки? финны? мадьяры? *Башкиры* и родственные им *тептяры*, *мещеряки* и *чуваши*, по мнению одних, племена финские, но совершенно отуреченные, другие же считают их за чистых тюрков *Сарты* — или отуреченные иранцы, или чистокровные тюрки. Основной тип *турок-османов* подвергся сильному изменению под влиянием посторонних элементов (арабы, греки, славяне). После завоеваний Чингис-хана многие народы Тюркской группы (4-й) омонголились (усвоили черты 2-й группы).

Классификация языков

А По особенностям нынешнего строя слов (признак *морфологический*).

1. Языки *изолирующие*, или *корневые*. Никакой грамматики; ни склонений, ни спряжений; частей речи не существует; полное отсутствие особых форм для глагола, имени существительного, наречия и т. д.; весь словарь языка состоит из одних только односложных неизменяемых *корней* — они и составляют слова. Грамматические отличия определяются местом, какое занимает данный корень по отношению к другому корню. — Таковы языки: китайский, аннамитский, тибетский, японский.

2. Языки *агглютинирующие*. Существуют префиксы, суффиксы, но самый корень не изменяется; приставки механически *сливаются, склеиваются* (французское *agglutiner*) с корнем — эта «склейка» и создает слово. — Таковы языки: тюркские, урало-алтайские.

3. Языки *флективные*, имеющие *флексии*, т. е. разнообразные виды изменения слов и корней: числа, падежи, лица, времена, наклонения, виды. Есть, значит, грамматика; есть части речи. Префиксы и суффиксы присоединяются к корню или основе слова, но уже не механически, а изменяя и корень, и основу. — Таковы языки, арийские (индоевропейские), семитские.

Б. По происхождению (принцип *генетический*)

Восемь основных групп:

А. Арийская.

Б. Семитская.

В. Хамитская.

Г. Урал о-Алтайская.

Д. Тюрко-Татарская.

Е. Дравидийская (Южная Индия).

Ж. Полинезийская (Полинезия).

3. Южноафриканская (кафры, готтентоты).

А. *Арийская* группа

а) Азиатская ветвь

1. Санскрит (Веды).

2. Иранские языки: зенд (Зендавеста); новый, современный персидский; осетинский, курдский, афганский.

3. Армянский язык (среднее между арийскими и семитскими языками).

6) Кавказская ветвь

Языки *Яфетические*:¹ грузинский, мингрельский, чанский, абхазский, сванетский, черкесский, кабардинский.

в) Европейская ветвь:

1. Фригийский язык.
2. Греческий язык.
3. Фракийский язык.
4. Иллирийский язык (македоняне времен Филиппа и Александра Великого говорили языком, который сложился из фракийского и иллирийского)
5. Албанский язык.
6. Италийские языки: **латинский, Вольский, сабинский** (от латинского произошли языки: итальянский, французский, провансальский, испанский, каталонский, португальский, румынский)
7. Кельтские языки, именно: галльский (на нем говорили галлы времен Юлия Цезаря), арморейский (Бретань), кимрийский (Уэльс в Англии), гэльский (ирландский, шотландский). На гэльском языке Макферсон написал «Песни Оссиана».
8. Германские языки: готский, немецкий, бургундский, английский, датский, норвежский, шведский
9. Литовские (иначе Летские или Балтийские) языки* литовский, латышский, прусский, ятвяжский.
10. Славянские языки: болгарский, сербо-хорватский (резьянский говор в Северной Италии), словенский, чехо-словацкий, лужицкий, полабский, поморский, польский, кашубский, русский

Деление арийцев (индоевропейцев) — народов и их наречий — на ветви Азиатскую и Европейскую подсказано самой природою, географическим расположением каждого из этих народов; зато степень последовательности, в какой сами народности (и их язык), входящие

¹ По имени третьего сына Ноя, Иафета, и **по аналогии с группами языков Семитской** (по имени первого сына, **Сима**) и **Хамитской** (по имени второго сына, Хама). См. ниже.

² Академик Марр, которому принадлежит выделение этих языков в особую группу, относит к ней и язык армянский, образуя таким образом «армяно-грузинскую языковую группу». Впрочем, правильность **самого** образования Яфетической группы подвержена сильному сомнению и **далеко** еще не получила в науке права гражданства.

в эти две группы, выделялись из своего пранарода (и праязыка) и доросли до самостоятельного бытия, наукою окончательно еще не установлено. Есть две схемы, пользующиеся в наше время наибольшим авторитетом: они довольно близки одна к другой и расходятся лишь в подробностях (см. их у L. Niederle. Manuel de l'antiquite Slave Tome II. Paris, 1923, p. 6):

Схема А. Шлейхера

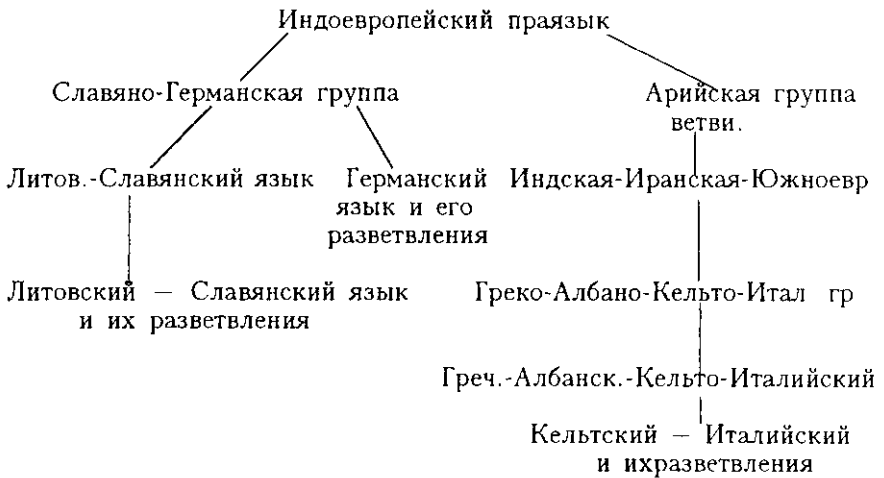
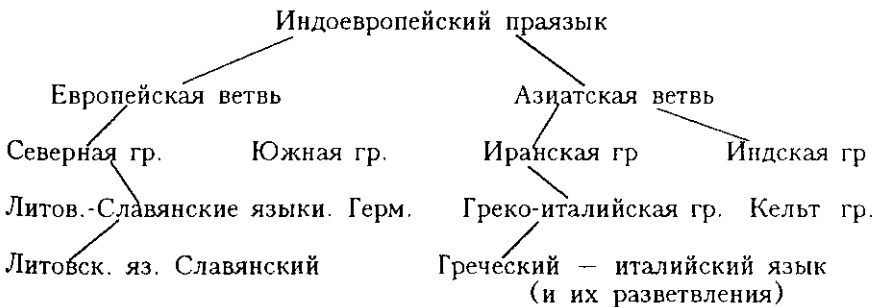

Схема А. Фика

Б. Семитская группа

1. Асиро-вавилонский язык.
2. Арамейский язык. В VIII ст. до Р. X. арамейский язык совершенно вытеснил в Вавилоне местный, и Иудеи, вернувшись из вави-

лонского плена (536 г. до Р. Х.), пользовались с тех пор в обиходной речи им, а не своим природным еврейским. На арамейском языке говорили Спаситель и апостолы.

3. Еврейский.
4. Финикийский язык.
5. Арабский язык.
6. Эфиопский (Абиссиния).

В. *Хамитская* группа, родственная Семитской

1. Древнеегипетский (коптский) язык.
2. Берберские языки (народов Северной Африки).
3. Кушитские языки (народов средней полосы Африки" сомали, галл асы и др.).

Г. *У рало-Алтайская* группа (*Угро-Финская*).

1. Финские языки: финский с эстонским наречием; лопарский, черемисский, мордовский, вотяцкий, зырянский.
2. Самоедский язык.
3. Вогульский язык.
4. Остяцкий язык
5. Мадыарский (венгерский) язык.

Д. *Турко-Татарская* группа.

Главнейшие языки: монгольский, бурятский, калмыцкий (иначе ойратский или чжунгарский), тунгусский и маньчжурский; якутский, киргизский, татарский, туркменский, турецкий.

Примечание. Языки *вымершие*: фригийский, фракийский, иллирийский, древнееврейский, финикийский, ассиро-вавилонский, зенд, санскрит; готский, бургундский, галльский, древнегреческий, латинский, прусский, ятвяжский, полабский, поморский. На языке арамейском — языке Спасителя — ныне говорят всего несколько деревень около города Дамаска в Сирии.

Население земного шара

А. По расам.

1. Кавказская:		
	Индоевропейцы	900 млн. чел.
	Семиты	40 млн. чел.
		<hr/>
		Всего 940 млн. чел.
2. Монгольская (из них 15 млн. финнов и угров)		520 млн. чел.
3. Черная		130 млн. чел.
4. Малайская		45 млн. чел.
5. Американская		40 млн. чел.
6. Переходные расы (дравидийцы, с темным, почти черным цветом кожи; негритосы, или папуасы)		70 млн. чел.
		<hr/>
		Всего 1.745 млн. чел.

Б. По вероисповеданиям.

І. Монотеисты:

1. Христиане:		
	Православные	160 млн. чел.
	Католики	310 млн. чел.
	Протестанты	230 млн. чел.
		<hr/>
		Всего 700 млн. чел.
2. Магометане		240 млн. чел.
3. Иудеи		15 млн. чел.
		<hr/>
		Всего 955 млн. чел.

ІІ. Политеисты:

4. Брахманисты		240 млн. чел.
5. Буддисты, синтоисты, последователи учения Конфуция		450 млн. чел.
6. Язычники		100 млн. чел.
		<hr/>
		Всего 790 млн. чел.

Общий итог: 1.745 млн. чел.

Индоевропейцы (Арийская раса)

Прародина Арийской расы определяется различно: 1) Иранское плоскогорье (старые догадки); 2) Юго-восточная Россия: нижнее и среднее течение р. Волги (большинство современных ученых)¹ 3) к югу от Балтийского моря (новейшая теория, наиболее спорная) "

Европейская ветвь Арийской расы двигалась в Европу *двумя* путями: 1) *южным*: италы, греки; 2) *северным*, кельты, германцы, литовцы, славяне. Нынешнее географическое расселение этих племен указывает на *порядок* их движения с Востока на Запад

Арийская раса стала разбиваться на отдельные группы примерно за 4 тыс лет до Р. Х. *Уровень культуры* арийцев к этому времени:

Жили на переходном положении от звероловного быта к кочевому охотой в лесах и скотоводством; земледелие было в самом зародыше Домашними животными были: корова, лошадь, овца и коза Богатство заключалось в скоте. Занимались пчеловодством; выделяли мед — напиток. Существовала семья, обычай кровной мести, жилые постройки Время считали по лунным месяцам; год делили на лето и зиму, солнечного года еще не знали. Боготворили небо.

Все это нам раскрыла новая наука XIX столетия: *сравнительное языкознание* (немецкие ученые: Фридрих Шлегель, особенно Бонн) Такие слова как: отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, вдова, господин; дом, двор; огонь; бык, корова, овца; рожь; глаголы: пахать («орать»), молотье; вино, мед; небо, месяц (луна), день, море и мн. др. имеют в арийских языках общие корни — значит, понятия, выраженные этими словами, возникли у арийцев до их расселения, в ту пору, когда они жили еще одной общей семьей и говорили на одном, общем для всех языке. Значит, как бы в настоящее время ни отличались между собою, например, персы от литовцев, или русские от армян, англичане от албанцев и т. д. — предки у них, оказывается, были общими.

Славяне

А. Деление по народностям

1. ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ:

1. Болгары	6 млн. чел
2. Сербо-хорваты	10 млн. чел.
3. Словенцы	1 млн. 500 тыс. чел.

¹ Термин *арийцы* первоначально прилагался ко всем индоевропейцам, но в последнее время чаще и чаще обозначают им одну только *азиатскую* ветвь их: иранцев и индов.

² См. Приложения. Спорные и невыясненные вопросы русской истории № 1. «Прародина индоевропейцев».

II. ЗАПАДНЫЕ СЛАВЯНЕ:

а) Ляшская группа:

4. Поляки	31 млн. чел.
5. Кашубы	350 тыс. чел.
6. Лужичане	150 тыс. чел.

б) Чехо-словацкая группа:

7. Чехи	8 млн. чел.
8. Словаки	3 млн. чел.

III. ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ:

9. Русские:

а) великорусы	63 млн. чел.
б) малороссы	30 млн. чел.
в) белорусы	7 млн. чел.

Всего 100 млн. чел.

Общее число славян: 150 млн. чел.

1. *Сербы* и *хорваты* выделились и стали различаться одни от других лишь в историческое время: еще в XI—XII ст. понятия «серб» и «хорват» зачастую смешивались. Их разделила: 1) религия; 2) политическая судьба; 3) азбука; 4) культура; 5) сознание народности. Сербы — православные; они с давних пор выросли в самостоятельное государство; их азбука — кириллица; основа их культуры — восточно-византийская. *Хорваты* — католики; с 1102 г. они жили как составная часть Венгерского королевства, а с 1528 г. — под скипетром Габсбургов, и лишь в самое недавнее время сложились в самостоятельный народ, образовав совместно со словенцами и сербами единое независимое государство — *Югославию*] их азбука — латиница, а культура воспитана на западных образцах. Сербы и хорваты живо чувствуют себя, каждый особым народом; но язык у них один и тот же (отличия самые ничтожные).

2. *Кашубы* — спорное племя: одни видят в них ответвление поляков, другие же считают их остатками балтийских славян, той славянской ветви, что давно уже под влиянием германизации исчезла как самостоятельная этнографическая единица. Их территория — небольшая полоса к западу от города Гданьска (Данцига).

3. *Лужичане* (иначе: *лужицкие* или *полабские сербы*) — остатки большого племени, жившего на реке Лабе (Эльбе) и совершенно онемеченного (оботриты, лютичи, или волоты-поморяне — их погибшие собратья). По языку лужичане ближе всего к чехам. Живут в

восточной Саксонии и к северу от нее, между Лабой и Одром (Одером): (Nieder-Lausitz).

Русская народность

/. Последовательные этапы ее выделения из Арийской расы.

Прежде чем окончательно сложиться и начать исторически жить, Русская народность прошла следующие этапы:

1. Русская народность, как таковая, еще не существует, она растворена в Славянстве, которое само еще не выработало собственной физиономии, а существует слитно и нераздельно вместе с другими народностями (литовскою, германскою, греческою, иранскою, кельтскою и т. д.), входя в состав одной общей *Арийской* семьи

2. Арийская семья стала распадаться, и одну из частей ее образовали (совместно и пока нераздельно) будущие племена: Славянское, Литовское и Германское.

3. Германцы откололись, а славяне и литовцы продолжали совместно жить, образуя одну общую семью, о которой пока еще нельзя было сказать, кто там славянин, а кто литовец.

4. Славянство освободилось от литовского элемента и образовало самостоятельную группу, в которой уже существуют будущие славянские племена (Русское, Польское, Сербское, Чешское и проч.), но без того, чтобы еще можно было выделить их одно из другого

5. Русская народность отделилась от остальных славянских народностей и образовала особую самостоятельную группу. Только с этой поры можно говорить о *Русском народе*, как таковом

6. Русская народность стала распадаться на отдельные мелкие группы (Поляне, Древляне, Кривичи и т. д.), с местными оттенками в быте, нравах и, между полянами, даже (в самом зародыше) с отличиями в устной речи (отличия между полянами и древлянами; между новгородцами и полянами). В таком виде застаёт Русскую народность история.

Наука еще не успела определить хронологически эти этапы. Первый этап заканчивается примерно за 4 тыс. лет до Р. Х.; пятый — начинается в первые века по Р. Х.

//. Русское племя и его разветвления. Смешанные расы.

Путем внутреннего развития и вследствие влияния уже во время татарского ига из прежних родовых единиц, составлявших единое Русское племя, образовались три большие группы: Малорусская, Велико-русская и Белорусская, причем, однако, все три продолжали быть простыми разветвлениями одного народа. Группы эти остались близкими по языку; татарское же иго, а потом соединение под московским скипетром особенно тесно связали их между собой. Все три

группы «продолжительно и постоянно имели одно вероисповедание и общую литературу, так что мы не можем не признавать все группы вместе взятые единым русским народом» (Нидерле).

Наименьшая разница между великорусами и белорусами: она совершенно незначительна; филологи считают белорусов или частью великорусов, или ветвью, им очень близкою.

«Зато разница между великорусами и малороссами гораздо глубже. Она наблюдается не только в языке, но и в физической природе и в психике народа: в характере, темпераменте, в песнях, также в одежде, в привычках и обычаях». Разницу эту увеличили еще судьбы исторические, отделив русский Север от Юга на целые столетия. В Галиции чувство розни доходит до того, что «часто отрицаются все связи тесного „русского“ родства: малороссы не хотят считать себя народом одного и того же происхождения и того же качества, как великоруссы»; единый народ разрывается на два отдельных — на собственно русских, москвичей, москалей, на «тех» и — на «нас» — малоруссов, украинцев. В старое время такого национального спора не существовало. «Наоборот, обе стороны считали себя наиболее близкими друг другу, даже одним целым, как видно, например, из побудительных причин, которые заставили Богдана Хмельницкого предложить свои услуги царю Алексею Михайловичу в 1653 году, когда он отрывал Украину от Польши» (Нидерле).

На свете не существует совершенно чистых рас, без примеси чужой крови — самое чистое в этом отношении племя, может быть, еврейское, всегда, и в древнем Египте, и в современной Европе, заботливо оберегавшее себя от близкого соприкосновения с чуждыми ему народностями. Каждая народность, вступая в соприкосновение с другой, обыкновенно заимствует ее этнические (прирожденные) особенности; самое же смешение племен происходит различно: путем военных вторжений и насилий, путем колонизации или мирных сношений в силу непосредственного соседства и существования общих житейских интересов.

Примеры:

Английскую нацию создали: кельты, латины и германцы (англосаксы, норманны, даны); *французскую*: кельты, латины, германцы (кимвры, бургунды, франки и др.), баски. В жилах современных *греков* и *румын* течет много славянской крови; у *северных итальянцев* — примесь немецкой и славянской крови. Население *Южной Италии* сложилось из смешения древних италов, латинян, фракийцев, греков, сарацин, арабов, норманнов, албанцев. *Чехи* впитали в себя туземные немецкие элементы; *сербы* — элементы греческие, фракийские, турецкие. Современные *болгары* представляют смешение пришлолого тюркского племени с туземными славянскими.

То же народность *русская*: в ней большая примесь финнов (на севере и в центре), немалая — тюрко-татар (на востоке и юге), литовцев (на западе).

III. Русский язык и его наречия.

В тесной зависимости от разветвления русского племени на отдельные побеги шло распадение и русского языка на отдельные группы. Судьба этих групп неразрывно связана с процессом образования трех великих русских народностей: Малорусской, Белорусской и Великорусской. Образовались же эти народности сравнительно поздно, во всяком случае на памяти истории: «нельзя говорить о белорусах, малорусах, великорусах в X или XI вв.» (Шахматов), а потому нельзя говорить в это время и о наречиях Белорусском, Малорусском или Великорусском. Для этого необходимо было, чтобы предварительно южные племена, соответствующие современным малорусским, начали жить отдельно от остальных русских племен жизнью, а это произошло не раньше конца XII века; чтобы северные племена, вместе с восточной отраслью племен среднерусских, образовали Московское государство, а западные племена среднерусской группы примкнули к Полоцкой земле, войдя через нее в состав Литовского государства. Только с этой поры может идти речь о наречии Великорусском, Белорусском и Малорусском.

Эти три наречия, три могучие ветви, выросшие из одного общерусского древа, сохранили и до настоящего времени те русские особенности, которыми они, все три, отличаются от остальных славянских языков. Во всех трех наречиях замечается:

1. *Полногласие*: борода — польск., чешек, brada; долото — чешек dlato; молодой — чешек, mlady.
2. *Замена начального первого Е звуком О*: озеро вместо старослав. і — езеро, польск. jezioro.
3. *Раннее исчезновение носовых гласных* (так наз. Юсов)' с заменой их звуками У, А, Ю, Я: ус, зуб, голубь — польск. wfs, zab, gol?b.
4. *Переход сочетаний ДЖ в Ж| ШТ в Ч* и др.: ст.-слав, господжа, чешек. — hospoza — госпожа; ст.-слав, свешта, польск. swisca — свеча, малор. свичка; ст.-слав, ношт, польск., чешек., пос — ночь, малор. нич
5. *Выпадение Д перед Л и И*: упал, малор упав — польск. upadi; молитва — польск. modlitwa, чешек, modlitba; сало — чешек, sadlo; вянуть, малор. вянути — польск. wlednafc.
6. *Вставка Л* после *губных Р и МЛ*. люблю — польск. lubia; скриплю - чешек, skripim.

«Во всех других славянских языках в указанных категориях мы находим те или другие отличия от общих русских (великорусских, малорусских и белорусских) звуковых особенностей. Очевидно, стало быть, что в ту эпоху, когда речь поляка, чеха, серба, болгарина, словинца и т. д. представляла в перечисленных отношениях большие или меньшие отличия от русской речи, речь великорусса, малоросса

и белоруса их не имела, т. е. представляла один русский язык. Все фонетические особенности, отличающие в настоящее время малороссийское наречие от прочих русских наречий, возникли уже после отделения общерусского языка от праславянского, стало быть, являются признаками языковой разновидности более нового происхождения» (Булич).¹

IV. Славянская азбука.

Славянскую азбуку, именно *глаголицу*, изобрел (855 или 862 г.) св. Кирилл, апостол славянский, по образцу греческого алфавита, снабдив ее особыми знаками для звуков, которых не доставало в греческой фонетике. Это были следующие знаки (буквы): Б, Ж, З (зело), ОУ (ук), Ц, Ч, Ш, Щ, Ы, Ъ, Ь, Ю и четыре Юса. По замысловатости и вычурности букв глаголица оказалась очень трудною для чтения; тогда же ученик Кирилла, св. Климент, изобрел более упрощенные формы — *кириллицу*, которая в начале X века вытеснила из употребления глаголицу. Последняя сохранилась лишь в богослужбном обиходе у католиков-хорватов (как отмечают Шафарик, Рачкий, Ягич). Алфавит глаголицы и кириллицы один и тот же; разница лишь в форме (начертании) букв.

Кириллица в России:

Кириллица *на письме* претерпела ряд изменений, от простых форм к более сложным. Последовательные этапы ее в России:

1. *Устав*, с XI ст. — буквы крупные, стоят отдельно одна от другой; без соединительных штрихов.

2. *Поздний Устав*, с XIV ст. — буквы вытянуты вверх, сужены с боков: дороговизна материала (бумаги) заставляла, по возможности, экономить место.

3. *Полуустав*, с конца XIV ст. — выросшая потребность в книге заставляла торопиться с ее изготовлением; письмо стало небрежней прежняя отчетливость в начертании букв исчезла; прямые линии заменились ломаными; буквы размером стали мельче; введены знаки препинания и надстрочные знаки; появились слова с выпущенными буквами; но самые буквы еще отделены одна от другой.

4. *Скоропись*, с XV ст. (даже еще с XIV) — письмо тонкое, крючковатое, неравномерное; обилие надстрочных знаков и сокращений в словах. Причины те же, только теперь они давали чувствовать себя еще сильнее.

¹ См. Приложения. № 2: «Как возникли наречия* Великорусское, Белорусское и Малорусское».

5. *Вязь* (связная скоропись), с XV ст. — буквы переплетены и вставлены одна в другую; характер монограмм. Вязь очень трудна для чтения.

РУССКИЙ дом. (ОСОБЕННОСТИ СТРАНЫ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ПРИРОДОЙ)

I. *Равнинность.*

1. Западная Европа. 2. Мировые империи. 3. Восток Европы. 4. Зло громадной территории. Разбросанность русских сил. 5. Зарубежная Русь. 6. Два легких.

1. *Западная Европа.* Восточная половина Европы, где образовалось Русское государство, представляет собою сплошную необозримую равнину, сплошной кусок материковой земли, в полное отличие от Западной Европы, где природа как бы нарочно искромсала ее на отдельные мелкие части. На Западе массивные полуострова, длинные или широкие, далеко выдались в море; заливы с бесчисленными бухтами и заливчиками глубоко врзались в материк; громадные острова-великаны то там, то тут поднялись из пучины морской; а высокие горы каменной щетиной загородили путь, встали непроходимой стеною, изолируя одну область от другой, образуя ряд отдельных миров. На Западе природа, можно сказать, заранее предопределила быть нескольким, даже многим государственным единицам, сравнительно небольших размеров, с точно определенными, ярко очерченными границами.

Корсика, Сардиния, Сицилия, Англия, Ирландия; полуострова Скандинавский, Ютландский, Пиренейский, Апенинский, Балканский; в центре Европы Чешско-Моравский квадрат, сложный переплет швейцарских гор и долин — все это отдельные географические миры. Испания, точно мало было, что Пиренеи отделили ее от всей остальной Европы, — внутри страны Сьерра-Морена, цепь Кангабрских гор и до сих пор служат этнографической гранью для Астурии, Кастилии и Андалузии; и понадобилось не одно столетие, чтобы слить этнографические части полуострова в единое политическое целое. Скандинавский горный кряж — настоящий *позвоночник* Скандинавского полуострова: он разделил его на две резко обозначенные половины и в каждой обеспечил рост и процветание тоже особой этнографической особи: на востоке — шведам, на западе — норвежцам. Сколько ни придумывал человек (временами даже с успехом) замысловатых комбинаций, чтобы слить эти две половины в единое политическое целое, однако природа — природа Земли и Человека — в конце концов, как и надлежало быть, взяла верх над этими хитросплетениями. Редкий пример человеческого благоразумия: не доводя дело до драки, люди

мирно размежевались и еще на нашей памяти (в 1907 г.) образовали два совершенно самостоятельных государства.

Апеннинский хребет, волнистой линией протянувшийся с северо-запада на юго-восток, тоже, хотя и не в такой степени, как Скандинавский, содействовал образованию этнографических особенностей на полуострове, немало тормозя, до самого последнего времени, политическое объединение страны, и хотя образование Итальянского королевства (1870 г.), а особенно последняя Мировая война, и превратили разнородное население полуострова в итальянскую нацию, однако центробежная сила — *регионализм* с его местным патриотизмом — окончательно не изжита и донныне.

Попытки вооруженною рукою раздвинуть свои естественные границы, выйти за их пределы обыкновенно обрекались на неудачу Альпы не позволили французским королям утвердиться на Апеннинском полуострове (итальянские походы Карла VIII и Людовика XII), Пиренеи защитили Испанию от завоевательных замыслов Людовика XIV, хотя он и утверждал, что «Пиренеев более нет». Англия только временно владела землями во Франции. Австрия, долгое время хозяйничавшая на Апеннинском полуострове, опираясь на силу своих штыков, тоже не удержалась там. Такова вообще участь *чужих* областей, присоединенных силою оружия: они, именно потому, что *чужие*, рано или поздно отпадают и воссоединяются с теми политическими организациями, от которых были насильно отторгнуты.

2. *Мировые империи.* Вот почему попытки создать *мировые* империи обыкновенно кончались полною неудачею. Завоевания египтян за пределами Нильской долины никогда не были прочными; то же следует сказать и о монархии Ассиро-Вавилонской; монархия Александра Македонского распалась вслед за его смертью. Миродержавие Древнего Рима зиждилось не столько на силе меча (особенно с той поры, когда он действительно стал миродержавным), сколько на романизации, т. е. поскольку римскому гению удалось денационализировать этнографические особи, насильно введенные в круговорот римской политической и культурной жизни. Сравнительно долго держались арабы в Испании, да и то далеко не на всем протяжении полуострова, и притом в обстановке вечной борьбы; а по ту сторону Пиренеев их владычество было преходящим и эфемерным. Всемирная империя Карла Великого и его преемников, равно как и так называемая Священная Римская империя немецкой нации — скорее идея, чем реальный факт. Империя Наполеона не пережила его самого.

3. *Восток Европы.* Покинем Западную Европу и взглянем на Восток. Какая разительная перемена! Перед нами точно тысячеверстный ковер, растянувшийся от Белого моря до Черного, от Карпат до Уральских гор. Ничтожные возвышенности и слабо очерченные горные цепи, что встречаются на этой сплошной равнине, не в силах уничтожить впечатления громадной скатерти, разостланной на ровном месте. Если там,

на Западе, для каждой народности — тесно очерченный круг, то здесь — какое раздолье, что за простор! Историческая жизнь Русского народа началась на Греческом Водном пути. Первоначальное жилье его было без дверей, даже без стен — просто какая-то открытая галерея и к тебе всякий может зайти, и сам ты, коль хочешь, так отправляйся на все четыре стороны. Чтобы превратить такую галерею в дом с прочными стенами и засовами, надлежало раздвинуть ее до природных границ. Границы эти лежали большею частью далеко, и чтобы добраться до них, понадобились усилия не одного поколения.

Таким образом, поскольку на Западе всякая попытка выйти за пределы круга, резко очерченного природой, имела успех только временный, постольку здесь сама природа раздвигала эти пределы до бесконечности. Уже при Рюрике на крайних пунктах возникающей государственной территории лежат Ладога, Ростов, Киев, а ко временам Ярослава Мудрого ее границы доходят до Оки, Тмутаракани, до Западной Галиции.

4. *Зло громадной территории. Разбросанность русских сил.* Однако созидание государства с первых же дней на громадном пространстве таило в себе зародыш больших опасностей: народу молодому, еще не окрепшему, опасно разбрасывать свои силы. Если большой дом вообще труднее устраивать, чем маленький, то держать его в порядке, хотя бы уже устроенный, тоже нелегко: надо и средств иметь к тому достаточно, и людей вдоволь; для большого хозяйства требуется также и навык, жизненный опыт. В течение долгого времени русскому народу не хватало ни того, ни другого, ни третьего. Природными средствами страна не изобиловала, по крайней мере, для использования их требовалась высокая техника; население было редкое; опыт, разумеется, не сразу дался. К тому же силы, необходимые для постройки государственного здания, расходовались, что неизбежно, в ущерб домостроительству духовному.

Это зло, ошутительное с первых же дней, давало себя чувствовать на протяжении всей нашей истории вплоть до последней поры. Стоит вспомнить, какие трудности создала в Крымскую войну 1854 — 1856 гг. отдаленность Севастополя от центральных областей, в ту пору еще не связанного с ними железнодорожным путем; его положение на окраине государства, в смысле доставки туда людей, провианта, амуниции. Однородные затруднения пришлось преодолевать и в последнюю нашу войну с Японией 1904 — 1905 гг. Недаром в старое время наши цари прибегали к системе поместных войск: создавали военную оборону, сажая людей на пашню и вручая им одновременно ружье, каждая данная местность должна была заранее быть готова к самозащите: наступит опасность — поздно будет просить о помощи: вовремя она все равно не успеет.

В этом отношении для Запада условия сложились гораздо благоприятнее: там государственная территория росла медленнее, да и

размеры ее никогда не были такими большими; люди жили там **гораздо** теснее, находились в более частом между собою общении; **там** сообща легче было не только устраивать свой дом, но и собирать, передвигать свою силу для его защиты; там люди приучались *концентрировать, сплачивать* свои силы — на Востоке русские народные **силы** поневоле *разбрасывались*] они *таяли* на необъятном пространстве безбрежной равнины, вследствие чего и их удельный вес, духовный и материальный, был не столь значителен, как на Западе

Тормозя взаимное общение, обширность территории содействовала **обилию** глухих, захолустных углов, замедляла проникновение в эти углы культуры. Самый круговорот жизни, духовный рост народный совершался у нас значительно медленнее: ведь большому колесу **необходимо** больше времени обернуться, чем малому. На что Западу требовался десяток лет, здесь иной раз — целые сотни. Этот **замедленный** темп жизни наложил свой неизгладимый отпечаток на русского человека, определил его характер: спокойный, сдержанный и ровный, **без** порывов. На Западе человек раньше почувствовал свои силы и возможность направить их по усмотрению — средства русского народа, **можно** сказать, потонули в безбрежном море четырех сотен тысяч квадратных миль пространства; неустанная работа почти не продвигала **вперед**, да и трудно было думать о новом шаге, когда и первый-то оказывался сомнительным. Вот почему характерная черта Западной Европы — *ее энергия наступления*] России — *энергия отставания*. На Западе, в более тесном районе, человек **гораздо** быстрее стал **хозяином** положения и уверенно направил свой ум на поприще **дальнейших** завоеваний; мысль же русского человека работала преимущественно в направлении оборонительном — устранения отрицательных, вредных сил. Поэтому дух Западной Европы более либерален, характерная черта русской народности — ее *консерватизм*.

5. *Зарубежная Русь*. Из вышесказанного можно видеть, в какой сильной степени нормальный рост и преуспеяние каждого государства обусловлено совпадением его этнографических (национальных) границ с границами политическими. В этом отношении политическая грань, **недавно**, по Рижскому договору, проведенная большевиками между Россией и возрожденною Польшею, снова создает то, что на старом **Московском** языке называлось Зарубежною Русью. А это значит, что, **рано** или поздно, суждено появиться новой Ектерине II, чтобы **проделать** прежнюю работу — снова *воссоединять* отторгнутые русские **земли** и смывать оскорбление, нанесенное национальной чести и достоинству народному.

6. *Два легких*. Как ни тяжело это оскорбление, однако потеря отошедших к Польше областей все же не такой удар, каким может оказаться потеря берегов Балтийского или Черного морей: эти два **Моря** — два легких, которыми дышит Россия. А может ли существовать **Человек** без свободного дыхания? Нам грозят образованием «Укра-

инского» государства. Допустить такой исход — значит потерять одно «легкое». Хотят повернуть историю вспять, но это значит вызвать русский народ на новый бой, вынудить его снова силою пробивать себе путь к Югу, снова утверждаться на нем. Само собою разумеется, что, если понадобится, он не остановится перед той задачей, так как вопрос будет идти для него в полном смысле о жизни и смерти. Поступиться Черным или Балтийским морем или окончательно примириться с нынешней русско-польской границей значило бы не только отбросить себя назад в XVII, XVI век, не только свести на нет работу предшествующих поколений, но и признать ее внутреннюю неправду, в корне ошибочно... Это значило бы, наконец, по-иному начать строить историю всего нашего прошлого, произвести новую переоценку, свести с пьедестала многих и многих из тех, чью память мы не только чтим, но и благоговейно храним в своем сердце!

// *Континентальный характер страны. Роль моря.*

Самый беглый взгляд на географическую карту Российской империи убеждает нас в полном преобладании ее сухопутных границ над морскими. Правда, Северный Ледовитый океан омывает государственную границу на целые тысячи верст, но что за берега там! Их трудно и в расчет принимать: пустынные, малодоступные, почти лишенные жизни. В иные места там и по сей день не ступала нога человека. Даже ныне, в XX ст., при всех завоеваниях техники, тамошний берег, в смысле выхода к морю или подхода к нему с моря, остается почти мертвым капиталом. Исключением является разве одно Белое море, да и оно замерзает на семь, на восемь месяцев в году. Море Каспийское — море лишь по названию; оно замкнуто и, следовательно, лишено самого существенного, что есть в каждом море — свободного выхода.

Вся жизнь русского человека прошла на континенте, и не будет особым преувеличением сказать, что на весь громадный дом приходится всего четыре окошка: Балтийское море, Черное с Азовским, уголок на Тихом океане и Белое море, не то что широкие ворота в Италии, Франции, Испании или в Англии — в последней государственная граница вся сплошь из таких открытых ворот.

А если вспомнить, что Белое море пригодилось нам лишь с половины XVI ст.; что свободный путь к Черному (и Азовскому) морю степные кочевники загородили с первых же дней нашего исторического существования; что к нему, равно как и к морю Балтийскому, мы пробились всего лишь два века назад; что окошко на Тихом океане получило практическое значение еще позже, почти на нашей памяти, а маленькая форточка — Екатерининская гавань на Кольском полуострове, у полосы незамерзающего океана — пробита нами всего только вчера, в самый разгар Мировой войны, — если принять все эти обстоятельства во внимание, то континентальный характер русской истории станет, думается, более чем очевиден.

Однако для большей наглядности и убедительности, вот несколько цифровых данных: размеры всей Европы определяются приблизительно в 10 млн. км² (9 900 000); из них больше половины (5 400 000) приходится на долю России; последняя, на восточной своей границе, сплошным материком, на протяжении свыше 4 000 верст, уходит в материк Азии. При этой насыщенности *материковой* землей наблюдается непропорциональное, в ущерб России, распределение морской береговой линии. Для всей Европы она исчисляется в 86 000 верст, на Атлантический океан приходится ровно две трети ($\frac{2}{3}$), на Средиземное море — одна шестая ($\frac{1}{6}$), а остальное, т. е. та же одна шестая ($\frac{1}{6}$) — на Северный Ледовитый океан и Азовско-Черноморский бассейн, где, собственно, только и соприкасается Европейская Россия с морем.

Почему море так необходимо для государства? Потому что, если оно *разъединяет земли*, то, в свою очередь, оно также и *сближает, соединяет людей*; и народ, лишенный доступа к морю, можно сказать, отрезан от общения международного, связан в своих действиях, зависит во многом от своих соседей. Не говорю о великих державах — без широкого доступа к морю они не стали бы и великими — но недаром в наши дни Литва и Польша так упорно цепляются за свои «коридоры» — за свой берег, как бы ни был ничтожен он по своему протяжению, недаром Чехословакия, хотя и лежит далеко от моря, выговорила себе право обзавестись в немецком Гамбурге пристанью для *своих* кораблей, хотя бы корабли эти были только торговыми, недаром и Югославия так нуждается в Солуни. Солунь обеспечит ей свободный выход в сторону Архипелага.

И чем меньше было у нас окошек, тем настоятельнее чувствовалась в них надобность, тем настойчивее, не щадя усилий, пробивались мы к ним. Путь к Черному морю мы пробивали, начиная со времен Олега и Игоря, вплоть до Екатерины II; а что такое походы новгородцев на чудские племена воль или весь, битва Александра Невского с Биргером шведским на берегах Невы; войны Ивана III и Ивана Грозного со шведами, как не подготовительные этапы на том пути, в конце которого стоит победоносный Петр Великий*?

///. Реки — факторы политического объединения.

Сплотить население Восточно-Европейской равнины в единое государство, *воспитать* его в духе политического единения — этому немало способствовали многоводные, многоверстные реки. Ни одна страна в мире не обладает такой своеобразной системой рек, как Европейская Россия. Здесь Валдайская возвышенность четырьмя покатостями спускается на все четыре стороны света: на север и юг, на восток и запад, и каждая покатость дает начало водной линии. Линии эти, одни короче,

¹ Приведенные цифры округлены.

другие длиннее; эти спрямленнее, а те более излучисты; одни, вливаясь в озера и проходя через них, другие, протекая сплошным потоком, без перерыва, — все ведут к своей конечной цели: к *природным границам* Восточно-Европейской равнины — к *морям* Волга течет в Каспийское море, Днепр несет свои воды в море Черное, Западная Двина — в море Балтийское (Рижский залив), Ловать через озеро Ильмень, реку Волхов, озеро Ладожское, Неву доносит свои воды тоже до Балтийских вод (Финский залив). Сверх того, посредством реки Свири, озера Онежского и целой сложной системы мелких озер и речек Ловать связана еще и с Белым морем.

Таким образом, четыре отдаленных моря, эти *природные* границы Европейской России, соединены одно с другим почти сплошным внутренним водным путем — его прерывают лишь кое-где незначительные волокни. Далекie окраины сближены с центром. Мало того бассейны названных рек обильны притоками, и притоки эти широко расходятся в стороны от главной артерии, вследствие чего одна речная система почти переплетается с другою, так что Русская равнина вся покрыта почти сплошной водной сетью. Даже такие самостоятельные водные артерии, как Днестр, Дон, Северная Двина не стоят совершенно изолированно и связаны с центральной системой. Достаточно вспомнить, что тысячу лет назад не знали ни железных, ни даже простых грунтовых дорог; что сухопутьем (по крайней мере на севере) всюду приходилось пробираться сквозь дремучие леса, топи и болота, чтобы понять великую культурную роль таких рек, истинных *путей сообщения и сближения*. Реки эти были подлинным *даром* природы тогдашнему русскому человеку, и человек широко им воспользовался.

Русские реки служили путем-дорогою не только летом или в весеннее половодье, но и зимою. «Зимою, — говорит Забелин, — в темном лесу, без всяких изготовительных дорог легко и свободно можно было пробираться по ледяному речному руслу, по которому путь проходил, хотя и большими извивами и перевертами, но всегда неотменно приводил к надобной цели». Такой способ передвижения в некоторых местах Сибири не изжит и по настоящее время.

По рекам расселялись русские племена, по ним велась торговля (Греческий Водный путь), возникали города, упрочивалась власть княжеская. Таким образом, речные пути, как и равнинность страны, значительно содействовали объединению племен и образованию единого государства. Чем служило море на Западе для *внешних* сношений, тем была в России река для сношений *внутренних*, с той лишь разницею, что там по морям сообщались народности этнографически *чуждые* одна другой, здесь же, по рекам — ветви *одного и того же* племени.

IV. Лес и степь

Тысячу лет назад Русская равнина, примерно по линии Киев — Нижний Новгород, от устья Десны, притока Днепра, до устья Оки,

притока Волги, делилась на две полосы с резкими отличиями одна от ДРУГ^{ой}: на северную — *лесную* и на южную — *степную*. Жизнь в лесу и в степи наложила резкую печать и на самого человека: на его образ жизни, занятия, на характер, духовный склад его. В лесных и болотистых дебрях одним земледелием просуществовать было трудно — развились промыслы: охота на пушного зверя, пчеловодство (мед и воск), лесной промысел. Наоборот, степь с ее тучным черноземом, казалось, самой природою была создана для земледельца

Лес. Лес, особенно если противопоставить его открытому, отовсюду доступному полю, лишен степного раздолья; зато жизнь там безопаснее и работа домостроительства устойчивее и вернее. Лес, по самой природе своей, не допускал деятельности слишком отважной или вспыльчивой. Он требовал ежеминутного размышления, внимательного соображения. Прежде чем сделать решительный шаг, надо было взвесить все обстоятельства, предусмотреть возможные помехи. В лесу, больше чем где-либо, требовалась большая осмотрительность. Корчеванье ли леса под пашню, проведение ли просеки под дорогу, выбор ли места под жилье, снарядиться ли, идя на охотничий промысел, — всюду начальное действие, первый шаг логически, неизбежно влечет за собою последующие шаги — как же не взвесить и не обдумать хорошенько, к каким последствиям приведет этот начальный шаг? Недаром именно здесь, в лесной полосе, сложилась русская поговорка: «Семь, десять раз отмерь, а один раз отрежь».

Жизнь в лесу (говорит Забелин) воспитала осторожного промышленного, политического деятеля: выжечь ли лес, выкорчевать ли пни, вспахать ли поле — все легче с помощью другого, чем одному. Оттого-то на Севере так дорожили общественной жизнью и крепко держались ее. Эта хозяйственность и общественность и была воспитательною школой, в которой сложился, мало-помалу, тот инстинкт государственности, благодаря которому русский народ вынес на своих плечах жестокие удары, что посылала ему судьба, и из малой ячейки создал мировую державу.

Степь. Зато на раздолье степей русский человек вынужден был постоянно держать себя начеку, в ожидании врага, постоянно быть готовым защищать свой дом, свое поле. Прочная оседлая жизнь постоянно тормозилась невозможностью огородить свой дом и ниву от чужака, прочертить сколько-нибудь точную и безопасную границу от соседей-степняков. По образному выражению того же Забелина, эта граница постоянно *перекатывалась* с места на место, подобно той степной растительности, которую на юге России так и называют *перекати-полем*

Сегодня пришел кочевник и подогнал свои стада или раскинул свои юрты под самый край пахотной нивы; завтра люди, собравшись с силами, прогнали его, или дарами и обещанием давать подать удовлетворили его жадность. Но кто мог поручиться, что послезавтра он не придет и снова не раскинет своих юрт у самой хаты земледельца?'

Поле — то же, что море: там везде дорога, и невозможно в нем проложить границ, особенно таких, которые защищали бы, так сказать, сами себя. Жизнь в чистом поле, подвергаясь постоянной опасности, очень походила на азартную игру.

И если на Севере держались правила: десять раз отмерь, прежде чем отрежешь, то в степной полосе поговорка сложилась иная: «Либо пан, либо пропал». Во всяком случае, наше русское «авось» сложилось не на Севере, а на Юге. Здесь вся обстановка жизни еще долгое время вызывала лишь на удаль, на *казакovanje*, на риск, бросала человека во все роды опасностей, развивала в нем беззаветную отвагу. Но в силу этого же самого она делала из него игральные всяких случайностей. Здесь, в степи, судьба зло посмеялась над человеком именно тут тучный чернозем обильнее, чем где-либо мог бы вознаграждать труд человека, между тем он лежал почти нетронутым! Настоящее земледелие привилось на болотистом, лесном Севере, на суглиняковой, часто песчаной почве; здесь же плуг земледельца спокойно почувствовал себя не раньше второй половины XVIII столетия

СОСЕДИ РУССКОГО ПЛЕМЕНИ (в середине IX века)

/.. Финны.

Места их поселений: Верхняя Волга, Нижняя Ока и вся полоса к северу, вплоть до Ледовитого океана. Город Москва расположен на территории древних финнов (окончание -ВА в слове МОСК-ВА означает, по-фински, *реку, воду*). Особенности страны и населения хмурая природа (преобладание леса, болот и озер); хмурый, апатичный, ленивый характер населения; низкий уровень культуры. Средствами существования служили звероловство и рыболовство. Религия грубое идолопоклонство (поклонение темным силам; демоны, колдуны). Главное божество: Юмала.

Финны жили разрозненными племенами, что, при бедности культуры, делало их политически бессильными. Действительно, в борьбе с русским племенем, более деятельным и подвижным, финны не устояли: часть их обрусела, усвоила русский язык, обычаи и культуру (весь, меря, мордва); другим (черемисы, зыряне, чуваша), хотя и удалось отстоять свой духовный облик, но выше этнографической особи они не поднялись. Покорение финнов шло частью мирным путем (колонизация, сожительство), частью путем насилия (походы на северную чудь, подвиги ушкуйников; упорное сопротивление мордвы и черемис).

2. Волжские, или Серебряные, болгары.

Места их поселений: Средняя Волга, Нижняя Кама. Сильный народ с довольно развитой культурой. Волжские болгары жили городами. Основу народного благосостояния составляли земледелие,

Курс русской истории. Введение

скотоводство и особенно торговля. Оживленным торговым сношениям много содействовало выгодное географическое положение страны через землю болгар лежал транзитный путь из мусульманского Востока (арабы) и с Нижней Волги (хазары) к Балтийскому морю на Запад, в ту пору далеко еще не всецело христианский (христианство проникло в Скандинавию лишь в XI в. с проповедью Ансгария). Главный торговый пункт, город Булгар, лежал на Волге, несколько ниже впадения Камы. Это был узел, в котором сходились торговые нити Багдада, Ховарезма (Хивы), Биармии и Новгорода. Болгары обменивали сырье финских лесов (меха) на предметы промышленного производства мусульманского Востока (материи, утварь, предметы роскоши и др.). Эти торговые связи сыграли видную роль в начальную пору русской истории: они привели варягов в Русскую землю, а самих русских познакомили с побережьем Каспийского моря. Во времена Игоря (к 922 году) болгары, до тех пор язычники, приняли магометанство.

Подчинить себе болгар было не под силу русскому племени* хотя отдельными островами русские поселения и внедрялись в Болгарскую землю, а позже, с возникновением государственного быта, стали возможны и настоящие вторжения (походы Святослава и Владимира Великого), но они были явлением временным и прочного проникновения в землю болгар русскому человеку не обеспечили: мирный же, торговый характер самих болгар служил русской территории лучшей охраной от их собственных вторжений.

3. Хазары.

Места их поселений Северный Кавказ, низовья Волги и Дона (Астраханская губ., Донская область), Крымский полуостров, губернии Екатеринославская, Полтавская, Харьковская. После ухода авар (середина VII в.) хазары заняли места между Донцом, Кубанью и Нижней Волгой и были первым народом тюрко-татарского племени, который, выйдя из азиатских степей, остановился на полдороге и далее в Европу уже не пошел. Здесь они образовали независимое и сильное государство, просуществовавшее триста лет, пока оно не распалось под ударами Святослава и под напором печенегов, занявших их места.

Государственное устройство представляло большие особенности, напоминающие порядки, существовавшие в средневековой империи франков (король и мажордом) или в Японии до 1868 года (микадо и сегун). Было две власти: *каган* (*кахан*), окруженный большим почетом, считавшийся государем и, как таковой, обладавший всеми *внешними* его прерогативами, и *бек* — настоящий властелин и распорядитель, обладавший *реальной* властью уже по одному тому, что в ^{его} Руках находились все нити управления и непосредственно ему было подчинено войско. Арабские писатели хвалят благоустройство

и порядок в стране, справедливое отношение хазарских правителей к населению, их веротерпимость; в IX ст. хазары приняли иудейскую веру, но еще раньше у них проповедовал славянский апостол Кирилл, а позже христиане свободно и безбоязненно исповедовали в стране свою веру. Хазары служили торговыми посредниками между Европой и Азией и оказали свое культурное и политическое влияние на русские племена: а) путем торговых сношений, связав рынки Днепровья с рынками Востока; б) подчинением и наложением дани (ее платили им вятичи, северяне, радимичи).

Борьба между русскими и хазарами тянулась целое столетие (850-е года — **965**): от Аскольда (взятие Киева) до Святослава (взятие и разгром Белой Вежи (Саркела), **965** г.). И здесь, как в Поволжской Болгарии, наступательное движение стало для русского племени возможным лишь с возникновением государственного строя. Непрочность Хазарского царства обусловили: а) географическое положение — на проезжей дороге из Азии в Европу и б) разноплеменность населения с его неизбежным последствием — отсутствием внутренней связи. В состав Хазарского царства входило до **25** племен разных национальностей, разной веры и разных обычаев, причем каждая народность, по крайней мере, главнейшие из них, судилась по своим обычаям и законам. В столице Хазарского царства, в Итиле, на берегах Волги, близ ее устьев, было семь судов для разбора дел хазар-евреев (два), магометан (два), христиан (два) и язычников (один: для славян, Руси и др.) (Масуди).

4. Литовцы.

Места их поселения: бассейн рек Немана и Западной Двины, побережье Балтийского моря между устьев рек Западной Двины и Вислы. Общеарийское родство сближало их со славянами, поэтому религиозные верования литовцев, в основе, были одинаковы с ними. Предметы поклонения: бог Перкун (Перун); души умерших, огонь, лес (священные дубы и роши), даже змеи. Образы литовского Олимпа так же расплывчаты и малоопределенны, как и в славянской мифологии, но сами верования вкоренились прочнее, обладали большей устойчивостью и носили сумрачный характер. Религию охранял и поддерживал сплоченный и влиятельный жреческий класс (вайделоты), вследствие чего победа христианства над литовским язычеством досталась впоследствии гораздо труднее, чем победа над язычеством русским.

Подобно финнам, литовцы жили племенным бытом, светская власть пока еще не выходила за рамки тесноплеменных отношений. Зато (и в этом отличие от финнов) духовенство, в силу большого авторитета, могло проявлять свою власть и влияние далеко за пределами отдельных племен, что позволило литовцам, когда для них настала пора отстаивать свою независимость от вторжений с запада

(поляки, Немецкий орден) и с востока (поход Владимира Великого на ятвягов), проявить много энергии и упорства в самозащите и сопротивлении врагу.

Средством существования литовцам служили звероловство и рыболовство. Скотоводство и земледелие находились в зачатке.

5. Поляки.

Места их поселений: северные склоны Карпат, течение рек Одра, Вислы и низовьев Западного Буга. Граница между Польской и Русской землей проходила в нынешней Галиции (Белые Хорваты). Государственный быт Польши начал слагаться на 100 лет позже по сравнению с русскими. Князь Мешко (Мечислав) I — первый польский король (962). Под влиянием своей жены Домбровки он отрекся от язычества и вместе со своим народом принял христианство (966), незадолго до крещения Руси (990). Церковная зависимость Польши от Рима, а России от Византии существенно повлияла на последующие их отношения: два соседних и родственных по крови народа были вовлечены в две разные орбиты духовной жизни; родство племенное постоянно глушилось антагонизмом религиозным, что еще резче обостряло споры политические (начало им было положено борьбой за Червенские города).

6. Болгары.

Ко времени выступления русского народа на историческую сцену (середина IX в.) элементы туземный (славяне) и пришлый, сравнительно малочисленный (болгары-тюрки), уже успели слиться, образовав однородное этнографическое целое. Подобно норманнам в Нормандии, болгары образовали господствующий класс, дали свое имя стране, ими завоеванной, но потом постепенно растаяли в славянской массе, особенно когда пределы болгарских владений раздвинулись (при царе Симеоне), за счет тех же славян, к югу до стен Константинополя и Солуни, а к западу до берегов Адриатического моря. С принятием же христианства (865) и с учреждением патриархата, т е независимой церковной иерархии (917), исчезли и последние следы их. Болгарский *ханат* превратился в болгарское *царство*. Первые страницы русской истории совпали с наиболее блестящим (христианским) периодом так называемого первого Болгарского царства (660 — 1018): князь Борис (852-889), его сын Симеон (893-927), внук Петр (927-969) и правнук Борис II (969-972).

Уличи и тиверцы, по своему географическому положению, могли в первое время служить соединительным звеном между русскими и болгарями. Из Болгарии пришла в Киевскую землю первая письменность, частью и духовенство. Культурный расцвет Болгарии при Симеоне («золотой век» ее литературы) не остался без влияния на Просвещение Древней Руси: болгары оказались в положении посред-

ников, через них проникала на Русь византийская образованность (Священное Писание, хроника Амартола, Изборник Святослава, Златоструй, Богословие Иоанна Дамаскина, Шестоднев Иоанна Экзарха, сочинение черноризца Храбра «О письменах»).

Культурные особенности вышеназванных народностей, равно как и тех, что позже сменили их на территории (шведы, немцы на западе, азиатские кочевники на юге и востоке), в немалой степени обусловили отличия в поступательном продвижении русского народа к своим естественным, предназначенным самой природой границам' где продвижение это совершалось легче, быстрее и успешнее, а где оно тормозилось и даже задерживалось на многие века.

Путь к *северной* и *северо-восточной* границе оказался наиболее легким. Финские племена серьезного отпора не оказали, народный русский поток безболезненно докатился до Ледовитого океана и Прикамского Урала, можно сказать, стихийно, «сам собою», без труда подчинил себе туземное население и частью смешался с ним. В народном сознании завоевание, если только сюда применимо такое определение, не оставило по себе яркой памяти и не выдвинуло ни одного народного героя.

Много труднее было пробиваться в сторону *Запада*. У Балтийского моря, в восточной его половине, сменившие финнов шведы и немцы воздвигли преграду, сломить которую удалось лишь при Петре Великом, в начале XVIII в., не раньше. Литва, выйдя в XIII ст. из своих лесов и болот, сама двинулась на русские земли. В силу своих завоеваний она быстро обрусела и уже была накануне того, чтобы окончательно раствориться в русском море, но до этого ее не допустила Польша, втянув литовцев в орбиту своей политической и религиозной жизни, благодаря чему и поляки могли продвинуться на Восток, захватив часть территории с русским населением. Состязание с Польшей проходит через всю нашу историю, и всегда с переменным счастьем:

«Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона».

Будучи культурно и политически силами равнозначными, ни поляки, ни русские не могли в своем соперничестве достигнуть решающего перевеса, и «старый спор славян между собою», на радость иноземцу, не завершен еще и до наших дней.

Одною из характерных особенностей этого состязания является то, что граница этнографическая вышла за грань политическую. Карпаты навсегда сохранили для поляков значение государственной грани, но сам Карпатский хребет, северные его склоны, хорошо знакомый с русской народностью, еще с незапамятных времен (Белые Хорваты), оказался плохой этнографической гранью: русского потока он не

задержал, и донныне на его южных склонах, в так называемой Подкарпатской Руси (составная часть Чехословацкой республики), живут наши родные братья-единоплеменники.

На *Юго-Западе* непосредственная связь с Придунайскими болгарами, и без того довольно слабая, с самого же начала русской истории была прервана теми самыми враждебными элементами — кочевой Азией, которая загородила русской народности дорогу на юг и на восток. На *Востоке* Приволжских болгар впоследствии сменили татары и задержали нас там до конца XVI ст. в Заволжье, до Среднего Урала, мы добрались только при последнем Рюриковиче. На *Юге* обстановка сложилась для русской экспансии (продвижения) особенно неблагоприятно. Хазар последовательно сменяли печенеги, половцы и татары; и барьер, ими воздвигнутый, задержал нас на целых семь столетий: только в конце XVIII в., в царствование Екатерины II, нам удалось сломить его и получить свободный выход к Черному и Азовскому морям.

РОССИЯ И АНТИЧНЫЙ МИР

В стороне от античного мира Славяне пришли в Европу одни из последних; только некоторым (южным славянам) удалось разместиться по соседству или даже непосредственно в областях, испытавших на себе влияние классической культуры (Далмация, Фракия, Мизия, Дакия). Русское же племя очутилось совсем на крайнем востоке, куда эта культура почти никогда не проникала. Следы греков на северном берегу Черного моря успели, ко времени появления русских славян на Восточно-Европейской равнине, совершенно исчезнуть; самая ближайшая из культурных стран, Византия, была отделена степями и морем. Поэтому большого и непосредственного, постоянного влияния на ход и развитие русской жизни цивилизация древнего мира иметь не могла.

Иначе сложилась обстановка на Западе. Там германцы расселились на самой территории Западной Римской империи, среди самих римлян или по крайней мере среди населения, уже романизованного; романизовались они и сами, восприняли культуру Древнего Рима и из прежних *германских* превратились в народы *романские*, по духовному своему облику став ближе к римлянам Цезаря или Деоклетiana, чем к своим предкам, германцам времен Тацита. Более неприкосновенным германский тип сохранился там, где новые государства сложились на территории, не испытавшей влияния Рима, или где его влияние было совершенно слабое (Англия, северная Германия, Скандинавия, Ютландия); однако и здесь христианство, принятое из Рима, ввело эти государства в круг той же римской цивилизации, что и романские народы.

Последствия такой разницы в обстановке и географическом положении России и Западной Европы были громадны: культурное со-

держание западноевропейских государств оказалось значительно богаче и разнообразнее. На Западе новые государства с первых же дней своего существования получили в свое распоряжение богатый запас знаний, накопленный предыдущими поколениями; Россия, наоборот, села на сравнительно «пустое место», вследствие чего и культурное развитие ее шло медленнее и по содержанию оказалось много беднее

РОССИЯ И ВИЗАНТИЯ

1. Отсутствие непосредственного соприкосновения с античным миром до известной степени возмещалось близостью Византии: через нее духовное наследие древности становилось, хотя далеко не в полной мере, достоянием также и Русского народа. Дело в том, что, при всем отличии эллинской цивилизации от римской, и ввиду этого, при всем отличии в наследии, оставленном ими после себя, это отличие не в силах было стереть ту *общую окраску и печать*, какую римский гений наложил повсюду, где только вздымались его победоносные орлы. Работа Юстинианова сотрудника, Трибониана, оставила свой неизгладимый след на правовых понятиях одинаково и Запада, и Востока, и, например, позднейшее представление о властном монархе, самодержавном во имя блага обществу, выросло в русском сознании (как и в сознании германо-романских народов) из понятий, первоисточник которых следует искать не в укладе автономных городских общин древней Эллады или азиатских деспотий, а в складках державной тоги римских императоров. Точно так же и идея единой всемирной монархии, выросшая на классической почве, импонировала не только западноевропейскому средневековью («Священная Римская Империя немецкой нации»), но к средневековой Византии («Константинополь — Новый Рим»), а отсюда воспринята была сознанием и русских людей в форме знаменитой теории — «Москва Третий Рим».

2. Но географическая «близость» Византии сказалась в жизни русского народа еще другой, притом значительно более важной стороной. Русский народ вступил на историческое поприще в эпоху, когда новые народы, пришедшие на смену классическому миру, один за другим отрекались от своих языческих представлений и меняли их на христианство. Русский народ принял новую веру, а вместе с ней и европейскую культуру из рук не Рима, а Византии, что в ближайшее же время определило его как народ православный, не католический, и поставило, в духе его византийских учителей, во враждебное отношение к римской Церкви и всему тому, что выросло и тесно было связано с ней. Под знаком этого отрицательного отношения к «латинской» культуре слагались собственные идеалы русского народа, его собственная культура и определилось то мирозерцание, которое в наше время зачастую находит свое выражение в противопоставлении «России» «Западу».

РАЗДВОЕННОСТЬ РУССКОЙ ЖИЗНИ

1. Непосредственное соседство с Азией. 2. Два потока. 3. Европейский фронт. 4. Азиатский фронт: а) отсутствие природных границ; б) Азия — «кузница народов»; в) натиск с Востока; г) «Русский империализм»; д) сравнение с Западом; е) роль славянства; ж) будущее.

1. *Непосредственное соседство с Азией.* Удаленность от областей бывшего античного мира — явление уже само по себе отрицательное — стало особенно чувствительным вследствие еще другой неблагоприятной особенности: непосредственной близости к Азии, к миру полудиких кочевников, какими они были тысячу лет назад и какими оставались почти все последующее время. Вследствие этого Русский народ, европейский и по существу, и по своему географическому положению, очутился в положении человека, у которого две жизни, два разных существования, противоречивых, взаимно исключающих одно другое. В результате получилось раздвоение русской жизни на всем пространстве ее тысячелетней истории, вынужденное сиденье между двух стульев, двойная затрата сил в работе на два фронта, на Восток и на Запад.

2. *Два потока.* Тысячелетняя история России напоминает нам не цельный поток, стройно текущий в намеченном направлении, но два течения, пробившие, хотя и в общих берегах, два самостоятельных потока. Каждый из них упрямо, настойчиво пытается поглотить другой, залить исключительно *своею* водою все пространство от одного берега до другого. Другими словами, кроме истории собственно *европейской*, которую она создавала, развивала, культивировала, у России была еще другая — история *азиатская*, вынужденная, навязанная, неотвязчивая. Обе следовали параллельно одна другой, обе самостоятельные, враждебные, никогда не примиримые. И это потому, что Европа являлась символом *общечеловеческой* культуры, символом развития, движения; Азия же — символом застоя и варварства.

3. *Европейский фронт.* Единство расы (происхождение от общего арийского корня), почти одновременное выступление на историческом поприще и, особенно, единство христианской веры, обеспечившее усвоение одинаковых принципов нравственности и общественности — эти три фактора неуклонно и повелительно втягивали русский народ с *самой* ранней поры его существования в орбиту общеевропейской жизни, направляли его жизнь по тому же руслу, по какому протекала Жизнь и западноевропейских народов, определили основное сходство и в *самом* содержании этой жизни, в укладе семейном, общественном, государственном (несмотря на все частные отклонения и отличия). Станем ли мы следить за эволюцией государственных форм (удельно-феоды, объединенные монархии XV—XVI вв., абсолютизм XVII в.;

просвещенный абсолютизм XVIII в.; демократизм и национальная идея XIX в.) или за эволюцией духовных достижений (литература, искусство, наука, философская мысль) — всюду найдем мы не только аналогии, но и общие, заложенные христианством основы, которые, сближая Россию с Западной Европой, в то же время резко отмежевывают их, ту и другую, от культуры мусульманской, буддийской, всякой иной.

4. *Азиатский фронт.*

а) *Отсутствие природных границ* Но рядом с этой *европейской* историей, параллельно ей, на протяжении тех же тысячи лет, в жизни Русского народа непрерывной чередой проходит история *азиатская*. Со стороны юго-востока Русская равнина своими черноморскими и приазовскими степями, как известно, сливается со степями, что лежат за Уралом; для передвижения здесь нет никаких преград, природа здесь испокон веку проложила легкую скатертью гладкую дорогу, свободную для всякого, кто захотел бы пройти по ней. Эта-то непосредственная *топографическая* связь Русской земли с азиатскими степями, это отсутствие природных границ и наложили свой полный трагизма отпечаток на всю нашу историю и обусловили ее *двойственность*, ее *раздвоенность*.

б) *Азия — «кузница народов».* Степная Азия населена была кочевыми народами, а кочевник, по самой природе своей, не может не двигаться. Азия, настоящая *officina gentium*, издавна высылала в Европу своих сыновей. Как настоящий степной ветер, они врывались на быстрых конях, переворачивали все вверх дном и, опустошив, обезлюдив край, довольные, покидали его с награбленной добычей. Новая христианская Европа, как известно, возникла на развалинах классического мира, окончательно павшего под ураганом нашествия гуннов. Но после того, как на Западе возникли германо-романские государства, азиатский поток уже не находит себе там прежнего простора, зато тем с большею стремительностью обрушивается он на молодые, еще не окрепшие племена славянские. Великие Европейские Ворота — низовья рек Урала и Волги — служили торным путем для кочевых выходцев с Востока. Этот поток разливался по югу нынешней России и шел далее на Запад. Молодое Русское государство возникло как раз на берегу этого потока, и он не мог не подмывать его. Продолжая выражаться фигурально, русские люди сидели на краю большой проезжей дороги, и всякий, кто проходил по ней, неизбежно задевал и их.

в) *Напор с Востока.* Напор кочевой Азии можно наблюдать на протяжении всей русской истории: гунны, авары, хазары, печенеги, половцы, монголы, народы тюркского происхождения сменяют одни других. Они приносят с собою на два с половиной века татарское иго, вынуждают на 300-летнюю борьбу с Крымом, заставляют входить в кавказские горы, в заволжские и зауральские степи, пройти через всю Сибирь, преодолеть зной и безводие песчаных пустынь

Средней Азии и закончить свой тягостный, ответственный марш лишь у подножия Памира и у берегов Тихого океана¹

г) «Русский империализм». В таком безостановочном продвижении на Восток иные готовы видеть проявление «русского империализма», между тем, в действительности, мы имеем здесь дело лишь с простой обороной, самозащитой. Продвижение на Восток имело целью не завоевание новых земель, не расширение собственной территории — надо было *отбросить* врага возможно далее для того, чтобы он не мешал культурной работе, и потому в таком продвижении было очень много стихийного. Первые 700—800 лет русский народ совсем не знал ни Сибири, ни Средней Азии, ни даже Кавказа; в последний если он и заглянул на заре своего исторического существования, то совершенно случайно. Даже Заволжье еще не существовало тогда для нас. Наше поступательное движение на Восток началось не раньше XVI ст., когда Россия уже достаточно окрепла и могла не ограничиваться одной пассивной обороной. Таким образом, можно сказать, что весь долгий период образования русской государственности протекал и завершился не в Азии, а на обширной равнине, которой издавна присвоено название европейского Востока. Последующий же затем русский Dngang nach Osten был вынужденный, но неизбежный' две культурные нации сумеют ужиться на одном поле, культурная и некультурная — никогда. И потому огромный ; апас сил, духовных и материальных, ушел на достижение результатов отрицательных, что неизбежно затормозило достижение положительных благ Такое положение явилось настоящим трагизмом русской жизни

д) *Сравнение с Западом*. Зато Запад растил свою культуру и внешнюю мощь в условиях гораздо более благоприятных. «Азиатского» фронта он не знал. Набеги норманнов были явлением временным, осев на новых местах, они приняли язык и культуру туземного населения, легко и незаметно слились с ним. К тому же они оказались не только викингами-разбойниками: они сумели и создать государственный строй, и укрепить его на основе права и закона. Англия, Нормандия и Сицилия тому доказательство. Заняв Паннонскую равнину, сумели сбросить с себя азиатское обличье и мадьяры Что же касается арабов, то еще вопрос, чего больше — зла или добра — внесли они в европейскую жизнь своим появлением в Испании, в Южной Франции и Сицилии. Арабы явились в Европу в пору высокого развития своей культуры: последняя, в некоторых отраслях, даже превосходила культуру тогдашнего христианского мира, и завоевание арабов, нанеся зло, неизбежное при всякой войне, обогатило евро-

¹ См. Приложения. № 3: «Что такое Россия: часть ли Европы или особый мир - *Евразия***».

пейский мир полезными знаниями (медицина, математика, география, архитектура, поэзия, философия).

е) *Роль Славянства.* Не один русский народ давал отпор «Азии» эту трудную задачу он делил с остальными славянскими народами «Азия» надвигалась на Европу не через одни только «Европейские Ворота», но и со стороны Леванта. Не один русский народ, но и поляки, и южные славяне, и чехи, моравы, словаки также на горьком опыте познали — кто иго татарское, кто плен турецкий, кто насилие и гнет мадыарский. Своею грудью они сдерживали — и сдержали! — напор азиатских волн, не допустив их разлиться дальше. Таким образом, славянский мир во всей его совокупности: славяне и восточные, и южные, и западные, явились форпостом Западной Европы, приняли на себя злые удары и тем выполнили почетную миссию, возложенную на них историей, — служить в течение веков *щитом и оплотом западной — германо-романской — цивилизации.*

ж) *Будущее.* Закончилась ли для России эта борьба с Азией? Кто решится ответить на этот вопрос утвердительно? Конечно, тысяча лет усилий вполне обеспечили существование и прочность русского «европеизма»; азиатская волна в русском культурном потоке, конечно, более уже не залыет его европейского берега; а все же связь с «Азией» отнюдь не порвана, и ныне, в XX ст., узел затянут, может быть, еще туже, чем на заре нашей истории. Зато соотношение сил теперь совсем иное: русский человек идет на Восток уже не для обороны и тем более не для завоеваний — он идет туда с тем, чтобы путем ассимиляции и мирного сближения с туземным населением выполнить там *вторую свою миссию — передать Востоку плоды европейско-христианской культуры и цивилизации.*

ВЕЛИКОДЕРЖАВИЕ РУССКОГО НАРОДА

1. Великому народу — великая территория. 2. Примеры великодержавий. 3. Колониальные в елико держания. 4. Россия. 5. Северо-Американские Соединенные Штаты. 6. Древний Рим. 7. Ум латинский и славянский.

1. *Великому народу — великая территория.* Великий народ требует себе непременно большой по размерам территории. В стране с тесным горизонтом народу, обладающему задатками стать великим, нигде было бы развернуть своих крыльев, в ней не могли бы сложиться те социальные и духовные условия, при наличии которых только и могут созреть грандиозные планы и ум человека осмелится дерзнуть. Только в бурю на океане может человек познать свои силы; только борьба в крупном масштабе может содействовать в надлежащей мере полному и всестороннему развитию этих сил: в тихой заводи силы спят, атрофируются. В условиях узкого горизонта и мелкой воды

творческий замысел неизбежно лишен грандиозности и универсальности.

2. *Примеры великодержавий.* Вспомним великодержавие Древнего Рима, широкий размах католической Церкви с ее всемирной идеей меча духовного и светского, идею мировой власти германских императоров в средние века — идею, донесенную Западной Европой вплоть до начала XIX ст. Арабы создали свою мировую культуру и внесли ценный вклад в историю человечества, лишь выйдя из тесных пределов Аравии в Переднюю Азию и шагнув далеко на север за Пиренеи Пора, когда во владениях испанских королей «не закатывалось солнце», была порою наиболее сильного духовного творчества испанского народа; и, наоборот, когда территориальный горизонт Испании стал ограничен одним Пиренейским полуостровом, она перешла на положение второстепенной державы не только политически, но и культурно. Оно и понятно: если справедливо, что «большому кораблю и плавание большое», то ведь и в малом бассейне плавать могут одни только утлые ладьи.

3. *Колониальные великодержавия.* Территории великодержавных государств могут быть или сплошными, или состоять из отдельных, географически несвязанных кусков материка. Западная Европа, издавна разбитая на несколько самостоятельных государств, дать достаточного простора для такого великодержавия не могла — пришлось создавать и укреплять его, инкорпорируя области внеевропейские; пример этому в Европе подала прежде всех Древняя Греция, широко разбросав по свету свои многочисленные колонии. Если в свое время слово испанского короля веско звучало в международных сношениях, потому что в его владениях не заходило солнце, то и Англия в наши дни утратила бы значительную долю своего политического веса, не будь у нее доминионов и колоний во всех частях света. Франция, цепко держась за свои обширные владения в Африке и в Азии, идет по тому же пути. Поражение, понесенное Германией в последнюю войну, сводится не только к утрате ею Эльзаса, Познани, но и к потере ее африканских колоний. Вот почему народы, духовно мощные и чувствующие в себе силы стать больше, чем они есть сейчас, ищут себе простора за пределами родины на чужбине, как, например, народ итальянский, или неудержимо рвутся к морю, к свободному выходу, как триединый народ югославянский.

История, однако, знает государства, которые по пути образования заморских колоний не пошли — это Россия и Северо-Американские Соединенные Штаты: им не представлялось в том надобности.

4. *Россия.* Русская волна в своем непрерывном движении докатилась до морей Балтийского, Черного, до Северного Ледовитого океана, перевалив через горную цепь Кавказа, она дошла до Армянского плоскогорья, уткнулась в неприступную стену Памира, в Алтайский хребет и остановилась на пороге Тихого океана. Люди шли

вперед, но никогда не *эмигрировали*, как это было на Западе, никогда не теряли территориальной (а благодаря этому и духовной) связи с родиной: Россия не имела *колоний*, и сама не была *метрополией*. Поступательное движение русского народа — это одна сплошная непрерывная лента, цельный ковер, разостланный от Вислы и Прута до берегов Камчатки.

5. *С е в е р о - А м е р и к а н с к и е С о е д и н е н н ы е Ш т а т ы*. То же можно сказать и про североамериканцев: они тоже сплошной волною разлились с востока на запад по своему матерiku, не встречая на этом огромном пространстве серьезных препятствий, и создали свою великодержавную империю. Рост этой империи, по-видимому, еще не закончен: североамериканец уже докатил свои волны до Центральной Америки, начинает заливать и ее; ввел в орбиту своей политической и экономической жизни Панаму, Никарагуа; присутствие его чувствуется в Мексике. В данном случае характерно, что Центральная Америка не какой-либо особый мир, а вместе с Мексикой является непосредственным географическим продолжением Североамериканского материка, тесно спаяна с ним. В этой территориальной спаянности наиболее верный залог успеха в поступательном движении североамериканского великодержавия.¹

6. *Древний Рим*. Есть некоторые черты, сближающие Россию и Северо-Американские Соединенные Штаты с Древним Римом, но великодержавие последнего сложилось в обстановке, только отчасти напоминающей русскую и американскую. База Древнего Рима не суша, а море, точнее выражаясь, побережье, омываемое Средиземным морем. Помимо того, Рим выступил на мировую арену в ту пору, когда вся Европа, за исключением разве Греции, жила еще полуварварским бытом, так что тевтоны, бритты, белги, галлы или иберы того времени не могли дать римским легионерам, с их усовершенствованной техникой и культурной мощью, того отпора, какой римляне встретили бы в наши дни со стороны таких государственных объединений, как Германия, Англия, Франция или Испания.

И еще одно отличие. В то время как римляне, прежде чем выйти на мировую арену, в течение долгого времени, свыше четырех веков (753 — 343), ковали свои силы в тесных географических пределах Лациума, русский народ с первых же дней раскинулся на необъятном полупустынном пространстве. На берегах Тибра люди с ранней поры привыкли действовать сообща; жизнь кипела там, как в муравейнике,

¹ Несколько иначе обстоит дело с островными владениями, и если Сандвичевы острова еще лежат в географической сфере влияния Американской республики, то Филиппины уже совершенно оторванный кусок и потому скорее всего могут быть потеряны. Японская угроза уже и теперь висит над ними.

сообща вырабатывались общественные отношения, сообща воспитывалось чувство общественного долга; суровые рамки сдерживали порыв и произвол; всякий хорошо знал, что ему дозволено, чего нельзя, личность всецело была подчинена государству и служение ему возведено в догмат, на степень высокого идеала.

На Русской равнине, наоборот, человек долгое время был предоставлен самому себе; государственность слагалась медленно и личность росла почти на полной свободе (ушкуйники, казачество, беглое крестьянство), видя в государстве не идеал, а скорее помеху.

7. *Ум латинский и славянский.* Все это наложило резкое отличие на склад характера двух народностей. Латинский ум сложился строгий, прямолинейный, с преобладанием *рассудка*; ум славянский — бессистемный, с голосом *сердца*, доступного увлечениям; один — воспитанный на принципах *долга* и подчинения; другой — во власти *настроения*, готовый в дисциплине усмотреть чуть не оскорбление. В результате, римская государственность выработала большую устойчивость, и Римская империя, если и пала, то лишь после того, как римский гений уже изжил самого себя, успев сказать свое последнее слово. Русская же исперия потерпела крушение в период полного расцвета своих сил, и теперь русскому народу предстоит многое начинать заново.

ЛИТЕРАТУРА

Сочинения по общей истории России

I. История политическая

Период досоловьевский:

Труды Татищева, Щербатова, Полевого, Каченовского, Погодина представляют интерес преимущественно историографический. Выделить из них можно разве еще погодинские «Исследования, замечания и лекции», 7 частей. М., 1846—1854: ряд монографий (за 862 — 1240), полусырой материал. На его основе позже Погодиным была написана «Древняя русская история до Монгольского ига». Два тома с атласом М., 1872. Ценность сохранил один только атлас.

Карамзин. История государства Российского. 12 томов; изложение обрывается на 1612 году; несколько изданий, в том числе: 1) СПб., 1818 — 1829 (первые тома в издании бр Слениных; к ним — Ключ *Павла Строева*. М., 1836. Два тома); 2) изд. Эйнерлинга, СПб. 1842 — 1844, с ключом *Строева*] 3) изд. Суворина, СПб. • 1889. Ценны особенно многочисленные примечания к тексту.

Соловьев и его современники:

С. М. Соловьев. История России с древнейших времен; доведено до 1774 г. 1) М., 1851 — 1879; 29 томов; 2) стереотип, изд. «Обществ Пользы». СПб., 1894, 7 компактных томов с указателем. *Он же*. Учебная книга русской истории. М., 1859; изд. 10-е М., 1900. *Он же*. Общеизвестные чтения по русской истории. Изд. 4-е. М., 1902. *К. Д. Кавелин*. Мысли и заметки по русской истории: 1) Вестник Европы, 1867 Т II (июнь); 2) Собрание сочинений. Т. I. СПб., 1897: обзор русской истории до Петра Великого включительно. *К. Н. Бестужев-Рюмин*. Русская история. В 2 т. СПб., 1872—1885. (до 1584 г.) Продолжение «Обзор событий от смерти Иоанна Васильевича до избрания на престол Михаила Федоровича Романова» (Ж. М. Н. Пр. 1887, июль и август). *Н. И. Костомаров*. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. 7 выпусков (3 книги); несколько изд. СПб., 1873-1913 (до воцарения Екатерины II). *Д. И. Иловайский*. История России. В 5 т. М., 1876—1905 (до воцарения Петра Великого). *И. Е. Забелин*. История русской жизни с древнейших времен. В 2 т. М., 1876—1879; изд. 2-е. М., 1908-1912.

Ближайшие ученики Соловьева:

В. О. Ключевский. Курс русской истории. 4 части. М., 1904 — 1910 (до воцарения Екатерины II). Посмертное издание пятой части (по литографу, лекциям: СПб., 1921. До Александра II, с приложением

беглого обзора событий за 1725—1907 гг.). *Он же*. Краткое пособие по русской истории, изд. 8-е. 1917.

Позднейшее поколение:

П. Н. Милоков. Очерки по истории русской культуры. Три части. СПб., 1896—1901; несколько изданий. Юбилейное издание; Т III Париж, 1930. *А. А. Кизеветтер*. История России. Энци. словарь Брок.—Ефр. Полут. 55 (1899). С. 446—489. Русская история в очерках и статьях. Под ред. *М. В. Довнар-Запольского*. М., 1910. *Д. И. Багалей*. Русская История. С карт., планами и снимками с памятников древности и искусства. Пособие к лекциям для высш школы и руководство для учителей и самообразования. Том I. Княжеская Русь (до Ивана III). М., 1914. *С. Ф. Платонов*. Лекции по русской истории; изд. 10-е. СПб., 1917. *М. К. Любавский* Лекции по др. русской истории до конца XVI века. М., 1913; изд 2-е М., 1918. *Е. Ф. Шмурло*. История России. 862-1917. Мюнхен, 1922. *Он же*. Введение в русскую историю. Прага, 1924.

В духе евразийского учения:

Г. В. Вернадский. Начертание русской истории. Часть первая. Евраз. изд-во, 1927. Изложение доведено до нашего времени, но в нем «намечена только основная рамка внешних событий русской истории. Явления внутреннего развития русского народа и государства должны составить содержание следующей части». *Его же*: A history of Russia. With a preface by Rostowtzeff. New Haven. 1929 w. 3 maps (397 pp.).

В духе марксистского учения:

М. Н. Покровский (при участии *И. М. Никольского* и *В. Н. Сторрожева*). Русская история с древнейших времен. М.: Изд. т-ва «Мир», 1910. Т. I. *Он же*. Очерк истории русской культуры. Две части. М., 1917—1919 (хозяйство, право, религия, политическая идеология — нет литературы и искусства). *Он же*. Русская история с древнейших времен. 2-е и 3-е изд. В 4 т. М., 1918-1920.

См. еще: *А. Нечволодов*. Сказания о русской земле. С рисунками, картами и планами. 4-е изд. В 4 т. СПб., 1913. Изложение (доведено до 1613 г.) популярное, с определенным «патриотическим» направлением; обилие ценных и на редкость обильно собранных (тоже редких) иллюстраций. Русская история в очерках и статьях Под ред. *Довнар-Запольского*. М., Т. I—II.

На иностранных языках

E. Stdhlin. Geschichte Russlands von den Anfaengen bis zur Gegenwart. Erster Band. Berlin u Leipzig, 1923 (до Петра Великого) Prof.

Dr. S. F. Platonov. Geschichte Russlands vom Beginn bis zur Jetztzeit Hrsggben von E. Braun. Schlusskapitel von Otto Hoetzsch. Leipzig, 1927
A. Rambaud. Histoire de la Russie depuis les origines jusqu'à nos jours P 1918 7-me édit. (an 862 – 1917). P. 1918 (обширная библиография)
S. Platonov. Histoire de la Russie des origines 1918. P. 1929. W. R. Morfill. The story of Russia. London. 1890; новое изд. L 1915 History of Russia by *S. F. Platonow*, translated by E. Aronsberg New York. 1925
Bernard Pares. A history of Russia. L. 1926 (за 862 – 1925 гг.)
Dr. Boris Raptshinsky. De Geschiedenis van het Russische Volk. I Het Oude Russland. Zutphen. 1927 (за 862 – 1613 гг. с иллюстр.)
V. Kljudevskij Ruské Dejiny. Dil I – V. phelozil St. Minarik, u Praze. 1927--1929
W. Kliutschewskij. Geschichte Russlands, 4 Bände. Stuttgart-Berlin 1925-26 (кажется, существует еще и англ. текст).
E. Smurlo. Storia della Russia. Tre volumi. Roma. 1928 – 1930.

II. История права:

В. И. Сергеевич. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. *Он же.* Лекции и исследования по др. истории русского права. 4-е изд. СПб., 1910. *Он же.* Русские Юридические Древности. В 3 т. СПб., 1890–1903.
Н. С. Суворов. Учебник церковного права. М., 1902.
K. Kadlec. Dejiny ruského práva. Praha, 1904.
М. В. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, изд. 5-е. СПб. – Киев, 1907.
А. Н. Филиппов. Учебник истории русского права (пособие к лекциям). Часть I. 4-е изд. Юрьев, 1912.
М. А. Дьяконов. Очерки обществ и государств. строя Древней Руси 4-е изд. СПб., 1912. *Он же.* История русского права. Энци. словарь Брокг. – Ефр., полут. 55 (1899), 513–529

III. История церкви:

Митроп. Макарий. История русской церкви. В 12 т. СПб., 1880–1885 (за 988 – 1667 гг.).
Е. Е. Голубинский. История русской церкви. В 2 т. (до 1564 г.). 2-е изд. М., 1900–1904 (первая половина первого тома вышла еще в 1880 г.).
П. Знаменский. Руководство к русской церковной истории. 5-е изд. Казань, 1888. *Он же.* Учебное руководство по истории русской церкви (применительно к семинарской программе) СПб., 1896.

IV. История литературы:

Шевырев. История русской словесности (IX–XVII). СПб., 1887 (новое изд.). 4 части. *Архим. Филарет.* Обзор русской духовн. литературы. 862–1720. В 2 т. 3-е изд. СПб., 1884.
Галахов. История русской словесности, древней и новой. В 2 т. СПб., 1863–1875 2-е изд., перераб. СПб., 1884; 3-е изд. М., 1894.
Порфирьев. История русской словесности. 2 части. Казань, 1876–1880. Выдержала несколько изданий.
А. Н. Пытин. История русской литературы Энци

словарь Брок. — Ефр., полут. 55 (1899). С. 581 — 634 (с библ.) *Он же*. История русской литературы. 4-е изд. СПб., 1912. *Е. В. Петухов*. Русская литература. Древний и новый периоды. 2 тома. Юрьев, 1911 — 1914. *В. Н. Перетц*. Из лекций по методологии истории русской литературы. История изучения. Методы. Источники. Корректированное издание на правах рукописи. Киев. 496 стр. Подробные указания на литературу. *Он же*. Краткий очерк методологии русской литературы. Пособие и справочник для преподавателей, студентов и для самообразования. СПб., 1922. 162 стр. Обильные указания на литературу *Бороздин*. История русской литературы до XIX в. («История русской литературы под ред. Аничкова, Бороздина и Овсяннико-Куликовского Т. I»). М., 1908. (компилятивная). История русской литературы до XIX в. под ред. *Грузинского*. Т. I. (1916). *A. Bruckner*. Geschichte der russischen Literatur. Leipzig. 1905. Z-te Aufb. Leipzig. 1909. *Luther*. Geschichte d. russ. Literatur. Leipzig. 1924. *Waliszewski*. Literature russe. P. 1900. (не без тенденции). *E. Lo Gatto*. Storia della Letteratura Russa. Vol. I — IV. Roma, 1929 — 1930. *Б. Пенев*. Българска литература. Пловдив, 1930.

V. История искусства:

Violet-le-Duc. L'art russe, ses origines, ses element constitutifs, ses aroge's, ses avenir. P. 1877. Русский перевод Султанова: «Русское искусство, его источники, его составные элементы, его высшее развитие, его будущность», изд. 2-е. М., 1900. *А. Сомов* (Исторический очерк русской архитектуры и живописи). Энци. словарь Брок. — Ефр полут. 55 (1899), стр. 650 — 671. *Новицкий*. История русского искусства с древнейших времен. 2 тома. М., 1908. *Игорь Грабарь*. История русского искусства. 23 выпуска. М., 1909. след. *Никольский*. История русского искусства. Том I. М., 1915. *Он же* История русского искусства (с иллюстрациями). Берлин, 1923. *Павлинов* История русской архитектуры. 3 тома. М., 1894. *L. Reau*. L'art russe des origines a Pierre le Grand. P. 1920. *Г. Taborsky*. Ruske Umeni. Praha 1921. См. еще: *Ch. Bayet*. L'art byzantin. P. 1883; рус. пер.: «Византийское искусство». СПб., 1888. *G. Millet*. L'art byzantin (в серии Л. *Michel*. Histoire de Tart. Т. I). *Ch. Diehl*. Manuel d'art byzantin. P 1910 (с библ.).

VI. Историография:

К. Н. Бестужев-Рюмин. Современное состояние русской истории (без подписи). «Московск. Обозрение», 1859. Кн. I. *Он же*. История России (см. выше). Т. I, гл. X. *М. О. Коялович*. История русского самосознания по историч. памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884; изд. 3-е с прилож. антикритики на рецензии Б.-Рюмина и Корсакова. СПб., 1901 (в оценке трудов немало субъективного). & *С. Иконников*. Опыт русской историографии. Два тома. Киев,

1891—1908. *П. Н. Милоков*. Главные течения русской историч мысли. М., 1897; изд. 2-е. М., 1898; изд. 3-е. СПб., 1913. *Он же*. Источники русской истории и русской историографии. Энци. словарь Брок.—Ефр. полут. 55. С. 430—446. *Д. И. Багалей*. Русская историография. Харьков, 1911. *В. Пичета*. Введение в русскую историю Источники и историография. М., 1923. См. еще: *А. Н. Пыпин*. История русской этнографии. 4 тома. СПб., 1890—1892.

В частности:

о Татищеве:

Соловьев. Писатели русской истории XVIII века. «Архив ист - юридич. сведений» Калачева. М., 1855. Кн. П. Ч. I (и «Сочинения Соловьева». М., 1901). *Попов*. *В. Н.* Татищев и его время. М., 1861 *Б.-Рюмин*. Татищев, администратор и историк начала XVIII века Древняя и Новая Россия. 1875. №№ 1—3, 5, 8, 12 (и «Биографии и Характеристики»). СПб., 1882). *Пыпин*. ИР Этногр. 1.22.76.77.135—142. *Милоков*. Главные течения (см. выше). *Корсаков*. Русский Биогр Словарь (с библи.). *А. А. Шахматов*. К вопросу о критич. издании Истории Российской Татищева. «Дела и Дни», кн. I (1920).

о Г. Ф. Миллере:

Соловьев. Г. Ф. Миллер. Современник, 1854, № 10. *Пыпин*. ИР Этно. I. passim. *Коялович*. История русского самосознания. *Пекарский* История Импер. Академии Наук. Т. I—II. *Милоков*. Гл. течения.

о Шлецере:

А. Н. Попов. Шлецер. Рассуждение о русской историографии. «Моск. Литер. и Ученый Собр. 1847 года». *Соловьев*. *А. А.* Шлецер Русский Вестник. 1856. № 8. *Он же*. Шлецер и антиисторическое направление. Р.Вестник. 1857, апрель. *Б.-Рюмин*. Истор. Вестник, 1881, май (и «Биографии и Характеристики»). *Милоков*. Главные течения... *П. Майков*. Русский Биогр. Словарь. *И. Лятошинский* *А. А.* Шлецер и его историч. критика. Киев. Ун. Изв 1884. № 8.

о Щербатове:

Соловьев. Писатели русской истории (см. выше). *Знаменский*. Ист. труды Щербатова и Болтина в отношении русской церковной истории. Труды Киев. Дух. Акад. 1862. П. *Пыпин*, *Милоков* (см. выше). *Б.-Рюмин*. Совр. состояние (см. выше). *Фурсенко*. Русский Биогр. Словарь (с библи.).

о Болтине:

Соловьев, *Знаменский*, *Пыпин*, *Милоков* (см. выше). *Пыпин* Русская наука в XVIII в. Вестник Европы, 1884, март. *Сухомлинов* История Российской Академии. Вып. 5-й (1889). *Ключевский*. Русская

Мысль, 1892, ноябрь (и «Очерки и Речи». М., 1913). *Иконников*. русский Биогр. словарь (с библ.), А. З. (Заозерский?) Нов Энци словарь Брок.—Ефр.

о Карамзине:

Соловьев. Карамзин и его литературная деятельность: История Государства Российского. «Отечественные Записки». 1853—1856. Т. 90, 92, 94, 99, 100, 105. *Погодин*. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Два тома. М., 1866. *Б.-Рюмин*. Карамзин, как историк. Ж. М. Н. Пр. 1867, янв. (и «Биогр. и Хар.»). *Он же*. Русский Биогр. Словарь. *Коялович*. ИРСам *Пытин*. ИРЭтн., I. *Милоков*. Энци. словарь Брок.—Ефр. *Он же*. Гл. течения **Ю.** *В. Готье*. Памяти Карамзина, как историка. Истор. Известия. 1917. I. *А. А. Кизеветтер*. Русский Историч. Журнал. Кн. I (1917). *Он же*. Карамзин, как двигатель русской культуры. Сборник русского Института в Праге. I. Прага. 1929. Карамзин, как историк. Нов. Энци. словарь Брок.—Ефр. (без подписи).

о Каченовском:

Соловьев. Биограф. Словарь профессора Моск. ун-та. Т. I (1855). *Иконников*. Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев, 1871 (из Киев. Ун. Изв., 1871. №№ 9—11). *Коялович*. ИРСам. *Милоков*. Энци. словарь Брок.—Ефр. *Он же*. Гл. течения... *Аноним*. Р. Биогр. Словарь (с библ.).

о Полевом:

Б.-Рюмин. Совр. состояние. — *Коялович*. ИРСам. — *Милоков*. Гл. течения...

о Погодине:

Б.-Рюмин. Древняя и Новая Россия. 1876. № 2 (и «Биогр и Хар.»). *Коялович*. ИРСам. *Милоков*. Историч. записки Имп. М. Археолог. Общ. за первые XXV лет его существования. М., 1890. 0« *же*. Гл. течения... *Н. П. Кондаков*. Погодин, как археолог. Сборник отд. русского яз. и словесности Акад. Наук. Т. 71 (1901) Корсаков: Р. Биогр. Словарь (с библ.). *Барсуков*. Жизнь и труды Погодина. Т. 1-22. СПб., 1886 след.

о Соловьеве:

Герье. Истор. Вестн. 1880, янв. *Ключевский*: 1) С. М. Соловьев («Речь и отчет Моск. Унив. в заседании 12 янв. 1880 г.»); 2) Соловьев, Как преподаватель («Воспоминания о студенческой жизни». М., 1899); 3) Памяти Соловьева («Научное Слово», 1904. Кн. 8). Все три статьи Перепечатаны в «Очерках и Речах». М., 1913. *Б.-Рюмин*: Ж. М. Н. Пр., 1880, февр. (и «Биогр. и Хар.»). *Коялович* ИРСам. *Пытин*. ИРЭтн. И. *Шмурло*. Энци. словарь Брок.—Ефр (с библ.). *Корсаков*

Р. Биогр. Словарь (с библиографией). С. В. *Рождественский*. Памяти Соловьева к столетию со дня рождения. «Дела и Дни». Кн. I (1920).

о Кавелине:

Б.-Рюмин (три статьи по поводу первого изд. его сочинений) *Отеч Записки*. 1860. №№ 4, 6, 8. *Коялович* ИРСам. *Пыпин* ИРЭтн II *Корсаков* (вводная статья при втором изд. сочинений Кавелина. Т. I. СПб., 1897). *Он же*. Р. Биогр. Словарь (с библиографией). В. А. *Мякотин* Кавелин и его взгляды на русскую историю. Русское Богатство, 1898, февр

о Конст. Аксакове:

Костомаров. О значении историч. трудов К. Аксакова по русской истории. СПб., 1861. *Коялович*. ИРСам. *Пыпин*. ИРЭтн. II *Пресняков*. Нов. Энциклопедический словарь Брок. - Ефр. (с библиографией) *Венгеров*. Критико-биографический словарь. Т. I. *Он же*. Передовой боец славянофильства К. Аксаков. СПб., 1912 (Собр. сочинений Венгерова. Т. III)

о Костомарове:

Коялович. ИРСам. В. Б. *Антонович*. Киев. Старина. 1885. № 5 *Пыпин*. ИРЭтн. III. А. И. *Маркевич*. Р. Биогр. Словарь (с библиографией) *Мякотин*. Энциклопедический словарь Брок. — Ефр. *Он же* и в Нов. Энциклопедическом Словаре

о Бестужеве-Рюмине:

Коялович. ИРСам. С. Ф. *Платонов*. Ж. М. Н. Пр. 1897, февр *Иконников*. Чтения в Общ. Нестора-Летописца кн. XII (1898). *Шмурло*. Очерк жизни и научн. деятел. Б.-Рюмина. Юрьев, 1899 (из Учен. Зап. Юрьев. Ун., 1899. № 3; гл. VII—VIII: «Русская историография в оценке Б.-Рюмина» и «Задачи совр. истории»). *Он же* Нов. Энциклопедический словарь Брок. — Ефр. *Платонов*. Русский Истор. Журн. Кн. 8-я (1922). *Пресняков*, к 25-летию кончины. Дела и Дни. Кн. III (1922).

о Забелине:

Коялович. ИРСам. *Пыпин*. ИРЭтн. II. 32 — 36 (О Забелине, как археологе и этнографе). *Анучин*. Забелин, как археолог. Древности Моск. Археолог. Общ. XXII, 1909). *Павлов-Сильванский* Нов. Энциклопедический словарь Брок. — Ефр.

о Ключевском:

Коялович. ИРСам. Сборник статей о нем из «Чтений», 1914 М., 1914 (ст. Любавского, Барсова, Смирнова, Заозерского, Богословского и материалы для биографии). В. О. *Ключевский*. Характеристики и воспоминания. М., 1912, изд. «Научное Слово» (статьи Умова, Любавского, Богословского, Сыромятникова, Платонова, Лаппо-Данилевского, Ю. Айхенвальда, Кони, Кизеветтера и Милюкова). *Пресняков* Русский Историч. Журнал. Кн. 8-я (1922). *Голубцов*. Теоретич. взгляды

ды Ключевского. Там же. *Тхоржевский* Ключевский, как социолог и политич. мыслитель. Дела и Дни, кн. II (1921). *Кизеветтнер* Зодчие русской культуры. Прага, 1926.

о Шахматове:

38 статей о нем. Известия отд. русск. яз. и словесности Рос. Акад. Наук, 1920 г. Т. 25-й (1922), в том числе: 1) *Готтге*. Шахматов — историк; 2) *Платонов*. Шахматов, как историк; 3) *Пресняков*. Русское летописание в трудах Шахматова; 4) *Он же*. Шахматов в изучении русских летописей; 5) *Долобо* Славяноведение в трудах Шахматова

VII. Славянство.

L. Niederle. 1) *Slovanske Staro^itnosti*. Praha. 1924.: см. особенно первый отдел, «исторический», вып. I (о происхождении славян) и вып. IV (происхождение и начало восточных славян), с обильными указаниями на литературу предмета. Русский перевод этой многотомной книги был начат, но не закончен: *A. Скриленко*. «Славянские Древности», просмотрен и дополнен автором; том I, часть 1-я, вып. I (120 стр.). Киев, 1905. 2) Обзорение современного славянства «Энциклопедия славянской филологии», изд. Имп. Акад. Наук, вып. 2-й СПб., 1907. 3) Быт и культура древних славян. Авторизованное издание с введением и дополнением автора и предисловием акад. Н. П. Кондакова. Прага, 1924. 4) *Slovansky sve't*. Praha. 1910. фран пер. *L. Leger*. La race slave. Paris, 1911. *Kreck*. Einleitung in die *slawische* Literaturgeschichte. 2-te Aufl. 1887. *Jar. Bidlo*. Dejiny Slovanstva. Praha, 1927. *Первольф*. 1) Славянская взаимность с древнейших времен до начала XVIII века. Варш., 1874. 2) Славяне, их взаимные отношения и связи. Тт. I, II и т. III. Часть I. Варшава. 1886-1893. *Т. Д. Флоринский*. Славянское племя. Статистико-географич. обзор современного славянства. С прилож. двух этнограф, карт Киев, 1907 (приложение к Киевск. Унив. Извест., 1907 г V

VIII. Славянские народы.

A. Поляки. *Roepnell -Karo*. Geschichte Polens. Band I—V. Hamburg u. Leipzig. 1848-1888 (доведено до 1506 г.). *J. Szujski*. Dzieje Polski TT. I-IV. Lwow. 1862-1866. 2-е изд. 1896. *M. Bobrzynski*. Dzieje Polski wzarysie. TT. I—II. *Poznari*. 1870-1872; изд. 3-е. Варш. 1887-1889. Ср. пер. проф. Кареева. *W. Smolen'ski*, Dzieje narodu Polskiego Warszawa — Krakow. 1919 (изд. 5-е; изложение событий доведено до 1864 г., а в первых изданиях лишь до 1792 г. Русский перевод Львовича: «История польского народа». СПб., 1899). *Stan. Kutrzeba* Uistorya ustroju Polski w zarysie. Lwow. 1905 2-е изд., 1920; русск. *Иер*. Ястребова. СПб., 1907. *Fr. Koneczny*. Dziejem Polski za Piastow £r. 1902. *Он же*. Dzieje Polski za Jagiellonow. Kr. 1913. *A. Sokolowski*. *Polityczna* historia Polski. t. I. Lwow. 1906 (до 1506). *Wl. Grabienski*.

Dzieje narodu polskiego. Wyd. 2. Kr. 1906. русск. перевод под ред. Н. В. Ястребова. СПб., 1910. — А. *Lewicki*. Zarys historyi polskiej az do najnowszych czasow. Kr. 1914. *Любавский*. История западных славян. М., 1918 (Чехия и Польша). Ad. *Szelagowski*. Dzieje Polski w zarysie. Warszawa, 1921. *Misslek*. Geschichte Polens. Neue Bearbeitung von Komischke. 3 Aufl. Breslau, 1921. E. *Hanisch*. Die Geschichte Polens. Bonn u. Leipzig, 1923. H. *Grappin*. Histoire de la Pologne des origines a 1922. Paris, 1923. W. *Sobieski*. Dzieje Polaki. T. I—III. War., 1923—1925. *Grodecki*. Zachorowski i Dabrowski. Dzieje Polski aradniowieczne. T. I—II. Kr., 1926.

Б. Чехи и словаки *Fr. Palacky*. Geschichte von Böhmen. Bd. I—V. Prag. 1836—1874. Тот же труд по-чешски: Dejiny národa Ceského v Cechach a na Morave., Praha, 1848; 4-е изд. в 6 тт. Прага, 1894—1898 (неполное изд. на русск. яз.: "Очерк истории Чешского народа" Киев, 187). W. *Tomek*. Deje království Ceského Praha — 1850; было несколько изданий; русск. пер. (его не хвалят) В. Яковлева. СПб., 1868. *Антошек*. История Чехии, пер. с польского. СПб., 1909 (в серии «История славян», ч. 6-я). V. *Novotny* a R. *Urbánek*. České Dejiny. Pr. 1911—1927. Три части. Очерк истории Чехии, пер. с чешск. (из «Slovníku Naucného J. Otty»). Варш., 1912. *Любавский*. История зап. славян (см. выше). J. *Pekar*. Dejiny Ceskoslovenské Pro nejvyšší tridy skoá strodnich. Praha. 1922.

В. Болгары J. *Jirecek*. Dejiny národa bulhrského. Praha, 1876, одновременно и по-немецки: Geschichte der Bulgaren. Prag., 1876, русск. пер. Э. Бруна. Одесса, 1878. («История болгар»). W. N. *Slatarski*. Geschichte der Bulgaren. 1 Theil (679—1396). Leipzig, 1918 («Bulgarische Bibliothek», hrsg. v. G. Wiegand, Band V). N. *Staneff*. Geschichte der Bulgaren. II Theil. Vom Beginn der Türkenzeit bis zur Gegenwart. Lpzg. 1917 (составляет VI том «Болгарской библиотеки», как продолжение предыдущей книги). В. Н. *Златарски*. История на първото Булгарско царство, 2 части (679—852—1018). София, 1918—1927. А. Л. *Погодин*. История Болгарии. СПб., 1910

Д. Сербы А. Л. *Погодин*. История Сербии. СПб. С. *Jirecek*. Geschichte der Serben. 2 Bände. Gotha. 1911—1918. сербский пер.: История Срба. Превео и допунио. Радони. 4 тт. Београд. 1922—1925. *Ст. Станојеви*. История српского народа. 3-е изд. Београд, 1926

Кроме того, что из относящегося к теме «Введения» найдется в вышеуказанных отделах «История политическая» и «История права», а также в «Спорных вопросах». Приложение № 2, см. еще: *Карский*. Белоруссы. Т. I; Т. II, части 1 и 2. СПб., 1903—1911. *Анушин*. Великооруссы. Энци. словарь Брок.—Ефр., полт. 10 (1893). То же в Нов. Энци. Слов., с указанием литературы (до 1913 г.). *Яцимирский* Глаголица. Нов. Энци. Слов. Т. 13; указана литература по 1913 г. и

дан разбор мнений о глаголице. *А. Е. Викторов*. Последнее мнение Шафарика о глаголице. «Летописи русской литературы и древности» Изд. Тихонравовым. Т. II-III (1859-1861). *В. Н. Щепкин*. Учебник русской палеографии. М., 1920. *А. И. Соболевский*. Славяно-русская палеография. СПб., 1901.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Начатки русской государственности (до 1054 г.)

1. Доисторический период

1. Прародина славян. Русское племя.

Прародину славян с давних пор определяли в Карпатах и в бассейне среднего Дуная; и хотя гипотеза эта начинает терять сторонников, но и предложенные взамен ее новые тоже не получили полного права гражданства. Едва ли не ближе всех к истине взгляд чешского ученого Нидерле: прародина славян была расположена к северу от Карпат, между Вислой и Днестром. Здесь славяне жили с незапамятных времен, примерно уже за 1000 лет до нашей эры, и отсюда расселились на запад, юг и восток, образовав три отдельные группы: Западную (поляки, кашубы, словаки, чехи, полабские славяне, лужичане), Южную (сербы, хорваты, словинцы) и Восточную (русские).

Бассейн среднего Днепра, нижней Припяти и нижней Десны стал колыбелью русского народа. Отсюда все, еще до Р. Х., русские славяне продвинулись на север и юг. На севере они вклинились в полосу литовских поселений, прорвали ее, вплотную подошли к финнам, осели на Западной Двине, в бассейне озера Ильмень и дошли до верховьев Оки; на юге же заняли область Южного Буга, Днестра и побережье Черного моря, в северо-западном его углу (уличи и тиверцы).¹

2. Венеды, анты, славяне.

Славяне, в том числе и русская ветвь, известны были в древности под именами венедов и антов. О венедах говорят римские писатели I и II века по Р. Х.: Плиний (77 г.), Тацит (98 г.), Птоломей (ум 178 г.). Это были первые, более или менее, достоверные сведения о славянах вообще. С конца IV ст. (нашествие гуннов; падение готской державы) греки и римляне говорят об антах. Под своим настоящим именем славяне выступают лишь с первой половины VI века (византийские писатели Псевдо-Кесарии Назианзийский, Прокопий, Иордан). Прежде чем выступить на страницах истории на положении

¹ См. *Приложения*. № 4: «Прародина славян».

самостоятельной народности, под своим собственным именем, русские славяне, пока еще затерянные среди других народностей, разделяют судьбу тех из них, которые жили на Восточно-Европейской равнине или только проходили по ней, увлекаемые потоком Великого Переселения Народов.

3. Скифы и сарматы.

Южную Россию, в пределах от Волги до Дуная, еще в эллинскую пору занимали скифы и (примерно) с III века до Р X сменившие их сарматы.¹ Были ли русские славяне подчинены тем или другим — вопрос спорный; во всяком случае оживленные торговые сношения скифов и сарматов с греческими колониями на берегах Черного моря, а также с Азией (Заволжские страны, Урал, Кавказ, южные Прикаспийские области) не могли пройти совершенно бесследно для русских славян. Сарматы, как и скифы, причисляются по происхождению к иранскому племени. Они вели кочевой образ жизни, но у них были города, служившие им торговыми пунктами. Возможно, что главный город сарматов *Метрополис* (так называли его греки) стоял на месте нынешнего Киева.

4. Греческие колонии на берегах Черного и Азовского морей.

1. Тирас — устье Днепра.

2. Ольвия — устье Южного Буга (самая ранняя по времени основания).

3. Каркинит — вблизи нынешней Евпатории (не в глубине Перекопского залива, как предполагалось раньше).

4. Херсонес Таврический (*Корсунь* — по русской летописи) — вблизи нынешнего Севастополя.

5. Палакион — нынешняя Балаклава.

6. Феодосия.

7. Пантикапея — на месте нынешней Керчи (Боспорское царство; Керченский пролив — тогдашний Боспор Киммерийский).

8. Фанагория — против Пантикапеи, на противоположном берегу пролива.

9. Танаис — устье Дона.

10. Диоскуры — устье Риона.

Примечание. Судак, древняя Сугдайя, в Крыму, тоже греческая колония, основана была значительно позже, уже в христианское время (в III веке).

¹ К сарматской ветви принадлежали: языги, роксолане, аланы Аланы Позже, уже в русские времена, известны были под именем ясов. Осетины Па Кавказе — потомки алан.

5. Готское царство.

С III века по Р. Х. история русских славян начинает несколько выясняться. Готы, выйдя из Скандинавии, своей прародины, к низовьям Вислы, двинулись отсюда в середине II века на восток, к бассейну среднего Днепра, отодвинули здесь часть русских племен еще далее к востоку (именно, вятичей и радимичей: на Сожу и на верховья Оки), спустились к Черному морю и образовали так называемое *Готское царство*. Вплоть до падения этого царства, т е вплоть до нашествия гуннов (375 г.), в течение 150 лет, приднепровские славяне входили в состав Готского государства. Столицей готов был Danparstadir, т. е. «город Днепра». Данпарстадир — это наш Киев в доисторическую пору. Обилие находимых близ Киева римских монет II—IV веков свидетельствует об оживленности его торговых сношений в ту пору.

Следы готского влияния сохранились в русском языке. Целый ряд слов дает нам возможность судить о тех культурных заимствованиях, какими тогдашние наши предки обязаны были готам. Таковы, например, слова:¹

1) *Хозяйственный быт*: скот — skatts; хлев — hlaiw; молоко, млеко — meluk, melka (нем. Milch); плуг — ploga (нем. Pflug); хлеб — hlaifs; кот — kot; гусь — hus; виноград — weinagards; вино — wein

2) *Жилищная обстановка*: град — gards; хижина — hus (нем. Haus); изба, истьба — stubai (нем. Stube); стена — steins; доска — discus.

3) *Домашность*: котел — katils; миса, миска — mes; кладезь — kald'inga; стекло — stikls; ведро — weder.

4) *Военный быт*: князь — kuninga; броня — brunja (нем. Briinne), меч — mekeis; шлем — hilms.

5) *Общественные отношения*: купить — kaupa (нем. kaufen); пенязи, деньги — penninga; мыто — mota; лекарь — leki.

6) *Кроме того*: холм — holma; рака (гроб) — arka.

6. Смена кочевых народов.

После готов Южно-Русскою равниною, а с нею и русскими славянами, последовательно владели: гунны, авары, хазары; временными гостями появлялись на ней болгары, угры. История застаёт южные племена русских славян (поляне, северяне, радимичи, вятичи), платящими дань хазарам.

¹ Указания на эти слова см. у Будиловича, Брауна и особенно у Нидерле.

1. Гунны — 376 г.
2. Болгары — ок. 182 г. прошли с Нижней Волги на Нижний Дунай.
3. Авары (обры) — ок. 557 г. перешли Волгу, столкнулись с антами, оставили память о своих насилиях в русской летописи («примучиша Дулебы») и направились в Паннонию (Венгрию), основав там свою державу, разгромленную Карлом Великим (799 г.).
4. Хазары — в 650 г. перешли Дон и основали свой каганат в степях к северу от Каспийского и Азовского морей.
5. Мадьяры (угры, венгры) — подвластные хазарам, будучи гонимы из Азии печенегами, прошли в начале IX в. через южно-русские степи в Паннонию и основали здесь, на месте разрушенного царства Аварского, свою державу (династия Арпада)
7. *Пути сообщения между морями Балтийским, Черным, Азовским и Каспийским.*

Восточно-Европейская равнина, на которой сложилось, росло и выросло Русское государство, лежала между четырьмя морями, и дороги, соединявшие одно море с другим, своим направлением в значительной степени оказали влияние на самый ход событий в жизни русского народа, а потому требуют особого нашего внимания. Таких путей, главных, было пять, и все они были водные, не сухопутные.

I. Так называемый *Великий Водный путь из Варяг в Греки*. Он шел из Балтийского моря (Финского залива): 1) вверх по течению река Нева, Ладожское озеро, река Волхов (города Ладога и Новгород при устье и при истоке), озеро Ильмень, река Ловать; 2) коротким волоком; 3) рекою Усвяты, правым притоком, *входил* в Западную Двину и *выходил* рекою Касплю, левым притоком; 4) снова коротким волоком; 5) вниз по течению: реки Днепр на всем его протяжении. До впадения в Черное море (города Смоленск, в верховьях; и Киев по среднему течению, на границе со Степью, где проходила открытая Дорога для кочевников из Азии в Европу).

II. *Разветвление Великого пути из Варяг в Греки*: Рижский залив, Западная Двина, река Каспля и далее, как выше.

III. *Волжский путь*: река Нева — озеро Ильмень (см. выше); отсюда шли две дороги, обе первоначально направлялись по рекам, кивающим свои воды в Ильмень: 1) река Мета; волок; озерами; из них вниз по течению, последовательно: река Пес, река Чагодоша, Река Молога, река Волга; 2) река Пола; волок; озеро Селигер; река

Селигер, исток этого озера, впадающий в Волгу. Ныне на этих путях лежат: на первом — Веребье, Устюжа, Весеьгонск, Молога, Рыбинск, на втором — Демянск, Селижарово (далее Ржев на Волге).

IV. *Путь из Варяг в Хазары*: с верхнего Днепра, от Гнездовского могильника, что близ Смоленска; рядом волоков входил в Десну, поднимался по этой реке и по Сейму, волоком достигал р. Оскола, а из него спускался в Донец и Дон. Путь этот шел от Смоленска по местности, где ныне (на самом пути или вблизи него) лежат города Брянск, Трубчевск, Новгород-Северский, Путивль, Рыльск, Льгов, Курск, Старый Оскол, Новый Оскол, Валуйки, Купянск, Изюм, Луганск, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, Азов.

V. *Залозный* путь (более позднего времени): с нижнего Днепра (у нынешнего города Екатеринославля) вверх по р. Самаре, из нее вверх по Волчьей Воде, волоком в реку Калмиус, впадающий (у Мариуполя) в Азовское море.

8. Русские племена и места, ими занятые.

1. Поляне, с городом Киевом — по среднему Днепру
2. Древляне — к северо-западу от полян, по реке Припяти
3. Дреговичи — к северу от древлян, между Припятью и Западной Двиною.
4. Дулебы и бужане (иначе: волыняне) — к Западу от полян, по реке Западный Буг.
5. Белые хорваты — западнее волынян, в нынешней Галиции.
6. Северяне, с городом Черниговом — к востоку от полян, по рекам Десне, Сейму и Суле.
7. Радимичи — к северу от северян, по реке Соже.
8. Вятичи — всего дальше зашли на восток; по верховьям реки Оки.
9. Кривичи, с городами Смоленском и Полоцком — на водном узле, на верховьях рек Днепра, Волги и Западной Двины.
10. Словене, с городом Новгородом — у озера Ильмень и по реке Волхову.
11. Уличи и тиверцы — по рекам Днестру и Южному Бугу, у северо-западного побережья Черного моря (названия их городов неизвестны)

1. Поляне, волыняне, хорваты — будущие малороссы.
2. Древляне, дреговичи, радимичи, кривичи — будущие белорусы.
3. Вятичи, северяне, словене — будущие великороссы.

4. Уличи и тиверцы — исчезли бесследно (не все даже признают их за славян).

Что говорит нам географическое распределение этих племен? Все они старались разместиться в бассейне Днепра; они тесно жмутся к главной реке, захватывают ее притоки и неохотно покидают их. Днепровский водный путь — своего рода трансевропейская железнодорожная магистраль того времени; он соединял население, жившее по берегам Балтийского моря, с побережьем Черного. Раскроем карту Европы, и в пределах недавней Российской империи проведем линию от Петербурга через Киев и Одессу — мы получим почти правильный перпендикуляр на 30° к востоку от Гринвичского меридиана. К этому перпендикуляру, как к основному стержню, присосались 1100 лет назад русские племена, положившие начало Русскому государству. Северный и южный концы его как раз совпадали с северным и южным (начальным и конечным) пунктами Великого Водного пути. Жизненное значение последнего видно из того, что главные населенные центры, военные и торговые пункты, где в минуту опасности люди искали себе защиты, а в мирное время производили обмен товаров, почти все лежали на нем. Таковы города Ладога, Новгород, Смоленск, Чернигов и Киев. Происхождение этого последнего — города Киева — теряется в глубине веков. Сарматский «Метрополис», готский «город на Днепре» — «Данаприс» — дают основание думать, что наша «Матерь русских городов», прежде чем объявиться в русской истории, уже существовал в течение многих веков и был известен как на скандинавском севере, так и в южной Византии.

9. Быт русских славян.

1) Три ступени быта.

В жизни славян, как, вероятно, почти у всех других народов, можно проследить три формы (ступени) быта, переживаемые последовательно одна за другой: быт патриархальный или родовой; быт задружный; быт общинный. Вот основные черты каждого из них:

I. *Патриархальный быт, иначе родовой.* Семья поглощена родом; семья, можно сказать, не существует. В состав рода входят лишь те, кто связан узами *крови*. Чужая «кровь» допускается лишь для усыновляемых или для тех лиц женского пола, которые входят в род путем брака, порывая всякую связь со своим собственным родом. **Все** родичи находятся в полной власти, в безусловном повиновении у старшего в роде, у *pater familias*: безграничный владыка, он безап-

пеляционнo распоряжается родовым имуществом, действиями и судьбою членов рода; от него зависит самая жизнь их. В чистом виде такой родовой строй едва ли когда существовал у древних славян даже в наиболее древнюю пору; его можно зато наблюдать у древних евреев, у древних римлян.

«Institutiones» императора Юстиниана так формулировали принцип, положенный в основу таких отношений: Qui ex te et uxore tua nascitur, in tua potestate est Item qui ex filio tuo et uxore ejus nascitur, id est nepos tuus et neptis, atque in tua sunt potestate et pronepos et proneptis et deinceps caeten. Qui autem ex filia tua nascuntur, in potestate tua non sunt, sed in patris eorum. — Рожденные тобою и твоей женою пребывают в твоей власти. Тоже и рожденные сыном твоим и его женою, т. е. твой внук и внучка пребывают в твоей власти. Пребывают в твоей власти также и правнук, и правнучка, и остальные нисходящие. Рожденные же твоей дочерью — в твоей власти не пребывают, но во власти их отца.

II. *Задружный быт.* С течением времени род-семья (отец, мать и женатые сыновья, невыданные замуж дочери, внуки) постепенно распадается: с увеличением числа отдельных его членов, наряду с близкими родными, появляются дальние родственники: двоюродные, троюродные братья, племянники; все они (со своими женами и детьми) продолжают жить вместе, все они связаны, как и раньше, кровью Кровное, родоправовое и экономическое единство выражается в том, что у них общий для всех глава-распорядитель, и в том, что все они живут в одном общем для всех доме; но несколькими семьями, с особым у каждой очагом (помещением), хотя самые очаги эти (помещения) нередко подведены под одну крышу или стоят на одном дворе. Это своего рода готическая колонна храма, составная в своих частях: тонкие колонки срослись, образовав одну мощную, неделимую колонну: одна от другой они не отделены, однако различить каждую из них в отдельности уже возможно.

Движимая и недвижимая собственность (земля) становится общим достоянием: она еще никому не принадлежит в отдельности, но и pater familias (старейшина) уже не обладает прежнею безапелляционною властью над нею: он перестал быть полноправным хозяином — он поставлен заведывать и управлять ею Это — *задруа*. Нарушен и принцип крови: в состав задруги могут быть приняты и зятья — мужья дочерей и сестер. Хотя личность поглощена в задруге так же, как и в роде, но все же у нее есть некоторая возможность проявить себя: ведь как составная часть коллектива она уже существует, в общем обсуждении экономической жизни задруги она участвует Что касается до старейшины, то если первоначально, в более раннюю пору задружного быта, он становился им в силу своего рождения, как старший брат или дядя, то позже, с течением времени, его

начинают выбирать, причем выбор мог пасть и не всегда на старшего. В такой обстановке старейшина, разумеется, перестал быть абсолютным владыкою над жизнью и смертью своих задружан. При дальнейшем разрастании задруги, стал дробиться не один «очаг», но и общее имущество; стало возможным образование, скажем, двух задруг из одной — это та пора, когда задружно-общинный быт превращается в быт территориально-общинный. Задруга, в древности общая многим народам Европы, дольше всего сохранилась среди южных славян, на Балканском полуострове, где стала исчезать сравнительно недавно, лет 80 — 100 назад.

III. *Общинный быт.* На этой стадии возникает *семья*, как мы понимаем ее теперь: отец, мать и их дети. У этой семьи свои личные (семейные) интересы, свои права по отношению к другим семьям, свой дом. Союз таких семей, живущих одна подле другой, образует *территориальную общину*: у нее общая земля, члены ее несут круговую поруку, взрослые члены общины собираются на сходку (вече), которая и является решающей законодательной властью. Таким образом, кровная связь исчезла; ее заменил прозаический интерес материальной выгоды, экономической пользы, совместной защиты против общего врага. Разрастаясь, община превращается в волость, погост, а союз таких волостей образует *жузу*, племя со своим *жупаном*, князем.

2) *Быт русских племен в середине IX века.*

Таким *общинным* бытом жила русская народность в середине IX века. К этому времени она уже осела на постоянных местах, достигла известной степени культуры, жила не только на пашне или в лесах, занимаясь там земледелием, звероловством, рыбным промыслом, лесным пчеловодством, но и городами, где вела оживленную торговлю. Особенно это надо сказать про южную часть населения (Киевское Приднепровье). К этому времени русские племена уже успели пройти Первоначальную стадию строго-родового быта, когда люди группируются в союзы исключительно по родству крови, по происхождению от одного общего всем родоначальника: к середине IX века родовые Устои общежития уже пошатнулись, хотя и не исчезли вполне, сохранившись в задруге, но и та уже глохла — преобладающей формой общежития стала община, управляемая общим народным собранием — вече, с общим племенным старейшиной — князем (древлянский князь

См. Приложения. № 5: «Каким бытом жили русские племена в середине IX века?».

3) *Распределение труда. Общественные классы*

К середине IX века среди населения уже можно проследить распределение занятий, труда; успели возникнуть и общественные классы:

1. *Занятия*: земледелие, промыслы, торговля. Промыслы развились преимущественно на севере (звериный, рыбный; охота на птиц, разведение пчел), так как болота и леса не особенно манили здесь пахаря. Такие продукты, как мед, воск, шкуры, меха свозились в большие торговые центры, главным из них был Киев. Отсюда часть товаров шла в Византию, непременно караванами и притом под военной охраной. Кроме Византии заграничная торговля велась также и с Востоком (Кавказ, Прикаспийские страны)

2. *Общественные классы*. Торговля, обработка земли и промыслы, управление и охрана страны создали общественные классы: сельский (земледельческо-промысловый), военный, купеческий (скупка товаров; вывозная и ввозная торговля оптом) и мелких промышленников-торговцев (розничная торговля).

II. Основание Русского государства

/ . *Норманны-варяги.*

Русское государство, говорят, основали варяги. Долго спорили о их происхождении: одни утверждали, что варяги были славяне с южных берегов Балтийского моря; другие видели в них людей германского племени, пришедших из Скандинавии или Ютландии, где жили так называемые норманны. В науке, в настоящее время, последнее мнение более или менее преобладает.

Гонимые материальной нуждой, влекомые жаждою подвигов, удалством и мыслью о легкой наживе, норманны легко снимались с места, без особого труда покидали свою скудно одаренную родину и совершали, начиная с IX века, набеги то на Британию, то на Францию, доходили до Сицилии, Южной Италии; они снаряжали целые флотилии двухпарусных лодок и грабили не одно морское побережье, продвигаясь внутрь страны, вверх по глубоким рекам, повсюду вносили ужас и разорение. За краткий период сорока лет (840—880) от их набегов жестоко пострадали Гамбург, Кельн, Бонн, Аахен, Кобленц, Трир, Руан, Реймс, Тур, Орлеан, Бордо, Тулуза, Севилья, итальянская Пиза. Париж норманны держали в осаде за это время два раза. Панический страх охватывал население при одном известии о приближении этих удалых берсеркеров, не знавших пощады морских пиратов. «*De furore Normannorum libera nos, Domine*» «От ярости норманнской избави нас, Господи» — такая молитва сложилась на Западе в эти тяжелые годы грубой силы и бесправия

В свои набеги норманны обыкновенно отправлялись сравнительно небольшими дружинами (отрядами) и, вернувшись домой, могли быть уверены, что найдут на старом месте и дом свой, и сородичей. В этом было их отличие от других германских племен, вест- и остготы, франки, бургунды, снимаясь со старого селища, переселялись на новые места *всем племенем*: с женами, детьми, с домашним скарбом, со всеми стадами скота и табунами лошадей; после их ухода оставалось «пустое место», которое могли занять другие племена. Часть норманнов ходила на Запад и известна там под этим именем;¹ другие выбирали Восток — этих обыкновенно звали (в Византии)² [Βαραυοῖ] — *варяги*, т. е. наемники, солдаты, принятые на службу.

2. Норманны в бассейне Волги.

На равнине Восточной Европы, в пределах будущей России, норманны впервые появились в конце VIII века (ок. 800 г.). Одновременно грабители-насилыники и торговцы, они через озеро Ильмень пробирались по его притокам до Волги и спускались на своих ладьях по этой многоводной реке, посещая земли болгар, бургасов и хазар — незадолго перед тем основанный Хазарский каганат. Хазары дорожили обменом товаров с далеким Западом и не только охотно принимали норманнских купцов у себя дома, в Итиле, но и сами выезжали к ним навстречу, привозя в Болгарию произведения мусульманского Востока. Дальше на север, впрочем, проникать они не решались.

Оживленные сношения норманнов с Поволжьем тянутся через весь IX век. Об их интенсивности можно судить по количеству арабских монет (до 40 000), найденных в разных местах Швеции, иногда Целыми кладами; они попадали туда или как плата за вымененный товар, или как награбленная добыча, привезенная домой после удачного набега.

Большие расстояния, отделявшие Швецию от Болгарии и Хазарии, необеспеченность пути, растянутого на многие сотни верст, при несомненной выгоде торговых сношений с этими отдаленными странами, побуждали норманнов держаться поближе к Поволжью. На берегах озера Ильмень они основали большую колонию, силою подчинив себе мест-

¹ Normen — северные люди: таковыми были они для жителей Средней И Южной Европы.

² Из сочинений Константина Багрянородного мы знаем, что «Русь Играла довольно важную роль в византийской морской службе: в критском Походе 902 г. участвовала русская эскадра с 700 человек экипажа; в Итальянском походе 936 г. упоминается 415 русских; в другом критском Походе 949 г. участвовало 9 русских судов и на них было экипажа 629 Человек. Независимо от того, Русь служила в императорской гвардии» (Успенский).

ное население: летописных словен, кривичей, чудь и даже мерю, жившую много дальше на восток.¹ Прочно осев здесь, норманны сделались хозяевами Великого Водного пути, могли держать под своим контролем проезд на Волгу и в то же время поддерживать связь с родиной, чему способствовало также основание, на полдороге в Швецию, укрепленного города Альдаген.² Это полуразбойничье гнездо проявляло, однако, некоторый уклон к торговле; у него мы видим первые зачатки государственности; их царек носил титул Хагана — по всей вероятности, под влиянием частых сношений с хазарами.

У финнов ильменские норманны стали известны под именем *Rusov*, *Руси* (*Ruotsi*); вероятно, от них это имя перешло и к арабам (*Rus*)

3. *Норманны в бассейне Днепра.*

Задолго до того, как Волжский путь закрылся и потерял свое значение для норманнов, они появились на другом водном пути — на Днепровском. Путь этот, вообще, не мог долго оставаться неизвестным и неиспользованным для удалых выходцев из-за моря. Две дороги вели скандинавских викингов на восток: одна — северная: Невою и Ладогой, тут, на берегах Ильменя, как мы видели, они образовали «Ильменский каганат», другая — южная: вверх по Западной Двине; тут, в верховьях этой реки, они тоже основывают военную колонию, впоследствии выросшую в целое княжество (Полоцкое) с князем Рогволодом во главе.

Днепровский путь обладал гораздо большими преимуществами, чем Волжский, открывая и торговцу, и завоевателю перспективы гораздо более широкие и заманчивые. Помимо того, что он, так же, как и тот, вел в теплые страны, но: 1) был значительно ближе; 2) являлся путем «из Варяг в Греки» — вел в богатую Византию, страну с высокой культурой, где, помимо грабежа и торговли, воинственный берсеркер находил себе заработок и пропитание в работе, которая была ему всегда по душе: поступая к грекам на военную службу, и, наконец, 3) Днепровский путь лежал через земли, хотя и готовые воспринять государственность, но еще не воспринявшие ее. На Волге, при наличии двух государств, Болгарского и Хазарского, норманны должны были довольствоваться положением временных гостей; стать хозяевами там они не могли; племена же, осевшие в бассейне Днепра, жили, подобно Иль-

¹ Остается спорным, где, собственно, был центр этой Ильменской колонии: на истоках ли реки Волхова, близ нынешнего Новгорода, как думают одни (Арнэ), или южнее, у Старой Руссы, как полагают другие (Шахматов). Весь этот край у скандинавов издавна известен был под именем Гардарики (*Gardariki*, «страна городов»). Главными поселениями здесь были Альдаген, близ устья Волхова (на месте нынешней Старой Ладоги) и Холмгард (*Holmgardr*, «островной город»), недалеко от славянского Новгорода (Нидерле).

² См. предыдущее примечание.

менским славянам, разрозненно и такого сопротивления, как в Болгарии и Хазарии, оказать не могли; местные князьки, вроде древлянского Мала, в сущности были простыми племенными старейшинами. Здесь легче было не только обзавестись новым прочным гнездом, но и завладеть всею дорогою и даже перенести старое гнездо, с озера Ильменя или берегов Двины, на самый Днепр.

Все дело сводилось к тому — кто из норманнов перебьет дорогу и захватит первым Днепровский путь: ильменские или полоцкие. Дорогу перебила Ильменская Русь. Впрочем, это одна догадка: возможно, что в середине IX в. Полоцкая колония была еще слишком слаба, чтобы думать о соперничестве, — в таком случае ильменцам вообще нечего было *перебивать*: на своем пути серьезной помехи они не встретили.

В Византии и на Западе Ильменская Русь впервые стала известна в 839 году, когда к греческому императору Теофилу от нее приходили послы с предложением дружественного союза. А спустя после того какой-нибудь десяток лет, много-много полтора, Аскольд и Дир появляются в Киеве, овладевают им (ок. 850—855 гг.) и в 860 году совершают свой набег на Царьград — первое отмеченное историей вооруженное нападение Руси на греков.

Откуда пришли в Киев Аскольд и Дир, были ли они выходцами из Ильменской колонии и покинули ее, не поладив с товарищами, как это можно предполагать, если руководиться летописью, или это были пионеры, посланные самой колонией, — судить трудно за отсутствием точных данных. Одно можно утверждать с большей или меньшей вероятностью: если Аскольд и Дир пришли сюда как насильники-грабители, если и поход свой на Царьград они предприняли в тех же целях, то здесь, на Днепре, они нашли обстановку, которая властно побуждала их вынужтый меч использовать не во вред местному населению, а на пользу, так как интересы Киева и их собственные оказались далеко не столь противоречивы, как это, может быть, представлялось им на первых порах.

На среднем Днепре склад жизни значительно разнился от того, какой еще держался в Ильменской полосе славянских поселений. Здесь он уже перерос его. Там, на севере, в краю болотистом и лесистом, словене и кривичи, подобно своим соседям-финнам, продолжали еще жить *племенным* бытом, добывая себе средства к существованию рыбным и звериным промыслом; на юге же, по среднем Днепру и его притокам, у полян и соседних с ними племен, под влиянием вековой культуры,¹ племенной быт уже пошатнулся: выросло

¹ Юг нынешней России в течение XV—XVI веков (VII в. до Р. Х. — *Х в. по Р. Х.) знал скифов, сарматов, греков с их колониями, римлян, **Готов**, Византию (их колонии в Крыму), хазар, самое культурное из **Иоркских** племен.

значение *города* и *волости*, тянущейся к своему городу; возникли общественные классы: воинов, купцов, селян-земледельцев, завязались торговые сношения с Византией, - словом, уже были налицо все данные для образования государства. Недоставало только фермента, чтобы скрепить и претворить эти элементы в такое государство. Таким ферментом и явились пришельцы с севера.

Вот почему, если там норманны ограничивались одними набегами, насилием да собиранием дани, а с самим населением не смешивались, в обиход его жизни не вступали, то здесь, на более культурном юге, они выступают как *положительный* элемент, деятельными участниками в местной жизни, в роли правителей и защитников страны. Первые же шаги их в Киеве ознаменованы большим культурным делом* Аскольд и Дир освободили полян от обязанности платить дань хазарам и тем положили начало их самостоятельному политическому существованию.

Действовать в указанном направлении побуждали их еще и другие мотивы. Слишком далеко лежал Киев от Швеции; норманнской дружине трудно было отсюда поддерживать сношения с родиной, пополнять убыль соратников и находить у нее в критические минуты необходимую помощь. Маленькая кучка среди враждебного населения, она очутилась здесь отрезанною от своего мира. Для простого набега, для временного пребывания в чужой стране ее еще хватало, но не более. Требовалось поэтому наладить свои отношения так, чтобы стало возможным мирное сожитие. Аскольд и Дир так и поступили. С их появлением на Днепре, под влиянием их управления, племенной быт полян и северян теряет всякую устойчивость и племенные интересы отходят на задний план, уступая место интересам политическим, государственным.

4. *Ильменские и Киевские норманны. Борьба за власть.*

С появлением Аскольда и Дира в Киеве на водном пути «из Варяг в Греки» оказалось два норманнских гнезда, оба на славянской земле, среди славянского населения. Несмотря на значительное расстояние, отделявшее ильменских норманнов от киевских, мирно ужиться и не враждовать они не могли. Обеспечение свободного прохода в Швецию и общение с тамошними сородичами становилось для киевских пришельцев жизненной задачей; между тем обе дороги туда, на Волхов (Новгород) и на Двину (Полоцк), всегда могли закрыться для них. С другой стороны, открывшийся в Византию путь обещал столько соблазнительного и заманчивого, что Ильменская Русь, в свою очередь, не могла спокойно оставлять его в чужих руках.

Столкновение, таким образом, становилось неизбежным. Кому здесь принадлежал почин - наука решающего ответа еще не дала, да едва ли когда даст. Возможно, что известную роль сыграл здесь происшедший в то время на севере переворот, о котором до нас дошли, к сожалению, одни лишь легенды.

Ильменские словене и кривичи, вместе с чудью и мерью, свергли чужеземное иго и прогнали норманнов обратно за море. Но вслед за тем у них настали раздоры... Тщетно старались они восстановить нарушенный мир и порядок. Тогда, по совету мудрого старца, они отправили послов к варягам, к Руси, звать оттуда князей. Послы явились в землю варягов и сказали им: «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет; придите княжить и владеть нами»¹ На зов откликнулись три брата и, действительно, пришли со своими родичами и дружиной и сели: Рюрик в Ладоге (Альдаген), откуда потом перешел в Новгород; другой, Синеус, на Белоозере; третий, Трувор, в Изборске. Через два года младшие братья умерли, и всей землею стал править Рюрик.

Такова *сказка* / но в ней мало сказочного; она больше похожа на правду. Ум русского человека, при написании первой страницы истории, не создал ни волчиц, питающих своими сосцами братьев-близнецов, ни минотавров — странных, небывалого вида существ. Русская легенда выросла на почве фактов весьма правдоподобных.

Эту «сказку-легенду» позволительно так объяснить:

Уход аскольдовой дружины ослабил северную (Ильменскую) Русь; этим воспользовалось местное население и сбросило чужеземное иго. Освобождение, однако, не избавило ильменских славян от раздоров в собственной среде. К тому же им грозила опасность со стороны Киева. Положение Аскольда (или кого бы там ни было на его месте) не было еще достаточно прочным; ильменские славяне могли отрезать ему свободное общение с родною Швецией, и он должен был принять против этого меры — конечно, враждебные, насильственные. Эти два обстоятельства — домашние распри и расхождение с теми, кто в данную минуту хозяйничал в Киеве, — и вызвали необходимость в «призвании варягов».

Изгнание поработителей и призыв Рюрика всколыхнули северославянский мир. И здесь, подобно югу, племенной быт оказался уже отжившим и должен был уступить место иному, государственному. Рюрик и заложил первый камень в фундамент нового здания. Прежние варяги (Русь) были здесь простыми насильниками, у этих — появи-

¹ Сравните, что говорили бритты, призывая к себе в V веке на помощь Генгиста и Горсу, вождей англо-саксонских дружин: *Optimi, inquit (legati), Saxoni, miseri Bretti crebris hostium incursionibus fatigati et admodum contriti, miserunt nos ad vos. Terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam vestrae mandant dittons parere* (Видукинд *Res gestae Saxonicae*; хроника X века).

² Первый русский князь Рюрик — основоположник русского государственного здания: «от него все пошло»; «он — первая страница русской истории». Это Тезей афинян, Ромул римлян, Пржемысл чехов, Пяст поляков, Хлодвиг франков.

лись общие интересы с местным населением. Эта самая общность интересов еще сильнее выявила противоречие интересов Севера и Юга, — противоречие и без того довольно сильное. Север тянулся к плодородному Югу за хлебом, которого в достаточном количестве не давал ему болотистый и лесистый Ильменский край; Юг же, со своей стороны, тянулся на север, чтобы не очутиться в положении маленького островка, затерянного среди океана чуждой славянской стихии. Север (Олег) двинулся на юг, овладел Киевом (убийство Аскольда и Дира) и перенес на берега Днепра свой политический центр.

Олег занял место Аскольда и Дира не с тем, чтобы разрушить их дело, а, наоборот, чтобы дальше вести его в том же направлении. Он возводит пограничные укрепления для защиты от внешних врагов, и в походе на греков, собирая племена под общим стягом, объединяет их общими интересами, подготавливая своим преемникам созидательную работу превращения разрозненных дотоле единиц в одно целое. На историческую сцену выступает русский *народ*, и для него начинается *история*.¹

5. *Варяги-Русь, и Русь-страна.*

Варяги явились не только ферментом, который скрепил разрозненные племена и сплотил их в одно государство, — они и самой стране, куда пришли, дали свое имя — *Русь*.

1. Летописец прямо говорит: «и от тех варяг прозвашася Русская земля».

2. Славяне и Русь, по представлению того же летописца, одно и то же: «А словенск язык и руский один».

3. Разноплеменное войско Олега, отправившееся с ним на греков, — варяги, словене, чудь, кривичи, меря, поляне, северяне, древляне, радимичи, хорваты, дулебы, тиверцы — летопись объединяет одним именем — *Русь*.

4. Наконец, сами греки заключают договор с *Русью*.

Русью (Ruotsi) называли варягов финны; от них наименование это усвоили и славяне, причем название *людей* перенесено было потом на *страну*, на *землю*, куда они пришли и где осели. Таким образом, следует строго различать Русь — *страну* и Русь — *людей* — страна была славянская, люди — норманны, германского происхождения.

История знает не один пример того, как имя чужой народности усваивалось страной, в которой эта народность появлялась, сливаясь с местным населением: славянская *Болгария* заимствовала свое имя от тюркских болгар; галло-романская *Франция* (Jsle de France, с центром — Парижем) — от германских франков; французская *Нормандия* — от скандинавских норманнов; иберо-романская *Андалу*

зия — от германских вандалов Галло-романы и дунайские славяне слились с пришельцами, поглотив их, впитали в себя, но усвоили их имя, и хотя вандалы сравнительно скоро покинули Андалузию, все же они оставили там свое имя.

Все земли, тяготевшие к Киеву, как к своему центру (а таковыми были все земли, населенные восточнославянскими племенами), войдя в орбиту Русской земли, стали обозначаться, как составные части этой земли, и тоже стали русскими землями. Иначе Андалузия и Нормандия: для Испании и Франции они никогда не были центрами и передать своего имени другим, хотя бы и родственным, областям не могли.

Здесь надо искать объяснения, почему имена рек, гор и урочищ, равно как и имена местных людей — чисто славянского корня Волхов, Ловать, Днепр, Десна, Новгород, Смоленск, Чернигов, Киев, Любеч, Переяславль, Боричев Увоз, Шековица, Хоривица, Кий, Щек, Хорив, — имена же первых князей и послов «от рода Русского», перечисленных в договорах Олега и Игоря с греками, наоборот, чисто скандинавского происхождения:

Князья: Рюрик — Rǫgkrek; Синеус — Signiutr; Трувор — Thorvadr; Олег — Helgi; Игорь — Ingvarr; Аскольд — Hoskuldr; Дир — Dugi.

Послы: Карл, Инегелд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Фост, Шихберн, Турберн, Шибрид, Турбид, Фурстен и проч.

Здесь также объяснение и названиям *Днепровских порогов*. В своем сочинении «Об управлении Византийской империей» император Константин Багрянородный, рассказывая о том, как торговые караваны, направлявшиеся из Киева в Византию, должны были обходить опасные пороги на Днепре, приводит название этих порогов на двух языках; и действительно, обозначенные «по-славянски» — вполне славянского корня: Островунипраг, Неясыть, Вулнипраг, Веручи, Напрези; а те, что обозначены «по-русски», сразу выдают свое скандинавское происхождение: Ульборси, Айфар, Варуфорос, Леанти, Струвун.²

6. Деятельность первых князей.

Что положительного внесли они в русскую жизнь.

1. Рюрик	862 — 879
2. Олег	879 — 912

¹ См. Приложения. МММ 7 и 8: «Происхождение имени Русь» и «Славянская Русь на побережье Черного и Азовского морей».

² Всех порогов Константин Багрянородный насчитывает не пять, а семь; остальные два — *Есупи* и *Геландри* имели общее название и «по-русски» и «по-славянски».

3. Игорь	912—945
4. Ольга	945—957
5. Святослав	957—972
6. Ярополк	972—980
7. Владимир Великий	980—1015
8. Святополк Окаянный	1015—1019
9. Ярослав Мудрый	1019—1054

В русской жизни варяги сыграли роль фермента: дрожжи заквасили муку и дали взойти тесту. Мы видели, что начатки гражданственности до варягов уже существовали; отсутствовал лишь тот импульс, который заронил бы в сознание людей желание и потребность объединить отдельные воли для общего дела. Эта задача и выпала на долю варягов. Они положили начало политическому воспитанию русских племен, прививая им сознание, что, живя друг подле друга, по сходным обычаям, говоря одним языком, они и действовать должны сообща, иметь одно общее дело, в силу самой общности своих интересов; что, сплотившись воедино, вместо прежней жизни вразброд, они легче удовлетворят своим потребностям, а главное, вернее охранят себя от вторжения и насилия соседей-врагов. Эту мысль о политическом единстве позже станет вкоренять в сознание русских людей особенно православная Церковь, но первый шаг в этом направлении сделан был первыми русскими князьями, и в этом их главное значение. Они, можно сказать, заложили первый камень в том фундаменте, на котором позже стал строиться весь наш государственный порядок и общественный быт.

Эту важную работу первые князья проделали тройким путем 1) объединением племен; 2) борьбою со Степью и 3) сношениями с Византией.

1) *Объединение тгмен.*

Насильственно или мирно, князья вводили в покоренных областях¹ свое управление, набирали там себе войско, собирали дань, творили суд и расправу на основе справедливости, порядка и законности, привлекали население к участию в своих походах, — вообще, закла-

¹ Подчинились княжеской власти: новгородские словене и кривичи — при Рюрике; поляне, древляне, северяне, радимичи — при Олеге; вторично древляне — при Игоре и Ольге; вятичи — при Святославе; вторично вятичи и радимичи (отпавшие было) — при Владимире Великом. Кроме того, Олег² пытался покорить тиверцев и уличей; Владимир — хорватов.

В походах Олега принимали участие, кроме подчинившихся племен, также хорваты, дулебы, тиверцы и финские меря и весь, в походах Игоря — тиверцы.

дывали начало гражданского правопорядка и вводили разрозненные до тех пор племена в орбиту общей жизни.¹ Два столетия спустя, после Рюрика, объединение племен можно считать законченным¹ о племенах уже нет более речи — их заменили *области*¹ Полоцкая, Смоленская, Черниговская, Киевская, Туровская, Волынская и т. д.

Объединение, особенно некоторых племен, совершалось, несомненно, путем большого насилия: древляне, вятичи, радимичи не сразу подчинились княжеской власти; их приходилось «примучивать» неоднократно. Тем не менее, такое объединение существенно отличается от того способа, каким заложен был новый государственный порядок в Западной Европе. Там целое племя овладевало территорией, захватывало власть, присваивало себе земельные богатства и, поработив туземное население, лишив его прав и свободы, становилось в положении особого привилегированного класса победителей, причем новая аристократия обыкновенно резко отграничивала себя законами и правами от побежденных. Там люди, совершенно чужие, притом же стоявшие на значительно более низкой ступени культуры, внедрялись в страну и «примучивали» население, обладавшее формами уже высокой гражданственности. Вследствие этого на Западе возникли своего рода два отдельных мира, враждебных и противоположных, и лишь с течением времени, путем долгого и болезненного процесса, они, наконец, слились в единое общество с общими интересами и целями.

Такого завоевания и захвата чужого, *такой* аннексии, как выразились бы в наше время, отнюдь не было на Руси прежде всего потому, что здесь *некому* было завоевывать в западноевропейском смысле, варяжский элемент — это дрожжи лишь скрепит русские племена и не замедлил растаять в том тесте, которое он поднял, недаром уже внук Рюрика, Святослав, носит чисто славянское имя.

Вообще там, где пришельцы являются ничтожною горсточкою, они неизбежно распыляются в массе туземного населения. Аналогичный пример дают нам волжские болгары, совершенно потерявшие свои этнографические особенности с переходом в славянскую Придунайскую равнину; или норманны, принявшие в Нормандии язык и культуру побежденных французов и оставившие здесь по себе воспоминание лишь в названии завоеванной ими области.

Объединение русских племен первыми князьями, по существу, не столько *завоевание*, сколько простое выяснение, в каких *этнографических* границах предстояло в дальнейшем действовать и проявляться

¹ Мсть Ольги древлянам за смерть мужа, в конечном результате, служит тому же делу. См. Приложения. № 9: «Первоисточник сказаний смерти Олега и мести Ольги древлянам (скандинавский или славянский?)».

княжеской власти. Лишь на крайнем западе, там, где лежали так называемые Червенские города,¹ эта граница оказалась спорною. Борьба из-за них с поляками положила начало той печальной и пагубной распри, которая потом, в течение длинного ряда веков, вплоть до наших дней, разъединяла и продолжает еще разъединять два братских славянских народа.

2) *Борьба со Степью (оборона страны от внешних врагов).*

Не менее важная роль выпала на долю первых князей в борьбе со Степью. Так как южная граница Русской земли непосредственно соприкасалась с широкой степной полосой, упирившейся в Азовское и Черное моря, и так как по этой полосе, как мы знаем, постоянно, точно волна за волной, разрушительным потоком разливались полудикие племена и кочевые народы, стремясь прорваться возможно дальше на запад, то первой обязанностью русских князей, естественно, являлась оборона границ. И они, действительно, обороняют их, стоят там на страже, укрепляя, строя города (Олег, Владимир Великий).³ С Игоря начинается и почти без перерыва тянется борьба с печенегами, походы Святослава на хазар, ясов и касогов имели, несомненно, ту же цель: обеспечить население Русской земли от враждебных действий степных народов.

Примечание. Что в этом отношении деятельность первых князей отвечала настоятельным требованиям века и что борьба со Степью, действительно, близко затрагивала самые жизненные интересы населения, доказывают легенды и сказания полусказочного характера, сложившиеся на почве этой борьбы. Таков

¹ Перемышль и Червень; по имени города Червеня (более не существующего) и сама область получила название Червонной Руси. Это юг бывшей Русской Польши и центральная часть нынешней Галиции.

² 981 г.: Владимир Великий захватил Червенские города; 1017 г. Болеслав Храбрый, король польский, вернул их обратно; 1031 г. Ярослав Мудрый, завоевав, вторично ввел их в состав русских земель; 1069 г. Болеслав Смелый, другой польский король, снова вернул их Польше, лет 10—15 спустя, однако, Червенские города в третий раз попали в русские руки.

³ Древний русский город не есть *город* в современном значении слова: это был «замок», «крепостца», «укрепление», от слова *городить*, *огораживать*, т. е. окружать поселение, ставить *кругом* стены, обыкновенно деревянные, откуда старинное выражение: «рубить город». Своею огороженностью (и предназначением) город отличался от *села*, *деревни* - поселений не защищенных, открытых, не огороженных, хотя тоже из *деревянных* построек.

рассказ о единоборстве русского юноши Яна Усмошвеца с печенежским великаном (Усмошвец *перял* славу у печенега, и Владимир Великий, в память этого радостного события, построил на месте поединка город *Перяславль*, к югу от Киева), или аналогичный рассказ о поединке князя Мстислава Тмутараканского с касохским князем Редедю. Летопись с явным сочувствием заносит легендарную повесть о хитрости, к какой прибегли осажденные и терпевшие от голода жители города Белгорода: с целью обмануть печенегов и вселить в них убеждение в обилии имеющихся в городе жизненных припасов, они, из последних остатков, наполнили два колодца один медвяною сотою, другой киселем и показали их печенегам; те, потеряв надежду на скорую сдачу, сняли осаду и отступили от Белгорода.

Впрочем, внимание к Востоку киевские князья уделяли не по одним только соображениям военного характера: они старались завязать с ним и торговые связи; однако развить и укрепить их Киевской Руси не удалось.¹

3) *Культурные сношения с Византией.*

Тяготение к Греции, к югу, не явилось ни случайностью, ни капризом: оно сложилось само собой и существовало искони, еще с той поры, когда о русском народе и помину не было. Мощный Днепр нес свои воды на юг, по направлению к Византии, а мы уже знаем, что куда реки текут, туда течет, направляется и народная жизнь* реки не только земные жилы, не только русла для стока воды - это также *этнографические* артерии. Подобно тому, как некогда река Нил привела древних египтян к Средиземному морю и поставила их в соприкосновение с Древней Грецией, а германские реки указали немецкому народу дорогу к морям Северному и Балтийскому; подобно тому, как на наших глазах Австрийская империя оказывала сильное экономическое и политическое давление на южно-балканские государства, потому что сербский и румыно-болгарский Дунай является простым продолжением Дуная австро-венгерского; точно так же и Днепр

¹ См. Приложения. № 10: «Походы Святослава на Восток»

властно вел осевшее на его берегах население к Черному морю, а оттуда в Греческую империю.

Таков основной смысл и значение походов Олега, Игоря, Святослава, Владимира, Ярослава. Торговые договоры устанавливали прочные и постоянные нормы отношений между русскими и греками, ставили молодой народ, при самом вступлении его на историческое поприще, лицом к лицу со старой, богатой духовными и материальными силами, цивилизацией. В этом историческое значение как договоров, так и самих походов на Византию

Примечание. Рассказы об этих походах дошли до нас, окутанные сказочной дымкою — лучшее доказательство того, что события, переданные в них, произвели глубокое впечатление на современников, не остались для них делом безразличным, но непосредственно и близко затронули их жизнь и интересы. Олег собирает 2000 громадных морских лодок, сажает на каждую по 40 воинов и плывет к Константинополю, опустошает его окрестности и захватывает богатую добычу. Греки разбиты, обложены данью, а Олег, в знак победы, прибывает свой щит ко вратам Царьграда Конечно, это легенда, народная сказка; но в то же время это первая страница той книги, которую русский народ будет писать в течение всех десяти веков своего политического существования и имя которой: «Проливы и свободный проход из Черного моря в Средиземное».

Торговля вообще и в частности с Византией велась еще до появления первых князей; теперь она стала значительно интенсивней Русские купцы в Царьграде становятся обычным явлением, и князья берут на себя трудную задачу обеспечить им правильный и постоянный

¹ Чем привлекала к себе обитателей полуварварского севера столица Византийской империи? Их влекли туда: пышные постройки, диковинки разного рода (цирковые представления, невиданные, богато украшенные церкви, храм святой Софии, водопроводы, бани, укрепления города стена Феодосия II, шедшая от Черного моря до Мраморного); жизнь в роскоши и неге, изысканные яства и вина, возможность легкой наживы (грабеж, денежный откуп, увод пленников, дорогие ткани, золотые украшения) Эпоха Македонской династии (867 — 1081) — время расцвета могущества и блеска империи.

² См. Приложения. № 11: «О достоверности договоров русских с греками X века».

обмен товарами. Напрасно думать, будто походы князей в Византию были пиратскими набегами в целях легкой наживы: войны с греками должны были силою оружия обеспечить русским торговым людям то положение на византийском рынке, какого они там домогались. Если надежда на богатую наживу и побуждала многих бездомных варягов-удальцов охотно стекаться под знамена русских князей; если и сами князья еще не сразу забыли свое варяжское прошлое, тем не менее простая сила вещей на первых же порах значительно расширила задачи их деятельности, заставив личный интерес уступить место пользе общественной и выдвинуть на первый план упорядочение экономических интересов богатого торгового класса, создание выгодных торювых сношений для всего населения.¹ Логическим выводом из сказанного явились договоры, заключенные с греками,² военная охрана торговых караванов, особенно необходимая у Днепровских порогов и близ устьев Дуная, где там и тут им постоянно грозили поджидавшие их печенег.

Знакомство с Византией обусловило не один только рост торговых сношений — князья принесли оттуда еще и новую веру. О введении христианства на Руси скажем далее особо.

7. *Святослав и Владимир. Опорные пункты на пути в Византию.*

Потребность в опорных пунктах на пути в Византию современниками хорошо сознавалась, и лучшим тому доказательством служит деятельность Святослава и Владимира Великого. Удаленность Византии от Киева ставила сношения с нею в зависимость от всякого рода случайностей. На протяжении длинного и опасного плавания русские ладьи нуждались в таких опорных пунктах-станциях, где они могли бы передохнуть в пути, а главное, в случае надобности, найти убежище и защиту или пополнение своих сил. Разве Англия по дороге в Индию не сочла нужным обзавестись Гибралтаром, Мальтой, Египтом, Аденем? Разве полезно было для дела, что Владивосток, вообще, русские берега Тихого океана никогда не были связаны с русскими берегами в европейских водах ни единой собственной промежуточной гаванью, ни одним русским портом?

¹ Нельзя было считать нормальным явлением необходимость мирному **Торговцу** обслуживать свое ремесло еще и в качестве воина. Между тем **то** беспокойное время купцу нельзя было пускаться в далекий путь **На** мирном положении, совсем без оружия и охраны: соблазн захватить **его** товары был достаточно силен у тех, у кого право «держалось на **°**стрие меча». Вот почему Олег, спустившись со своими воинами в ладьях **к** Киеву, мог легко заманить Аскольда и Дира, пригласив их осмотреть **его** «товары»: сочетании «воина» и «купца» в одном лице не представляло **собой** в ту пору чего-либо необычайного и вызвать подозрения не могло.

² До нас дошли лишь договоры Олега, Игоря и, неполный, Святослава

Память народная наделила Святослава чертами богатыря, который проводит свою жизнь в вечных войнах и неустанных походах; он живет в суровой обстановке, свои походы совершает налегке, без обоза, без шатров. Конский потник и седло в головах составляли его ложе; зверина или говядина, испеченная на углях, — его пищу. Стремительно, подобно барсу, кидался он на врага и, точно сознательно желая увеличить препятствия, заранее извещал о своем приходе, посылая сказать: «Иду на вас». В описании русской летописи Святослав напоминает тех норманнских викингов, для которых война, пролитая кровь, зарево пожаров составляли смысл, цель и поэзию самой жизни. В действительности же, однако, народное воображение охватило лишь внешние черты; для него остался непонятным скрытый смысл Святославовых походов.

Примечание. В сущности, тот же облик сурового воина рисует нам и византийский писатель Лев Диакон, описывая свидание русского князя с императором Иоанном Цимисхием, состоявшееся на берегу Дуная по заключении между ними мира: мускулистый, широкоплечий, он носил короткую бороду и длинные усы; с выбритой головы спускался набок локон волос (чуб) — признак знатного происхождения; в одном ухе висела золотая серьга с рубином и двумя жемчужинами. В одежде он отличался от своих воинов разве только большею чистотою. Сурово и мрачно глядел Святослав вокруг. Он отплыл с левого берега Дуная в лодке и, наравне с остальными, действовал веслом; на противоположном берегу его поджидал Цимисхий верхом на коне, в дорогом убранстве, с пышною свитою. Не выходя из лодки, Святослав через переводчика обменялся с императором несколькими фразами и вернулся обратно.

Ранние походы на Византию до Святослава напоминают скорее удалые набеги, чем правильно поставленные военные операции. Строили морские лодки, собирали воинов, подплывали к стенам греческой столицы, сжигали окрестности,¹ брали богатый откуп, вынуждали

¹ Захватить самый город русским воинам было бы не по силам. Константинополь был недоступен ни с моря — вход в Босфор замыкался железными цепями; ни с суши — стена гигантских размеров, воздвигнутая императором Феодосием II (ум. 450 г.) и сохранившаяся еще и поныне,

греков на выгодный договор и возвращались обратно, нагруженные добычей. Но сам Константинополь был слишком удален от русского центра (Киева), чтобы даже крупный успех мог обещать победителям что-либо прочное и устойчивое. В минуту опасности греки готовы были идти на тяжелые жертвы, откупались от врага золотом и драгоценными тканями, подписывали договоры, определявшие юридическое положение русских, приезжавших в Грецию; но кто мог поручиться за прочность этих обязательств потом, когда русские ладьи вернутся обратно, и опасность пройдет? Нельзя же было из года в год производить такие набеги! Святослав первый из князей поставил себе целью добыть опорные пункты на длинном пути, что лежал от его столицы до столицы греков, понимая, что с более близкого расстояния ему легче грозить грекам и легче войти в соприкосновение с греческим культурным миром. В этих целях он задумал утвердиться на Нижнем Дунае, в земле болгар, и вел из-за него с греческим императором Иоанном Цимисхием упорную борьбу, красноречиво описанную византийскими историками (970 — 972)

Цимисхий разрушил планы Святослава¹ но, удайся они русскому князю, путь из Киева в Византию получил бы прочную точку опоры, а культурному воздействию Греции на полуварварский народ открылся бы более широкий доступ. Крупная историческая личность может все свои силы отдать на достижение эгоистических целей, но она умеет их совместить и неотделимо слить с благом общественным, что, собственно, и дает ей право на видное место в истории. Победы Александра Македонского не только удовлетворяли личную жажду подвигов и завоеваний, но содействовали также культурному общению азиатского Востока с европейским Западом, взаимному воздействию двух культур Юлий Цезарь, завоевывая Галлию, готовил себе средства для предстоящей борьбы с Помпеем и, действительно, приготовил их Галлия Дала Цезарю возможность стать «первым» не только в «деревне», но и в «городе»; и если со смертью Цезаря умерло его личное дело, то осталась Галлия, навсегда введенная в орбиту мировой жизни

Подобный же смысл, хоть и без соответственных результатов, имела и деятельность Святослава. Конечно, он прежде всего воин, человек меча; война была для него второю натурой; в мирной обстановке

опоясывала город, одним концом упираясь в Черное, другим в Мраморное Море: о нее неоднократно разбивались вражеские полчища не только варяго-русов.

Святослав должен был отказаться от притязаний на Болгарию; однако ущерба интересам русских торговцев это не принесло — их товарам по Ирежнему предоставлен был свободный доступ на греческие рынки Ясно, Что торговые сношения были обоюдно полезны и необходимы обеим враждовавшим сторонам.

города Киева ему не сиделось спокойно. Вся жизнь он провел в войнах, завоевывая вятичей, воюя земли болгар и хазар на Волге и Доне; война, однако, не превратилась у него в ремесло, но стала орудием государственной пользы, что особенно ярко сказалось в его борьбе с Цимисхием. Судьба отнеслась к Святославу значительно суровее, чем к Александру и Цезарю, да и сам он, конечно, ни по личным качествам, ни по тем средствам, что находились в его распоряжении, не стоял на уровне с названными великими деятелями древности; и все же это не простой искатель приключений, не бесшабашный рубака-берсеркер по норманнскому образцу: его место в ряду тех, кто вложил свою долю участия в трудное дело домостроительства Русской земли.

Неудача Святослава не остановила его преемников, но указала на необходимость поиска иных путей для сближения с Византией. Владимир оставил в покое Дунайскую Болгарию и обратил свое оружие на греческий город Херсонес в Тавриде. По своему положению последний действительно мог тоже послужить прекрасным опорным пунктом: он наполовину сокращал дорогу по совершенно открытому морю и значительно приближал зарождающуюся Россию к Византии с ее ценными материальными и культурными богатствами. Удача сопутствовала ему; город был взят, но греки и на этот раз отвратили опасность, хотя уже не военной силою. Мир был заключен на условии, что царевна Анна, сестра императоров Василия и Константина, станет женою русского князя, а тот вернет Херсонес, как вено, т. е. как брачную плату за жену. Таким образом, цели *военные* и на этот раз не были достигнуты, зато последствия *культурные* — введение христианства в России — оказались необычайно громадными и, несомненно, возместили чисто военный ущерб, причиненный отказом от Корсуни. К тому же удержать за собой надолго ни Херсонес, ни устье Дуная в ту пору все равно было бы невозможно: в Черноморских степях печенегов вскоре сменили половцы и надолго отрезали Южную Русь от берегов Черного моря, совершенно перегородив дорогу туда

*8. Киев, а не Новгород —
центр деятельности первых русских князей.*

Из сказанного выше станет понятным, почему центр русской жизни оказался не в Новгороде, а в Киеве, хотя толчок к объединению и дан был первоначально Севером. Киев лежал почти в центре Греческого Водного пути, значительно ближе к главному торговому рынку Византии, и к тому же близ устьев Десны и Припяти, двух рек, которые, в свою очередь, открывали удобные пути внутрь страны. Будучи расположен на границе Лесной и Степной полосы, Киев являлся удобным перевалочным местом для продуктов севера (лес, меха, мед, воск) и юга (скот, хлебное зерно). Он дальше всех был выдвинут к западу, в сторону Польши и Венгрии, что облегчало

общение с этими землями. Все это делало Киев узлом торговых сношений. Как позже Петербург на окраине Московского государства, поближе к культурному Западу, заменил Москву и стал «окном в Европу», так и Киев, по сравнительной близости к Византии, был удобнее для поддержания с нею культурных сношений. Кроме того, близость Степи, откуда следовало постоянно ожидать нападений, превратила Киев в важный военный пункт: южная окраина государства требовала постоянного присутствия князя; из далекого Новгорода труднее было бы защищать Русскую землю от кочевников. Вообще, «кто владел Киевом, тот держал в своих руках ключ от главных ворот русской торговли» (Ключевский) и располагал главным военным оплотом против беспокойного степного юга.¹

III. Введение христианства

/. Проникновение христианства в Русскую землю.

Христианство давно уже стучалось в языческую дверь России. Военные походы и торговые поездки в Византию обогатили русских людей в IX—X вв. не одними пленниками, заморскими диковинками и ценными тканями: они возвращались оттуда сами духовно плененными, под неизгладимым впечатлением высокой цивилизации тогдашней Византии — цивилизации, яркое выражение которой предстало перед русским варваром как в общественной и государственной жизни Римской империи, так и, в частности, в тех пышных, торжественных формах, в какие греческие императоры и греческие патриархи облекли христианскую религию. В греческой церкви во время богослужения пришелец с далекого Севера переносился в особый мир. Ярким образом, стройным напевам, строго выработанному обряду, где все пленяет и зрение, и слух, русский язычник мог противопоставить лишь бледные намеки на образы, лишь слабый зародыш правильного обряда. «Не знаешь — говорили те, кто побывал в греческом храме во время обедни — на небе ли ты или на земле: так хорошо! Не сумеешь и рассказать! Там сам Бог пребывает с людьми. Не забыть такой красоты! Всякий, однажды вкушивший сладкого, не захочет Потом горького — так и тот, кто раз побывал в греческой церкви, не в силах долее оставаться язычником».

К тому времени, когда Владимир принял новую веру и крестил свой Народ, христианство уже имело на Руси своих последователей и даже Мучеников. Еще княгиня Ольга, бабка его, мать Святослава, отреклась от язычества. Среди варягов тоже были христиане, а в самом Киеве для них была построена церковь во имя св. Илии. Когда Игорь заключил с

¹ См. Приложения. № 12: «Торговая ли деятельность Киева обусловила его политическое возвышение?».

греками договор (944) и послы византийского императора прибыли в Киев, чтобы привести город и его дружину к присяге в исполнение принятых обязательств, то часть дружины, язычники, присягали Перуном, а другие, христиане, давали присягу особо, в вышеупомянутой церкви. Эта присяга в ту пору имела такое же значение, как в наше время подпись и печать на государственном акте — очевидно, христианство, как исповедание, было не только терпимо, но за ним готовы были признать права гражданства: исповедники его допускались к непосредственному участию в государственной жизни языческого Киева. Таким образом, почва для принятия нового вероучения была подготовлена, Владимиру оставалось лишь взять инициативу в свои руки. Противодействие языческая масса оказала слабое, и процесс обращения в христианство совершился по всей стране почти безболезненно.

Примечание Женщина по общественному положению и по самой природе своей, существо более слабое, оказалась вообще восприимчивее мужчины к учению, проповедовавшему любовь и милость к слабым. Ольга своим авторитетом расчистила путь и обеспечила христианству его предстоящее торжество над язычеством. Таких «Ольг» история знает не одну. Таковыми были:

1. Клотильда, дочь бургундского короля, жена Хлодвига, короля франков V века. Она убедил своего мужа принять христианство и крестить свой народ.
2. Теоделинда лонгобардская, жена Агилульфа, VI века. Она примирила лонгобардов-ариан с римской Церковью и убедила их принять православие.
3. Берта, дочь франкского короля, жена Этельберга, короля кентского, VI века. Убедила мужа принять христианство и крестить свой народ.
4. Св. Людмила, жена Боривоя чешского, бабка св. Вацлава, X века. Вместе со своим внуком она первая бросила прочные семена в чешскую народную почву.
5. Домбровка, дочь чешского князя Болеслава I, жена Мешка (Мечислава) польского, X века. Под ее влиянием Мешко принял христианство и стал вводить его среди поляков.

Русская Ольга жила в героический период русской истории, исторические лица и реальные факты которого доходят до нас, окутан-

ные легендой, украшенные фантазией и вымыслом. Подобно Олегу, сыну своему Свято-славу, внуку Владимиру, Ольга, женщина, тоже *богатырь*. Ее мужа убили древляне, и она мстит им за смерть согласно требованиям морали того жестокого времени, кровью за кровь. Она поступила бы нечестно, если б не сожгла главный город древлян Искоростень, если бы не перебила безжалостно его жителей: это ее нравственный долг, и чем кровавее месть, тем с большим сочувствием отнесется к ней народная память. С принятием христианства энергия Ольги-язычницы не угасла: та же преданность идее, та же ревность и сила воли. Эта воля, это *горение духа* глаза, полные суровой, можно сказать, дикой энергии, сохранившей свою первобытную дикость даже в самом восприятии Божественного Слова, — прекрасно переданы художником Васнецовым в его иконе (портрете) св. Ольги, что в Киевском соборе св. Владимира.¹

2. Языческие верования русских славян.

Сравнение русского Олимпа с Олимпом греческим.

Сравнительной легкости и безболезненности насаждения христианской веры на Руси в значительной степени способствовало и то, что христианство захватило русское язычество прежде, чем оно успело достаточно развиться и окрепнуть: выработать устойчивые формы, отчетливые представления. Близость к природе, постоянное соприкосновение с нею, вместе с сознанием ее могучего влияния на его жизнь, привлекли русский народ, как и других арийцев, к поклонению видимым силам природы, небесных и земных, и возвели это чувство на степень религии, породили особый мир, населенный богами, — создали *русский Олимп*. Но Олимп этот куда бедней и бледнее Олимпа, например, литовского, германского, не говоря уже про греческий.

Из *сил небесных* особенно боготворились: небо — это был бог Сварог; солнце — Дажьдбог; гром и молния — Перун (германский Тор); ветер — Стрибог. Олицетворением *сил земных* служили: Мать-Сыра-Земля, леший, водяной, полевик.

Подобно греческому Зевсу или германскому Одину, богам ^{йе}ба, и Сварог был общий всем отец, а остальные божества — его дети,

¹ См. Приложения. № 13: «Посольства, которыми обменялись княгиня Ольга и император Оттон Ъ.

Сварожичи; подобно греческой Деметре (римской Церере), и Мать-Сыра-Земля олицетворяла силы природы; лучший соответствовал греческому Пану с дриадами, водяной — нимфам. Но помимо того, что греческий Олимп богат самим количеством своих божеств, разнообразием форм в олицетворении природы, — образы греческие гораздо ярче, определеннее; их черты выражены резче, выпуклей, полнее. По сравнению с ними божества русских славян лишь намечены, их скорее чувствуешь, чем видишь и сознаешь. Зевс рисуется нам вполне ясной фигурой, со всеми ее человеческими признаками; это живое существо, облеченное плотью и кровью. В каких только положениях не изображала его греческая мифология! О каких только похождениях его не рассказывала! Точно так же нам легко представить и Одина, пирующего в Валгалле в сообществе воинов, павших со славой в бою и унесенных с поля сражения девами-валькириями: все это настоящие люди, антропоморфические создания. Но что такое Сварог? Что он делает? Что такое Перун? В каком виде представим мы их себе?

Бог солнца, Дажьбог, назывался еще Хорсом, Волосом.¹ Эти разные наименования указывают, как и в верованиях других народов, на разные свойства божества, но самые свойства эти русская мифология, можно сказать, совсем не выделила. В чем разница между Дажьбогом и Хорсом? У финикияи отчетливо различаются: Бел — олицетворение благодатного солнца, дающего свет, тепло; Ваал — это солнце-губитель (зной, засуха); Мелькарт — солнце в его вечном движении. У греков Мелькартом был Гелиос, а Бел из солнца материального вырос в солнце духовное, в Феба-Аполлона, в бога духовного света, нравственного совершенствования и вдохновения. Ничего подобного в русском солнечном божестве. Отчетливее представляется Волос* это солнце-подаватель благ, между прочим, материального богатства, а так как последнее состоит в обладании скотом,² то и Волос стал богом скота

Существовал у русских славян и *культ предков*, божества¹ род,³ щур, рожаницы, русалки. Родство с общеарийской мифологией и здесь несомненно: род, щур, домовый сродни древнеримским ларам и пенатам; однако и тут их образы остаются неясными, точно окутаны дымкой, как та Голова, которую в пушкинской поэме Руслан видит перед собою на поле бывшей брани.

Кроме того, русские божества лишены *этического* элемента: они олицетворяют *только* силы природы — значительная часть греческого

¹ У западных славян: Белесом.

² Такому представлению, конечно, естественнее было сложиться на пастушеском юге, а не на лесном севере.

³ Род — божество-производитель. В честь его праздновалась *Радуница* на могилах умерших родителей; позже, в христианскую пору, род превратился в дедушку-домового.

Олимпа, наоборот, поднялась ступенью выше, до олицетворения духовных сил, моральных качеств и культурных проявлений деятельности человеческого ума. У русского язычника не было Зевса в роли *pater familias*, у него не было Аполлона, который убивал Пифона, духа тьмы, и в то же время играл на лире, окруженный своими музами; не было Афины-Паллады, богини разума; Гермеса, посланника богов, покровителя торговли; Гефеста, бога ремесел, кузнечного мастерства, и т. д., если русское язычество умело представлять солнце в разных видах, выделять различные его свойства, то и в этом случае ни одно из них не поднялось над уровнем земных, материальных понятий.

Бедность языческих образов русской мифологии, столь резко выделяющаяся на ярком фоне греческих верований, объясняется прежде всего тем, что греческая религия росла на свободе, без внешних помех, в течение долгих веков имела время окрепнуть. Богатая фантазия греков сумела выработать яркие образы и найти им прочные формы. Далее, особое сословие — класс жрецов — специально посвятил себя ее культивированию. Наконец, литература, наука, искусство Греции, в свою очередь, прочно закрепили образы богов в сознании народном. Потому-то греческий Олимп оказался таким живучим и позже так долго отстаивал себя в борьбе с христианством.

В России, наоборот, христианство захватило русское язычество прежде, чем оно успело достаточно развиться и окрепнуть, и потому легко могло подавить и заглушить его. Церковную скульптуру и архитектуру странно было бы и сравнивать: русские Фидии и Праксители способны были лишь на выделку истуканов грубой формы, а для жертвоприношений и гаданий, сопровождаемых священными песнопениями, стояли, вместо пышных христианских храмов, простые жертвенники в заповедных лесах или на холмах.

Но главное, чего недоставало русскому язычеству, — оно не было *Церковью*, не выросло в институт, в учреждение; ему не хватало *учения*, выработанной *догмы*. Вместо жрецов, истолкователей, авторитетных хранителей божественной истины, обладавших правом говорить от имени божественного закона, существовали только волхвы и кудесники; между тем разница между волхвом и жрецом громадная.

Волхв — это мудрец, знающий будущее, гадатель, знахарь, ближе смертного стоящий к таинственным силам природы — к божеству, как выразился бы верующий язычник; жрец — избранник Бога, представитель на земле его интересов; знание и могущество жреца исходит непосредственно от Бога. Волхв еще не жрец, но всякий жрец может быть волхвом. Волхвом может назвать себя каждый и поддерживать^В Других это убеждение соответственными действиями; жрецом же может стать только тот, кого изберут и признают в этом звании °собые люди, имеющие на то право; а где есть такие люди, там они °олье отчетливое представление о сложившихся образах, стараются

вкоренить убеждение в их справедливости и возвышенности, — иными словами, развивают и укрепляют в обществе религиозные верования. Потому-то там, где нет жрецов, а одни волхвы, религиозные понятия и представления туманны и непросветлены. (Буслаев)

И вот почему, хотя язычество при вторжении христианства и оказало ему некоторый отпор,¹ оно было совершенно бессильно остановить его торжествующее шествие и единственно, на что оказалось способным, — это паганизировать христианскую веру, сохранить некоторые свои черты, приладив их к христианским формам, образовать так называемое *двоеверие*.

Примечание. Эта бледность божественных образов, к тому же закрепленных не столько в сознании народном, сколько в литературных памятниках (поскольку это относится к Перуну, Хорсу, Велесу, Дажьдбогу, Мокоши), быстрое омертвление их, в противоположность живому, ясному представлению о таких божествах, как домовая, леший, водяной, русалка, берегиня, полевик, породила за последнее время такого рода гипотезу: была не одна, а две языческие религии: одна — достояние низших слоев общества, другая — аристократическая, религия высших классов; одна — народная, туземная; другая — пришлого, правящего и более культурного класса. У одной названия божеств — национальные, русские: водяной, леший и т. д. У другой — названия заимствованы из чужих языков: иранского (Хоре, Дажьдбог), германского (Перун), финского (Мокош). Постоянное соприкосновение этих двух религиозных верований неизбежно приводило к тому, что образы одной религии проникали в область другой. «Слово о полку Игореве» знает божество-реку Дон, заимствуя его из народной религии; в свою очередь, бог Вел ее, скотский бог, стал с распространением христианства народным святым Власием, покровителем стад и земледелия.

¹ Сколько-нибудь существенный отпор дан был лишь на отдаленном севере, куда влияние христианской Греции к концу X века еще не успело проникнуть, как это удалось ему на Киевском юге. Сравн. поговорку о Новгороде, где «Путья крести мечем, а Добрыня огнем».

Правящий аристократический класс, уже через 2—3 поколения по приходе на Русь, утратил свои племенные особенности, слился с туземным — одновременно с его ассимиляцией заглохли и представления, выросшие на иноземной почве, и в народном сознании сохранились (и сохраняются донныне) не Хорсы, не Перуны, а леший, домовые, водяные и им подобные. (Сперанский)

5. *Обстоятельства, сопровождавшие принятие Владимиром Великим христианской веры.*

Крещение Владимира совпало с большими военными неудачами и опасной смутой, потрясшей до основания Византийскую империю

Византийская империя в ту пору, под управлением императоров из Македонской династии (876—1081), вообще находилась в расцвете могущества и блеска. Церковной распри, раздиравшей страну в течение 120 лет и делившей ее на два непримиримых, озлобленных лагеря, был положен конец: сопротивление иконоборцев было окончательно сломлено, и указ императрицы Феодоры, вдовы императора Феофила, 19 февраля 843 г. о восстановлении иконопочитания даровал стране давно желанный внутренний мир, позволив восстановить также и внешнюю мощь государства. Возвращены были утраченные провинции, в Малой Азии границы снова отодвинуты до Тигра и Евфрата, прогнаны были арабы; Неаполь, Амальфи, Салерно, Газта, Венеция на Апеннинском полуострове, хорваты и сербы — на Балканском признавали себя вассалами Византийской империи, а постоянное соприкосновение с византийской культурой полуварварских народцев, соседивших на северных и восточных границах империи, воспитывало в них уважение к ней и признание ее государственного авторитета.

При всем том и Македонская династия не убереглась ни от внутренних смут, ни от внешних затруднений. Как раз с такими затруднениями совпало крещение Владимира, и возможно, что они-то, эти затруднения, и послужили решительным толчком к принятию им христианской веры.

На византийском престоле в ту пору сидели два брата, Василий II Болгаробойца (976-1025) и Константин II (976-1028). В августе 986 г. болгары нанесли грекам тяжелое поражение, дошли до Солуни и угрожали самой столице; а вслед за тем взбунтовались два полководца, Склир и Варда Фока. Последний провозгласил себя императором и подошел к Константинополю с азиатского берега Босфора. Не видя иного исхода, греческие императоры обратились к Владимиру^{3*} Помощью. Тот умело использовал затруднительное положение империи и поставил условием брак свой с императорской сестрой, царицей Анной. Старшая сестра Анны, Феофания, вдова Отгона II,

была матерью молодого германского императора Отгона III (980 - 1002) Таким образом, Владимир родился с двумя самыми сильными и блестящими династиями в Европе.

Вероятно, тогда же (987), в приезд греческих послов, отправленных в Киев с полномочиями на заключение договора, Владимир, получив от них обещание по окончании похода выдать ему царевну, принял и со своей стороны обязательство — креститься. Спешить с самим крещением ему, впрочем, не было надобности: брак с царевной Анной все равно откладывался до окончания военных действий; к тому же, по чисто политическим соображениям, Владимиру было выгодно не выпускать из рук такого крупного козыря, как принятие христианства, и поддерживать его у себя до поры до времени.

Вооруженный русский отряд, посланный к грекам, действительно помог летом 988 г. освободить столицу Византии от Варды (битва при Хрисополе), а в следующем году окончательно добить его в сражении при Абидосе, причем сам Варда, павший в битве, собственную жизнь расплатился за свой вероломный поступок (апрель 989 г.).

Разделавшись с Вардой, императоры, по-видимому, не выполнили условий договора с Владимиром и отказались выдать за него сестру родниться с варваром им представлялось унизительным. Тогда Владимир во главе войска пошел в Крым, на Корсунь, осадил и взял его. Одновременно с падением Корсуни греки понесли другое тяжелое поражение — на Балканском полуострове: важная крепость Веррия была взята болгарами, а в Малой Азии стал усиливаться С клир Императорам опять пришлось плохо. Тогда они поспешно отправили Анну в Корсунь, где, приняв перед свадьбой крещение, Владимир и обвенчался с царевной; Корсунь же, как вено, т. е. плата жениха за выкуп невесты, был возвращен грекам.¹

4. *Что побудило Владимира принять христианскую веру.*

Крещение Руси явилось актом политической мудрости со стороны Владимира. Человек большого ума, русский князь понял, что язычество стоит и станет, может быть, навсегда серьезной помехой к общению с культурной Европой, отгородит от нее молодую страну высоким забором. Оставаться в язычестве значило обресть себя на изолированную жизнь, отказаться навсегда от возможности войти в семью европейских народов; и так как культурная Европа олицетво-

¹ История крещения Владимира, особенно хронология событий, остается не во всех частях достаточно выясненной и поныне. Крещение киевлян произошло по возвращении Владимира из Корсуни, надо думать, в 990 году; новгородцы крещены были в следующем, 991 году. См. Приложения № 14: «Когда и где крестился Владимир Святой?».

рялась в ту пору для России в Греческой империи, то именно отсюда он эту религию и позаимствовал.¹ Католические миссионеры, добившиеся, чтобы русский князь принял христианство из рук римского первосвященника, не имели успеха по той же самой причине по какой не нашла себе благоприятной почвы и пропаганда мусульманства и еврейства, папа ввел бы Владимира и его народ в круг жизни Западной Европы, с которой у него было гораздо меньше соприкосновения. Запад в ту пору по культуре стоял ниже Византии. Рим ничего не говорил ни уму, ни воображению Владимира; между тем с Византией у Руси были давние и оживленные сношения, и Византия уже давно импонировала России блеском и мощью своей цивилизации. Короче говоря, Владимиру «римская» вера в данную минуту была бесполезна, и он со своим практическим государственным умом взял новую веру отсюда, где это оказывалось всего выгоднее²

У Владимира могло быть и еще одно соображение в пользу Византии. Мы видели, что в X веке раскол в христианской Церкви уже обозначился довольно ясно, стали выделяться две разные веры, и «вера латинская*» грозила поставить Владимира в зависимость от духовной власти, тогда как «вера греческая*», наоборот, обещала ему отношения между светской и духовной властью совершенно на иных основаниях, более «выгодных».

5. Особенности восточной Церкви и западной.

Восточная Церковь выросла из тесного союза со светской властью, под впечатлением великих услуг, оказанных ей греческими императорами: они поддерживали ее в борьбе с ересями, обеспечивали ее материальное положение; принимали живое участие в ее делах; своим авторитетом давали силу постановлениям церковных соборов, Вселенских и поместных; да и своим давлением на ее решения - а оно было далеко не редким и случайным — воспитали церковь в сознании IX права оказывать давление и требовать подчинения их воле Император (басилевс) — единый законный источник жизни на земле, он

¹ Пока Русь оставалась языческой, стать европейским государством она не могла. «Чтобы быть европейским народом в X веке, нужно было Принять христианство. Все государства, образовавшиеся на развалинах Римской империи, полагали основания своей государственности актом принятия христианства. Миновать этого было так же трудно тогда, как Теперь нельзя претендовать на государственное^а без одобрения таковой икими европейскими державами. Религия в X в. имела ту же силу, !?о политика в XIX, иначе говоря, религия с политикой шла об руку» Успенский)

^а См. Приложения. № 15: «По какому обряду вводилось христианство в Руси: по восточному или по западному?»

ставленник Бога, Его помазанник, верховный покровитель Вселенской церкви и за свои действия отвечает лишь перед Богом, вручившим ему власть на земле. Противодествовать воле императора — значит идти против воли Божией, совершить тяжкий грех. Сам патриарх совершил бы преступление, если бы допустил себя до подобного шага

Западная Церковь, наоборот, выросла независимо от светской власти. Прежде всего — ее не было налицо. Представителям Церкви, римским папам, зачастую самим приходилось заменять ее; а со времени пожалования им Пипином Коротким Равеннского экзархата (756) они и на деле стали не только духовными владыками, но и светскими государями.

Много значило также политическое обаяние Рима, «вечного» города, его славное прошлое: даже и покинутый императорами, он продолжал оставаться, по крайней мере в глазах тогдашнего романизированного мира, столицей и его духовным центром. На умы сильно действовало сознание, что папа был епископом Рима, а не какого-нибудь иного города. Ореол Рима сильно импонировал варварам Хлодвиг, король франков, гордился пожалованным ему званием римского патриция. С перенесением светской власти на Восток, обаяние, окружавшее императора, перенесено было на христианского епископа, олицетворявшего собою высшую власть в городе и в провинции

Варвары — и язычники, и христиане одинаково — попали как бы в духовный плен римской цивилизации: чувство почтения, смешанное с суеверным чувством страха, питали они к Риму — центру, источнику этой цивилизации. Неожиданную смерть Алариха объясняли карою за кощунство — за взятие и разгром Рима (410); в памяти позднейших поколений глубоко запало предание, будто Атиллы, царь гуннов, не решился коснуться священных стен Рима и быстро покинул Италию, напуганный Львом I, нарочно для этого приехавшим в его лагерь и грозившим Атилле карою Божией, если только он посягнет на Вечный город. Характерно, что Рим, если и бывал в руках варваров, то временно, ненадолго; в то время как другие города Римской империи окончательно перешли под иго германцев, Рим на развалинах Империи один из всех остался римским. (Гизо)

Действительно, в течение непрерывных десяти столетий, за все время средних веков, Рим не видел врагов, и лишь в новую эпоху, уже пройдя зенит своей славы, в эпоху религиозных революций, подкосивших его авторитет, он подвергся разграблению (1526), а 1000 лет рука человека не смела тронуть его. На Западе Римский епископ точно магическим кругом очертил свой епископский престол, и никто не решался перешагнуть через него. Между тем на Востоке другие папы (патриархи), наоборот, только и знали, что терпели вторжения, плен, оскорбления: Александрийский, Иерусалимский, Антиохийский. Не был исключением и престол Константинопольского патриарха. Сколько раз к стенам Византии подходили враги, русь, арабы, крес-

тоносцы! Сколько раз торжествовала в нем ересь: ариане, монофизиты и др.! Сравнение было не в пользу Востока, и тем ярче на смутном фоне неурядиц и раздоров Православной церкви блестела и высилась в глазах католического Запада Римская кафедра.

Много значило и то, что основание римской Церкви предание связывало с двумя самыми главными и наиболее видными апостолами, Петром и Павлом. В эпоху ересей и богословских споров папы неустанно боролись с ними, чего далеко нельзя сказать про патриархов восточных. Много значили и их личные заслуги: обращение целых народностей в христианство (франки, англосаксы), возвращение ариан в православие (вестготы, бургунды, лангобарды). Еще на Четвертом Вселенском (Халкидонском соборе 451) за папой признан был почетный титул *первого* епископа в христианском мире. Папа вырос в «наместника Христа»; тем самым его власть становилась выше всякой другой власти. Уже со времени коронования Карла Великого (800) римская Церковь стала проводить мысль, что «римский император и папа суть два меча, посланные Богом на землю для защиты и торжества христианства: меч духовный вручен папе, меч светский — императору». В этом тезисе зародыш будущих притязаний пап на всемирное господство (Иннокентий III: «меч духовный выше меча светского»). Недаром история средних веков полна борьбою духовной власти со светской.

Ничего подобного никогда не было в Византии. Там могли проклинать императора-еретика, низлагать его, как убийцу и преступника против божественных законов, отказывать в повиновении данному лицу, но на самый принцип верховной светской власти, как власти независимой, на прерогативы светского владыки-самодержца, Греческая церковь никогда не думала посягать.

Насколько именно такие, греческие, порядки пришлось по душе новым прозелитам, можно судить по тому, что уже Ярослав, сын Владимира, когда представился к тому случай, *приказал* русским епископам выбрать из своей среды главу русской Церкви, митрополита, самим, обходя патриарха, которому русская Церковь была иерархически подчинена. Так уже с этой поры стало определяться будущее положение церкви в Русском государстве и ее подчинение светской власти¹

6. Ближайшие последствия принятия христианства.

1. Духовенство. Появился новый общественный класс: духовенство.

2. Общественные отношения. Появились новые идеалы и понятия о морали, о праве и долге: вместо прежнего «око за око, зуб за зуб», вместо обязательной мести, вместо права грубой силы

¹ См. Приложения. № 16: «О примате Римского первосвященника».

вносится новая идея любви, прощения, заботы о слабом и беспомощном, проводится мысль о том, что все люди «братья», «ближние»

3. Монашество. Наряду с миром земных интересов нарождается мир интересов духовных: возникает монашество. Во имя христианских заветов люди посвящают себя служению Богу, бескорыстному служению на пользу и благо ближнего. Киево-Печерский монастырь — родоначальник позднейших общежительных монастырей русских Антоний — основатель монастыря и первый его игумен (ум. 1073) Феодосий — преемник, его монастырский устав написан по образцу Студийского. Киево-Печерский монастырь — хранитель православия и рассадник просвещения. Это русский Ключи, Монтекассино, Субиако.

4. Просвещение. Заботы Владимира Великого и Ярослава Мудрого о просвещении: заводятся школы; учеников приходилось набирать силою: «матери плакали по ним, как по мертвым» (выражение летописца).

5. Письменность. Положено начало письменности, появились первые литературные памятники. Церковно-религиозный характер начальной литературы. Лука Жидята («Поучение к братии», 1035 г) и митрополит Илларион («Слово о законе и благодати и похвала кагану нашему Владимиру», 1037—1050) — первые русские писатели. Остромирово Евангелие (1046—1057) — самый древний из сохранившихся в *подлиннике* памятников русского языка и письма.

6. Церкви. В Русской земле появились христианские церкви: не в виде случайного явления, подобно церкви св. Илии (при Игоре), но как необходимое и постоянное проявление новых духовных потребностей народных. Церкви: св. Василия (самая первая), Десятинная и св. София в Киеве; Спас Преображения в Чернигове; св. София в Новгороде.

7. Влияние христианства на язык.

Христианство, введя вслед за крещением Руси в церковный обиход Евангелие и богослужебные книги, обогатило русскую речь новыми словами и (что еще важнее) новыми понятиями, и это как в сфере церковного богослужения, так и в сфере общественных отношений. А слово, будучи выражением человеческой мысли, обогатило и самую мысль человека. Одни слова взяты прямо из греческого языка и целиком перенесены в русский словарь; другие явились переводом с этого языка; третьи, наряду с прежним значением, приобрели новое, четвертые, производные от русского корня, уклонились от первоначального значения и также получили новый смысл.

1. Ад, акриды, антихрист, геенна, дьявол, иерей, миро, оцет и др

2. Закон, Лжехристос, лицемерие, послух, прокаженный.

3. Владыка (епископ, вообще, архиерей), завеса (на царских дверях), имение (сокровище), паства (духовное стадо), пастырь (дГховный), посох (архиерейский), служба (церковная), супротивный

(недоброжелательный, делающий кому-либо во вред) Первоначальное: противный (ветер), ярем (яромо, Мф. XI, 30: в Остромировом Евангелии: «ярем бо мой благ»; новый перевод: «иго бо мое благо»)

4. Вселенная (оисооревѣ) от глагола вселять, садить на место, виноград (Остромирово евангелие: «Аз есмь виноград истинный» (Ин. XV, I); новый перевод: «аз есмь лоза истинная»); возмущение (воды, Ин. V, 4); деяния (апостолов), знамение (от знаменованье, печатать), капище, требище (место служения темной силе, идолам; первоначально: храм молитвы; сравн.: «Капище моего сердца», заглавие, данное кн. Долгоруким своим воспоминаниям* место, где сохранены эти воспоминания); молитва; мытарь (смысл укоризненный, первонач. сборщик податей); образ: 1) икона; 2) видение, призрак (фосуааос); праведник; праздник (впрочем, новое понятие — день, посвященный Богу и молитве, — еще доныне не вытеснил старого понятия о *праздном*, *нерабочем* дне); сокровище (потаенное место в доме: Мф. XXIV, 26: «се в сокровищах»); странник (от страна, чужое место, чужой народ, значит, пришедший из чужой стороны: это первоначальное понятие перешло в понятие человека, не имеющего постоянного местопребывания, расхаживающего по разным (преимущественно святым) местам, странный человек — того же корня: странный, потому что неизвестный, незнакомый, непонятный).

Сюда же, в 4-й отдел, можно занести два слова, край (берег моря — Тивериадского — Остромирово евангелие: «ста Иисус при краи», Ин. XXI, 4; новый перевод: «ста Иисус при брези»), отмерить, возмерить (воздать кому по заслугам его: «отмеряется вам» (Мф. VII, 2); новый перевод: «в нюже меру мерите возмерится вам»).

8. Владимир Великий. Ярослав Мудрый. Брачные союзы.

Героический век, оставивший нам портретную галерею от Рюрика До Ярослава включительно, длился слишком долго, чтобы все портреты оказались нарисованными в одних и тех же тонах, по одному и тому же приему. Действительно, в последних двух представителях эпохи, Владимире и Ярославе, нетрудно подметить черты, которые уже сближают их с последующей эпохой, негероической. Налет легендарный еще не сошел с них, но он уже уступил главное место (особенно это надо сказать про Ярослава) чертам, несомненно, исторически достоверным

Владимир Великий. По натуре, по всем своим делам, он такой же воин, такой же богатырь, как и его отец, однако христианство наложило на него неизгладимый отпечаток. Святослав до конца дней остается Цельным монолитом, сын же его раздваивается: Владимир-язычник совсем не то, что Владимир-христианин. Подобно сикамбру Хлодвигу, Приняв новую веру, он «сжег все, чему поклонялся, поклонился всему, что сжигал». Язычником он убивает старшего брата Ярополка и через его труп спокойно всходит на Киевский стол; он женолюбив; он рев-Постный идолопоклонник, ставит повсюду идолов; на холме Перуна

ставит деревянное изображение этого бога с серебряной головою и золотыми усами; идолослужение нередко сопровождается в эти годы человеческими кровавыми жертвоприношениями. Но принято христианство — и Владимир из Савла превращается в Павла, привязывает идола Перуна к хвосту лошади и с позором велит сбросить его в реку Днепр, где раньше стояли изображения идолов, там воздвигаются теперь церкви. Превратившись в мирную овечку, Владимир, «из боязни греха», отказывается казнить смертью преступников и должен выслушивать от новых наставников по вере, греческих епископов, такого рода наставления: «ты поставлен от Бога на жизнь злым, а добрым на милость, тебе должно казнить разбойника, если по суду он окажется виновным»

Дошедшее до нас изображение Владимира едва ли **соответствует** реальному образу Равноапостольного' под благочестивым пером летописца перед нами выступает фигура не столько киевского князя, сколько самого автора: его преклонение перед величием содеянного Владимиром, контраст между недавней тьмой, царившей над Русью, и благодатным светом истины, озарившим и воссиявшим над нею. Зато в памяти народной Владимир остался не князем-последователем Христа, а князем-дружинником; народные былины рисуют его в симпатичных чертах добродушным хозяином, ласковым князем, «красным солнышком», который пирует со своею дружиной и оказывает широкое гостеприимство всякому заезжему человеку.

Ярослав Мудрый. Иные черты легли на Ярославе Мудром. Он живет и действует в обстановке уже исключительно христианской ревностный деятель просвещения, он заботится о распространении христианства в своей земле, основывает школы, собирает книги, заботится о переводе их с греческого и болгарского на русский, дает образование своим детям: его сын Всеволод говорил на пяти языках. С помощью выписанных из Греции архитекторов и художников он воздвигает два замечательных храма во имя Софии (Премудрости Божией): один в Киеве, другой в Новгороде. Киевский собор, при всех его позднейших перестройках, до наших времен сохранил великолепные мозаики и фрески — ценный памятник раннего влияния греческого искусства на русскую живопись. Памятен, наконец, Ярослав и как законодатель. Нормы обычного права он возвел на степень закона, положив твердую основу общественного благоустройства и порядка, заложил фундамент, без которого немислимо никакое прочное государственное здание. Его «Русская Правда» — это Двенадцать Таблиц древних римлян, Салическая Правда древних франков.

Брачные союзы

Христианство, сближая Русь с христианской Европой, ввело русских князей в непосредственное соприкосновение с царственными домами ее: с той поры участились брачные с ними союзы. Сам

Владимир, как мы видели, женат был на Анне, сестре греческих императоров Василия и Константина; Святополка Окаянного он женил на дочери Болеслава польского. При Ярославе эти родственные связи особенно ширятся и растут. Сам он женат на Ингигерде, дочери шведского короля Олафа; его сын Владимир (не переживший отца) женат на Оде, немецкой графине Липпольд-Штадт; другой сын, Изяслав, на сестре Казимира польского, а третий, Всеволод, на Анне, дочери греческого императора Константина Мономаха. Позже этот Мономах передаст свое прозвище сыну Всеволода и Анны, Владимиру Мономаху. Сестер своих Ярослав выдал: Доброгневу-Марию за Казимира польского, а другую, Премиславу, за венгерского королевича Владислава. Трех дочерей своих Ярослав пристроил за трех королей: Анну за Генриха I французского, Анастасию-Агмунду за Андрея венгерского, Елизавету за Гаральда норвежского,¹ того самого, который слагал в честь ее песни и потом сложил свою голову на полях Гастингса (1066). Гаральд женился, будучи еще простым принцем, и скандинавские саги поэтично воспевали, как влюбленный юноша летел мыслями к «русской красавице» и добивался ее руки.² В европейских хрониках находим известие о том, что две германские принцессы стали женами двух русских князей; что два английских принца, бежав из Англии, нашли убежище при дворе Ярослава. Там же пережил Политическую непогоду одно время св. Олаф шведский и королевичи венгерские, сыновья Премиславы и Владислава.

Все эти брачные союзы особого, по крайней мере непосредственного, влияния на ход русской жизни не имели; но они свидетельствуют, что прежний замкнутый круг паганизма, отделявший русский народ от культурного мира, теперь разрушен. На том расстоянии, что отделяет нас от времени Ярослава, киевский князь выступает перед нами в виде благодушного старца, убеленного сединами и окруженного венцом коронованных родственников, съехавшихся к нему со всех концов Европы, до известной степени напоминая недавнего короля датского, Христиана IX, который тоже состоял в родстве чуть не со всеми царствующими домами Европы и на наших глазах сажал своих сыновей на греческий трон, а на своих дочерях видел короны, то королевскую английскую, то императорскую русскую. Эта картина, при всей ее фантастичности, обрисовывает, однако, не только фигуру лично самого Ярослава, но и то международное положение, какое занимала в середине IX века Киевская Русь, поскольку, конечно, можно говорить в ту пору о *международном* положении какой бы то ни было европейской державы. Картина эта — своего рода убедитель-

¹ Гаральд Третий, по прозванию Строгий (Haardgraade), 1047-1066)

² Ср. «Песнь Гаральда Смелого» Батюнжова и «Песню о Гаральде и славне» Ал. К. Толстого.

ная иллюстрация к исконному факту русской жизни: русский народ был неотъемлемой частью европейской семьи.

Перед нами две греческие Анны одна — дочь императора Константина Мономаха; ни по чему не видно, чтобы она протестовала против выдачи ее за русского княжича; другая — сестра императоров Василия и Константина. Сколько горьких слез пролила она, с каким отвращением отдавалась в руки «варвара»-победителя! Но вот прошлс 30— 40 лет, народилось новое поколение, и какая разница! Христианство облагородило прежнего язычника, «оевропсизировало» его и сделало приемлемым для утонченных принцесс, выросших в изысканной обстановке, среди роскоши и блеска византийского двора

Смерть Ярослава не прекратила брачных союзов с европейскими домами. Его внуки и правнуки продолжают родниться с ними вплоть до появления татар, и только с той поры эти связи обрываются или становятся случайными. Особенно часто в XII и в XIII ст. роднились русские князья с польскими и венгерскими королями и королевичами. Таковы были: с польской стороны — Болеслав Кривоустый, Болеслав IV, Мешко III Старый, Конрад и Болеслав Мазовецкие, Лешко Черный¹; с венгерской стороны — Коломан, Гейза II, Стефан III, Андрей.

КНЯЖЕСКИЕ БРАКИ

Владимир Великий. 980—1015.

1. Сам женился, 990; Анна, царевна греческая.
2. Сын Святополк (Окаянный), до 1015; дочь Болеслава I Храброго, короля польского.

Ярослав Мудрый. 1019—1054.

3. Сам женился, 1019; Ингигерда, дочь Олафа, короля шведского
4. Сын Владимир; Ода, графиня Липпольд-Штадт.
5. Сестра Предслава, 1018; насильственно взята Болеславом польским (жена? наложница?).
6. Сестра Доброгнева-Мария, 1043; Казимир I, король польский
7. Сестра Премислава: Владислав Лысый, королевич венгерский
8. Сын Изяслав I, 1043; Гертруда, сестра Казимира польского, дочь Мешка II.
9. Сын Всеволод I, 1046; Анна, дочь византийского императора Константина Мономаха.
10. Дочь Елизавета, 1043; Гаральд, принц норвежский.
11. Дочь Анастасия, 1050; Андрей I, король венгерский.
12. Дочь Анна, 1051; Генрих I, король французский

¹ См. Приложения, № 17: «Анна Ярославна».

Изяслав I

13. Племянница Вышеслава, дочь старшего брата Владимира, 1067; Болеслав II, король польский.

Олег Святославич (Гориславич)

14. Сам женился ок. 1082; Феофания Музалон, царица византийская.

Всеволод Г 1078-1093.

15. Сын Владимир Мономах, ок. 1074; Гида, дочь Гаральда, покойного короля ангийского.

16. Дочь Евпраксия (ранее 1087); 1) Генрих Нордмарк, саксонский граф Ф. Стаде; 2) Генрих IV, император германский

17. Дочь Янка; Константин Дука, царевич византийский.

18. Другая дочь; сын греческого императора Романа Диогена (?)

19. Племянница Евдокия, дочь Изяслава I, 1088, Мечислав, король польский, сын Болеслава II.

20. Внук Мстислава I, сын Владимира Мономаха, 1090; Христина, дочь Инге-Стейкельсона, короля шведского.

Святополк II Изяславич. 1093 — 1113.

21. Дочь Сбислава, 16 ноября 1103; Болеслав III Кривоустый, король польский.

22. Дочь Переслава, 1104; Владислав, сын венгерского короля Коломана.

23. Русский князь; Кунигунда, дочь Оттона, маркиза Орлагмунде.

24. Дочь Володаря Ростиславича, ок. 1104; сын Алексея Комнина, императора византийского.

Владимир Мономах. 1113—1125.

25. Дочь Ингебурга, 1111; Канут Св. Lavard, князь оборитский, принц датский.

26. Дочь Марина; Лев Диоген, царевич византийский.

27. Дочь Евфимия, 1112; Коломан, король венгерский.

28. Внучка Мальфрида, дочь Мстислава I; 1) Сигурд, сын Магнуса III. короля шведского; 2) Эрик Эмунд, король датский.

29. Другая внучка, дочь Мстислава III, 1121; Алексей, сын Иоанна Комнина, императора византийского.

30. Владимир Мстиславич, брат Изяслава И, ок. 1150; дочь Бэлы II Слепого, венгерского короля.

31. Святополк Мстиславич, другой брат Изяслава И; чешская принцесса.

32. Их сестра Ефросиния Мстиславовна; Гейза II, король венгерский.

33. Дочь Всеволода Мстиславича; королевич польский.

34 — 35. Две дочери Всеволода Ольговича; королевичи польские

Л И Т Е Р А Т У Р А

Общие сочинения по истории России, преимущественно Соловьев, Иловайский, Забелин, Ключевский, Любавский, митр. Макарий, Голубинский (см. «Введение») и указанное в «Спорных вопросах» Приложения №№ 4 — 17.

Доисторический период (скифы, сарматы, греки на побережье Черного моря, готы, гунны, авары) в «Спорных вопросах», №№ 2, 4 и 6; *Багaley*, главы 3, 4; *Любавский*, гл. 1—4; *Грушевский* 1) Киевская Русь. Т. I. Введение, территория и население в эпоху образования государства. СПб., 1911; 2) История Украины — Руси Т. I. Изд. 3-е. Киев, 1913. *Толстой и Кондаков*. Русские древности в памятниках искусства. Вып. I: Классические древности Южной России. СПб., 1896. *Н. П. Толль*. Скифы и гунны. Евраз. изд-во, 1928. *E. Minns*. Scythians and Greeks. Cambridge. 1913. *M. Ebert*. Sudrussland im Altertum. Bonn und Leipzig. 1921.

Первые князья. *Н. Барсов*: 1) Материалы для историко-географического словаря России. I. Геогр. словарь Русской земли (IX — XIV). Вильна. 1865; 2) Очерки русской географии. География начальной (Несторовой) летописи. Изд. 2-е. Варшава. 1885. *Е. А. Белов* Борьба вел. князя Святослава Игоревича с имп. Иоанном Цимисхием Ж. М. Н. Пр., 1873, декабрь. *Завитневич*. Вел. князь Киевский Святослав Игоревич и историческое значение его богатырских походов Труды Киев. Дух. Акад. 1888, март. — Литературу походов Святослава и оценку относящихся к ним византийских источников дает *Грушевский*. История Укр. — Руси. Т. I. Сб 597 — 572. Литература о хазарах указана им же в другой его книге: «Киевская Русь» Т I СПб., 1911.

Византия. *A. Rambaud*. L'empire Grec au X-è siecle. Constatm Porphyrogenete. P. 1879. *Schlumberger*: 1) Nicephore Phocas. Un empereur byzantin au X-è siecle. P. 1890; 2) L'epopee byzantine. 2 vis P. 1896—1905. *Ф. И. Успенский*: 1) Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX и X вв. Киев, 1889. (отт. из Киевской Старины); 2) Русь и Византия в X веке. Речь Одесса, 1888. *А. А. Васильев*: 1) Лекции по истории Византии. Время до эпохи Крестовых походов (до 1081 г.). СПб., 1917; 2) Перевод этой книги, пересмотренный заново и существенно дополненный, с привлечением новейшей литературы: History of Byzantine Empire by

Д. А. Vasiliev. In two vol Vol I From Constantin the Great to the epoch of the Crusades (A. D. 1081). Translated from the Russian by Mrs. S. Ragozin. Madison. 1928 («University of Wisconsin Studies in the social sciences and History», № 13).

Язычество и Христианство. Кроме общих сочинений по истории России и указанных в «Спорных Вопросах». №№ 13 — 16, см еще

Ф. И. Буслаев. О влиянии христианства на славянский язык М., 1848. *Т. Барсов.* Константинопольский патриарх и его власть над Русской церковью. СПб., 1878. *А. Фаминцин.* Божества древних славян. СПб., 1887. *Е. В. Аничков.* Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914 («Записки и.-фил. фак. СПб. ун-та». Т. 117) *А. В. Карташев.* Христианство на Руси в период догосударственный. Христ Чтение 1908, май. *Д. В. Айналов.* Св. княгиня Ольга в Царьграде. Труды XI археолог, съезда в Харькове. Т. III (1905). *В. Галковский.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Исследование Харьков. 1916 (собрание текстов, под тем же заглавием, в «Записках Моск. Археолог. Института». Т. XVIII. М., 1912) *И. Полонская* К вопросу о христианстве на Руси до Владимира Ж. М. Н. Пр 1917, октябрь (прекрасный свод литературы предмета). *Е. Г. Кагаров.* Религия древних славян. М., 1918. *W. Fischer.* Die russische Grosstirstin Helga am Hofe von Byzantion. «Zeitschrift f. Geschichte u. Polutik, herausg. von Zwiedineck-Sudenhorst». Band XI (1888) *V. Mansikka.* Die Religion der Ostslaven. Band I. Qudler. Helsinki, 1922. *L. Leger.* La Mythologie slave. P. 1902, русск. пер.. «Славянская мифология». Воронеж, 1908 (из «Филологич. Записок» 1907 года)

ГЛАВА ВТОРАЯ

Единство Русской земли. Время вечевого порядка и отчинно-родовых отношений. 1054—1242. Киевский период. 1054 — 1169.

I. Характеристика периода.

1. *Внутренняя история* России за это время определялась взаимодействием двух сил: населения и княжеской семьи (потомства Владимира Великого) — это преимущественно время вечевого действия и отчинно-родовых отношений. И там и тут наблюдаются два течения, диаметрально противоположные и враждебные одно другому: одно еще не заглушенное, другое — окончательно еще не восторжествовавшее

2. *Племя и область*. Ко времени Ярослава Мудрого племена, как таковые, с разобщенностью и односторонне-местными интересами, исчезают. Люди выползли из своего провинциального угла, выглянули на свет Божий и впервые почувствовали, что на этом свете существуют силы не только разъединяющие, отталкивающие, но и объединяющие, центристские. *Племенная* жизнь сменилась *областной*. Давно уже замечено, что со второй половины XI века наша летопись перестает упоминать о дреговичах, северянах или древлянах — вместо них она знает *земли*: Волынскую, Черниговскую, Киевскую, Смоленскую и др. Однако это еще не значит, что *племенное* чувство окончательно замерло. Нет. Что оно еще не погасло, об этом можно судить по тому, что князья в своих спорах и домогательствах, отторгая один у другого ту или иную область, еще нередко находят себе желанную точку опоры именно в неизжитом чувстве племенной отчужденности местного населения. «Ты наш князь, ты наш Владимир, ты наш Мстислав» — так приветствовали новгородцы Изяслава II, иными словами: наш — потому что твой дед и отец оставили по себе среди нас светлую память, действовали к выгоде Новгорода, последние же далеко не всегда сходились с выгодами и интересами других русских областей. С другой стороны, те же князья самими спорами своими, опираясь на единство рода и на представление о русской земле как об *общем* родовом наследии, тем самым приучали население видеть в собственной области неотделимую часть единой и общей для всех родины.

3. *Отчина и род*. Гораздо ярче и сильнее противоречия жизни выступают в междукняжеских отношениях. Идея «Лествичного Вое-

хождения», как наследие недавней старины, продолжает в начале периода оставаться руководящим началом при распределении столов между князьями и при переходе их со стола на стол, при сыновьях Ярослава Мудрого идея эта еще, безусловно, главенствует. Зато в следующем поколении, при внуках, принцип отчины властно заявит свои права и начнет все настойчивее и успешнее глушить идею Лествицы. Борьба этих двух начал, с постоянным перевесом в пользу отчины, проходит яркой полосой в течение всей второй половины Киевского периода (1097—1169).

4. В истории *внешней* главным фактором были половцы. Сношения с Византией продолжают быть оживленными, но существенно меняют свой характер: военные экспедиции и вторжения в Греческую землю прекратились совершенно; торговые сношения все чаще и чаще наталкивались из-за половцев на большие затруднения; зато новая, христианская Русь вступает в деятельные сношения с греческою Церковью и обогащает себя, непосредственно или через Болгарию, произведениями ее духовных писателей.

5. Таким образом, основное содержание Киевского периода сводится к: а) княжеским усобицам; б) борьбе со Степью и в) церковно-литературному общению с Византией. Последнее, впрочем, не является особенностью исключительно одного Киевского периода — духовное общение с Византией можно проследить и в последующие периоды русской истории.

II. Состав Русской земли.

Области («земли») и племена, их населяющие*

1. Новгородская — Ильменские кривичи.
- 2, 3. Полоцкая, Смоленская — кривичи.
4. Киевская — поляне, древляне.
5. Туровская — дреговичи.
- 6, 7. Чернигово-Северская, Переяславская — северяне, радимичи
8. Волынская — дулебы (вольняне), бужане, дреговичи
9. Галицкая — белые хорваты.
10. Суздальская — новгородские колонисты в земле веси и мери.
11. Муромо-Рязанская — вятичи.

Эти области были расположены по *бассейнам* озер Ильменя и Чудского (1) и по берегам рек Западной Двины (2), Днепра (3—8), Днестра (9), Волги и Оки (10—11). Волынская земля, кроме Днепра, лежала частью также и в бассейне реки Днестра — отсюда ее историческая связь не только с Киевом, но и с Галицкой землей.

III Княжение. Земля. Волость.

1. *Княжение* — территория, управляемая данным князем Киевское княжество, Черниговское, Галицкое и т. п.

2. *Земля* — это территория, на которой живет *свое* население, *Земля* — это население, живущее на *своей* территории. У такой «Земли» всегда есть свое средоточие (свой центр) в Городе. Понятия «земли» и «города» обыкновенно отождествлялись: территория **без** Города не была бы «Землею», а поселение, не бывшее средоточием Земли, оставалось бы простым поселением, но «Городом» не **было** бы. Аналогично тому Древний Рим, будучи средоточием всей Римской земли, назывался *Городом*, *Urbis'oM*; всякое же иное поселение, хотя бы и с «городским» (в нашем современном значении слова) характером, носило название **oppidum**. Одинаковое значение выражений Город (средоточие населения) и Земля (население) привело к тому, что со временем слово «Город» явилось заменой слова «Земля», говорили безразлично: Черниговская земля, или просто Чернигов, Галицкая земля, или просто Галич, и т. д. Земля существовала самостоятельно и не перестала бы быть «Землею» даже и без князя; поэтому «княжение» само по себе еще не создавало «Земли». Земля была «Землею» не потому, что там был князь; наоборот, само «княжение» могло быть только там, где была «Земля». Последнее условие перестало быть необходимым лишь позже, когда со времен Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского в Северо-Восточной земле стал складываться тип хозяина-вотчинника, и уже не князь стал зависеть от Земли, а Земля от князя.

3. *Волость* — территория, состоящая *под властью* Города-Земли или князя, своего рода придаток к Городу-Земле или к Княжению, подобно Сабинской, Самнитской земле или землям вольсков, этрусков Волостью могла быть одинаково и ничтожная по размерам территория одно-два села, и целые обширные области, как у Новгорода Великого, которому, как «Земле», принадлежали «Волости» Вологда, Югорская земля, Терский берег, Пермский край, Заволочье, Волок-Ламский. Пока Древлянская земля имела своих князей, она одновременно **была** и *Княжеством*, и *Землею* когда ею стал владеть Киев, то она превратилась в его *Волость*. Позже, в татарский период, с упадком вечегого строя и с возвышением княжеской власти, Волость стала обозначать подразделение княжений, а самый термин получил **смысл** личной собственности, частного владения. (Костомаров)¹

IV. Состав населения Русской земли.

1. К концу XI ст. состав населения Русской змли уже **успел** окончательно определиться. Основным зерном были *смерды*, жившие в селах земледелием и промыслом. Подобно современному крестьянству, они составляли преобладающую часть населения, основное его

¹ См. Приложения. МБ 18: «Как следует понимать выражения* земля, волость, княжение?»

ядро, и были главными поставщиками ратников и платьщиками князю дани. Жили они или на собственной земле (общинной), или на частновладельческой (боярской).

2. Второй элемент населения — *городской*, количественно, по сравнению со смердами, значительно меньший. Это: 1) торговый класс *купцы* (туземные торговцы) и *гости* (торговцы иноземные); 2) низший слой: *черные люди*. В отличие от смердов, дани городское население князю не платило.

3. Выделился также класс *земских бояр*: это так называемые «лучшие люди». Сила и значение их были в земельных угодьях, в продуктах земли (хлеб, мед, воск, пушнина и пр.), которые сбывались ими торговому классу.

4. Появление князя создало новый класс — *княжескую дружину*, ближайших его помощников и сотрудников по управлению войском и княжеством. Дружина делилась на старшую («княжи мужи», «огнищане») и младшую — «гридь». Гридь делилась на три категории. *отроки* (домашние слуги князя), *детские* (ступенью выше: главная военная сила князя) и *дворяне* (слуги на княжем дворе).¹

5. *Старшая дружина* составляла боярство, но боярство служилое, подобно боярам земским, служилые бояре тоже были крупными землевладельцами и рабовладельцами; отличие их от тех состояло в том, что земские бояре были туземного происхождения, бояре же служилые — пришлецы, иноземцы (варяги). Однако уже вскоре после Ярослава Мудрого оба элемента, земский и служилый, слились и образовали один боярский класс.

6. *Бессловность боярства*. Боярство на Руси не было привилегированной корпорацией: боярином мог стать каждый по личным качествам или заслугам. Не то на Западе. Завоевание и порабощение туземного населения создало там военно-земледельческую аристократию, которая отгородилась от остальных привилегиями, возведенными на степень закона. На Руси преобладающее положение бояр опиралось лишь на *фактическое* существование такого преобладания, что всегда могло измениться; на Западе же тамошний феодал и сеньор опирались на свои *юридические* права.

7. *Взаимные отношения князя и дружины*. Дружинники — это ближайшие сотрудники князя по управлению и ведению домашнего Хозяйства и военного дела. С дружиной князь управляет, судит, ходит на войну. Дружина всегда *при* князе и следует за ним при перемещении его с одного княжения на другое. Князь и дружина — это как бы товарищество на вере; полная свобода обеих сторон при вступлении в него; взаимные обязательства носят характер не юридический, а Нравственный. Любой дружинник в любую минуту мог покинуть

князя, перейти на службу к другому; однако если бы он покинул его в те минуты, когда тот нуждался в нем, особенно во время войны, то такой поступок замарал бы его честь и достоинство. Здесь разъяснение этимологического значения слова «дружина»: это было товарищество *друзей*.

8. Принятие христианства в свою очередь породило новый класс — духовный: *белое* и *черное духовенство*.

9. Не каждый земледелец был смердом, т. е. свободным пахарем селясь на чужой земле и обрабатывая ее, за неимением собственного инвентаря — с помощью хозяйского — свободный человек становился, до выплаты долга, *закупом*. Закупы, или *наймиты*, составляли полусвободный класс. Хозяин мог телесно наказывать их за вину, даже продать в рабство, если они, причинив кому материальный вред, сами не могли возместить убыток, так как в последнем случае отвечал за него хозяин.

10. На самой низшей ступени социальной лестницы находились *несвободные* люди: холопы, рабы, челядь.

11. Наконец, в состав населения входили *инородцы*. Таковы были а) *варяги*, в XI столетии уже совершенно слившиеся с туземным населением; б) *финские* племена весь и меря в Суздальском крае и в) *тюркское* население в южных областях: половцы — те из них, кто проник на южную окраину мирным или насильственным путем и там оселся; родственные им торки, ковуи, берендеи (известные под общим именем Черных клобуков): замиренные и перешедшие на полукочевое положение, они составили на степной окраине сплошное военное население — оплот против половецких вторжений, — «свои поганые», как называли их русские люди, в отличие от «диких», степных, немирных кочевников.

V. Государственный строй.

Органы власти.

1. *Князь и вече* (народное собрание). Существовали три способа, три пути вокняжения: 1) наследование; 2) избрание народное; 3) захват вооруженною рукою. Состав веча: полноправные граждане главного города, миряне и духовные, не исключалось, однако, и участие пригородов. Дети при отцах в собрании не участвовали.

Функции князя: управление, суд, законодательство, руководство военными действиями; функции веча: призвание князя, заключение с ним *ряда*, т. е. договора об условиях его избрания; изгнание негодных князей, решения о войне. Созывал вече обыкновенно князь, созвание его самим народом или отдельными лицами означало несогласие и раздор с князем.

Чтобы постановить то или иное решение на вече, требовалось единогласие, простого большинства голосов, как в нынешних парламентах, было недостаточно. При отсутствии подавляющего большинства (которое могло бы заставить ничтожное меньшинство замолчать), одна партия склоняла другую на свою сторону насильственно (бурные собрания веча в Новгороде, кончавшиеся общей потасовкой на Волховском мосту).

2. *Взаимные отношения между князем и вечем* Вече и князь представляли собою два необходимых элемента государственной власти: князь был необходим Земле для управления и суда, т. е. для установления внутреннего порядка и, кроме того, для защиты страны от внешних врагов; вече, в свою очередь, было необходимо князю, потому что без поддержки населения, с одной своею дружиной, он далеко не всегда был бы в состоянии провести в жизнь намеченные им меры. Поэтому князь призывался *володеть*, т. е. держать власть, править и защищать. При всем том *хозяином, государем* Земли была сама Земля, не князь; но так как неопределенность, отсутствие ясных рубежей в определении взаимных отношений составляло характерную черту древней славянской жизни, а русской в особенности, не любившей точной формулировки своих мыслей, то эта черта на практике не выступала особенно ярко: вече и князь охотнее мыслились как две силы, которые *дополняют, поддерживают* одна другую, действуют в духе «одиначества» (единения, согласия). Князю, добровольно избранному, Земля охотно передавала всю полноту своих *государственных* прав: управление, суд, начальство над ратью, оборону от врагов, — более того: в проявлении этих *прав* князем она видела прямую его *обязанность*.

Конечно, Земля могла быть вынуждена подчиниться силе и принять нелюбимого князя, зато при первом же случае старалась отделаться от такого. Характерно, однако, что несогласия между князем и вечем никогда не вытекали из принципиального противоположения интересов одной стороны интересам другой: если вече когда восставало, то лишь потому, что видело в князе плохого, неподходящего человека, — боролось с *личностью*, никогда с выразителем известной *ибеи*. *Принцип* княжеского правления оставался незыблемым. «Нашей истории вовсе неизвестен антагонизм князя и народа, стремление последнего распространить свои права за счет прав князя. Народ сознает свою неспособность устроиться без князя и вместе с тем понимает необходимость дать ему высокое положение в своей среде, без чего не было бы возможно достижение целей признания. Князь есть народная власть». (Сергеевич)

3. *Князь и вече в Новгороде*. В одном лишь Новгороде противоположность князя вечу была подчеркнута остро: здесь вече только *Терпело* князя, как неизбежное зло, старалось стеснить свободу его Действий, не позволяло творить суд ему одному. В этом отношении

Новгород по духу ближе к Западной Европе, где вече (парламент) сложилось, как *противовес* княжеской (королевской) власти. **Вот** почему Новгород впоследствии откажется назвать Ивана III *государем*, а даст ему по старине титул *господина*: «для новгородцев государем был Великий Новгород, т. е. сама Земля Новгородская; князь же был только господином, т. е. призванный володеть по праву, иначе по воле Земли». (Костомаров)

4. *Княжеская дума*. По всем главным вопросам управления и суда, особенно в делах военных, князь обыкновенно совещался со своими думцами. В состав Княжеской думы входили лучшие люди волости, княжеские и земские: 1) старшая дружина — бояре; 2) старцы градские (земские бояре); 3) высшее духовенство (епископ, игумен); 4) представители торгового класса.

Княжеская дума была делом *обычая, не закона*; выслушать ее мнение являлось для князя своего рода нравственным долгом. **Вот** почему она *не учреждение*, каким позже, в московский период, явится Боярская дума. Сильный или самонадеянный князь иногда обходился без совета и не созывал Думы, но общество порицало такое поведение, а сам князь рисковал встретить пассивное сопротивление: отказ выполнить его решение («о себе еси, княже, замыслил, а не едем по тебе, мы того не ведали»)¹.

Управление и суд.

То и другое сосредоточено в руках князя, как главного правительственного органа. Его ближайшие помощники в суде и по хозяйству — тиуны и ключники. В стольном городе князь сам непосредственно управляет и судит, а в пригородах (в «волости») через доверенных лиц — посадников, которых он выбирает среди своей старшей дружины. Содержались такие посадники за счет волости, которую управляли (корм в натуре). Рядом с княжескими органами управления существовали и земские: тысяцкий и его помощники — сотские и десятские. Тысяцкий предводительствовал народным ополчением, ведал в городах дела торговые и внешний порядок (полиция) Суд производился по *Русской Правде*.

VI. Русская Правда.

1. *Русская Правда не есть свод законов*. Своды законов: а) определяют положение, права и обязанности лиц и общественных классов, отношение общества к государству, стараясь охватить более или менее *все* стороны общественной и государственной жизни (государственная власть, управление, суд, классы и сословия, семья, собст-

¹ См. Приложения. X? 20: «Политический строй Древней Руси в домонгольский период».

венность, договоры и обязательства); б) обыкновенно они возникают в зрелую пору народной жизни, когда общество уже успело прочно сложиться, а государственная власть — окрепла и обладает достаточным авторитетом и внешними средствами, чтобы осуществить свои предначертания. Таковы, например, Уложения царя Алексея Михайловича, Кодекс Наполеона, Свод законов, составленный Сперанским в царствование императора Николая I. Таковым *сводом* Русская Правда не была. Это «ряд сборников, составленных частными лицами из княжеских уставов, обычного права и частью — византийских источников». (Вл.-Буданов)

2. *Что такое Русская Правда!* Русская Правда выросла из более скромных, чем Уложение, потребностей: предотвратить столкновения и распри и, во имя правосудия, определить наказания за совершенный проступок. Русская Правда есть простой *судебник* — сборник правил о том, «как вести суд, какое наказание назначать за преступление, как узнать, совершено или не совершено преступление» (Бестужев-Рюмин)

3. *Двоякие цели Русской Правды*, наказать *преступление* и оградить *имущественные интересы*. Под первым она понимает: убийство, нанесение ран, побои, увечья, самоуправство, разбой, кражу. Вторые — связаны с наследством, займами, отдачей денег в рост, кредитом, куплей и продажей.

Предупредить преступление, *исправить* преступника — Правде до этого нет дела; ей бы только *материально* наказать за *материальный* ущерб, нанесенный преступником. И чем чувствительнее ущерб, тем строже взыскание: за отсеченную руку — 40 гривен, за отсеченный палец — 60 кун, за корову — 40, за теленка или овцу — 5 кун.¹

Не заботясь о предупреждении преступлений, Русская Правда не проявляет почина и в их преследовании* это дело потерпевшего, он сам должен отыскать преступника, *сам* производить следствие, сам позаботиться найти свидетелей и доставить их на суд

4. *Смешение уголовных преступлений с гражданскими* Русская Правда еще слабо различает преступления, нарушающие общественный **Порядок** (уголовные) от деяний, наносящих ущерб частному лицу (гражданские): уголовное преступление расценивается главным образом как деяние частного рода, от которого терпит лицо, данный **индивидуум**, а не целое, не общество. В направлении «уголовном» она *не* пошла дальше того, чтобы требовать уплаты наложенного **Штрафа** за «обиду» — «не в пользу потерпевшего, а в пользу общественной власти: позорный удар необнаженным мечом или рукоятью

¹ Гривна содержала 25 кун В Киевский период гривна весила одну треть фунт^a серебра, позже ее вес значительно понизился (до $\frac{1}{A}$)

его влечет за собою общественный штраф, а не денежный выкуп (12 гривен); за укрывательство беглого раба виновный, кроме возвращения раба его господину, платит 3 гривны уголовной продажи в пользу князя» (Вл.-Буданов).

5. *Смертная казнь* существовала, но применялась редко; она была противна духу русского народа и более широкое применение нашла себе значительно позже, под влиянием византийского права и татарских обычаев. Недаром Владимир Великий ввел казнь для разбойников только по настоянию греческих епископов, указавших ему, что князь поставлен «на казнь злым и на милование добрым» «Боюсь греха», мотивировал Владимир свое нежелание. Мономах в Поучении к детям советует им: «ни сами не убивайте, ни другим не приказывайте убивать, хотя бы виновный и заслуживал смерть». Еще в XIII в., уже при татарах, Серапион, епископ Владимирский (ум. 1275 г.), восставал против убийства волхвов, которых винили в тогдашних общественных бедствиях, а двести лет спустя русские нравы огрубеют настолько, что новгородский архиепископ Геннадий станет советовать великому князю Ивану III для искоренения ереси жидовствующих руководиться примером короля испанского Фердинанда Католика, который как раз тогда учредил инквизицию и сжигал еретиков на костре.

6. *Источники Русской Правды*. Главным образом, обычное право, также: княжеские распоряжения и судебная практика; отчасти византийское право.

7. *Две редакции*. В первоначальном своем виде Русская Правда возникла при Ярославе Мудром; позже, при сыновьях и внуках его, она была дополнена и подверглась некоторым изменениям. На этих изменениях сказалось смягчающее влияние христианства. На первоначальной редакции еще лежит отпечаток грубой языческой поры так, например, за убийство полагается *кровная месть*, составляющая в те времена *нравственный долг* родственникам убитого (сравн. месть Ольги древлянам за смерть Игоря). Век Владимира Мономаха уже не допускает кровной мести: она заменена денежным штрафом, так называемой *виroy*. Начинают различать и самое убийство: строже карается убийство умышленное, слабее — случайное: в драке или в ссоре

8. *Аналогичные памятники Западной Европы*. Это так называемые Варварские законы (*Leges Barbarorum*): *Lex Antiqua Wisigothorum*, *Pactus Alemannorum*, *Edictus Longobardorum* и др. Происхождение их в основе одинаково с Русской Правдой: и здесь источником служили обычное право и практика королевского суда, а содержанием служили, главным образом, область преступления и наказания. И русско-славянский, и германо-романские памятники одинаково вводили в жизнь новые представления о праве, создавали новые нормы общественных отношений, «неизвестные вовсе родовой эпохе; культурное же значение их столь же высокое, как и церковного права, и переводов священных книг» (Леонтович).

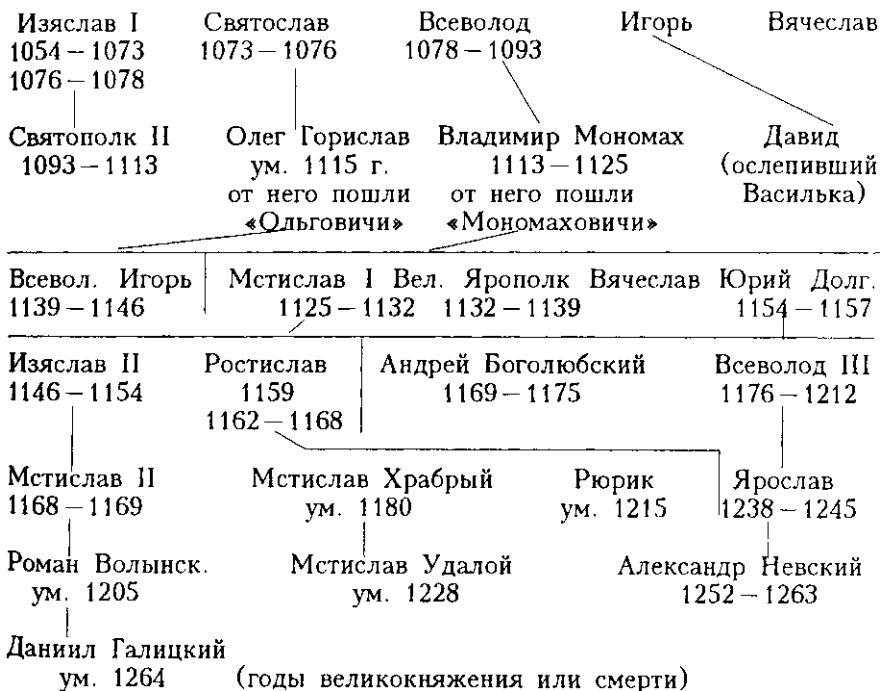

Два существенных отличия Варварских законов от Русской Правды: 1) латинский язык, не народный германский; 2) применялись законы не ко всему населению данной местности, а только к германцам-завоевателям; население же завоеванное судилось по особым законам: *Leges Romanae*.

VII. Отношения между князьями Рюрикова дома и порядок княжеского владения

Родословная таблица

Ярослав Мудрый, ум. 1054 г.

Отношения между князьями Рюрикова дома в так называемый Киевский период и порядок княжеского владения, несмотря на большую, тщательную работу наших исследователей, историков и юристов, представляются и до сих пор еще недостаточно ясными, вызывая различное толкование и оценку. Спор идет по вопросу: каким руководящим принципом определялись эти отношения и переход владения областью от одного князя к другому? Ответы давались различные,

но едва ли не самым правильным будет тот, который признает события слагались под перекрестным воздействием очень разнообразных сил, притом далеко не всегда действовавших согласно между собою; что руководящих начал было не одно, а несколько и разного качества, и что наряду с устойчивыми, *постоянно* действовавшими принципами находили себе место и факторы *случайного* характера. Таковыми действующими силами были:

1. Система «Лествичного Восхождения». Согласно ей, каждый потомок Владимира Великого обладал правом на участие в общем дележе Русской земли, правом на получение своей доли соответственно положению, какое он занимал в родовой семье и которое определялось понятием о родовом старшинстве. Старший в роде, принадлежащий к старшей ветви (т. е. старший сын умершего родоначальника), имел право на первое место, самый младший в младшей ветви мог рассчитывать лишь на последнее: на самую скромную часть. Но старшая ветвь (потомство старшего сына) давала старшинство лишь старшему в этой ветви: все остальные члены этой старшей ветви (сыновья и, тем более, внуки старшего сына) отступали назад перед старшим второй ветви (вторым сыном родоначальника) и т. д., иначе говоря, дядя всегда стоял выше племянника. Подобно этому и старшинство двоюродных братьев определялось старшинством их отцов. Смерть князя очищала дорогу всем ниже его стоящим: каждый теперь поднимался на одну ступень выше и, соответственно, переходил княжить в область того князя, который перед тем стоял ступенью выше его. Если князь умирал, не успев получить княжества, то его сыновья становились изгоями, т. е. выбрасывались из общего родового круга. При общем дележе они уже не принимались в расчет.

Такова была *система*, таков был *идеальный* порядок наследования княжеских столов согласно этой системе. Однако *реально* в жизни, если он и осуществлялся, то скорее в виде исключения, чем общего правила. Силу и степень обязательности для себя этого порядка каждый определял по-своему, субъективно, причем сама идея с каждым новым поколением все более и более глохла, теряя свою убедительность.

2. *Отчина*. Удержаться в чистом виде принципу «Лествичного Восхождения» трудно было уже потому, что одновременно с ним громко заявлял свои права другой принцип — отчины право сына непосредственно наследовать своему отцу, естественное право отца подумать в первую голову об интересах своих детей. Существование отчинного права, ярко выраженное в Киевский период, — одно из наиболее убедительных доказательств того, что русское общество IX — XI вв. уже пережило родовый быт и вступило на путь семейно-общественных отношений.

3. *Избрание вечем*. *Право народное*. Веский голос в решении вопроса: кто будет владеть данным столом, принадлежал также и вечу. Земля (население) никогда не держала себя пассивно и **далека**

была от мысли видеть в себе простой объект княжеских вожделий она сама деятельно участвовала в распрях князей и клала свой меч на весы того или другого соперника, руководясь собственными симпатиями и соображениями личной (народной) пользы; симпатии же ее зачастую шли вразрез с расчетами князей. Силе Земля, конечно, уступала, но сила не всегда была на стороне князя. Олег Черниговский вынужден был уступить Киев Владимиру Мономаху по настоятельному требованию веча. Изгнание князей в Новгороде и замена одного другим по выбору веча были явлением обычным.

4. *Добывание стола (захват силою)* Ни принцип родового старейшинства, ни право отчинного наследства, ни воля народная далеко не всегда могли подчинить себе волю отдельной личности, особенно когда старозаветному «так должно» приходилось сталкиваться с повелительным «так я хочу». Умный, энергичный, предприимчивый князь, все равно младший или старший, отстранял менее способного и ловкого. Общее всем князьям сознание права искать себе место по всей Русской земле открывало широкий простор для личности. Изяслав II, внук Мономаха, переменял на своем веку шесть областей; Киев, вечная приманка и яблоко раздора, видал у себя князей, которые едва успевали там вокняжиться, как уже сгонялись с престола, помимо всяких соображений об их отчинном или родовом положении Рюрик, сын Ростислава, племянник Изяслава II, правнук Мономаха (ум. 1215), семь раз на своем веку добывал и терял Киев. Его насильно постригли — не помогло и это: лишь только умер его соперник, как он уже сбросил с себя рясу и снова, с оружием в руках, захватил заветный город.

5. *Завещание.* Действительность такового обуславливалась главным образом степенью авторитета самого завещателя и согласованности его с интересами Земли и остальных князей. Поэтому значение княжеского завещания в действительной жизни было довольно ограничено.

6. *Соглашение с вечем и с князьями.* Прочность такого соглашения тоже зависела прежде всего от того, принимало ли в соглашении участие одно вече без князей или одни князья без веча, а также от степени силы и влиятельности этих князей. Таким образом, и этот Фактор в решении вопроса о переходе столов нельзя, как и предыдущий (завещание), назвать довольно устойчивым и веским.

Главными действующими силами являлись первые четыре: родовые воззрения, право отчинное;¹ воля народа (избрание) и захват стола силою.

Таковы были элементы, под воздействием которых сложился политический строй и протекала политическая жизнь Киевской Руси.

¹ См. Приложения. № 21: «Была ли княжеская отчина *вотчиною!*»

Их сложность, противоречивость неизбежно должны были осложнять и самую жизнь. Недаром Карамзин сравнивал эту пору с дремучим лесом, в котором легко заблудиться. В его время, действительно, еще не существовало никаких просек, но и в наше время «лес» этот все еще ждет полной расчистки.

VIII. Княжеские уобицы.

А. При сыновьях Ярослава Мудрого (1054— 1093)

Великокняжение Изяслава I Ярославича (1054—1073)

Незадолго до смерти Ярослав Мудрый распределил свои владения между пятью сыновьями в порядке их старшинства: старшим дал лучшие области, младшим менее значительные. Изяслав получил Киев, Святослав — Чернигов, Всеволод — Переяславль, Игорь — Владимир-Волынский, Вячеслав получил Смоленск. Завещание Ярослава молчит об остальных областях. Почему о Полоцке ни слова — понятно Полоцкая земля на особом положении; это своего рода отрезанный ломоть: Владимир Великий еще при жизни отдал ее в отчину Изяславу, сыну от Рогнеды; но почему молчал завещатель о Новгороде, Ростове, Муроме, о Тмутаракани — можно только догадываться. Как бы то ни было, но вскоре и эти земли прибрали к своим рукам три старших брата: Изяслав взял Новгород, где он, впрочем, княжил еще при жизни отца; Святослав добавил к Чернигову обширную область к востоку от Днепра (Рязань, Муром, Тмутаракань); Всеволод завладел Поволжьем (Ростов, Суздаль, Белоозеро). Два младших брата никаких добавочных областей не получили, а наступившая вскоре смерть их (Вячеслав — 1056; Игорь — 1060) дала возможность старшим трем распорядиться и их землями по своему усмотрению. Сыновья Вячеслава (Борис) и Игоря (Давид) были обделены; один только старший племянник, Ростислав Владимирович (его отец, самый старший из сыновей Ярослава, умер еще при жизни отца: 1052), получил Владимир-Волынский; но, недовольный им, он пошел на Тмутаракань, выгнал оттуда Глеба, сына Святослава, и владел ею до самой смерти (1064).

На берегах реки Альты половцы нанесли русским князьям тяжелое поражение; Киеву грозила большая опасность, но Изяслав не решился продолжать борьбу с победителями. Возмущенные малодушием своего князя, киевляне выгнали его и посадили на стол Всеслава Полоцкого (незадолго перед тем вероломно захваченному Ярославичами и посаженного в поруб, т. е. в темницу). Между тем Святослав Черниговский победоносно отбросил половцев обратно в их степи, а полгода спустя польский король Болеслав Смелый вооруженной рукою вернул Изяславу Киев. Всеслав не оказал сопротивления, довольный возможностью тайком пробраться в свой наследственный Полоцк.

Великокняжение Святослава Ярославича (1073—1076)

Нелады с братьями, отсутствие моральной связи с населением Киева привели Изяслава к вторичной потере своего великокняжеского стола. Он бежит в Польшу, а его место занимает Святослаз Черниговский. Младшие братья, которым Изяслав был «в отца место», отступили от завета Ярославова: согнали брата, нарушив его родовые права, однако в своих личных отношениях они, несомненно, руководятся ими же попраным принципом «Лествичного Восхождения»¹ переход Святослава из Чернигова в Киев сопровождался одновременным переходом Всеволода из Переяславля в Чернигов.

Вторичное великокняжение Изяслава I. (1076—1078)

Смерть Святослава открыла Изяславу путь в Киев. С помощью того же Болеслава Смелого он вторично занял его. Зато теперь поднимает голову *Отчина*. Олег Святославич выгнал Всеволода из Чернигова и заставил его вернуться в Переяславль. Хотя дядя и прогнали его в Тмутаракань, но победа досталась им дорого: в битве на Нежатиной Ниве Изяслав сложил свою голову. Цал и Борис, сын Вячеслава, державший сторону Олега (1078).

Великокняжение Всеволода Ярославича (1078—1093)

Всеволод занял Киев, как старший, в силу *родового* принципа, однако его дальнейшие действия всецело проникнуты соображениями *семейного* интереса. Лучшую после Киева волость, Чернигов, он отдает сыну Владимиру Мономаху; на Волынь сажает племянника Ярополка, сына старшего брата Изяслава, в Новгород — другого Изяславича, Святополка. Обиженных и недовольных много. Святославичи силою помогают Чернигова, Ростиславичи (Володарь и Василько) захватывают Червенские города и воюют с Ярополком: ведь Волынь их отчина, там когда-то сидел их отец. На такое же право отчины опирается и Давид Игоревич, захватывая на Волыни несколько городов. В результате почти все 15 лет великокняжения Всеволода прошли в усобицах.

Б. При внуках Ярослава Мудрого (1093—1125)*Великокняжение Святополка II Изяславича (1093—1113)*

Смерть Всеволода снова выдвинула на первый план дилемму: **Избрание** или волю народную. Киевляне желали иметь у себя не Святополка, а Владимира Мономаха; но за Святополка стояли и «лествица», и «отчина», и они перевесили: Владимир Мономах не

решился оспаривать их и остался в Чернигове, киевляне же оказались вынужденными считаться с его решением.

Борьба за Чернигов. Как некогда дядю Всеволода силою заставил Олег Святославич вернуть ему Чернигов, так и теперь, силою же, понудил он двоюродного брата Владимира Мономаха покинуть Черниговскую область и уйти в свой наследственный Переяславль. Но поведение Олега — дружеские связи с половцами, на которых он постоянно опирался в своей борьбе с родственниками и наводил их полчища на Русскую землю, отказ приехать в Киев для совместного обсуждения действий против кочевников, — повели к открытой борьбе и изгнанию Олега из Чернигова. Олег удаляется в свой Муром и оттуда силою захватывает у Мономаха Ростов и Суздаль. Междуособице, казалось, конца не будет. Наконец согласились разрешить спор мирно на общем княжеском съезде.

Съезд в Любече (1097). Собрание князей открыто высказалось по вопросу о наследовании областей за начало отчинное: каждый да владеет той землей, какая раньше была во владении его отца. В силу этого решения за Святополком II остались Киев и Новгород, Олег и другие Святославичи, его братья, получили Чернигов и Муромо-Рязанскую область Владимир Мономах — Переяславль и Ростов с Суздалем Давид Игоревич — Владимир-Волынский Володарь и Василько — Перемышль и Теребовль, назначенные им еще Всеволодом Киевским, а также часть Волынской земли.

Борьба за Волынь. Волынь считали своею отчиною (и справедливо) одинаково и братья Ростиславичи, и Давид Игоревич. Недаром на Любечском съезде их разместили именно в этой области. Но уже самое деление области на две части становилось, с точки зрения отчинных понятий, несправедливостью. На этой почве неизбежно вырастали всякого рода недоразумения, открывалось широкое поле взаимному подозрению. При косвенном соучастии Святополка Киевского Давид вероломно захватил Василька и приказал ослепить его. Мономах и Святославичи, возмущенные вероломством и злодеянием братьев, побудили старшего князя идти войною на Давида. Святополк выгнал Давида из его городов, но покусился и на другую половину Волынской земли, отданной Ростиславичам. Общая опасность сближает Ростиславичей с их вчерашним врагом, Давидом; они совместно дают отпор великому князю, последнему не помогла и помощь Коломана Венгерского. Усобица закончилась новым съездом князей в Уветичах (в Вятичеве). Давид понес наказание: он должен был довольствоваться несколькими малозначительными городами и некоторою суммою денег. Владимир-Волынский перешел к Святополку, Ростиславичи остались при своем (1100). Остальные 13 лет великокняжения Святополка прошли без усобиц; главной заботой князей стали походы на Степь и борьба с половцами.

Великокняжение Владимира Мономаха (1113—1125)

На этот раз в вопросе о преемстве Киевского стола избрание, воля народного веча решительно перевесила все остальные соображения. «Лествица» требовала посажения Олега Святославича, но киевляне видели в нем *Гориславича*, не любили его и настойчиво звали Мономаха. Волнения в городе грозили принять опасные размеры, и Мономах подчинился голосу народному. Власть свою он держал в твердых руках, и власти этой подчинялась почти вся тогдашняя Русская земля. Одни только Ростиславичи да Ольговичи сидели, каждый, на своих отчинах. На Волыни еще сидел, было, одно время Ярослав, сын Святополка II, но у него начались нелады с Мономахом, а смерть его ввела и эту область в состав Мономаховых владений.

В. При правнуках и праправнуках Ярослава Мудрого (1125-1169)*Великокняжение Мстислава I Мономаховича (1125 — 1132)*

Старшим в роде после Владимира Мономаха был Ярослав Святославович Черниговский; но за Мстислава были «отчина», «голос народа» и далеко не последнее место на родовой лестнице (сейчас же вслед за Ярославом), и Ярослав не решился оспорить эти преимущества; он добровольно поступился своими правами, удовлетвовавшись клятвенным обещанием племянника утвердить за ним Чернигов. Но клятву Мстислав не сдержал, попустив Всеволоду Ольговичу выгнать из Чернигова дядю. Прикрываясь мнением духовенства, к которому он обратился за советом, Мстислав оставил Всеволода в Чернигове, Ярослав же вынужден был удалиться в Муром. «Лестнице», таким образом, наносился двойной урон: и в Киеве, и в Чернигове.

Если не считать Перемышля с Теребовлем, издавна обособленного Полоцка да Черниговской отчины, то вся остальная Русь и теперь, при Мстиславе, как при отце его, собралась в доме Мономаха. Киевский князь, однако, хотел большего: он изгнал полоцких князей из их области и присоединил Полоцк к своим владениям.

Великокняжение Ярополка II Мономаховича (1132—1139)

После Мстислава Киев занял старший после него брат — Ярополк <У Ярополка не было соперников: он был единственный князь, который мог сесть на старший стол по отчине и дедине; он крепко сидел в Киеве и потому еще, что люди киевские позвали за ним» (Соловьев). Таким образом, Киев фактически все более и более Превращался в отчину Мономаховичей. Ольговичи, однако, тоже видели в нем свою отчину и ждали лишь случая предъявить на него свои права.

Являясь старшим в обширной семье Рюриковичей, Ярополк, по отношению к ближайшей родне, к Мономаховичам, держался не родовых, а семейных, личных начал: Переяславль (где он сидел при Мстиславе) он отдал не братьям, как следовало бы по системе Лествичного Восхождения, а племяннику Всеволоду — Гавриилу, сыну своего покойного брата. Для Юрия Долгорукого, наиболее энергичного из братьев, такое распоряжение являлось явной несправедливостью и кровной обидой. Утром въехал Всеволод в Переяславль, а до обеда дядя Юрий успел уже выгнать его из города. Правда, он и сам усидел в нем не более восьми дней" Ярополк и его выгнал оттуда Между братьями, племянниками и дядьями разгорелась ожесточенная распря В течение нескольких лет Переяславль переходит из рук в руки (Изяслав Мстиславич, Вячеслав и Андрей Мономаховичи) При этих переходах не спрашивали: кто старше, кто младше — решала грубая сила, ловкость, удача или вынужденный компромисс. Ольговичи, в свою очередь, хорошо использовали распрю Мономаховичей, добившись у них уступки им городов по Сейму (Курск и др.), которые они считали своею отчиной.

Все семилетнее великокняжение Ярополка прошло в усобицах, чему много содействовали неопределенность родовых отношений и уже начавшаяся резко обозначаться слабая подчиненность младших членов княжеского рода старшему. Таким старшим не всегда был отец, но дядя из младших или брат, и то не самый старший Поэтому «младшие братья и племянники считали себя в полном праве вооруженною рукою противиться распоряжениям старшего, если им казалось, что эти распоряжения клонятся к их невыгоде» (Соловьев)

Великокняжение Всеволода Ольговича (1139— 1146)

Пользуясь раздорами среди Мономаховичей, Всеволод завладел Киевским княжеством и сумел удержать его за собой вплоть до своей смерти. Митрополит, во избежание кровопролития, убедил Вячеслава Мономаховича, старшего дядю, отказаться от своих прав и примириться с успехом племянника. Подобно Мономаху и его сыновьям, Всеволод также старался закрепить за своей ближайшей родней, Ольговичами, Киевский стол и, подобно тем, также обязал князей клятвою признать после него старшим князем его брата Игоря Клятва была дана, но Всеволод не рассчитал одного* воли народной Киевляне вообще не любили Всеволода, как Ольговича, как сына «Гориславича», не чувствовали симпатий и к Игорю; они позвали к себе Изяслава, внука Мономахова, сына Мстислава. Приезжай, говорили они ему, не хотим быть у Ольговичей, «акы задничи», т. е. не хотим переходить от брата к брату, точно частная собственность в наследство — хотим сами решать, кому править нами.

Борьба за Киев. Распря среди Мономаховичей.

Великокняжение Изяслава II Мстиславича (1146 -1154)

Сев в Киеве, Изяслав также нарушил права старейшинства. Юрий Долгорукий упорно добивается их восстановления. Открывается длительная борьба племянника с дядей. Со стороны Изяслава она ведется энергично уже потому, что он, если и племянник, *то старший*, а Юрий, если и дядя, *то младший*. У дяди точкою опоры служит порядок Лествичного Восхождения; но он ли является истинным мотивом его действий? Не ухватился ли Юрий за него как за сподручное орудие борьбы? Не домогался ли Юрий Киева главным образом потому, что туда влекло его личное честолюбие, как влекло оно и других, тоже честолюбивых, князей, хотя бы того же племянника Изяслава?

При всем том, как ни попирается идея родовой лестницы, с нею еще необходимо считаться, и тот же Изяслав, стараясь вырвать у младшего дяди почву из-под ног, призывает в Киев своего старшего дядю Вячеслава, отдает ему великокняжение, ставит его «в отца место», окружает вялого, неспособного старика внешним почетом и, обратив в ширму, продолжает самостоятельно править княжеством. Юрия, однако, таким маскарадом не проведешь. Слова Вячеслава, обращенные к нему: «я был уже брадат, когда ты родился» кажутся ему неубедительны. У него своя мерка: когда приходится иметь дело с племянником, он отстаивает права старшего, а столкнувшись со старшим братом, он с легким сердцем забывает о них.

Опереться на старшего дядю в борьбе с младшим Изяславу необходимо было еще и потому, что в этой борьбе ему не всегда можно было рассчитывать на деятельную поддержку местного населения, как ни сочувствовало оно лично ему самому. Для киевлян Юрий Долгорукий был такой же Мономахович, как и Изяслав, и причинять ему зло им представлялось невозможным. Однажды Изяслав, прося их содействия, звал киевлян с собой на дядю и получил в ответ: «Князь, не сердись на нас, но на Володимирово племя мы не можем поднять руки, иное дело Ольговичи: на них пойдем (охотно), хоть и с детьми».

Несколько раз вынуждал Юрий Изяслава покидать Киев, в свою очередь, не однажды и Изяслав платил ему тем же. Изяславу удалось умереть на великокняжении, утвердился на Киевском столе потом и Юрий Долгорукий, однако не сразу: дорогу перебивали ему то Ростислав Мстиславич, то Изяслав Черниговский. Все же последние два года жизни (1157— 1159) Юрий сидит в Киеве и умирает там великим князем.

Чем многочисленнее становилось потомство Ярославичей, тем заметнее хирела идея родовой лестницы, тем с большим трудом сводили князья свои счета в пределах даже отчинного владения, не говоря о Родовом, тем ярче выступала грубая сила и ее торжество.

Дядя и племянник оставили по себе сыновей, которые продолжали борьбу отцов: Мстислав II Изяславич (1167 — 1169) и Андрей Боголюбский, сын Юрия. В конечном результате восторжествовал дядя. Но характерно, что и дядя опирался в данном случае более на силу реальную, чем на принцип старейшинства.

Последствия этого торжества были неожиданные: Андрей покинул потерявший в его глазах всякую ценность Киев. Он перенес свое великокняжение с берегов Днепра в отдаленный Суздальский край, на берега лесистой Клязьмы, в молодой и малоизвестный город Владимир (1169). Для Киева с этой поры начинается новый период существования — период политического упадка и материального оскудения.

IX. Борьба со Степью.

Не одни междоусобия князей характеризуют Киевский период другой его особенностью была еще *борьба со Степью* — с одним из отпрысков азиатских народностей — с половцами.

Большое и сильное племя, половцы заняли в середине XI столетия нынешние южнорусские степи и не замедлили начать свои вторжения в Русскую землю. Юг, а с ним и главный центр тогдашней политической жизни, Киев, очутились в положении вечной войны; о спокойном существовании нечего было и думать; выпускать оружие из рук было бы прямым безрассудством. Русские князья вступали в соглашения с половецкими ханами, брали у них дочерей себе в жены, обменивались заложниками; но все это давало лишь временную, краткую передышку, тем более ненадежную, что мирный договор с одним ханом не исключал вражды с остальными.

Зло увеличивалось еще тем, что князья, в опьянении междоусобных страстей, вместо единого действия против общего врага, нередко сами открывали ему путь в Русскую землю, прибегая к их военной помощи. Понятно, какой дорогой ценой покупалась эта помощь. Области, по которым прошли кочевники, лежали опустошенными и безлюдными. Особенно дружил с половецкими ханами черниговский князь Олег Святославич (ум. 1115). Неоднократно приводил он с собою половецкие полки, и память народная не простила ему измены общерусским интересам: она помнит его не как Святославича, а как *Гориславича*.^x

1. *Роль Владимира Мономаха в борьбе со Степью.* Поистине народным героем в борьбе с половцами является Владимир Мономах, внук Ярослава Мудрого. «Как можно ограничиваться одной обороною, — доказывал он князьям, — вы говорите, что, настаивая идти

¹ См. Приложения. ЛП? 22: «Что побуждало черниговских князей наводить половцев на Южную Русь?»

в степь против половцев, я не жалею смерда, отрываю его от пашни, а того не подумаете, что станет весною этот самый смерда пахать на своей лошади, а придет вдруг половчанин; убьет смерда стрелой, возьмет себе его лошадь, захватит жену и детей, да вдобавок еще и гумно зажжет. Разве это лучше? (княжеский съезд у Долобского озера, 1103 года).

Девятнадцать раз заключал Владимир мир с половцами, до сотни князей их отпустил на волю, свыше 200 изрубил и потопил во время своих войн с ними. Походы русских князей с Владимиром Мономахом во главе в глубь половецких степей коренного решения не дали, но ясно поставили вопрос об отношениях к степному Востоку, указав направление, в каком придется решать его в будущем

2. *Походы половецкие и крестовые походы.* Энергия, с какою велось наступление; та бодрая вера в успех и желание, каким сгорали князья, добраться до самого сердца половецких вежей, чтобы решительным ударом навсегда освободить родную землю от разорительных вторжений этих полудикарей, напоминают подобную же борьбу, какую как раз в ту пору Западная Европа вела против другого, тоже тюркского, племени — в Палестине. Крестовые походы против сельджуков (1095 г. и след.) и походы русских князей против половцев (с 1103 г.; самый замечательный из них по размерам предприятия и по его успешности — поход 1111 г.) — явления одной категории Владимир Мономах и Готфрид Бульонский — деятели одного порядка Под стенами Иерусалима, на безымянных равнинах, что упираются в Черное и Азовское моря, там и тут, цель одна и та же: защита европейской, христианской культуры и цивилизации, отпор азиатскому мусульманству.

Крестовые походы и походы русских князей на половцев — это лишь один из героических моментов грандиозной борьбы, которую на протяжении целого ряда веков Европа вела против Азии; это лишь краткий эпизод в той длинной веренице «походов», что из столетия в столетие тянется со времен доисторических. Если и раньше Азия посылала мавров на юго-запад Европы, то и после Крестовых походов, после половцев она двинет на Восточную и Среднюю Европу монголов; затем османы начнут громить Византийскую империю; турецкий полу-Месяц победоносно пройдет по всему Балканскому полуострову, дойдет до Будапешта, до Вены, проникнет в Крит, в Адриатику, и для отпора этой волны, готовой захлестнуть пол-Европы, всюду потребуются страшное напряжение народных сил. Борьба с Азией и для Русского народа не закончится половцами и монголами, она будет Тянуться на всем протяжении его исторической жизни, можно сказать, вплоть до наших дней (сравн.: 1. гунны; 2. обры-авары; 3. хазары, 4. печенеги; 5. половцы; 6. монголо-татары; 7. сибирские инородцы, 8. киргизы; 9. кавказские племена; 10. народности Средней Азии и, Наконец, в самое последнее время; 11. японцы).

Х. Киев и Южная Русь.

Княжеские усобицы и борьба со Степью двумя красными нитями проходят через всю историю Киевского периода. Набеги половцев тяжело отзывались на всем русском юге, усобицы особенно больно ударили по Киеву и в значительной степени определили его последующую судьбу.

1. *Положение южной окраины.* Всего более страдали от половцев пограничные земли: Черниговская, Киевская, особенно Переяславская и так называемое Поросье.¹ Природа создала здесь наилучшие условия для земледелия; казалось, сама звала сюда на труд; между тем поля лежали заброшенными, и плуг все реже и реже проходил по ним. Пустели не одни поля: из сел и городов половцы тысячами уводили пленников в свои степи, откуда большая часть их попадала на азиатские невольничьи рынки. А когда кочевнику удавалось проникать в самую глубь страны, тогда добыча его принимала особенно большие размеры.

В связи с набегами стала падать и *торговля с Византией*: половцы перегородили дорогу в Грецию, проезд по Днепру стал неизмеримо опасней, и затраты на предприятие плохо теперь окупались.

Неизбежным следствием такого положения дел был *отлив населения* с юга: люди сознательно покидали места, наделенные благами природы, и устранивались на землях, где труд человека, хотя и вознаграждался гораздо скупее, зато был более обеспечен и не подвергался такому риску. Эмиграция шла двумя путями: на запад - в верховья Западного Буга и Днестра, в Галицию, в сторону Польши, и на северо-восток — всего больше в Суздальскую область, на Оку и Верхнюю Волгу.²

2. *Киев — яблоко раздора.* Велико было зло от кочевников, но княжеские усобицы его удвоили. Киевской области досталось от них всего тяжелее. Киев обладал особою притягательною силою: старший среди остальных городов, самый богатый, он был олицетворением единства княжеского рода и всей Русской земли; местопребывание митрополита, главы русской Церкви, он одновременно олицетворял и единство церковное. Киев был крупным коммерческим рынком; он рассылал свои

¹ За 1055—1228 гг. известно 37 половецких набегов на Русскую землю, не считая второстепенных вторжений. По другому счету, за период в 149 лет (1061—1210) Русь испытала 46 половецких нападений, средним числом чаще, чем одно вторжение через каждые три года. Из 46 вторжений на долю Переяславского княжества и Поросья пришлось 31. Поросье (земля по р. Роси) населено было тюркскими кочевниками, которых князья приняли на эти места в XI столетии (Голубовский).

² См. Приложения. № 23: «Допустимо ли массовое переселение приднепровской Руси на север в XII и XIII вв.»

товары в Византию, в Польшу и Чехию, из далекого Регенсбурга сюда Приезжали немецкие купцы, русский товар находил себе сбыт в далекой Италии, доходил вплоть до Сицилии Торговля значительно содействовала богатству и росту Киева. Дитмар Мерзебургский (1018) насчитывал в нем 8 базаров и свыше 400 церквей; в 1124 году, по свидетельству летописи, пожар уничтожил в Киеве до 600 церквей, как бы ни преувеличена была та и другая цифра, очевидно, было что преувеличивать. Недаром Адам Бременский (ум 1076) называл Киев «соперником Константинополя», «красою православного Востока» (*aemula sceptri Constantinopolitani, clausissimum decus Graeciae*).

Как неотразимый магнит, Киев привлекал к себе русских князей Обладание им создавало почетное положение, удовлетворяло их гордость и самолюбие. Но именно потому-то и было особенно трудно удержать за собою Киев. За 23 года (1146—1169) в нем перебивало 8 князей: четверо по два раза теряли город и по два раза возвращались обратно, так что всех вокняжений (смен на престоле) было за это время счетом 12. Из всех соперников и соискателей лишь одному удалось тогда усидеть на киевском столе 6 лет подряд (Ростислав Смоленский: 1162—1169), зато остальные держались на нем всего по нескольку месяцев и даже недель.

3. *Обесценение Киева.* Рано или поздно такой порядок должен был неизбежно обесценить Киев. Реальную пользу приносил он все меньше; обладание им покупалось слишком дорогою ценою — вечными неладами, при полной неуверенности в завтрашнем дне. Звание великого князя Киевского превращалось в игрушку, становилось пустым титулом. Многих эта игрушка еще продолжала слепить своим наружным блеском, но реакция должна была не замедлить. Общему яблоку раздора, Киеву, не хватало именно того, что является одним из условий всякого сильного государства: политической устойчивости Это понял Андрей Боголюбский, и когда в 1169 году военное счастье улыбнулось ему и он завоевал Киев, стал великим князем, то все же остался по-прежнему жить в своем родовом Суздальском княжестве, не покинул его. *Киев перестал быть столицей Русской земли* Экономически подорванный еще раньше, он перестал существовать теперь и политически. От этого удара ему уже никогда потом не удалось оправиться.

Но перенесение столицы на берега Клязьмы, в город Владимир, задело не один Киев: оно превратилось в событие общерусское С 1169 г Мы вступаем в новый период русской истории.

XI. Деятели Киевского периода.

Со смертью Ярослава Мудрого история, по выражению Карамзина, вводит нас «в дремучий лес, в котором легко заблудиться с риском Не выбраться из него обратно» — так много действующих лиц, так Перепутаны события Сцена, на которой разворачиваются исторические

события, всегда переполнена; все там в движении, все волнуется, ничего устойчивого; ни у кого нет прочного, определенного места, какой-то калейдоскоп быстро сменяющихся событий брат оспаривает власть у брата, племянник у дяди, близкие и дальние родственники заключают союзы, чтобы действовать совместно против таких же близких и дальних. В людях много жестокого, грубого, но немало и доблестного, честного, живого ума. Горизонт не широкий; идея государственности еще не вышла из детских пеленок. И какое разнообразие характеров! Какое различие в моральном мериле!

Вот *Давид Игоревич*, только что (1097), вместе с другими давший присягу довольствоваться своим княжеством, не искать чужой земли, — а он уже зарится на соседнюю область и, чтоб легче раздобыть ее, приказывает вероломно схватить своего двоюродного племянника *Василька* и ослепить его. Или этот самый *Василько*, слепой, до конца жизни (1124) водит свои войска против половцев и энергично бьется с ними, как и раньше, бывши зрячим. Вот *Олег Святославич*, прозванный *Гориславичем*: его отец, хотя и умер на великокняжеском Киевском столе, но он достиг его незаконным путем, согнав своего старшего брата *Изяслава* (1073—1076); грубое нарушение родовой этики кладет печать отвержения на сына, тем более, что Олегу не смыть позора постоянной дружбы с врагами родины — половцами. В самом деле, кто всего чаще наводил их на Русскую землю? Из-за кого чаще обычного русские села и города пылали и подвергались разграблению? Путь к Киеву морально отрезан Олегу; хотя он и старший из оставшихся двоюродных братьев, но должен уступить дорогу младшему, *Владимиру Мономаху* (1113) — такова воля киевского веча.

Далее, вот другой вероломный князь, *Владимирко Галицкий*: когда ему напомнили, что он нарушил присягу, что он клялся на крест, то он с насмешкой отговаривается: «а что может сделать мне этот маленький крестик?» А вот другой *Давид*, смоленский, сын *Ростислава* бурную жизнь свою он заканчивает в монастыре и в монашеской одежде ищет примирения с Богом, прощения своим грехам.

Целой головой выше своих современников стоит *Владимир Мономах*, и не только потому, что он, как мы видели, неутомимый борец с ненавистными половцами, горячий защитник родной земли, но и по своим моральным качествам и совершенствам.

1. Как человек, *Владимир* не безупречен он не всегда умел избежать соблазна заплатить дань порокам своего века: на его совести лежит разгром города *Минска*, взятого «на щит»; вероломное убийство двух *половецких ханов*, в противность данному обещанию пощадить их жизнь, но все это единичные пятна, лишний раз доказывавшие несовершенство человеческой природы вообще, так как их с избытком покрывают положительные свойства *Мономаха*. Недаром современник-летописец после смерти *Владимира* наделяет его такими лестными

эпитетами, как бы подводя итог его деятельности на земле: «братодюбец, нищелюбец и добрый страдалец за Русскую землю».

2. Прежде всего это человек полный энергии и *неутомимой деятельности*. Его хватало на все* на войну и дела внутреннего распорядка, на охоту и домашнее хозяйство, на думу с дружиной и на молитву. Вся его долгая жизнь (1053—1125) прошла в движении и работе, с той самой поры, когда отец послал его, еще 13-летним мальчиком, в Ростов через землю вятичей Смоленск, Польша, Чешский Лес, Туров, Полоцк, Чернигов, вятичи, Волынь, Минск, половецкие степи — этапы его походной жизни. Он совершил на своем веку 83 больших похода и поездки, а сколько более мелких — и припомнить не мог. Неутомимый охотник, он собственноручно ловил и вязал диких коней; бесстрашный, неоднократно подвергал опасности свою жизнь: тур метал его на рога, олень бодал, лось топтал ногами, вепрь оторвал у него меч, висевший на боку, медведь кусал, а лютый зверь валил вместе с конем. Находил время Владимир следить и за порядком домашним: он сам держал ловчий наряд, сам смотрел за конюшней, за соколами и ястребами.

3. Владимир не по имени только *христианин*: образец благочестия, он милостив даже к врагам; действия его проникнуты чувством любви к ближнему; защитник слабых, он содействует торжеству правды над несправедливостью; он учит соблюдать крестное целование и не казнить смертью, даже если бы человек был виновен и заслуживал ее, «дабы не погубить души христианской», поясняет он

4. Его христианство — *деятельное* Владимир не сторонник отшельнической жизни, истязания плоти иноческие подвиги, в его глазах, отнюдь не единственный путь ко спасению; сам он предпочитает *покаяние, слезы и милость*: этих трех добрых дел достаточно, чтобы спастись от грехов и заслужить царство небесное, даже не покидая мира: «молю вы ся, не забывайте трех дел тех: не бо суть тяжка, ни одиночество (т. е. отшельничество), ни чернечество (т. е. монашество), ни голод (т. е. изнурение себя постом), яко инии добрии терпят, но *малым делом* улучити милость Божью» (*Поучение детям*)

5. Он был *блюстителем* тех устоев, на которых держался *родовой порядок*, и самую деятельность свою воспитывал князей, старших И младших, в сознании, что они составляют одну общую семью Он Уважал права старшинства, требовал наказания во имя нарушенной Правды, мирил враждующих и умел направить деятельность князей На достижение целей более достойных, чем их постоянные «которы» (ссоры) — на борьбу со Степью. Старший, великий князь только в Последние 13 лет своей жизни, он еще на положении младшего стал Моральным вождем княжеской семьи.

6. Владимир уже обрисовался перед нами (см. выше), как *неутомимый борец с половцами*, как *защитник* Русской земли от половецких Пабегов. Многократными походами в Степь он достиг того, что силы

ее были надломлены, и Южная окраина, хотя на время, свободно вздохнула. Если он 19 раз заключал мир с половцами, значит 19 раз принимался воевать с ними. Еще при жизни отца (до 1093 г.) он имел 12 удачных битв с ними — все это были заслуги перед родиной, которых она не могла не ценить.

7. Мономаху присуща идея *родины, блага общественного*. Его двоюродный брат, Олег Святославич, оставил по себе в памяти народной горькую славу: ради личных выгод он пользовался услугами половцев и хладнокровно смотрел, как те, будучи призваны им, грабили и разоряли Русскую землю. Другой двоюродный брат, великий князь Святополк II Изяславич, человек корыстный, пользовался властью для личного обогащения, к явному ущербу народного благосостояния. Не то Владимир. Он понимает, где должен быть предел личному интересу, и для него ясно, что благо общее выше личного. «Добра хочу братии и Русской Земле», говорил он, и этою мыслью руководился в своей жизни.

8. Наконец, Мономах не только деятельный князь-правитель, воин, неутомимый охотник, заботливый хозяин; не только благочестивый христианин, убежденный блюститель родовых устоев жизни, верный сын своей родины — у него сильно развиты также и *духовные интересы*: он образованный, начитанный человек; он хорошо знаком с содержанием Псалтири, с Притчами Соломона, с творениями Василия Великого («Шестоднев»); потребности духа породили и его «Поучение детям». Заурядному человеку, если бы его мысль работала в области одних только повседневных явлений, не пришло бы на ум взяться за перо и предложить целую кошницу житейской мудрости и общественной морали, — результат жизненного опыта и «ума холодных наблюдений». Вот некоторые мысли Владимира Мономаха из области практических советов:

«Ради Бога, не ленитесь, дети мои; покаянием, слезами и молитвой вы легко победите врага нашего, дьявола. Просите Бога о прощении грехов со слезами, и не только в церкви, но и дома, ложась спать. Сидите ли вы на коне или ни с кем не разговариваете, — вместо того, чтобы думать о пустяках, повторяйте беспрестанно: «Господи, помилуй!», если других молитв не умеете: эта молитва лучше всех. Не забывайте убогих, кормите сироту; прежде чем целовать крест, братья, подумайте предварительно, будете ли в состоянии сдержать свою клятву; но, раз поцеловав, берегитесь, чтобы не погубить своей души. Старых чтите, как отцев, молодых, как братью. В доме своем не ленитесь, за всем присматривайте сами, не полагайтесь ни на управляющего, ни на слугу. На войне не надейтесь на воевод, сами наряжайте стражу; ложась спать, не снимайте оружия. Обезжая свои земли, не позволяйте своим спутникам обижать жителей; чтите гостя, откуда бы он ни пришел к вам, будь это простой или знатный человек, или посол. Если не можете чем иным одарить его, то угостите хоро-

шенько: странствуя они разносят по всем землям хорошую или дурную славу о человеке»

9. «Около его имени вращаются почти все важные события русской истории во второй половине XI и в первой четверти XII века. Этот человек может по справедливости назваться представителем своего времени. За ним в истории останется то великое значение, что, вращаясь в такой среде, где всякий гонялся за узкими своекорыстными целями, еще почти не понимая святости права и договора, один Мономах держал знамя общей для всех правды и собирал под него силы Русской земли» (Костомаров).

10. «Мономах принадлежит к тем великим историческим деятелям, которые являются в самые бедственные времена для поддержания общества и своею высокою личностью умеют сообщить блеск и прелесть самому дурному общественному организму. Мономах вовсе не принадлежит к тем историческим деятелям, которые смотрят вперед, разрушают старое, удовлетворяют новым потребностям общества: это было лицо с характером чисто охранительным, и только. Мономах не возвышался над понятиями своего века, не шел наперекор им, не хотел изменить существующий порядок вещей; но высокими личными доблестями, строгим исполнением своих обязанностей прикрывал недостатки существующего порядка вещей, делал его не только сносным для народа, но даже способным удовлетворить его общественным потребностям. Тогдашнее общество требовало прежде всего от князя, чтоб он свято исполнял свои семейные обязанности, не которовался с братнею, мирил враждебных родичей, вносил мудрыми советами наряд в семью — Мономах во время злой вражды между братьями заслужил название *братолобца*, умными советами и решительностью отвращал гибельные следствия княжеских котор, крепко держал в руке узел семейного союза. Новообращенное общество требовало от князя добродетелей христианских — Мономах отличался необыкновенным благочестием. Общество требовало от князя строгого правосудия — Владимир сам наблюдал над судом, чтоб не давать сильным губить слабых. В то время, когда другие князья играли клятвою, на слово Мономаха можно было положиться. Когда другие князья позволяли себе невоздержание и всякого рода насилия — Мономах отличался чистотою нравов и строгим соблюдением интересов народа. Общество больше всего ненавидело в князе корыстолюбие — Мономах всего больше им гнушался. Новорожденное европейскохристианское общество, окруженное варварами, требовало от князя неутомимой воинской деятельности — Мономах почти всю жизнь не сходил с коня, стоял на страже Русской земли: в каком краю была опасность, там был и Мономах, «добрый страдалец за Русскую землю» Если Мы, отдаленные веками от этого лица, чувствуем невольное благоговение, рассматривая высокую его деятельность, то как же должны

были смотреть на него современники? Не дивно, что народ **любил** его и перенес эту любовь на все его потомство». (Соловьев)

И. Владимир Мономах был один из тех, кто *строил* русское государство. На общем фоне событий Киевского периода ярко **выделяются** еще две фигуры — непримиримых противников, *Юрия Долгорукого и Изяслава II*. Обоих, и дядю, и племянника, неотразимо влечет к себе Киев; для обоих столица Русской земли — заветная мечта, соблазнительная греза, и каждый по-своему доказывает **свое** право на ее осуществление. Один, в духе Мономаховых традиций, опирается на старое право родового старейшинства, другой — **на** добрый меч и личную отвагу: с традициями он уже порвал. **Пред** приемчивый и смелый, Изяслав вообще мало считается с «правами» он исходит из убеждения, что (по его любимому выражению) «**не** место к голове, а голова к месту», к тому же он *старший* племянник, а Юрий *младший* дядя, значит, и права-то последнего чуть не **нулю** равны. Однако тень Владимира Мономаха легла и на Изяслава убежать от нее, окончательно порвать со стариной и родовыми **основами** жизни ему не под силу, он вынужден признать их, хотя **бы** только формально: с целью обезоружить своего противника он **сажает** на великокняжеский стол его престарелого, мало на что способного брата Вячеслава, своего старшего дядю, и правит Киевом теперь **уже** от его имени. «Я был уже брадат, когда ты родился», говорит Вячеслав Юрию, думая этим обезоружить его. Но зараза нового времени **коснулась** и Юрия. Он отлично понимает, что Вячеслав — простая пешка в руках Изяслава, и отказывается подчиниться брату, не замечая, в какое противоречие ставит этим себя с самим собою.

Вообще Юрию, как и Изяславу, приходится раздваиваться, **он** также стоит на распутье; старые заветы гложут, а новые основы жизни хищно и жадно торопятся занять их место — это и *составляет* *характерную черту того времени*. С ранней молодости Юрий *сидит* в Суздальской области и правит ею, — правит хорошо и заботливо, а все же сродниться с севером не может, все время его тянет на **юг**, к Киеву. На самом закате дней счастье улыбнулось сыну Мономаха в 1157 г. он завладел желанным городом и умер там великим князем (1159).

И долго еще будет манить к себе Киев русских князей **Один** только Андрей Боголюбский взглянет на него иными глазами, но **надо** было прожить еще двум-трем поколениям, прежде чем угаснет **его** слава и Мать русских городов потеряет свою притягательность **Но** этот момент совпадет уже с самыми печальными для Киева днями с татарским нашествием и разгромом 1240 года.

Суздальско-Волынский период. 1169—1242.**I. Характеристика периода.**

«Вече» и «отчинно-родовые отношения» по-прежнему остаются характерными признаками периода; упорная борьба со Степью продолжается, и даже еще напряженнее;¹ идут своим чередом и княжеские усобицы;² на Руси по-прежнему всего один великий князь на всех младших, иными словами, единство Русской земли еще держится — однако с перенесением великокняжеского стола на северо-восток оно уже дает некоторую трещину: центробежные силы начинают брать перевес; идея областной отдельности поднимает голову, и не потому, что она усилилась сама по себе, а потому, что освободилась от сдерживающего начала, какое раньше встречала в идее единства княжеского рода. Потомство Рюрика разрослось; утрачено прежнее живое сознание кровных уз. Раньше это сознание восполняло (конечно, поскольку это было доступно ему) еще не народившуюся идею государственности, — теперь утрата Киевом значения политического центра послужила сигналом к распаду. Кто заменит «Матерь городов русских?» Ответ, по-видимому, готов дать Владимир на Клязьме; но если сам Киев молчит, не возражает, то Юг, в его целом, проявляет энергичный отпор и продолжает отстаивать прежнее свое первенствующее положение.

Теперь на Руси не один центр, а два, с той только особенностью, что на юге он, в противоположность суздальскому, пока еще не устойчивый: даже не знаешь, где правильное искать его, — на Волыни или в Галиче?

В этом периоде можно было бы говорить еще о *третьем* центре — о Новгороде; но, как раньше, так и теперь, значение Новгородской общины более культурное, чем политическое: она — ценное и важное связующее звено между Русью и Западом, наше тогдашнее «окно в Европу»; однако влияния на общий ход развития русской жизни, особенно в данный период 1169—1242 годов, окно это не оказало, основная колея, по которой пойдет эта жизнь, выращая русскую *государственность*, выбита не Новгородом; решающее слово сказано Не на северо-западе, а на северо-востоке и на юге Русской земли. Именно здесь уже в это время намечаются те два русла, по которым Позже потечет русская жизнь: московские князья станут продолжать Дело суздальских князей, а литовские — объединять земли Юго-За-

¹ Цифровые данные выше, глава X: «Киев и Южная Русь».

² За 1055—1228 гг. насчитывается, в общем, 80 лет, прошедших в войнах, и только 93 мирных года.

падной Руси. Таким образом, последующий Московско-Литовский период русской истории (1242 — 1462) явится логическим продолжением и завершением настоящего Суздальско-Волынского периода (1169-1242).

Еще одна особенность Суздальско-Волынского периода, дает себя чувствовать соседство с Польшей и Венгрией; их вмешательство в дела Галича стесняют свободу действий Юго-Западной Руси и уже теперь предсказывают ей ту утрату политической независимости, которая ожидает ее в недалеком будущем.

Таким образом, хотя единство Русской земли и не нарушено, но процесс разложения уже начался. Раньше жизнь *стекалась* к одному центру, теперь она *расползается*.

Самый процесс «расползания» сопровождался (по крайней мере, в Северо-Восточной Руси) одним характерным явлением, ранее русской жизни неизвестным. «Отчина» настолько подавила здесь идею «Лествицы», что духовно преобразила самого князя. Прежний князь, видевший в себе одного из Рюриковичей и считавший нормальным явлением частую смену столов, здесь, в Суздальском крае, превратился в князя-вотчинника и крепко вцепился в свою землю, как в наследственную собственность. Эта «вотчина» — первый шаг на пути к созданию будущего *государства*.

II. Суздальская земля.

1. *Природа Суздальского края* — изобилие в лесах и водах — в значительной степени определила самые занятия населения: кроме земледелия оно занималось промыслами, которые здесь были особенно разнообразны: охота на пушного зверя, за дичью, рыбный и лесной промысел (гонка дегтя, добыча лыка и мочалы); пчеловодство.

2. *Первоначальное население края.* Имена местных урочищ (реки, озера, горы), частью также и поселений, бывшие в употреблении у аборигенов (первоначальных засельников края), обыкновенно переходят в язык позднейших пришельцев. По этим признакам можно судить, какая народность первоначально заселяла данный край.

Громадное большинство рек Северо-Восточной России носят имена с финским окончанием на ВА (=река), ГА, ДА, ЖА, МА (=река, вода), НА, РА, ША: Кутва, Лысва, Москва, Нарова, Нева, Протва, Сытва - Вага, Ветлуга, Волга, Молога, Онега, Пинега — Вологда, Павда, Судогда — Вожа (озеро), Ковжа, Согожа, Унжа — Кама, Кинешма, Клязьма, Кострома, Пышма, Чухлома — Сухона, Цна, Шексна - Жиздра, Сура — Какша, Колокша, Мокша, Шоша. Финского корня также: Алатырь, Арзамас, Ардашев, Нерль, Неро (озеро), Ока, Сengiлей, Суздаль и др.

Наоборот, на Киевском юге имена рек славянского корня: Березина, Буг, Ворскла, Горынь, Десна, Днепр, Днестр, Ирпень, Псел, Стырь, Сула, Супой, Тетерев, Трубеж, Хорол.

3. *Образование Великорусского племени.* Суздальский край, первоначально населенный исключительно одними финнами, постепенно заселился русскими выходцами с Юга и из Новгорода, что повело к смешению двух народностей. Финская кровь влилась в русскую, и следствием такого смешения пришельцев с туземным населением явилось некоторое изменение первоначального русского типа (форма носа, скулы; склад характера, отличия в говоре). На Юге мы можем проследить аналогичное явление: тоже примесь посторонней (тюркской) крови, однако в более слабой степени: там она вливалась чаще всего насильственно и спорадически (не постоянно, с перерывами) — здесь приток ее был постоянный и добровольный. Одновременно с изменением чистого русского типа в Суздальском крае происходил и обратный процесс — вливание русской крови в финскую, притом настолько интенсивный, что туземное население здесь вскоре совсем претворилось в русское: четыре нынешние губернии — Московская, Владимирская, Костромская, Ярославская — искони финские, ныне населены исключительно русским населением. Так было в *Суздальском крае*. Зато в более отдаленной *полосе* финской территории, куда русские (из Суздаля и Новгорода) являлись первоначально лишь для *одного* промысла, оседали островами и еще не заселяли сплошь, финский элемент удержался (чуваши, черемисы, зыряне, вогулы).

4. *Две колонизации Суздальского края:* древнейшая (из Новгорода) и позднейшая (с Юга). Отличия той и другой:

1) Первые колонисты, вытесняя туземное население или устраиваясь совместно с ними, **стали** самостоятельными хозяевами на новых местах, завели новгородские порядки и города с **вечевым** устройством (Ростов, Белоозеро, Суздаль) и влительным землевладельческим **классом** — так называемыми *земскими боярами*.

2) Беженцы с Юга **пришли** на *княжескую землю* и с первых же **шагов** стали в подчиненное положение к князю. Благоприятных условий для вечевых порядков здесь не было: новые города возникали **под** влиянием и при деятельном участии князя (Владимир на Клязьме). Так народились старшие и младшие города. Попытка первых поставить **вторые** на положение подчиненного пригорода не удалась, потому что **младшие** города нашли **себе** поддержку в князе, равно и князь получил **себе** в **них** опору в борьбе с боярской земщиной. К числу особенностей Суздальского края, делавших **его** непохожим на Юг, были также: **Посадский** характер **его** населения и **его** спаянность.

5. *Посадский характер Суздальского края.* «Население Суздальской земли было по преимуществу промышленное и рабочее, в собственном смысле *посадское*, что зависело от самой природы здешних **Мест**, лесных, глухих, не совсем плодородных, но изрытых речными **Потоками**, которые, как пути сообщения, **все** сходились и сливались Или в Волгу, или в Оку, т. е. в самые проторенные большие дороги **Тогдашнего** промысла. Особенное развитие посада и посадского быта

и отличает Суздальскую землю от всех остальных и главным образом от южной Киевской Руси». Среди промышленного и рабочего населения княжеская дружина не могла приобрести того первостепенного значения, каким она пользовалась на юге. Здесь она «сама была сильна только потому, что под нею находилась сильная почва. В Суздальской земле не существовало сварливой, междоусобной и крамольной почвы. Оседлость, заботы о своем хозяйстве, о своей работе и промысле, о своей собственности, наживаемой великим трудом; мир и тишина, как первое благо для устройства всяких трудов и работ и всякого промысла, — вот к чему клонились все стремления этой земли, которая в этом направлении воспитывала и самого князя как и его дружину» (Забелин).

6. *Спаянность Суздальского края.* Все углы Суздальского края были крепко связаны, экономически зависели один от другого — отсюда единство интересов. »По-видимому, ни одна княжеская волость не могла существовать сама по себе без помощи другой, соседней, или даже и удаленной. Главные торги с Новгородом и с болгарами на Волге, как и с Западом, и Югом были так распределены, что необходимо было всегда проезжать по чужой волости, подвергаться чужому мытарству, если бы волости были раздельны, а не находились в одной руке. Такие условия быта и жизни по необходимости устремляли народную мысль к идеалу единства и в политическом устройстве земли. Поэтому естественно, что каждый великий князь в Суздальской земле необходимо являлся могущественным и сильным: он всегда чувствовал под собою твердое и устойчивое основание в общем мнении всего своего земства» (Забелин).

7. *Отличия новых порядков от порядков Южной Руси.* Княжеская власть сложилась в Суздальском крае на иных началах, чем в Киевской Руси: вместо князя-дружинника здесь появился князь-вотчинник; вместо старшего в роду — князь-самовластец, князь-господин.

На Юге — первые князья явились пришельцами; они застали там общественный порядок уже сложившимся и готовым; земледельцы-смерды жили на собственной земле; городское население выдвинуло влиятельный верхний слой — крупных землевладельцев и купечество; вече, как орган общественного мнения и общественной воли, пустило корни; князья должны были считаться с такими порядками и круто изменить их было бы не под силу.

В Суздале — наоборот, на первый план выступает личность и воля князя. Хотя князьям и здесь приходилось считаться с вечевыми порядками старых городов Ростова и Суздаля, с влиятельным классом бояр-землевладельцев, но малонаселенность края, обилие непочатых мест открывали им в Суздальском крае широкое поле деятельности и личного почина. Княжеская колонизация началась здесь еще со времен Ярослава Мудрого (построение города Ярославля на Волге); всего более обязана она Юрию Долгорукому и Андрею Боголюбскому

Недаром последний говорил: «я всю Суздальскую Русь городами и селами великими населил и многолюдными учинил».

8. *Тип хозяина-вотчинника.* В отличие от южнорусских князей, в Суздальском крае сложился новый тип хозяина-вотчинника с иными понятиями и привычками. Это люди *земли*, не утопий, люди с практическим, трезвым взглядом на жизнь, без увлечений и фантазий. Тип этот лишен прелести, блеска и благородства, которыми отличался характер южных князей, — тех предводителей дружин, которые не собирали себе ни золота, ни серебра, но все раздавали дружине и своюю отвагою, беспокойною деятельностью расплодили Русскую землю, наметили границы ее европейской государственной области. Южнорусские князья в постоянном движении, они неумоимо пробегают пустынные пространства, строят города, прокладывают пути через леса и болота, населяют степи, собирают разбросанное и разьединенное население. Работа благотворная, благодетельная, но этим она и завершилась: «прочности, крепости всему этому они дать не могли по своему характеру; для этого необходим был хозяйственный характер северных князей-собственников. Южные князья до конца удержали прежний характер, и Южная Русь веками бедствий должна была поплатиться за это, и спаслась, единственно, с помощью Северной Руси, собранной и сплоченной умным хозяйством князей своих» (Соловьев).

а) *Андрей Боголюбский.* Одним из типичнейших хозяев-вотчинников был Андрей Боголюбский. Реальную силу он ценил больше идейной, тем более что последняя (т. е. узы родства) в его время — он это видел — значительно потеряла свой прежний авторитет. Андрей предпочел быть первым в деревне, чем вторым в городе, и потому сознательно, без сожаления променял беспокойный златоглавый Киев на скромный Владимир, затерянный среди финских лесов и болот, здесь он был полным собственником и хозяином, с положением гораздо более прочным и устойчивым, чем то, какое мог дать ему Киев «Это был настоящий северный князь, истый суздалец-залешанин по своим привычкам и понятиям, по своему политическому воспитанию. На Севере прожил он большую половину своей жизни, совсем не выдавши Юга. Впервые он туда попал, когда ему было уже под 40 лет». Андрей скоро выделился из толпы тогдашних южных князей особенностями своего личного характера и своих политических отношений.² Он в боевой удали не уступал своему удалому сопернику Изяславу,² забывался в разгаре сечи и, попадая в самую опасную свалку, не

¹ См Приложение. № 24: «На какой ступени культурного развития находился Суздальский край перед приходом туда Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского?».

² Своему двоюродному брату Изяславу II Мстиславичу (ум. 1154 г.).

замечал, как с него сбивали шлем. Все это было очень обычно на Юге, где постоянные внешние опасности и усобицы развивали удальство в князьях; но совсем не было обычно уменье Андрея быстро отрезвляться от воинственного опьянения. Тотчас после горячего боя он становился осторожным, благоразумным политиком, осмотрительным распорядителем. У Андрея всегда все было в порядке и наготове, его нельзя было захватить врасплох; он умел не терять головы среди общего переполоха. Привычкой ежеминутно быть настороже и всюду вносить порядок он напоминал своего деда Владимира Мономаха. Несмотря на свою боевую удаль, Андрей не любил войн и после удачного боя первый выступал к отцу с просьбой мириться с побитым врагом» (Ключевский).

Примечание. Значение Андрея Боголюбского для местного края нашло свое выражение в признании его местною церковью святым. Позже его выделили среди других русских князей и чтили как основоположника будущего Московского государства: в Успенском соборе во Владимире, есть образ Андрея во весь рост, шитый золотом, серебром и шелками. По преданию, это работа царевны Софьи Алексеевны.

б) *Всеволод III.* Сказанное об Андрее Боголюбском одинаково применимо и к его брату Всеволоду III, прозванному Большим Гнездом: он проводил ту же политику, держался тех же приемов. Личность Андрея заслонила собою Всеволода, но шести лет Андреева великокняжения (1169—1175), может быть, оказалось бы недостаточно, чтобы придать деятельности Суздальских князей тот характер, какой она получила, если бы долговременное княжение Всеволода (1175—1212) не углубило и не закрепило дела, начатого старшим братом.

Всеволод III «был образцом большей части потомков своих, князей северных: был очень осторожен, не охотник до решительных действий, до решительных битв, которыми можно было вдруг выиграть, но можно вдруг и потерять; уступчив в тех случаях, где видел успех неверный, но постоянен в стремлениях к достижению цели, а цель эта как у него, так и у потомков его, — приобрести как можно больше владений, усилить себя на счет всех других князей, подчинить их себе; это-то стремление Всеволода III и потомков его и было средством к утверждению единовластия в России» (Соловьев).

«Если в характере Андрея замечается еще южная пылкость и удаль, впрочем, значительно охладевшая от 20-летнего пребывания в стране рабочих промышленников, миролюбцев по самим задачам своей деятельности, то характер его брата Всеволода уже в полной мере носит в

себе тип суздальского хозяина. Некоторые летописи прямо называют его *миродержцем*, т. е. сберегателем и охранителем земской тишины и мира. Из этой основной черты его характера развиваются и все другие качества его великокняжеского поведения. Он не любил войну и особенно удалых и решительных битв. Он как бы трусил перед всяким побоищем и потому, предпринимая поход, всячески старался решить дело без битвы, для чего, встречаясь с неприятелем, с намерением избирал для своего стана такие места, где не было возможности бойцам тотчас же схватиться. Крутые берега рек, глубокие овраги или неудобное время года всегда служили ему надежной опорой для достижения своих целей, которые все клонились к тому, чтобы утомить, обездолить врага недостатком продовольствия. Так обыкновенно он брал города, а в поле тем же способом после долгого стоянья заставлял противника спасаться бегством от первого движения застоявшихся полков» Такой образ действий происходил не от слабости характера «При всем миролюбии и именно в интересах земской тишины Всеволод не верил в ту истину, что „худой мир лучше доброй брани, ибо хорошо знал, что, живя в лживом мире, люди, как выражается летописец, „великую пакость землям творят“, и потому международные ссоры стремился оканчивать лучше доброй бранью, чем худым миром, злых казнил, а добромисленных миловал. „Кто вам добр, того любите, а злых казните“, — говорил он». (Забелин)

9. Следствия новых порядков в Суздальском крае

а) *Вечевой строй не мог получить развития.* Против вечевых притязаний старших городов князь нашел себе опору в городах новых; им они оказывали в свою очередь всевозможную поддержку (столицею выбран не Ростов, не Суздаль, а ничтожный пригород Владимир на Клязьме). Новые города богатели, процветали, а старые *хирели* — хирел с ними и вечевой строй.

б) *Ослабла родовая связь между князьями* Духовные силы, скреплявшие князей в один родственный союз, сильно теперь пошатнулись. Полновластный хозяин, неограниченный властелин у себя Дома, в своих новых городах, суздальский князь таким же стал Держать себя и по отношению к сородичам Они стали для него не младшие братья, а подчиненные] он считает себя вправе распоряжаться ими по произволу. «Хотел он быть самовластцем», говорит Про Андрея летописец. Когда Ростиславичи Смоленские, его племянники, посаженные им в Киевскую землю, не исполнили его воли, Андрей Боголюбский не задумался приказать им уйти обратно в Смоленск, а двоих даже совсем хотел изгнать из Русской земли. «Мы До сих пор почитали тебя как отца по любви, — отвечали Ростиславичи, — но если ты прислал к нам с такими речами, не как к князю, Но как к подручнику и простому человеку, то делай, что замыслил, а Бог нас рассудит». Слово *подручник* красочно определило сущность Происшедшей перемены: «южные князья поняли перемену в обхож-

дении с ними северного самовластца; поняли, что он хочет прежние родственные отношения старшего к младшим заменить новыми, подручными, не хочет более довольствоваться только тем, чтоб младшие имели его как отца по любви, но хочет, чтоб они, безусловно, исполняли его приказания, как подданные» (Соловьев).

в) *Образовались вотчины-уделы.* Завоевав Киев, а сам оставшись на прежнем месте, у себя во Владимире, Андрей в корне подсек старый порядок перехода столов, определявшийся «родовою лестницею». На Юге этот порядок еще держится некоторое время, но в Суздальской области ему не стало более места. Территория распадается здесь на отдельные княжества, одно от другого независимые; каждое из них превращается в личное достояние князя, становится его вотчиною, т. е. частною собственностью, которая переходит от отца к сыну, как отцовское наследие.

Раньше — наследовал брат после брата, племянник после дяди, причем ни один князь не мог сказать: «это моя земля, я располагаю ею, как хочу» — князь был только временным, не всегда даже пожизненным, ее владельцем и правителем. *Теперь* — это частная собственность князя, который передает, кому захочет, брату или сыну, даже жене или дочери.

Две собственности, два хозяйства — это два мира, два отдельных замкнутых круга, и сколько возникло хозяйств, столько же образовалось и обособленных *отдельных* кругов-миров, иными словами, *уделов*. Таких уделов на Юге не могло быть, потому что там не было «хозяйств», княжества не составляли там частной собственности, у княжеского рода там все было общее, все были дети одного отца, внуки одного деда. «Мы не венгры и не ляхи, но потомки одного предка, и отказаться от Киева не можем», говорят Ольговичи Мономаховичам. Любое княжество, будь это крупное* Киевское, Черниговское, или мелкое: Туровское, Торопецкое, все равно, понималось как часть одного целого, связанная с другою частью узами кровного родства. Вот почему *удельный* период начинается на Севере со времени Всеволода III, не раньше (да и в его время он начал пускать лишь первые рост'си), к периоду Киевскому выражение это неприменимо. Летопись наша вовсе не знает слова *удел*. На Юге северному «уделу» соответствовали иные выражения: *стол*, *волость*, такой-то князь сел на *стол* отца своего; такого-то князя лишили его *волости*.

Примечания. 1. Выражение «удельно-вечевой период», в применении к Киевскому, установилось в нашей исторической литературе со времен Карамзина и вошло в учебники; за последнее время, однако, оно все более и более выходит из употребления. Слово «удел» указывает на *отделение*, на *обособление*, а его-то как раз

в данном случае и не было: младшие княжества духовно не *порывали* со старшим, являлись не единицами, выделенными и замкнутыми в самих себе, а частями единого целого. Самый этот термин — «удел» — происхождения более позднего: в завещании Ивана Калиты его еще нет, и лишь сыновья Ивана Даниловича впервые ввели его в употребление, да и то наряду с другими, означающими: «уезд, участок».

2. Внешние признаки заселения Суздальского края выходцами из Южной Руси. Переселенцы принесли с собою названия покинутых ими местностей и закрепили их за новыми поселениями; многие города и речки носят те же наименования, что и на Юге: Стародуб, Галич, Звенигород, Трубеж, Вышгород, два Переяславля: Залесский и Рязанский; речки: Почайна, Лыбедь, Трубеж, Ирпень и др.

Ш. Галич с Волынью.

Родословная таблица

Ярослав Мудрый, ум. 1054 г.		Владимир, ум. 1052 г.		Ростислав, ум. 1066 г.
Володарь, ум. 1124 г.		Василько, ум. 1124 г.		
Владимирко, 1124—1152				
Ярослав Осмомысл, 1152—1187				
Владимирко, 1187—1198				

Особенности истории Галича.

1. *Преемственность стола от отца к сыну.* В Галиче прочно утвердилась одна из ветвей княжеского дома, и в течение всего XII столетия престол почти без борьбы и притязаний со стороны других Русских князей спокойно переходил от отца к сыну. Здесь безраздельно Дарило начало отчины. Фундамент заложен был еще братьями Васильком и Володарем в 1097 году на Любечском съезде. С этой поры

они прочно засели в Галиче, и их преемники уже не переходили с Галицкого княжества на другое.

2. *Оседлость дружины.* Не переходила с князьями и их дружина служившие отцу продолжали служить и сыну. Это обстоятельство, само по себе ничтожное и случайное, было, однако, богато серьезными последствиями.

а) Дружинники, служившие у других князей, в других областях, вследствие постоянных переходов, мало дорожили земельною собственностью: последняя стесняла их. При своем кочеванье с места на место они не могли образовать *сословия*, пустить прочных корней в области: везде они временные гости; значением и весом пользуются они, пока остаются неразлучными спутниками и верными сотрудниками своего князя. Их службу очень ценят, князья не могут обойтись без них; но стоит им только порвать с этою службой, покинуть князя, — и все значение их блекнет, почва уходит из-под ног. В этом одно из объяснений, почему на Руси дружинники вообще крепко держались своего князя.

б) Не то в Галиче. Здесь дружина перестала быть временной, случайной гостьей; она осела в стране, обзавелась землею (ценной по плодородию и по удаленности от степных хищников), и верхний слой ее превратился в крупных землевладельцев-бояр, в первенствующее сословие, независимое от князя, чьему способствовала также и торговля, приносявшая галицким боярам значительные доходы. Так выросли две силы — князь и боярство, взаимоотношения которых зиждились не на единении, а на соперничестве и противопоставлении интересов одной стороны интересам другой.

в) Усилению боярства в Галиче немало способствовала и малочисленность потомков Ростиславичей. В других княжествах князья сажали правителями областей и городов своих сыновей, братьев или племянников; здесь же, за отсутствием таковых, назначать приходилось бояр. При долговременном управлении краем такие бояре-посадники незаметно превращались в самостоятельных, почти совершенно независимых хозяев.

г) На что способны были дерзкие галицкие бояре по отношению к князьям, показывают следующие три характерных факта:

1) Они сожгли живьем Настасью, любимую женщину Ярослава Осмомысла, недовольные тем, что она отстранила князя от его законной жены (1173).

2) Они предали позорной казни — повесили — двух сыновей князя Игоря Черниговского (воспетого в «Слове о полку Игореве») в отместку за их жестокости, учиненные во время своего княжения в Звенигороде и Перемышле (Игоревичи казнили в ту пору немало боярской знати и не одну сотню простых дружинников, 1211 или 1208).

3) Боярин Владислав вокняжился на Галицком престоле (правда, долго на нем он не усидел, 1210).

3. *Положение Галича на западной окраине.* Непосредственное соседство с Венгрией и Польшей облегчало последним вмешательство во внутренние дела Галича, поводов же к этому давал немало постоянный разлад между князем и дружиной. Кроме того, под влиянием Польши и Венгрии, где королевская власть была ограничена в своих правах высшим сословием, галицкие дружинники прониклись аристократическим духом и старались играть у себя дома такую же видную политическую роль, подчинить князя своим видам и ослабить его власть, что им в значительной степени и удалось. Так, например, последний галицкий князь Юрий II (1325—1340) грамоты свои выдавал не только от своего имени, но и от имени своих бояр (*nos una cum dilectis et fidelibus nostris baronibus militibusque*), причем к самим грамотам привешивались, кроме печати князя, также и печати его «баронов».

4. *Ярослав Осмомысл* («мыслит за осмерых» — настолько духовно одарен он!). Влияние Галича при нем на ход событий в Южной Руси было значительно. Сравнительная безопасность края и плодородие его земель вызвали приток беженцев с Киевского юга, также иноземцев из Польши и Венгрии. Первые усиливали княжество; вторые внедрили чуждые элементы: экономически они полезны, но политически — вредны. С Болгарией и Византией Галич вел оживленную торговлю.

5. *Ярослав Осмомысл и Всеволод III* — современники, самые сильные князья на Руси в конце XII в. «Слово о полку Игореве» как характеризует их: 1) «Ты, Всеволод, можешь веслами раскропить (разбрызгать) Волгу, а Дон шеломами вылить. Ты можешь стрелять живыми шереширами (мечами) — удалыми сынами Глебовыми» (потому что незадолго перед тем Глебовичи, князья рязанские, целовали Всеволоду крест «на всей его иоле»); 2) «Галицкий Осмомысл Ярослав' Высоко сидишь ты на злато кованном столе своем; железными полками подпер в Угорские горы, заступил (загородил) путь венгерскому королю, затворил ворота к Дунаю. Вон куда простер ты свою власть' Ворота Киевские ты отворяешь тому, кого хочешь впустить туда. С отцовского золотого стола стреляешь ты в дальних салтанов. . Да, далеко-далеко разнеслась по разным странам молва о грозных делах твоих!».

6. *Смуты в Галиче.* По смерти Осмомысла в Галиче наступили смуты; престолом на время овладел Роман, князь волынский, потом Бэла, король венгерский; Владимирке, сыну Осмомысла, однако, Удалось вернуть отцовское наследие, но после его смерти (1198) в Галиче с прекращением рода Ростиславичей окончательно водворился Роман (1200-1205).

Волынская земля

Волынская земля — наследие старших Мономаховичей: там княжили Изяслав, Мстислав, Роман — внук, правнук и праправнук Владимира Мономаха (см. выше родословную таблицу, стр. 135). Гео-

графическое положение Волыни между Галичем с запада и Киевской областью с востока постоянно втягивало ее в водоворот событий и там и тут. Волынские князья постоянно притязали на Галич и Киев. Внимание Изяслава и Мстислава обращено преимущественно на восток: они борются за Киев со своими дядьями: Юрием Долгоруким и Андреем Боголюбским. Роман достиг наибольшего: продолжая сидеть в наследственной Волыни, он утвердил свою власть под конец жизни и на востоке, и на западе: в Галиче и в Киеве.

Роман Мстиславич. Завоевание Галича (1199; попытка 1188 г была неудачна) и захват Киева (1202) сделали Романа самым сильным князем в Южной Руси. Роман — типичный южнорусский князь *нового времени*. Не без основания современники называли его «самодержцем всей Русской земли»; в нем нетрудно уловить черты, сближающие его с Андреем Боголюбским и Всеволодом III: то же стремление создать сильную власть на основе не идейных отношений родства, а самостоятельного обладания реальною, ни от кого независимую силою. Но какая разница в обстановке! В Суздальской области князья опирались на верные и покорные им *младшие* города; здесь вместо добрых сотрудников Роман нашел боярство, силу, «пред которою никло значение князя» (Соловьев). Там — область, к которой большинство Ярославичей относилось довольно равнодушно и где можно было без помехи, спокойно творить свое дело; тут — Роману пришлось отстаивать свой Галич и свою Волынь одновременно и от завистливой родни, и от жадных соседей, поляков и венгров. Недаром с такой энергией боролся галицкий князь с местными боярами, стараясь сломить их влияние «Не передавши пчел, меду не есть», говаривал он, объясняя крутые меры, которые он принимал против своих противников. Однако стоило ему умереть, и здание, которое он воздвигал, рухнуло вслед за ним.

Сын Романа, *Даниил*, был еще ребенком и не мог отстаивать дело своего отца. Этим воспользовались соседи. Волынь и Галич переходят из рук в руки. Галич одно время то у венгров, то у поляков. Но ни те, ни другие не могли надолго удержаться в нем. Из состояния постоянной смуты вывел Галицкую землю вышеупомянутый Даниил, но значительно позже, и эта сторона его деятельности совпадает с началом уже новой эпохи.

В результате:

а) В Суздальской земле процесс объединения территории и усиление княжеской власти совершается *непрерывно* на Юго-Западе — он *оборвался* со смертью Романа и возобновился лишь спустя 40-50 лет при сыне Романа, Данииле Галицком.

б) Там процесс этот оказался вполне *прочным* и дал свои непосредственные плоды: Москву и объединенную вокруг нее Северную и Северо-Восточную Русь; здесь — объединительная работа Романа и Даниила принесла пользу не своим, а *чужим* — Польше и Литве

IV. Господин Великий Новгород.

А. Страна и люди

1. *Природные условия Новгородского края.* Непогодородие почвы ставило Новгород в постоянную зависимость от хлебодородных районов, главным образом от Поволжья, что в политических отношениях значительно облегчило давление на него сперва суздальским, а потом московским князьям. Новгороду приходилось не раз с оружием в руках отстаивать от них свою независимость, причем в иные моменты борьба достигала высокого напряжения, приобретая характер защиты *родины от чужеземца* (успех новгородцев над ратью Андрея Боголюбского в 1169 г. народное сознание приписало заступничеству свыше; см. ниже, гл. IV. Памятники духовной культуры). В противовес зависимости от продуктов земледелия, богатые промыслы, наоборот, служили одним из наиболее прочных устоев политической независимости Новгорода, одновременно содействуя образованию влиятельного землевладельческого и торгового класса

2. *Географическое положение Новгорода* издавна сделало его посредником в торговле между восточными странами и Западной Европой. Посредничество это можно проследить еще с VIII столетия (Волжский путь в земли болгар и хазар; см. выше гл. I).

3. *Состав Новгородской области*

А. Основное ядро — *пять пятин*: 1) Обонежская; 2) Водьская; 3) Шелонская; 4) Деревская (все четыре облегал город Новгород) и 5) Бежецкая.

Б. *Пять «земель» («волостей»)* — области, с течением времени присоединенные и подчиненные Новгороду: 1) Заволочье — бассейн Северной Двины; 2) Терский берег — побережье Белого моря к западу от Северной Двины; 3) Печора — бассейн этой реки; 4) Пермь — верховья Камы; 5) Югра — под Уралом и позже, с конца XII в., еще шестая земля: Вятская.

В. *Город Новгород*, состоявший из пяти «концов». Река Волхов делила эти концы на левобережные: Гончарный, Загородский, Неревский; и правобережные: Славянский, Плотницкий.

Левобережная (западная) часть города носила название *Софийской* стороны; здесь находились: детинец (кремль), св. София и др. главные Церкви; двор владыки-архиепископа

Правобережная (восточная) часть города носила название *Торговой* стороны; здесь находились: Ярославово дворище с вечевым колоколом и башня — место заседаний веча; с этой стороны города расположены были торговые дворы иноземных купцов.

Г. *Пригороды*: Псков, Изборск, Старая Руса (основана в 1201 г.), Ладога, Орешек (ныне Шлиссельбург; основан в 1323 г.) — все это

крепости для защиты западной границы; Торжок на торговом (отсюда и само название города) пути с озера Ильменя на Верхнюю Волгу.

4. Как выросла Новгородская территория: а) Коренные земли Новгород, Изборск, Ладога; б) Колонизационные земли.

Колонизация: а) Мирная: торговая, поселенческая; б) Насильственно-правительственная: собирание дани с оружием в руках Заволочья Чудь, Пермь, Печора, Югра.; в) По частной инициативе (вольные дружинники): Вятская община, 1174 (город Хлынов)

5. Состав населения. Два класса: а) лучшие люди* бояре, «житьи» (т. е. зажиточные) люди; «добрые купцы»; б) меньшие люди «чернь» (бедняки), смерды (крестьяне), половники (батраки)

6. Торговля. Расположенный на Великом Греческом Водном пути и в то же время на окраине Русской земли, Новгород издавна служил торговым посредником между Западом (Ганзейские города Висби, Любек) и Югом (Персия, Византия), что способствовало здесь созданию богатого торгового класса и крупного землевладения. Ганзейская торговля охватывала в ту пору весь Север Европы, и Новгород входил в число тех 4-х городов, которые служили главнейшими складочными пунктами для немецких товаров (остальные три: Берген в Норвегии, Брюгге в Нидерландах, Лондон в Англии) Это обогащало Новгород¹ и содействовало образованию здесь влиятельного класса, ставшего крупной политической силой. На новгородском вече голос знати, вышедшей из богатого купечества, звучал особенно веско, причем само вече было проникнуто сознанием своей самостоятельности и независимости.

Зато в Новгороде резче, чем где на Руси, почувствовалась разница между «богатым» и «бедным». Здесь возникли свои «оптиматы» и «пролетарии», а вражда двух классов неизбежно сказалась на неустойчивости государственного строя и открыла доступ посторонним влияниям (Москва, Литва).

Б. Государственное устройство

1. Князь. Повсюду в Русской земле князь и вече (население) действуют или, по крайней мере, старались действовать рука об руку, выходя из убеждения, что у той и другой стороны существуют и возможны общие интересы; вече там также предварительно договаривалось с князем, но только там договоры («ряды») складывались на почве взаимного доверия и симпатий. В одном Новгороде — совсем по-иному Для новгородцев князь — неизбежное зло Без князя не обойдешься он нужен для обороны от внешних врагов, от притязаний со стороны своих же русских князей; князь должен обеспечить справедливый суд, обез-

опасть торговлю, свободный провоз товаров, но сам он для населения всегда более или менее *чужой*. Судьба может натолкнуть на отрядные исключения, как Мстислав, старший сын Владимира Мономаха, или как Мстислав Храбрый: к ним у Новгорода будет душа лежать - давай Бог почаше таких¹ — но это именно исключения, вообще же новгородский князь — это *наемник*, которому платят и за которым следует зорко следить, как бы он не использовал своего положения в ущерб свободе и материальному благосостоянию города. Отсюда частая смена князей (в XII ст. до 30 раз); отсюда та тщательность, с какою в своих договорах новгородцы определяют и взвешивают, чего НЕ должен делать призываемый князь.

2. Ограничение княжеской власти:

а) Князь не имел права, без согласия веча, начинать войны («не замышлять войны без Новгородского слова»),

б) он не имел права в правители пригородов и областей (в провинциальные посадники) назначать *неновгородцев*;

в) он не имел права смещать должностных лиц без суда,

г) управление и суд он должен был вести совместно с посадником и тысяцким.

3. *Посадник и тысяцкий*. Эти две должности — одна из особенностей новгородского политического строя. Посадники и тысяцкие были не в одной Новгородской земле, но в других областях они делили свое влияние с княжеской дружиной, из состава которой преимущественно и набирались; в Новгороде же княжеская дружина не могла стать главным орудием князя в управлении краем, — обязанность набирать своих сотрудников из местного элемента неизбежно отодвигало дружину, пришедшую с князем, на второй план. В Новгороде посадник и тысяцкий выросли в два высших правительственных органа; в руках первого сосредоточивалась вся гражданская власть, в руках второго — вся военная; первоначально на эти должности назначал сам князь, по своему усмотрению, — вскоре они становятся выборными. Зависимость от веча, которое определяло, кому занимать их, превратило посадника и тысяцкого из орудия княжеской воли в защитников народных интересов, зачастую действовавших против самого князя.

Таким образом:

д) князь не мог без посадника отправлять суда;

е) он не мог назначать без его согласия провинциальных посадников;

Кроме того:

ж) торговые договоры, заключенные с немцами, для князя святыня он не смел нарушать их;

з) ни он, ни его дворяне не имели права покупать сел в Новгородских областях из опасения, как бы, став крупным землевладельцем, Князь путем экономического давления на местное население не усилил своих политических прерогатив,

и) ездить на охоту в Русу князь мог только осенью (охота з ту пору служила князьям не простой забавой, а источником дохода)

4. *Что влекло князей к Новгороду:*

а) при всей неустойчивости княжеской власти многих прельщали большие доходы, предоставленные в пользу князя;

б) княжеская семья разрослась, и в остальной Руси далеко не на всех хватало свободных столов,

в) для удалой, воинственной натуры Новгород открывал, особенно с началом XIII столетия, заманчивые перспективы орден Меченосцев, утвердившись на низовьях Западной Двины, стал близко подходить к новгородским границам и вторгаться в сферу его политического влияния (эстонская чудь). Зашевелились литовцы; стали грозить и шведы. В борьбе с ними особенно выделился своими подвигами молодой князь Александр (род. 1219), внук Андрея Боголюбского. На берегу реки Невы, немного выше того места, где позже возникнет Петербург, столица Российской империи, он разбил шведов (1240), а два года спустя (зимой 1242) нанес жестокое поражение меченосцам на берегу Чудского озера. (Пейпус)

5. *Вече. Его права.*

а) Вече заключает с князем договоры («ряды»), призывает, изгоняет, судит князей;

б) избирает посадника и тысяцкого;

в) избирает и сгоняет владык-архиепископов;

г) законодательствует;

д) решает, вести войну или нет.

Основа вечевого устройства в Новгороде — общерусская* как и в остальных областях Русской земли, новгородское вече.

а) не есть учреждение постоянное: его созывают по мере надобности;

б) каждый полноправный может участвовать в нем;

в) участвует обыкновенно население города, пригороды же лишь в редких случаях;

г) решения требовались единогласные, что зачастую достигалось насилием большинства над меньшинством (бурные и кровопролитные схватки на Волховском мосту).

Но эта общерусская основа резче подчеркнута, последовательнее и глубже проведена в жизнь: расстояние между князем и вечем здесь значительно больше, чем в остальной Русской земле

6. *Правительственный Совет, или Господа, Совет Господ.*

а) *Его состав:* посадники и тысяцкие: степенные (т. е. состоящие на действительной службе) и ранее занимавшие эти должности («старые»); старосты концов, сотские — всем им общее имя' бояре, председатель Совета — архиепископ.

б) *Предметы ведения.* Совет разрабатывал законодательные вопросы и предлагал вечу готовые проекты законов и решений

Примечание. Дошедшие до нас сведения о Господе недостаточно полны и ясны, притом сохранились они главным образом в немецких источниках, где она известна под именем Неггегатх. Применительно к современной терминологии английского парламента, Совет Господ — Верхняя палата (палата лордов), Вече — Нижняя палата (палата общин).

7. *Владыка.* Его политическое значение (помимо управления Церковью): это высший государственный чин — председатель Господы, хранитель государственной печати, государственного архива; без его скрепы не действительны договорные грамоты; он распоряжается денежным и земельным имуществом Церкви («казна св. Софии»), как на нужды самой Церкви, так и государства; своим духовным авторитетом он посредник враждующих партий: часто одного его появления среди толпы в церковном облачении и с крестом в руках достаточно, чтобы утишить страсти народные.

8. *Самодержавие Новгородской земли.* Оно установилось с середины XII в. и выразилось в следующем* 1) Вече само избирает себе князя — раньше его назначение зависело от великого князя киевского; 2) Вече само избирает себе владыку (с 1156) — раньше его назначал киевский митрополит: теперь он только посвящает в архиепископы лицо, указанное вече; 3) две главные должности, посадника и тысяцкого, стали выборными, обязательно из числа «новгородских мужей» — раньше князь самостоятельно назначал их и обыкновенно из состава своей дружины; 4) председателем Господы стал владыка — раньше таковым был князь.

9. *Как выросло Новгородское самодержавие.*

1) На окраине русских земель, в стороне от мест, где особенно сильно бился пульс политической жизни, Новгород, по сравнению с Киевом, был городом *провинциальным* не на него обращено было главное внимание князей, добывающих себе столы.

2) Но у «провинциального» города оказалось одно большое преимущество: богатство, вообще материальное благосостояние многочисленного купеческого класса (торговля) и бояр — владельцев крупных поместий (местные лендлорды); влиятельные люди, они не только Дорожили независимостью, но и могли легче добиваться ее.

3) Постоянные столкновения новгородского веча со своими князьями, дух недоверия по отношению к ним; зависимость от изменчивого настроения вечевых собраний, создавая неустойчивость положения, Делали малопривлекательным звание новгородского князя, и чуть что, князья, не задумываясь, покидали его. К тому же князья первого ранга, с «именем» и с положением, никогда не добивались «чести»

вокняжиться в Новгороде; они готовы были наложить на него руку, посадить своего посадника — да; но княжить там предоставляли мелкоте. Почетным столом Новгород не был. «Пусть управляются сами, как умеют, и ищут себе князя, где хотят»; «где им любо, там пусть и берут себе князя». На Новгород точно рукой махнули, а тому это было как раз на руку. Недаром в XII в. там переменялось до 30 князей. В то же время частая смена князей ослабляла связь их с населением; к ним относились недоверчиво, старались ограничить их власть, и тем обезопасить себя от их поползновений.

Судаль: перевес *княжеской* власти над вечем.

Галич: перевес *боярской* власти над князем и вечем.

Новгород: перевес *веча* над князем.

V. Русский Юг.

1. *Опустошение края.* Опустошение русского юга продолжалось и в этот период. Борьба с половцами достигает высшего напряжения, а вторжения кочевников и разорение края становятся явлением обыденным и нормальным. Население продолжает, как и раньше, бежать на северо-восток и на запад. Откладывал на время свои ссоры, князья предпринимают совместно походы в половецкие степи врасплох нападают на половецкие вежи, уводят оттуда пленников, скот, коней, но половцы платят им тем же и, в свою очередь, совершают набеги на пограничные русские села, зовращаясь к себе с еще более богатой и разнообразной добычей. Так идут годы. В этой обстановке вырастали и сменялись поколения, в печальном сознании, что жизнь проходит под давлением темной роковой силы, от которой никуда не уйти и не скрыться. Это настроение, полное безысходной грусти, без надежды на светлое будущее нашло свое отражение в поэтическом произведении той поры, в «Песни о полку Игореве».

2. *Упадок Киева.* Не лучше была судьба и самого Киева. Взятый приступом войсками Андрея Боголюбского в 1169 г., он тогда был отдан на разграбление. В течение двух дней победитель, опьяненный успехом, зорил город, поджигал дома, убивал жителей, растаскивал чужое добро. Не пощажены были монастыри и церкви; забраны иконы, книги, ризы, колокола. При всем том притягательная сила города не ослабла: он по-прежнему предмет домогательств и завистливых исканий русских князей и, следовательно, по-прежнему его судьба в зависимости от превратностей войны. Как раз тот самый Рюрик Ростиславович (правнук Мономаха), что семь раз на своем веку добывал и терял этот город, сбросил с себя сильно надетый на него монашеский клобук и с помощью половцев в 1203 г. снова водворился в Киеве. И несчастная «Мать русских городов» снова жестоко поплатилась за успех Рюрика. Огню и мечу подверглись на

этот раз одинаково и нижняя часть города (Подол), и верхняя со своими главными святынями: св. Софией и Десятинною церковью. Храмы были опустошены, лишены своих украшений, ценных вещей; в плен увели всю молодежь города; монастыри также подверглись разгрому — монахи и монахини угнаны в степь на тяжелую, а кто и на позорную работу. Уцелели только купцы-иностранцы: они заперлись со своими товарами в каменных церквях и купили себе жизнь и свободу, отдав половцам половину добра. С тех пор, обесчещенный, надломленный и хилый, печально влечил Киев свои дни в ожидании третьего, еще более горшего разгрома — татарского (1240)

Примечание. Материальному благосостоянию Киева нанесен был в это время удар еще и с другой стороны: Крестовые походы, особенно основание Латинской империи (1204), отвлекли греческую торговлю на южные рынки, и северный, киевский, рынок потерял для Греции прежнее значение для сбыта и закупки товаров.

VI. Два Мстислава.

Киевский период обладал одной характерной чертою: князья того времени постоянно витают где-то в пространстве; они могут княжить и править данной областью, но их личность с нею (с этою областью) в нашем представлении обыкновенно не связывается. В самом деле, кто для нас, например, Владимир Мономах? Князь смоленский, черниговский, переяславский или киевский? Ведь он сидел и там, и тут, на всех четырех столах! Его сын Мстислав I княжил в Новгороде, потом в Киеве, а внук Изяслав II то в Курске, то в Полоцке, Турове, на Волыни, затем в Киеве, после того опять на Волыни, опять в Киеве... Везде временные гости, русские князья в ту пору не могли и выработать для себя соответствующих географических (областных) признаков.

В Суздальско-Волынский период характер такого «безземельного» князя в общем остался без изменений, однако народился и новый тип: Имена Андрея Боголюбского, Всеволода III, Романа Волынского-Галицкого вызывают в нас уже иное представление: они тесно связаны с теми областями, в которых сидят эти князья. Все же это лишь первые ласточки: «весны» они еще не делают, а лишь предсказывают скорое наступление ее. Тем ярче зато на этом фоне надвигающихся перемен выделяются князья старого уклада, и среди них едва ли не выпуклее всех остальных два Мстислава, отец и сын, Храбрый и Удалой, типичные Представители *подвижной, бродячей* жизни того времени.

Мы знаем, тип этот вырос из понятий о родовом старшинстве, ^Ил и держался ими, и потому названных два князя не только

«безземельные», но также и ревностные хранители родовых традиций Истинные консерваторы, они в открытой вражде с новым поколением Это «самые блестящие представители старой Юго-Западной Руси в борьбе ее с новою Северо-Восточною» (Соловьев).

Мстислав Храбрый

Сын Ростислава Смоленского, он воспитался в семье, где чтились родовые устои. Победа Андрея Боголюбского на юге над племянником Мстиславом II была в глазах Мстислава Храброго победою права и справедливости. Но когда тот же Андрей начал обращаться с младшими князьями как с подручниками, Мстислав энергично запротестовал во имя того же «права», требуя от старшего князя отцовского и попечительного к себе отношения. Чтоб сильнее выразить свое негодование, он приказал остричь послу Андрея, принесшему ему и его братьям приказ убираться вон из своих городов, голову и бороду. В Вышгороде он девять недель выдерживает осаду Андреевой рати и заставляет ее со стыдом удалиться, нанеся ей решительное поражение.

Последний год жизни Мстислав княжил в Новгороде. Новгород тоже отстаивал свою *старину* от притязаний суздальских князей и потому видел в нем *своего* человека. Здесь Мстислав ярко проявил южнорусские черты удалого князя. Тотчас по приходе он уже думает, куда бы пойти повоевать, и идет на Чудскую землю, громит ее и возвращается, по выражению летописца, «с славою и честью великою». На весну новая дума с дружиной: куда еще пойти - и идет на полоцкого князя Всеслава.

Но, воин, Мстислав щедр к бедным, ласков к монахам, отзывчив на нужды церковные; попам и святительскому чину он оказывал должную честь; не жалел жизни за Русскую землю и за христиан, истинный потомок Владимира Красного Солнышка, не накапливал серебра и золота, а щедро делился им со своею дружиною. Не было места в Русской земле, где бы его не любили, не желали иметь у себя; и весть о его смерти печалью пронеслась повсюду, говорит летописец.

Как бы ни прикрашен был такой отзыв, все же ясно, что *своим* был Мстислав не для одних новгородцев. Русские люди того времени видели в нем образец доблести и добродетелей. Он жил, думал и действовал так, как жили, думали и действовали его современники Мстислав не открывал им новых горизонтов, не выбивал из наторенной колеи, но свято хранил устои старины, дорогие большинству тогдашних людей. За это так и ценили его. Лучшее доказательство тому — гроб Мстислава стал предметом поклонения, и местная церковь вскоре причислила его к лику святых.

Мстислав Удалой

Подобно отцу, он не думал усиливать себя и детей своих за счет других князей; не думал умножать своих волостей, но заботился лишь о том, как бы прославиться воинскими подвигами. Он любил решать споры битвами, видя в них суд Божий; «с дружиною своею, славною **также** храбростью, он переезжал из одного конца русских владений в другой, *являлся* всюду, где только нужно было защитить слабого от сильного и поддержать старину». Странствующий герой, покровитель утесненных, он лишен всякого государственного понимания, **всяких** государственных стремлений (Соловьев).

Долго сидел Мстислав без «настоящего дела» в своем Торопецком княжестве и был уже не первой молодости, когда узнал, что Всеволод III притесняет новгородских купцов, задерживает их в своей земле и не пропускает в Новгород хлеб. Мстислав немедленно покидает Торопец, неожиданно является в Торжок, берет в плен сторонников суздальского князя и посылает их в Новгород с наказом: «кланяюсь св. Софии, гробу отца моего и всем новгородцам; я пришел к вам: **слышу**, князья делают вам насилие, жаль мне своей отчины». Это было предложение услуг, и новгородцы не отказались от них, приняли Мстислава своим князем, а тот собрал ополчение, повел его на Всеволода и принудил к уступкам (1210). Но стоило потом Мстиславу услышать, что на юге черниговский князь Всеволод Чермный незаконно овладел Киевским княжеством, изгнав оттуда его двоюродных **братьев**, — и вот он уже спешит туда, выгоняет Всеволода и восстанавливает права обиженной родни.

Вернулся Мстислав в Новгород, но не сидится ему там; польский **король** зовет его отнимать Галич у венгров; недолго думая, Мстислав **созывает** вече и говорит новгородцам: «есть у меня дела на Руси, а **вы** вольны в князьях», — поклонился и ушел, сошел с княжения. В Галиче он прогнал венгров, вокняжился там, но не удержался: **поляки** поссорились с ним и прогнали из Галича. Тогда он спешит к половцам, в Степь, чтобы с их помощью «отмстить свой сором». Но на полдороге он узнает, что в Суздале сыновья (к тому времени уже умершего) Всеволода III чинят неправду над Новгородом, грозят Новый Торжок сделать столицей Новгородской земли, а Новгород низвести на степень пригорода. Не стерпел Мстислав, полетел в Новгород, собрал вече и говорит: «пойдемте искать свою братью и **своих** волостей; да не будет Новый Торг Новгородом, ни Новгород Торжком, но где св. София, там пусть и Новгород! И в силе Бог и в мале Бог и правда!» Вдобавок младшие сыновья Всеволода III (Ярослав и Юрий) действовали в своей Суздальской земле в ущерб **Правам** старшего брата (Константина), и Мстиславу представлялся **случай** одновременно и тут выступить защитником *правды*, как он **Понимал** ее согласно своим убеждениям и взглядам на родовые обычаи.

Липецкая битва (1216) решила спор в пользу Мстислава; но в Новгороде он и теперь ненадолго; его тянет на Юг, и два года спустя он опять расстается с новгородцами: «кланяюсь св. Софии и гробу отца моего и вам; хочу поискать Галича, а вас не забуду; дай мне Бог лечь подле отца у св. Софии»

И, действительно, пошел искать Галича, опять прогнал оттуда венгров, опять вокняжился там. Цель достигнута — но какая у Мстислава цель? Горизонт у него неширокий, дальше славы он ничего не видит. Ему любо сознавать, что Галицкая земля с восторгом признала его своим князем, величает «своим светом», «сильным соколом», победитель, он милостив к врагу, не особенно заботясь, как использует враг эту его милость. Действительно, главнейшему из венгерских бояр, лобызавшему его колени, Мстислав дал в управление город Звенигород, обручил свою дочь с венгерским королевичем и отдал будущему зятю в удел Перемышль, — т. е. вчерашним врагам сам же помог укрепиться в своей земле.

В борьбе за Галич наталкиваешься на эпизоды прямо эпические. Венгров одолели; город взят, король Коломан с женой и боярами заперлись в церкви; жажда мучает их, и Мстислав, продолжая осаду, в разгаре военных действий, посылает им бочку воды. Чем это хуже Генриха IV, который кормит осажденных в Париже? Но Генрих действовал по холодному политическому расчету, Мстиславом же двигало минутное настроение, порыв сердца и мысль, что все они, осажденные и осаждающие, враги и друзья, все — одна семья, те же сородичи и близкие люди.

И везде Мстиславом руководит чувство: сегодня Галич, а завтра Калка. У него нет никакой политической программы. Поистине *удалой*, Мстислав рвется вперед, точно боясь, как бы успех победы над татарами не пришлось разделить с остальными князьями, и на Калке, сгорая желанием присвоить славу победы себе одному, он опередил главные силы, не рассчитав сил татарских, ударил на них, был разбит наголову и тем предопределил несчастный исход сражения.

Последние годы жизни Мстислав сидит в Галиче, но жалкой игрушкой в руках бояр. Интригуя и обманывая, бояре довели его до открытого столкновения с молодым зятем своим, знаменитым впоследствии Даниилом Галицким: выжили самого Мстислава и убедили отдать Галицкий стол не зятю, а дочери, жене венгерского королевича. Много потрудился Мстислав для русского дела в Галиче, но теперь этим последним поступком он бессознательно сам, своими руками, подсек в корне всю свою прежнюю работу. Моральный приговор Мстислав сам подписал себе, сказав Даниилу: «сын, согрешил я, не дав тебе Галича, а дал иноплеменникам, по совету Судислава-льстеца, меня обманувшего».

Таков был Мстислав Удалой. Это русский Дон-Кихот старого времени, и так же, как тот, испанский, он влечет к себе: ясно видишь, при-

знаешь его недостатки, и все-таки любишь, симпатизируешь ему. «Он не преследовал новых целей, не дал нового поворота ходу событий, не создавал нового первообраза общественного строя. Это был, напротив, защитник старины, охранитель существующего, борец за правду, но за ту правду, которой образ сложился уже прежде. Его побуждения и стремления были также неопределенны, как стремления, управляющие его веком. Его доблести и недостатки носят на себе отпечаток всего, что в совокупности выработала удельная жизнь. Это был лучший человек своего времени, но не переходивший той черты, которую назначил себе дух предшествовавших веков; и в этом отношении жизнь его выражала современное ему общество» (Костомаров).

Мстислав и Карл XII. Мстислава Удалого многими чертами напоминает шведский король Карл XII, злосчастный соперник Петра Великого, этот «последний варяг», странным образом доживший до начала XVIII века: у того и другого полное отсутствие политической прозорливости, та же погоня за бесплодную славой, тот же узкий горизонт личных и фамильных отношений, та же неспособность подняться до уровня интересов общегосударственных. Своею деятельностью Мстислав и Карл как бы хотели лишний раз напомнить нам, что в жилах их течет норманнская кровь, — кровь тех викингов-берсеркеров, которые искали войны ради самой войны, с тем лишь отличием, что Карл XII жил в эпоху, когда такой пережиток стал уже полным анахронизмом, во времена же Мстислава духовное родство с норманнами X—XII вв. было явлением вполне естественным и даже вызывало симпатию в современниках.

Типичный представитель своего времени, богатый личными доблестями, Мстислав, тем не менее, совершенный пустоцвет в русской жизни: положительных следов по себе он не оставил, и если бы не летопись, ничто не напоминало бы нам о нем. Не то Андрей Боголюбский и Всеволод III. первый камень, который потом пошел на кладку фундамента будущего государственного здания России, обтесан был ими — не Мстиславами, Храбрым и Удалым¹.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Кроме общих сочинений по истории России и того, что указано в «Спорных вопросах», приложения №№ 18—25, см. еще:

Киевская Русь: *Голуовский*: 1) Печенеги, Торки, Половцы до Нашествия татар. Киев, 1884 (Киев. Ун. Изв.: 1883, №№ 1, 3, 5, 6, 9-12; 1884, № 4); 2) Об узах и торках. Ж. М. Н. Пр. 1884, № 7.

¹ См. Приложения. № 25: «Существовали ли в Киевской Руси положительные данные для создания там государственности?»

Расовский. О роли черных клобуков в истории Древней Руси. *Seminarium Kondakovianum. Recueil d'etudes.* I. Prague. 1927. *L. Goetz* 1) Kiever Hohlenkloster als Kulturzentrum d. Vormongol Russlands Passau. 1904; 2) Staat u. Kirche in Altrussland. 988-1240. Berlin 1908. *Ключевский.* Боярская дума. Несколько изданий; поел : М , 1919. *Пресняков.* Княжеское право в Древней Руси. СПб., 1909

Суздальско-Владимирская Русь. *Ешевский.* Русская колонизация Северо-Восточного края. Сочинения по русской истории. М., 1900 *Корсаков.* Об историческом значении поступательного движения великорусского племени на восток. Казань, 1889 (из Уч Зап. Каз ун-та). *Милоков.* Колонизация России. Энци. слов. Брок — Ефр Т. XV, с указанием литературы. *Пресняков.* Образование Великорусского государства. СПб., 1918. С. 26 след. *Насонов.* Князь и город в Ростово-Суздальской земле XII и пер, пол. XIII в. «Века», I (1924)

История областная

1. Юг. *Андриашев.* Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887 (из Изв. Киев, ун-та, 1887, №№ 2 — 6) *Багалец.* История Северной земли до середины XIV столетия. Киев, 1882. *Голубовский.* История Северной земли до середины XIV столетия. Киев, 1881. *Мих. Грушевский:* 1) Очерк истории украинского народа. СПб., 1904. Изд. 3-е. Киев, 1911; 2) Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст. Киев, 1891. *Александр Грушевский.* Очерк истории Турово-Пинского княжества XI — XIII вв Киев. Ун. Изв., 1901. Т. VI. *Дашкевич.* Болоховская земля и ее значение в русской истории. Труды 3-го Археолог, съезда. Киев, 1878. *Он же.* Новейшие данные о Болохове и Болоховцах. Киев. Ун. Изв. 1884, № 6 (разбор мнений Петрушевича, Миклошича, Похилевича и Молчановского). *Он же.* Еще разыскания и вопросы о Болохове и Болоховцах. Там же, 1899, I. *Ефименко.* История украинского народа. Два выпуска. СПб., 1906. *Иванов.* Историч. судьбы Волынской земли до конца XIV ст. Одесса, 1895. *Лякоронский* История Переяславской земли с древних времен до половины XIII в К., 1897, 2-е изд. 1903. *Молчановский.* Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. Киев, 1885. *Н. И. Петров:* 1) Холмская Русь. СПб., 1887, 2) Вольнь. Исторические судьбы Юго-Западного края. СПб., 1888, 3) Подолия. СПб., 1891 (три последние сочинения в изд. Батюшкова).
2. Запад. *Лонгинов.* Червенские города. Историч. очерк. Варшава, 1885. *Довнар-Запольский.* Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII ст. Киев, 1891. *Данилевич.* Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896.
3. Центр и Северо-Восток. *Голубовский.* История Смоленской земли до начала XV века. Киев, 1895. *Борзаковский.* История Твер-

ского княжества. СПб., 1876. *Корсаков*. Меря и Ростовское княжество. Очерки из истории Ростово-Суздальской земли. Казань, 1872 (приложение к «Уч. зап. Каз. ун-та»). *Иловайский*. История Рязанского княжества. М., 1858 (перепечатано в «Сочинениях». Т. II).

4. **Новгород и Псков.** *Греков*. Новгородский дом св. Софии. Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины. Часть I. СПб., 1914 («Зап. и.-ф. фак. СПб. ун-та». Т. 120). *Костомаров*. Севернорусские народоправства. 2 тома. СПб., 1863. Изд. 2-е: 1868; 3-е: 1886 («Монографии». Т. VII, VIII).

Труды *Никитского*: 1) Очерки из жизни Великого Новгорода: I. Правит. Совет; II. Св. Иван Великий на Опоках. Ж. М. Н. Пр. 1869, окт; 1870, сент. 2) Военный быт в Великом Новгороде XI — XV стол. Исследование. «Русская Старина». 1870, март. 3) Очерк внутренней истории в Пскове. Ж. М. Н. Пр. 1871, ч. 155; 4) Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873 (из Ж.М.Н.Пр. 1872 — 1873); 5) Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879 (из Ж. М. Н. Пр. 1879); 6) Несколько слов в ответ нашим критикам. Ж. М. Н. Пр. 1880, № 6 (по поводу рецензий Кояловича, Костомарова и Замысловского на его книгу: «Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде»); 7) Отношение новгородского владыки к немецкому купечеству по новым данным. Ж. М. Н. Пр. 1883. Ч. 228; 8) История экономического сбыта Великого Новгорода. М., 1893 (из «Чтений Общ. Ист.» 1893, I, II).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Раздробление Русской земли. Время татарского ига и вотчинного порядка. 1242-1462

Характеристика периода.

1. *Натиск с Востока и Запада.* На русской исторической сцене появляются новые деятели: на Востоке, на смену половцам приходят татары; на Западе — шведы, Ливонский орден и Литва. Татары становятся полными хозяевами в Северо-Восточной Руси; под давлением Меченосцев и Ливонского ордена литовское племя двигается на восток, на юг, ищет там себе точку опоры и находит ее в соединении своих сравнительно небольших сил с силами Юго-Западной Руси, отрывая последнюю от родной ей семьи. Натиск особого рода — духовный — проявил в это время также Римский престол. Пока это лишь первые шаги его, предвестие будущих, гораздо более настойчивых и более успешных усилий к насаждению католичества среди русского народа.

2. *Ближайшие результаты такого натиска:* на Востоке приспособление к создавшемуся положению (ига татарское) и реакция против областного дробления Русской земли: поиски общего для всех политического центра (объединительная работа Москвы). На Юго-Западе, испытавшем татарский разгром, — подчинение Литве, как меньшее из зол; на Северо-Западе (Новгород, Псков), не затронутом татарским нашествием, сохранившем свои материальные и духовные силы, — энергичный отпор вражескому наступлению: борьба со шведами и немцами.

3. *Вторжение в русскую жизнь чуждых ей элементов.* Литва внедряется в самую гущу русской народности и растворяется в ней, татары только соприкасаются с нею. На Северо-Востоке всегда можно различить два отдельных течения: русское и татарское; между тем на Юго-Западе течения русское и литовское сливаются и становятся единым, общим русско-литовским.

4. Однако самое это прикосновение было постоянным и сказалось сильным влиянием, политическим и культурным, на Северо-Восточную Русь. Посильная реакция этому влиянию выразилась: 1) в пробуждении национальной идеи и 2) в объединении Северо-Востока под единой державой Москвы.

5. Русский поток окончательно разбился на *три политических русла*: 1) юго-западное (Литовско-Русское государство); 2) северо-

западное (Новгород и Псков); 3) северо-восточное (княжества-вотчины с Владимирским столом во главе; последующее поглощение их Москвою).

6. *Новгород (и Псков)*. Самостоятельной позиции Новгород не сумел создать и теперь. Раньше это сходило ему с рук: бессилие соседей позволяло ему развиваться без помехи со стороны. Теперь он становится яблоком раздора между Литвой и Москвой и, рано или поздно, та или другая втянет его в свою орбиту и лишит политической самостоятельности. Та же участь после Новгорода ожидала и Псков.

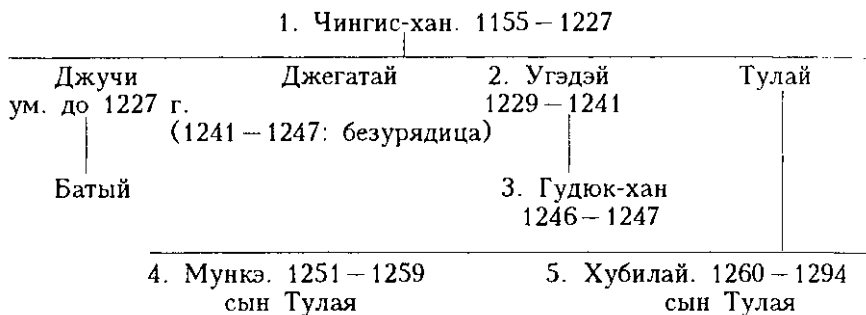
7. *Вильна и Москва*. Объединение русских земель вокруг двух центров, начавшееся еще в предыдущий период, теперь обозначилось еще резче, с тем лишь, однако, отличием, что на Северо-Востоке центр остался прежний (Владимир — Москва), на Юго-Западе же место Галича и Волыни заняла литовская Вильна.

А. *Их политическая рознь*. С появлением Литвы в борьбу за княжеские столы внесены были новые мотивы. Раньше за политический центр боролись члены одной обширной семьи, все родня между собою, и потому, кто бы ни одолел, *русское дело*, как таковое, урону от этого не несло: спор сводился к простому первенству той или иной личности. Теперь же в русскую жизнь вошел инородческий элемент, особенно усилившийся, когда сама Литва вступила в политический союз с Польшею: в юго-западные русские области влилась польская культура, выросшая на началах совершенно несходных с русскими: католическая по вере, аристократическая по общественному строю, она являлась противоречием культуре русской, православной и демократической. Это противоречие почувствуется особенно сильно в последующий период, но уже и теперь спор Москвы с Вильною вышел за пределы домашней распри и готов принять характер *национального раздора*, каковым он уже, безусловно, станет в XVI и XVII вв.

Б. *Их духовная рознь*. Те же причины, что придали политическому обособлению Москвы и Литвы новый отпечаток, определили также и *духовную* их рознь, — явление, которому раньше, в Киевский период и в Суздальско-Волынский, не находилось, да и не могло найтись, места. Претерпев вторжение чужой культуры, Юго-Западная Русь под *внешним* давлением волей-неволей входит в орбиту чуждой ей литовско-польской жизни, обособляется от остальной Руси, становится своего рода отрезанным ломтем. Раньше русские земли являлись **Неотъемлемыми** частями одного целого, которое, даже будучи делимо, **Никогда** не теряло своей цельности, — теперь Русская земля раскололась на две половины, и у каждой из них вырабатывается свой особый круг интересов.

I. Нашествие с Востока. Монголы.

1. Родословная монгольских ханов (династия Чингис-хана)

Хубилай перенес столицу Монголии из Каракорума в Пекин. Здесь его потомки царствовали (над китайцами), как династия *Юань*. Низвергнутые в 1368 году, они вернулись в Каракорум, в Китае же воцарилась туземная династия *Минь*.

2. Монголы (исторический обзор).

Кочевой быт монголов, как это и присуще вообще всемномадам, сочетался у них нераздельно с бытом родовым. Родовой быт воспитывает людей в чувстве беспрекословного повиновения и подчинения всех одному лицу как старшему, главному. На этой почве выросла деспотическая власть великих монгольских ханов. Первым таким ханом? («хаганом») был Темучин, прозванный Чингис-ханом (род. около 1155 г. на берегах Онона, в Монголии). Он объединил разрозненные племена, кочевавшие в пределах Монголии, и превратил их в грозную силу (1206).

Кочевник нуждается в свободных пространствах земли; простор же степей воспитывает в нем не только чувство свободы, но и жажду захвата. Будет ли этот захват достаточно прочен или нет, — он мало думает в те минуты, когда руководится этим чувством. Покорив Северный Китай (1211 — 1215; вплоть до Желтой реки — Великая Стена, воздвигнутая китайцами за тысячу лет перед тем, еще в III веке до Р. Х., не остановила его, — Чингис-хан двинулся на запад, на Смиречье, Восточный Туркестан (1218) и на Хорезм (1219—1221)

Область Хорезма охватывала приблизительно территорию позднейших Среднеазиатских владений России, а в царствование султана («хорезмшаха») Мухаммеда (1200 — 1220) расширились присоединением еще всего Ирана и восточного берега Аравии. Гургенч (ныне Куня-Ургенч, к северо-востоку от Хивы, в сторону Аральского моря), столица Хорезмского царства, был «одним из самых цветущих городов

Азии и одним из центров деятельной умственной жизни» (Бартольд) Полчища Чингис-хана прошли по всей стране с огнем и мечом, с неслыханным ожесточением превращая в пустыню многолюдный, богатый, культурный край. Отсюда они двинулись в Афганистан, разрушили Герат и Газни, захватили Хорасан, Ирак и Армению; потом, обойдя с юга Каспийское море, вторглись в Грузию, поднялись к северу, и здесь, в земле половецкой, в битве на Калке, впервые встретились с русскими, нанеся им жестокое поражение (1223)

Говорить об *империи* Чингис-хана было бы преждевременным и [^]ея всемирного владычества зародилась у монголов только при его преемниках; сам же он, происходя из народа, стоявшего в то время на самой низкой ступени культуры, лишенный всякого образования, с ограниченным кругозором, «по-видимому, чувствовал себя только атаманом, **который** ведет своих воинов к победам, доставляет им богатство и славу и за это имеет право на лучшую часть добычи. По его мысли, монголы, ради сохранения своего военного преобладания, должны были по-прежнему вести кочевую жизнь, не жить ни в городах, ни в селлах, но пользоваться трудами рук покоренных земледельцев и ремесленников и только для этой цели охранять их» (Бартольд).

Заветы Чингис-хана, его *Яса*, остались для его преемников непререкаемым законом. Сыновья и внуки великого основателя Монгольской державы продолжали действовать в указанном им направлении и, оставаясь кочевниками, никогда поэтому не могли создать государства на началах, соответствующих требованиям времени и Изменившимся условиям жизни.

Согласно господствовавшим у монголов понятиям о родовой собственности, Чингис-хан смотрел на завоеванные земли как на собственность своего рода, и перед смертью (1227) разделил их между сыновьями на уделы. Великий курултай (съезд монгольской знати) Подтвердил его распоряжение/ возведя в звание старшего хана («хагана») третьего его сына, Угэдэя (1229).

Владения Чингис-хана были разделены на четыре отдельные орды

1. Монголия (большая часть ее), коренные земли Чингисова царства, — ее получил Угэдэй.
2. Маньчжурия, Восточная Монголия, Северный Китай - достались Тулаю.
3. Хорезм. Афганистан, Персия — их получил Джегетай

Ясг — так называется собрание народных обычаев, которые Чингисхан ²возвел в степень обязательного закона.

* Монгольской аристократии понадобилось два года, чтобы собраться в Каракоруме на съезд, — до тех пор страню управлял, на положении Регента, Тулай, младший сын Чингис-хана.

4. Будущая Кипчакская (Белая) орда досталась Батыю, внуку (его отец Джучи, старший сын Чингиса, умер еще при жизни отца) *Будущая* — потому что, в сущности, ее предстояло еще создать, в данный момент это была пока одна лишь *сфера влияния*, предоставленная Батыю, а именно: земли к западу и северу от Аральского и Каспийского морей, т. е. степи Северного Кавказа и равнины, протянувшиеся от Урала до реки Прута.

Смерть Чингис-хана не остановила наступательного движения монголов. В жизни кочевников можно наблюдать периоды, когда движение, раз *начатое, совершается* в дальнейшем уже по инерции, прекращаясь не прежде, чем в нем не иссякнет двигательная сила, или пока оно не встретит препятствия, для него неодолимого, как, например, было с походом на Японию, когда буря разбросала и уничтожила монгольский флот, вынудив отказаться от высадки.

Сыновья и внуки Чингис-хана покорили Персию (вторично), Тибет, Китай, Корею, Индо-Китай; вторглись в долину Ганга, в Сирию и Месопотамию. Захват Дамаска и Алеппо вызвал в Иерусалиме большую тревогу среди сарацин и вынудил их обратиться за помощью к своим же христианским врагам — к французскому королю (1238). В своем стремительном движении на запад монголы прошли по Русской земле, вторглись в Среднюю Европу (Польша, Силезия, Моравия, Венгрия) и, нанеся здесь славянам и мадьярам ряд тяжелых поражений, бурной, все опрокидывающей волной докатились до Адриатического моря (Далмация: Дубровник).

И всюду свой путь монголы ознаменовывали бесчеловечным истреблением населения и опустошением страны. Это была не только система покорения — это был, кроме того, нездоровый исход диких страстей; это была та *азиатчина*, омерзительные образцы которой представили нам в прежние, отдаленные времена, народы древнего Востока. Слушать вопли побежденного врага, заставить течь слезы по его лицу, сознавать, что жирный мерин, на котором ты едешь, силою отнят у его прежнего владельца, насиловать женщин, целовать и любоваться их алыми щечками, сосать их сладкие губки, — вот что, по собственному признанию Чингис-хана, составляло его радость, что доставляло ему наслаждение. Город Герат был сожжен; столица Аббасидов, Багдад, предан сорокадневному грабежу, а последние представители династии, завернутые в ковры, истоптаны лошадьми. При завоевании Хорезма погибло свыше одного миллиона населения, и не только потому, что оно оказало сопротивление, но и в силу ненасытной жажды крови, дикой жестокости победителей. Мстя за убийство одного своего родственника, Тулай, младший из сыновей Чингиса, перебил в Мерве, «этом восточном форпосте арабской культуры», 700 000 человек. Узнав, что в горах мертвых тел некоторые спрятались под трупами, в надежде этим путем найти себе спасение, он отдал приказ отрубить головы всем, кто лежит, дабы не осталось

сомнения, есть ли среди побитых еще оставшиеся в живых. Все головы сложили в пирамиды, а чтоб сгладить малейший след несчастного города, остатки его были сравнены с землей и засеяны ячменем.

«Азиатчина» не мешала монголам, подобно тому, как некогда она не мешала и древнему Египту, древней Ассирии, ценить и положительные блага цивилизации. Завоевание Китая обогатило их техническими знаниями: у них стояло высоко искусство военно-инженерное (стенобитные орудия, бомбы — «греческий огонь»). Выработана была известная система управления, суда; организация военная, финансовая. Прекрасно поставлена почтовая гоньба: устройство *ямов* (станций с заготовленными для перемены лошадьми), правильная рассылка курьеров заменяла центральной администрации нынешние железные дороги и телеграф, давая ей возможность держать себя в курсе всего **того**, что делалось на громадном пространстве этого гигантского государства кочевников.

При Хубилай-хане (1260—1294) Монгольское царство достигло высокой степени процветания. Хубилай «покровительствовал литературе и вообще просвещению, заботился о привлечении европейского духовенства для обучения своего народа; католичество пустило при нем глубокие корни в Китае, но тибетские ученые ламы пользовались у него еще большим покровительством. Один из этих ученых составил для монголов особый алфавит. Особенною любовью Хубилая пользовалась астрономия, его громадные астрономические инструменты доселе сохраняются в Пекине,¹ представляя блестящие произведения искусства, не утратившие своего значения и донныне» (Позднеев)

Однако долго просуществовать империя Хубилая не могла. Тысячелетия своему существованию насчитывают лишь те государства, которые, не отказываясь от *силы*, умеют сочетать ее с *правом*, которые идут **по** пути хотя и медленного, но верного сглаживания разницы между победителем и побежденным, превращая тех и других в равноправных граждан (Древний Рим). Помимо того, волны, как бы они ни расплескивались, всегда, рано или поздно, войдут в свои берега, а монгольские завоевания во многом напоминают разбушевавшееся море: за приливом, как бы он ни был силен, следует отлив, и большим преувеличением было бы считать царство Хубилая в пределах между Адриатикой и Великим океаном, проводить его южные границы (как это делают иные) вдоль Персидского залива, по течению Ганга, а в Индо-Китае чуть не до экватора. Эти наиболее удаленные **от** центра области, не *завоевывались*; туда совершали *набеги, вторжения* с целью разгрома, захвата добычи и сильного удовлетворения **той** жажды *движения*, о которой говорилось выше. До этих крайних

¹ Сюда в 1241 г. перенесена была столица монголов

пунктов монгольские волны, действительно, докатывались, но наступал час отлива, и они отходили назад

Срединная Азия от Печелийского залива до предгорьев Карпат - пространство и само по себе необъятное — вот какие земли составляли собственно Монгольскую державу, да и то в форме *единой* монархии она долго не удержалась: после Хубилай-хана отдельные области стали одна за другой откалываться, превращаться в независимые, ослабляя себя постоянными внутренними раздорами. Такою самостоятельную областью стала и Кипчакская Орда, владевшая в течение двух с половиной столетий Русской землю на положении *улуса*

3. Нашествие Батыя.

На великом курултае 1235 года подтвердили постановление предыдущего курултая (1229) — продолжать завоевания и покорить земли, лежащие к северу от Каспийского и Черного морей. Так было положено начало Батыеву нашествию на Русь.

Разгромив Камских Болгар (1236), Батый двинулся на Рязань, взял город штурмом, опустошил весь Рязанский край, избивая жителей и не щадя даже грудных младенцев (1237). Той же горькой участи, кто в больших, кто в меньших размерах, подверглись последовательно Коломна, Москва, стольный город Владимира/затем Ярославль, Галич, Юрьев Польский, Дмитров, Переяславль Залесский, Ростов, Волоколамск, Тверь и Торжок, — вообще вся область, которую мы привыкли называть Северо-Восточную Русью (1238). Великий князь Юрий (сын Всеволода III) попытался было задержать всеокрушающую лавину, но сложил свою голову в неравном бою на р. Сити (1238, 4 марта) Наступавшая весна: разлив рек, вскрытие болот и топей спасли от разгрома Новгород, Полоцк и Смоленск: двигаться в такую пору в лесистом и болотистом крае нелегко было и туземному населению, тем более степным кочевникам. Круто повернув на юг, Батый ворвался в половецкие степи, закончил их покорение, разгромил Переяславль, Чернигов (1238), затем Муром, снова появился на Волге и Клязьме (1239) и, вторично вернувшись на юг, взял и подверг страшному разгрому Киев (1240, декабрь), Владимир Волынский и Галич (1241). Отсюда в погоне за половцами, искавшими себе спасения в Венгрии, Батый перенес опустошительную работу своих полчищ в западные страны. Вернувшись оттуда, он расположился со своею ордой на низовьях Волги и осенью 1242 года позвал великого князя Ярослава Всеволодовича к себе на поклон. С той поры Русская земля стала татарским улусом.

Примечание. Татары относятся к монголам как вид к роду, но китайцы вообще всех монголов называли *татарами* — отсюда частое смешение или противопоставление одних другим

На основании того, что войско (орда) Батя на $\frac{5}{6}$ состояла из татар и на $\frac{1}{6}$ из монголов, профессор Веселовский (Н. И., ориенталист) делает такое (едва ли, впрочем, удовлетворительное) пояснение: «Таким образом, господство у нас Чингизидов можно назвать игом монгольским, так как династия была монгольского происхождения; но можно назвать и татарским игом, потому что подавляющую массу завоевателей составляли татары; можно назвать и игом монголо-татарским».

4. Ближайшие последствия Батыева нашествия.

А. Истребление населения

1. В Торжке татары перебили всех жителей. 2. В Козельске перебито было не только все взрослое население, но и женщины с детьми. 3. В Южной Руси татары сожгли Переяславль, половину жителей перебили, а другую увели в плен. 4. В Киеве от всего города **осталось** не более 200 дворов, а в окрестностях, когда там проезжал Плано Карпини, он видел бесчисленное множество валявшихся черепов и костей человеческих, разбросанных по полям (это было в 1246 г., пять-шесть лет спустя после разгрома). 5. В городе Ладыжине, на реке Буге, сдавшееся население было истреблено поголовно. 6. Во Владимире Волынском не осталось ни одного живого человека; **тамошние** церкви были переполнены трупами. 7. К Берестью нельзя было подойти — так велик был смрад от наваленных там трупов.

Б. Материальное разорение

Обезлюдив Русскую землю, нашествие Батя, кроме того, еще и **обездолило** ее. Особенно тяжело досталось городам: множество их было разрушено; за один только февраль месяц 1238 года татары **взяли** 14 городов, не считая слобод и погостов. По словам летописца, **редко** можно было в Суздальской земле найти место, деревню или село, которое не подверглось бы разрушению. Население бежало в Леса, страна обнищала и запустела. В городах всего более скоплено **Народного** достояния, и потому разорение их было особенно чувствительно.

1

Примечание. Разорение чужой земли издавна практиковалось как один из обычных приемов войны, не только монголами и не только в эпоху монголов, но и раньше и позже; сравнительно лишь недавно оно приобрело характер, несовместимый с человеческой моралью. Во всяком

случае, если когда и прибегают к разорению чужого края, то обыкновенно с целью ослабить военные силы неприятеля, чтобы обеспечить себе конечный успех в борьбе; самый же край, чужой, предполагается, чужим и останется. В первые годы Северной войны Петр Великий тоже приказывал Шереметеву зорить Эстляндию и Лифляндию, будучи еще далек в ту пору от мысли, что эти две провинции войдут в состав его государства. Зато разорение Ингрии, которую он уже тогда рассчитывал сделать *своею*, навсегда присоединить к России, навлекло на Апраксина царский гнев. Чем руководились монголы, разоряя Русскую землю, на которую уже тогда смотрели как на свой улус? Не зорили ли они собственное добро? В их действиях соображения государственной пользы в значительной степени уступают место порывам дикой, необузданной силы, инстинкт созидания — инстинкту разрушения.

5. В чем выразилось подчинение Русской земли татарам?

1. Зависимость *политическая*. Выдача ханских ярлыков на княжение; поездки князей в Золотую Орду по вызову ли хана — на суд, для дачи отчета в своих действиях; по собственному ли почину — выхлопотать ярлык, тягаться с противником, хлопотать о смягчении наложенного наказания и т. п.

2. Зависимость *экономическая*. Платеж дани; сбор ее специально посылавшимися для этого чиновниками («баскаками») и откупщиками (купцами — «бесерменами» — отсюда позднейшее *бусурман*), перепись населения для определения размеров самой дани (переписывали так называемые *численники*).

3. Кроме того: обязанность князей выставлять, по требованию хана, вспомогательные *военные* отряды.

Покорив Россию, татары не заняли ее территорию, но превратили ее в провинцию; государственный строй ее остался без изменения; русскому народу предоставлено было управляться, как сам знает, по-прежнему, — татары ограничились лишь тем, что поставили страну и ее князей-правителей в вассальные к себе отношения. Они не внесли *никаких* изменений в русские порядки о престолонаследии и охотно считались с тем, что во главе Русской земли стоял великий князь. Это было *им на руку*: за все отвечал великий князь. Это упрощало достижение главной цели: получение дани и военной помощи. Зато это же создало обстоя-

ку, при которой позже стало возможным усиление власти старшего из князей с подчинением ему всех остальных.

Однако не внося *намеренно* никаких перемен в уклад русской язисни, татары оказали существенное на него воздействие самым фактом превращения Русской земли в свой улус.

б. Северо-Восточная и Юго-Западная Русь. Александр Невский и Даниил Галицкий.

Как отнеслась страна к постигнутому ее несчастью? Примирилась ли она с татарским игом, или делала усилия сбросить его с себя? Ответ на вопрос дадут нам два князя-современника: суздальский, Александр Невский, и галицкий, Даниил, сын Романа Вольнского. Каждый из них отражает свое время, свою среду и ее психологию. Один — представитель лесного Севера, образец князя-хозяина; **рас-судок** преобладает у него над чувством; другой вырос на открытом Юге, где люди привыкли жить на широком просторе, руководиться непосредственным чувством, и где малейшее стеснение свободы всегда встречало самый живой протест и отпор. Оба они вышли из одной **среды**; стремления и цели, по существу, у обоих одни и те же, — но **какая** разница в приемах достижения! Как несходны результаты их **работы!**

Александр Невский. Как раз в ту пору, когда татары устраивались в Золотой Орде на низовьях Волги, он, княжа в Новгороде, **победо-носно** отразил шведов и Ливонский орден (см. ниже). По смерти отца Ярослава (1245), утвержденного ханом в звании великого князя, Александру пришлось дожидаться семь лет, чтоб получить город Владимир, а с ним и право на великокняжение; но и раньше и позже **его** постоянной заботой было примирить население с неизбежностью **несения** ига, подавить в себе и в народе чувство душевной боли и **естественного** негодования, в ясном сознании, что, не сдержав своих **чувств**, придется расплачиваться за них дорогой ценою. Александр прилагал невероятные усилия ввести рахлеставшееся татарское море в Должные границы; он заискивает у татар, то и дело ездит в Орду, унижается перед ханом и его приближенными в справедливом убе-**дении**, что всякое сопротивление окончательно погубит Русскую **землю**, он убеждает население допустить баскаков произвести пере-**пись**, которая должна была определить число людей, платящих подать, **Когда** же озлобленный, не привыкший к игу народ оказал открытое сопротивление и выгнал ханских чиновников, Александр поспешил в **Орду** и новыми унижениями, обильными дарами умолил хана поми-**ловать** ослушников его воли, хорошо понимая, что, пошли хан свое **Войско** на Русь, край, едва только начавший оправляться от недавнего **Нашествия**, подвергся бы новому разорению. Таким образом, Северо-Восточная Русь избавилась от угрожавшего ей нового разгрома.

Много унижений вынес Александр за время своего великокняжения (1252 — 1263), зато недаром современники горько оплакивали его смерть: «Закатилось солнце земли Русской, — говорили они, — много потрудился он за землю Русскую, за Новгород и за Псков, за все великое княжение, отдавая живот свой, и за православную веру» Изумительная гибкость и изворотливость Александра, конечно, никогда не примирит с собою идеалиста, но, в условиях данного времени, то и другое было необходимо и потому принесло положительные результаты. Александр — тип *северного* князя; практический ум, рассудительность, железная воля, настойчивость и терпение; увлечениям нет места; ценится одно только реальное благо. Андрей Боголюбский и Всеволод III в положении Александра действовали бы так же

Даниил Галицкий. Вся жизнь Даниила Галицкого (1201 — 1264), с ранней молодости, прошла в борьбе за отцовское наследие, — за Воынь и Галич: ему приходится отстаивать обе земли как от своей же братии, русских князей,¹ так и от соседей: венгров, поляков, даже литовцев, впервые в ту пору выступивших на сцену истории. Подобно Александру, Даниил тоже в железных тисках, пожалуй, даже более тяжелых: враги извне — татары, литва; враги домашние — собственные бояре, открыто с ним враждующие; вдобавок неустойчивые отношения к полякам и венграм, сегодня союзникам, завтра врагам. Эта трудность положения, к вящему ущербу Даниила, удваивается его собственной неустойчивостью взглядов, отсутствием твердой политической программы. Тяжело и Александру, но ему легче выпутаться из беды, потому что он идет определенно намеченным путем, прибегает к определенному способу действий; свои средства он старательно взвесит, прежде чем станет применять их к делу. Блестящие дарования Даниила, наследственная любовь к славе, широкие государственные замыслы делают его духовный облик, несомненно, более симпатичным; но, на свое несчастье, он не умеет, когда это нужно, пожертвовать своим настроением, поступиться чувством в пользу холодного рассудка, — недаром он сродни (зять) такому яркому представителю Юга, как Мстислав Удалой, — и в результате Даниил выходит из борьбы побежденным, не достигнув поставленной себе цели, тогда как Александр мог спокойно умереть в сознании, что он удачно выполнил задачу, поставленную ему жизнью.

Сначала Даниил долго не едет в Орду: ему оскорбительна сама мысль о предстоящем горьком унижении: надо будет проходить между огней, чтобы «очиститься» и не «осквернить» величество хана; придется становиться пред ханом на колени, пить кумыс. В конце концов, Даниил все же поехал, выпил чашу унижения — и понапрасну. Правда, в

¹ Борьба с Ростиславом Черниговским — последняя усобица между Мономаховичами и Ольговичами.

Орде его приняли с большою честью, отличили от многих других князей и утвердили за ним его княжеские земли (1250); но стыд рабского положения не в силах была искупить никакая «честь татарская». С этой поры задушевною мыслью Даниила стало освободиться от постыдного ига, и всю остальную жизнь он посвятил осуществлению этой идеи.

Он женит своих сыновей на дочерях венгерского короля Бэлы IV П Миндогва литовского, рассчитывая брачными узами обеспечить себе помощь в нужную минуту, и заранее расплачивается за нее, посылая **войско** в помощь венграм против чехов и немцев; заводит сношения с Римским папой, принимает католичество и королевский венец, посланный ему Иннокентием IV (1253), и в сущности **лишь** понапрасну растрчивает свои **силы**: ;и венгры, ни папа помощи ему, когда она понадобилась от татарских нашествий Куремсы (1259) и, особенно тяжкого, Бурундая, (1261) не оказали, не предохранили* земли Даниила снова подверглись беспощадному разорению, и вдобавок Даниил вынужден был скрыть все свои крепости, т. е. оголить страну, оставив ее открытой и беззащитною от внешних вторжений

Примечание. Три разгромами (1241, 1259, 1261) бедствия Галицко-Волынской земли не ограничились: в 1285 году она испытала еще четвертый, когда хан Телебуга по дороге в Польшу и на обратном пути «учинил пусту всю землю Владимирскую», а население, сбежавшее под защиту городских стен, умирало от неимоверной скученности, не смея выйти наружу из опасения быть убитыми или захваченными в плен. В одной только своей вотчине Лев (сын Даниила) не досчитался потом 12 500 жителей. Эти разгромы сильно ослабили Юго-Западную Русь, и позже она оказалась не в силах противостоять литовскому натиску (Гедимин, Ольгерд, Витовт).

Обманулся Даниил и в расчете на Бэлу: добыть с его помощью австрийскую корону своему сыну. Отношения с Литвой уже по одному **Тому**, что **Даниил** то заодно с нею, то против нее, дать каких-нибудь прочных положительных результатов не могли. Общение с Западом **открыло** доступ в страну полякам, немцам, армянам, евреям, они заселяли города, подняли промышленность, торговлю, но и тут была своя опасная сторона: край наводнялся элемечтами, чуждыми национальным русским интересам; между тем внешнее положение Галича, ^со всех сторон окруженного враждебными народностями, особенно **Требовало** национальной сплоченности и патриотизма.

В результате, яркая, шумная деятельность Даниила ничего положительного не дала и дать не могла. Вина, однако, не в одной личности Даниила. Дни Александра протекали в условиях гораздо более благоприятных; из внешних врагов (в пору его великокняжения) ему пришлось считаться с одними татарами; у себя дома помех он не встречал; от крамольных бояр судьба его уберегла, в самом же населении, в его свойствах: рассудительности и природной сметке, в общественности и житейском такте, Александр встретил даже прямую поддержку. Такой поддержки у Даниила не было.

Дело Даниила непрочно было уже по одному тому, что оно было делом *единоличным*, «делом одного князя, а не плодом народного к тому расположения». Области, входившие в состав его княжества, еще не успели проникнуться потребностью и сознанием пользы государственного объединения, каждой хотелось сохранить свою самобытность, и даже какой-нибудь ничтожный городишко Чарторыйск, и тот сопротивлялся Даниилу, помогаясь иметь собственного князя (Дашкевич). Эти центробежные силы пока сдерживались твердой рукою Даниила, но после его смерти они снова взяли верх.

«В судьбе этого князя было что-то трагическое. Многого добился он, чего не достигал ни один южнорусский князь, и с такими усилиями, которых не вынес бы другой. Почти вся Южная Русь, весь край, населенный южнорусским племенем, был в его власти» (Костомаров), но прочного залога самостоятельности на будущее время он не оставил. Отважный и неустрашимый, великодушный и добросердечный до наивности, Даниил был менее всего политик. У него нет и следа хитрости настолько, чтоб не попадаться в обман. Какая противоположность с осторожными, расчетливыми князьями Северо-Восточной Руси!

II. Натиск с Запада. Ордена Ливонский и Тевтонский.

«Несчастье никогда не приходит одно», говорит пословица, и действительно, одновременно с тем, как из недр Центральной Азии, с окраин далекого Китая Чингис-хан двигал свои полчища и довел их до половецких степей, где разыгралась битва при Калке, — печальная прелюдия к вторжению татар в самые пределы русские, — одновременно с этим на Восточную Европу надвигалась другая грозная волна, но уже не с востока, а с запада. Европа переживала в ту пору эпоху Крестовых походов, сильного религиозного воодушевления, когда влияние папского престола дошло до своего апогея и когда Иннокентий III (1198 — 1216) поистине царственным движением руки посылал Божиих ратников на борьбу с иноверцами во славу Божию. На устьях Западной Двины орден *Меченосцев* (Fratres militiae Christi), более известный под именем *Ливонского*, основывает город Ригу и создает здесь прочную базу для проникновения в глубь страны

и обращения туземцев в христианство. Лет 30 спустя с теми же целями на низовьях рек Вислы и Немана появляется другой подобный орден — *Тевтонский*.

Немецкие миссионеры появились в *Ливонском* крае в конце XII в. (проповедник Мейнгард). Епископ Алберт Буксгевден, «апостол ливов», положил основание городу Риге (1201) и ордену Меченосцев (1202). Появившись в крае, Меченосцы не замедлили отеснить с Западной Двины полоцких князей, у которых там были свои укрепленные города: Кукенойс и Герцике. Что касается Тевтонского (иначе Прусского, Немецкого) ордена, то он первоначально основан был в Палестине для борьбы с сарацинами (1191), но потом перенес свою деятельность в Венгрию, и отсюда уже Конрад Мазовецкий призвал его к себе, предоставив для поселения область Хелмно (1225) Тевтоны, захватывая земли пруссов, постепенно воздвигли там ряд укрепленных городов: Торунь, Мариенвердер, Эльбинг и далее к востоку — Крулевец (Кенигсберг). В 1237 году произошло соединение обоих орденов магистр Ливонского стал в подчинение гохмейстеру Тевтонского, а гохмейстер Тевтонского — архиепископу Рижскому. Таким образом, в делах чисто военных верховенство принадлежало Тевтонам, но духовным руководителем, а значит, и решающей инстанцией в делах военных, — если не по вопросам техники, то в их направлении (с кем воевать или мириться и т. п.), были Меченосцы.

Таким образом, судьба готовила русскому народу тяжелое испытание: с двух сторон, с востока и с запада: две враждебные народности, разной веры и разных культур, причем и та и другая отличные от народности русской одинаково и по вере, и по культуре, готовились сжать ее и раздавить в своих тисках. Действительно, одновременно с тем, как на юге татары громили Киев, превращали в пепел этот древний очаг русской культуры и потом закладывали на берегах Волги основы своей государственности с тем, чтобы на протяжении двух с половиной веков тяготеть над русской жизнью, — в это самое время на севере, на берегах Невы и на Чудском озере, новгородский князь Александр вынужден был отбиваться от шведов и Меченосцев, одинаково грозивших устоям русского уклада, материального и духовного.

Значение побед Александра Невского над шведами и немцами.

Победа Александра над шведскою ратью Биргера на берегах Невы (1240), доставившая ему у потомства прозвание *Невского*, равно как и поражение, нанесенное им два года спустя Ливонскому ордену («Ледовое побоище»: на льду Чудского озера, зимою 1242 г.), вписали славную страницу в биографию этого князя. Каждая из этих блестящих Побед имеет свое, разное значение. Если не считать первых столкновений Ливонского ордена с полоцкими князьями на Западной Двине (см. выше), то про Александра Невского можно сказать, что с него

начинается та трехвековая борьба, которую западная наша окраина вынуждена была вести, защищаясь от немецкого натиска (Dngang nach Osten). Разбив рыцарей, новгородский князь освободил захваченный было ими Псков, на время обеспечил своей земле мирные дни, **ло** только на время. Ему лично, а его преемникам тем более, еще **не** раз придется мериться силами с гордым, самоуверенным Орденом, который видел в себе носителя высшей культуры и непререкаемой истины.

Реальное значение Невской победы менее значительно. Нет **осно-**ваний думать, что шведы явились в роли миссионеров католичества, что на острие своего меча они несли русскому народу новое исповедание веры: будь это так, они не ограничились бы одной экспедицией, а повторили бы ее позже и неоднократно. Появление Биргера — **это** один из многих эпизодов в истории шведско-русского соперничества за пограничные области, где военное счастье переходило то на ту, **то** на другую сторону. Зато, будучи лишена крупного реального значения, победа Александра над Биргером получила в ближайшее же время громадное значение *идейное*. На фоне горьких испытаний — печальный плод монгольского ига — напряженной борьбы на два фронта, борьбы, к тому же без твердой уверенности в благополучном исходе, Невская победа засияла яркой звездой на окутанном мрачными тучами небосклоне. При виде того, как гибнет все дорогое, как бесприсветно их настоящее, ближайшие поколения с благодарным чувством вспоминали дело Александра; в их глазах оно выросло в *подвиг*, стало священным делом; победитель на реке Неве вырос в национального героя, более того — в *Святого*. Недаром впоследствии, основывая свой Петербург на тех самых местах, где благоверный князь увековечил свое имя, русский царь с таким торжеством перенес туда его останки защитник края при жизни, он, конечно, не оставит его и теперь, и одним уже присутствием нетленных мощей своих явится для нового города надежной охраной и верным залогом светлого будущего

III. Натиск с Запада.

Римский престол и его отношения с Древней Русью.

Принятие Даниилом Галицким королевского титула от папы **Ин-**нокентия IV в истории Галича не более, как случайный эпизод, **но** для более полного освещения его полезно проследить предшествовавшие отношения Римского престола с русскими князьями, его попытки насадить католичество в Русской земле.

/. Древние века.

Как далеко восходят эти сношения? Начало им было положено, может быть, не непосредственно самим Римом. Германский император Отгон I, ревностный распространитель христианства среди Полабских

славян, посылал в Киев к княгине Ольге епископа, презывая ее к римскому папе, но Ольга в ту пору уже приняла христианство от константинопольского патриарха, и посольство Оттоново вернулось ни с чем. Сохранились глухие намеки на обращение Ярополка, брата Владимира Великого, в христианство католическими миссионерами, **Пришедшими** из Польши; кроме того, позднейшие летописные записи (далеко, впрочем, не современные событию: Никоновская) говорят о приходе к Ярополку послов из Рима в 979 году.

Можно думать, что Св. Престол не остался равнодушным к тому, **что** киевский князь Владимир вместе со всем своим народом принял крещение из рук греков, а не латинян; но делались ли при этом попытки привлечь русского князя в лоно римской Церкви, нельзя **сказать** ничего положительного. Миссионер Бруно ездил с проповедью к печенегам, останавливался по дороге в Киеве, где, по собственному **его** свидетельству, его приняли очень гостеприимно, но вопросов религиозных здесь Бруно, кажется, совсем не затрагивал (1008). Несколько лет спустя в Киеве, при том же Владимире Великом, в **свите** дочери польского короля Болеслава Храброго, выданной за Владимирову сына Святополка (Окаянного), появляется немец Рейнберг, епископ колобрежский (Salsac Chelbergiensis). Вел ли он тогда пропаганду католичества или нет, историки говорят различно; несомненно, однако, что на него обрушился гнев великого князя: за **попытку** поссорить Святополка с отцом Рейнберга посадили в темницу, где он и окончил свои дни.

Впервые непосредственное соприкосновение Святого Престола с Россией произошло при сыновьях Ярослава Мудрого, когда один из них, Святослав, прогнал из Киева старшего брата Изяслава и завладел **его** княжеством. Изяслав обратился было за помощью к польскому **королю** Болеславу Смелому и в уплату за обещанное содействие отдал ему свои богатства. Однако тот, приняв последние, помощи не оказал. Тогда Изяслав отправился хлопотать у императора Генриха IV, быть может, в надежде на родственные связи,¹ но также без пользы для **Дела**. Неудача не обескуражила Изяслава, он нашел дорогу в Рим и **послал** туда своего сына, по-видимому, с обещанием, в случае поддержки, подчиниться Римскому престолу. До нас дошли два бреве Григория VII Гильдебрандта: одно к королю Болеславу — с настоянием вернуть Изяславу взятое у него; другое к самому Изяславу (1075). Но и хлопоты папы не привели ни к каким положительным результатам. Тем временем умер Святослав, и Изяслав мог уже без посторонней помощи вернуться в Киев и занять утраченный стол.

¹ Племянница Изяслава, дочь Всеволода, была вторым браком за Генрихом IV.

Возможно, что именно эти сношения с русским князем дали основание 8—10 лет спустя антипапе Клименту III отправить в Киев епископа для переговоров о присоединении русской Церкви к римской, однако предложение было вежливо отклонено особым (дошедшим до нас) посланием киевского митрополита Иоанна II.

В половине XII столетия (ок. 1155 г.) предполагалось послать на Русь знаменитого Бернарда, аббата Клервосского; но поездка не состоялась.

Между тем наступила пора великого папы Иннокентия III (1198—1216); с его появлением оживилась идея крестовых походов, и сразу раздвинулись их географические рамки: борьба с «неверными» охватила теперь не одну Палестину, но проникла и в другие страны. Во Франции ведется крестовый поход против альбигойцев; на востоке Европы возникают духовные ордена Ливонский и Тевтонский: свой крест и меч они несут в земли язычников; на месте Византийской православной империи возникает Латинская; еще раньше сами «схизматики» — болгары и сербы — признали над собою духовную власть Римского первосвященника. В такой обстановке неудивительно, если Иннокентий не забыл отдаленной России.

В самый год взятия Константинополя и разрушения Византийской империи (1204) папский легат явился к галицкому князю Роману с обещанием возвести его в сан короля и покорить ему многие земли мечом апостола Петра. Обнажив свой собственный меч, Роман так ответил легату: «Таков ли меч Петров у папы? Коли такой, то он может брать им города и дарить другим; но это противно слову Божию: таким мечом Господь запретил Петру сражаться. У меня же меч, данный Богом, и пока он при мне, дотоле мне нет нужды покупать себе города иначе, как кровью, по примеру дедов и отцов»

В передаче Романовых слов летописцем ясно сквозит чувство удовольствия, вызванное сознанием, что православие в лице галицкого князя сумело отразить натиск со стороны Рима. Происходило ли **все** так в действительности, как он описывает, мы не знаем; но несомненно, что в надеждах своих Римская курия на этот раз обманулась. Как бы в ответ на предложение, Роман в следующем же году, вступив в Польшу, грозил не только опустошить ее города, но и истребить в ней латинскую веру.

Не более удачным было посольство 1207 года. Один из кардиналов¹ был отправлен на Русь к «русским архипастырям, клиру и народу» с предложением воссоединиться с римскою Церковью. Такие же предложения делались и позже, при папах Гонории III (1227) и Григории IX (1231), но одинаково безрезультатно.

Древняя Русь вначале терпимо относилась к исповедникам католичества: в Киеве, Новгороде, Пскове, Ладоге и Смоленске существовали для иностранных купцов латинские церкви; где-то недалеко от Киева, под городом, незадолго до нашествия монголов возведен был даже католический доминиканский монастырь, но ни князья, ни народ желания вступить в унию не проявляли. Однако уже самое существование латинских церквей давало латинству известную точку опоры. При папе Григории IX можно документально констатировать наличие в Южной России католических священников, и тогда же аббат монастыря в Опатове (в Польше), по имени Герард, был возведен в сан русского епископа *in partibus infidelium*; современные летописи так и звали его «*primus episcopus Russiae*».

Отсюда до свободной проповеди католического учения, тем более до унии церковной, было еще очень далеко, но в понтификат Иннокентия IV (1243—1254) положение дела существенно изменилось: на долю римской Церкви выпал неожиданный, хотя непрочный и временный, успех.

2. *Иннокентий IV и Даниил Галицкий.*

В ту пору Европе грозило новое бедствие: нашествие монголов. Не довольствуясь разгромом России, татары вторглись в Польшу, Венгрию, дошли до Моравии, всюду неся ужас и разорение. Римский престол стал отыскивать заслон, который был бы в состоянии предохранить Европу на будущее время от повторения таких вторжений; он отправил нескольких миссионеров с Плано Карпини во главе к великому хану Гаюке в целях ближе ознакомиться с положением дела на месте. Нетрудно было убедиться, что Галицко-Волынское княжество, наиболее выдвинутое в татарской степи, всего лучше отвечало этой цели. На обратном пути из Орды Плано Карпини со своими спутниками встретил Даниила Галицкого, возвращавшегося от татар под тяжелым впечатлением только что испытанных унижений. Гордому князю казалось в высшей степени оскорбительным подчинение варварам, и когда Плано Карпини завел с ним речь об унии и от имени папы стал убеждать его присоединиться к римской Церкви, то Даниил с радостью бросился навстречу сверкнувшему лучу надежды и с увлечением отдался мысли двинуть с помощью Рима против татар закованные в железо полки католического Запада. На сделанное предложение он ответил согласием и не замедлил довести до сведения Иннокентия IV о своей покорности Святому Престолу (1246).

Дело завязалось; папа тотчас же послал Даниилу поощрительное breve, назначил особого легата на Русь, а Даниил, со своей стороны, отправил окончательно договориться своих уполномоченных в Лион, где в ту пору находился Иннокентий. Соглашения, однако, не состоялось; послы Даниила отказались дать за него клятвенное обещание соблюдать единение с римской Церковью. В унии с Римом русский

князь и русское духовенство, с которым он предварительно совещался, видели для себя печальную необходимость и, заботясь преимущественно о политических выгодах соглашения, были скупы на религиозные уступки. Даниил *согласился* признать верховенство папы в делах церковных, просил папу принять его землю под охрану св. Петра, но ставил непременным условием реальную помощь против татар. В свою очередь и Иннокентий, преследуя одновременно и религиозную, и политическую цель, пошел навстречу желаниям Даниила: согласился на сохранение церковных обрядов, дозволил совершать литургию на заквашенном хлебе, заранее проклиная всех, кто станет хулить греческую Церковь; русские летописи добавляют, что папа даже обещал созвать собор для исследования, которое из двух исповеданий ближе к истине; но того, в чем Даниил нуждался более всего, дать не мог. Иннокентий предлагал ему корону с титулом короля, но Даниил отказался от нее, опасаясь, как бы новый титул, неподдержанный внушительной военной силой, не поставил его в ложное положение к татарам. «Что мне в венце без твоей помощи?» - отвечал он Иннокентию.

Отказ повел к разрыву, продолжавшемуся несколько лет, пока венгерскому королю не удалось примирить обе стороны. Уступая настояниям Болеслава Стыдливого и своей матери (она, кажется, была католичкою), к тому же предвидя неизбежность близкого разрыва с Золотой Ордой, Даниил короновался, но неохотно и, по-видимому, сделал все возможное, чтобы весть о сделанном им важном шаге **не** дошла преждевременно до татар. Обряд венчания (присланным папою легатом) совершился без всякой пышности, чуть не тайком, **не в** столичном городе Галиче, а в далекой северной окраине Данииловых владений, в Дрогичине (1253).

Между тем опасность со стороны татар действительно надвигалась, а обещанная помощь не приходила. Призывы папы к славянским государям не находили отклика. Напрасно рассылал он свои буллы (в 1247, 1251, 1253, 1254 гг.); тщетно пытался всеми способами убедить ближайших к Галичу государей принять крест и идти **на**-встречу врагам в предупреждение возможного вторжения их. Рассчитывая подействовать на религиозное чувство и на самолюбие, Иннокентий говорил им, что следует поскорее смыть позорное клеймо, наложенное недавним постыдным бегством их войск перед полчищами Батыев... Напрасно! Папа оказался бессилем протянуть Даниилу **дей**-ствительную руку помощи. То были последние годы Гогенштауфенов в Германии, начало так называемого междуцарствия и кулачного права; Германии было не до военных предприятий на далеком Востоке, к тому же сами папы не ладили в это время с германскими императорами. Короли венгерский и польский, помня о недавних ужасах Батыевых, боялись впутываться в серьезное и опасное дело без содействия могущественного немецкого соседа. Голос Римского перво-

священника раздавался в пустыне никто не двинулся на поддержку Даниила.

Тогда Даниил открыто порвал с Римом. Продолжать свои отношения с ним он не мог, так как иначе восстановил бы против себя Я духовенство, и население, которое шло на унию с Римом исключительно по тем же мотивам, какие 200 лет спустя подвигнут греков да соглашение с Римским престолом: и как тогда Флорентийская уния осталась мертвой буквой, потому что в решительный момент Запад не оказал грекам необходимой поддержки, допустил турок овладеть Константинополем, — так и теперь уния с Римом была порвана ввиду ее полной бесполезности. В конце 1254 г. Даниил перестал сноситься с Римом, а в 1257 г. состоялся полный разрыв¹

% *Иннокентий IV и Александр Невский.*

Кроме Галича, Иннокентий IV старался привлечь к унии и Северо-Восточную Русь. В 1248 г. он обратился с посланием к Александру Невскому, который после побед, одержанных над шведами и Ливонским орденом (1240 и 1242 гг.), продолжал еще сидеть в Новгороде князем. Любезный прием, оказанный послам папы, и разрешение поставить латинскую церковь в Пскове дали Иннокентию основание послать Александру в конце того же 1248 г. новое брeve с призывом к единению; но Александр далее навстречу желаниям папы не пошел и отклонил приезд его легата. Этим и кончились сношения Св. Престола с новгородским князем. Конечно, не князю, недавно боровшемуся с оружием в руках против исповедников латинского учения, было отказываться от православия и «поклониться тому, что он так недавно сжигал».

Впрочем, подобно тому, как в сношениях с Даниилом Галицким, так и здесь, ища сближения с Александром, папа преследовал, кроме целей религиозных, также и политические: создать оплот и активную силу против азиатских варваров. Но активная борьба с монголами была Северо-Восточной Руси, как и Руси Юго-Западной, в ту пору совершенно не по силам.

4. Южная Русь в XIV в.

Более светлые перспективы открылись Римскому престолу, и то не на Северо-Востоке, а в Южной Руси, с середины XIV в., когда Галицкая земля была завоевана Польшею (1349) и когда пропаганда католичества нашла здесь могущественную поддержку и содействие светских властей; несколько позже брак литовского князя Ягейло с Польскою королевой Ядвигой (1386; открыл дверь католическому Умению в русско-литовские земли.

¹ См. Приложения. № 26: «Кому принадлежит почин в сближении На почве унии: Даниилу Галицкому или папе Иннокентию IV?»

IV. Натиск с Запада. Литва и Миндовг

/ . Миндовг.

Натиск немецких орденов вызвал литовцев к новой жизни. Раньше никому неизвестные, затерянные в своих лесах и непроходимых болотах, разбитые на мелкие племена, постоянно между собой враждовавшие, лишенные сознания национального единства, без всякой политической связи, объединенные лишь общим бытом, языком и моральным влиянием своих жрецов, пользовавшихся в стране большим авторитетом, — теперь, под давлением извне и под угрозой опасности, они начинают объединяться; быт племенной постепенно переходит в быт государственный. Первым выразителем новой поры явился Миндовг.

Две русские области, захваченные им на первых же порах своего княжения — Черная Русь (города Новгородок, Гродно) и Полоцкое княжество — придали большую устойчивость его государственной деятельности; в этих областях Миндовг нашел то, чего ему недоставало в коренной Литве; основные элементы государственного строя: население там уже делилось на классы по роду занятий, существовали определенные должности и звания, готовая администрация; успели сложиться определенные служебные отношения между князем и классом военных людей. Эти русские порядки и установления помогли Миндовгу и его преемникам и в самой Литве — прочнее утвердить свою власть.

Попытка утвердиться в смоленской земле кончилась неудачей великий князь Ярослав, сын Всеволода III, выгнал Миндовга из Смоленска (1239), на юге Даниил Галицкий сумел создать настоящую коалицию против него: поднять поляков, немцев, частью самих литовцев, даже собственную родню Миндовга. Вообще чуть зашевелилась Литва и в лице своего князя выкинула объединительное знамя, как соседи, почуяв опасность, все кидаются на Миндовга, готовые задушить в зародыше начатую им работу. У себя дома, в самой Литве, Миндовг тоже встретил отпор, ведь с его усилением местным племенным князькам неизбежно предстояла утрата их независимости. Даже в близкой родне нашлось больше ожесточенных соперников, чем добрых помощников.

На пути стоят родной брат и племянники, Миндовг замышляет убить их, и если они остались в живых, то отнюдь не по его милости. Разъединить своих врагов — вот на что направлены все усилия Миндовга, и тут он проявил много ума и ловкости. Прежде всего он отвел польских князей, обезоружил Орден, приняв христианство, осилил племянников, удовлетворил внутренних врагов, разъединил пинских князей с Даниилом Галицким, а самого его привлек на свою сторону, женив его сына Шварна на своей дочери, а другому сыну, Роману,

Бгдав в удел Новогородок. Позже общая опасность от татар заставила **Даниила** действовать совместно с Миндовгом.

Г Такими-то путями закладывал Миндовг основной камень под государственное здание Литвы. Но чего это ему стоило! Какой напряженной борьбы, неутомимой деятельности и энергии! И сколько проявил он при этом ловкости, хитрости и жестокости! Он не разбирал средств, не останавливался перед убийством соперника, а где нельзя было действовать силою, сыпал золотом, прибегал к обману, вплоть до измены вере отцов.

І Долго сдерживал себя Миндовг. Христианство было для него кабалой; не искупил ее и королевский титул, присланный папою Иннокентием IV вместе с благословением, на свое обращение Миндовг сйотрел как на передышку и, как мы сейчас видели, умело воспользовался ею. Через 11 лет (1250 — 1261) он, наконец, сбросил личину, снова вернулся в язычество, вернул себе симпатии туземного населения и бросился на главного врага, на немецких рыцарей, владевших частью Литовской земли, в ряде битв нанес им жестокое поражение и освободил от них родную землю. Теперь Даниил Галицкий стал ему опасен, Новогородок был отнят у Романа и снова перешел в руки Миндовга.

Историческая жизнь Литвы началась с Миндовга - в этом значении его самого, как исторического деятеля. Но он родился слишком рано, чтобы идея единой Литвы могла окончательно восторжествовать теперь же. Время Гедимина и Ольгерда еще не наступило. Миндовг погиб от руки своих близких, однако семья, брошенное им, не пропало.

2 Александр Невский, Даниил Галицкий и Миндовг Литовский. Черты сходства и различия.

1. Что между ними общего? Современники (первый и последний умерли в 1263 г., Даниил годом позже), все они слабы, все должны приноравливаться к обстоятельствам, считаться с врагами, более сильными, всегда быть зоркими, осмотрительными; многое они вынуждены делать против воли и убеждений, прибегать к изворотливости, всюду проявлять большую гибкость совести и находчивость. Смелая, открытая политика несовместна с их положением.

2. При всем сходстве у каждого есть, однако, свой определенный облик, каждый отразил в себе черты своего времени, по-своему ответил на чаяния и возлагавшиеся на него надежды. Если Александр выступает перед нами по преимуществу как северный князь, а Даниил как князь Южной Руси, то Миндовг весь вышел из языческой поры: он не только лукав и изворотлив, он также и жесток; это настоящий варвар: неразборчивый в средствах; свет христианского учения еще не успел коснуться, смягчить и облагородить его душу.

3. Холм или Вильна?

Кому предназначено объединить западные русские земли?

1. Еще до татарского ига отлив населения из Киевщины и Переяславщины частью в Суздальский край, частью на запад, в сторону Волыни и Галича, как бы предвещал будущее образование нескольких центров, вместо прежнего единого (Киевского). С появлением татар Русская земля действительно раскололась на две половины Северо-Восточную и Юго-Западную. Первая половина сразу нашла свой центр: Андрей Боголюбский, Всеволод III и Александр Невский указали его во Владимире; потомки младшего сына Александра, Даниила, князья московские, лишь слегка передвинули этот центр в западном направлении (Москва), что существа дела не изменяло. Какой центр будет у Западно- и Южнорусских областей?

2. Даниил Галицкий и Миндовг Литовский, каждый, стараются этот центр образовать у себя, в своих областях (стараются! . Конечно, их работа в этом направлении, как и у Александра Невского, не была достаточно осознанною, но по своему будущему значению она приобретала именно такой смысл). Удалось Миндовгу и его преемникам, не Даниилу и его наследникам: Юго-Западная половина Руси объединилась не вокруг Холма (резиденция Даниила), а вокруг Вильны

4. Какие преимущества были у литовских князей?

а) Белая и Черьяя Русь (Полоцк, Минск, Витебск, Новогородок) прилегали непосредственно к Литве; наоборот, Галич, Волынь были отделены от них лесными дебрями, Полесскими болотами и запустелую полосой татарского нашествия (1240) — Киевщиной.

б) И после Батыева нашествия Галич с Волынью много терпел от татар: карательная экспедиция Бурундая (1257); Телебуга и Ногай, воюя в 1280-х годах с Венгрией и Польшей, проходили в передний и обратный путь через земли Галицкую и Волынскую, сильно опустошили ту и другую.

в) Политическое дробление Галицко-Волынской земли между потомками Даниила.

Одним словом, хотя указанная обстановка сама по себе отнюдь еще не была решающею, но литовцам легче было пустить корни, так что впоследствии всякая попытка противодействия со стороны Галича и Волыни осталась бы все равно совершенно бесплодною. Сами эти две области становятся в середине XIV в. добычею Польши и Литвы

V. Литовско-Русское государство.

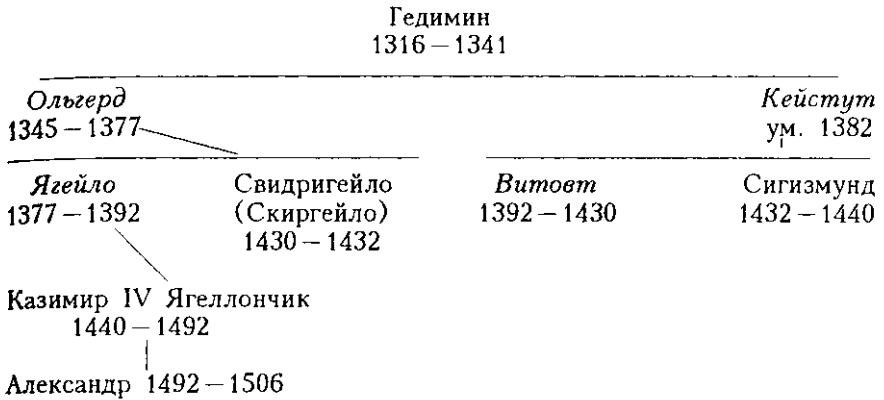
Состав его.

1. Литовские племена: Летьгола, или Латыши, Земнгола (Seinigallia); Коре или Куроны; Жмудь (Samogitia), Прусы, Ятвиги

2. Литовская территория: от Балтийского побережья, между Вислой и Западной Двиной, в глубь материка.

3. Коренные русские земли: Полоцкая, Смоленская, Витебская, Гинская, Чернигово-Северская, Киевская, Пинская, Туровская, Воынь, Подолье, Берестейская с Подляшьем.

Родословная литовских князей (дом Гедимина).

Гедимин и его преемники. 1316—1392.

Гедимин — основатель династии. Заложил город Вильну — столицу. Смуты, наступившие по смерти Миндовга (1263—1316), сводились к спорам отдельных личностей за власть; самое же дело Миндовга: заложенный им фундамент государственного здания оказался прочным, и Гедимину пришлось лишь продолжать начатую работу. Из русских земель были завоеваны:

- а) при Миндовге: Черная Русь, Полоцкое княжество;
- б) после Миндовга: Минская земля;
- в) при Гедимине: княжества Туровское, Пинское, Витебское; Подлясье. Кроме того, битва при р. Ирпени (1320) сделала киевского князя (одного из Ольговичей) вассалом (подручником) Гедимина.

«Киевский князь был в то время одним из тех бедных князьков, которые еле держались с горстью русского населения, уцелевшего после татарских погромов на степной окраине. Мать и краса русских городов в былое время — Киев был после татар ничтожным городком, в котором Плано Карпини, проезжавший через него в 1246 году, насчитывал не более 200 домов. Во второй половине XIII века в нем не было князей, * в 1300 году его покинул и митрополит Максим, удалившийся со всем своим «житьем» на север от татарского насилия. Тогда же, — прибавляет летописец, — и Киев весь разбежался. Едва ли Киев успел со-

браться вновь, как следует, в то время, когда в нем утвердились **Ольге**-**вичи** путивльские с соизволения хана. Но с горстью людей киевский князь не мог держаться в качестве самостоятельного владетеля и **должен** был подчиниться могущественному соседу, тем более, **что этот** сосед мог до известной степени оберегать его от татар» (Любавский)

Ольгерд (1341 — 1377; великий князь с 1345 г.) Его дела

1. Распространение литовского владычества в Южной Руси, **об**-**ласти** Чернигово-Северская, Вошьнь, Подолье (земли меж Южным Бугом и Днестром; северная часть их с городами Каменцем и Бакотой), Киевская земля окончательно вошла в состав Литовского государств;! теперь там не князь-подручник, как при Гедимине, а князь-наместник

2. Виды на Новгород и Северо-Восточную Русь Соперничество с Москвой; Смоленские князья в зависимости от Ольгерда, Псков временно под его влиянием; нападение на Можайск (1341), поддержка Тверского князя в его борьбе с Москвою; с тверскими войсками Ольгерд дважды под стенами Москвы (1368, 1370).

3. Владения Ольгерда простирались от Балтийского моря до Черного, от Западного Буга до Угры, Оки и истоков Сейма.

4. Борьба Ольгерда с Казимиром польским за Вошьнь' в 1377 г они поделили ее между собою (западная и восточная половины) Галицкая земля еще раньше захвачена была поляками (1349)

Ягейло (1377 — 1392: литовский князь; 1386 ~ 1434. польский **король**). Неустойчивость княжеской власти, внутренние распри (вероломное убийство дяди Кейстута; мятежи областных князей), опасность от Немецкого ордена, побудили Ягейлу и областных князей Гедиминова рода пойти на великую жертву поступиться политической самостоятельностью своего государства, лишь бы обеспечить себе поддержку **поляков**.

Обязательства Ягейлы. Договор 1385 г., заключенный в Криве.

1. Принять католическую веру со всем народом литовским
2. Предоставить государственную казну Княжества на нужды **Польши**.
3. Выпустить пленных христиан на волю, и — самое главное
4. на вечные времена присоединить свои земли к короне Польской (инкорпорация).

Для большей скрепы договора Ягейло женился на Ядвиге, **коро**-**левне** польской (1386). В Литве и Польше государем стал один человек — Ягейло (Владислав — христианское имя)

Примечание. *Инкорпорацией* называется такое присоединение области или целого государства, когда оно теряет свою прежнюю политическую самостоятельность, сливается с другим в **одно** политическое тело, как бы пропадает в нем, поглощается им. Обыкновенно это является

следствием *завоевания*, несчастной войны или полного бессилия, распада, позволяющего соседям безнаказанно хозяйничать в стране (римские провинции; присоединение Новгорода при Иване III; судьба Польши по трем разделам и пр.). В данном случае Ягейло, однако, поступал добровольно, внешне никем и ничем к тому не вынужденный.

Была ли такая жертва действительно необходима? В состоянии ли она была оправдать возлагавшиеся на нее надежды? Пойдет ли само население Литовского княжества на такую политическую смерть и согласится ли выполнить договор 1385 года? События уже в ближайшее время дали на эти вопросы ответ отрицательный.

Кревский договор и брак Ягейлы. Их значение в жизни литовской и русской народностей. В течение полутора столетий (1238—1386) литовцы создали обширное государство, главным образом из русских земель. Такое приращение Литовского княжества сопровождалось обычным в истории явлением: встретив на новых местах народность с более высокой культурой, литовцы, хотя и победители, духовно подчинились побежденному народу. Они постепенно стали принимать от русских христианство по православному обряду, усваивать русские обычаи и порядки. Уже некоторые члены семьи Гедимина были православными; семья Ольгерда почти сплошь принадлежала к греческой Церкви, сам Ольгерд перед смертью даже принял схиму, к этому времени насчитывают 56 литовских князей, принявших православие. В Вильне появились православные храмы и православные священники. Брачные союзы с русским княжеским домом особенно содействовали распространению в Литве христианства, и именно по обрядам греческой Церкви. 16 русских княжон уже успели выйти замуж за литовских князей, и 15 литовских князей поженились на русских княжнах. Постепенно русский язык становится языком административным, судебным; законодательные акты, правительственные распоряжения составляются по-русски; в самой Вильне, столице Литвы, при дворе литовских князей, русский язык вытесняет язык господствующего племени. И это неудивительно: население Вильны было по преимуществу русское; даже многим позже, во времена Изана Грозного, русских там было с'полгорода, не меньше.

Все эти успехи достигнуты были, разумеется, не сразу. Христианство первоначально было только терпимо; языческие жрецы долгое время не оставляли его в покое; Кейстут до конца жизни оставался закоренелым язычником; Ягейло, сын Ольгерда, хотя и воспитанный Матерью-христианкой, первоначально тоже держался веры своих пра-^вдцов. Однако главное уже было достигнуто: линия поведения в борону сближения с русской народностью и, до известной степени,

поглощения ею, была уже обеспечена, — брак Ягейлы с Ядвигаю насильственно порвал работу и нанес ей непоправимый удар, искажив принятое направление и направив жизнь литовской и русской народности совсем по иному руслу.

Витовт. 1392—1430.

Внешняя политика.

Отношения к Польше. — На Востоке Московская Русь Па Юге: Золотая Орда. — На Западе. Немецкий Орден.

1. *Договор 1392 года.* Литва не примирилась с потерей политической самостоятельности, второстепенные князья и первостепенное боярство не снесли унижения; те из них, кто исповедовал православную веру, чувствовали его вдвойне: по закону 1387 г. брак новообращенных в католичество литовцев с православными русскими допускался лишь при условии перехода последних в католичество, преступившие его подвергались телесным наказаниям. Недовольство перешло в открытый мятеж; во главе его встал Витовт. По договору 1392 г. Ягейло признал Витовта пожизненно великим князем в Литве, а тот обязался всегда быть на стороне Польши, и хотя неразрывная связь с Польшей, согласно договору 1385 г., осталась ненарушенной, все же Литва добилась теперь известной самостоятельности. Своим успехом Витовт обязан был княжатам и боярству — здесь надо искать корни того привилегированного положения, каким впоследствии пользовались в Литве высшие классы, и зависимости от них великокняжеской власти.

Успех, однако, был далеко не полным: коренных изменений в соглашение 1385 г. договор 1392 г. не вносил: *принципиально* Литва продолжала оставаться неотъемлемою частью Польского государства, уступка делалась *лично* Витовту, была частною сделкою; по смерти его Литва снова переходила в руки Ягейлы или его наследников, снова переставала быть *государством*. Чтобы вернуть свою государственность, совсем разбить цепи, наложенные на нее договором 1385 г., Литве предстояло сделать еще немало.

2. *Москва.* В деле объединения Северо-Восточной Руси Витовт среди литовских князей самый опасный противник московских князей для московских Даниловичей пока еще не существует Зарубежной Руси (т. е. они пока еще не думают о присоединении западно- и южнорусских земель); все их внимание пока сосредоточено на северо-восточных областях — программа же Витовта значительно шире: владея западными и южными областями Русской земли, он домогается и северо-восточных. Он:

1) завоевывает Смоленск (1395); 2) требует подчинения себе от Новгорода; ищет себе в этих целях помощи у Ордена, предоставляя ему захват Пскова; 3) делает рязанских князей своими вассалами; 4) дает приют бежавшему Тохтамышу, обещается помочь ему воца-

риться в Золотой Орде с тем, чтобы тот, в свою очередь, помог ему дотом взять Москву; 5) Тверь вновь заключила с ним союз, признала «многих русских земель государем», 6) пограничные с Москвою мелкие князья Брянские, Воротынские, Новосельские, Одоевские — те и не думают сопротивляться' совсем в его власти.

Восточная граница Литвы при Витовте отстояла всего почти на день езды от Москвы. Малолетний Василий II, внук Витовга, находился под его покровительством и вместе с князьями Тверскими и Рязанскими явился в Вильну ко дню предполагавшегося коронования (Дашкевич); самым присутствием своим он лишь подчеркивал второстепенное значение Московского княжества. Политический перевес Литвы над Москвою был очевидный Недаром же Вигозта звали «держателем всей Русской земли»

3. *Имела ли наступательная политика Витовта на Восток внутреннее оправдание?* Полное. Витовт, конечно, литовский князь, но по этнографическому составу населения, которым он правил, по административным порядкам, сложившимся в Литовском государстве, его с одинаковым, если еще не с большим правом, можно было назвать русским князем. При нем русские земли составляли девять десятых территории Великого Княжества Литовского. «Уже Миндовг имел свою резиденцию в Новгороде, т е на территории Черной Руси, Руси Литовской, как она иногда называется. Во время смуты, наступившей после смерти Миндовга, та же Русь явилась оплотом для Миндовгова сына Воишелка, когда он начал спасение княжества от разложения, ему грозившего. Это было естественно русские земли уже имели вполне сложившуюся организацию и управления, и военных сил — коренная Литва таковой еще не успела выработать. Русская культура, государственность и общественность, как более высокие, должны были неизбежно сыграть крупную роль в молодом Литовско-Русском государстве. Организация военного дела, постройка городов-крепостей, их гарнизоны и управление, княжеское хозяйство и администрация, — предлагались литовцам в готовых формах и легко усваивались ими. «Русские названия должностей (городничий, наместник, тивун, конюший, ключник) появляются и в коренных литовских землях; русское слово «бояре», в значении воинов-землевладельцев, сдел яось общим именованием этого класса почти по всему государству. Русский язык становится языком великокняжеского двора. Государственной канцелярии, делается мало-помалу государственным языком в центре и во всех областях Великого Княжества Литовского, Даже коренных литовских, ибо литовский язык не был еще в состоянии служить потребностям развивавшейся жизни Литовско-Русского государства. «Русская вера», православие, еще в сыне Миндовга, Воишелке, имела своего горячего последователя. Браки литовских князей с Русскими княжнами еще больше закрепляли русское влияние. Вильна явилась центром именно Литовско-Русского государства, а не просто

Литовского княжества. Русские земли после монгольского завоевания собирались около двух центров, Литвы и Москвы, и шансов на завершение этого процесса, как должно было казаться поначалу, едва ли было не больше у первой, чем у второй» (Лаппо).

4. *Поражение на Ворскле.* Поддержка Тохтамыша привела Витовта к вооруженному столкновению с Золотой Ордой. Темник (начальник над военными силами) Эдигей нанес ему на берегах Ворсклы тяжелое поражение (1399). Что было выгоднее для Москвы: поражение или победа Витовта? Победа Эдигея, несомненно, усиливала Орду, а победы Витовт, он мог бы пойти с татарскими силами на Москву и серьезно угрожать ей. «Конечно, нельзянисколько утверждать, что торжество Витовта и Тохтамыша над Темиркутдуюм имело бы необходимым следствием подчинение Москвы и остальных княжений Восточной Руси Витовту, но нельзя также не признать, что опасность Москве от этого торжества грозила большая» (Соловьев).

5. *Следствия поражения.* Ближайшим следствием поражения на Ворскле был торопливый мир с Новгородом «по старине» (1400) и потеря Смоленска (1401). Впрочем, Витовт вскоре снова захватил его (1404). Опустошение Псковской земли повело к войне с Москвой; мир с нею на реке Угре (1408) и со Псковом (1409) состоялся тоже «по старине».

6. *Договор 1401 г.* Другим следствием поражения на Ворскле было новое скрепление уз, соединявших Литву с Польшей: подтверждена основная мысль договора 1385 г.: по смерти Витовта литовцы признают своим государем польского короля. Витовт признал старшинство над собою Ягейлы и обещался сохранять верность и покорность королю и короне Польской. «По его примеру присягу в верности принесли и другие литовские князья. Для более прочного скрепления унии привлечено было и литовское боярство, проявившее себя к этому времени крупной политической силою. Литовские прелаты, князья, бароны и знатные люди, собравшиеся в Вильне, за себя и всю знать и обывателей Великого Княжества Литовского обещали королю польскому и панам никогда не покидать их, но помогать им и оборонять их от всех врагов, стеречь их добро, как свое собственное» (Любавский). Таким образом, договор 1401 г для Витовта означал узы с Польшей и духовную зависимость от собственной знати. Вскоре из духовной она станет юридической.

7. *Грюнвальдская (Танненбергская) битва.* Скрепка литовско-польской унии; утверждение в Смоленске; мир с Москвою и Псковом - позволили Витовту повернуть свои силы, на этот раз в единении с Польшею, против общего их врага — Немецкого Ордена. Ему и Ягейле удалось собрать против немцев значительные силы; тут были* поляки, литовцы, русские, чехи, мораване, татары. Витовт привел русские полки: Смоленский, Полоцкий, Витебский, Киевский, Пинский, Ягейло выставил семь русских полков из земель Холмской, Львовской,

Подольской и др. Пришли на помощь новгородцы, татары. Много дало с обеих сторон; немцы были совершенно разбиты. На полях Грюнвальда погибли слава и сила Ордена. К сожалению, Ягейло своею медлительностью не довел дела до конца: не захватив вовремя беззащитного Мариенбурга, столицы Немецкого Ордена, он дал последнему оправиться, вследствие чего плоды победы в значительной мере были потеряны.

Однако духовная смерть все равно давно уже сторожила Немецкий Орден; он давно уже начал терять *raison d'être* (смысл) своего существования. Двести лет назад, при своем возникновении, он еще имел нравственное право возглашать: «Мы пришли сюда насаждать истинную веру, обратить язычников в христианство». Теперь язычников более не было: готовясь к битве под Танненбергом, противники Ордена уже не возносили богам языческих жертв, а бросались в бой с молитвою: «Богородица, Дево, радуйся!» Недаром прекратился прежний приток рыцарей из Европы; не стало прежнего воодушевления — и это потому, что исказилась первоначальная задача, во имя которой возник самый Орден. Возвышенная *религиозная идея* уступила место целям чисто земным, материальным. Проповедь христианства отошла на задний план, выдвинулась — *борьба одной народности* с другою народностью, немецкий натиск на Восток (*Drang nach Osten*). Вот почему в истории отношений славянской и немецкой народности битва 1410 года Получила особо знаменательный смысл: в ней видели торжество, устранившее опасность, грозившую славянству вообще; опасность насильственного внедрения германской культуры (германизации), искажения родного языка и быта, всего духовного облика, что уже постигло другие, менее счастливые ... и литовские племена (бодричи, лютичи, Полабские славяне, кашубы, лужичане, Литовские пруссы). Отсюда моральное значение этой битвы. Память о ней и до сих пор неразрывна с мыслью о *возможности* и о *нравственном долге* нашем охранять чистоту духовных особенностей славянской расы и не допускать внедрения того, что ей чуждо по самой природе своей.

Примечание. Свое двойное название битва 15 июля 1410 г. получила оттого, что самый бой происходил между деревнями Грюнфельд (польски Грюнвальд) и Танненберг.

8. *Городельская уния 1413 года.* Счастливым исход Грюнвальдской битвы, достигнутый совместными усилиями, и непрекращающаяся Опасность от соседей (Орден, татары, Москва) еще убедительнее Иодчеркнули необходимость тесного единения между Польшей и Лит-

Такое и получило новую скрепу на съезде 1413 года в Городле ^бе стороны пошли на уступки: инкорпорация Литовского княжества в королевство Польское *формально* подтверждена; католическая Цер-

ковь поставлена в такое же привилегированное положение, каким она пользовалась в Польше, фактически же Литва сделала первый шаг на пути освобождения от уз 1385 г за нею признано право даже после смерти Витовта иметь своего собственного государя, обе стороны обещались выбирать короля или великого князя не иначе как по взаимному согласию и совету

Две особенности Городелоского соглашения:

А. В силу принципа инкорпорации и признанного за католической Церковью привилегированного положения, на литовскую *католическую* знать перенесены были все права и привилегии польской знати право на герб, право на должности, право быть советниками сво(го государя в делах государственных, право совместно с польскими товарищами выбирать будущих польских королей и великих князей литовских - русские же бояре как православные от названных прав были устранены. Этим: 1) внесен разлад социальный, 2) католичеству облегчен доступ и проникновение в православную среду.

Б Привилегированное положение знатного литовского боярства, особенно два пункта: право быть советниками и право выбирать себе государя, — положили начало прямому ограничению власти великого князя в Литве По примеру Польши, это боярство стало теперь называться панами «Плотным кольцом окружили они своего господара великого князя, сделались его обычными советниками и сотрудниками и стали пользоваться его милостями предпочтительнее перед князьями и боярами других земель Великого Княжества. Витовт стал сажать их своими наместниками даже по русским областям, с ними же преимущественно стал решать важнейшие государственные вопросы в своей думе или *раде* на общих съездах или *сеймах*» (Любавский). Все эти привилегии поселили разлад между Литвою и подвластной ей Русью и вызвали внутренние потрясения сейчас же вслед за смертью Витовта

Внутренняя политика.

1 *Областные княжения.* Крупные областные княжения Витебское, Полоцкое, Смоленское, Киевское, Подольское, Волынское были упразднены; вместо князей там назначены наместники (воеводы, *сіаросты*). Впрочем, сами области сохранили свою самобытность и особенности; при Казимире они были подтверждены и даже расширены. Мелкие же княжества: Мстиславское, Слуцкое, Пинское, Городецкое, Кобринское, Вельское, Стародубское, Новгород-Северское Витовт оставил на прежнем положении уделов.

2 *Независимая митрополия.* Григорий Цамвлак избран в киевские митрополиты; литовско-русская Церковь административно откололась от митрополии Московской и стала от нее независимую (1416)

а) *Политические мотивы такого отделения.* Ср жалобы Ольгерда на поведение митрополита Алексея называется митрополитом «Киевским и всея Руси», а живет постоянно в Москве и в делах

политических всегда держит ее сторону! б) Почему Москва отказала в санкции такому отделению? 1) Мотивы церковно-религиозные: нарушалось духовное единство русской Церкви; 2) Мотивы политические: выпускалось из рук могущественное орудие — возможность оказывать давление на действия литовских князей (против чего Витовт главным образом и боролся)

в) *Недолговременность церковного разъединения*, после смерти Цамвлака (1419) обе церкви воссоединились снова. Витовт снова признал главенство Фотия Московского. Через 40 лет разъединение, однако, возобновится, и на этот раз будет продолжаться с лишком два века (до 1688).

3. *Королевский титул*. Император Сигизмунд I и Немецкий Орден оказали содействие Витовту в получении им королевского титула единение Польши с Литвою было невыгодно им обоим. Но помешали поляки, перехватив на дороге корону, посланную Сигизмундом. Какой расчет им было мешать Витовту? Они постоянно подчеркивали Литва дана Витовту лишь пожизненно; в ней он только правитель, а не государь. Поляки не без основания опасались, что, коронуйся Витовт и **стань** литовским королем, — от договора 1385 г. останется одно жалкое воспоминание.

Преемники Витовта. 1430—1492.

Скиргейло и Сигизмунд.

Это двоюродные братья. Они ведут спор за великокняжение **Первый** отстаивает интересы русские, второй — литовские: борьба, таким образом, окрашена в национальные тона, с особою силою обнаружив этнографическую двойственность Литовского государства. Скиргейло устранен от престола (1432; ум. 1452 г. ленником Казимира, владея **Волынью**), но русское дело он отстоял: русские князья, знатные люди и **бояре** (правда, лишь в пределах собственно Литвы и Руси Литовской (так называемой Черной Руси, значит, не на всем пространстве великого княжества), уравнивались в правах с литовцами католиками (привилеги **Лен** 1432 и 1434 гг.), — иными словами, исключительность привилегий, созданных Городельскою унией 1413 г. для католиков, была **устранена**: русские православные князья и бояре тоже получили право на гербы, на занятия правительственных должностей, освобождались от Повинностей, могли свободно распоряжаться своею земельною собственностью (наследственными и пожалованными именьями) — только на этих условиях мог Сигизмунд одолеть Скиргейлу и удержать за собою великокняжеский престол.

Зато Сигизмунд, поддержанный поляками, должен был **восстановить** прежнюю унию Литвы с Польшею, обязавшись передать великое **Княжество** по смерти своей Ягейлу и короне Польской, и вообще стать в

служебное положение к польскому королю. Кроме того, он отказывался от Подолья и соглашался на включение его в число польских земель

Казимир IV Ягеллончик.

Казимир IV, младший сын Ягейла (1440—1492: польским королем с именем Казимира IV Ягеллончика с 1447 по 1492 г.).

Смута в Литве. После смерти Сигизмунда в Литве началась смута, проявился областной сепаратизм: кто стал за Скиргейлу, кто за Михаила, сына Сигизмунда. Владислав, король польский (старший сын Ягейлы и преемник его), хотел посадить Казимира, младшего брата, на Литве не государем, а своим наместником, литовцы в **ответ** самолично избрали Казимира великим князем. Уния, таким образом, была порвана: обе стороны нарушили соглашение: 1) Владислав — потому что в Литве должен быть князь-государь, а не наместник, 2) литовцы — потому что единолично, без поляков, они не имели права выбирать кого бы то ни было.

Избрание Казимира на польский престол. Владислав сложил **свою** голову под Варной, в битве с турками (1444). Поляки избрали в преемники ему Казимира (1445). Опасения, как бы с принятием польской короны и переездом в Польшу, не утратить Литвы, побудило Казимира закрепить свои узы с литовско-русским населением и выдать ему привилей 1447 г. Привилей этот составил эпоху в истории Литовско-Русского государства.

Привилей 1447 года.

1. Это первый *общеземский* привилей Литовско-Русского государства: он охватывает не одну Литву и так называемую Литовскую Русь, но вообще все области великого княжества.

2. Под Привилей подведены не только высший, привилегированный, и средний, землевладельческий, классы, но также и городской, притом впервые без различия национальностей и вероисповедания литовцы и русские, католики и православные.

3. Подтверждая прежние привилегии, Привилей 1447 г. дополнял их новыми:

а) Великий князь отказывался от податей, которые, натурою и деньгами, вносили ему крестьяне, жившие на землевладельческих землях, у панов, бояр и шляхты, — последние могли теперь использовать эти подати в свою личную пользу. Экономически такая мера настолько обессилила великого князя, что впоследствии, когда издержки на войну значительно истощили его казну, ему нечем было оплачивать их и нередко приходилось выпрашивать у помещиков и вотчинников литовских субсидий на покрытие государственных нужд, покупая согласие ценою новых вольностей и ограничения власти

б) Великий князь отказывался от суда над землевладельческими крестьянами; их теперь судил их владелец, как «господарь» своих

«подданных», великокняжеские же судьи не смели вмешиваться в его постановления и расправу

Оба эти пункта, несомненно, ограничивали государственные права великого князя: часть этих прав переносилась на землевладельческий класс; создавались отношения, напоминающие отношения сюзерена к вассалу в Западной Европе.

в) Великий князь обязывался замещать духовные католические должности предпочтительно литовцами, не иностранцами (т. е. не поляками).

г) Великий князь обязывался раздавать земли, должности и почетные звания только прирожденным жителям Великого княжества, не иностранцам (неполякам).

д) Казимир обязался сохранить за Великим княжеством Волянь и Подолье: не допускать присоединения этих двух областей к Польше

Привилей 1447 года стал отправным пунктом последующего превращения великого княжества в аристократическую монархию.

Окончательное отделение западнорусской Церкви от восточно-русской (московской). Разделение, начатое при Цамвлаке, завершилось в 1450 г. образованием двух самостоятельных митрополий московской и киевской. Григорий, протодиакон митрополита Исидора (принявшего унию на Флорентийском соборе) назначен был митрополитом в Киев. Однако его уния с Римом практически осталась бесплодной, встретив противодействие в православном духовенстве и, еще более, в массе народной; зато она поселила раздор, религиозный и национальный, и значительно содействовала отпадению мелких русских князей и переходу их со своими отчинами на сторону московского князя (князя Вельский, Воротынские, Одоевский, Мезецкие, Вяземские и др.) и разрыву с Москвою.

Областная автономия. При Казимире областная автономия сделала большие успехи: областные сеймы участвуют вместе с центральной властью в назначении главных правителей области, в издании законов (Судебник 1468 г.), в решении вопросов внешней политики

Феодальный строй. При Казимире же окрепла и власть местных землевладельцев: они встали в положение, сходное с положением феодалов в Западной Европе. Великий князь — главный сюзерен; Удельные князья (на Западе им соответствовали принцы крови, герцоги) — его высшие вассалы; под их рукой — князья волостные, Крупные бояре, «земяне» (на Западе: графы, бароны); следующая ступень — мелкие бояре, шляхта (на Западе: рыцари). Все эти категории имеют своих «подданных»: свободных людей и рабов-холопов. Обязанные повинностью своему сюзерену, они пользуются правами сударя («господаря») по отношению к своим вассалам и «поданным» (суд, управление, повинности податные, всякого рода: деньгами и Натурою). Уничтожение крупных областных княжеств при Витовте Ущности дела (отношений) не изменило.

Личная уния. Казимир был первым великим князем литовским носившим польскую корону и в то же время *фактически* владевшим великим княжеством. Уния обоих государств в лице одного общего государя при нем наконец осуществилась, и с этой поры почти постоянно имея общих государей, Литва и Польша теснее сближаются одна с другою (Дашкевич).

Выгодные и невыгодные стороны союза Литвы с Польшей

Плюсы:

1. Борьба с Тевтонским орденом ведется общими усилиями.
2. Татары тоже общие враги Литвы и Польши.
3. При столкновении с Москвою у Литвы обеспечен ее тыл.

Минусы:

1. Литва лишилась возможности держаться самостоятельной программы: натиск поляков на ее политическую самостоятельность она еще с успехом отстаивает на протяжении всего XV столетия *Формально* отстоит ее и на Люблинской унии, но в действительности с 1569 г. всецело войдет в орбиту польской жизни и пойдет туда, куда ее поведут.

2. Обрусение литовского населения, с самого начала достигшее больших успехов, было насильственно приостановлено внедрением в Литву польских, и притом католических, элементов.

3. Литва была государством *ЛИТОВСКО-Русским*, преобладающий состав населения был русский: две трети его при Гедимине; девять десятых со времени Витовта. Собственно литовский элемент оказался на перепутье: начал было с русской ориентации, потом метнулся в другую сторону. И вся история литовская, вплоть до наших дней, свидетельствует: ни собственного русла литовцы не нашли, ни с одним из чужих не могли слиться. Начали было сливаться с русским руслом — помешали поляки, потянули к себе поляки — стала мешать Москва.

4. Исконный русский элемент жил демократическим укладом - введение католичества и порядков польского аристократического строя внесло противоречие и разлад в общественные отношения. Успех Литвы в предстоящей неизбежной борьбе с Москвою был заранее подорван в корне: русско-православное население Литвы готово было видеть *своих* не в местной власти, а в чужой, московской.

VI. Объединение Северо-Восточной Руси.

A. Возвышение Москвы в XIV веке.

1. Родословная московских и тверских князей.

Ярослав, сын Всеволода III, ум. 1245 г

Московская линия	Тверская линия
Александр Невский, ум. 1263 г.	Ярослав Тверск 1253—1271
Даниил, младший сын, ум. 1303 г.	Василий Костромск 1271—1276
Юрий, 1318—1325; Иван Калита убит в Орде 1328—1341	Михаил, 1305—1318, убит в Орде, 1318
	Дмитрий Грозные Очи 1320?—1325 убит в Орде, 1325
	Александр 1325—1328 убит с сыном Федором в Орде, 1338

Симеон Гордый
1341—1353

Иван II, 1353—1359

Дмитрий Донской 1362—1389

Василий I, 1389—1425

Василий II, 1425—1462

Иван III, 1462—1505

NB. Указанные годы означают или великокняжение, или смерть

2» Борьба Юрия и Ивана Калиты, сыновей Даниила,
с¹ тверскими князьями за великокняжение.

Город Москва впервые в наших памятниках упоминается под 1147 годом. Даниил, младший сын Александра Невского, был основателем Московского княжества (1263). Своими кровавыми страницами история распри Москвы с Тверью переносит нас в эпоху грубого варварства и бессердечного эгоизма, напоминает отдаленные времена средневековья, когда возникали и складывались германо-романские Государства на обломках Римской империи и когда неразборчивость в средствах проявлялась рука об руку с жестокостью нравов. Немало Преступного показала нам русская жизнь в дотатарский период, но ^Перь, под несомненным влиянием ига, жестокие нравы и презрение

даже к наиболее скромным требованиям морали сказались особенно ярко и беззащитно.

Первоначально удача на стороне Михаила Тверского, но Юрий старший сын его двоюродного брата Даниила, едет в Орду, женится на Кончаке, сестре хана Узбека, и получает желанный ярлык. Михаил добровольно его не уступит: он идет войной на Юрия и разбивает его. На беду Михаила, Кончака, попавшая ему в руки, умирает в плену. Хану доносят, что ее отравили. Разгневанный Узбек вызывает Михаила в Орду и велит его замучить (1318). Тогда старший сын Михаила, Дмитрий Грозные Очи, мстит за смерть отца в самой Орде, чуть не на глазах хана, он убивает Юрия (1325), за что и сам, однако, платится головой (1325). Впрочем, это еще не окончательная победа Москвы: ярлык дан не Ивану Калите, брату убитого Юрия, а Александру, брату убитого Дмитрия Тверского: щедрые подарки Александра дали ему перевес. Но злой рок преследует тверских князей: если у Михаила умерла сестра хана, то у Александра тверитяне убили ханского посла Чолхана, творившего со своими татарами всякого рода насилия над ними. Все шансы теперь на стороне Ивана, он спешит в Золотую Орду и без особого труда получает ярлык (1328). Узбек изгоняет Александра из Твери; тот бежит в Литву, но потом, за деньги, хан позволяет ему вернуться на родину. Калите, однако, его соседство опасно, он успевает очернить Александра и добывается его вызова в Орду, где Александра и убивают по приказу Узбека (1338).

3. *Pax Joannis.*

Иван Калита добился не одного только великокняжения он выхлопотал себе право собирать со всей Русской земли татарскую дань и самому пересылать ее в Орду. Новый порядок оказался выгоден всем: хана он избавлял от хлопот, гарантировал его от недоимок; население и, в частности, всех русских князей избавлял от приезда ханских чиновников, являвшихся обыкновенно с вооруженным конвоем, который грабил и обижал народ. Всего же выгоднее новый порядок оказался московским князьям: он делал их хозяевами положения, ставил остальных князей в экономическую от них зависимость (ведь не всегда же налицо у каждого князя находились к сроку свободные деньги!); при смутах в Орде собранная дань туда не посылалась, оставаясь в московской казне; наконец, бесконтрольный сбор ее неоднократно давал случай собирать ее в большем размере, чем какой полагался.

Кроме того, Иван Калита умело сочетал интересы личные с интересами общественными. В Орде он скупал русских пленных, освобождал их, таким образом, от рабства, приводил в свое княжество и

садил на землю, увеличивая население Московского княжества, которому рабочие руки были весьма необходимы¹

Современники Ивана в особую заслугу ставили ему установление тишины, безопасности, внутреннего наряда, до тех пор постоянно нарушаемого усобицами князей и вторжениями татар: «Сидел Иван Данилович (говорит про него летопись) на великом княжестве всея Руси, и перестали поганые воевать Русскую землю и убивать («закалати») христиан; и отдохнули, и упочили христиане от великой истомы и многих тягостей, и от насилия татарского, и была с той поры тишина великая по всей земле в течение 40 лет»

«Борьба Твери с Москвою была последнею сильною, ожесточенною, кровавою борьбою двух княжеств, стремившихся к окончательному усилению. Для Москвы средства к этой борьбе были приготовлены еще при Данииле; начал борьбу и неутомимо продолжал Юрий Данилович. Калита умел воспользоваться обстоятельствами, окончить борьбу с полным торжеством для своего княжества и дал современникам почувствовать первые добрые следствия этого торжества; дал им предвкусить выгоды единовластия, почему и перешел в потомство с именем первого собирателя Русской земли» (Соловьев).

4. Борьба за Владимирский стол преемников Калиты.

1) Смерть Ивана Калиты снова поставила на очередь вопрос о великокняжении. В Орду съехались претенденты (князья московский, тверской, суздальский, ярославский), снова начались интриги и подкупы. Перевесила и на этот раз Москва в лице Симеона Гордого.

2) По смерти Симеона (он умер от моровой язвы, «черной Смерти», свирепствовавшей тогда по всей Европе, 1353 г.) состязание идет меж Москвой и Суздалем. Суздальские князья — старшая ветвь в потомстве Александра Невского. В лице их «Родовая Лествица» еще раз выдвигает свои права, но тщетно: Владимир отдан Ивану Московскому.

3) По смерти Ивана, в малолетство его сына Дмитрия, Суздаль снова бросается в бой и, пользуясь смутами в Орде, не щадя денег, одерживает верх: Дмитрий Константинович Суздальский возвращается из Орды с ханским ярлыком на великокняжение. Но его торжество недолговременно (1359—1362). Те же смуты и те же деньги вернули Дмитрию Московскому стольный Владимир и связанное с ним положение великого князя.

4) Вторично борьбу за Владимирский стол Дмитрию приходится нести с Михаилом Тверским; она осложнена вмешательством Ольгерда, Принявшего сторону Твери. Литовский князь с тверитянами подступил Под самые стены Москвы (1368). Впервые за 40 лет (1326—1368) Москва испытала вражеское нашествие; впервые враг проник до самого ее

¹ См. Приложения. № 27: «*Купли*» Ивана Калиты».

сердца. Дмитрий только что перед тем (точно предчувствовал), после пожара, спалившего его столицу (1365), огородил (1366) Московский Кремль, вместо сгоревших деревянных, каменными стенами, — теперь они сослужили ему добрую службу. Под Москву Ольгерд появлялся еще раз (1370), но так же неудачно. В третий поход его даже и до Москвы не допустили, заставив повернуть с дороги обратно. Борьба кончилась торжеством Дмитрия: Тверской князь отказался от своих притязаний и признал себя «младшим братом» великого князя московского (1375).

В этой борьбе за великокняжение деятельную поддержку сыновьям Калиты, особенно его внуку, оказали московские бояре и московское духовенство (см. ниже).

5. Судьба города Владимира.

1) *Годы 1169 — 1263.* Старший стол Северо-Восточной Руси и одновременно резиденция великих князей. Им владеют и живут в нем с титулом великого князя князья Владимирские. Андрей Боголюбский, Всеволод III; сыновья Всеволода. Константин, Юрий, Ярослав, сыновья Ярослава: последним был Александр Невский (1252-1263).

2) *Годы 1263—1328.* По-прежнему старший стол в Северо-Восточной Руси, но уже не резиденция великих князей. Владимиром владеют и носят титул великого князя Владимирского, не переезжая в него, а оставаясь в своих наследственных уделах: Ярослав *Тверской*, Василий *Костромской*, Дмитрий *Переяславский*, Андрей *Городецкий*, Михаил *Тверской*, Дмитрий *Тверской* Грозные Очи, Александр *Тверской*.

3) *Годы 1328— 1389.* Номинально положение Владимира не изменилось: как в 1263— 1328 гг., он остается стольным городом, но символическое значение его как политического центра тускнеет: московские князья, владея им, не только не живут в нем, но и именуют себя великими князьями московскими. Москва реально совсем заслонила Владимир, но в ранге городов она все еще стоит на втором месте.

4) *С 1389 года.* В действительной жизни совершенно отступив на второй, даже на третий план, Владимир de jure еще сохраняет некоторое время свое «первопрестольное» значение: в титуле московских государей «Владимирское» княжество стоит впереди «Московского». «Божиею милостью государь всяя Руси и великий князь Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский ит д.». Обряд восшествия на престол продолжает совершаться во Владимире вплоть до 1432 г.; ханские повеления по-прежнему объявляются во Владимире, в тамошнем Успенском соборе. Лишь с Василия II и особенно с Ивана III окончательно стираются в пользу Москвы последние остатки былого «царственного» положения города Владимира.

§ *рост московской силы.*

рост этот проявляется с каждым новым княжением все нагляднее 0 убедительнее. Вот некоторые из внешних его проявлений.

1) Иван Калита — «великий князь *всёя* Руси» (первый, кто придал себе этот титул со значением *всероссийского* князя, был соперник Калиты, Михаил Тверской).

2) Симеон Гордый — «все князья русские даны были *под руки*» ему, ^т ^е стали его *подручниками*. Сравн упреки Мстислава Храброго Андрею Боголюбскому: ты-де хочешь сделать нас, своих братьев, своими подручными — теперь, 170 лет спустя, подобного упрека Симеон Гордый уже не слышит.

3) Михаил Тверской, сохраняя титул «великого князя», признавал **себя младшим братом** Дмитрия Донского, подобно любому удельному московскому князю.

4) Дмитрий Донской — «всех князей русских привожаше *под свою волю*, а которые не повиновашуся воле его, а на тех нача посягати» Своему двоюродному брату Владимиру Андреевичу Храброму он «отец»; старший сын Дмитрия Донского, Василий — Владимиру не племянник, а «старший брат»; второй сын Донского, Юрий, — просто «брат», т. е. равный ему. В грамотах Владимир «бьет челом» Дмитрию, а тот «жалует» его.

После Дмитрия Донского не может быть и речи о сопротивлении московским князьям. Если Северо-Восточная Русь полностью вся еще и не собрана, то самый путь, по которому должно завершиться это собрание, предрешен уже окончательно, и никакая сила не сдвинет с **него** начатого дела.

7. *Упадок родовых отношений.*

Параллельно усилению Московского княжества, всецело **обязанного материальной** силе, заметно гаснет чувство родственности, в прежнее время служившее столь прочною скрепою в междукняжеских отношениях: *родство* отступило на задний план, впереди выдвинулись индивидуальные интересы, забота о собственной личности, а главное, **Потеря** веры в силу родства.

Вот договор великого князя Симеона Гордого с братьями Иваном и Андреем (после 1341 г.): «целовали между собою крест у отцовского гроба. Быть нам заодно до смерти; брата старшего иметь и чтить в отце-**Но место**; а тебе, господин, князь великий, без нас не доканчивать ни с **Кем**. Кто из нас что примыслил или прикупил, или кто после (этого **договора**) что прикупит или примыслит чужого к своим волостям, того **Люсти** и не обидеть». Договариваются не столько братья, сколько от-^чельные владельцы, которые уже не верят родственному союзу ^иМладшие родичи требуют поддержания прежних родовых отношений, ^{но}**уже то** одно, что они заключают договор со старшим, показывает

тщету их требований. Прежде князья не иначе называли друг друга, как «брат», «отец», «сын» — в нашем договоре младшие братья, обещающая, что будут иметь Симеона во отцево место, не смеют, однако, или не хотят, или, скажу более, не умеют назвать его «отче», но «господин великий князь». Младшие братья всего более толкуют о собственности, о своем участке, чтобы старший не обидел, чего не отнял у них. Каждый предоставляет себе право действовать отдельно, прикупать и промыслять собственно для себя, к своему участку» (Соловьев). Это настоящее торжество удельной системы.

8. Удельные княжества.

Наряду с упадком родовых отношений наблюдается другое явление, *дробление* княжеств на мелкие уделы и превращение их в частно-владельческие имения. Удельный князь XIV — XV вв. совсем не то, что прежний — XI — XII вв. Тогда родовые узы создавали *духовную* близость; тогда еще живо было сознание *общности* интересов, и самая эта общность служила мерилom нравственного поведения, житейской пригодности, соответствия общепризнанным требованиям морали. Теперь — удельный князь прежде всего хозяин, землевладелец (помещик, сказали бы мы применительно к современной речи); у него на первом плане *свои* личные интересы; если не в собственной семье, то в среде потомков Владимира Св. он, сам потомок его, «отрезанный ломоть»; его «хата с краю», особая статья; он ушел в свой эгоистический мирок; его главное внимание поглощено заботами о сохранении и увеличении своего добра, *материального* благосостояния. Доходы с земли, подати и оброки, налоги на население, запашка полей, звериный промысел, бортные угодья заслонили в удельном князе его *политическое* лицо. Это не значит, чтобы удельный князь перестал быть *государем* в своем уделе, — нет, он, как подобает государю, независим от великого и всякого иного князя в управлении и в суде над местным населением; он обладает правом чеканить свою собственную монету, вести (хотя и с некоторыми ограничениями) дипломатические сношения с другими государями, т. е. пользуется прерогативами, которых у частного человека не может быть; он может закрыть границы своих владений, запретить проезд через свои земли, не дозволить приобретать у себя недвижимую собственность, — и тем не менее облик князя-государя сильно заслонен князем-вотчинником.

Дроблению подвергалось и великое княжество Московское; и здесь великий князь по завещанию делит свои владения между членами своей семьи, притом не только между одними сыновьями" он не забудет и жену с дочерьми, наделит и их селами и городами; однако, по самому положению старшего среди остальных, его политическое лицо выделяется выпуклее уже по одному тому, что суд и наказания за проступки, сбор для уплаты дани в Орду, самые сношения с Ордуо не дробятся, всецело сохраняясь за ним.

У_ф *Оседлость дружины. Право вольного перехода.*

Оседание князей, превращение их в князей-вотчинников отразилось и на их дружине: она тоже осела, обзавелась землей и превратилась в бояр-землевладельцев. Но она не утратила старого права вольного перехода от одного князя к другому; дружинники и по имени остались прежними *вольными* слугами. Постепенно право это становится номинальным; бояре все реже и реже пользуются им: меньше поводов к уходу; земельная собственность затягивает крепкий узел; однако в сознании право это держится прочно и перейдет, по наследию, к боярам XVI века.

10. *Черты феодализма.*

В обстановке упадка родовых отношений, дробления княжеств и превращения дружинников, прежде всегда готовых сняться с «насиженного» места, в оседлых бояр-помещиков, — социальный и политический строй Северо-Восточной Руси принимает формы, в которых можно уловить черты, если не роднящие их, то напоминающие черты феодального строя в Западной Европе. Крупные землевладельцы (**бояре**, монастыри) получают право самосуда и управления в своих вотчинах и поместьях; в зависимости от размеров пожалованного им поместья, они несут военную службу, выступают в поход, по требованию князя, «конны, людны и оружны». Как на Западе вассалы сеньера имеют собственных вассалов, так называемых аррьер- или подвассалов, так и у нас на Руси таких подвассалов отчасти напоминают «дети боярские»: они тоже получают (уже от боярина-землевладельца) мелкие участки земли и по ним несут свою службу. Господство грубой силы, общее бесправие, экономическая беспомощность порождает так называемое *закладничество*: отдачу себя под защиту сильного. Люди *прячутся* «за хребет» такого сильного человека, становятся «захребетниками», и взамен отплачивают ему его **Помощь** в той или иной форме. Впрочем, все эти явления, как вообще **весь** вопрос о русском феодализме, весьма спорный и удовлетворительно еще не выяснен.

Б. Дмитрий Донской и его преемники. 1362—1462.*Дмитрий Донской.*

Куликовская битва (1380, 8 сентября) Обстановка, в которой она сложилась: а) татары совершают набег и пустошат Нижегородскую область, наносят поражение русскому войску на реке Пьяне, жгут и грабят самый город Нижний Новгород (1377); б) набег татар на Рязанскую область; в) вторичный набег Мамай на Рязань; Дмитрий Донской

¹ См. Приложения. № 28: «Существовал ли феодализм в Древней Руси?».

встречает татар на реке Воже и наносит им поражение (1378). «На Воже была одержана первая большая победа Руси над своими поработителями. Это уже было открытое и решительное восстание великого Московского князя против Золотой Орды» (Иловайский); г) убегая с Вожи, Мамай снова зорит Рязанскую область; д) поход Мамаея в 1380 г имел целью отомстить за последнее поражение и восстановить верховные права Ордынского царя, поправленные дерзким улусником.

В истории русско-татарских отношений, несомненно, наступил резкий перелом. Северо-Восточная Русь перестала только терпеть ненавистное иго, пассивно воспринимать его — насилуем татар она противопоставляет теперь активный вооруженный отпор, переходя сама в наступление; но еще не раз тяжело расплачивается за первые свои попытки освободиться от сковывающих ее уз.

Национальное значение Куликовской битвы: она вызвала сильный подъем народного чувства; подвиг Донского явился национальным подвигом; Олег Рязанский, под страхом нового разорения своей области, отказавшись принять участие в общем деле, был заклемен в памяти народной как изменник *русскому* (не *московскому!*) делу¹

Идейное (моральное) значение победы: она наглядно убедила в возможности одолеть татар, в корень подточила прежнее убеждение в их непобедимости, зародила светлые надежды, укрепила веру в будущее.

Политическое значение победы: огромное. Победа оправдала собирательную политику московских князей и подготовила дальнейшие их успехи в этом направлении. Благословение, данное Сергием Радонежским, закрепив узы Церкви с Московским княжеством, освятило, в глазах народных, самое дело московских князей.

Практическое значение победы — ничтожное. Разбив Мамаея, Москва не стала по отношению к татарам сильнее; торжества над «Азией» победа еще не дала: два года спустя нашествие Тохтамыша закончилось полным разгромом Москвы; Дмитрий снова должен платить дань в Орду: с каждой деревни выдано по полтине; сын Дмитрия, Василий, задержан в Орде и окупа с него в 8000 руб. великий князь избежал лишь потому, что тому удалось бежать из плена.²

Казнь Вельяминова. По смерти тысяцкого Вельяминова (1374) Дмитрий преемника ему не назначил: должность тысяцкого, старого земского происхождения, напоминала былые вечевые порядки; она стесняла великого князя, и он совсем уничтожил ее. Уже теперь, в зародыше, проявился тот антагонизм между властью и боярством, который позже, при Иване Грозном, вырастет в целую кровавую

¹ См. Приложения. № 29: «Роль князей и земщины в борьбе с Мамаем на Куликовом поле».

² Там же. № 30: «Суждение С. М. Соловьева о Куликовской битве».

драму. Сын покойного Вельяминова, видевший в упраздненной должности свое наследственное достоинство, бежит в Тверь, агитирует здесь в Орде против Дмитрия. Добровольное возвращение в Москву (1378) не оправдало его расчетов: он был казнен на Кучковом поле, где теперь Сретенка. Это была «первая торжественная смертная казнь, И был казнен сын первого сановника в княжестве». Казнь произвела сильное впечатление в народе (Соловьев). «... множество народа стояша, и мнози прослезышась о нем и опечалишась о благородстве его и величестве его».

Духовное завещание Дмитрия Донского. Великокняжение Владимирское названо в нем *отчиной* и, как таковое, передано старшему сыну Василию. Это «неслыханное прежде распоряжение» (Соловьев). Дмитрий не допускает и мысли, чтобы кто-нибудь из Немосковских князей мог оспаривать право на великокняжеский титул, провозглашен **новый** принцип: город Владимир есть *собственность* Московского дома. И действительно, принцип этот был молчаливо признан всеми' ни князья (немосковские) не осмелились с тех пор домогаться Владимирского стола, ни Орда ничего не возразила против явного нарушения ее верховных прав.

Василий I.

1) Продолжается рост территории Московского княжества присоединена Нижегородская область и удержана, несмотря на **вооруженный** отпор, данный ее князьями. Настоятельная необходимость охранить свои восточные границы делала для Москвы обладание **Нижним** Новгородом на важном пересечении водных артерий весьма **ценным**. Золотая Орда находилась уже накануне своего распада, и Москве тем более необходимо стать твердой ногою на Средней Волге. Характерно, что Орда сама добровольно отдала Московским **князьям** этот важный торговый и военно-стратегический пункт: **Нижний** Василий получил, купив на него у хана ярлык.

2) Победа над Мамаем (небывалое напряжение; большой надрыв сил), а еще более нашествие Тохтамыша временно ослабили Москву. Ей **не** по силам было предотвратить и нашествие Едигея (1408), а **оно** сопровождалось опустошением центральных областей (Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород. Самой Москвы взять Едигей **не** мог: москвичи отсиделись за своими стенами). В результате — татарский узел, начавший было развязываться, закрепился снова, и **Час** освобождения отодвинулся на более долгий срок.

3) Собрание Северо-Восточной Руси еще не было закончено, а **Москве** приходится выступить в роли защитницы ее интересов, — Исключительно только московских. Еще при Дмитрии Донском торжество Ольгерда под стенами Москвы, если бы оно выпало на его долю, **возило** совершенно изменить тот ход событий, какой начал было там **Наживаться**. Теперь борьба с Витовтом ведется еще напряженнее,

приобретая смысл национального, общерусского дела, хотя современникам, в том числе и самой Москве, таковым оно еще не представлялось. Смоленск неоднократно переходит из рук в руки. Мир на реке Угре оставил его за Литвой, но на условии отказа Витовта от притязаний на Новгород и Псков (1408).

Василий II.

Борьба за великокняжение

Противники Василия: дядя Юрий, а по его смерти сыновья Юрия - Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Особенности этой борьбы

1. Это последняя междоусобица в роде Рюриковичей.
2. Это последняя вспышка и усилие родового начала (дядя выше племянника) отстоять себя, оборониться от притязаний вотчинного начала.
3. «Отчина» одерживает решительную победу: отныне наследование в прямой нисходящей линии, от отца к сыну, обеспечено навсегда.
4. Никогда еще «отчина» не выступала так дерзко против «Родовой Лествицы»: 10-летний племянник против взрослого дяди.
5. Никогда еще «Родовая Лествица» не попиралась так бесцеремонно: никогда еще не высказывалось такого презрения старине, и притом так откровенно. Боярин Всеволожский, защищая в Орде интересы Василия, говорит хану: «Москва — твой улус; ты отдал его отцу, от твоей милости зависит оставить его и за сыном».
6. Никогда борьба еще не велась с таким ожесточением неоднократное нарушение данного слова; зверское ослепление соперников Василия Косого московскими руками (1435), Василия II, в отместку, руками Юрьевичей (1446).
7. Никогда еще боярство, Церковь и население, в его массе, не оказывали Москве, представительнице «отчины», столь энергичной поддержки. Соборное послание митрополита Ионы к Дмитрию Шемяке сравнивает его, за неисполнение договора, с Каином и Святополком (Окаянным); преступно де идти против Василия: он сидит на великом княжении Божиею благодатию, а кому что дано от Бога, того отнять никто не имеет права. Забывая, как еще недавно этому самому Василию разрешено было нарушить свою клятву, послание особенно ставит Шемяке в вину его клятвопреступление и грозит ему церковным проклятием (1447).
8. Характерно, что за все время московской усобицы великие князья рязанский и тверской и пальцем не шевельнули, чтобы использовать затруднения своих давних соперников: они были настолько слабы, что им и думать не приходилось об этом.

Возникновение Казанского царства.

С этой поры набеги на восточную окраину Московского княжества участились, стали упорнее и постояннее. Борьба временами достигала

очень большого напряжения. В 1445 году Василий II был захвачен **В** плен; выкуп стоил больших денег; население было обложено **тяжелыми** податями. Кроме того, великий князь, по-видимому, вынужден **был** принять к себе на службу немало татарских князей, раздав им земли в кормление. Раньше татары только *наезжали* на Русскую землю, грабили ее, как враги, — теперь было положено начало *мирному*, и притом не случайному, а постоянному внедрению татарского элемента в русскую жизнь: из врагов они становились *сотрудниками*, **И** как раньше на Юге, Берендеев, Ковуев, Торков или Черных клубуков расселяли по Стугне и Роси для охраны границы от их же сородичей-половцев, так и теперь татарские князья, принятые на службу, несли однородные обязанности. Так, в 1452 г. царевич Касим получил **на** реке Оке Мешерский городок, ставший с тех пор Касимовым, по **имени** своего владельца. Золотая Орда распалась, да и Русская земля перестала быть легкой для всех добычей, часть татар, выбитых из обычной колеи, нашла для себя более выгодным искать милости и поддержки у своего вчерашнего врага.

Однако это внедрение элемента, к которому население до сей поры **не** чувствовало ничего, кроме ненависти и страха, далеко не всеми встречено было с одобрением. Василия упрекали в потворстве татарам, корили: «А татар любяши и речь их паче меры; а крестьян томиши паче **меры** без милости, а злато и сребро и имение даешь татарам»

Флорентийский собор 1439 года.

Уния, провозглашенная 6 июля 1439 г. папою Евгением IV на соборе во Флоренции, должна была, по мысли ее вдохновителей, положить конец тягостной распри, уже несколько веков раздиравшей христианский мир, и окончательно засыпать пропасть, вырытую между латинской и греческой Церковью. Унии предназначалась возвышенная **задача** начать собою новую эру, сблизить Восток с Западом, на деле же она эту пропасть лишь углубила и еще более обострила взаимное недоверие и вражду.

Византийский император (Иоанн VI) и Константинопольский патриарх (Иосиф), отправляясь на собор, обольщались надеждою, что восторжествует там православие, не латинство; что Рим откажется от «своих новых учений и обычаев», и что уступку придется делать ему, ^a **не** грекам. Большие надежды возлагали они на своего соотечественника, Исидора, незадолго перед тем поставленного в митрополита Московского.

Исидор был, действительно, человек блестящих талантов, большой ^бРУДИции; сам гуманист по убеждениям и образованию, он поддерживал оживленные сношения с итальянскими гуманистами и, вдобавок, ^вЩе недавно имел случай проявить свои способности недюжинного Дипломата, как один из послов императора на соборе в Базеле, где ^гИсе велись переговоры о соединении Церквей. Но Исидор Церкви

посвятил не сердце, а перо. Чтение Гомера и Софокла доставляло ему более наслаждения, нежели чтение Св. Писания; в речах Цицерона он находил более вкуса, чем в сухих писаниях отцов Церкви. К духовной доктрине он индифферентен. Горячий патриот, он одушевлен пламенным желанием спасти гибнущую родину, и потому цель политическая у него на первом плане. Он готов был по многим пунктам уступить латинянам, тем более, что отличия католического учения от православного представлялись ему незначительными и маловажными.

Между тем Василий II и московское духовенство отправляли своего митрополита во Флоренцию с такою же, как и император, надеждою на успех не католичества, а православия. Исидора отправили с большою свитою в 100 человек, обильно снабдили деньгами московское правительство желало представить на предстоящем соборании русскую Церковь и русское духовенство достойным образом.

Вот почему как громом поразило православную Москву известие о постановлениях, принятых на соборе, и в особенности тот факт, что на эти постановления дали свое согласие император, патриарх и митрополит Исидор. Признали как раз именно то, что, по понятиям тогдашнего русского человека, наиболее всего отличало католика от православного и побуждало считать его еретиком: исхождение Духа Святого «и от Сына», опресноки, чистилище, церковное главенство папы. Смущение и негодование на Москве усилились еще более, когда в марте 1441 г., после долгого пребывания в Литве, Исидор вернулся обратно и на первых же порах наглядно показал, что он уклонился от православия: торжественный вход свой в кафедральный Успенский собор он совершил в преднесении латинского креста,¹ а за обеднею велел помянуть на первом месте не Константинопольского патриарха, а Римского папу.

Поступок Исидора был признан изменою православию, тем более, что в Москве к тому времени уже стало достоверно известным, что монахи на Афоне — а они пользовались на Руси огромным авторитетом — открыто заявили себя непримиримыми противниками унии, и что вообще по всей Греции как духовенство, так и миряне, встретили унию с величайшим негодованием, и что большая часть епископов, ездивших на собор и подписавших соглашение, потом отказались от него.

Три дня спустя по приезде Исидор был заточен в Чудовом монастыре и отдан под суд русских епископов. Заточение, однако, было не строгое: московскому правительству хотелось избежать открытого

¹ На латинском Распятии ноги Спасителя положены одна на другую и пригвождены единым гвоздем; Спаситель висит на руках, тело Его, более или менее, опущено книзу, тогда как Распятие православное располагает ноги отдельно одну от другой, каждая из них пригвита особым гвоздем, а руки протянуты, более или менее, горизонтально.

скандала, и оно негласно дало Исидору возможность бежать из заточения. Митрополита не преследовали, он пробрался в Литву, а оттуда спокойно добрался до Рима.

В русской жизни Флорентийская уния сыграла большую роль. Дело было не в Исидоре и его отступничестве: уния подорвала в самом корне прежний авторитет греческого духовенства в вопросах религии и Церкви, заподозрена была чистота и каноничность обрядов, которых держалась греческая Церковь. Раньше к мнению греков почтительно и доверчиво прислушивались, сообразовали с ним свои собственные действия, — отныне прежние учителя стали подвергаться суровой критике и ожесточенным нападкам, очутились в положении людей «совратившихся», которых самих следовало направлять на путь истины.

Отказ вступить в соглашение с Римом и принять Флорентийскую унию повлек за собою последствия, важность которых в ту пору невозможно было еще и предвидеть: им определились последующие судьбы России, пожалуй, даже всей Восточной Европы «Верность древнему благочестию поддержала самостоятельность Северо-Восточной Руси в 1612 году, сделала невозможным вступление на московский престол польского королевича, повела к борьбе за веру в польских владениях, произвела соединение Малой России с Великою, условила падение Польши, могущество России и связь последней с единоверными народами Балканского полуострова (Соловьев).

*Последовательный рост территории Московского княжества.
1263-1462.*

1) *Даниил*: Москва (по наследству); Переяславское княжество (по завещанию).

2) *Юрий*: Можайск (отторгнут силою от Смоленского княжества), Коломна и Лопасня (захват у рязанских князей. Начало ему положил еще Даниил в 1301 г.). С присоединением Переяславля, Можайска, Коломны и Лопасны Московское княжество округлило и значительно расширило свою основную территорию, став «самым крупным и самым населенным из всех княжений бывшей Ростово-Суздальской земли (Любавский).

3) *Иван Калита*: «промыслил (купил) города Белоозеро, Углич, Галич Мерянский, многие села новгородские, владимирские, овладел Костромою, Ростовом и Юрьевом. Ростовские князья находились у **Нею** в полном повиновении. В своем завещании Калита оставлял еще Верею, Рузу, Серпухов и Каширу.

4) *Дмитрий Донской*: города Трубчевск и Стародуб (отняты силою), Медынь (у смолян), Калуга, Дмитров, Тула. Купленные Дедом Галич, Углич и Белоозеро окончательно присоединил к Москве Владимирское великокняжение (туда, кроме города Владимира, входили еще Юрьев, Кострома, Переяславль) передал сыну, как свое **Личное** достояние.

5) *Василий I*: Нижегородское княжество (Нижний Новгород, Городец, Муром, Мещера); Таруса (купил в Орде ярлык на нее) Позже: Суздаль (по добровольному отказу).

6) *Василий II*: Бежецкий Верх, Волок Ламский, Ржева, Вологда (силою у новгородцев), Устюг.

В. Причины усиления Московского княжества.

/. Географическое положение.

Московское княжество лежало, окруженное княжествами Нижегородским, Рязанским, Смоленским, Тверским и, с севера землями Новгородской общины, прикрытое отовсюду от внешних врагов татары ли, литва ли, прежде чем добраться до него, обрушивали свой первый удар на периферию: на область Рязанскую, Смоленскую или Тверскую, и зачастую, встретив здесь отпор, уже не шли дальше, а, подобно волне, потерявшей свою первоначальную силу, откатывались назад. Так, в то время как Рязанская область постоянно терпела от татарских вторжений, Московское княжество не слыхало о них с 1293 г., вплоть до нашествия Тохтамыша (1381). Благодаря этому, население окраин охотно шло под защиту московских князей, тем более, что сильных областных привязанностей оно не выработало и вообще привыкло переходить, чуть какое затруднение, из одного княжества в другое, находя везде одинаковые условия жизни, одинаковый быт и порядок.

Этот переход начался тотчас после нашествия Батыева. Во второй половине XIII в. немало народу перешло в Москву из Нижнего, Муром, Ростова, а в XIV столетии из земель Смоленской, Черниговской, Киевской и с Волыни. Одни спасались от татар, другие от Литвы. «Перелив населения с востока на запад» вызван был «опустошениями и разорением, произведенными татарами в восточных и частью в северных княжениях Суздальской земли» (Любавский), что же до Литвы, то, как ни легко, сравнительно, далось литовским князьям завоевание Юго-Западной Руси, все же исключительно «мирным* оно не было; многие не хотели мириться с новыми порядками, снимались с места и шли в Восточную Русь. Обусловленный таким переселением прилив рабочих рук, несомненно, должен был значительно содействовать материальному обогащению населения, а значит, и усилению Московского княжества.¹

¹ См. Приложения. № 31: «О первоначальной колонизации Московского княжества».

2, Личные свойства и политика московских князей.

Князь-хозяева.

В исторической литературе давно установилось за московскими князьями, предшественниками Ивана III, прозвание *князей-собирателей*. Как курочка по зернышку клюет, так и московские князья потихоньку-помаленьку увеличивали и расширяли свой наследственный удел. Но, как курица, терпеливо выжидая время, когда ей бросят **зерна**, не задумывается стянуть его у зазевавшейся хохлатки, так и московские князья, особенно вначале, когда лишний кусок был **особенно** ценен, не упускали случая стянуть, что плохо лежало: обманом захватят у рязанского князя Коломну, у можайского — его удел, как это сделал Юрий, сын Даниила.

Вообще же, это мирные хозяева, скопидомы, терпеливо и заботливо округлявшие свои владения путем «прикупов» и «примыслов», покупкой ли удела у обедневшего князя, отдельного села и деревни — у простого землевладельца, или просто дожидаясь, когда родственник умрет бездетным и откажет им свое княжество (Даниил, получивший Переяславль по смерти своего племянника) Все их способности направлены на приобретение, и удобного случая, раз он представился, они уже не упустят. Они домовито устраивают свой удел, заботятся водворить в нем прочный порядок, заселяют промышленными и рабочими людьми, перезывая их к себе из чужих княжеств, «толпами покупают в Орде русских пленников и на льготных условиях сажают **тех** и других на своих московских пустошах, строят деревни, села, **слободы**» (Ключевский).

Князь-политики.

Не одними чисто *хозяйственными* способами увеличивали московские князья свои владения. Они сумели найти себе мощную поддержку во всевластных татарских ханах, в этих истинных хозяевах Русской земли, властелинах покорного русского «улуса»; сумели использовать политическую обстановку того времени, встав на избранный **Путь**, не колебаться и не сходить с него.

1. Они выхлопотали себе *титул великого князя* (1328) и сумели Удержать его с тех пор за собою. Это навсегда обеспечило им первое **Место** среди остальных князей; голос их стал звучать более властно **И** авторитетно, а князья остальных областей начали сходить все более **И** более **на** положение простых подручников.

2. Тогда же, при Иване Калите, московские князья добились права *самим собирать с русской земли татарскую дань*, так называемый «**Выход**», вместо прежних данщиков. О значении этого нового права **Казано** выше.

3. Изворотливые, без «излишнего» самолюбия, они пускали в ход подкуп, обман, низкопоклонство, умели терпеливо выжидать благоприятной минуты. В Орде открыто торговали ярлыком на великое княжение, и московские князья-скопидомы, с туго набитым карманом («калита» значит денежный кошель), обладали в достаточной мере презренным металлом, чтобы надать высокую цену на том своеобразном аукционе, какой производился в ханской палатке в Орде. Разумеется, такой образ действий не мог не наложить на московских князей отталкивающего отпечатка: погоня за грубой, материальной наживой, жесткий, бессердечный эгоизм и полная неразборчивость в средствах, — черты, вообще присущие московским князьям того времени.

Следует ли этому удивляться? Не есть ли это общая судьба всех *маленьких*, которые не хотят погибнуть в борьбе за существование и, не обладая *силою*, не обладают иными средствами для обороны и нападения, как обман, подкуп, низкопоклонство? Капетинги, в ту пору когда *собирали* французские земли; великие курфюрсты Гогенцоллернского дома — разве по духу и приемам своей «собирающей» политики они не родные братья потомству Даниила Московского?

4. Редкостная *последовательность действий* московских князей — тоже одна из причин их успеха. Московские князья, все, точно скоены из одной материи на один фасон, у *всех* у *них* *одна мысль*. Сын старательно продолжает дело отца, неуклонно держась пути, по которому шел тот, и, в свою очередь, указывает своему сыну путь, по которому следует идти и ему. «Все они похожи друг на друга; в их бесстрастных ликах трудно уловить историку характеристические черты каждого, все они заняты одною думою, все идут по одному пути, идут медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно, каждый ступает шаг вперед пред своим предшественником, каждый готовится для своего преемника возможность ступить еще шаг вперед» (Соловьев).

Была ли у московских князей определенная программа, которая предвидит последствия и добивается их осуществления? Нет. Побуждением для них служило естественное желание стать сильными, богатыми, независимыми — и только. Что из их «собираения» земель впоследствии неизбежно вырастет государство, — они первоначально об этом не думали. Была не программа, а устойчивость желаний, постоянство способов и приемов в достижении цели на протяжении шести поколений. Московские князья постоянно долбили в одну точку, и такое терпение и настойчивость необходимо должны были увенчаться успехом.

1. Даниил, сын Александра Невского (ум 1303 г.).
2. Иван Калита.
3. Сыновья Калиты.
4. Дмитрий Донской.

5. Василий I.

6. Василий II Темный (ум. 1462 г.).

Ж. Признание великокняжеского города Владимира неотчуждаемой частью московской вотчины.

Превращение города Владимира (с его уездом) в московскую **отчину**, в свою очередь, много содействовало перевесу московских Даниловичей над другими князьями. Владимир, стольный город, служил яблоком раздора для князей Северо-Восточной Руси: обладать им значило стать великим князем *всей Руси* и пользоваться соответственным положением и правами. Вот почему так спорили из-за Владимира одинаково московские и суздальские, и тверские, и **язанские** князья. В отличие от других городов, Владимир был особым, как **бы** выделенным городом, своего рода майоратом, находившимся в распоряжении Золотой Орды: она награждала им, кого хотела. Кроме того, обладать великим княжеством Владимирским значило располагать территорией, «часть которой (Опольский стан) была **одною** из житниц Ростово-Суздальской земли», — таким образом, **интерес** политический соединялся с крупным интересом экономическим (Любавский). С Ивана Калиты Владимир постоянно доставался **московским** князьям, но каждый раз лишь милостями хана. Однако 60 лет почти непрерывного пользования (1328—1389), за исключением (1359—1362), постепенно превратили *факт в право*, и это право Дмитрий Донской, наконец, закрепил своим завещанием.

4. Военный успех — Куликовская битва.

Поражение, нанесенное Мамаю на Куликовом поле (1380, 6 сентября), высоко подняло московских князей в глазах всего Русского мира. Победа глубоко запала в народную душу, заронила светлый луч надежды на окончательное избавление от татарского ига и **оправдала** собирательную и объединительную работу московских князей. Совместно с ростовскою, ярославскою и белозерскою ратью — своими **Подручными** князьями — Дмитрий собрал на Куликовом поле небывало огромную силу: 150 000 войска. Правда, далеко не вся Русь **сошлась там*** изменил общему делу Олег Рязанский — пристал к Мамаю, опасаясь окончательного разорения своей области, и без того **Перед** тем не раз сильно опустошенной; не пришли и новгородцы, **тверские**, нижегородские князья: они вели себя выжидательно, в **Военной** поддержке прямо не отказали, однако уклонились подать ее **Вовремя**. Но теперь их отсутствие на поле брани лишь с новою силой **Подчеркнуло** опасность и пагубность такого рода действий и необходимость дружного, во имя общей пользы, объединения под **победоносным** стягом московским. Действительно, раньше, на Калке, русские **Князья** действовали вразброд, заводили распрю в самые ответственные **Моменты** и в результате терпели поражение; эти пагубные навыки

держались и после того еще долгое время — теперь именно подручничество и дало победу над врагом. Великое дело Дмитрия Донского, освященное Церковью, начатое с ее благословения (Сергий Радонежский; Пересвет и Ослябя), само, в свою очередь, осватило новый порядок, который стал утверждаться на Северо-Востоке, и обеспечило ему дальнейший успех

5. *Перенесение митрополии из Владимира в Москву.*

Разорение Юга и беспокойное положение Киева побудило русских митрополитов (Максима) еще в конце XIII в., по примеру Андрея Боголюбского, переехать из старой столицы в новую и основать свою резиденцию во Владимире (1299). Здесь они очутились в своеобразной и непривычной для себя обстановке: столицей Владимир был лишь номинально; князья, добившись в Золотой Орде звания великого князя, туда не переезжали, а продолжали жить в своем наследственном городе: тверские князья в Твери, московские в Москве. Такой порядок плохо уживался с воззрениями русского духовенства, воспитанного в греческой школе, для которой светская и духовная власть, действуя всегда единодушно, взаимно дополняя одна другую, нуждались в постоянном присутствии. Уже второй из митрополитов, не живших в Киеве, Петр, большую часть своей жизни провел не во Владимире, а в Москве, где и умер (1326). Правда, сам по себе этот факт еще не имел большого значения: он вызван был скорее натянутыми отношениями митрополита к тверскому князю, чем симпатиями его к московскому, но когда преемник Петра, митрополит Феогност, окончательно покинул Владимир и перенес свою резиденцию в Москву, то это явилось событием огромной важности.

Русский митрополит в ту пору был единственным выразителем идеи *единства* Русской земли. Теперь незначительный город, безо всякого «прошлого», Москва сразу заняла положение церковного центра, хранительницы русской православной веры. Отдав Москве предпочтение, Церковь осватила своим авторитетом самое место и ту власть, подле и рука об руку с которой работала, придала московским князьям характер *всероссийских* князей. И Иван Калита, при котором совершилось это важное событие, не замедлил использовать благоприятное стечение обстоятельств: он тогда же провозгласил себя князем «Московским и *всая Руси*». Помимо всего, присутствие митрополита в Москве способствовало возрастанию и обогащению города, так как туда со всех сторон стекались лица, имевшие нужду до митрополита, как в средоточие церковного управления.

6. *Поддержка духовенства.*

Лишь только Церковь в лице ее представителей, митрополитов, почувствовала, что Москва становится прочным оплотом и защитой от внешних бурь и нестроений, как открыто стала на ее сторону и

оказала московским князьям на пути к достижению их цели могущественную моральную поддержку, причем проявила в этом деле большую энергию, не отступая подчас от явной партийности и пристрастия. **Ц** подобно тому как работа самих московских князей отличалась в высшей степени последовательностью и настойчивостью, точно так же и русское духовенство, однажды заключив с Москвою союз, никогда **ей** не изменяло, всегда, без колебаний шло с нею рука об руку по **общему** пути, никогда не сбиваясь и не отступая. Все свои духовные силы, весь моральный авторитет свой Церковь принесла на служение московским князьям, смотря на все их глазами, добро и зло расценивая по их мерке, в их врагах видя своих врагов, в их благе — собственное благо.

А. Духовенство деятельно поддерживает московские интересы в Орде: когда Москве и всей Русской земле стала грозить опасность нового разорения от хана Бердибека, требовавшего тяжкой дани и собиравшегося в случае отказа идти войною, митрополит Алексей, бывший главным руководителем Ивана II во все его княжение, поехал в Орду и, пользуясь милостями ханши Тай дул ы, сумел отвести беду (1357).

Б. Духовенство с московскими князьями и в те моменты, когда **они борются с Ордой**: Сергей Радонежский, посылая с Дмитрием Донским на Куликово поле двух иноков, Пересвета и Ослябю, как **бы** свидетельствовал, что сама Церковь сочувствует этому делу и благословляет князя на трудный подвиг.

В. Особенно ценно было содействие духовенства московским князьям в их борьбе с удельными князьями.

1. Оно накладывает *интердикты* на целые области, закрывая там **церкви**, запрещая отправлять богослужение:

а) Псков дал приют Александру Тверскому, сопернику Ивана Калиты, митрополит Феогност затворил там церкви и тем понудил псковичей не держать у себя Александра (1327).

б) В Суздальской области шла распря между двумя братьями, **князьями** суздальскими; один из них, Дмитрий, обратился за содействием к московскому князю. Тогда митрополит Алексей послал в Нижний Новгород игумена Сергея (Радонежского), тот запер нижегородские церкви и принудил другого брата, Бориса, смириться, **Местного** же епископа, за его поддержку Бориса, митрополит свел с **епархии** (1365).

в) Смоленские и другие князья нарушили присягу: не пошли с **Московским** князем на литовцев — митрополит Алексей отлучил их за **это** от Церкви (1368).

2. Духовенство является *посредником* в *распрях*, мирит враждующих:

а) Посредничество митрополита Алексея при заключении договора **Между** Дмитрием Донским и его двоюродным братом Владимиром Андреевичем (1364).

б) В критическую для Дмитрия минуту Сергей Радонежский остановил войско Олега Рязанского и склонил его к вечному миру с Москвой (1385).

в) По смерти Василия I митрополит Фотий отправился в Галич к Юрию, дяде Василия, убеждать его не искать великого княжения в ущерб племяннику (1425).

3. Духовенство (особенно митрополит Алексей) *явно держит руку Москвы:*

а) Дмитрий Донской и митрополит Алексей клятвенно обещались Михаилу Тверскому не чинить ему зла; полагаясь на эту клятву, Михаил приехал в Москву кончать распрю и договариваться о соглашениях, но клятва была нарушена: Михаила лишили свободы. Позже, уже отпущенный, он особенно жаловался на митрополита «Я доверял ему более, чем кому иному, а он так посрамил и надругался надо мной!» (1368).

б) Литовский князь Ольгерд, союзник Михаила Тверского, в свою очередь, имел все основания жаловаться на митрополита Алексея константинопольскому патриарху: «И при отцах наших не бывало такого митрополита, как этот: благословляет москвитян проливать кровь, и ни к нам не едет, ни в Киев не наезжает! А кто поцелует крест мне и убежит к нему (т. е. нарушит данную клятву), с того митрополит снимает крестное целование. Бывало ли когда-нибудь на свете, чтобы снимать с человека клятву?!»

4. В *последней схватке родового начала с отчинным* — в борьбе Дмитрия Шемяки с Василием II Темным — духовенство всецело на стороне последнего: против того оно мечет грома, в послаблении к этому доходит до готовности освободить его от данных клятв, «принять грех на себя»:

а) Игумен Трифон дозволил Василию Темному возобновить борьбу с Шемякой и вооруженной рукою отыскивать себе великое княжение (1446).

б) Митрополит Иона шлет всем соборам духовным обличительное послание Дмитрию Шемяке, обвиняя его в неисполнении договора, сравнивая с Каином и Святополком Окаянным, проводя мысль, что освобождение Русской земли от ига татарского возможно лишь при условии единой державы московского князя, что князь Василий сидит на великом княжении Божиею благодатиею, а кому что дано от **Бога**, того отнять никто не имеет права. Забывая, как недавно этому самому Василию разрешено было нарушить свою клятву, послание особенно ставит Шемяке в вину его клятвopеступление и грозит за него церковным проклятием (1447).

в) Тот же митрополит Иона рассылает грамоты новгородскому владыке, епископу смоленскому, к вятчанам — все направленные против Дмитрия Шемяки, все в пользу московского князя: «Ести вы не признаете власти великого князя, то милости Божией чужды **будете**,

Д нашего смирения, благословения и молитвы, также и всего священства Божия благословения не будет на вас, и если еще кровь прольется, тогда и вы не будете христианами, ни священники не будут священствовать у вас, все церкви Божий в вашей земле затворятся по указу нашего смирения» (1448).

г) Когда Василий II пошел с войском на Шемяку, то его сопровождал митрополит с епископами (1449).

Пристрастие русского духовенства к Москве отнюдь не было, да и не могло быть, делом одних личных симпатий или антипатий оно коренилось гораздо глубже и вытекало из двух основных побуждений одно было идейного, другое — чисто житейского, материального характера.

1) Русское духовенство воспиталось на византийских образцах, верховная власть для него своим происхождением обязана была Богу, ни от кого и ни от чего не зависела, а также не допускала подле себя другой подобной власти. Русское духовенство было поэтому всегда сторонником едино- и самодержавия.¹ «Вот почему, когда московские князья начали стремиться к единовластию, то стремления их совершенно совпали со стремлениями духовенства, можно сказать, что вместе с мечом светским, великокняжеским, против удельных князей постоянно направлен меч духовный» (Соловьев).

2) Прекращение княжеских усабиц, введение порядка гражданского были необходимы духовенству по соображениям экономическим Церковь владела большими земельными имуществами, разбросанными по всем областям Русской земли, усабицы были для нее разорительны, да и вообще при существовании уделов Церкви труднее было охранить свои права, тем более, что князья, считая все средства дозволенными, враждуя, не останавливались перед явным нарушением *этих прав*. Таким образом, «Одной из главных причин преданности духовенства видам и политике князей московских было убеждение в тех материальных выгодах, которые оно должно было приобрести от сосредоточения всех владений в руках одного князя» (Милютин).

В свою очередь, московские князья делали все, чтобы оправдать такой взгляд. Они «были слишком ловки и дальновидны, чтобы не Понять тех благоприятных результатов, какие могли возникнуть для них из тесного союза с духовной властью». Поэтому князья всячески стараются опереться на авторитет духовенства, приобрести его расположение, и с этой целью «оказывают ему большой почет, жалуют ему множество земель, освобождают недвижимые имущества его от Различного рода тягостей и повинностей, предоставляют ему право

¹ См. гл. I.

собственного суда и вообще наделяют это сословие громадными привилегиями» (Загоскин).

Для московских князей Церковь явилась великою моральною силой, мощною точкой опоры, на которую они с уверенностью могли всегда положиться. Три митрополита: Петр — с его именем связано предание, будто он предрек будущее величие Москвы, — Алексей и Иона вскоре после их смерти были причтены к лику святых и в сознании народном выросли в «*московских чудотворцев*», т е в специальных защитников и представителей Москвы и ее интересов перед престолом Господним. С этой поры определился тот неразрывный союз *Церкви и государства*, какой наблюдается на протяжении всей последующей истории России, — союз, одновременно определивший и положение самой Церкви в Русском государстве *содружество* этих двух сил длилось недолго; лишь только сила мирская окрепла и встала на собственные ноги, как из *сотрудницы* Церковь превратилась в простое *орудие*, ей пришлось не только *пособлять* светской власти, сколько *служить* ей, и навсегда сойти с первого места, какое она, в качестве покровительницы, занимала при Даниловичах. В этом одно из коренных отличий русской православной Церкви от Западной католической: в борьбе со светской властью последняя отмежевывалась от нее и завоевала ту независимость, которую, хотя бы только идейно, она охраняет до наших дней.

7. Содействие бояр, вообще служилых людей.

Как только выяснилась прочность успеха московских Даниловичей в притязаниях на великокняжеский титул и связанное с ним привилегированное положение, как бояре стали быстро пополнять ряды московской знати. За ними тянулись дети боярские, отроки, вторая, младшая, категория служилых людей. Уже при Иване Калите в Москву перешел из Киева боярин Родион Нестерович с сыном и собственным двором в 1700 человек «*послужильцев*», т. е. отроков, дружинников. Тогда же много бояр приехало из Твери, приехал из Чернигоза боярин Бяконта. В одиночку стекались в Москву знатные и простые люди как из соседних княжеств, так и из Литвы; приходили даже из Германии; были выходцы из Крыма и Золотой Орды, татарские мурзы, крещеная мордва. При Дмитрие Донском пришел царевич Серкиз из Орды; при Василии I — литовский князь Юрий Патрикевич, внук Наримунта, сына Гедиминова. Ко времени Ивана III таких выходцев в рядах московских насчитывалось, одних только видных фамилий, до 40.

Что влекло их в Москву?

1) Служба у московских князей становилась почетнее, более лестною: бояре служили *великому князю*; на службе у других князей они очутились бы в *провинции*, подчас очень глухой и невидной, и

цтому они так охотно прилагали свои усилия, содействуя своему князю в добывании ярлыка на великокняжение, тем более, что уже При первых князьях (Иване Калите, Симеоне и Иване II) Москва проявила свою силу и умение справляться с затруднениями.

2) Служба Москве была доходнее, материально выгоднее¹ будучи самым богатым вотчинником, князь московский щедрее наделял бояр землями.

3) Благодаря силе и связям в Орде, московский князь мог лучше других обеспечить имущественные интересы своих служилых людей, их земельные владения, обыкновенно разбросанные по разным областям.

В свою очередь и московские князья высоко ценили службу своих бояр. Об этом можно судить по предсмертным словам Дмитрия Донского, обращенным к его детям: «Любите своих бояр, оказывайте им надлежащую честь и без воли их ничего не делайте» Слова эти наглядно рисуют взаимное положение¹ бояре охотно шли на службу К московскому князю — она была для них источником личных выгод; князья дорожили этою службою — она приносила им несомненную пользу: при содействии бояр они собирали Северо-Восточную Русь, совместно устраняя препятствия, лежавшие на этом пути.

Ценя свою службу, служилые люди, особенно высший их слой, боярство, охотно отстаивали интересы князей, приносили им свой опыт и энергию, поддерживая их в борьбе с другими князьями, хлопотали за них в Орде.

1) Особенно много обязан боярам Дмитрий Донской за время своего малолетства, это они отстаивали его права на великое княжение и вырвали их у противной стороны — у суздальского князя.

2) Василий I, купив ярлык на Нижегородское княжество, мог без борьбы овладеть им: тамошний боярин Румянец передался на сторону Москвы и обманом уговорил своего князя (Бориса) впустить в город московских бояр и ханского посла, чем те и воспользовались, чтобы тотчас же захватить в свои руки и город, и самого князя (1392)

3) Борьба за великокняжеский стол между племянником и дядей, Василием II и Юрием Дмитриевичем, кончилась в пользу первого, благодаря стараниям, ловкости и низкой лести перед ханом боярина Всеволожского (1432). Последний руководился и личным расчетом Надеждою выдать дочь свою за Василия.

в. Содействие зечщины.

По самому характеру своему неувлекающийся, рассудительный, склонный к мирным занятиям, житель русского Севера скоро оценил ^Термальные выгоды, какие несло ему единовластие, суля прекращение усобиц, от которых он так страдал, тем более что с прекращением прежней областной обособленности сам он ничего не терял

Такое отношение обеспечило московским князьям сочувствие и деятельную поддержку со стороны широких слоев русского населения.¹

9. Малочисленность княжеской семьи в потомстве Даниила Александровича.

Она содействовала тому, чтобы: а) установить порядок наследования от отца к сыну; б) наделить старшего сына уделом значительно больших размеров, чем младших сыновей, и таким путем постепенно сосредоточить московские земли в одних руках.

10. Распадение и неурядицы в Золотой Орде со второй половины XIV века.

Неурядицы возникают со второй половины XIV в., и с тех пор Русская земля медленно, но неуклонно начинает высвобождаться от прежнего гнета; первые, кто воспользовался этим, были московские князья.

///. Заключение.

Своим усилением Москва обязана совокупному действию многочисленных факторов.

1. Первичный фактор — *географические условия* страны — дан был природой, от воли человека не зависел и имеет значение *лишь* простой *базы*, на которой построилось все здание.

2. Основная же и главная сила — в *личных качествах* московских князей: толчок всему дан был ими.

Примечание. Не следует, однако, в этих *личных качествах* видеть простую случайность — они коренились в характере, в особенностях *великорусской* народности, духовный облик которой уже в ту пору заметно отличался от облика юго-западной русской (*малорусской*) ветви.

3. Как ни велика и многозначительна роль *духовенства*, но оно выступило на сцену уже во второй момент, когда фигуры *будущих* строителей Русской земли более или менее обрисовались.

4. Тем более это следует сказать о *служилом* классе и о *земщине*, т. е. о сельском и городском населении, они стали цепляться за Москву не раньше, как выяснились выгоды от перехода на ее сторону.

¹ Главным образом именно содействием земщины объясняет Забелин успехи московских князей; в их домовитости и хозяйственной деятельности население признало дело не только личное, семейное, но и общенародное, и потому встало за него горой.

5. Роль *Орды* пассивная: поручая московским князьям сбор дани, поддерживая постоянно их против других русских князей, Орда не сознавала, что позволяет расти силе, которая завтра ей же нанесет решительный удар.¹

Г. Москва и Литва.

Особенности развития их политического и общественного строя.

1. Московское государство создавалось медленно: целых два с половиной столетия (1263—1523) или, если видеть в Суздальском княжестве зародыш Московского, то даже три с половиной века (1169—1523). Литовское возникло гораздо быстрее и на целый век раньше (крайние годы: 1211 — 1432).

2. Территория Литовско-Русского государства сложилась не одной силою оружия: часть русских земель сама шла навстречу. Татарское засилье на юге и юго-востоке; натиск немецкий и его латинская пропаганда с северо-востока; обиды и разорения от Москвы с востока — толкали западнорусские земли, утратившие прежний политический центр, в объятия Литвы. Нелегко было и Литве (Немецкие Ордена, Польша, татары). Общая опасность спаяла Литву и Западную Русь, соединила их в один политический союз. Повторились начальные страницы русской истории: «внешнее давление заставило несколько земель, дотоле разъединенных, примкнуть к сильнейшей, соединиться с нею в один союз» (Любавский). Гедимин, Ольгерд, Витовт в сущности сделали то, что в свое время делали Олег, Владимир и Ярослав: они восстановили разрушенное единство киевской эпохи с тою лишь разницею, что теперь центром стал не Киев на Днепре, а город Вильна на берегах маленькой Вилии.

3. На Северо-Востоке произошло, действительно, объединение — там земли слились с главным центром, инкорпорировались — большая же часть западнорусских земель территориальных перегородок своих не сломала: каждая почти сохранила свои особенности, свой внутренний строй; в единое компактное политическое целое они не слились. Н только внешним образом объединялись подчинением единой для всех власти великого князя.

4. На Северо-Востоке земли разбились на уделы; ими владеют **Потомки** одного княжеского рода: Рюриковичи — в Литве: Гедиминовичи и те немногие Рюриковичи, что уцелели в своих родовых князьях. Эти Рюриковичи остались здесь на положении удельных³ земля переходила от отца к сыну, как отчина; Гедиминовичи же Уделов не имели: они владели данным княжеством на положении

¹ См. Приложения, № 32: «Как выросло единодержавие московских князей».

наместников великого князя, его помощников и сотрудников, **великий** князь давал и отбирал у них земли, заменял другими, руководствуясь соображениями своей и государственной пользы, отнюдь не **правами** (которых у тех и не было) самих князей.

5. Москва, отдав крестьянское население в крепостную **зависимость** землевладельцам-помещикам, сохранила, однако, за государством чисто государственные права: суд, обложение — в Литве **иначе** суд, обложение, а с ними и управление крестьянами были переданы в руки военно-служилого класса: литовско-русские землевладельцы стали своего рода местными государями феодального типа.

6. В Московском княжестве все классы общества, в той или иной форме, были обязаны службою государству, все тягелы — в Литве наоборот, привилегии шляхты постоянно растут на счет прав государя и остального населения.

7. В Литве, наряду с федеративной обособленностью областей (политическая автономия), выросла и обособленность административная, местное управление, независимое от центрального (земская **автономия**) — между тем в Москве местное самоуправление, там, где и когда оно допускалось, всегда оставалось на положении **простого** орудия служебных органов государственного механизма.

8. Областная автономия в Литве и феодальный строй сделали ненужными то обилие центральных органов управления, как в Москве, **Иде** число приказов значительно превышало цифру 40; в Литве **большинство** дел решалось на местах и до великого князя и его «боярской думы» (паны — рада) доходили только главнейшие.

9. В результате в Москве постепенный, но неуклонный **рост** самодержавия — в Литве, наоборот, наблюдается столь же неотвратимый процесс ограничения и ослабления великокняжеской **власти**, который в конце концов приведет ее к полному бессилию. Кто **ограничивал** эту власть? Аристократия: рада господарская (сенат), а в XVI в. также и дворянство (сейм).

10. Наконец в Москве сложилась не только неограниченная, но и наследственная в одной определенной фамилии монархия — в Литве монархия не только ограниченная, но и избирательная: сперва в пределах данной династии (до прекращения династии Пястов), а позже воле избирателей не было ни в чем преград и помехи.

VII. Татарское иго

А. Какие изменения внесло татарское иго в уклад русской жизни?

Цнязья.

1. Золотая Орда явилась новым, зачастую решающим фактором в княжеских усобицах: категорически выраженная воля хана, мощная **поддержка**, оказанная им той или иной стороне, иногда заранее **определяла** исход спора.

2. Князь, располагавший большими, чем другой, материальными средствами для задаривания хана и его жен, для подкупа в Орде влиятельных лиц; князь более ловкий и хитрый, менее щепетильный **там**, где приходилось считаться с голосом совести и требованиями морали, тот обыкновенно и брал верх.

3. А кто сумеет взять верх в Орде, тот будет наверху и в Русской земле. Перевес теперь давало **не** право, не обычай, не «суд Божий» на поле брани, а мощна, набитая деньгами («калита»). Возглас: «С нами Бог и святая София!» потерял теперь прежний смысл, и новгородцы, не сразу его позабывшие, вскоре по горькому опыту убедились в его **анакронизме**. Теперь, желая обосновать свои права на великокняжение, уже **не** довольствовались ссылкой на «отечество» и «дедство», а **рабочно** заявляли: «Главный источник нашего права — твоя милость, державный царь, твое *жалованье*» (боярин Всеволожский, 1432 г.)

4. Отсюда — постоянные поездки князей в Орду, низкопоклонство, **утрата** чувства собственного достоинства.

Вообще, прежний характер благородства, наблюдаемый в князьях Киевского периода, исчезает в эпоху татарского ига. Правда, Михаил Черниговский и его боярин Феодор бесстрашно идут на смерть, но они действуют под влиянием религиозного пафоса; Дмитрий Грозные Очи, убивая в Орде Юрия Даниловича московского, конечно, знал, что рискует свою жизнь, но его героизм лишено характера общественной службы; оно — дело личной мести. Это не носители *общественного* идеала. Полезными же общественными деятелями явятся ЛийПь те князья, которые, откинув старую киевскую доблесть, станут **творить** свою общественную службу в душной атмосфере унижения И низкопоклонничества (Александр Невский).

5. В **сложном** процессе, носящем название: «Возвышение Москвы», **татарское** иго явилось немаловажным фактором успеха московских **Князей**: в борьбе с удельными князьями потомки Калиты зачастую **Находили** себе в татарах необходимую точку опоры, действуя именем Ха **На**, общего для всех *государя* и верховного владыки, и грозя **Непослушным** его гневом и опалой. В свою очередь, и население, **Ию** Д давлением того же ига, охотно шло навстречу объединительной **Политике** московских князей.

Вече.

В такой обстановке вечевые порядки удержаться не могли им теперь не могло быть места в Северо-Восточной Руси. Свободное выражение народных желаний не совмещалось с зависимостью от посторонней воли. Какое могло быть вече, если верховный голос и решение принадлежали «Ордынскому царю»? Если князья, пресмыкаясь перед ним, возвращались из Орды не только с ханским ярлыком и разрешением на свободное хозяйничанье в своей волости, но зачастую и с ханским войском, готовым нещадно покарать неповинующихся? Русский князь становился настоящим владыкою над населением края, а само оно приучалось видеть в себе не прежних свободных людей, а подчиненных, настоящих рабов, обязанных повиноваться приказаниям своего властелина? К тому же зажиточная и, в силу этого, влиятельная часть населения городов, даже в тех, где вечевые порядки пустили наиболее глубокие корни (в так называемых «старших»), обнищала, лишилась прежней самостоятельности и сама, первая, была вынуждена искать себе точку опоры — прежде всего в князьях

Материальное положение.

1. *Превращение волости в удел.* Чисто хозяйственные интересы стали приобретать в глазах князей и их ближайших соратников (дружины, бояр) больше, чем прежде, значения: приходилось восстанавливать нарушенный Батыевым нашествием хозяйственный порядок, помогать вернувшемуся из лесов населению вновь устраивать свои разоренные гнезда. Вложенный в это дело труд, долгий, упорный, тяжелый, приобретал особенную ценность, прежняя киевская «легкость», с какою князья меняли на Юге свои столы, стала заменяться привязанностью к своему месту — им стали дорожить. Идея отчины, стремление передать сыновьям свою волость, как плод вложенного в нее *труда*, — идея, и без того уже с давних пор с успехом оспаривавшая идею Родовой Лествицы, теперь окончательно восторжествовала: княжеская *волость* превратилась в княжеский *удел*.

2. *Истощение материальных сил Северо-Восточной Руси.*

а) Татарские баскаки, сопровождаемые воинскими отрядами, чтобы лучше обеспечить сбор дани; ханские послы, наезжавшие в Русскую землю, тяжелым бременем ложились на население. Разгром страны не ограничился одним Батыевым нашествием: *нашествия* продолжались и позже, то в виде карательных экспедиций, посылаемых по инициативе ханов, то в форме военной рати, приводимой самими князьями, как вспомогательная сила в борьбе их с противной стороной. Приводилась же такая рать неоднократно. В междукняжеских спорах частный интерес чаще всего преобладал над общим благом

Например, в 1277 г. переяславский князь Дмитрий получает великокняжение Владимирское; но его брат Андрей, в свою очередь,

едет в Орду и возвращается не только с желанным ярлыком и с Правами на Владимир, но и с татарской ратью. Дмитрий бежит, но не сдаётся. Андрей еще два раза приводит татар, а те пользуются случаем ограбить Владимир и, попутно, еще 14 городов. Чтобы избежать такого же разорения своей области, Новгород вынужден откупиться богатыми дарами.

Особенно часто борьба московских Даниловичей с князьями тверскими давала татарам повод ходить на Русь вооруженной рукой. То Юрий Данилович приводит на Тверь Кавгадыя со «многую силою», то царевич Чолхан приезжает туда и насильничает в такой степени, что население не выдержало, взбунтовалось и убило его, перебив и большую часть пришедшего с ним отряда (1327). Последствием восстания было, конечно, новое появление татар и новый разгром Тверской области.

Вообще, «борьба Москвы с Тверью» создала «тяготу велику в Русской земле». Князьям приходилось извлекать из Русской земли средства на повышенные суммы «выхода» татарского и на ценные дары "зрдынским властям. Даннические отношения русского улуса, оклад которых ордынцы пытались в XIII в. установить на основании переписи, в корень искажены и приняли характер торга и вымогательства, питаемых княжеской конкуренцией. Князю Михаилу Ярославичу сильно повредила в Орде невозможность выполнить тяжкие обязательства, в какие пришлось войти к ордынским капиталистам-заимодавцам. Несомненно, что велики должны были быть и платежи в Орду князя Юрия и его обязательства перед нею» (Пресняков)

б) Если страна дорого расплачивалась за наезды татар, то нелегка была и та *дань*, какую должна она была выплачивать из году в год. Недаром эта дань называлась *выходом*: деньги, действительно, *уходили* из народного обращения, бесполезно пропадали, ничем не возмещая населению их утрату и лишая страну необходимого ей оборотного капитала. Дань князю — та, по крайней мере, оставалась в стране Народным достоянием, и если шла на сторону, то взамен «княжеским закупкам у иноземных народов». Татарский же «выход» был прямою утратой народного благосостояния, и без того сильно расшатанного **И** ничтожного. КГтому же «татары брали дань не натурою, как князья, а серебром, для чего обязали русских князей чеканить серебряные <Деньги» с ханским штемпелем, или тамгою. Благодаря этому, серебро стало редко на Руси, перестало играть прежнюю роль, как орудие внутреннего обмена, внутренние расчеты стали производиться натурою, ^и все вообще хозяйство регрессировало в обратном направлении, от Денежного к натуральному» (Любавский).

«Татарские погромы и татарское иго надолго и совершенно искусственно ^задержали экономическое развитие Руси. К народному °РГанизму Северо-Восточной Руси присосался огромный паразит, ко- ^рый высасывал его соки, хронически истощал его жизненные силы,

а по временам производил в нем большие потрясения. Татары в данном случае явились продолжателями дела печенегов и половцев с тою разницею, что их разрушительное влияние было более сильным и последовательным» (Любавский).

^Страну истощал не только денежный «выход», но и насильственный, в широких размерах практиковавшийся увод людей в неволю. Базары в городах Крыма наполнялись русскими пленниками, где купцы из разных стран, преимущественно из Генуи и Венеции, скупали молодежь и перепродавали в мусульманские земли: в Малую Азию, Сирию, Египет, Испанию.

Бесправие и рабство.

Свыше чем двухвековое общение с татарами, постоянное соприкосновение с ними, привело, вместе с утратой свободы, к утрате самого инстинкта свободы, к упадку народного духа, к духовной приниженности, к сильному огрубению нравов, к усвоению варварских понятий и привычек. В средние века два христианских народа, на двух противоположных окраинах Европы, терпели иго мусульманское: русские и испанцы; но последние находились в гораздо более благоприятных условиях: мавры принесли с собою высокую культуру, оставили после себя положительный след; они содействовали развитию знания (философия, математика, география, медицина) и искусств (поэзия, архитектура) и с избытком искупили нанесенный ими материальный вред; тогда как от татар русский народ перенял главным образом черты отрицательные.

Целые поколения росли в сознании своего рабского состояния; человек становился беспомощной игрушкой произвола; выхода из такого положения не представлялось, всякий протест лишь ухудшил бы его, и люди привыкали покорно клонить свою выю. Утрачивалось чувство самоуважения; чувство личного достоинства уступило место раболепному преклонению. Прошли те времена, когда маститый Владимир Мономах проповедовал справедливость, христианскую любовь и уважение к ближним; когда Мстислав Удалой возмущался нарушением этой справедливости и вынимал свой меч на ее защиту; когда, еще в самые первые времена ига, чувство достоинства долго мешало Даниилу Галицкому ехать в ханскую ставку на поклон; когда еще возможны были народные вспышки вроде тех, что приходилось подавлять Александру Невскому. Теперь, наоборот, жалкий страх за свое существование, неуверенность в завтрашнем дне породили искательность и угодничество, пресмыкание перед грубой силой, и люди, незаметно для самих себя, приучались целовать ту самую руку, что нагло душила за горло. Гнет татарского ига воспитал рабское чувство низших перед высшими, заглушил чувство законности и нравственного долга, и грубую силу надолго поставил выше закона. С потерей уважения к самому себе не могло быть места и уважению к ближнему-

ь На смену закона пришли произвол и бесправие, утрата прежней доблести. Вместо благостного Владимира Мономаха — сухой кремь Калита, с легким сердцем и спокойным эгоизмом идущий, ради личной выгоды, на убийство ближайших своих родственников; вместо благородного порыва Метисаава Удалого — холодный расчет, обдуманное низкопоклонство боярина Всеволожского, беззастенчиво и открыто утаптывающего в грязь старую честь, лишь бы выиграть свое дело

Церковь.

Была, однако, и светлая сторона: веротерпимость, благожелательное отношение татар к православной Церкви. Русское духовенство было освобождено от платежа дани и пошлин; все церковные люди подлежали суду митрополита, не исключая и преступлений уголовных

Б. Влияние татарского ига на быт и духовную жизнь русского народа.

Огрубение нравов.

С татарами сильно огрубели нравы. На Руси появились, прежде йезнакомые ей, кнут и правож. Понизился нравственный уровень. Влияние татарское сильно сказалось на домашнем обиходе, на затворничестве женщин из высших слоев общества, на одежде, на языке — в русскую речь вошло много слов восточного происхождения. Военный строй с ^го делением войска на пять «полков»: передовой, средний, правую руку, левую и заслон; податная система, денежный счет, почтовая гоньба, или такого рода забавы, как соколиная охота, — на всем лежит отпечаток татарского происхождения. Тубетейка, которую татарин обыкновенно постоянно носит на своей бритой голове, втерлась в обиход и русского человека ее носили Дома, в комнатах, не снимали даже в церкви -- обычай, с которым последняя боролась далеко не всегда с успехом.

Прилив татарского элемента в русскую среду.

Русские князья брали себе жен среди ханских сестер и дочерей: И если много русских женщин, на положении пленниц, насильно становились женами татар, то немало и простых татарок добровольно Принимались в русские семьи.

Когда Золотая Орда стала распадаться и в ней начались беспорядки, то изгнанные ханы, недовольные князья и мурзы в немалом **>личестве переходили на службу к русским князьям, пополняя ряды Русского боярства и служилых людей. Бывали случаи, когда сами Князья выводили татар из Орды; так много привел их с собой из Казани Василий II, возвращаясь в Москву из тамошнего плена. Ему Я&Же ставили в упрек, что он «любил татар и речь их паче меры». *аких пришельцев принимали охотно, с почетом, наделяли их землею;

через два-три поколения татары русели и даже самые имена их переделывались на русский лад. Значительное число современных русских фамилий чисто татарского происхождения. Таковы, например Апраксины, Ахматовы, Бахметевы, Бибиковы (Би-бек), Болтины, Булгаковы, Годуновы, Головины, Державины, Деевы, Ермоловы, Карамзины, Кочубеи (Кучук-бек), Мансуровы, Матюшкины, Муратовы, Мухановы (Му-хан), Нарышкины, Романовы-Юрьевы, Ростопчины, Ртищевы, Сабуровы, Тенишевы, Тихменевы, Тургеневы, Уваровы, Урусовы, Хитрово, Хомяковы, Юсуповы, Юшковы.

Всего насчитывают до 120 дворянских родов татарского происхождения, упоминаемых в официальных бумагах XV—XVII вв. Вообще элемент восточный вошел в русскую жизнь заметной струей. После татар видное место занимают косоги (24 рода) Глебовы, Дурново, Лопухины, Чевкины. Из Кабарды вышли Бекетовы, князья Черкасские. Наконец, финского происхождения: Енгальчевы, Еникеевы, Кудашевы, Мещерские, Мордвиновы.

Влияние татар на посольский церемониал.

1. Иноземный посол должен содержаться на счет того двора, к которому послан. Поэтому московские князья (и цари), принимая на себя заботу о проезде (в пределах своих владений) и прокормлении посланных к ним лиц, требовали того же и для своих посланцев, что не совпадало с обычаями западноевропейских держав.

2. Послам не возбранялось возить с собою товар на продажу.

3. При въезде посла в город Москву он и лицо, посланное встречать его (так называемый пристав), должны были, съехавшись, тот и другой, слезать с коня и притом одновременно.

4. Степень почта, оказываемого послу, и степень его ранга определялись расстоянием, на каком он слезал с коня (или подъезжал в экипаже): чем выше ранг, тем на более близком расстоянии от дворца дозволялось ему подъехать и слезть (выйти из экипажа).

5. Пристав, сопровождавший посла, должен был находиться с правой от него стороны — на Западе как раз наоборот; отсюда частые споры и неудовольствия.

6. Послу не дозволялось являться на аудиенцию, имея при себе оружие — это тоже давало повод на приемах европейских посланцев к постоянным спорам и недоразумениям.

7. Обычай дарить послов шубами, лошадьми в богатом уборе и сбруе.

8. Посылка на дом послу кушанья с великокняжеской (царской) кухни, вслед за приемной аудиенцией. Количество посылаемых блюд тоже измерялась степенью оказываемого почта.

9. Восточный взгляд на посла, как на шпиона, привел к тому, что у нас послов обыкновенно держали под караулом, следили за

даясдым их шагом и всячески затрудняли общение с посторонними лицами.

Цорча русского языка.

Насколько татарский язык внедрил в обиход русской речи, служа, кроме того, посредником еще и для других слов восточного Происхождения (персидских, тюркских), можно судить по нижеследующим примерам, которые все же далеко не исчерпывают всего материала, ставшего достоянием русского словаря

1) *Бытовые:* артель — толмач — ханжа (от хаджи* паломник, побывавший в Мекке) — киса (сундук) — калита (кошель) - **тюфяк** — буерак — магарыч — ясак (дань) — ям (почтовая станция) — якшаться (от якши' хорошо) — набат.

2) *Одежда:* армяк — азам — бешмет — зипун — чекмень ~ жупан, чепан — кафтан — ферязь — малахай — сарафан — шаровары — колпак — кушак — халат.

3) *Обувь:* башмак — ичиги.

4) *Ткани:* камка — кармазин — обьярь — тафта — бязь — алтабаз — зорбаф.

5) *Вооружение:* куюк — мисюрка — еловец — саадак — барабан.

6) *Обстановка военно-полевой жизни:* кош — кошевой - богатырь — есаул — ясырь (пленник) — бунчук — караул — вьюн - хомут — аркан — чепрак — буран.

7) *Драгоценные камни:* алмаз — бисер — жемчуг — топаз - **яхонт** — яшма.

8) *Торговля:* базар — барыш — аршин — товар — алтын — деньги — казна — тамга — пай (т. е. доля).

9) *Строения:* амбар — чердак — сарай.

10) *Города:* Касимов — Тула (в честь ханши Тайдулы) — Тюмень

11) *Огород:* бакча - арбуз

Просвещение.

1. *Упадок просвещения.* Волна татарского нашествия 1237-1240 гг. вместе с городами, селами и их населением, смела также и культуру, значительную часть того духовного богатства, что русские люди с таким трудом взращивали и накапливали за прежние века в Развалинах лежали церкви, монастыри; закрылись основанные при них и без того немногочисленные училища; погибли иконы, церковная Утварь, — плоды зарождавшегося русского искусства; много всякого Р^оДа книг, богослужебных, поучительных и светского содержания, с^горело в пожарах, бессмысленно уничтожено и развеяно по ветру Церкви и монастыри были теми культурными уголками, где немногие лю^ди, единичные личности с любовью собирали рукописи и книги, Менявшие им нынешние наши библиотеки, где они искали умственной Пи^ищи и, взамен, сами вносили духовный вклад в общее дело просве-

щения и образования. И чем количественно меньше было на Руси такого накопленного богатства (а его, действительно, было вообще немного), тем драгоценнее было оно, тем чувствительней и невознаградимей сказывалась его утрата. С разгромом культурных уголков не только гибнул запас духовного богатства — труднее стало **восстанавливать** утраченное: повсюду сказывался недостаток в средствах, в людях, подготовленных к культурной работе; татарщина же, та духовная атмосфера, в какой пришлось жить русскому человеку на протяжении двух с половиной веков, ослабила в нем и самый импульс т. е. самую потребность и побуждение к такому восстановлению

2 *Западная Европа и Московская Русь — два особых мира*
 В XV в. вся Западная Европа переживала блестящие годы **Возрождения**; там в эту пору совершался один из тех величайших умственных переворотов, которые составляют эпоху в жизни человечества, — и хоть бы какой живой отголосок его донесся до **Московской Руси!** Хоть бы малейший краешек истины раскрылся перед нею! Московская Русь ничего не знала ни о Саванароле и Гусе, ни о Медичах, **ни о гуманистах**, ни о политических теориях Макиавелли. Когда же Максим Грек вздумал было приоткрыть немного ту завесу, что скрывала от русского человека чуждый ему мир, то слова его прозвучали **чем-то** диким и уродливым и стоили ему долгих лет заключения.

Не знала Московская Русь Запада; но и Запад тоже не **знал ее** ему приходилось «открывать Америку» не только за Атлантическим океаном. В 1486 году из Германии ко двору Ивана III приехал **рыцарь** Поппель и заверял, будто там о Московском государстве **имеют** настолько смутное представление, что считают великого князя **Ивана** вассалом польского короля. Поппель, несомненно, преувеличивал, и даже всего вероятнее, просто соврал для красного словца, и **все же** не только в конце XV века, но и много позже, в начале XVII столетия, «далекая Московия» для многих в Европе все еще оставалась *далекою*-книга Маржерета о России, выпущенная в свет в 1607 году, явилась настоящим открытием для французского читателя, который впервые по этой книге составил себе хоть некоторое, сколько-нибудь ясное представление о Московском государстве.

VIII. Господин Великий Новгород.

Как отразилось татарское иго на положении новгородских князей.

Великий князь — посредник между ханом и всею Русскою землею, значит, и Новгородом; теперь он может оказывать давление **на** новгородцев (1257; путем казней и угрозой татарского разгрома Александр Невский заставил их допустить перепись населения татарскими чи-

яовниками и платить «выход» в Орду) *Выборы* князя прекращаются таковым становится обыкновенно (с 1252 г.) великий князь (сперва владимирский, костромской, тверской, потом князья московские) Сам он жить в Новгороде не может и потому правит через своего наместника (сына или боярина). Это не мешает Новгороду ссориться с князем, выгонять его сыновей и бояр, самого его не пускать к себе; а все же новый порядок крепнет более и более. Договоры с князьями продолжают; Новгород всеми силами старается отстоять свою политическую независимость, но все с меньшим и меньшим успехом. С 1328 года само собой повелось, что его князьями были князья московские Это своего рода *личная уния* двух государств (подобно Польше и Литве до 1569 г., когда у них бывал один общий государь, или Карлу испанскому, с той поры (1520 г.), когда он, не переставая быть королем в Испании, стал императором германским).

Вражда сословная; усобицы.

Особенностью новгородской жизни была резко выраженная сословная вражда: в населении Новгорода не было единчества; черный народ враждовал с вятскими людьми, бояре-«оптиматы» — с младшими, с местными «пролетариями», а за партийными счетами совсем забывалось благо и интересы родного города. Пролетариат же быстро рос. К концу XV в. поземельная собственность сосредоточилась в руках немногих. Мелкие собственники («своеземцы») почти совсем исчезли; если где они и сохранились, то разве в более отдаленных северных частях новгородских пятин. Совсем не стало также черных волостей, т. е. крестьянских общин, которые бы сидели на собственной земле. «Духовенство и знатные люди мало-помалу успели захватить в свои руки все земли, лежавшие в окружающих Новгород областях. Свободные земли если и остались где-либо, то в крайне ограниченном количестве» (Никитский). Так народилась богатая олигархия, денежная (торговая) и земельная. Она лишила население правового суда, держала бедных в экономической зависимости от богатых и создавала чересчур много разных поводов к взаимному неудовольствию и озлоблению. Помимо того, сами бояре враждовали между собою из-за власти (посадничество); с этой целью партии привлекали на свою сторону черных людей, втягивали их в свои личные дрязги, и дело доходило до уличных стычек, которые обыкновенно сопровождалась насильем, убийствами и, особенно, грабежом: бедняк рад был случаю Поживиться на счет богатого. В разгаре бунта, среди враждующих обыкновенно появлялся владыка, в облачении, с крестом в руках, в сопровождении духовенства. Чаще всего ему удавалось восстановить Мир; но главное зло заключалось в том, что масса приучалась попирает закон, своевольничать, что не на чем было ей воспитать в себе Патриотического чувства долга и самопожертвования на пользу роди-

ны. Этот упрек одинаково применим как к низшим, так и к высшим слоям новгородского населения.

Отдельные случаи (среди многих подобных):

1. Посадника, нажившегося за счет народного кармана, **изгоняли** из города, грабили его дом, предавали на поток его родню и **тоже** изгоняли ее (1351).

2. Иногда достаточно было уличной схватки двух человек, **чтобы** сдерживаемые страсти вылились наружу и превратили ее в **целый** бунт, с убийствами и грабежом (1421).

3. Бояре, недовольные своим положением, обращались за поддержкой в Москву, при ее содействии набирали в Устюге и на **Вятке** головорезов, появлялись с ними в богатом Заволочском крае и, **плывя** вниз по течению Двины, грабили и жгли приречные волости (1421).

4. Боярин Лука, обиженный тем, что в посадники избрали **не его**, идет на Двинскую землю, собирает там невольников, строит **целый** укрепленный городок и совершает из него набеги, **грабит** погосты, не разбирая, чьи они: местной ли чуди, или новгородских **поселенцев** Лука убит. Его сын появляется в Новгороде, обвиняя **дворян** в убийстве отца. Сейчас же на сцену выступают две партии, созываются два веча, дело доходит до вооруженного столкновения, и **только** владыка в роли примирителя кладет конец народному волнению (1342).

Легкость, с какою вспыхивали такие беспорядки, свидетельствовала: а) о болезненном состоянии общественного организма; б) о **не**прочности государственного строя: социальный разлад, **конечно**, должен был отзываться на последнем крайне пагубно. В тяжелую **минуту**, когда придется решать вопрос о том, быть или не быть **Господину** Великому Новгороду, старая вражда всхлынет наружу, в этой **самой** вражде Иван III найдет себе наилучшего союзника, который и **поможет** ему нанести последний решительный удар новгородской **свободе**: какую цену в глазах черных людей могла иметь «новгородская **свобода**»? Выгод она никаких им не давала; стоило ли рисковать **из-за** нее жизнью и последним имуществом? Москва — та, **по** крайней **мере**, всех подведет под одну мерку! .

Ушкуйники.

Ушкуйники — разбойничьи шайки (ушкой — лодка **особой** постройки). Время: главным образом XIV век. Место «подвигов» **Корела**, Белозерская область, Поволжье. Грабили татар («бесетмен») — это считалось даже похвальным. Грабили русские города, тянувшие к московскому князю — враждя с Москвою, Новгород и **на** это смотрел сквозь пальцы, хотя временами дорого платился (**окуп** в 8000 р., взятый Дмитрием Донским в 1386 г.). Разгром **камских** и волжских татар (1360, 1366). Разгром Костромы, Ярославля (1369, 1370). Разгром всего Поволжья, от Костромы вплоть до Астрахани.

2000 — человек на 70 ушкуях; в Астрахани попали в засаду, и все перебиты (1375).

В такой атмосфере как было не сложиться былине о Васке Буслаеве? Для новгородцев это был настоящий народный герой, и его разрушительной удали, при отсутствии всякого творчества, сочувствие было вполне обеспечено.

Борьба Новгорода с Москвой. Постепенный перевес Москвы.

1. *Иван Калита* пытается, но неудачно, захватить Заволочье (1337): это был один из главных источников дохода новгородской казны. (Еще Андрей Боголюбский зарился на этот край).

2. *Дмитрий Донской*: а) поход под Новгород в отместку за ушкуйников. Область опустошена. Предместные города сами новгородцы, из опасения осады, добровольно пожгли; при этом сожжено 24 монастыря (так их много вообще было в городе и в окрестностях). **Окуп** 8000 руб. (1386); б) новгородцы отказались подчиняться церковному суду митрополита: будем де судиться у своих владык. Это грозило распадением церковного единства Русской земли (1385), а без него пошла бы вообще насмарку объединительная работа московских князей. Дмитрий силою заставил Новгород отказаться от своего намерения (1393).

3. *Василий I*. Временный захват истоков Сухоны ведет к борьбе за обладание бассейном Северной Двины: «куда текут реки, туда и человек гладит (идет)»; охотничьи ватаги московских промышленников в северные леса уже появлялись не раз. Опасаясь соглашения Новгорода с Витовтом, который стремился подчинить себе Новгородскую общину, Василий так парирует этот возможный удар: захватывает Двинскую область, приводит население к присяге (1397); чтобы удержать его в своих руках, дает ему так называемую льготную Двинскую грамоту; кроме того захватывает у Новгорода Волок, Торжок, Вологду, Бежецкий Верх, со всеми волостями. Новгородцы, однако, отбили свои земли. Мир заключен «по старине»; Новгород обязался с Витовтом не сноситься (1398).

4. *Василий II*. Дальнейший шаг в северном направлении: присоединение Устюга: теперь все течение Сухоны вплоть до слияния ее с Югом и образования Северной Двины, в руках Москвы. Это большая **Угроза** Новгороду: Заволочье — мост, соединявший Новгород с его восточными колониями: Пермью, Югрой, Вяткою; заняв течение Двины, Москва перережет путь туда. Убежище, данное Дмитрию Шемяке, приводит к войне. Яжелбицкий договор: а) контрибуция в № 000 рублей; б) грамоты вечевые действительны лишь с печатью Великого князя или его наместника; в) обязательство не принимать **У себя никого** из князей, враждебных Москве (1456). Договор этот — **Преддверие** к полной утрате политической самостоятельности.

IX. Господин Псков.

Политическая независимость Пскова.

Первоначально Псков входил в состав Новгородской **общины** и находился в прямом подчинении от нее, как один из ее «**пригородов**». Но постепенно город освободился от своей зависимости, **сгал на** положение «младшего брата» Великого Новгорода, получил **собственное** вече, собственных посадников, собственный суд, и хотя в делах церковных остался по-прежнему под началом новгородского **владыки** однако свой церковный суд владыка творил теперь **одними лишь** псковскими силами: посылать для разбора духовных дел **судей-новгородцев** он уже не имел более права. Одним словом, став в **положение** младшего брата, Псков превратился из пригорода в самостоятельную, политически совершенно независимую общину, — сам стал «*Господином Псковом*». Такой новый порядок был установлен соглашением, заключенным с новгородцами в Болотове в 1348 году.

Чем вызвано было отделение Пскова от Новгорода.

1. Новгородская область вообще не представляла из себя **единого** целого: это было государство, где *город* владычествовал над **целыми областями**, далеко не всегда связанными с ним ни географически, ни экономически. Так, Торжок и Волок Ламский лежали за **Ильменско-Волжским** водоразделом, т. е. географически тянули к **Москве**, а не к Новгороду; точно так же и Вятка, Двинский край — **недаром** последний носил характерное название *Заволочья*. Население **Двинской** земли с трудом переносило свою зависимость: новгородцы до такой степени грубо и эгоистично эксплуатировали богатства **края**, что вызывали в населении открытый протест, выражавшийся в **избиении** и изгнании данщиков (лиц, посланных за сбором **дани**), **будь** это даже сам князь со своею дружиной. Готовые всегда **изменить** новгородцам, двиняне представляли заманчивую приманку для **суздальских**, а позже московских князей; уже Андрей Боголюбский делает попытку перетянуть двинян на свою сторону; по тому же **пути** шли и наследники Ивана Калиты. Чтобы удержать Заволочье в **своих** руках, Новгороду приходилось волей-неволей управлять им на **военном** положении. Подобная же эгоистическая политика лежала в **основе** отношений Новгорода и к Пскову.

2. Вообще, отношение Новгорода к своим областям напоминает Древний Рим и его провинции. Римская провинция, область *завоеванная*, уже в силу одного этого рассматривалась, как *добыча завоевателя*, обязанная *служить* своему новому хозяину, давать **то, что** от нее потребуют, и довольствоваться тем, что дадут ей из **милости**.

3. Расположенный на западе новгородских владений, Псков являлся для них передовым военным укреплением; вся тяжесть натиска

дитовцев и Ливонских немцев падала главным образом на него При **неудаче** — всего горше доставалось ему; в случае **удачи** — львиную долю захватывал Новгород.

4. В такой обстановке Псков, богатый торговый город, особенно **сильно** чувствовал несправедливость и внутреннее противоречие сложившихся отношений к Новгороду. Сознание своего права на самостоятельное существование неуклонно росло в нем и с годами должно **было** найти себе выход.

Государственный строй Пскова.

Отделившись от Новгорода, Псков стал независимым государством с демократически-республиканским устройством, подобно своему старшему брату, с теми же, как и у него, органами правительственной власти: с *князем, вечем, Боярским советом («господой») и посадниками.*

1. Князь.

Князья в Пскове стояли совсем на заднем плане, на положении кормленщиков: они ходили на войну, защищали страну и отправляли суд — все остальное находилось в руках веча.

2. Вече.

Псковское вече — вот кто был настоящий государь и правитель. Все важнейшие вопросы управления сосредоточивались в его руках: объявление войны и мира; внешняя политика: сношения с соседями, снаряжение посольств, прием чужеземных; назначение областных и городских правителей; даже управление военными делами. Князь распоряжался своею дружиной, с которой пришел, распоряжался в **походе** и воеводами, действуя **там**, как главнокомандующий, самовластно и безапелляционно, но выбор самих воевод, непосредственных **своих** помощников и сотрудников, принадлежал не **ему**, а вечу.

3. Взаимные отношения классов населения.

От соперничества за власть, от партийной борьбы не уберегся, **Подобно** Новгороду, и Псков; но здесь эта борьба никогда не принимала **тех** размеров, а главное, **не** вела к **тем** пагубным последствиям, как **Там**. Междоусобицы в Пскове были крайне редки; редки и насилия **Черни**; вечевые собрания проходили гораздо спокойнее. Про псковичей **Можно** сказать, что они были государственно новгородцев, политически воспитаннее их. Этой сравнительно большей политической **воспитанностью** псковичи обязаны были главным образом двум **обстоятельствам**: ограниченности и географическому положению своей территории, — положение, отрицательные стороны которого, вдобавок, Усиливались еще и топографией (конфигурацией) ее.

4. Ограниченные размеры Псковской территории.

Негде было вырасти крупному боярскому землевладению (латифундиям), а следовательно, и сложиться резкой социальной розни между классами (между бедными и богатыми), как это случилось в Новгороде, где демократия выродилась в нездоровое противопоставление олигархии — охлократии (привилегированная кучка из аристократов, с одной стороны, и чернь, толпа — с другой)

5. Топография и географическое положение Псковской территории.

По своему очертанию (внешнему виду) Псковская область представляла длинную, узкую, вытянувшуюся с севера на юг полосу 300 верст в длину и едва 100 верст в ширину. Соприкасаясь с Орденом Меченосцев, с Литвою и с Московскою Русью, вынужденный вести, особенно с немцами, постоянную, почти непрерывную войну в топографических условиях крайне невыгодных, и не располагая большими военными силами, Псков на опыте понял, что только единение общественных сил обеспечит ему успех в борьбе с врагами. Враг был силен, настойчив, и времени для внутренних распрей не хватало, да и слишком уж они дисгармонировали с ненормальным положением промышленного и торгового населения, вынужденного отрывать от своих лавок и промысла и хвататься за оружие. Рассчитывать на Новгород было напрасно: хотя Болотовский договор и обязывал его взаимной помощью, но зачастую соображения чисто коммерческие становились на пути к выполнению принятых на себя обязательств. Так, например, в 1367 году Новгород отказался поддержать псковитян, отговариваясь тем, что в ту пору много новгородских купцов со своими товарами находилось в немецкой земле и, втянись он в войну, те понесли бы большой ущерб.

Историческая заслуга Пскова

Почти три века пришлось Пскову выдерживать натиск враждебных сил; германские волны, затопив поля бодричей, лютичей и поморян, не остановились здесь, но продолжали разливаться все дальше и дальше на Восток, пока не докатились до каменных стен Изборска и Пскова. Упорно и неоднократно пытались они подмыть их, но Псков мужественно отстоял себя, охраняя не только свою, но и всю Русскую землю. Конечно, до границ псковских морской вал докатился уже несколько ослабленным, но значение отпора, данного немцам псковичами, от этого не умаляется. Волны были еще достаточно мощны, чтобы отторгнуть и от Русского Поля немалый кусок земли, не выдержав изборские и псковские стены, не загорода они им дорогу, не отбрось их назад. Вот почему борьба Пскова с Ливонским орденом получает значение не только местно-русское, но и общеевропейское

Псковская Судная Грамота.

Самостоятельное положение, политическая независимость вызвали у псковитян потребность в собственных законоположениях и породили так называемую *Псковскую Судную Грамоту*. Первоначальная редакция ее 1397 года; позже она продолжала дополняться и законченный вид получила лишь в 1467 году. Это законодательный памятник той же категории, что и Русская Правда или Судебники 1497 и 1550 **П.** Источниками служили, как и там, обычное право и княжеские постановления прежних времен. Но есть и отличия, которые роднят Псковскую Грамоту с будущим Уложением царя Алексея Михайловича: помимо чисто *судных* дел (судоустройство и судопроизводство), Грамота содержит немало постановлений по *гражданскому* и *уголовному* праву. Накануне своего политического падения Псков как бы хотел подвести итоги, резюмировать все то, что он сумел выработать в течение своей жизни. «Основная цель, с которою была предпринята кодификация «псковских пошлин», состояла в закреплении de jure тех черт *гражданской самобытности* «господина Пскова», которые создавались веками. Но это закрепление всего более обеспечивалось собранием воедино норм права процессуального и права гражданского, в которых своеобразии народной жизни вольного города могло отразиться (и отразилось в действительности) всего явственнее» (Филиппов).

Л И Т Е Р А Т У Р А

С. М. Соловьев. Даниил Романович, князь Галицкий. Современник. 1846. Т. I. **Н. П. Дашкевич:** 1) Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям Киев, 1873 (из «Киев Унив Изв.», 1873, №№ 6, 9, 10); 2) Переговоры пая с Даниилом Галицким об унии юго-западной Руси с католичеством Киев Ун Изв. 1884, август (отд. оттиск под заглавием «Первая уния Юго-Западной Руси с католичеством. (1246—1254). Киев; 1884»). **С. А. К.** Исторический очерк сношений Даниила Галицкого с Иннокентием IV. «Вестник Зап. России». 1869, № 8. **Гр. Д. А. Толстой.** Римский католицизм в России. СПб., 1876. **J. Pelesz.** Geschichte der Union der Ruthenischen Kirche mit Rom von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Wien. 2 Bunde. 1878—1880. **В. Б. Антонович'** 1) Очерк истории Великого княжества Литовского. Киев, 1878, 2) Монографии по истории Зап. И Юго-Зап. России. Т. I. Киев, 1885 **Н. П. Дашкевич** 1) Литовско-русское государство Киев. Ун. Изв. 1882 - 1883, 2) Заметки по Ист. Лит.-Русск. государства (Литовско-Русское государство, условия его возникновения и причины упадка). Киев, 1885; 3) Борьба культур^и Народностей в Литовско-Русском государстве в период династической

унии Литвы с Польшей Киев. Ун. Изв 1884, октябрь, декабрь *И. И. Лаппо*: 1) Западная Россия и ее соединение с Польшей в их историческом прошлом. Историч. очерки. Прага, 1924, 2) Литовско-Русское государство в составе Речи Посполитой. «Научные труды Русск. Народ. Ун -та в Праге». Т. II (1929); 3) Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория. Т. I. СПб., 1901. *М. К. Любавский*: 1) Очерки истории Литовско-Русского государства от Люблинской унии включительно. М., 1910; 2) История Литвы. М., 1911, 3) Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892; 4) Литовско-Русский сейм. М., 1901; 5) Феодализм в Литовско-Русском государстве. Энци. слов. Брок.—Ефр., XXXV, с 550 — 552 *Пичета* Литовско-русское государство. Русская История, под ред. *Довнар-Заиольского*, И, 337 — 439. *Леонтович*. Очерки истории литовско-русского права. Образование государственной территории. СПб, 1894 *Владимирский-Буданов*. Немецкое право в Литве и Польше. Ж М. Н Пр 1868. Он же. Крестьянское землевладение в Западной России до серед. XVI в. Киев, 1892 (из Чтений Общ. Нестора-Летописца, VII) *Максимейко* Сеймы Литовско-Русского государства до 1569 г *Харьков*, 1902. *Довнар-Запольский*. Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. I. Киев, 1901. *Филевич* Борьба Польши и Литвы за Галицко-Волынское княжество СПб, 1890. *J. Wolff*. Rod Gedymina. Krak., 1886. *K. Stadnicki* Synowie Gedymina. Krak., 1875 — 1877 (Rozprawy wydz. hist.-fil. Akad. Um. III). *Prochazka*. Ostatnie lata Witolda. Krak., 1882. Он же Szkiecy historyczne z XV wieku. (1884). *Stan Kutrzeba*. Unia Polski z Litwa Krak., 1914. *O. Halecki*. Dzieje unii Jagiellirskiej 2 torn. Krak. 1919 — 1920. *Al. Bruckner*. Wplywy polskie na Litwie i w Slowieiszczyźnie wschodniej Polska w kulturze powszechniej Cz I. Krak, 1918. *St. Smolka*. W pi^ciowiekowa rocznic (1386). Krak, 1886. *A. H. Клепинин*. Св. Александр Невский. Париж, 1927 *Г. Вернадский* Два подвига св. Александра Невского. «Евразийский Временник», кн IV (1925). (Литературу о феодализме см. в «Спорных вопросах », № 28). Москва в ее прошлом и настоящем. 12 вып М., 1900, с многочисл. иллюстрациями. *П. Станкевич*. О причинах постепенного возвышения Москвы. Уч. Зап. Моск. Ун. 1834, № 1, 2 *В. Вешняков*. О причинах возвышения Московского княжества. СПб., 1851, изд 2-е. СПб., 1909. *М. К. Любавский*. Возвышение Москвы «Москва в ее прошлом» (см. выше), вып. 1. *И. Е. Забелин*. Москва (история города); Энци. слов. Брок.—Ефр., XIX, 927 — 936. *С. Ф. Платонов* О начале Москвы. Собр. соч., изд. 2-е СПб., 1912. *Костомаров* Начало единой державы в Древней Руси. «Вестник Европы». 1870, №№ 11 — 12 («Монографии». Т. XII). *Забелин*. Взгляд на развитие московского единой державы. «Историч. Вестник». 1881, февр, март,

Литература к третьей главе

апр- *Сергеевич*. Как и из чего возникла территория Московского государства «Новь». 1886, янв., кн. 2; февр., кн. 1 *Он же* Вольные И невольные слуги московских государей. «Наблюдатель». 1887, Jslb№ 2,3. *Чичерин*. Духовные и договорные грамоты вел и удельных князей. «Опыты по истории р. права». М. 1858. — *В. Н. Дебольский*. Духовные и договорные грамоты московских князей, как историко-географический источник. СПб., 1901 — 1903 («Записки Имп Русск Археолог. Общ.». Т XII). *М. Д. Приселков*. Ханские ярлыки русским митрополитам. СПб., 1916. *М. А. Дьяконов* Власть московских государей. Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI века. СПб., 1889. Изд. 2-е, литограф, «для учебных целей». СПб., 1909. *Он же*: К истории древнерусских церковно-государственных отношений. «Историч. Обзор.». Т. III (1891). *Ключевский*. Содействие церкви успехам русского гражданского права и порядка. «Творения св. Отцов». 1888. IX (перепеч. «Очерки и речи В. Ключевского». М., 1913). *А. Готлиб*. Царская власть в Византийской империи. Энц. слов. Брок.—Ефр., XXXVII, 835 — 838. *Прозоровский* О регалиях, приписываемых Владимиру Мономаху. «Труды III Археолог. Съезда». Т. II. Киев, 1878 *А. С. Пресняков*. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII- XV столетий. СПб., 1918. *А. Н. Пыпин*. Московская старина. «Вестник Европы». 1885, янв. *П. И. Веселовский*. Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории. СПб., 1911 («Отчет Имп. СПб. Унив. за 1910 год»). *Павлов-Сильванский* Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства СПб., 1898 (перепеч. в Собр. соч. Т. I. СПб., 1909). *Любавский* Образование основной государственной территории Великорусской народности. Заселение и образование центра Ленинград, 1929

Глава четвертая

Просвещение, культура и общественность в Древней Руси. 862-1462.

1. Общие замечания.

Как высока была культурность русского народа в середине IX в.?

Было бы крайне ошибочно, как это допускалось некоторыми учеными сравнительно еще недавно, представлять себе русскую народность в момент ее появления на историческом поприще каким-то полудиким или варварским народом. Наоборот. Наши предки уже в ту пору обладали культурой далеко не низкой. К тому времени они уже успели сложиться в прочные общественные союзы, жили городами, занимались земледелием и разными промыслами. Различие по роду занятий уже тогда положило начало будущему устойчивому делению людей на классы — воинов, торговцев, земледельцев, промышленников, ремесленников, уже тогда положило известную грань между правителем и управляемыми. В середине IX века наши предки вели деятельную и оживленную торговлю с соседями: как с ближними (хазары), так и с дальними (Византия), самостоятельно возили свои товары на иностранные рынки, что необходимо предполагает существование известного рода определенных соглашений с теми странами, куда эти товары ввозились или откуда их вывозили. Хазары в ту пору были самой культурной народностью на пограничной европейско-азиатской полосе; Византия находилась в расцвете своих духовных сил, и уже в силу одного этого хазарская и византийская торговля не могла свестись к простому обмену товаров, но неизбежно вела также к обмену культурных идей и материальных достижений. Предание о том, что Аскольд умер христианином, свидетельствует о давнем проникновении христианского учения в Русскую землю. Почва для принятия христианства была расчищена уже с того времени, и оно действительно не замедлило пустить в Русскую землю свои благотворные корни.

Культурное влияние христианства и Византии.

Введение христианства в России, притом в его грековосточной форме, наложило яркий отпечаток на все просвещение и культуру русского народа, определило характер его будущей образованности, культурные и международные связи, симпатии и антипатии, — все то положительное и отрицательное, что несла с собою эта грековосточная форма христианства. Новая вера обогатила русского человека ценными

духовными приобретениями, но одновременно оставила вне круга его наблюдений и понимания немало других ценных завоеваний человеческой мысли единственно лишь потому, что на них лежал отпечаток, пускай тоже христианский, но не грековосточный.

Принятие христианства от греков навсегда выделило русский народ за пределы римско-католического мира. Северные неопиты Византии вместе с религией восприняли от нее и ее чувство недоверия к Риму, держали себя враждебно к «латинству», сознательно чуждались его, К тому же немало содействовали и географические условия: положение России на отдаленной окраине Европы. Отчуждение это, правда, выросло не сразу; в первые века, когда проводником христианства, кроме Византии, была также и Болгария,¹ оно не исключало соприкосновения, даже известных заимствований с Запада; но все же общей жизни, общих интересов, взаимного понимания при таком отчуждении быть не могло. На почве отчуждения выросла даже целая литературная полемика с «латинами», нарочитое подчеркивание заблуждений римской Церкви, и хотя вопросы этого рода остались достойным сравнительно тесного круга лиц, но самые лица эти принадлежали к передовому, наиболее культурному и, следовательно, руководящему классу общества, так что пропасть, вырытая между православным Востоком и католическим Западом, не только не сглаживалась, но, наоборот, становилась все шире и глубже.

А между тем связи с самой Византией далеко не были так интенсивны, разнообразны и постоянны, как, например, узы, соединявшие новые германские народности и государства с духовным центром Латинского мира. Помимо того, что народности эти заложили свою государственность или непосредственно на территории древнего классического мира, или у самых его границ, русский же народ и географически был отдален от Византии; и не говоря также про то, что и от этой-то далекой Византии русский народ был почти совсем отрезан полудикими азиатскими кочевниками (половцами, а позже татарами), что еще более затрудняло общение с нею; — помимо всего этого, сама Византия в своих отношениях к народам, которых она просвещала светом христианства, мало походила на Рим. Римская Церковь, настоящая *ecclesia militans*, никогда не довольствовалась одним формальным обращением в христианство: она постоянно вела деятельную пропаганду своих идей И вместе с крестом, символом нового вероучения, несла свой язык, свою литературу, свои учреждения. Византия же обыкновенно довольствовалась простым установлением своего авторитета в делах церковных и политических; в ее действиях ей недоставало *активности*, именно того, **Что** так характеризует римскую Церковь. Вот почему вне чисто административных отношений связь с греческой Церковью чувствовалась срав-

¹ См. ниже.

нительно слабо. К тому же латинский язык, став у новообращенных народов Западной Европы языком Церкви, одним этим крепко спаял последних с Римом; богослужение же в русской церкви велось на языке славянском, чуждом языку той Церкви, которую русские считали своею духовною матерью и наставницею.

Во всяком случае христианство, будучи введено на Руси, стало большою культурною и политическою силою. Оно внесло новые понятия о нравственности и общественности; новые идеалы; положило начало просвещению и письменности. Мысль о братстве, как о такой духовной силе, которая побуждает нас действовать в дружном согласии не во имя одних только грубых эгоистических и материальных интересов, раньше народной массе была совершенно чужда* народ инстинктивно чувствовал свое племенное единство, но не больше, - Церковь создала новые связи, выяснила, закрепила прежние и в значительной степени содействовала росту того сознания, которое позже превратит разрозненные племена в единую нацию. Отсюда - громадное политическое значение Церкви в жизни русского народа: она стала учреждением государственным.

Вводя христианство, Владимир и Ярослав поняли необходимость привить русскому народу, кроме веры, также и *гражданскую культуру* греков, перенять у них их образованность и знания. Предстояло снабдить молодые силы, призванные к новой жизни, реальными средствами для охраны своей национальности и государственности. С этою целью они заводили школы, привлекали детей лучших граждан к учению, заботились о переводе греческих книг, строили церкви, выписывали из Греции мастеров-строителей и художников. Ярослав очень заботился о переводе книг с греческого языка, основал первую на Руси библиотеку. По выражению летописи, Владимир «взорал и умягчил» Русскую землю, просветив ее крещением, а сын его «насеял книжными словесы сердца верных людей».

Большая разница в просвещении на Руси и в Западной Европе.

Глубоких корней деятельность Владимира и Ярослава, однако, не пустила; подражателей себе они не нашли. Притом просвещение насаждалось исключительно церковное; будучи уделом почти исключительно одного духовного класса, оно получило характер религиозно-церковный, и этот отпечаток густой краской лег на всю древнюю русскую литературу. Литература, обогащаясь количественно, была переводная или подражательная, лишенная самостоятельности. Мировая литература до XVI века почти отсутствовала, и поэтическая мысль, если и дала ценные образцы художественного творчества, все же просвещения собою еще не выражала. Научного движения не существовало в Древней Руси ни в Киевский, ни в Московский период; знания технические ограничивались одной архитектурой, главным образом, церковною.

Между тем, на Западе в это время уже возникли университеты (Париж, Болонья, Падуа, Салерно, Оксфорд, Саламанка, Прага); религиозно-церковный отпечаток, наложенный Церковью на просвещение, не помешал тому, чтобы в них разрабатывались: философия, богословие (Париж), римское право (Болонья), медицина (Салерно), само католичество как вероучение подверглось всестороннему изучению («Summa Theologiae» Фомы Аквинского), народилась схоластика — стройная система научного мышления; даже в тесной сфере монашеской жизни наблюдается большое разнообразие ее форм (ордена Бенедиктинский, Францисканцев, Доминиканский); наконец, соприкосновение с арабами тоже немало расширило умственный горизонт западноевропейского человека (алгебра, медицина, география, поэзия, искусство, философия).

Просвещение есть всегда удел сравнительно немногих: в толщу народную оно проникает туго, и даже у народов с высокой культурой оно есть достояние лишь верхнего, наиболее образованного класса. Поэтому толща народная и на Западе, как у нас на Руси, оставалась духовным просвещением не затронутой, зато на Западе абсолютное число просвещенных людей было значительно больше, а потому и благотворное влияние его на непросвещенную народную массу сильнее **И прочнее**.

Сказанное свидетельствует не о меньшей способности русского Народа к просвещению (таковую он доказал всей последующей своей историей), а о неблагоприятно сложившихся условиях, тормозивших и, действительно, сильно задержавших культурный рост народа.

Что обусловило эту разницу.

На Западе:

Существовала известная преемственность классического мира. Живая традиция просвещения никогда не прерывалась; просвещение могло временами падать и потухать, но никогда не умирало. Пытливый Дух человека там никогда не угасал. Толчок к умственной работе и Материалы к ней были уже даны предварительно; огонь тлел под пеплом и только ждал, чтоб его раздули (Голубинский).

На Руси:

1. Не было достаточно внешних и внутренних побуждений к Насаждению образования, не было самого огня, и чтобы добыть его, Требовались особые усилия и работа.

2. Русский народ жил на окраине культурного мира, непосредственного соприкосновения с наследием древней цивилизации не имел, завести просвещение было ему много труднее, необычайно трудно было и взрастить его.

3. Сношения с Византией, главным источником нашего просвещения, были недостаточно интенсивны.

4. *Помехи внешние*: княжеские усобицы, набеги половцев, татар,ское иго.

5. *Разобщенность с Западом*, как следствие татарского ига. Особенно это применимо к Северо-Восточной (будущей **Московской**) Руси. Русские силы уходили и тратились на цели, сами **по себе** отрицательные: на то, чтобы вынести и благополучно пережить тяготу татарского ига; все внимание обращено было в сторону Востока, и обернуться к Западу, принять участие в его духовной жизни, — **было** не до того. Татарский Восток цепко держал в своих руках **Русскую** землю и не пускал ее от себя. Вдобавок, немцы и Литва одновременно с тем выставили крепкий заслон с Запада и загородили дорогу Разобщение настало полное. Если где что и знали о **Западе**, **то в** одном Новгороде, но Новгород своим знанием **не** делился с Москвой — тому мешали политическая рознь и вражда. Разобщение **не** неизбежно привело к отчуждению и недоверию. Византия воспитала в русском человеке религиозную нетерпимость к Риму, последняя **усиливалась** сознанием, что «латынянин» в то же время и враг **политический**. В этом отчуждении единственная выгода была та, **что оно** помогло русскому народу отчетливее понять свои национальные **особенности**, выделить свою народность, научиться ценить ее. **Лучшее** средство для охраны своей самобытности он признал в создании сильного, прочного *государства* в этом направлении он и **работает** на протяжении ряда веков, готовый идти на большие жертвы **ради** достижения поставленной цели.

Культурный слой древнерусского общества и его представители.

Сказанное выше дает основание некоторым нашим историкам **утверждать**, что просвещение русское в домонгольский период **состояло** «в одной грамотности или одном уменье читать», в «самопросвещении посредством книг», причем количество самопросветившихся **было** «сравнительно очень невелико», а самый выбор книг ограничен, и что, вообще, русское просвещение находилось в ту пору «**на самой** последней степени невысоты, какая только возможна» (Голубинский)

Действительно, самостоятельных изысканий, научной работы, **подобной** той, что велась в ту пору на Западе, древняя Русь **совсем** не знала; сведения, находившиеся в ее обращении, были заимствованными; самостоятельные произведения ума, литература оригинальная, была ничтожна и, можно сказать, **тонула** в литературе переводной, эта же последняя, вместо реального знания, сплошь и рядом вносила и закрепляла самые искаженные представления об окружающем **мире**, населяя его фантастичными существами и явлениями

И все же данную оценку домонгольского периода **можно** принять лишь с большой оговоркой. Великое дело, совершенное Владимиром Святым, — введение христианства — как-никак выделило **из общей** массы общества известный культурный слой и позволило **ему при-**

коснуться к тому просвещению, что доходило из Болгарии и Византии. Слои **этот** был не только грамотный, читая, он думал **над** прочитанным, **может** быть, он не всегда толково разбирался в нем, во всяком случае **Он** мыслил, ставил вопросы. Слои **этот** был очень, даже очень тонкий, напоминая собою глазурь, наведенную на грубую глиняную посуду, **Или лак**, под которым скрывается неотесанное дерево; но эта «глазурь» реет **же** была налицо, **она**-то и послужила исходным началом будущего духовного прогресса и помогла искре, зароненной Владимиром, разгореться впоследствии ярким огнем.

На этом слое, тонком и хрупком, жидилось будущее просвещение России, из **него** оно выросло. Из **кого** же состоял он? Прежде всего это **были** люди из духовенства, уже в силу своих обязанностей и положения не чуждые книге; затем правящий класс князя и дружинники. Отдельные единицы — культурные сливки — даже смогли **или** сумели вплотную прикоснуться к византийскому знанию, так сказать, напитаться им, как, например, митрополиты Иларион, Климент Смолятич, епископ Туровский Кирилл; другие, степенью ниже, но все же высоко возвышавшиеся **над** толпой, сознавали значение образования, искали **его**. Всеволод, **сын** Ярослава Мудрого, владел дядью языками; знатоком языков, большим любителем **книг** был и Ярослав Осмомысл; смоленский князь Роман Ростиславич тратил большие деньги на заведение **школ**, содержание учителей, набирая **их** из греков и латинян; знаменитый Владимир Мономах не только *читал*, но и *писал*. «Еще более замечательным ревнителем просвещения был великий князь владимирский Константин Всеволодович (сын Всеволода III). Наученный многим языкам, он не щадил ничего для приобретения **книг**, держал **при** себе ученых людей и заставлял их переводить с греческого языка на славянский, в библиотеке его находилось одних греческих **книг** более тысячи, которые частью были куплены им самим, а частью получены в **дар** от патриархов» (Макарий).

, Наиболее яркими представителями **этого** культурного слоя были

1. *Митрополит Иларион*, современник Ярослава Мудрого, написавший «Слово о законе и благодати и Похвалу кагану нашему Владимиру» Основная мысль: светом христианского учения Русь обязана не константинопольской Церкви, не грекам, а Владимиру, своему князю. Это произведение, выдающееся по силе природного **Таланта** и ораторского искусства. Образованный человек, хорошей **Школы**, большой мастер в отделке частных, оратор самого высокого Разряда, изящный в изложении мысли, Иларион нигде не доводит своего красноречия до излишества; зная в совершенстве науку ораторского искусства, он всегда соблюдает должную меру и с замечательным умением построяет свою речь. «Слово» Илариона стоит на Уровне самой блестящей и безукоризненной речи. Это Карамзин XI ^ка (Голубинский). Это «перл всей нашей духовной литературы

первого периода» (митрополит Макарий). «Во всей нашей **словесности** древней и новой, я ничего не знаю, что изображало бы **нам нашего** Владимира Великого вернее и живее, с такой правдой исторической чувством сердечным, прелестью и свежестью выражений и поэтическим колоритом. Видно в каждом слове, что говорит человек по **собственному** наглядному опыту коротко знакомый со своим любимцем, следивший за ним долго и с любовью; и когда его не стало, в **один раз** все многолетние думы и чувства сердца высказал в своей пламенной речи, запечатлел в образе, которым этот чудный и святой государь является глазам самого позднего потомства как бы присущим, **живым**. Так живописуют одни лишь великие художники» (Бодянский). «Слово» пользовалось большою известностью у русских **книжников**; они брали его за образец при составлении своих «слов» и «**похвал**». И не только русские, но и сербские: они списывали сочинение **Илариона** и руководились его красноречием.

Примечание. «Слово» состоит из двух **частей** в первой, вступительной, автор доказывает **преимущества** Нового Завета, христианства («благодать») перед Ветхим Заветом и его олицетворением, иудейством («закон»). **Вторая** часть содержит «Похвалу князю **Владимиру**», как насадителю этой «благодати» в Русской земле, просветившему ее светом **крещения**. В деле крещения Иларион **особенно** старательно подчеркивает личную **инициативу** князя, может быть, не без полемических **соображений**. Незадолго до составления «Слова», в 1037 году, учреждена была **русская** митрополия, из Византии прислан был с **многочисленным** клиром грек-митрополит, **что** открыло греческому влиянию широкий **доступ** в России. Новоприбывшие, по-видимому, **старались** понизить значение Владимира в деле введения христианства на Руси, приписывая главную заслугу константинопольской **Церкви** — эту мысль и парирует Иларион в **своем** произведении (Истрин).

2. Другой киевский митрополит, тоже из природных **русских**, *Климент Смолятич*, современник Изяслава II. Современники **называли** его «книжником и философом, какого в Русской **земле** не бывало». Его «Послание к пресвитеру **Фоме**» дает основание **говорить** о знакомстве автора с классическими писателями древности (**Гомер, Аристотель, Платон**), если не непосредственно, то по крайней **мере**

из вторых рук Помимо того, Послание «важно для нас само по себе, как факт полемики между двумя направлениями богословской мысли; одно держалось строго отцов Церкви и Сь Писания, другое — признавало возможным в своих философско-богословских рассуждениях черпать материал и из писателей светских, принадлежавших античной языческой древности. Важна, стало быть, наличность полемики, показывающей степень напряжения философских и богословских интересов среди выдающихся русских людей XII века» (Перетц).

Если философская мысль, как известное умственное течение, наподобие того, какое наблюдается в средние века в Западной Европе, — в [древней Руси и отсутствовала, все же отрицать в ту пору у нас «существование некоторых философских сведений и прочного «мировоззрения», отдельные пункты которого были не лишены философской окраски, нет никаких оснований» (Чижевский), хотя самые сведения брались из вторых рук, притом в передаче далеко не всегда ясной и точной Роль передаточной инстанции выполняли хроники Малалы, Амартола, особенно сборник «Пчела», обильно снабженный изречениями, заимствованными у Аристотеля, Демокрита, Диогена, Эпиктета, Эпикура, Пифагора, Сократа, Филона. Кроме того, в XII в. на Руси появился перевод Богословия Иоанна Дамаскина («Слово о правой вере»).

«Дамаскин из всех авторов сыграл наибольшую роль для воспитания способности к философскому мышлению в образованной части русского общества. Строгая аристотелевская школа мысли Иоанна, ясное изложение, хороший перевод должны были сильно содействовать делу» (М. Шахматов).

3. Есть основание допускать существование во времена Климента Смолятича русского *Схедария*, т. е. Объяснительного словаря, расположенного в азбучном порядке. Он толковал значения слов, синонимов; учил произношению и правильному написанию их, представлял собою своего рода высший курс грамматики. Если это так, то «придется признать, что Древняя Русь обладала не одной только низшею грамотностью, состоявшей в умении читать и писать, но грамотностью высшей. Хотя это еще не была настоящая наука, все же это был известный шаг на этом пути» (Голубинский).

4. Кирилл, епископ Туровский, современник Андрея Боголюбского, большой мастер ораторского слова. Ученик греческих церковных ораторов, он позаимствовал от них их знания и искусство, но остался самим собою, сохранил свою оригинальность, и его проповеди, отнюдь не слепое подражание образцам, а продукт самостоятельного творчества. Подобно Илариону, Кирилл также прошел *научную* школу; он изучал науку проповедничества, знал ее и писал свои проповеди, применяясь к тем требованиям, какие эта наука предъявляет к оратору

5. Нестор и Сильвестр, составители Первоначальной летописи.

6. Феодосии Печерский, автор многочисленных (до десяти) поучений.

7. Владимир Мономах, автор «Поучения детям».
8. Даниил Паломник, автор «Хождения по святым местам»
9. Неизвестный по имени автор «Слова о полку **Игоре**»

Эти последние «свидетельствуют о живом возбуждении просветительных интересов, о стремлении внести в жизнь сознательные начала, о высоком настроении чувства — но для всех этих задатков не нашлось, к сожалению, достаточной опоры в правильной постановке просвещения, а затем и в благоприятных внешних условиях» (Пыпин)

Двоеверие. Народные праздники и поверья.

Рядом с указанным тонким культурным слоем стояла масса народная, т. е. все остальное население страны, косневшее в невежестве Школ было ничтожное количество, почти полное отсутствие их, они существовали только в главных городах, да и то лишь немногие из жителей данного города пользовались их услугами. Вот почему, хотя христианство и пробило в толще народной некоторую брешь, но на первых же порах брешь эта засорилась так называемым двоеверием, механическим сочетанием христианской веры с верованиями языческими

Приняв крещение и отказавшись от своих языческих богов, русские люди далеко еще не стали христианами в истинном значении этого слова. Конечно, проповедь и борьба духовенства с языческими верованиями делали свое дело; сознание достоинства новой веры постепенно проникало в народную массу; но самые верования и прежние обычаи, при всем их противоречии с новым учением, не исчезли, только приладились, и то не во всем, к христианским формам. Люди ходили в церковь, носили нателные кресты, молились христианскому Богу, выполняли обряды, предписанные Церковью при совершении брака, при похоронах, в болезни, при рождении, но не забывали и своих языческих богов, молились, продолжали приносить жертвы и им. Вчерашние поклонники Перуна и лешего свели в массу новую веру к тому, что усвоили лишь новые формы, приспособив их к старому содержанию, лишь перелицевали старые праздники и обряды, переодев их в иную одежду, под другим названием. Христианские святые почитались, но в них видели тоже богов. Обе веры мирно уживались, одна подле другой. Поклонение огню, болотам, душам умерших продолжалось по-прежнему; трапезы роду и рожаницам ставились, как и раньше; за волхвами и кудесниками признавалась высшая сила, правда, сила злая, нечистая, обычно предвещавшая какое-нибудь бедствие; при случае волхвов избивали, сжигали, но совершенно игнорировать их опасались и потому считались с ними. Обычай многоженства еще долго держался; не везде прекратилось и «умыкание» жен; врачующихся венчали не только церковным браком, но еще и «вокруг ракитова куста», с соблюдением прежних языческих свадебных обрядов. Более того. Долгое время брак церковный считался

необходимым лишь для князей и бояр, простонародье же большую **частью** обходилось совсем без него.

Такое двоеверие, такое механическое сочетание христианства со **старым** язычеством проходит яркой чертой через всю русскую историю; с течением времени оно слабеет, но не исчезло окончательно даже и **в наши** дни. Духовенство посылно боролось со злом, обличало (см., например, поучения Серапиона, епископа владимирского, XIII в.), но с малым успехом: лишенная просвещения народная масса не видела \серьезных оснований к изменению своих понятий; и духовенство в **конце** концов оказалось побежденным: борьба пришлось ему не по **силам** — оно пошло на уступки, приспособляясь к старым верованиям и соглашаясь сохранить их, лишь бы они приняли несколько **христианский** облик. Создалась сложная амальгама языческих и церковных **обрядов**, в которых языческая сущность очутилась в христианской **оболочке**, а новые верования сами оделись в языческое платье. Это **особенно** наглядно можно проследить на наших русских празднествах, народных и церковных: те и другие тесно прилипли друг к другу и **зачастую** совершенно перемешались, переплелись между собою. Та- **ковы**, например, коледа, масляница, семик и радуница, или Иван **Купала**, приуроченные к Рождеству Христову, к Пасхе, Троицыну и Иванову дню.

Колета празднуется под Новый год: в основе этого праздника **лежит** идея *новолетия*, начала новой жизни. По времени колета совпадает с зимним солнцестоянием, с переломом зимы, когда дни **начинают** нарастать и в природе чувствуется возрождение новой жизни. Приуроченная к христианскому празднику Рождества, в основе **которого** заложена та же идея, колета неразрывно слилась с ним, в результате чего получилось смешение двойных обрядов: маскирование, **игры** (хоронение золота, игра в колечко), гадание (льют воск и **проч.**) — и «звезда путешествующая», цари-волхвы, идущие на **поклонение** родившемуся младенцу, символу обновления и новой жизни. **Обычай** славления («славить Христа») и собирания подаяния («ко- **лядования**») — пережиток языческой веры, когда подарки собирались **Для** общего жертвоприношения божеству. Со днем Крещения, 6 января, кончаются «святки»; обычаем купания в иорданской воде (**очише-
ние**) — чисто языческого происхождения.

Волос, скотий бог, превратился в св. Егория, и в Егорьев день, 23 апреля (конец зимы, начало весны) в деревнях обыкновенно принято выгонять скот на первый подножный корм: «Святой Егорий встал (**после** зимнего сна) и отворил землю, чтобы росла трава зеленая».

Обычай языческой тризны, пиршества на могиле родственников • тризну великой княгини Ольги над могилою ее мужа Игоря) **пре-
вратился** в *масляницу*, которая также проходит в еде и питье, причем "Лины составляют необходимую принадлежность поминовения **успо-
ших**.

Пасха — праздник весенний; весеннее пробуждение природы выражалось в языческую пору соответственными обрядами, и праздник Воскресения Христова слился с *погребением Кострубонька*. девушки составляют круг, одна из них падает, ее оплакивают; йотом она поднимается при пении радостных песен.

Весенние песни хороводные (с круглым хлебом и красным яйцом) и до сих пор поются на *Красной Горке*, приуроченной к Фомину воскресенью.

Семик — четверг на седьмой неделе по Пасхе, день русалок Это праздник, связанный с поминовением умерших и верованием в возвращение души покойника на землю (гадание, бросание венков в воду, завивание березки). В Троицын день (через три дня после семика) русалки падают с деревьев, и для них кончается пора весенних наслаждений.

Радуница — другая форма чествования памяти умерших, тоже приуроченная к Троицыну дню: в домах и перед домами ставятся «березки», а церковь в этот день украшается цветами и растениями; она объясняет этот обычай как «обновление людей силою снисшедшего Духа Святаго», но в действительности это придание христианских форм старому языческому обряду.

С Троицына дня вплоть до начала Петрова поста *русалки живут* на земле, в лесах, на деревьях, любимом пребывании душ по смерти

Иван-купало — народный праздник солнца, приуроченный к поре высшего солнцестояния, — апогей развития и напряжения солнечной силы и в то же время исходный момент ее предстоящего умирания. Эта двойная идея выражена в целом ряде поверьев и обычаев. В этот день, вернее: в ночь с 23 на 24 июня, зажигают костры, прыгают через них (очищаются), сжигают соломенную куклу, петуха — птицу, угодную солнцу: она первая приветствует рассвет и наступление дня; в эту ночь, и толькo в эту ночь, однажды в год, папоротник распускает свои обладающие чудодейственной силою цветы; эта же ночь посвящена и культу половой любви (Купала и Ярило; женское и мужское начало; цветок Иван-да-Марья). «Ночь Купалы исполнена чародейных явлений: поверхность реки бывает тогда подернута серебристым блеском; деревья переходят с места на место, и шумом ветвей разговаривают между собою; кто имеет при себе папоротник, тот может видеть, как расходятся дубы и составляют свою беседу, может слышать, как разговаривают они про богатырские свои подвиги. В Иванов день солнце выезжает из своего чертога на трех конях, серебряном, золотом и бриллиантовом, навстречу своему супругу, месяцу; в проезд свой оно пляшет и рассыпает по небу огненные искры» (Соловьев). Празднование купалы приурочено к празднику рождества Иоанна Крестителя. Самое слово *купало* есть замена слова «Креститель»: указание на того, кто *купал* в воде.

I *Илья Пророк* — слился в понятиях народных с Перуном Громо-
вержем: считается естественным, если 20 июля гром гремит и Илья
Скашлся по небу на своей колеснице».

I *Примечание. Два мира.* Эти два слоя, культурный
I и двоеверный, передовая часть общества и
темная толпа народная, представляли собою
j два отдельных, различных мира, каждый со
своими идеалами, своим миропониманием.
I Раньше, до введения христианства, такого
рода раздвоения не существовало, а не станет
ли оно теперь, с течением времени, усили-
ваться, И пропасть между «простым» и «об-
разованным» классами, между «подлым» и
«благородным» не окажется ли со временем
еще более глубокою? «Разрыв с народом»
обыкновенно связывается с реформою Петра
Великого, — не начался ли, однако, он еще
г. с XI—XII вв.? Иван Грозный гордится своим
* «иностранным» происхождением; князю Хво-
ростинину, этому Чаадаеву XVII века, «не с
!^ кем жить» в Москве, потому что там «народ
все глупый»; молодой Ордын-Нашокин изме-
няет родине по тем же мотивам. В XIX веке
л «лишние люди» не находят применения своим
силам. Но ведь и умственные сливки XI—
XII вв. — **какая** почва была у них под ногами?
Пустили ли они прочные корни? Могли ли
пустить их? Имелись ли налицо благоприят-
ные для этого условия? Не походили ли Ила-
рионы и Клименты на тепличное растение,
которому грозит неминуемая опасность замерз-
нуть, лишь только оно покинет свою оранже-
рею?

Церковь и книга.

V Двоеверие выросло на почве духовной темноты; массе народной
^Доставало главного: школы, хотя бы самой простой, элементарной
\$о известной степени эту школу восполняла ему церковь, ее служба
fir родном, понятном языке и устная проповедь с кафедры вводили
\$>Ихожанина в круг христианской истины. Но многие ли были до-
Яйточно подготовлены к тому, чтобы разъяснять эту истину и служить
Собственным примером? Общий уровень самого духовенства был очень
«^Высокий, и если выделить отдельные единицы, то пастырь духовный
^Частую стоял немногим выше пасомого стада.

Гораздо больше могла дать церковь высшему, культурному, классу уже по одному тому, что ему, помимо церкви, доступна была еще книга. Вообще церковь и книга (письменность) являлись краеугольным камнем того, что можно назвать просвещением в Древней Руси, и потому, для более отчетливого представления основ, на которых оно зиждилось, необходимо выяснить, какие именно книги, т е какого рода письменность находилась в распоряжении древнерусского общества, чему эти книги обучали, какого рода знания почерпал в них читавший и как сам он претворял, в деловой прозе или в художественных образах, свою мысль, усвоенную со стороны или зародившуюся самостоятельно у него в голове.

II. Письменность и литература.

А. Общие замечания.

1. *Как проникало греческое просвещение в Русскую землю?* Двояким путем: непосредственно из Греции и через Болгарию благодаря родству языка, Болгария надолго стала литературной посредницей между Россией и Византией. После некоторого перерыва в XII — XIII вв. южнославянская (болгарская и сербская) письменность, в известной зависимости от усилившихся сношений России с Константинополем и Афоном (1350 — 1450), снова стала оказывать большое влияние на русскую литературу. «Русская колония в Константинополе завела деятельные сношения с колонией болгарской. Интересуясь книжным делом, она, с одной стороны, добывала от южных славян их книги, изготовляла с них списки, отправляла их на родину, с другой — доставляла южным славянам неизвестные им русские тексты и хлопотала о сверке последних с греческими оригиналами. Сверх того, некоторые члены русской колонии, более или менее знакомые с греческим языком, сами предпринимали исправление своих текстов. Сверх того, в самой России появились южнославянские выходцы»: М. Киприан (1390 — 1406), Григорий Цамвлак, Пахомий Логофет. «Значение южнославянского влияния на русскую письменность в XIV — XV вв. очень важно. Благодаря ему, русская письменность обновилась во всех отношениях» (Соболевский)

2. *Объем русской письменности за XI—XIV вв.* Точного представления о том, как велико было количество «выпущенных в свет изданий» составить нельзя: дошла до нашего времени лишь меньшая часть того, что было написано. Многие навсегда погибли в татарском разгроме 1237 — 1240 гг.; может быть, еще больше погубили пожары и собственная небрежность. Книги скапливались, главным образом» при церквях и монастырях: там в них более чем где нуждались и потому более, чем кто иной, дорожили ими; между тем пожары не щадили ни церквей, ни монастырей, как вообще не щадили городов-

С 1152 по 1555 г., т. е. за 400 лет, выгорело на Руси около девятисот (900) церквей (городских и монастырских), а с ними, несомненно Погибло много рукописей. Общее число сохранившихся книг (рукописных сочинений) таково* составлено и написано в первые четыре века (до 1401 г.) 708 книг.

в XI в	22 книги
в XII в.	87 книг
в XIII в	142 книги
в XIV в.	457 книг

всего 708 книг

Из общего числа 708 книг более двух третей приходится на долю книг церковных: 233 книги на Священное Писание (Евангелия, Апостолы, Псалтири, Паремейники) и 265 книг — на богослужебные (Минеи, Триоди, Октоихи, Служебники и проч.¹ Общее число всех существовавших в этот период четырех веков книг «едва ли могло значительно превышать 20 000, т. е. средним числом в течение XI, XII, XIII и XIV веков писалось в России в год всего около 50 книг» (Волков)

¹ 3. *Переводные и оригинальные книги.* Вся эта литература (708 Книг) в громадном числе — переводная: оригинальные русские произведения (считая тут и компиляции сочинений иноязычных) прямо Фнут в море чужеземного. К числу оригинальных относятся главным образом летописи, жития русских святых, проповеди, сочинения, указанные выше в главе «Культурный слой»; «Слово о погибели земли Русской», «Задонщина», описания путешествий, несколько посланий — вот, пожалуй, и все то оригинальное, что оставила нам русская письменность за первые четыре века своего существования

Б. Цикл церковно-богословских книг.

Священное Писание.

н Священное Писание, т. е. книги Ветхого и Нового Завета Это Яли первые книги, появившиеся у нас на Руси, первые литературные |ЗМятники, сообщившие нам христианскую образованность «Священ- \$е Писание открывало целый мир, во всем столь отличный по Црактеру от древнего нашего языческого, вносило новые идеи и Снятия, новые общественные и семейно-бытовые нормы, наконец, 1&вало многие исторические знания, и эти познания давались впервые» Возтому Священное Писание, особенно книги Нового Завета, оказали фдчительное влияние на жизнь. Следы этого влияния легко заметить

А По другому расчету: 470 книг богослужебных, 218 четий, 20 небого- %ясебных (Никольский).

на всей нашей письменности древнего периода (Сперанский) **Особенно** Псалтирь (псалмы царя Давида) получила на Руси широкое **распространение**. Помимо целей богослужбных, она была одною из любимых чтений и на дому, в частной жизни, «настолюною книгою всякого грамотного человека. По ней учились читать и писать, в ней находили назидание и утешение; из нее извлекали богословское учение о судьбах христианства, наконец, когда суеверие стало смущать умы, на Псалтири же гадали о будущем люди суеверные, подобно тому, **как** богословы в текстах ее и в прилагаемых миниатюрах видели неложное пророчество о судьбах мира» (Буслаев).

Полного перевода книг Ветхого Завета русский читатель **не имел** вплоть до конца XV века, пока новгородский архиепископ Геннадий **не** изготовил перевода на русско-славянский язык полной Библии (**1499**) Зато Евангелие уже с самого введения христианства имелось в **двух** видах: а) Богослужбное, так называемый *Лпракос*, т. е. Недельное, расположенное по воскресеньям («неделям»), начиная с воскресенья на Пасхе: в порядке церковных чтений евангельского текста из воскресенья в воскресенье и по праздничным дням, и б) Четвероевангелие, так называемый *тетр*, в порядке евангелистов (Матфей, Марк, Лука, Иоанн), последовательно, глава за главой, в том виде, как написаны В Четвероевангелии текст полный, в апракосе — опущено все, что **не читается** за церковною службою. Самый древний дошедший **до нас Апракос** — Остромирово Евангелие 1056—1057 гг.; самый древний **тетр** — Евангелие 1144 г., писанное в Галиции.

Апокрифы (Отреченные книги).

Апокрифы — значит, тайные, сокровенные книги; *отреченные* — неканонические, т. е. непризнанные за боговдохновенные. Апокрифы и на Западе, и у нас на Руси имели обширный круг читателей, являясь своеобразным дополнением к каноническому Писанию. Не признавая их боговдохновенными, Церковь, по крайней мере вначале, все же не отвергала их безусловно, а относилась к ним терпимо. Одни из апокрифов она всегда признавала безусловно вредными, лишними, например, книги гадательные, прорицавшие будущее, **зато** к другим относилась снисходительно и не осуждала, если чтение делалось с выбором, с пониманием того, на чем можно остановиться и что следует отбросить, — вообще лицами, способными «уразуметь их сокровенный смысл», и только в позднейшее время Церковь **совершенно запретила** пользование апокрифами, «отреклась» **от них**.

Да и как было запрещать сплошь все апокрифы, если **сами Отцы** Церкви воспитывались на них, видели в них остатки предания о действительных событиях? Тем более, что отсутствие исторической критики не всегда позволяло отличить каноническую книгу **от неканонической**, и хотя списки «ложных книг» стали издавна появляться, как в Византии, так и у нас на Руси, это не избавило даже митрополита

Доакария, одного из просвещеннейших русских людей XVI столетия, Признать «Книгу Еноха» за каноническую и внести ее в свои «Четьи-Доинеи» как таковую

Любознательность религиозно настроенного ума — вот что главным образом породило апокрифы. Взятые в целом, апокрифы — это «та же «Священная история», тот же «Ветхий и Новый Завет», но, вдобавок, полный завлекательных и часто поразительных подробностей из жизни Спасителя или Адама, Ноя, Авраама, Соломона и др., — сочетание легенд и фантастических вымыслов с историческими фактами. Благочестивый, но невежественный ум, неудовлетворенный сжатостью, неполнотой, недосказанностью канонического евангелия или ветхозаветного рассказа, находил в них ответ на свои пытливые запросы. Каноническое Священное Писание, само выросшее из сочетания легенд с историческими фактами, открывало народному легковерию широкое поле для фантазии, которая и поспешила облечь созданные ею образы в привлекательные поэтические формы, причем религиозное настроение этой фантазии придало апокрифам и в самом изложении ту же серьезность и важность, какая присуща всей Библии. Возвышенная простота рассказа, загадочность слов напоминали верующему читателю то же божественное слово, какое он искал и находил в каноническом писании. Одно уже это производило впечатление, сами же рассказы «представлялись как бы необходимым добавлением к тому, что не было досказано в библейских книгах и что было, однако, исполнено величайшего интереса для верующего, который, естественно стремился ближе узнать тайны творения, умолченные главы в священной истории, земную жизнь Христа; тайны жизни загробной. Апокриф доставлял обо всем этом множество самых завлекательных, часто поразительных и обыкновенно наглядных подробностей. Там, где библейский и евангельский рассказ был краток и особенно возбуждалось любопытство, апокриф являлся, чтобы досказать то, чего не было в священной книге, и в представлениях читателя то и другое сливалось в одну цельную картину» (Пыпин)

«Как у иудеев, так и у христиан, апокрифы сначала не имели того дурного значения, какое они получили впоследствии. Возникнув из религиозных преданий, под влиянием священных книг, и заключая в себе интересные и поучительные рассказы, предлагавшиеся от лица Древних патриархов, пророков, апостолов и святых отцов, они читались не только простыми, но и образованными людьми. Осуждению и запрещению апокрифические книги стали подвергаться тогда, когда Начали злоупотреблять ими разные еретики для распространения своего учения, переделывать их и составлять из них новые книги» (Порфиров, 299)

Успех апокрифов обуславливался самою легендарностью сюжета. Для малокультурных масс легенда давала даже больше, чем само Священное Писание: она преподносила простому человеку свои све-

дения в конкретных образах, в понятном и вполне доступном виде, объясняя и отвечая на многие вопросы, Священным Писанием только намеченные или совсем не затронутые (Сперанский).

Действительно, чего только не вычитывал любознательный читатель в апокрифах, каких только диковинных и заманчивых повествований не предлагали они ему! Вот сказания об Адаме и Еве о том, как Бог освободил первого человека от скверны и 70 недугов, напущенных на него сатаной; как позаботился дать ему имя и послал для этого ангела взять *Аз* на Востоке, *Добро* на Западе и *Мыслете* на Севере и Юге; как Господь показал Адаму во сне свою смерть, распятие, воскресение и вознесение на небо, как, будучи изгнаны из Рая, Адам и Ева мыкались голодные по свету, и как Бог умилосердился над ними, дал им, «отделив седьмую часть рая», поесть плода тернового, а потом послал пшеницы и меду; как, для освобождения от дьявола, Адам пробыл 40 дней в Иордане, пока Ева стояла в реке Тигр, погрузясь в воду по шею. Перед смертью Адам приходит к вратам Рая, Ева с сыном Сифом приносит ему оттуда ветку дерева, и он возлагает ее себе на главу. «И увидел он тогда руку Господню, приемлемую его душу Явились с неба кадильница с ладаном и три ангела со свечами. И повелел Господь архангелу Михаилу отнести тело Адама в рай*.

Вот «Книга Еноха» — пророчества о будущем страшном суде, о наказаниях, которые ждут праведников и нечестивых; тут же и легенда о том, как пали ангелы, согрешившие с дочерьми человеческими. Вот «Сказание о Ное», о том, как Ной, упившись вином, раскрыл жене своей тайну — построение, по велению Божию, ковчега, и как он был наказан за то. В апокрифе «Смерть Авраама» рассказывается, как Авраам, прежде чем умереть, был взят на небо, чтобы посмотреть все дела Божий, и как, вернувшись на землю, он творил, с дозволения Господа, свой суд над людьми.

Апокрифы рассказывали, как Лот искупал свой грех; как Давид писал свою Псалтирь: запаканная в ковчеге, она была брошена в море и потом уже, по смерти Давида, найдена Соломоном. История Моисея и исхода евреев из Египта, рассказ, даже в канонической Библии обильный чудесным и сказочным, все еще не вполне удовлетворял фантазии христианского читателя — и вот возникает апокриф «Исход Моисея», полный всякого рода прикрас и вымыслов. Личность Соломона и царицы Савской, в свою очередь, дали богатый материал для апокрифа

Земная жизнь и страдания Спасителя породили большое количество описаний. Кроме четырех канонических евангелий, существовало еще свыше 30 апокрифических (из них до нас дошло всего семь). Сами апостолы свидетельствовали, что в первом веке по Р.Х. ходило много рассказов о Спасителе, не во всем правильных. Таково «Первоевангелие Иакова», «Евангелие Никодима», «Евангелие Фомы»-

О них описывалось рождение и детство Христа, страдания и смерть, шествие в ад, благовещение у колодца, когда Дева Мария ходила да водою; история Иуды-предателя, смерть Пилата, раскаившегося и помилованного.

«Сказание Афродигиана» излагало историю поклонения волхвов, связывая ее с чудом в персидском храме, где мраморные идола сошли со своих пьедесталов и поклонились идолу богини Иры, дав ей имя 4ириа (Мария). Так как, — говорили они, — ее возлюбилосолнце она зачла во чреве».

Сколько драматизма в рассказе о том, как Иисус Христос освободил из ада пребывавших там ветхозаветных патриархов, пророков В праведников! Силы Господни разрушают ад; стены адской темницы колеблются; адские силы трепещут, в ужасе бросаются вспять, сбивая друг друга, спотыкаясь; иные цепенеют, как мертвые. Входит Господь с победным оружием в руках: с крестом, символом спасения Адам В ужасе, ударяя себя в грудь, приветствует Его; Христос берет его за руку и выводит из ада, как и всех остальных.

Благостный облик Богоматери, девы *скорбящей* за все человечество, дает тему для поэтического «Хождения Богородицы по мукам». Богородица пожелала видеть воочию мучения грешников и спускается в ад; архангел Михаил, в сопровождении 400 ангелов, проводит ее по местам, где мучаются наказанные Тягостное зрелище раскрывается Перед нею: одни погружены в огненную реку, повешены за ноги — это ростовщики; за зубы — это сплетницы; в огненном облаке лежат на Кроватях ленивцы, проспавшие заутреню и полинившие подняться, **Чтобы** идти на нее. Клеветники висели повешенные за языки на дереве из железа; в смоле, клекотавшей огнем и вздымавшейся, подобно волнам морским, Богородица увидела тех, кто мучил Христа, и тех, кто отшатнулся, отвергся от него; в огненное озеро были ввержены те, кто при жизни творил дела дьявола и не успел покаяться перед смертью Тронутая всем виденным, Богоматерь возносится к престолу Бога Отца и молит о снисхождении — ее мольбы однако не услышаны; она сзывает пророков, апостолов и евангелистов, прося их присоединить свой голос к ее мольбам, — не помогает и это. Наконец Богоматерь призывает все силы небесные, и только тогда, перед этой неотступной мольбой Великой Девы и всех святых, смилосердился Господь: Он послал своего инородного Сына, и тот дал снисхождение мученикам: от Великого Четверга до Пятидесятницы мучения для них приостанавливались.

Деяния и мученическая кончина апостолов служили также интересным сюжетом для апокрифов; сложились особые сказания о Петре * Павле, об Андрее Первозванном; широкий круг читателей находили Обходы (путешествия) апостолов».

* Вот «Видение апостола Павла». Вся природа жалуется Богу на *закония людские: и солнце, и звезды, и луна — им тягостно смотреть на человеческую неправду. Особенно плачется земля: всюду

царит разбой, клевета, обман; отец восстает на сына, сын **на отца** брат на брата. Каждый день, по заходе солнца, ангелы, приставленные к людям, приходят к Богу и доносят ему о деяниях людских **кто** радостный, кто, чаще, печальный, с рыданием. Ангел ведет **апостола** Павла в бездну, где тьма и мрак; проводит под твердью небесной, показывая ему, как души праведников и грешников отходят **от мира**, возводит на третье небо, где пред вратами находят скрижали **на** двух золотых столпах с начертанными на них (скрижалях) именами **пра-**ведников. На золотом корабле апостола везут в град Христов, который светится сильнее земного света. Там протекают 4 реки: одна **течет** медом, другая молоком, третья вином с елеем, четвертая **маслом**. Апостол видит разверзшееся небо и престол Господень; наконец, он побывал в раю, где видел Богородицу, гуляющую в сопровождении 200 ангелов; видел Авраама, Исаака, Иакова, Моисея, ветхозаветных пророков, разговаривал с Ноем о потопе.

Вопрос о будущей судьбе человечества на земле, о последних **его** днях: что станет с этим видимым миром, какова будет его загробная жизнь? Каким мытарствам подвергнется наша душа на том свете? - эти и тому подобные вопросы всегда живо волновали человека и породили так называемую *эсхатологическую* литературу. Упомянутая выше «Книга Еноха», памятник еврейской литературы, пользовалась большим авторитетом у самих христиан и послужила образцом для сочинений подобного рода. Русский человек не ушел от этих вопросов и охотно читал книги эсхатологического содержания. Наиболее **рас-**пространенными были: «Сказание св. Ипполита о скончании **мира** и антихристе», «Слово Ефрема Сирина о кончине мира» и «Откровения Мефодия Патарского о последних временах».

Палея.

Надо различать две Палеи: Толковую и Историческую (краткую). В истории духовного развития русского народа гораздо большее **зна-**чение имеет первая, Толковая. Это было изложение библейской **ис-**тории вперемешку с апокрифами и собственными толкованиями и объяснениями полемического характера. Объяснения направлены **про-**тив «жидовина» в целях оправдать Новый Завет, а ветхозаветную историю представить как символ Нового Завета и, следовательно, придать ей служебное значение. В этом основная идея Палеи, «**одного** из важнейших памятников древнерусской литературы». Вплоть до Геннадиевой Библии Палея заменяла ветхозаветный библейский текст, сохранив свой авторитет до самого начала XVIII века. Еще протопоп Аввакум ссылался на Палею, как на Св. Писание (Тихонравов).

Богословско-учительная литература.

Кроме Св. Писания и апокрифов, просветительным целям служила обширная, тоже большею частью переводная, богословско-учительная

литература, самая крупная по объему: творения отцов и учителей Церкви и сборники поучений. На учительной литературе главным образом держалось древнерусское просвещение: на ней воспитывались, а на ней искали образцов для подражаний. При всем том она была **уделом** сравнительно немногих: по самому характеру затрагиваемых ею вопросов, она далеко не всем была по плечу. Зато в этой области **появлялись** не исключительно одни переводы среди богатого материала заимствованного нашлось место и самостоятельным компиляциям и подражаниям; но в литературный оборот они пускались обыкновенно без имени автора, и потому их нелегко выделить из переходных.

Примечание. «При особенном взгляде на личность автора, какой господствовал в древности, не только большинство авторов таких поучений, смиренно скрывших и просто не назвавших своего имени, осталось нам совершенно неизвестным, — более того: к поучениям, особенно понравившимся читателям, придавалось какое-либо знаменитое имя, чаще всего Златоуста или Василия Великого и др.; с этим именем поучение, получая больше доверия, поступало в обращение. Такие поучения обращаются вместе с подлинными, и только научная критика, и то не всегда, вскрывает их принадлежность русскому автору Киевского периода; таковы, например, многочисленные слова со стереотипным заглавием. «Како жити Христианом»; в числе их, несомненно, есть и переводные, и переделанные из переводных, и свои подражания этим переводам» (Сперанский).

1. Первыми по времени появления сборниками были так называемые «Изборники Святославовы», 1073 к 1076 гг. с разнообразным Церковно-догматическим содержанием (Толкование Священного Писания, статьи наставительные о посте, молитве; философского и литературного содержания) — копии болгарского перевода греческого Подлинника, приготовленные для киевского князя Святослава Из Других сборников, более позднего времени, из числа наиболее употребительных, были: «Златоструй», «Маргарит», «Златая Матица», «Златая Цепь», «Измарагд». В них часто встречаются слова поучения Иоанна Златоуста — читатель почерпал в них правила христианской Морали; также: поучения на дни Великого поста, разного рода нравственные наставления. «Измарагд», составленный на рубеже XIII и

XIV вв., служил руководством в мирской жизни: это был прототип будущего сильвестрского «Домостроя» XVI века.

2. Одной из самых любимых и наиболее читаемых книг в Древней Руси был сборник «Пчела». Таких «Пчел» было несколько. Они предлагали сводку кратких изречений из Священного Писания, отцов Церкви и языческих писателей и тоже служили кодексом житейской морали, наставляя, как жить, как вести себя, как сохранить чистоту, телесную и душевную, блюсти правду, быть добродетельным и мудрым, оставаться верным в дружбе, любить ближнего и т. п. Отрывочность изречений пришлась особенно по вкусу и по силам древнерусскому читателю: он без труда мог запоминать их и пользоваться в меру надобности, «а резкая выразительная форма и особенно анекдотический характер многих выписок, где нравственные и житейские истины представлялись в замечательных случаях и положениях жизни, делали их особенно привлекательными, потому что они доставляли в одно и то же время и наставление, и забаву, и пользу, и удовольствие. Предки наши не боялись читать «Пчелы», потому что, хотя они и заключали в себе много изречений языческих писателей, но рядом с этими изречениями они встречали места Священного Писания и отеческие, которые, так сказать, освящали в их глазах эту языческую мудрость» (Порфирьев).

Литература полемическая (против иудейства и латинян).

В кругу богословских вопросов держала читателя и литература *полемическая*, направленная против иудейства и латинян. Такова была «Толковая Палея», «памятник противоиудейского характера, содержащий опровержение еврейского учения. Самый тон ее обличений, яростный, хотя в то же время и добродушно-увещательный, указывает, что это не было простым литературным произведением полемического автора со стороны русского книжника, но было вызвано самой жизнью, общественным событием, глубоко затронувшим учителей христианского учения» (Истрин).

В полемике с латинами принимали участие как отечественные силы, так и приезжие, греческие. В этой полемике наше внимание останавливают два обстоятельства. Во-первых, неумение выделить в таком важном вопросе, как преимущество одной веры перед другой, главное от второстепенного, мелочного. Полемисты, по-видимому, не чувствуют большой разницы между догматом и обрядом, в чем именно *сущность* расхождения православной Церкви с католической. Будет ли это догмат об исхождении Св Духа (спор о так наз. *fihoque*), Савелиева ли ересь, совершение ли евхаристии на опресноках, без-

¹ Отрицание трехипостасности: слияние Отца, Сына и Духа Св. (проявляющих себя не одновременно) в одно лицо.

Сражение духовенства, личное участие епископов в тогдашних войнах, — оди гробо погребения мертвых, ношение перстней епископами, едение свиного сала и медведины, соблюдение поста в те дни, когда православная Церковь позволяла скоромное, обычай, вместо помазания при крещении маслом и миром, класть соль на уста, и другое тому подобное — для них одинаково важны, одинаково вызывают негодование и суровое порицание.

Другое обстоятельство — полемика с латинами отражала скорее фезески, чем русский взгляд на дело и самобытным явлением на Руси не была* недаром литература по этому вопросу почти вся целиком обязана одним грекам. Само же русское общество, по крайней мере в домонгольский период, далеко не так непримиримо относилось к исповедникам латинской Церкви, как в Византии, и самая тема могла интересовать сравнительно немногих, да и понятна была тоже немногим. Не то в более позднюю пору: тогда полемический задор охватил и самих русских.

Кроме того, христианство — не надо забывать этого — проникло на Русь не из одной Византии: Болгария также была деятельным проводником его. Географически она лежала ближе к Руси, чем Византия, и сношения с нею, политические и культурные, велись издавна. Недаром стоило Владимиру официально принять христианскую веру, как на Руси стали появляться из Болгарии в значительном числе и Св. Писание и богослужебные книги, гораздо больше, чем их переводилось на Руси непосредственно с греческого языка. Болгария же поддерживала связи с Римом, не чуждалась его, религиозный вопрос не стоял там так остро, как в Византии, и этому, по-видимому, мы обязаны умеренностью наших отношений к Западу, отсутствием того резкого отрицания, которое Византия старалась привить русскому народу в первые века его христианской жизни (Сперанский). Надо было пройти не одному столетию, чтобы греческая точка зрения пустила корни и была воспринята полностью.

Из перечисляемых ниже 12 сочинений против латинян три (№ № 5, И, 12) принадлежат русскому перу, остальные — переводы с греческого; но послания четырех митрополитов (№ № 1, 2, 3, 4) имели в *Иду русского читателя и, хотя писаны по-гречески, конечно, одновременно переводились и по-русски.

1. Митрополит Леон (ум. 1008 г.): «Об опресноках». 2. Митрополит Георгий (1062-1077): «Стязанье с латинами» (перечень 27 «вин» Латинян) 3. Митрополит Иоанн II (ум. 1088): «Послание к Клименту, §ane римскому». 4. Митрополит Никифор (1104 — 1121)- «Послание к Владимиру Мономаху о латинах» (перечень 20 «вин») 5. Феодосий, L _____

Or

ч¹ См. Приложения. М> 34: «Когда, в действительности, началось Суждение Древней Руси от римской Церкви?»

монах, XII в.: «Слово о вере крестьянской и латинской» (перечень 1g «вин»). «Слово» это раньше приписывалось Феодосию Печерскому g
Статья о латинах в русской Кормчей XIII в. 7. «Прение Никифора Панагиота с нечестивыми и богомерзкими философами латинскими», XIV в. 8. Никон Черногорец: «Тактикой», XI в.; на Руси появился в XIV в
9. Анонимная «Повесть о латинах, когда отлучились от греков и от св Божией церкви», XIV в. 10. Анонимная «Епистолия на Римлян», нач XV в. «Обширное сочинение это принадлежит к числу замечательных в литературном отношении памятников византийской литературы» (Андрей Попов). 11. Суздальский священник Симеон: «Повесть, како римский папа Евгений составил осмой собор со своими единомышленниками». 12. Анонимное «Слово на латыню и сказание о ставлении осьмого збора латинского», ок. 1461 г.

Два последних сочинения писаны по поводу унии, провозглашенной на Флорентийском соборе 1439 г. Осуждая поведение греческого императора, который «положил начало злу», автор «Повести» восхваляет «христоролюбивого» князя московского, благодаря которому теперь на Москве «утвердилась православием вся Русская земля»

Проповеди.

Поучительно-наставительный характер носили и проповеди; как по содержанию, так и по форме они распадаются на две резко очерченные группы: одни — произведения чисто ораторского искусства, самодовлеющие, выражение ума, которому доступен и близок мир изящного и эстетики; другие, наоборот, выросли в ответ на чисто практические нужды современного общества, излагали мысль проповедника простым безыскусственным языком, преследуя прямую цель — пользу душевную. Одни были рассчитаны на небольшую, но избранную, культурно образованную аудиторию; они изящны по форме, но с содержанием далеким от жизни: это как бы искусство ради искусства, ради удовольствия унизать свою речь риторическими украшениями, пощеголять своею диалектикой. Другие преподносились слушателям невысокого уровня. Здесь — простота формы; содержание, понятное массе; задача этих проповедей: закрепить в сознании паствы основы христианского вероучения, передать еще незнакомые ей истины христианской веры и морали, понятия о добре и зле, о любви к ближнему, о благочинии, чистоте жизни и т. п. Проповеди первой категории обязаны утонченному перу Кирилла, епископа туровского, вторую группу породила душевная чуждость Луки Жидяты, архиепископа Илии, Феодосия Печерского и др^У их проповедников их типа.

1. *Кирилл Туровский*, современник Андрея Боголюбского. Большой природный талант в сочетании с солидным образованием. Современники видели в нем *русского Златоуста* и называли его* «второй златословесный вития». Это настоящий духовный оратор; обыкновенно он говорит в приподнятом, торжественном тоне. Его многочисленные

«Слова» — яркий показатель высокого культурного развития, до какого успела подняться Южная Русь второй половины XII в. в лице своих представителей. Воспитанный на византийских образцах, Кирилл остается, однако, писателем оригинальным и самостоятельным. Его проповеди картинны, полны одушевления и пафоса, но риторика **Преобладает над содержанием**; увлечение формой, символом, аллегорией делает проповеди Кирилла чуждыми жизни и современности: они лишены самого главного — того, что должно составлять сущность всякой проповеди: поучения, нравственного назидания. Кирилл был больше оратор, чем проповедник. Он проявляет, несомненно, большой талант, соединяя и сопоставляя всякого рода изречения и образы, аллегорически изображая иноческую и мирскую жизнь, уподобляя монаха ветхозаветному агнцу, олицетворяя христианство в образе **весны**, греховные помыслы в виде бурных ветров и т. п. Но если иные слова Кирилла и дышат настоящей поэзией, то их витиеватость, искусственность и натянутость сближений, ненужное скопление образов затемняло смысл и делало трудным для понимания массу, **избранным** же могли, самое большее, только **нравиться**, но *поучением*, путеводной звездой в жизни служить не могли. Проповеди Кирилла **приятно** было послушать, полюбоваться красивыми образами, **сравнениями**, но до сердца **они** не доходили, и слушатель уходил спокойный, не взволнованный, не захваченный; чище, лучше проповедь Кирилла его не делала **и к Богу не приближала**. Это было своего рода искусство для искусства, самолюбование, доступное лишь для очень немногих. Вот почему сильного влияния в русской жизни «Слова» Кирилла не имели **и не могли иметь**.

2. В ином свете рисуются Лука Жидята, епископ новгородский (1035—1059), Илия, архиепископ, тоже новгородский (1166), и Феодосии Киево-Печерский (ум. 1073). Как далеки простые слова этих **проповедников** от той мозаики, какую искусно и затейливо складывал **епископ** города Турова! Насколько чужды, **ИНОЗЕМНЫ** были проповеди Кирилла, настолько же *народны* были поучения Жидяты, Илии и Феодосия; доступные толпе, они залегали в ее сознании и имели, **несомненно**, немалое воспитательное значение. В блестящей речи, в прикрасах они не нуждаются, сами чуждые византийской мудрости, **И** потому ближе к уровню своих слушателей — массе народной, они **Преследуют** одну цель: заложить и закрепить в их сознании основы **Истинной** веры, уберечь от язычества, научить поклоняться истинному Богу и, затем, вести жизнь соответственно правилам христианской любви, милосердия и справедливости.

а) *Лука Жидята*. «Веруйте в Бога, в Троице славимого **не Ленились** ходить в церковь, а там стойте со страхом Божиим отходя **Ко сну**, прежде помолитесь Богу, любите ближнего **не воздавайте** **Лом** на зло. чтите старого человека и родителей своих **не убий**, **Не укради**, не лги, не свидетельствуй ложно **не отдавайте денег в**

лихву... не говорите срамных слов» — вот чему учит Жидята, **первый** епископ на Руси из русских, в своем «Поучении» (1035), **которое**, в свою очередь, было первым литературным произведением **русского** пера.

б) *Илия*. «Воздерживайтесь от пьянства, ростовщичества, от игры в кости» — поучает священников своей епархии другой новгородский пастырь, Илия' - «достойным образом готовьтесь к совершению литургии, избегайте предосудительных игр и кулачных боев» Илия разъясняет своей младшей братии, как следует ей проводить дни Великого поста, как накладывать епитимию виновным; в каких случаях идти к больному на дом для причащения, как увещевать **мирян** воздерживаться от крестного целования, как заботиться о своих духовных детях, учить их надлежащему стоянию в церкви и т и Все это советы и наставления, потребность в которых указывалась **самой** жизнью, — отсюда простота и общедоступность формы, в **какой они** были преподаны.

в) *Феодосии Печерский*. Те же мысли и у Феодосия (два послания к народу: «О казнях Божиих» и «О тропарных чашах»;¹ десять поучений к печерским инокам; два послания к великому князю **Изяславу**). он старается отвлечь свою паству от воровства, лжи, зависти, клеветы; борется с пьянством, с остатками язычества, с двоеверием; убеждает иноков соблюдать посты, вести себя в церкви со смирением, не опираться, как бы ни устал, за церковную службу, о столбы **или** стены; а великому князю разъясняет значение воскресного дня, отличие его от еврейской субботы, значение поста по средам и пятницам. В этих поучениях — никакого *искусства*; речь — самая простая, но в то же время проникнутая «пламенной ревностью о благе ближних. Тон поучений часто обличительный, но вместе глубоко наставительный и нередко умилительный и трогательный» (митрополит Макарий)

В. Знакомство с внешним миром.

Сведения научно характера.

До русского человека они доходили чаще всего устарелые **иш** в искаженном виде, правильного представления о внешнем реальном мире составить по ним было нельзя. Главнейшие сочинения:

1. «*Шестодневъ* Иоанна Болгарского — комментарий библейского текста о шести днях творения (отсюда и самое название **его**), с баснословными рассказами о животных, VI в.; на Руси с XIII в. Это как бы история мироздания и, одновременно, своего рода **научная** энциклопедия, основанная на мнениях греческих философов и **данных**,

¹ Впрочем, за последнее время приведены серьезные основания приписывать эти два послания не Феодосию, а другому лицу.

добытых средневековой наукою. Подробные рассуждения о четырех основных стихиях мира (вода, огонь, воздух, земля). Обилуя богословскими тонкостями, риторическими украшениями, нападками на греческих философов, Шестоднев рассчитан был совсем на другого читателя: на грека-язычника первых времен христианства и потому для русского читателя был малопригоден.

у 2. «Шестоднев, или Мироздание» Георгия Писидийского на ту же тему: стихотворная поэма, по вычурности языка очень трудная для понимания, VII в.; русский перевод 1385 г.

ь 3. «Физиологи» разного состава — популярные учебники по естествознанию; того же типа «Бестиарии» (специально о животных), «Волукрарии» (птицы), «Лапидарии» (камни). Смесь большей частью реальных, а фантастических данных на почве суеверных представлений, например: Стратил-птица колышет море, топит корабли; Инцирик-зверь ходит под землею, как солнце по небу, пропускает реки в колодцы, а сам живет в Святой горе; Трясавицы (лихорадки) — Но дочери царя Ирода; бывают люди с песьей головой, одноглазые, о трех головах и о шести руках и т. п.

При описании животного или камня «Физиолог» пользовался им как символом для наглядного объяснения истин Св. Писания, например: 1) Львица рождает своих детенышей мертвыми, и лишь на третий день лев-отец оживляет их, дуя им в ноздри — «так и Бог Вседержитель, отец всем, третий день востави перворожденного Сына Своего для спасения рода человеческого»; 2) Орел, состарившись, слепнет; Когда он взлетает «на воздух солнечный», изожжет свои крылья, спустится на землю, погрузится трижды в воду — так и ты, человек, влети на высоту, распались в солнечном свете, омойся в источнике (в слезах своих) и тогда совлечешь с себя ветхую одежду дьявольскую, облечешься в новую, богоданную, обновись как обновился орел; В) камень Адамантин: он ни железа не боится, ни «воды дымной» не принимает; и в дом, где он имеется, злой дух не войдет — Адамантин этот есть наш Иисус Христос: если имеем его в сердце своем, то никакое зло не тронет нас.

«Физиологи» появились на Руси с XIII в.; особенно сильное распространение получили они в XV в. по XVII — включительно

; 4. «Азбуковники» — справочники по разным предметам знания довари иностранных слов; объяснения вообще непонятных слов, в Алфавитном порядке; библиографические указания, а в Азбуковниках более позднего времени (XVI—XVII вв.) даже обширные статьи по богословию, философии, истории, мифологии, естествознанию и проч. «Азбуковник» — это «реальный словарь к важнейшим произведениям древнерусской литературы, преимущественно церковной» (Тихонра*ов). Азбуковники появились у нас с XIII в.

^ 5. «Христианская Топография» Козьмы Индикоплова, VI в.; на %си с XIV в. Птоломей, александрийский ученый, астроном и географ

II века по Р. Х., живший в царствование императора Антонина Пия (138 — 161), учил, будто наша земля есть неподвижный шар, а солнце луна и планеты движутся вокруг нее. «Топография», опровергая Птолемею систему Вселенной, предлагала взамен свою. Представление Козьмы о строении мира не только совершенно своеобразно, но можно сказать, диаметрально противоположно истинному: земля не шар, а плоский продолговатый четырехугольник, окруженный океаном; за океаном лежит другой материк, недоступный для нас; высокая стена окружает весь мир и служит опорой небесному своду, движением каждого небесного светила управляет особый приставленный к нему ангел. Индикоплов пользовался у нас авторитетом еще в XVI, даже в XVII в., между тем книга Коперника «De revolutionibus orbium coelestium» (О движении не солнца вокруг земли, а, наоборот, земли вокруг солнца) появилась в свет в 1543 г. Можно сказать, русский ум еще в XVII в. питался «научными истинами», которые даже за тысячу лет до того представляли собою большой шаг назад (по сравнению с учением Птолемея).

6. Невысокую степень образованности тогдашних образованных людей наглядно обрисовывает *Послание новгородского владыки Василия* (ум. 1352 г.) к тверскому епископу Федору по поводу распрей, вызванных в Твери спором о том, погиб ли земной рай, или продолжает существовать. Епископ полагал, что рай погиб и реально более не существует, владыка же утверждал обратное, ссылаясь на (апокрифические) сочинения, в которых говорилось о святых, живших близ рая. Что такой рай существует и поныне, Василий доказывал ссылкой на новгородских купцов, которые, плавая по морю, заброшены были бурей к тому месту, где находился рай, у высоких гор. На горе слышались голоса, светился свет самосиянный, светлее солнечного, да и самого солнца не было вовсе. Один новгородец, за ним другой лазили на эту гору, взобравшись, всплескивали руками, бежали на голоса и пропадали. Лишь третьего удалось вернуть, да и то потому, что его привязали веревкою за ногу; но он вернулся уже мертвый. Для большей убедительности владыка добавлял: «а дети и внуки тех новгородцев и поныне добры-здоровы».

Примечание. Впрочем, вера в существование рая на земле не была чужда и Западной Европе: ее можно проследить там вплоть до конца XV века. Она зиждилась на *потребности* человека верить в лучшее. Позднейшие искания европейцами таинственного Эльдорадо или поиски русским крестьянством Беловодья, затерянного где-то в глубинах Азиатского материка, где реки текут млеком и медом, где не платят податей и где люди вообще пользуются

полным счастьем, — в сущности, по основной идее своей, сродни этому исканию земного я и вере в его существование.

J,

Путешествия.

^ Путешествия, особенно в первые века, предпринимались исключительно с целью паломничества, поклонения святым местам: страна, ее природа, ее жители, их нравы и обычаи мало интересовали русского паломника; все его внимание сосредоточено на святынях и чудесах **удь** на тех местностях и пунктах, с которыми эти святыни и чудеса связаны. География сводится к путевому маршруту и топографии; **яерез** все описание проходит религиозно-настроенная мысль. Описывая дрятые места, авторы обыкновенно заносят на свои страницы также **ц то**, что им приходилось услышать, узнать в этой области, религиозные сказания, апокрифы или предания. Паломничество началось ярчти тотчас вслед за введением христианства. Первыми паломниками ^описаний они не оставили) были:

\ 1. Прп. Антоний, основатель Киево-Печерской обители: он ходил га Афон еще при Ярославе Мудром.

* 2. Варлаам, первый игумен той же Печерской обители: ходил в Палестину.

« *Главнейшие описания путешествий:*

~ 1. «Хождение» («Паломник») игумена Даниила, нач. XII в.; шаиболее типичное и выдающееся из паломнических описаний за весь **Щот** период; простой язык, никакой вычурности. По наблюдательности **ДЮора**, по точности описания всего им виденного, по богатству и Шачительности исторических, легендарных и особенно археологических данных (топография местности, расположение частей Храма Господня и т. п.), «Хождение», будучи переведено на иностранные языки, Иризнано одним из лучших описаний Палестины того времени.

§ 2. «Путешествие в Царьград» новгородского архиепископа Анто-**вия**, около 1200 г.: описание местных святынь.

3. «Хождение» Стефана Новгородца в Царьград и Иерусалим, **Фоло** 1350 г. По систематичности описания, по внутреннему достоинству, считается наилучшим среди описаний этого рода XIV и XV вв.

* 4. «Хождение» туда же смоленского дьякона Игнатия, 1389 — **Й05** гг.

^{ш*} 5. «Хождение» в Царьград дьяка Александра, конца XIV в.

* Особенность двух последних путешествий та, что они выросли из **Мотивов** не исключительно паломнических: Игнатий сопровождал митрополита Пимена, Александр ездил в Константинополь по своим ^рговым делам; однако и тот и другой описывают, подобно своим предшественникам, лишь церкви, монастыри, священные места и пред-***ТЫ**. Еще у Игнатия можно найти живое описание плавания по реке **Дону** (путники ехали на Азов и Синоп).

6. «Ксенос, глаголемый странник, о хождении и бытии моем» иеромонаха Троице-Сергиевского монастыря Зосимы, 1419—1422 гг. путешествие в Константинополь, на Афон и в Палестину.

7. «Путешествие Исидора митрополита на Флорентийский собор» суздальского иеромонаха Симеона (авторство его, однако, оспаривается), 1436—1441 гг.: описание самого пути и всего виданного на нем. Симеон, можно сказать, первый русский путешественник позднейшего типа: ничего специально «паломнического»; предметы и явления мирской жизни стоят на первом плане. Автор описывает города, через которые проезжал; их благоустройство и достопримечательности; богатство церквей и светских зданий; водопроводы, фонтаны, башенные часы, лечебницы и богадельни, оригинальные способы передвижения (на барках в Венеции), природу Тирольских гор, вечные снега на них.

8. «Исхождение на осьмой собор с митрополитом Исидором в лето 6945», суздальского епископа Авраамия (некоторые считают и это сочинение произведением Симеона); описание частного случая мистерий «Благовещения пресвятой Богородицы» и «Вознесения Господня», которые автор видел в флорентийских монастырях.

Светская литература переводная.

Это были повести сказочного и зачастую нравоучительного содержания, описания чудесных и героических подвигов. На Русь они заносились с Востока и из Византии через Болгарию или Сербию, т. е. в болгарском или сербском переводе, а попав в русские руки, подвергались переработке применительно к пониманию и вкусам русского читателя. Исключением была «Повесть об Акире»: она дошла до нас не обходным путем, а непосредственно, будучи переведена прямо с греческого. Мало того, русская обработка «Акира» послужила, в свою очередь, источником болгарской редакции, а от болгар перешла в сербскую литературу. Этот литературный обмен наглядно свидетельствует о живых культурных сношениях Древней Руси с южным славянством.

Главнейшие произведения:

1. «Повесть об Акире премудром» — одна из древнейших переводных повестей в русской литературе: о царе Синагрипе и его советнике Акире, XI в. Сюжет заимствован из арабской сказки «Тысяча и одна ночь». Русская переделка греческого текста, введя сказочные подробности и сократив нравоучения, придала рассказу больше занимательности и тем надолго обеспечила за ним большую популярность среди русских читателей.

2. «Сказание об Индийском царстве».

3. «Притча о кралех» (сказания о Троянской войне).

4. «Девгениево Деяние», русская переделка византийского романа X века (боевые и любовные приключения Дигениса Акрита, героя византийского эпоса).

5. «Александрия» — повесть о баснословных подвигах Александра Македонского, середина XI века

6. «Стефанит и Ихнилат» — повесть о льве-царе, о быке, его доверенном, и двух шакалах-придворных, поучительная, XIII в.

7. «Соломон и Китоврас» — повесть о вынужденном участии Китовраса, мифического демона-зверя, в построении Соломонова храма, XIV в.

8. «Повесть о Варлааме и Иосафе» — пламенная апология христианской жизни, XIV—XV вв.

Из всех этих повестей и романов едва ли не самую распространенную в древнерусской литературе была «Александрия» Великого исторического значения Александра Македонского в распространении эллинской цивилизации на Востоке; быстрота и легкость его завоеваний; необычайность самой личности; мудрость и великодушие, наконец, преждевременная смерть в молодых годах, и при этом значительность того, что успел достигнуть Александр за короткое время, Предоставленное ему судьбой, — все это поразило умы одинаково и восточного, и западноевропейского человека, привлекло к нему общие симпатии, вызвало напряженный интерес, окружило ореолом необычайности. Память об Александре передавалась из поколения в поколение, от одного народа к другому, и легенда быстро, уже вскоре после его смерти, окутала его образ, величавый, таинственный, ири-|гательный.

/ Мудрые изречения Александра, напоминавшие суды Соломона; обилие поучительных изречений; наконец, элемент чудесного, приближавший повесть к героическому эпосу, — все это вызывало большой интерес в читателях давнего времени. Сама христианская Церковь признала в язычнике Александре существо, близкое ей по духу. Идеализированный образ Александра почюбился отцам Церкви* Василий Великий, Григорий Назианзин, Иоанн Златоуст приводят при-|кры его мудрости, справедливости, воздержания и милосердия и Цитируют его изречения. Его слабости и порочные увлечения не ?абыты, но чаще они упоминаются как бы затем, чтобы оттенить Положительные стороны идеала: и такого-то героя, мудреца одолел Порок, скосила смерть!» (Веселовский).

Светская литература оригинальная.

1. «Поучение» Владимира Мономаха Первое в русской литературе Произведение светского пера с мирским содержанием. Помимо чисто Литературного значения, «Поучение» замечательно и как выражение общественных идеалов в том виде, как их понимали передовые люди 11-го времени. В заботах о благе народном, в установлении внешней безопасности, а внутри — мира и порядка, Мономах видит исполнение Фоего ПРЯМОГО долга, принятых на себя обязанностей князя и вер- %>вного вождя. «Поучение» наглядно свидетельствует о наличии

в отношениях верховной власти к населению, той моральной скрепы без которой немислим никакой общественный порядок и во имя которой наши предки, еще за 300 слишком лет до Мономаха, призывали варягов, говоря им: «Приидите княжить и володеть нами».

2. «*Впрашанье*» черноризца Кирика, с ответами новгородского епископа Нифонта (ИЗО — 1156). В этих «вопросах» и «ответах» отразилась современная им эпоха: остатки языческих суеверий, состояние нравственности народа и духовенства; младенческое состояние нашей Церкви.

3. «*Слово*», или «*Моление*» Даниила Заточника, конца XII в. Цель сочинения, равно и личность автора, остаются еще неясными. «Слово» отразило на себе ходячую народную мудрость, что, вместе с обилием нравоучительных текстов, почерпнутых из разных писаний, и замысловатым остроумием, завоевало ему у современников обширный круг читателей. Можно считать доказанным, что автор *заточником* (на острове Лаче) не был: это лишь догадка позднейших переписчиков

Г. Знакомство с прошлым.

Жития святых.

На этом отделе древнерусской литературы менее всего лежит отпечаток «прошлого»: жития отзывались на вопросы, волновавшие русских людей, помогали разобраться в явлениях окружающей жизни, были первым опытом в области истории и, напоминая о том, что *было* и уже *прошло*, выясняли *настоящее*, помогали читателю определить свое собственное место и назначение в жизни. Отсюда жизненность и практическое значение житий. Жития охотно читались и служили хорошею школою.

1. *Пролог* (по-гречески: Синаксарь, или Менологий), с XI в. - краткие сказания, расположенные в календарном порядке, о жизни святых, преимущественно мучеников. Поучительный характер этих сказаний рано вызвал подражание им: греческие жития пополнялись русскими житиями. «Уже в XIII в. Пролог является одной из распространеннейших и одною из любимых книг на Руси» (Сперанский).

2. *Четьи-Минеи*, с XI в. — тот же Пролог, но распространенный: вместо кратких заметок — обширные рассказы, иногда целые биографии, притом не об одних только «мучениках», но также и об «исповедниках», «святителях», «преподобных», «пустынниках», «столпниках», «Христа ради юродивых».

3. *Патерики (Отечники)* — их особенность в том, что в них собраны сказания из жизни подвижников обыкновенно какой-нибудь одной местности (Патерик Римский, Афонский, Синайский, Киево-Печерский и т. д.), притом это не подробные жития, как в Четьи-Минеях, а лишь поучительные отдельные случаи из жизни праведника,

как задачей Патериков было не повествование, а назидание, и **ГОТому** подробности биографические явились бы в данном случае излишними. Обильный же материал для назидательного чтения создал Цатерикам многочисленных читателей. Начитавшись описаний о подвигах и всякого рода искушениях, претерпенных пустынниками, удалявшимися от мира, «русские монахи воспитывали и в себе тот же аскетизм», ту же благочестивую ревность к борьбе с враждебными силами. О своей борьбе они передавали своим ученикам. Мало-помалу Слагалось сказание о каком-либо выдающемся подвижнике; впоследствии оно переходило в его житие и распространялось в среде народной ЦИстрин).

^h А. Киево-Печерский Патерик. На этой почве вырос в начале XIII в. Киево-Печерский Патерик. Что именно Киево-Печерский монастырь вызвал к жизни этот замечательный литературный памятник, даанет понятно, если вспомнить, чем был названный монастырь в первые века русской жизни. В нем было положено начало книжному просвещению; здесь появились первые церковные писатели и первая История России; из Киево-Печерского монастыря на всю Русскую землю давились епископы, вышли проповедники на далекий языческий Север, а с именами Антония и Феодосия, основателей и покровителей монастыря, как раньше с именем Владимира Великого, связано было воспоминание о насаждении христианской веры на Руси, о первых ваях, вбитых в фундамент русской религиозности и благочестия. Родоначальник позднейших русских монастырей, Киево-Печерский Монастырь обладал в глазах русского общества большою моральною Силою и, продолжая оставаться монастырем местным, уже с ранних |ор приобрел значение общерусского монастыря, что придало подвигам | заслугам его иноков особенную поучительность, интерес и значение (см. ниже, отдел «Монашество»).

* По своему содержанию Киево-Печерский Патерик — собрание раз-
-**ЫХ** повестей и сказаний, прямо или косвенно относящихся к Киево-Печерскому монастырю:

1) краткие рассказы и легенды о жизни наиболее выдающихся **ИНОКОВ** монастырских (их подвиги, благочестие, чудеса);

2) сказания о начале монастыря, о первых его сподвижниках **ЛЮДИИ И** Феодосии;

3) жития: Леонтия и Исаяи, проповедников христианства в Ростовской земле; Авраамия Смоленского и др.;

4) история крещения славян; первые времена русской Церкви

* Начало Патерику положено в 20-х годах XIII в. (послания Си-
-**ЛОНА**, епископа Владимирского, к иноку Поликарпу и Поликарпа к
-**РХИ**мандриту Акиндину). Патерик ярко отразил наивную веру людей
-**ЦЮ** времени, а назидательный характер сборника придал ему значение
-**ИТЕЙСКОГО** поучения, своего рода руководства, как надо жить, следуя

5) *Житие Бориса и Глеба*. Однако сердца русских людей волновались при мысли не об одних печерских монахах* живым **укором** несправедливости вставали образы младших сыновей Владимира Великого, Бориса и Глеба, убитых Святополком Окаянным' в них **видели** первых мучеников русского христианства, драгоценный символ **его** торжества над язычеством; их смерть от злодейской руки, смерть в таком юном возрасте требовала нравственного возмездия, **а самый** поступок *окаянного* брата, при свете христианского учения, **особенно** поражал своим противоречием с правилами новой морали **Что убийство** Бориса и Глеба оставило по себе сильное впечатление, **видно из** того, что этому событию посвящены были целых два труда: **Иаков** Мних пишет «Сказание», а преподобный Нестор (составитель Русской летописи) «Чтение житии и о погублении братьев» Житие **внесено** было позже и в Киево-Печерский Патерик.

6. *Жития Владимира Св. и Феодосия Печерского*. Тем же чувством благодарного умиления проникнуты и два других жития: «Память и похвала князю русскому Володимиру» (того же Иакова Мниха)¹ и «Житие преподобного Феодосия Печерского» (того же Нестора). Владимир Великий был дорог, как основоположник христианской веры на Руси; его личность светилась в лучезарном нимбе на **недосягаемой** высоте, а Феодосии трогал и хватал за сердце, как первый, не на словах, а на собственном примере, своею благодною жизнью, показавший русским людям, что значит быть истинным христианином и какие высокие обязанности налагает на него новая вера.

7. *Другие жития:*

а) Авраамия Смоленского, XIII в.

б) Александра Невского, XIII в.: «Житие» прославляет заслуги Александра перед Церковью, а «Повесть» — заслуги князя-воина, правителя и судьи. И «Житие» и «Повесть» сложились **под непосредственным** впечатлением только что пережитого бедствия - **нашествия** Батыея и потери независимости, когда глущая рана, нанесенная татарским игом, была еще особенно свежа.

в) Житие Дмитрия Донского, XIV- XV вв.

г) Епифаний, ученик Сергия Радонежского, пишет: 1) Житие своего учителя; 2) Житие Стефана Пермского, XV в.

д) Иеромонах Пахомий Логофет, серб, выходец с Афона, **плодовитый** писатель XV в., современник великого князя Василия II Он составил целый ряд житий: Сергия Радонежского, митрополита Алексея, Кирилла Белозерского, Варлаама Хутынского, великой княгини Ольги; Похвальное слово митрополиту Петру. Большею частью это

¹ В последнее время некоторые ученые отказываются признать оба сочинения, приписываемые Иакову Мниху, — «Сказание» и «Память» — произведениями его пера, считая «мифом» его литературную славу

переделки и дополнения чужих сочинений, но сделанные искусной рукою. «Пахомия много читали в древней Руси и усердно подражали Приемам его пера; его творения служили едва ли не главными образцами, по которым русские агиографы с конца XV в. учились искусству описывать жизнь святого» (Ключевский).

Византийские хроники.

Предметом византийских хроник служит всеобщая (всемирная) история, но в своеобразно понятых рамках: а) события библейские, б) судьба иудейского народа; в) история первых веков христианства, г) история Византии. Таким образом, представление о всемирной истории, исключавшее римский, католический Запад, получалось неполное, однобокое. Внутренняя связь событий для хрониста не существует; главная его забота — передать события, изложить исторический факт; но и самая оценка этого факта у него тоже односторонняя: под углом зрения религиозным; внимание сосредоточено не на политической или культурной истории, а исключительно церковной.

Наиболее распространенными на Руси хрониками были следующие две:

1. *Хроника Георгия Амартола* (т. е. Грешника), IX в., от Адама до 864 г. (продолжение до 948 г.) на Руси (с этим продолжением) появилась в середине XI в., если не раньше. Была очень популярна, служила главным источником русских сведений по всеобщей истории. Амартол — «жалкий компилятор»; точка зрения аскета; он верит в чудеса и знамения, в участие ангелов и бесов в делах человеческих.

2. *Хроника Иоанна Малалы*, VI в., события доведены до 563 г.; на Руси не позже начала XII в. Обилие «языческого» содержания (очень кратко о византийском периоде, очень много о древней истории, о мифах) придало ей «светский» характер и потому делало менее интересною по сравнению с Амартолом, главное внимание которого уделено истории христианских императоров византийских.

Примечание. Амартол стал известен русскому читателю впервые сто лет спустя после своего появления на свет; после того, в течение ряда столетий, им пользуются на Руси как книгою, которая должна удовлетворить историческому любопытству читающей публики, — это то же самое, как если бы мы стали теперь, за неимением ничего иного, черпать свои исторические сведения из Синописа Гизеля (Киев, 1674), из Степенной книги, составленной в царствование Ивана Грозного, или, еще лучше, из какой-нибудь исторической книги, писанной на Западе во времена Лютера или

1

!

^

;t

Л

Коперника. Про Малалу и говорить **нечего** — уже шесть веков прошло, как была **написана** его Хроника, а она все еще считалась **пригодной** для исторического чтения¹. Это означало не внутреннее достоинство **книги**, а лишь бедность и случайность выбора, отсутствие другого материала, более свежего и **более** подходящего.

Другие Хроники, которые менее читались:

1. Хроника Георгия Синкелла (ум. после 810 г.): события **изложены** от Адама до Диоклетиана; на Руси с середины XI в

2 и 3. Хроника Зонары, от Адама до 1118 г. и Хроника **Манассии**, от Адама до 1081 г., обе XII в.; на Руси в XV в

Кроме того:

4. Иосиф Флавий, еврейский историк I в.: «История иудейской войны»; русский перевод середины XI в. Русского читателя в **этой** книге интересовала злосчастная судьба еврейского народа, взятие и разрушение Иерусалима (римлянами в 70 г, по Р. Х.У

Оригинальные русские сочинения по истории.

I. *Летописи.* Русская летопись выросла из пробудившейся в русском обществе потребности узнать свое прошлое, связать с **ним** свое настоящее; она явилась выражением сознания, что настоящее связано с прошлым и есть своего рода его порождение. Если на самой **первой** ступени летопись удовлетворяла одному только простому любопытству, то уже вскоре перед нею выросли цели более серьезные* 1) показать «откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первое княжити, и откуда Русская земля стала есть»; 2) показать, как зародилось Русское государство и как из совокупности отдельных племен выросло самое государство; 3) показать, каким образом вышло, что **Киев** стал его центром. Летопись соответствует той поре, когда на **Руси** уже сознали, хотя бы очень и очень еще немногие, близкую связь **русского** племени с племенами славянскими; когда почувствовали, **что что-то**, хоть и не так сильно, связывает его и с другими, неславянскими народами, не только современными, но и древними, и что **среди** всех этих племен и народов у русского племени есть свое, ему принадлежащее, место. Обычный в ту пору церковно-христианский угол зрения в оценке и понимании явлений присущ, конечно, и нашей летописи; но еще в большей степени летопись *является* «выражением нашего народного самосознания: в ней воплотилась идея единства русского племени, тесно связанная с идеей единства государственного; интересы общественные стоят в ней на первом месте, и интересы эти прежде всего политические, государственные, народные» (Сперанский) Подобно «Поучению» Мономаха, Первоначальная летопись служит

Ювым доказательством того, что идея Русской земли, Русской народности, как самодовлеющего целого, обладающего своим национальным Я, уже начала — на фоне других земель и народностей — складываться и крепнуть в сознании тогдашнего общества. Этой особенностью летопись резко выделяется среди большинства других произведений древнерусской литературы. В этом ее отличие и преимуществ⁰ также и от византийских хроник, отличие — потому что к явлениям народной жизни относились отрицательно, не ценили **ИХ**, между тем русская летопись не пренебрегает ни устно-народную песню, ни былинной, ни легендой, ни народной поговоркой; преимущество — потому что летопись стремилась к гармоничному соединению своего национального и чужого культурного, народного и христианского, тогда как византийская хроника застыла в своем церковном Пренебрежении народности. И по духу и всем содержанием своим, летопись есть яркое воспроизведение современной русской жизни (фактические события; общественный строй; мирозерцание народное); автор любит свою родину и пишет пером патриота. Вот почему летопись такой драгоценный памятник прошлой жизни народной и народных верований, обычаев, народного мирозерцания; вот почему многие страницы ее и до сих пор полны интереса и привлекательности далеко не для одного специалиста.

Летопись, как таковая, стала нарастать и складываться почти Сейчас же вслед за крещением Руси, и уже при Ярославе Мудром ей были положены прочные основы. В великокняжение Владимира Мономаха появилась так называемая «Повесть временных лет», составление которой приписывают: кто Нестору, кто Сильвестру (древнейшие дошедшие до нас списки ее: Лаврентьевский, 1377 г. и Ипатьевский, середины XV в.). Эта «Повесть» служит ярким выражением тех представлений, о которых только что говорилось: идея единства русского племени и горячее желание привить эту идею в сознание современников.

С середины XII столетия, соответственно раздроблению Русской земли на отдельные княжества, дробится и летопись: из общерусской, какою она была при Мономахе, она превращается в местную. Таковы Летописи: Новгородская (числом пять), Псковская, Галицко-Волынская летопись, Летописец Переяславля Суздальского; летописи Киевская, Смоленская и др.

Однако мысль об общности интересов разрозненных частей Русской земли не гложет окончательно и в эту пору; зло монгольского ига &е только не ослабло, но скорее даже помогло упрочиться этой **Блси в сознании современников, а объединение Северо-Восточной Руси Москвою придало идее общности и единства новые силы. Мест-

ные, областные летописи XII — XIII вв. постепенно превращаются в течение XIV, XV, особенно в XVI столетии, в *общерусские своды* Таковы были:

1) «Временник великих царств», московский свод митрополита Петра, доведенный (в 1320-х годах) до 1305 года. «Есть основание думать, что в начале XIV века при дворе митрополита Петра возникла мысль скомпилировать местные летописные своды, чтобы создать общерусский свод». Из него-то вырос знаменитый Лаврентьевский список летописи, доведенный до смерти предшественника Петрова, митрополита Максима (1305) и дошедший до нас в списке 1377 года (Шахматов).

2) Московский свод 1390 года.

3) Московский свод 1409 года: в основу его положен свод 1390 г., события доведены до 1408 года.

4) «Владимирский Полихрон» — московский свод 1423 года, составленный при дворе митрополита Фотия. Это есть «соединение текста Повести Временных Лет по московско-суздальскому изводу с Новгородским текстом 1167 года» (Шахматов). В основе лежит **свод** митрополита Петра в том виде, как он сохранился к тому времени в своде 1409 года. Перерабатывая последний, редактор свода 1423 года старался смягчить его явно московский характер и придать изложению известное политическое беспристрастие (Приселков)

5) Московский свод 1480 года. В нем уже чувствуется рождение Московского *государства*: резко выражена тенденция сильной великокняжеской власти; о междукняжеских съездах свод молчит' он просто не хочет вспоминать о них — для него они печальное напоминание слабости центральной (киевской) власти.

2. *Всеобщая история*. Первые попытки этого рода были, конечно, не более, как простые компиляции и переделки чужого материала.

1) «Хронограф по великому изложению», середина XI в. — переделка Амартола (не сохранилась).

2) «Еллинский и Римский Летописец», XIII в. - составлен по Малале и по Амартолу; Малала — «Еллинский», Амартола — «Римский».

3) «Хронографическая Толковая Палея» — тоже компиляция и переработка византийского материала.

Д. Художественное творчество.

<Слово о полку Игоревен.

Замечательный, единственный в этом роде дошедший до нас памятник «дружинной» или «княжеской» поэзии. Глубокое поэтическое чувство; яркие краски; богатство поэтических образов редкой красоты, **большие** художественные достоинства. «Слово» стоит наравне с **лучшими** созданиями западноевропейского эпоса (Песнь о Роланде, Нибелунги). Автор — его имя неизвестно — мирянин, не духовное лицо, **человек** книжный, начитанный, что, однако, не мешает ему стоять **близко** к народному творчеству и обильно черпать из него. Все содержание «Слова» проникнуто мифической древностью, пережитками языческих верований, благодаря чему от него веет свежестью, искренностью; оно подкупает своею непосредственностью. Человек и **природа**, в описаниях «Слова», живут одной общей жизнью

Но автор не только поэт: он еще и гражданин. Он скорбит о **внутренних** раздорах князей, отдавших Русскую землю в добычу поганым **половцам**; и под гнетом печального настоящего он покорно склоняет свою **голову**. Перед нами люди, надломленные жизнью; в прошлом они **пережили** мучительную драму. Не рог Роланда звучит в этой поэме **уверенным** и мощным призывом — нет, это Ярославна «утром рано на **забрале** кычет лебедью»; это сам поэт печально следит за распрями князей; и когда ему хочется отдохнуть душою, то мысли его обращены к **прошлому**: только там, в лице Владимира Мономаха, грозы половцев, **блеснет** для него настоящий луч, осветит и согреет его грустное настоящее. Под влиянием горестного настроения эпическая поэма местами переходит в лирическую думу, и это едва ли не лучшие ее места

Автор — современник Кирилла, епископа Туровского Тот и другой **наглядно** свидетельствуют о замечательных успехах, какие сделала **культура** и образованность, одинаково и в духовной, и в светской среде, со времени введения христианства, за истекшие два века. «Уже для половины XI века появление такого писателя, как митрополит Иларион, было ясным показателем, что новопришедшая культура и литература восприняты верхами русского общества вполне сознательно. Дальнейшая история подтверждала это. Появление житий, составление летописных рассказов, составление целых летописных сводов, **ученая** переписка, вроде переписки Климента Смолятича с пресвитером Фоною, — все это свидетельствовало, что, несмотря на все внутренние беспорядки и междоусобия княжеские, о которых так скорбит автор «Слова», культурная жизнь продолжала идти тем же путем» «Слово» **Появилось** в конце XII века, когда «политическая и общественная **Жизнь** южной Руси явно стала клониться к упадку, и близко было **Уже** время, когда вместе с этим должна была совсем прекратиться и **Жизнь** умственная и литературная, перейдя в другой центр, на Севе-

ро-Восток, где та и другая стали развиваться, воспринимая в себя новые условия всей окружающей жизни. «Слову» не суждено было начать новую эпоху в развитии русской литературы, но, наоборот оно явилось завершением периода предшествующего, подготовившего благоприятную среду для его появления. В данном случае литература оказалась обладающей большею жизненностью, нежели общественно-политическая жизнь: последняя клонится к упадку, первая, наоборот, находится на высоте своего развития» (Истрин).

Темой сочинения послужило действительное событие: неудачный поход на половцев новгород-северского князя Игоря Святославича (1185). «Слово» дошло до нас в списке XVI (?) века; найдено в 1795 г. Впервые текст напечатан (неисправно) в 1800 г., сама же рукопись сгорела в Московском пожаре 1812 г. Таким образом, исследователям приходится опираться лишь на издание 1800 г. да еще на копию, сделанную с указанного списка для императрицы Екатерины II.

Былины.

Песни о богатырях и удалых людях, об их подвигах и приключениях — одно из самых ярких выражений русского народного эпоса. Это тайники народной души, они вскрывают нам идеалы народа, его заветные мысли, надежды. Это, можно сказать, *история* народа, опоэтизированная и рассказанная им самим. Хронологически былины принадлежат одинаково и Киевской, и Татарской поре: черты и той и другой зачастую слиты в них нераздельно (например, Илья Муромец — он современник Владимира Красного Солнышка и борется с татарами)

Три цикла;

1. *Цикл старших богатырей:* Святогор, Микула Селянинович, Вольга Всеславич. Самая глухая древность. Это не столько люди, сколько титаны, олицетворения стихий, сказочные полубоги. С людьми у них общего одна только человеческая форма, но, как у грубой бездушной стихии, они лишены этического смысла и нравственного оправдания своего существования на земле. Сила разумная, духовная еще не проснулась в них.

2. *Цикл Киевский, младших богатырей:* Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Дюк Степанович, Чурила Пленкович, Соловей Будимирович и др. Их деятельность носит осмысленный и притом общественный характер, к тому же овеянный светом христианского учения. Самый любимый народный герой — Илья Муромец: он борется со злом, охотно защищает слабого; но главная его заслуга в глазах народа — борьба с кочевой Степью и с погаными татарами.

3. *Цикл новгородский* — и географически, и по содержанию стоит несколько обособленно от тех двух: там общерусская жизнь, общенациональные интересы; здесь — интересы местные. Две особенности новгородского быта: *материальное богатство*, достигнутое благодаря

¹ оживленным торговым сношениям с Востоком и Западом, и чувство **зависимости и свободы**, выросшее на почве вечевых порядков, **породили** две типичные былинные фигуры: Садко-купца, богатого гостя, и Ваську (Василия) Буслаева, удальца и повольника.

произведения, навеянные татарским разгромом и игом.

1. Былина «Как перевелись богатыри на Руси» про битву на Калке: подвиги Алеши Поповича и семи богатырей. Эта былина сложилась в мрачные времена татарского ига под впечатлением тяжелого поражения, понесенного русскими князьями в битве на Калке, если она приурочена к циклу Владимировых былин (Алеша Попович), то потому что народная поэзия не знает хронологии, княжение же Владимира Великого «представлялось в народной памяти самым светлым моментом прошлого и продолжало быть притягательным центром эпических сказаний». Слушая песни о славных подвигах богатырей старого времени и сравнивая с ним свое настоящее холопство, взирая на суровую действительность, столь неприглядно отличавшуюся от дней былой славы и силы, народу естественно было задаться вопросом: «куда же девались его старые защитники, его любимые герои? куда исчезла богатырская застава?», что некогда так крепко стояла на границах Русской земли? Ответ и был дан этой былиною: все лучшие богатыри погибли на Калке (Дашкевич)

2. «Слово о погибели Руския земли» — сохранился лишь небольшой отрывок — начало; десятка четыре строчек; сложилось, вероятно, под непосредственным впечатлением несчастной битвы с татарами на реке Сити (1238). Автор с любовью вспоминает прежнюю красоту и славу Русской земли и оплакивает теперешнюю ее горькую долю после нашествия Батыя; много чувства и поэтического настроения, произведение, по духу близкое к «Слову о полку Игореве» и «Задонщине».

3. «Задонщина» — поэтическое описание Куликовской битвы, прославление победы и подвигов Дмитрия Донского, «московского чудотворца»; местами полное подражание «Слову о полку Игореве»; конца XIV в.

4. Полоняничные песни.

5. Легенда о граде Китеже. Чудесно спасенный от войск Батыя, град Китеж пропал из виду; на его месте озеро (Нижегородская губерния, Семеновский уезд). Благочестивым людям дано слышать звон его колоколов и видеть его здания и церкви.

исторические повести татарского периода.

Они также навеяны татарским разгромом и игом; но поэтический Цемент перемешан в них с историческим, с действительностью, благочестивый вымысел с риторикой и умилением.

1. «Повесть о Калкском побоище и о 70 храбрых», тот же сюжет что и в былине «Как перевелись...», подвиги Александра (не Алеши!) Поповича и его 70 (не семи!) храбрых сотоварищей.

2. «Повесть об Евпатии Коловрате и о разорении Рязанской земли» Федор, сын рязанского князя, отказывается выдать татарам свою жену: его замучили, Евпраксия, узнав о смерти мужа, бросается со стены вместе с малолетним сыном и погибает; Батый наступает на Рязань, берет ее; подвиги одного из ее защитников, Евпатия; после его смерти татары воздают ему честь за его храбрость

3. Сказание о взятии Батыем города Владимира.

4. «Убиение князя Михаила Черниговского и боярина его Федора в Орде от царя Батыя».

5. «Житие Александра Невского» (см. выше)

6. «Житие Дмитрия Донского» (см. выше)

7. «Сказание о Мамаевом побоище».

8. «О взятии и разорении Москвы Тохтамышем».

9. «Сказание о обретении иконы Божией Матери» («Повесть о спасении Москвы от Тамерлана»), 1395 год. Это как бы вторая глава национального эпоса о низвержении татарского ига (первая «Задонщина»). Обе эти повести, в отличие от других, более ранних, уже не местные предания, а проникнуты сознанием, что дело идет о всей Русской земле — отсюда их большая популярность среди русских читателей.

III. Монашество.

Общие замечания.

В основе монашества лежит отречение от мира, удаление от него в целях спасения души. Такое отречение, однако, противно человеческой природе, которая создала нас существами с инстинктом общности (Аристотелевское *ποσειν ομοιωτητα*); кроме того, оно противоречит и учению Христа, который, по неизмеримой любви Своей к людям, Сам пришел в мир для спасения его и служения ему. Вот почему монашество, как институт, *реально*, не *только идейно*, отрекшийся от мира, проявилось в жизни и удержалось далеко не везде, скорее в виде исключения, чем общего правила. Монастыри с таким аскетическим направлением прочнее всего привились на греческом востоке, латинский же Запад создал тип монастырей, на знамени которых было написано служение обществу. Таковы монашеские ордена: Бенедиктинский (VI в.), Доминиканский (XIII в.), Францисканский (XIII в.), Иезуитский (XVI в.): эти ордена не отрекаются от мира, но, наоборот, идут к нему навстречу, стараясь спасти его, просветить и наставить.

На Руси аскетизм тоже не привился. Чувство общности никогда не покидало русского человека, и аскетизм в той форме, в какой он сложился в пустынях египетской Фиваиды, всегда был чужд ему. Уединенные пустыньки-монастыри, если где и возникали, то не пускали глубоких корней и большею частью становились простой переходной ступенью к монашескому общежитию. Основатели этих общежитий, отрицающая, вслед за знаменитыми Отцами и Учителями Церкви Пазомием Великим (ум. 348 г.), Василием Великим (ум. 379 г.), Иоанном Златоустом (ум. 407 г.), частную собственность, устраивали свои монастыри на началах коммунистических. Монашеский коммунизм существенно, однако, отличался от нынешнего: он не был *захваченным*, как современный нам, и был *добровольным* он исходил из горячей любви к ближним, из желания *служить ему*, и если по уставу Федора Студита из обыденной монашеской речи самые слова «мое» и «твое» были совершенно изгнаны, осуждались, как преступные; если Василий Великий утверждал, что «постель, теплая одежда, обувь ^{должны} принадлежать не тому, кто владеет ими, а тому, кто в них нуждается», то тот же великий Отец Церкви поучал: «не одеть нагого — то **же** самое, что раздеть одетого догола», ясно вскрывая этими словами истинно-христианский мотив преподанного им правила.

Но именно потому, что такой христианский коммунизм предъявлял **тяжелые** требования самоотречения, исходил из наличности неугасимой **собственной** любви к ближнему, и еще более потому, что он шел **вразрез** с природенным человеку чувством эгоизма, противоречил **бренным** условиям всякой здоровой общности, — признанию

за личностью права на духовную свободу (индивидуализм) и принципу собственности, — общежития этого типа быстро теряли свой первоначальный характер и в чистом виде не удержались. Даже монастыри обязанные своим возникновением таким выдающимся деятелям монашеской жизни, как Феодосии Печерский и Сергей Радонежский, не составили исключения. Жизнь оказалась сильнее предписаний

В истории русских монастырей за время с 988 — по 1462 г можно отметить два периода: домонгольский и время татарского ига. Каждый из них имеет свои особенности: по месту возникновения монастырей; по *мотивам*, которыми руководились при их созидании; по началам, которые были положены при их устройении.

1. *Домонгольский период.* Монастыри возникают в городах или поблизости; притом на началах общежития, своим возникновением они обязаны почти исключительно почину мирян, реже всего почину самих монахов.

2. *Вре/4Я татарского ига.* Монастыри возникают большей частью в глуши, далеко от человеческого жилья, притом по почину те, кто идет туда жить. Первоначально это пустыньки («особножитные» монастыри), позже они переходят на положение общежитий («общиножитные» монастыри).

1. Период домонгольский.

1. Городские (иначе: «мирские», «ктиторские») *монастыри.* Своим возникновением они обязаны почину посторонних тиц, их основывают духовные владыки, князья, бояре, богатые люди, иногда городская община, все население города сообща. Основывались такие монастыри ради спасения души; на них смотрели, как на богоугодное дело; к тому же иметь свой монастырь льстило честолюбию людей. Строители монастыря бли в то же время и его ктиторами: брали на себя заботу о его содержании. Городские монастыри строились главным образом, в Киеве и Новгороде — здесь легче всего находились средства на такое дело. В XI ст. таких монастырей насчитывалось около 20, почти все на юге (Выдубицкий и др.), в XII ст. — до 50, почти все на севере (Антониев, Юрьев, Хутынский; два монастыря, построенных в Полоцке прп. Ефросиньей, и др.).

2. Киево-Печерский монастырь. Среди всех этих «городских» монастырей, можно сказать, единственных на Руси в домонгольский период, ярко выделяется, тоже единственный в своем роде, монастырь Киево-Печерский. Почин ему дала не посторонняя мысль; воздвигли его не посторонние руки. Никто не звал Антония и Феодосия Печерских селиться в темных и сырых подземельях под Киевом — они сами избрали себе эти места движимые неодолимой потребностью,

лутем уединения и добровольно наложенных на себя лишений, утолить снедавший их духовный голод. Эта возвышенная цель сразу выделила Монастырь из ряда других, тем более, что он, как сказано, был тогда единственным в этом роде. Конечно, и другие монастыри «предавали Бѣя Богу», не отказывали в духовной пище тем, кто обращался за ѣю; но ни один из них не сумел подняться до такой высоты, на рсоторую вознесли свою обитель киевские пещерники. «Пещера» не \$аглушила в них чувства общественной солидарности с внешним |офом. Феодосии постоянно наставляет свою братью: «молитесь за ||Ирян; будьте их учителями и пастырями, заступниками и печальниками; благотворите им; не будьте стяжательны, а что имеете, тратьте |ра пользу ближнего». Инокам наказывалось отстаивать правду, не устанавливаться пред обличением сильных мира сего, хлопотать перед князьями за осужденных, миротворить в княжеских усобицах.

* Пусть Киево-Печерский монастырь далеко не во всем оказывался #а высоте Феодосиева идеала — строгий устав, введенный им по йобразцу Студийского монастыря, продержался недолго: коммунистическая идея отрицания собственности не привилась в нем; уже вскоре росле Феодосия постригавшиеся, если приходили с деньгами, начали уставлять их при себе, как свою частную собственность; в монастыре йали различать богатых от бедных и даже за взаимные услуги брали Друг с друга плату... таким образом истинное общинножитие не утвердилось в Киевских пещерах, как, впрочем, не утвердилось оно |игде на Руси, — однако выношенная Феодосием идея самоусовершенствования и бескорыстного духовного служения миру не замерла | основанной им обители и после его смерти, надолго обеспечив ей Ъ общественной жизни значение большой моральной силы. Недаром Мономах со Святополком, зовя Олега Черниговского мириться, говорят ему: «пойди Киеву, да поряд положим о Русьстей земле пред Йископы и пред игумены и пред мужи отец наших».

к\ Вообще, Киево-Печерский монастырь более, чем какой иной за это Шремя, явился кафедрой христианского учения, воспитательной школоу, рассадником просвещения, благотворительным учреждением. Он тл своих проповедников и мучеников на далеком Севере, еще не тро-

Ктом светом христианства; стал средоточием умственной жизни молодто христианского общества; и, завоевав себе высокое и авторитетное Йоложение в древнерусском обществе, вырос в своего рода палладиум Православия. Здесь было положено начало книжному просвещению; **В**Десь появились первые церковные писатели и первая история России

Примечание. Студийский монастырь — один из монастырей Константинополя. Федор Студит, составитель монастырского устава, названного его именем, умер в 826 г.

«
^
v

П. Время татарского ига.

1. Пустынные монастыри (т. е. основанные в безлюдной глуши в пустынных местах). Батыево нашествие и гнет татарского ига значительно изменили психологию монашествующих. 1) город перестал давать прежнюю защиту, а главное, 2) мир слишком «погряз во зле» — в нем трудно было сохранить душевное равновесие, трудно самому не погрязнуть. Освободиться от слабостей человеческих; сбросить с себя цепи, что приковывают нас к преходящим радостям земной жизни, — для этого следует удалиться в пустыню: там легче выковать свой характер, стать выносливым; легче духовно возвыситься и приблизиться к Богу. Тяжелый физический труд, лишения, низведение своих потребностей до минимума (жилье — простая келья, а то и землянка, иногда даже дупло в дереве; пища — сухой хлеб, корни и вода) — первый необходимый шаг к тому, предварительная школа. Это совсем *не отречение от мира*, но подготовка к предстоящей работе *в миру и для мира*. Конечная цель всегда — *дело общественное*. Спасти несколько душ — заслуга неизмеримо большая, нежели спасти одну только свою, тем более, что, спасая других, спасешь и самого себя. Поэтому когда слава о трудовой жизни и добровольно принятых лишениях, вызывая преклонение перед редкостной силою духа, создавала иноку учеников и последователей, то он не только не отвергал их, но принимал, как желанных гостей.

Пустынные монастыри воздвигались самими монахами, по собственному почину, для самих себя, своим трудом и усилиями, разве что, самое большее, еще добротными даяниями усердствующих мирян. Содержался такой монастырь собственным трудом. Местом ему был не город, даже не окрестности города, а глухие леса, уединенные озера, зачастую непролазная чаща, дебри и болота. Например, к келье Сергия Радонежского первые 15 лет не было иного проезда, кроме глухой тропы; Савватий и Зосима поселились на необитаемом острове Соловецком и т. д. Особенно много стало возникать таких монастырей со второй половины XIV века.

2. *Как возникли пустынные монастыри?* Вокруг одинокой кельи пустытника братия ставила свои кельи, совместно воздвигалась церковь, совместно расчищался ближний лес; иноки, следуя примеру своего учителя, тоже закалялись в вере, совершенствовались духовно. У местных духовных властей испрашивалось разрешение на основание монастыря, а у местного князя выхлопывалось право на пользование окрестными угодьями, лесными и водяными, право звать и садить с этою целью на землю крестьян. Обилие свободных земель не вызывало затруднений в исполнении просьбы; и вот появлялись новые люди, ставились починки и выселки, глухой пустынный край оживал и заселялся. С течением времени починки превращались в большие селения, даже города. Так, города Кириллов (на Белоозере), Калязин,

Цетлуга, Кашин, Варнавин, Устюг обязаны своим происхождением монастырям, около которых поселялись их первые насельники. Благочестивые люди наделяли еще от себя иноков земельными угодьями, <как что иной монастырь превращался в очень богатого собственника.

Сильный толчок развитию монастырей дал Сергей Радонежский, jjo словам летописца, он был «начальник и учитель (т. е. инициатор и фбразец) всем монастырям, иже в Руси» Около 1340 г. он основал свою Аустыньку на месте будущей знаменитой Троице-Сергиевой Лавры, а \$отом он же и его ученики основали десятки других монастырей Тяжести татарского ига, нестроения общественной жизни, несправедливости, неразлучные с княжескими усобицами, — весь этот духовный и материальный гнет развили в людях набожность; для многих религия |влялась единственным утешением и нравственной поддержкою; выби-тые злой судьбою из привычной колеи, они искали в ней прибежища, и стоило им услышать, что где-то в глухих дебрях забрезжил духовный |веточ, как они с легким сердцем покидали опостылевший «мир», радостно спеша на приветливый огонек в надежде отогреть подле него fоio усталую душу и осветить им свои потемки.

3. *Пустынные монастыри — колонизаторы севера России.* Географически монастыри возникали и росли в направлении к Белому \$орю, к Ледовитому океану, к Уралу; они проникали в леса вологодские, костромские, ставились по рекам, на берегу озер, на озерных островах (реки Шексна, Вычегда, Нурма, Двина, озера Ладожское, фелоозеро, Кубенское). За иноком шел сюда пахарь-земледелец, про-Шышленник, торговец. Монастырская колонизация вела за собой ко-лонизацию крестьянскую, давая ей точку опоры. «Куда шли монахи, отда же направлялось и крестьянское население; перед теми и другими ареала одна дорога — в привольные пустыри севера и северо-востока, Ще крестьянин мог на просторе производить свою паль, росчить Щкого леса под пашню, а монах совершать свое безмолвие. Не всегда t»кно указать, где которое из обоих движений шло впереди другого, tе монахи влекли за собой крестьян, и где было наоборот; но очевидна ©язь между тем и другим движением» (Ключевский).

4. *Политическое значение пустынных монастырей.* В конечном результате монастырская колонизация выросла в большое государст-Енное дело: она стала важным фактором в той великой исторической Еботе, какая выпала на долю русского народа: ввести в строй государственной жизни новые обширные области, населенные некультур-ными, нехристианскими племенами (финнами), содействовать их об-юсению и приобщить к общеевропейской культуре.

% 5. *Монашество — рассадник христианства.* Появление монасты-ри на языческом Севере сопровождалось насаждением там христи-рства среди местных финских племен (чудь, лопари, вогулы, зыряне), жесь особенно следует выделить деятельность Стефана Пермского. Рбладая по тому времени большим образованием, Стефан не только

крестил пермских зырян, но еще изобрел для них азбуку, перевел на зырянский язык необходимые богослужебные книги со славянского языка, при помощи греческого текста. Сколько раз грозила ему смерть от язычников — он обезоруживал их своим бесстрашием, силою духа низвергал их идолов и на месте капищ воздвигал церкви (ум 1396 г.).

б. *Сергий Радонежский* — основатель монастырей. С Сергия Радонежского (1314—1392), с построения им в лесу деревянной церковки св. Троицы (ок. 1340 г.), начинается в Северной Руси быстрое нарастание монастырей, причем первые монастыри основывает он сам или его ученики. Основано было монастырей:

за 988—1242 гг.	до 70
за 1242—1340 гг.	до 30
за 1340—1462 гг.	до 150.

Последний период характеризуется постепенной заменю пустынного, «особножитного» типа типом «общежитным», — и это под влиянием никого иного, как Сергия Радонежского. Последнее в деятельности Преподобного может показаться противоречием* ведь он сам начал свой подвиг с пустынножития. Можно думать, что самое начало пустынножития на русском севере положено именно им; да и позже, чуть ли не все известные основатели монастырей руководились его примером и, прежде чем воздвигать обитель, более или менее подолгу подвизались именно в пустыни. Вообще воздвигать монастыри после Сергия, если не непременно в лесной или болотной глуши, то все же не в городах и не вблизи человеческого жилья, стало своего рода нравственною обязанностью и признаком правильного понимания целей монастырской жизни. И вот тот же Сергий переходит на общежитие, старается утвердить его не только в своем первоначальном, Троицком, монастыре, но и в других, основанных как им самим, так и его учениками.

Противоречие в данном случае, однако, лишь кажущееся, в действительности перед нами два последовательных момента: «пустыня», по мысли Сергия, должна была служить подготовительным этапом, предварительную школу, в которой инок готовил и изощрял свои силы, необходимые для предстоящего трудного подвига.

К тому же существовало еще и другое побуждение, в силу которого прп. Сергий не захотел остановиться на пустынножитии, как на окончательной форме: «пустынька», особенно если слава основателя выдвигала ее из ряда других, становилась с течением времени не монастырем, а монастырским городком, переставала быть уединенною ке-лею, затерянной в дремучем лесу, среди труднопроходимых болот, где инок мог вести, действительно, *одинокую* жизнь, лицом к лиду

С природою, и где вдали от мирских соблазнов мог чувствовать себя **ВСЕГО** ближе к Престолу Божию. Пройдя начальную стадию своего развития, такая «пустынька» превращалась, зачастую произвольно, **3** населенное место, где иноки соприкасались друг с другом на почве интересов не только духовных, божеских, но и грубо материальных, **И** **де** уйти от «мира», ввиду этого, не всегда было возможно и **ГОСИНО** слабому человеку.

Ревность прп. Сергия требовала полного отречения от всего «мир-**СКОГО**», отказа от собственности, отречения от личности, поскольку **ПОСЛЕДНЯЯ** могла мешать общему благу; общий труд он делал обязатель-**НЫМ**; он хотел индивидуальную волю и стремления поглотить волею и стремлениями коллективными; хотел, в меру возможного, уберечь **брат-ство** от всего того, что влекло ее на путь эгоизма и себялюбивых забот. Самое первенство игумена перед братиею Сергей видел не в пользова-**НИИ** большими *правами* и привилегиями, а в несении *больших обязан-ностей*. Все это было недостижимо там, где монастырь «особножитно-**Щ**» типа представлял из себя не столько компактную общину, сколько йеханическое собрание отдельных келий, лишь внешне объединенных **ОДНА** с другою. И можно **ЛИ** было провести уничтожение собственности **там**, где игумен пользовался более **или** менее привилегированным **поло-ЖЕНИЕМ**, получал половину доходов, а если к тому же монастырь был из богатых, то и жил настоящим помещиком?

*' Реформа Сергия Радонежского явилась повторением попытки **Фе-ОДОСИЯ** Печерского, и с тем же отрицательным результатом. Правда, **то** пример и наставления, высокий авторитет имени вызвали всюду Подражание, и вскоре почти все вновь возникавшие монастыри стали Устраиваться по общежитному типу. Однако уже в ближайшее время Сказалось, что успех преподобного был чисто внешний: форма оста-**лась**, но содержание стало выдыхаться. Те же причины, что свели **те** **нег** реформу Феодосия, действовали и здесь: коммунизм, даже в Христианской, облагороженной форме, противоречит человеческой **Антропе**, а подавить в себе проявления грубого эгоизма посылно Только избранным натурам, т. е. весьма и весьма немногим.

^t Идеал Сергия столкнулся с жизнью, и жизнь превозмогла. Но если **реформа** социальная (отказ от права на собственность) потерпела кру-**шение**, зато вечные идеалы правды, добра, любви, смирения и самопо-**жертвования**, в ту же жизнь словом и делом проводимые Сергием, на-**стала** остались для русского инока верною путеводною звездю. Эта **звезда** для многих являлась поддержкою в борьбе со «злом сего мира», **Одержала** на истинном пути, многих не допустила сбиться с него. Без **той** звезды — кто знает! — во что окончательно вылился бы русский **Монастырь**, как одна из форм человеческого общежития.

^ 7. Военное значение *общежитных монастырей*. С течением вре-**мени** иные монастыри выросли в настоящие крепости и, как таковые, **Услужили** большую службу государству: об их высокие и прочные

стены разбивались неприятельские рати; они давали убежище окрестному населению. Таковы монастыри: Изборский на ливонской границе Соловецкий на Белом море, Кирилло-Белозерский, Троице-Сергиев.

8. Благотворительная деятельность общежитных монастырей Они воздвигали больницы, богадельни, гостиницы; помогали бедным неимущим; содействовали в отыскании работы; в голодные годы кормили окрестное население.

9. Просветительная деятельность общежитных монастырей В ту пору монастыри были настоящими центрами просвещения. «Вступая в монастырь, человек чувствовал себя в особом мире, - мире книжном, где почитание книжное было специальностью и вместе подвигом, где все говорили от Писания; и на трапезе, и в церкви, и в кельях предлагались благочестивые чтения; где, наконец, в обширных размерах производилась переписка всякого рода книг. Кто хотел учиться, мог найти в монастыре и лучших учителей, и богатую библиотеку. В монастыри шли и князья, и простые люди для духовной беседы, для утверждения во благочестии. Кроме устных наставлений, оттуда выходили учительные послания к разным лицам, которые передавались из рук в руки и распространялись в множестве списков» (Знаменский). Таковы в особенности монастыри: Киево-Печерский, Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Соловецкий (просветительное значение последних трех проявилось главным образом в следующую эпоху).

10. Сергей Радонежский и Феодосии Печерский (два монашеских типа). Сравнение Сергея Радонежского с Феодосием Печерским напрашивается само собой. Сходство между ними немалое.

1) На том и на другом лежит печать основоположничества. От каждого из них пошла своя линия: Киево-Печерский монастырь стал рассадником монастырей Южной Руси в домонгольский период, по почину прп. Сергея пошли монастыри северные.

2) Оба они положили начало общинножитным монастырям один на юге, другой на севере.

3) В своих «пещерах» Феодосии заложил те начала, которые сделали его монастырь впоследствии духовным центром для всей Южной Руси; такой же центр вырос на северо-востоке из скромной пустынки Радонежских лесов, превратившейся с годами в знаменитый «Дом Св. Сергея».

При всем несомненном сходстве есть, однако, и разница, тоже немаловажная.

1) Феодосии еще напоминает Византию; самый устав, введенный им, произведение иноземное; Сергей, наоборот, явление чисто русское, самобытное.

2) По духу, по пафосу, с каким он проходит свой подвижнический путь, Феодосию более сродни не Сергей, а Франциск Ассизский Тот

Ш ДРУ^{го} охвачены неутолимой, пламенной жаждою отречься от **Щ**ми^а5 ничто не в силах остановить их' ни проклятия родителей, **Х**и слезы матери, ни побои; никакие замки не удержат их в той ||уховной тюрьме, из которой они жадно рвутся на волю. Совсем не к Сергей: истинный северянин, он терпеливо ждет своего времени, р9 не пылок, не порывист; его пламя горит ровным, спокойным, хотя **же** неугасимым светом. Покорный сын, он выходит на избранный **Ц**уть свой не раньше, как убедится, что его решающий шаг никому |е причинит горя и тяжелых страданий. Ни чьей горячей слезы не "р^ктавил он упасть на своем пути к Престолу Господню.

О 3) От Феодосия веет той суровостью и требовательностью неук- ||онного исполнения предписаний, что выработались на Православном **Я**остоке еще в эпоху ересей, гонений и тревожных забот о чистоте **р**чения, преподанного Спасителем; Сергей гораздо благостнее, довер- **ч**ивее; он чужд такой тревоги; он больше верит в чистоту и честность **Д**вижений человеческой души.

| 4) Феодосии, хотя и не отворачивается от «мира», но последний **т**от для него на втором плане, на первом же — спасение души; для **р**ёргия таких двух «планов» не существует: служение «миру» и **д**аение души неотделимы одно от другого, да и самое «спасение» ^ **н**его неразрывно связано и обусловлено «служением»,

j 5) Облик Феодосия, как сейчас было сказано, суров; последователь |?тудийского устава, игумен Киево-Печерского монастыря своего рода |амодержавный монарх: он требует себе беспрекословного повинове- **р**ия; виновного ждет наказание. Не то Сергей: уставов он не вводил, **Ш** не столько требует, сколько учит собственным примером. Заведя |**В**вестные порядки, он не настаивает на их выполнении: подчинение ||олжно быть добровольным; и «если я не угоден вам — я уйду, сниму **у**себя игуменство». И это не пустые слова. Лишь Сергей почувствовал, |**Г**о братия недовольна им за введение общежития, он не замедлил **п**рератить слово в дело. Отслушав вечерню, он уже не вернулся **в** келью, а вышел из монастыря и покинул обитель, «им **о**снованную, чуть не собственноручно выстроенную», — обитель, «где |р^овел столько святых лет».

; «С обычной точки (зрения) он совершил шаг загадочный. Игумен, ^**с**тоятель и «водитель душ» — как будто отступил. Оставил пост, @**с**тавил водительство. Трудно представить на его месте, например, **Ф**еодосия Печерского. Конечно, он **с**мирил бы недовольных. Нельзя **ф**мать, чтобы и у католиков произошло подобное. Виновных наказали **Щ**, а игумен, ставленный самим архиепископом, никак не бросил бы Монастыря. Но русский смиренный и «убогий» старичок, которого и |**р**естьянин-то приезжий не хотел признать игуменом, в хмурый вечер **Т**ОШел с палкою из Лавры, мерил старческими, но выносливыми, ^**о**тницкими ногами — к Махришскому монастырю дебри Радонежа **Я**йкому он не сдавался, ни перед кем не отступал. Как можем мы

знать его чувства, мнения? Мы можем лишь почтительно предполагать так сказал внутренний голос. Ничего внешнего, формального. Ясная святая вера, что «так будет лучше». Может быть, вопреки малому разуму, но — лучше. Чище. Если зажглись страсти, кто-то мне завидует, считает, что ему надо занять место мое, то пусть уж я уйду, не соблазняя и не разжигаю. Если меня любят, то любовь свою возьмет — пусть медленно. Если Бог так мне повелевает, значит Он уж знает — нечего раздумывать».

На Киржаче, куда он удалился, Сергей пробыл три или четыре года. «Митрополит (Алексий) мог бы давно силой возвратить его оттуда. Этого не случилось. Оба ждали, чтоб созрело время, разрешили жизненную трудность в духе вольности и любви Правда, Алексий предлагал Сергию удалить недовольных общежитием, но к этому не прибегали. Это не стиль Сергея. Ведь если бы он захотел, гораздо раньше мог бы сделать это — Алексий глубоко чтит его». Возвращение в родную обитель было победою Сергея; но он «победил просто и тихо, без насилия, как и все, (что) делал в жизни Не напрасно слушался голоса, четыре года назад сказавшего: «уйди». Победа пришла не так скоро. Но была полна. Действовал он тут не как начальник, — как святой. И достиг высшего. Еще вознес, еще освятил облик свой; еще вознес и само православие, предпочтя внешней дисциплине — свободу и любовь» (Бор. Зайцев).

б) Деятельность Феодосия преимущественно созерцательная, мысленная; Сергей весь — деятельность действительная, осязательная, реальная. И оно понятно, почему. Феодосии жил в обстановке, не допускавшей или, по крайней мере, сильно мешавшей творческой, созидательной работе: междоусобия князей, вторжения кочевников не давали уверенности в завтрашнем дне; постоянно думалось, «как бы сберечь хотя бы и то, что уже есть». Сергей — сын великорусского племени, сложившегося в обстановке *постоянного, упорного труда*, не созерцательного, но по преимуществу физического. «Умственное делание» Нила Сорского (см. о нем ниже) на севере не привилось; между тем недаром у нас сложился образ Сергея — *плотника, работника и строителя*.

Действенность — основная черта прп. Сергея.

И Сергей, действительно, *строит'*, он постоянно в действии, он настоящий *работник*. Обладая физической силою, он у себя в монастыре первый на работах, требовавших большого напряжения и крепких мускулов; он плотник и повар; он кроит и шьет одежду и обувь для братии; он печет просфоры и замешивает для них муку; катает свечи, варит кутью. Он основал при жизни до 30 монастырей, а ученики, по его стопам и завету, воздвигли еще других 50. Монастырская благотворительность Московской Руси ведет свое начало от него. Он деятельный миротворец и посредник в княжеских распрях.

И здесь снова напрашивается сравнение Сергея с Феодосием

Мысленно Феодосии никогда не выходил из-за стен своей обители, ^ергий, наоборот, никогда не укрывался за ними: его «пустынька» ИШЬ временный искус; он никогда не уходил от «мира» уже потому, го всегда жил для него. Человек земли, он никогда не отрывался f почвы, на которой вырос. Его мысль не витает в надзвездных , ферах, но для него ясно, что, правильно, разумно устроив свою р!знь здесь, на земле, мы всего вернее достигнем конечной цели — [арствия Небесного.

\ Сергей также и не догматик: он воспринимает учение Христа шюсто, не столько разумом, сколько сердцем. Он знает, что Христос ^претил убивать ближнего; но когда он видит, сколько смертельных |расностей нависло над бедной Русской землей с подходом Мамаезых |рлчиш, он не задумывается благословить московского князя на рат- рдй подвиг и даже шлет с ним на Куликово поле проливать вражескую \$ровь двух своих иноков.

\$, Вот почему он ближе, понятнее своим современникам, чем Фео- досии для своих; вот почему он остался понятен и для последующих |околений. В толпе людей, погрязших в заботах о «хлебе насущном», раздираемых грубою жаждою власти, насилия, эгоизма, раздался Яолос — по карающий, не призывавший ее порывать с «землею», не Предлагавший этой толпе ничего для нее неприемлемого, не говорив- ший ей: «уходи из этого «мира» и живи идеалами другого», этот |олос просто зывал к лучшим сторонам человеческой души, к нрав- ственному долгу, показывая на примере, что и оставаясь на «земле», Цожно устроить свою жизнь иначе, много лучше, строя ее на вечных |&чалах добра, любви и справедливости. Не предлагая невозможного, ^Сергий не бередил напрасно больных ран сознанием этой невозмож- ности; наоборот, он нес с собою утешение, надежду на лучшее; под 'благостной тенью монастырского креста, что воссиял теперь над Ра- донезскими лесами, всякий «труждающийся и обремененный», любой фешный и слабый находил тот душевный уют, которого напрасно искал в обыденных условиях мирской обстановки.

IV. Искусство.

А. Церковная архитектура.

Два типа христианских храмов.

Обыкновенно различают два типа христианских храмов- 1) *Западный* — его признаки: латинский (удлиненный) крест; ряды колонн делят храм на три или на пять нефов; верх (крыша) — плоский потолок; 2) *восточный* — его признаки: греческий (почти квадратный) крест, вместо колонн четыре массивных столпа, они поддерживают купол. Квадратность греческого храма создает *центральное место*, объединяющее вокруг себя остальные части здания. Наличие такого центра подчеркнута еще сильнее тем, что купол храма высится как раз над ним; в латинской же базилике он поставлен с края, не над серединою храма.

Мозаика — другая особенность храмов, возникших под восточно-греческим влиянием. Такими мозаиками особенно богаты св. София в Константинополе, св. Марк в Венеции, церкви Равенские: св. Виталий, св. Аполлинарий Корабельный (in classe), св. Аполлинарий Новый; наш Киево-Софийский собор.

Основные формы русского храма, заимствованные у Византии, суть следующие четыре: 1) правильный четырехугольник, переходящий в квадрат; 2) абсиды (алтарные полукружия) в восточной стене, где алтарь; 3) четыре колонны-пилястры; 4) купол на этих колоннах. Однако эти основные формы подверглись на русской почве самостоятельной переработке. Выработались три архитектурных варианта: киевский, новгородский и суздальский.

Киевские храмы.

Здесь колонны, для большей прочности, заменены *столпами*. Столпы сделали ненужными арки, служившие колоннам подпорками (контрфорсами); вместо одного купола ставилось пять куполов, даже больше; а вместо четырех столпов в иных храмах сооружали *шесть* столпов, самый купол не прямо на столпах, а на барабане, поставленном на столпы. Главнейшие храмы этого типа'

1. Спасо-Преображенский собор в Чернигове; его строил Мстислав, сын Владимира Великого (1024 — 1036). Это самая древняя из сохранившихся до нашего времени построек Киевского периода

2. Софийский собор в Киеве (13 глав), 1037 г.

3. Златоверхо-Михайловский, там же, 1108 г.

4. Борисоглебский храм в Чернигове, 1120—1123 г

У. Новгородские храмы.

с(Новгород стоял дальше от византийских влияний, в его архитектурном творчестве чувствуется уже некоторая самостоятельность - Ударом именно здесь появился первый *русский* зодчий - мастер Петр. Эта архитектурная самостоятельность выросла из а) чувства Политической независимости, всегда присущей Новгороду, и б) в зависимости от климата, более сурового, чем на юге, и проявилась в трех особенностях

Ф 1. Создание шести- или восьмигранной кровли. Она не исключала византийского шарообразного купола-главы, но и ей старалась придать юрму более удлиненную обилие выпадавшего снега вынуждало озариться о том, чтобы он падал на поверхности более или менее рутые, не зачехляясь и не давя на поверхность. Купол -- ото та иль храма, в которую зодчий вкладывал свою основную мысль это и НИО его помыслов; если храм пятиглавый, то боковые главы всегда СНЕ, ниже; их роль служебная, они окружают центральную главу, , двигаются возможно ближе к ней, но никогда не заслоняют ее, икогда не претендуют на архитектурное равновесие

л 2. Большая холодность и торжественность внешнего вида церкви

1 3. Обыкновенное число алтарных абсид три; но с течением времени |се чаще и чаще восточная стена ставится лишь с одним полукружием

* «Нигде алтарные полукружия не играли такой значительной роли общей концепции храма, как в новгородском строительстве Нов- 1, уродский храм красивее всего именно с алтарной стороны, и ни одна feНа не производит такого нарядного впечатления, как восточная, ! Бья нарядность эта лежит не в узорах, часто совсем здесь отсутст- ! рощих, а в том изумительном искусстве, с каким зодчий облюбовал Брмы трех закругленных выступов и искал прихотливых линий их Блныстых изгибов» (Грабарь).

* В новгородских храмах следует различать два типа, величаво-холодный и упрощенный (приземистые церковки).

* А. *Первый тип*. Стены гладкие, торжественные в своей простоте I бедности убранства, линия церковных глав могучая, общее впечатление величавого, спокойно-холодного, серьезного и сурового Од- •ко при всем своем величии, новгородские храмы этого типа очень Вромны на вид; зато, может быть, именно благодаря этому отсутствию Быщенности и напускной важности, они вырастают еще более в Воем величии. «Никакой суетливости и мелочности, нет нигде мелких урм и ненужной назойливой орнаментации. Зодчий скуп здесь на Пор и старается достигать впечатления только строгой логичностью ЮРМ, никогда не теряющих своего конструктивного смысла и не • рождающихся, как позже в Москве, в чисто декоративные придатки fттепосТби. Если он прибегает к узору, то последнему отводит очень бромное место, видя в нем лишь средство оживлять стену, а не цель

строительства». Архитектурный инстинкт подсказал новгородским зодчим, что дело не в узоре, не в украшении; и действительно новгородские храмы «действуют на нас одним чисто архитектурным очарованием, одними обнаженными стенами, как действуют иные памятники Египта или Ассирии».

1. Софийский собор в Новгороде, 1045—1052. 2. Собор Юрьева монастыря, 1119—1130. 3. Церковь св. Георгия в Старой Ладогe ок 1185-1190.

Б. *Второй тип.* Суровый климат, отсутствие в церквях печей и стекол в окнах вызвали появление упрощенного типа маленьких приземистых, низеньких церквочек с узкими окнами; в них темновато, тесно, зато тепло и уютно. Кровля, по форме, — пересечение двухскатных крыш крестьянской деревянной избы; над местом пересечения — барабан с куполом, увенчанный главою. Боковые алтарные абсиды, в других церквях обыкновенно одинаковой высоты со среднею, здесь понижаются, а с конца XIII в. и совсем исчезают: остается одна центральная. «Трудно придумать что-либо проще этого кубика с одним или тремя восточными полукружиями и с четырьмя столбами, несущими на арках и парусах купольный свод» (Грабарь).

Тип такого храма вырос из «деревянных храмов» (см ниже) и представляет собою вполне самобытное русское творчество.

1. Церковь Спаса Нередицы, под Новгородом, 1198. 2 Никола на Липне, под Новгородом, 1292. 3. Спас на Ковалево, под Новгородом, 1345. 4. Церковь Федора Стратилата, в Новгороде, 1380

«Удивительно чиста, нежна и певуча Новгородская архитектура. Все держится здесь лишь на одном чувстве пропорции, но оно столь совершенно, столь как-то мудро и просто, что лишь с самыми ясными и чистыми решениями Брунеллески можно было бы сравнить белые стены и „весь как на ладони“ объем собора XII века в Юрьевом монастыре» (Муратов).

Суздальские храмы.

Смесь двух влияний: византийского и западноевропейского. Основные черты остались византийскими, т. е. такими же, как и в киевских и новгородских храмах: план квадрата; три абсиды, четыре столпа, колокольня («звонница») — особое сооружение, отдельно и независимо от церкви; зато внесены многие частности романского стиля: широкие грузные порталы полукружием; узкие окна, полукруглые арочки точно лентой опоясывают наружные стены, их подпирают колонны на фигурных подставках; наконец, украшение наружных стен: стройных, изящных, нарядных.

В этой нарядности и, особенно, в стройности архитектурных линий следует прежде всего искать объяснения, почему суздальский храм производит иное впечатление, чем храм новгородский. В Новгороде — простота мощных стен, много силы и энергии; там храмы

точно корнями уходят в землю, ничем их не сдвинешь, узорочье на суровых, холодных стенах — если б оно было там — лишь **ослабило бы** величие и всепокоряющую силу, столь присущую новгородскому храму, «убило бы красоту» его.

В Суздале иное. Здесь идеал не в силе, не в величавой простоте, а в **стройности**, изящности, даже в известного рода изысканности. По **самой** натуре своей суздальское зодчество аристократично; оно ценит **тонкие** пропорции, изящные линии, причудливые узорные плетения «В Суздале нет ни одного памятника приземистых, упрямых новгородских пропорций: они все стройнее, все тоньше, и даже собор Юрьева Польского, казавшийся единственным исключением, сейчас (1926 г.), после освобождения его от окружающих поздних пристроек и застроек, сразу вытянулся и стал по-суздальски стройным» Самое узорочье на **наружных** стенах суздальских храмов, при всем его обилии, не производит впечатления назойливости — оно «проникнуто чудесным чувством **меры** и несравненным художественным тактом», да и не узорочье является основной, характерной чертой суздальских церквей: «если бы у Дмитровского собора сколоть всю его каменную резь, он все еще оставался бы прекрасным и стройным в своих певучих линиях, ибо его **узорный** покров только повышает его основную красоту, а не создает» (Грабарь).

1. Успенский собор во Владимире на Клязьме, 1158—1160 2. Церковь Покрова на Нерли, 1165. 3. Дмитриевский собор во Владимире на Клязьме, 1194—1197. 4. Собор Георгия Победоносца в Юрьеве-Польском, 1230—1234, на месте прежнего, основанного в 1152 г. 5. Успенский собор в Московском Кремле (первой постройки), 1324—1327. 6. Церковь Спаса на Бору, в Московском Кремле, 1329—1330. 7. Архангельский собор, там же, 1332. 8. Успенский собор в Звенигороде, конца XIV в.

Три суздальских храма: Покров на Нерли, Дмитриевский собор и собор Георгия Победоносца — 1165, 1197, 1234 — дают возможность проследить постепенное нарастание украшений наружных стен храма <На Нерли мы видим лишь немного обронных украшений, помещенных сверху, под архивольтами наружных арок; в Дмитриевском соборе эти обронные украшения заполняют собою всю верхнюю *половину* фасада, а в Юрьеве-Польском они покрывают собою уже *весь* фасад. Таким образом, здесь является строго последовательное развитие зодчества: сперва памятники его отличаются умеренностью украшений, затем богатством их и, наконец, излишеством» (Султанов)

Деревянные храмы.

Деревянные храмы составляют своеобразную, самобытную форму Русского зодчества, сохранившуюся в Галиции и особенно на русском Севере (аналогичные церкви в Скандинавии). Впрочем, таких храмов

за указанный период (862 — 1462) до нас не дошло ни **одного** Мы судим о них лишь по оставшимся образцам XVII и XVIII вв.

1. *Клетские церкви.* Форма деревянных церквей была дана готовая* четырехстенная изба (клеть) с двухскатною крышей; **оставалось** лишь водрузить на кровле крест или врезать в нее куполок, увенчанный крестом. Эта форма, простейшая, дала очень распространенный тип так называемых *клетских* церквей («древяна клецки», как **звали** ее в старину). В борьбе с климатом (снега, дожди, сырость) и в **предупреждение** быстрого гниения дерева, храм нередко ставили **на подклеть**; вследствие чего сам он превращался в «горную клеть», т е становился двухэтажным. И здесь форма была дана готовая **крестьянская** изба, жилое помещение, по тем же мотивам, **тоже часто** стоит на «подклети», эта же последняя предназначается **под сарай**, амбар и т. п. приспособления по хозяйству.

2. *Шатровые храмы.* Одновременно с клетским типом **возник** и другой — шатровый: сруб ставился не 4-стенный, а 8-стенный, **не «четвериком»**, а «восьмериком», вследствие чего и покрытие ставилось не двухскатное, а восьмискатное, в виде палатки или шатра («**древяна** вверх»). Особенность шатрового храма: его высота, стремление **ввысь**, к небесам. Этот тип позже, в Московский период, будучи облечен в камень, составит одну из характерных особенностей русского зодчества, пленительную свою художественной целостностью и гармонией **частей**.

Художественное творчество северорусского зодчего **не остановилось** на одной выработке *типа* — оно искало еще и *красоты* и вылилось в обстройке наружных частей церкви: в крыльцах, и **особенно** в кровле. Подклеть требовала устройства крыльца с **входной** площадкой («рундук»); оно ставилось одно- или двухвходное, **украшалось** резьбою.

Наружные стены храмов в верхней своей части заканчивались маленькими шатерчиками, вроде арок, — это так называемые *закомары*. Выше стены, уже образуя крышу, закомары ставились **одна** подле другой, одна над другою, одна за другою, и все ползли **вверх**, образуя нечто вроде пчелиных сот, поставленных вертикально. **Над** закомарами возвышалась глава церкви. *Бочка* — другая **форма** покрытия: бочка срезана и в длину, от верхнего конца до **нижнего**, опрокинута вниз, выпуклостью кверху, заострена в верхней **части**, с боков сделана пузатою («пучина»). Купол принял форму *луковицы* или груши. Число *глав* разрослось, они поднимались одна над **другою**, доходя иногда до 21. В шатровой форме кровля тоже все **росла** и росла, вытягивалась, но, в отличие от многоглавого храма, **приняла** форму остроконечного конуса, иногда в 30 — 35 и даже более **сажень**. Такой конус, в сущности, есть то же многолавие, но **слившееся** 0 одну сплошную массу.

Курс Русской истории. Глава, четвертая

Клетский тип храмов раскидан по всей Великороссии, но «на севере преобладающее значение имел тип шатрового храма, и на нем соединились в неразрывном союзе и забота, и любовь безыменных мастеров *ft* так как почти все шатровые храмы поразительны по красоте, где бы они ни стояли: на далекой ли Кеми, почти у полярного круга, около Вологды, в Каргополе, в Устюге, в костромских лесах, — то невольно чувствуешь, как проявилось в них соборное народное творчество, как они были народным делом, одинаково близким ему во всех концах колоссального края. Та нечеловеческая трудность работы топором,¹ короткое летнее время для работы и такое множество памятников ясно свидетельствуют о больших плотничьих артелях, переходивших с места на место с одинаковыми взглядами, вкусами и пониманием своего дела».

«Посреди неоглядных лесов поднимаются, как огромные ели, церкви, колокольни, или, как наши северные стога, стоят они по тихим полянам, таинственные и единственные во всем мире. И вы сразу чувствуете, что не случайно безыменные мастера так хорошо, так тонко **расставили** их по всему Северу, так удивительно выбрали места для них. Слить с окружающей местностью архитектурное сооружение, уловить **как бы** композицию местности, сотворенную великим художником — **природой**, — высшая задача зодчего» (Евдокимов).

Б. Живопись.

Предварительное замечание. Искусство Византии.

В истории византийского искусства различают три эпохи¹ 1) время Юстиниана, VI век — его расцвет; 2) эпоха Македонской династии Н Комненов, X—XII вв. — первый ренессанс античного искусства, 3) эпоха Палеологов, XIV в. — второй ренессанс. Традиции эллинизма никогда не замирали в византийском искусстве; заметно выступали **они во** вторую эпоху, но с особою силою вспыхнули (уже в последний **Вз с тем**, чтобы навеки потом угаснуть) в век Палеологов — отсюда **И самое** название этих последних эпох: первый и второй ренессанс.

> Памятники третьей эпохи (фрески): 1) мечеть Кахриэ-Джами в Константинополе (бывшая церковь Спасителя), 1310 — 1320; 2) церкви **Юрода** Мистры, в Морее; 3) церкви в Трапезунде, Грузии, Мингрелии, Фессалии, Апулии, Македонии; 4) церкви в Старой Сербии (Люботин, **близ** Скоплье (Ускюб), монастырь св. Марка, Охрида — фрески этих **Последних** церквей особенно близки фрескам Мистры).

Пила для распилки бревен на доски была еще неизвестна

Два периода русской живописи.

Первый период, Кие в о-Новгородский, — подражательный' XI, XII, XIII века. Второй период, Новгородо-Суздальский, — самостоятельное творчество: XIV, XV века. В том и другом периоде выражением русского искусства служат: 1) *Стенопись* (фреска и мозаика) и *икона* на дереве. Остальные формы живописного искусства: орнамент, миниатюра, художественное церковное шитье — еще на втором плане

1. *Первый период — Киево-Новгородский.* Безраздельное влияние византийского искусства. Для русских художников последнее — это школа, где они пока еще только готовятся из учеников стать самостоятельными мастерами. Национальные черты искусства еще отсутствуют. Фресок сохранилось за это время значительно больше, чем икон. См. перечень их в «Памятниках Духовной Культуры» (Киевская и Новгородская София, Кирилловский и Спасо-Мирожский монастыри, Старо-Ладожская церковь, Дмитриевский собор во Владимире на Клязьме и др.).

Дошедшие до нас иконы этого периода почти все византийского письма, привозные; едва ли не единственное исключение — икона Божией Матери Одигитрии (Путеводительницы) из собрания Рябушинского в Москве, XII в., или, по другим определениям, XIII века.

Примечание. Преподобный Алимпий (Алипий) Печерский, первый известный по имени русский иконописец; родоначальник русской иконописи и живописи; ум. 1114 г.

2. *Второй период — Новгородо-Суздальский.* Новгородская иконопись — фресковая и на дереве — сложилась под могучим влиянием византийской живописи, достигшей в ту пору, в век так называемого художественного ренессанса Палеологов, полного расцвета и наивысших достижений. По счастью для себя обойденный Батыевым наше-ствием, Новгород оказался в XIV столетии своего рода столицей русской культурной жизни: он и при татарах не порывал своих связей с Византией и продолжал питаться ее традициями. В XIV в в новгородской живописи преобладала фреска, а в XV в., в пору ее наивысшего расцвета, — икона на дереве. Из первоначального своего центра новгородская школа была воспринята Суздадем, а через него и Московю, и также оставила, здесь и там, образцы неувядаемой прелести. Имена художников большею частью не дошли до нас; известны немногие: Феофан Грек, Андрей Рублев, его ученик (1370-1430); иконник Дионисий с сыновьями (около 1500 г.). Перечень наиболее замечательных (сохранившихся) фресок и икон этого второго периода приведен ниже в «Памятниках Духовной Культуры»

Особенности новгородской иконописи.

От Византии русский мастер воспринял, как наследие античного, точнее эллинистического, мира, изящество симметрии, художественную меру в композиции, классическую правду линий, ритм и совершенство техники, — причем воспринял не рабски, а в самостоятельной переработке. На новгородских иконах XIV, особенно XV века, лежит отчетливый отпечаток *национального* духа, это не робкие подражания чужим образцам, а произведение уверенной в своей силе *русской* кисти. В новгородских иконах есть собственный язык: яркий, возвышенный, проникнутый любовью и стремлением к далекому идеальному миру.

Неземная грация представлялась новгородскому иконописцу одним из присущих, неотъемлемых свойств и особенностей этого идеального мира: это царство гармонии, певучей красоты и лирического созвучия линий, музыкального, строго размеренного ритма, чарующей простоты композиции, торжественной симметрии и жизнерадостных красок. В этом царстве чувствуется близость Бога, она наполняет душу тихой радостью и является источником одинаково и невыразимой прелести линий, сочности и богатства красок, и — возвышенных переживаний человеческой души в наиболее чистые, трогательные и благородные моменты ее жизни.

Художник переносит нас в царство гармонии и нескончаемой славы, в потусторонний мир, где счастливые избранники, преодолев и победив смерть, остаются безучастны к суете нашей земли, едва отражая ее скорбь и радости.

Красиво это или нет? Уатурально или противно природе'?

Представление о *красоте* в русском народном сознании сложилось совсем иное, чем на Западе: там со времен Чимабуэ и Дуччо старались изобразить *земную* правду: реальную, пластическую, доступную глазу, внешнему описанию; русский же человек понимал красоту в религиозном смысле, в духовном, внутреннем: «русские художники добивались, по крайней мере в лучшую пору нашего религиозного искусства, как раз обратного: отдаления от действительности, стремились прочь от реальности — они грезили о сверхреальном» (Маковский).

Элемент картины, т. е. видимый глазу материал, из которого она строилась: формы, линии, вообще, внешняя оболочка картины, брался *из видимого мира* — художник искал и вызывал его со дна своей **ДУШИ**, сам создавал его из тех символов, в какие облекал он свою творческую мысль.

Сравните русскую икону: Богородицу с Младенцем, Христа, лобого святого или изображение пейзажа — с картинами на религиозные ^Мы западноевропейских художников XV, XVI или XVII веков - Первое, что бросится вам в глаза, в русской иконе — это какая-то *астыльность, неподвижность, статуарность, а в картинах итальянского, Фламандского или немецкого мастера — блеск, живость, подвижность,

реалистичность, близость к действительной природе С одной стороны, у вас икона, перед которой люди *молятся*, а с другой — идеальная человеческая красота, которую хочется *любоваться*, но только *любоваться*. Молитвенное настроение мадонны Рафаэля, тем более Боттичелли или Филиппино Липпи, Ван Дейка вызовут далеко не всегда, и то лишь условно.

Нереалистичность, отсутствие движения в русской иконе не есть, однако, признак «слабости», «неумения» — то и другое намеренно, вполне сознательно. От земной *формы* русский изограф, будь это возможно, отказался бы с легким сердцем совсем: он не *дорожит* ему; она скорее мешает ему; вещественная точность чужда *его пониманию*. Его кисть рисует не образы, а определенную *мысль, состояние души*, и он боится, как бы внешнее движение не нарушило *сосредоточенности* зрителя, и потому всё, что способно отвлечь нас в *сторону от этой мысли*, он намеренно изгоняет из своей картины. «В русской живописи нет мысли о последовательности во времени. Она никогда не *изображает момент, но некое бесконечно длящееся состояние или явление*» (Грабарь). Отсюда эта «застылость» и удаление от реальной *природы*

Творчество новгородских (а также и псковских, работавших в том же духе и направлении) мастеров создало «такой волшебный мир красоты, что равнять его можно лишь с вершинами, до которых доходило мировое искусство. Кому посчастливилось видеть наиболее совершенные из созданий и довелось почувствовать власть их чар, тот знает, что придет время, когда европейские музеи будут так же искать новгородских икон, как ищут сейчас египетских и греческих скульптур» (Грабарь).

Отличия Суздальской иконописи от Новгородской.

Поскольку в настоящее время изучена та и другая, *сказанное* выше об иконописи Новгородской одинаково приложимо и к иконописи Суздальской: *основа* их одинаковая, что не мешает, однако, *каждой* из них иметь и свои особенности: общий тон суздальских *икон* голубовато-серебристый, тогда как в иконе новгородской преобладают *тона* желтовато-золотистые. На глаз, обычный вид серебра — *холодный*, оно никогда не «горит», как «горит» золото. «Серебристая гамма есть самая типичная черта Суздальской школы» (Грабарь). В *противоположность* «холодным» суздальским иконам, икона новгородская обычно отликает теплым ласковым светом.

После монгольского нашествия место Владимира, как в зодчестве, так и в живописи, занимает Москва. Сначала она во *всем рабски* следует суздальским образцам, но позже она вступит на *путь уже* самостоятельного творчества. Впрочем, это случится *еще не скоро*. Так, еще в конце XV века великий князь Иван III, *перестраивая*

Успенский собор, предписывает Аристотелю Фиорованти взять себе за образец Успенский собор во Владимире.

Русские живописцы, особенно конца XIV и начала XV века, пользовались большою славою не только на родине, но и за пределами ее: их выписывали для росписи стен в Польшу, в Литву, и их фресками, времен королей Ягейлы и Казимира, можно и поныне любоваться в Кракове, в Святокрестецком монастыре на Лысой Горе, в Люблине и Гнезне.

Андрей Рублев.

Произведений его кисти дошло до нас очень немного. Знаменитый «Деисус» Благовещенского собора в Москве (1405) сгорел; фрески Успенского собора во Владимире на Клязьме (1408) сильно попорчены позднейшею реставрацией. К счастью, сохранилось главное произведение Рублева: икона «Святой Троицы» (в виде трех ангелов, явившихся к Аврааму, за трапезой) в Троице-Сергиевой Лавре. Тонкая таинственная одухотворенность почилла на картине. Безупречная простота, гармоническая композиция, ритм действия, фигуры ангелов идеальной, неземной красоты, пейзаж легкий, светлый. Художник поднялся на высшую ступень отвлеченности и идеализации. Ученик Феофана Грека, Андрей Рублев однако не перенял от него того реализма и импрессионизма, какие в ту пору преобладали в византийской живописи: «в ангелах «Троицы» нет никаких жизненных и земных впечатлений. Здесь все построено исключительно на пении ритмов линейных и силуэтных Цвет чист, глубок и мало разнообразен, далек от намека на пестроту, свойственную византийцам. Музыкальность ничем не нарушена и молитвенность ничем не затменена» (Муратов).

Рублев — это наш русский Беато Анжелико, к тому же его современник (1387—1455); с ним у него много общего по силе чувства и теплоте, какую оба вкладывали в свою кисть. От святых Рублева веет истинно божественным. Это, действительно, существа одухотворенные, полные ценного чувства и поэтического настроения. Далекое от мира земного, они витают мыслями в небесных сферах и умиляют Душевной чистотою.

«Только в нежном искусстве тихого флорентийского монаха можно Найти ту постоянную ласковость, душевность и тот великий мир, которым веет от «Святой Троицы» смиренного Радонежского чернеца. Недаром первый остался в памяти потомства Блаженным Анжелико, а второй — Преподобным Андреем. У Рублева только больше певучести, больше ритма. Этой ритмичностью и напевным складом отличается Вообще все русское иконное письмо, получившее свое начало от величественно орнаментальных мозаик. Торжественная суровость их грозных Ликов постепенно уступила место душевной ласковости и славному добродушному чувству, но любовь к ритму не только не исчезла, а скорее возрос-

ла и с веками развилась в особое, освященное преданием, учение» (Грабарь).¹

Исключительное, ни у кого столь ярко не выраженное чувство ритма, чувство цветовой гармонии, необычайная одухотворенность концепции — вот три особенности, которые составляют так называемый *рублевский* стиль. «Одного из этих редких даров было бы достаточно, чтобы выделить художника среди его современников и обеспечить ему неувыдаемую славу; Рублев владел всеми тремя и оттого так единодушны восторги перед «Троицей» археологов и художников, реалистов и стилистов, русских и иностранцев. Совершенное и прекрасное, это произведение отвечает на все запросы, удовлетворяет все желания. Как это могло случиться? Так же, как мы это видим на примере Рафаэля: как он, так и Рублев неподражаемо использовали плоды художественных усилий нескольких поколений и, найдя наилучшую формулу для воплощения идеалов своей эпохи, сумели столь прозорливо связать их с намечавшимися чаяниями, что надолго предопределили содержание и форму искусства, шедшего им на смену» (Грабарь).

Примечание. Один из историков русского искусства находит, что икона Рублева «соединяет сиенскую грацию Симоне Мартини с одухотворенными ликами Дуччо, претворяя все это в национальный русский стиль». Рублев, конечно, не видел произведений ни того, ни другого мастера, и если его «Святая Троица» все же напоминает их, «то происходит это благодаря индивидуальной трактовке, тому личному элементу, которым проникнуто насквозь произведение Рублева; это и делает икону подобной произведениям Дуччо, Чимабуэ и других великих мастеров итальянского искусства. Крупная индивидуальность Рублева находит себе соответствие лишь в лице гениального автора Слова о полку Игореве» (Алпатов).

Произведения Рублева, а «Святая Троица» в особенности, свидетельствуют о полной отреченности нашего художника от *Земли* — она для него не существует; все его мысли устремлены горе; он живет исключительно в *Небесах*, в *Потустороннем* мире. Этот Потусторонний мир — мир идеальный* там не может быть совершенствован-

¹ В последнее время Рублеву приписывают знаменитую икону Божией Матери в Успенском соборе во Владимире (не в Москве!), а также некоторые другие. См. ниже «Памятники Духовной Культуры»

ния — там все совершенство. Идти в этом направлении дальше **там** некуда; остается лишь застыть в благоговейном созерцании Божества **И**, с сердцем, преисполненным блаженства и тихой радости, благодарить и славословить.

Но где источник этой оторванности от Земли, этих исканий **Потустороннего** мира? За отсутствием биографических данных, **ответа** приходится искать в исторически сложившейся **обстановке того** времени, **в том духовном разладе**, который в ту пору **являлся** уделом далеко **не одного** инока Андрея. Время Рублева, конец XIV — начало XV в., **было** едва ли не самой глухой и тяжелой порой в русской жизни. **Беспрерывные** кровавые усобицы князей и татарское иго, даже не столько **само иго**, сколько злая **татарщина**, те злые, некультурные, привнесенные игом начала, всосавшиеся в плоть и кровь тогдашнего уклада русской жизни, — вот что делало эту жизнь такой глухой и тяжелой. **Насилие**, грубый произвол, распри и кровь, злорадная месть, рабское **искательство** перед сильным и готовность униженно лизать ту самую **руку**, что **наносила** тебе удар; вечная тревога за сегодняшний день и полная **неуверенность** в завтрашнем — вот в какой атмосфере приходилось жить тогда русскому человеку. По несчастным городам и весям Русской земли далеко-далеко разносилась унылая, минорная песня, **везде** оставляя за собой душевный надрыв и страдание. И — что, может быть, еще ужаснее — эта песня раздавалась изо дня в день, из года в год, из поколения в поколение, без перерыва, без изменений, без просвета, без **надежды** на лучшее. Люди рождались, начинали под звуки этих горестных аккордов свое жизненное поприще и заканчивали **его все под тем же** неизменно-сумрачным небом, все с той же **неисходной тоской в обездоленном сердце**. Казалось, русскому **Данте**, появившись такой в **те времена**, было бы излишне повторять предостережение итальянского собрата: «оставьте всякую надежду все те, вступает кто сюда» — его слова звучали бы запоздалым анахронизмом: фатальное преддверие темного Аида — русский человек едва ли уже не перешагнул через него.

Для девяносто девяти сотых такое положение стало почти нормальным; громадное большинство сжилось с ним, примирилось, **но** отдельные единицы, те, кого отметил Перст Божий, — те примириться **не** хотели и не могли. Протест, обычный и естественный для **людей** XX века, им был неизвестен, да в тогдашних условиях **прямо бессмыслен**. Выход оставался один: *уйти из мира*. И такие люди, Действительно, уходили. Одни, как Сергей и Герман Валаамские, Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский, шли на дальние острова, забирались в непроходимую глушь лесов и болот; другие, как Стефан Пермский, направляют свой путь к далеким чужим людям, **не ведающим** истинного Бога, проповедовать им слово Божие — для всех их такой «уход из мира» **являлся** действительно **уходом** в Потусторонний **Мир**, где их ждал желанный душевный покой, далекий от злой **суеты** злой Земли.

Наконец, горсточка наделенных особым даром Божиим, «уходили» по-своему, на свой лад: палитра и кисть давали им возможность забыть о Земле и дарили той радостью блаженства, какую они так удивительно прекрасно, с такой редкой чистотой сердца передали нам в наследство на своих иконах и фресках.

И чем большим диссонансом звучало для них все вокруг, чем меньше могли «скучные песни Земли» заменить им «звуки Небес» тем выпуклее выступал перед ними мир Идеальный, тем большую силу вдохновения обретали они в этом контрасте, тем дальше и дальше уносились они ввысь. Вот почему Рублев и безыменные иконописцы XIV—XV веков не только великие мастера своей кисти — кроме искусства известной эпохи, они отразили также и известный *исторический* момент в жизни Русского народа: свою кистью они помогают нам осветить политические и бытовые явления современной им эпохи, так как в нарисованном ими Потустороннем мире невольно отразилась и та Земля, от которой они бежали и так старательно отряхали с себя ее прах. И в этом — большая историческая заслуга иконописцев вообще и Андрея Рублева в особенности.¹

Миниатюра и орнамент.

I. Особым родом живописи являлась *миниатюра* и *орнамент* (заглавные буквы, заставки). В украшении рукописей, за время XI—XV вв., можно проследить два направления: первоначально господствует орнамент *геометрический*, позже ему на смену приходит орнамент *звериный*. Начало татарского ига, если не требовать точности в определении, можно принять за хронологический рубеж между тем и другим.

I. *Геометрический орнамент.* «Начиная какую-нибудь главу, писец оставляет часть страницы пустой, а художник, если писец сам не обладает умением, потом на этом месте рисует заставку, которая обыкновенно имеет вид прямоугольника, параллелограмма. Внутри этой рамки он делает какой-нибудь рисунок. Последний можно сравнить с каким-нибудь вышиваньем цветными шелками или нитками, или с ковром. Здесь преобладают геометрические линии¹ круги, квадраты, треугольники. Иногда этот параллелограмм открыт внизу в виде арки, где пишется часть заглавия текста. Рисунок раскрашивается определенными красками, по большей части довольно пестро, но в красивой гармонии цветов, а если позволяют средства, с прозолотой. Краски употреблялись чаще других: желтая, зеленая, голубая, чаще всего красная. Красной краской обыкновенно художник делает контур, промежутки клетки заполняет разными цветами».

¹ См. Приложения. № 36: «Какой „школы“ было письмо Андрея Рублева?»

2. *Звериный орнамент.* Это плетенка из причудливого переплета ремней, расположенных «таким образом, что получается известный рисунок-мережка. В плетенке этой можно заметить фигуры и изображения зверей, большею частью фантастических чудовищ (драконы, грифы, львы и т. д.), исполненных этим ремнем. Этот рисунок называется *тератологическим* орнаментом, т. е. чудовищным. Он получает особое распространение в XIII—XIV веках, в особенности в Новгороде. Если перед нами рукопись и в ней, в виде орнамента (в заставках и заглавных буквах), рисунок дракона, чудовищных птиц, грифов, львов, смело можно утверждать, что по украшениям данная рукопись относится к школе тератологической и ко времени XIII—XIV веков» (Сперанский).

В. Прикладное искусство.

Деятельные сношения Древней Руси в домонгольский период с Западом, мусульманским Востоком и особенно с Византией сказались не только на архитектуре и живописи, но и в прикладном искусстве (эмаль, скань, орнамент, резьба).

I. *Восток.* Во времена Олега русские купцы доходили со своими товарами до самого Багдада; при Игоре и Святославе Русь неоднократно производила набеги на берега Каспийского моря, возвращаясь оттуда с богатой добычей; соседняя Хазария служила постоянным посредником между Киевом и Востоком

Пара турьих рогов, найденных в Чернигове: работа X века, памятник раннего влияния восточного искусства на русское. Рисунок изображает охоту с собаками на птиц; тут же драконы сплелись с грифами. Это образец так называемого *звериного* стиля, распространенного в древнюю пору искусства чуть не у всех народов мира (*NB.* Не смешивать с плетенкой в красках на миниатюрах' см. выше). Орнамент рогов по стилю очень близок к рельефу, что на мавританском водоеме XII столетия в Валенсии (Испания).

II. *Византия.* Ближайшим проводником византийского искусства на Руси был крымский Херсон-Корсунь, издавна высылавший на север пурпурные одежды, ткани, редкие материи, нашивки. На Руси различали «*корсунское*» дело (т. е. корсунский стиль) от *цареградского*; *корсунское* — все редкое, высокое и старинное, чуть не архаическое; *цареградское* — все утонченное и совершенное; техника, Доведенная до наивысшей ступени (Кондаков). В сканном деле и технике перегородчатой эмали русские мастера оказались талантливыми учениками греков. Центрами художественного производства были: Киев, Чернигов, Суздаль, Рязань.

1. *Сканное дело*, скань (от глагола съкати, сучить), иначе: филигрань, было двоякое: а) работа из *зернистых нитей* (*filum granum*) — Для каймы, оторочек и т. п.; б) работа тоже из золотых и серебряных

нитей, но не зернистых, а *вытянутых*, наподобие проволоки: такими нитями не оторочивали, а обматывали.

2. *Эмаль* — это особый «способ покрытия металлических **поверхностей** прозрачным или непрозрачным слоем цветной стекловидной легкоплавкой массы». Эмали были разных видов: 1) эмаль росписная подобие живописи по фарфору или глине; 2) эмаль выемчатая **узор** выдалбливался; 3) эмаль с металлическими накладками: пластинки металла, образующие рисунок, вставлялись на поверхности **одноцветной** эмали; наконец, 4) эмаль перегородчатая (*cloisonne*) или *финифть*, как ее называли на Руси; наиболее древняя и технически наиболее сложная.

«Перегородчатые эмали делались следующим образом: по **золотой** доске мастер устанавливал стоямя тонкие золотые ленточки **по всем** контурам изображаемого узора или фигуры, так сказать, ставил *перегородки*. Затем расстояния между этими перегородками заполнялись цветною эмалью, так что в целом получалось изображение **человеческой** фигуры, птицы, зверя или просто какой-нибудь узор» (**Никольский**).

Прекрасные образцы филигранного и финифтяного дела: **Рязанские** бармы, княжеская диадема конца XII в.; оклад евангелий. **Мстислава**, Симеона Гордого, боярина Кошки; крест преподобной **Ефросинии** Полоцкой; потир 1549 г.; золотая панагия-складень 1456 г. (см. ниже: «Памятники Духовной Культуры»).

V. Национальная идея. Идея общественная.

Что воспитало в русских людях национальную идею.

Сознание, что известное сообщество людей, связанных единством места, общностью языка, обычаев, единством интересов, составляет одну большую семью, народ, нацию; что есть нечто такое, **что** не только роднит людей, сближает их духовно, но и побуждает дорожить этим единением, укрепляет и поддерживает его — такое сознание слагается у молодых народов крайне медленно; в течение первых шести веков русской истории (862 — 1462) оно успело проявиться **пока** еще в довольно слабой степени и свое выражение, **сколько-нибудь** отчетливое, нашло лишь в отдельных единицах.

Что помогло ему сложиться? Что воспитало русских людей **в этом** сознании?

1. Общность происхождения.
2. Единство языка.
3. Единство быта, семейных и общественных отношений.
4. Единство веры.
5. Влияние православной Церкви.
6. Общий источник образования — Византия.

ф 7. Убеждение князей в том, что Русская земля есть общее достояние всего княжеского дома: «мы не венгры и не ляхи, но потомки **•одного** предка и отказаться от Киева не можем», говорят Ольговичи.

8. Однородность, во всей Русской земле княжеского управления **И** суда.

9. Княжеские усобицы.

10. Общие враги: борьба с иноплеменниками.

1. *Единство языка.* Русский народ не мог не заметить, что его, **точно** какой обширный остров или оазис, со всех сторон окружали враждебные стихии, иноязычные: с запада — венгры и поляки, с северо-запада и с севера — литовцы и финны, с востока и с юга — волжские болгары и степные инородцы-кочевники. **МЫ** и **ОНИ** — **лют** первый шаг **на** пути национального самоопределения.

2. *Борьба с соседями.* Напряженная и длительная борьба с иноплеменниками, особенно с кочевой Степью; военные походы в те светлые моменты, когда князья, забывая свои несогласия и распри, совместно ходили **на** эту Степь, **на** этих «ОНИ», тоже поддерживали в сознании народном понятие о племенном родстве и общности интересов. Вот почему «в иностранных сношениях не было ни Переяславского, ни Черниговского князя, а только Русские князья Национального значения деление **на** волости не имело. Узкого местного патриотизма не развилось. Все идеалы поэтические и политические **имели** не волостное, а общенациональное значение. Все герои, князья и богатыри являются в народном сознании **как** общенациональные **герои**. В таком смысле воспевают их наши песни» (Градовский) В народном сознании одинаково для всех, кто говорит **на** русском **языке** и исповедует православную веру, существует одно общее **поприще** действий — «Святая Русь» с главным центром в Киеве и с главным князем — киевским.

3. *Влияние православной веры.* Русский остров окружен был не **только** иноплеменниками: эти иноязычные народы оказывались также **Я** иноверными — язычниками, мусульманами, католиками. Оказывалось, что среди этого моря чуждых по языку и вере народностей **только** один он, народ русский, познал истинного Бога, и вполне естественно, если **на** тогдашней ступени развития православие явилось **Для** него самым характерным признаком отличия от окружающей среды: православие помогло ему определиться, *познать* самого себя, «**стало** народным знаменем, заступило место народности» (Кавелин) С течением времени выражения: *русский* и *православный* получили **В** народном понятии тождественный смысл и значение, так что православный, будь он даже не русский по происхождению, считался **Все-таки** русским, природный же русский, но не православной веры, ⁸ & русского не признавался.

4. *Княжеские убоицы*. Если что они и обнаружили, то — **единство государственное**, собранная Ярославом Мудрым **Русская земля**, действительно, снова распалась на отдельные княжества и волости, зато взамен выросло и окрепло единство *духовное*: все княжества **сходились** около одного, старшего, Киевского, как дети вокруг своего **отца или матери**. Постоянные перемещения князей с одного княжения на **другое** вовлекали население одной области в дела другой, и, вызывая постоянное соприкосновение, создавали многократные случаи **непосредственно**, на деле убеждаться в единстве своей веры, языка, быта и норм жизни, и в сознании этого единства противопоставлять себя **другим** народам и племенам.

5. *Книжный язык*. «С принятием христианства явился на Руси один общий язык — книжный»: новая связь, новый залог **духовного** единства. Он стал орудием распространения веры; Церковь, по всем углам земли Русской, говорила на нем; на нем говорила и **правящая** власть (законы, распоряжения, судебные приговоры). На **том же** языке вел и летописец свои записи, все равно, касалось ли дело Кривской земли, Киевской или Новгорода. «Явились школы, и в этих школах учили на том же языке, не обращая внимания на то, из какого племени были учащиеся» (Костомаров).

6. *Время Владимира и Ярослава* (988 — 1054) тоже немало **содействовало** пробуждению национального самосознания: много ценного и **положительного** усвоено было за эти годы, много пережито **Русские люди** сделали большие завоевания, как в политической, так и в **духовной** жизни, они поднялись в своих собственных глазах, отчетливее **почувствовали** себя, как особый мир, особый народ, обладающий собственными признаками, выделяющими его из ряда других народов. Этим *своим* естественно было дорожить, защищать его. *Свое* взывало к уважению

7. *Высокомерие греков*. Греки видели в русских варваров, **всецело** обязанных им своим просвещением. Взгляд этот со всею резкостью сказался, по-видимому, непосредственно вслед за учреждением в **Киеве** митрополии (1037) и тогда же вызвал отпор. 1) Греки утверждали, что «только они являются виновниками новой жизни на Руси, а **никак** не князь Владимир, который, по их мнению, не имеет **никаких прав** на канонизацию и на признание за ним заслуг по введению на **Руси** христианства» (Истрин) — а Иларион, в своем «Слове о законе и благодати», наоборот, даказывал, что светом христианского **учения** Русь обязана не константинопольской Церкви, не грекам, а Владимиру, своему князю. 2) Разошлась русская паства с своим митрополитом-греком и по вопросу, за кем больше прав на канонизацию, за **Феодосием** или за **Антонием**? Основателем Киево-Печерского монастыря русские считали **Феодосия**, всем своим обликом русского **человека**; греки же утверждали: нет, монастырь основан **Антонием**, который свое монашеское воспитание получил в Константинополе и на **Афоне**, где он обошел тамошние монастыри, принял там **пострижение**, **недаром**

де впоследствии он говорил печерской братии: «как меня Святая Гора постригала, так и я вас постригаю. Да будет на вас благословение **первое** от Бога, а второе от Святой Горы». 3) Греки утверждали, **будто** русская история есть лишь простой придаток к истории **греческой**; что сама по себе она лишена самостоятельности — в ответ на это появилась «Повесть временных лет» с ясно выраженным сознанием национальной самобытности.

Такого рода расхождения служили для XI—XII вв своего рода воспитательной школой и не могли не прививать идеи национальности, **если** не во всех, то, по крайней мере, в высших, руководящих слоях тогдашнего общества.

В ком нашла национальная идея наиболее яркое выражение?

1. Первый летописец: он берется за перо, чтобы рассказать, откуда **«есть** пошла *Русская земля*», понимая под нею все области и племена, говорящие русским языком.

2. Даниил Паломник: в Иерусалиме он зажигает лампаду с елеем **«от** *всей* Русской земли и за *всех* князей наших, и за *всех* христиан Русской земли».

3. Многие из южнорусских князей, готовых «голову свою положить за *Русскую* землю», особенно Владимир Мономах. Недаром **современники** прозвали его «добрым страдальцем за Русскую землю», благодарные и хорошо помнившие, что именно по его почину и **настояниям** князя ходили на половцев, чтобы «добро сделать Русской земле».

4. «Слово о полку Игореве»: оно проникнуто чувством большой **любви** к родине; автор с глубокою скорбью воспринимает ее беды и **невзгоды** и устами великого князя Святослава зовет русских князей вступить не только «за раны Игоря», но и «за обиду сего времени, за Землю *Русскую*».

5. Александр Невский. И современники, и потомство оценили в **нем** национального борца за русскую *Землю* и русскую *Веру* (битва **На** реке Неве; Ледовое побоище), признали его самоотверженную **службу** на благо русского народа и видели в нем то «Солнце земли Русской», которое согрело людей в наиболее холодную и тяжкую годину их существования.

6. «Слово о погибели земли Русской»" неизвестный автор воспевает **Красоту** и обилие Русской земли, взятой во всем ее целом.

7. Дмитрий Донской. Он принадлежал к числу тех выдающихся **Людей**, о которых в старину выражались: «много поту утерли они себе, Движимые заботой о благе народном». С его именем неразрывно связалось воспоминание о борьбе за народную независимость; а объединение **Вод** московским стягом на Куликовом иоле почти всех русских князей **^**го времени и победа над татарами послужили для будущих поколений **Могучей** воспитательной школой, в которой русская национальная идея

окрепла, выяснилась и приобрела необходимые силы для борьбы с теми бурями и невзгодами, какие ожидали ее впереди.

8. «Задонщина», воспевшая тех, кто положил «головы своя за святую церковь, за землю Русскую, за веру крестьянскую».

9. Афанасий Никитин, тверской купец, автор «Хождения за три моря», обращавшийся к небу с такою молитвой: «Да хранит Бог землю Русскую! Боже, храни ее: в этом мире нет ей подобной земли. Да устроится Русская земля!».

Патриотизм и общественность.

С ростом национального сознания вырастают и крепнут, мощественно влияя на человека, два новых чувства, патриотизм и общественность. Любовь к родине, к родным местам, где мы выросли и где постоянно живем — чувство, едва ли не прирожденное; по крайней мере в раннем детстве оно уже заложено. Этим чувством объясняется и та «тоска по родине», которую испытывает человек, силою внешних обстоятельств оторванный от привычной и близкой его сердцу обстановки. Но такая, в сущности, бессознательная, животная любовь к родине еще не патриотизм. На высоту идейного патриотизма она поднимается лишь тогда, когда в человеке загорается желание и живая потребность деятельно работать на благо своей родины, когда он радуется ее радостями, гордится ее успехами, болезненно воспринимает ее невзгоды и страдания, когда готов, если понадобится, всего себя принести ей в жертву. На этой ступени чувство родины совпадает с чувством общественности.

Чувство общественности есть сознание нашей принадлежности к обществу и наших обязанностей по отношению к нему. Для одних это «общество» ограничивается тесными пределами семьи, в которой мы родились, выросли, с которой связаны кровными узами, для других — кругом лиц, с которыми мы непосредственно сталкиваемся в жизни; зато для тех, кто дорос до идейного патриотизма, таким «обществом» является великое Целое, имя которому: Народность, Родина, Нация, Государство.

На этой-то именно ступени *обязанность* перестает быть побуждением внешним, но становится *потребностью* нашей души, нашим *нравственным* долгом, причем одно уже исполнение этого долга приносит человеку громадное удовлетворение, настоящее счастье, нередко *является* для него наивысшим благом в жизни.

Чем глубже залегло в человеке такое представление о своих общественных обязанностях, тем ярче его общественная работа, тем заметнее ее след; люди такого закала зачастую делаются настоящими вождями того общества, к которому принадлежат. Но это удел сравнительно немногих; это избранные; на них «почиет дух Божий». Обыкновенно это люди большой силы воли и энергии, способные на самопожертвование и самоотречение. Они творят дело, плодами которого пользуются позд-

нейшие поколения. Они служат образцом для современников и потомства. Они воспитывают общество. Это путеводные звезды — они не позволяют сбиться с дороги, указывая истинный путь.

Надо только помнить, что «истинность» пути каждый может понимать по-своему, и в этом объяснение тех общественных драм, зачастую даже кровавых трагедий, какие знает история любого народа Нил Сорский и Иосиф Волоцкий, князь Курбский и Иван Грозный, патриарх Никон и протопоп Аввакум или боярыня Морозова, Петр Великий и Григорий Галицкий, возвещавший о пришествии антихриста; Хомяков и Белинский; Достоевский и Софья Перовская, — совершенно по-разному рисовали свой жизненный идеал; но те и другие одинаково сильно проникнуты были чувством общественности и одинаково горели потребностью служить своей родине. И как бы ни разнились такие личности между собой, они — неотъемлемое достояние истории того народа, к которому принадлежат; они — доказательство духовной жизнеспособности этого народа, его неустанного стремления к совершенствованию; они — лучше, чем кто, поняли заветные слова: «духа не угашайте». Это те единицы праведников, ради которых Господь Бог щадит свой недостойный народ во всей его совокупности.

Представители идеи общественности.

1. Наиболее выдающиеся князья-правители' великая княгиня Ольга (ее хозяйственная деятельность, «уставы и уроки, становища и ловища»), Владимир Великий, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Андрей Боголюбский, Роман Волынскй, Даниил Галицкий, Александр Невский, Дмитрий Донской.

2. Великие строители Церкви и государства: московские митрополиты Петр, Алексей, Иона.

3. Деятели в области просвещения' митрополит Иларион, Нестор и Сильвестр летописцы; Климент Смолятич, Кирилл Туровский; Серапимон, епископ Владимирский; митрополит Киприан, Пахомий Логофет

4. Деятели общественные в собственном значении этого слова Феодосий Печерский, Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский, Стефан Пермский, Зосима и Савватий.

5. Коллективные работники: монастыри Киево-Печерский, Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Соловецкий.

6. Представители национальной идеи (см. выше) тоже могут быть отмечены здесь: что, как не чувство общественности, побуждало их взяться — одних за перо, других за воинский меч? Что, как не чувство общественности, руководило ими в их скорбной заботе о «Русской земле» (о *родине*, сказали бы мы нынче)?

Омертвление национальной идеи. Местные святыни.

Перенесение политического центра с Юга на Северо-Восток, связанное с эти дробление Русской земли на уделы; следовавшая затем зависимость от татар, животный страх и вечное опасение за свое существование, питая наихудшие стороны человеческой души, сильно затемнили идею национального единства: в сознании современников она потускнела, светилась лишь урывками. Потускнеть вместе с нею неизбежно должно было и чувство общности; оно спустилось до тесного горизонта местной колокольни. Сознание общерусских интересов глохло; их сменили местные интересы. Иная психология новых поколений нашла себе, между прочим, очень яркое и характерное выражение в создании *местных святынь*.

Местная святыня становилась гордостью данной области; местное население видело в ней защиту и опору; в тяжкие минуты она поддерживала народное мужество. Дорожили именно тем, что такая святыня была *своя*: она служила «похвалою» для города, «утверждала» его, т. е. придавала ему крепость, нравственную силу. Наивное чувство верующих не смущалось мыслью, что такая святыня, действуя на пользу исключительно их области и, значит, сознательно во вред другой, являлась полным противоречием и оскорблением самой идеи христианского учения. Эта скользкая ступень на пути от христианского единобожия к языческому многобожию привела к тому, что чуть не каждая область или город *блажили*, т. е. чествовали и признавали за чудотворца собственного святого, как своего покровителя, имели собственную чудотворную икону, которой поклонялись и воздавали почести преимущественно перед всякой другой.

Города (и области) и местные святыне:

1. Киев — Антоний и Феодосий Печерские.
2. Новгород — Варлаам Хутынский.
3. Псков — князя Владимир-Гавриил и Довмонт.
4. Смоленск — князь Федор.
5. Ростов — Леонтий и Игнатий, насадители христианской веры в Ростовском крае.
6. Соловецкий монастырь — Зосима и Савватий.
7. Устюг Великий — Прокопий Устюжский, «страж и хранитель отчизны нашей».
8. Вологда — Димитрий Прилуцкий.
9. Пермский край — Стефан Пермский.
10. Вятка — Николай Великорецкий.
11. Важская земля в Заволочьи — Георгий юродивый Христа ради.

12. Сийская волость — Антоний Сийский.
13. Москва — митрополиты Петр и Алексей, позже еще митрополит Иона

Кроме того, для Москвы святыми были: Иван Калита и Дмитрий Донской («московский чудотворец»), для Новгорода — князья: Владимир, сын Ярослава Мудрого; Мстислав Храбрый, Мстислав Удалой; для Владимира — Андрей Боголюбский.

Появились местные сказания о местных святах:

1. Смоленск — легенда о витязе Меркурии.
2. Ростов — житие Петра, царевича Ордынского.
3. Тверь — повесть о убиении князя Михаила в Орде
4. Псков — житие князя Всеволода-Гавриила.
5. Новгород — сказание о чуде иконы Знамения Божией Матери и др.

На почве соперничества, желания прославить свою область и принизить чужую всего резче выделяется Новгород: своеобразие политического строя выработало у него особенную чувствительность к свободе и самостоятельности. Только что упомянутое «Сказание о чуде иконы Знамения Божией Матери», отбравшей от города суздальские войска в 1169 г., проникнуто особенно враждебным чувством к суздальскому краю и его князьям. Тот самый Андрей Боголюбский, которого во Владимире величали «владимирским чудотворцем», для Новгорода был «лютым фараоном». Архиепископ Иоанн, при котором произошло событие 1169 г., остался и по смерти в ореоле особой святости: верили, что его молитвы и благословение всегда поддержат независимость Новгорода, обеспечат ему благополучие. Легенда об иконе Тихвинской Божией Матери Одигитрии (она по воздуху прибыла из царьградской Софии в Новгородскую область и остановилась в Тихвине, совершая там чудеса и исцеления) сложилась тоже в целях возвеличения Новгорода над другими городами русскими, в той же атмосфере вырастет позже и «Сказание о Белом Клобуке»

Вот почему утратить свою святыню считалось большим несчастьем. Стефан, просветитель Пермского края, случайно умер в Москве и похоронен там — Москва не захотела расстаться с его прахом — и вот Пермская земля оплакивала свою утрату: «Мы стали теперь поношением для язычников: Лопь, Вогуличи, Югра, Пинега насмеются над нами! За что обидела нас Москва? Это ли ее правосудие?! У нее есть свои митрополиты и святители, а у нас один епископ, да **И** того она отобрала от нас!»

Возрождение национальной идеи.

Подходит к концу татарское иго; стало определяться государственное значение «собирания Северо-Восточной Руси» в единое Московское государство — стала тогда возрождаться и национальная

идея. Пока, в эту пору, она еще носит местную, московскую окраску московские митрополиты Петр, Алексей, Иона действуют в интересах исключительно «князей-собирателей»; но как скоро «Москва» станет «всею Русью», их работа получит более широкий, национальный характер. Особенно большие успехи сделало национальное самосознание после Флорентийской унии, когда у русского общества возник вопрос: кто мы? куда идем? что должны делать?

На рубеже новой эпохи.

Заканчивая изложение событий русской истории великокняжением Василия II, мы подошли к самому рубежу новой эпохи, очутились на пороге новой жизни, раскрывшейся перед русским народом. Мы накануне коренной смены старой обстановки и, частично, даже самого мирозерцания, потому что оно также претерпит известные изменения под воздействием этой обстановки и тех запросов, что предъявит ему новое время.

1. Длинный, тяжелый процесс 600-летней работы по созданию государственного дома завершился превращением вотчины, *частного* владения московского князя, в государство, в достойное *общенародное*. Теперь остается лишь *доделать* начатую работу: последним ударом молотка вбить последний гвоздь, снять леса и выявить здание наружу, факт сам по себе уже совершился, ему не хватает еще внешнего выражения, остается найти его и заодно дать сознанию общественному время освоиться и сжиться с ним. Работа в этом направлении выпадает на долю ближайших преемников Василия II

2. Строя свой государственный дом, русский народ за время постройки растерял немало кровных членов своей большой семьи их захватили чужие люди, насильно вовлекли в круг своих интересов. Московская вотчина, как мы видели, в государство превращалась медленно и незаметно; дом строился не по плану, не по программе, правильнее говоря, он вырос *сам*, без архитектора, неожиданно для будущих обитателей его, а потому еще ни у кого не возникало, да и не могло возникнуть мысли о том, вся ли семья полностью будет жить в нем, или только часть ее. Но едва только дом вырастет, он вырастет как *русский* дом, и тогда станет очевидным, что под его кровом собралась далеко не вся семья, — окажется, что за рубежом русского дома живут еще другие русские люди; объявится *Зарубежная Русь*, и это открытие вызовет к жизни великую ответственную задачу: собрать разрозненную семью всю под одной кровлей. Эту задачу осознают и станут решать уже грядущие поколения, но сама она выросла из совокупности всего того, что делалось и сделано было в эпоху «собирания».

3. Дом, как мы знаем, воздвигался на окраине культурного мира, к тому же еще под ярмом многовекового ига монгольского, вдали от

общения с народами культурными. Пока дом находился еще в стадии **созидания**, этот недочет ощущался не так остро; но теперь, с превращением вотчины в государство, русский народ оказался вовлеченным в круговорот международной жизни; чтоб не затеряться в нем и не **быть** затертым, придется «догонять» Европу, наверстывать культурные **Пробелы** в области, одинаково и технического, и чисто духовного **Просвещения**. Так и здесь народятся новые задачи, решать которые выпадет на долю тоже грядущим поколениям.

4. Православный «остров» среди океана иноверных враждебных народностей, Русский народ с ранних пор почувствовал и нашел в **вере** мощную опору своему политическому существованию. Национальное бытие свое он бессознательно привык не отделять от **православия**; то и другое представлялось ему как одно понятие, единое нераздельное целое; и чем ближе подходила к концу постройка государственного дома, чем отчетливее начало определяться русскому **народу** для него самого его духовное Я, — тем более глубокими **корнями** встала в его сознание православная вера, тем ярче блистала и светила ему путеводной звездой на трудных путях его жизни. Как **раз** перед самым завершением знаменательного 600-летия два события — Флорентийская уния и падение Византии — создадут Русскому народу особое, еще небывалое положение: поставят его на страже Православия и вместе с новыми ответственными обязанностями наделят **новыми** высокими правами и преимуществами.

5. Превращение вотчины в государство выдвинет на очередь еще одну немаловажную задачу: окончательно сбросить с плеч монгольское **иго**, благо, оно уже само начинало сваливаться с них; и, сбросив, обеспечить себе более тесное общение с родственным европейским **миром**.

Таким образом, окончив государственное здание, Русский народ очутился на пороге новой жизни; новая эпоха, которую он готовился **Начать**, предъявила ему пять основных задач, логически и исторически вытекавших из всего прожитого им 600-летия: 1) придать внешние **формы** уже сложившемуся государству, поставить последние точки **Над** i; единоедержавие, сохраняя его, превратить в самодержавие; 2) воссоединить Зарубежную Русь; 3) обзавестись необходимыми **культурными** средствами в новых условиях раскрывшейся перед ним **Международной** жизни; 4) явиться оплотом Православия с вытекавшими отсюда правами и обязанностями (Москва — Третий Рим; Москва — оплот православного Славянства) и 5) отбросить от себя Азию **Или**, по крайней мере, существенно поменяться с нею ролями* выйдя **Из** служебного положения, самое ее превратить в орудие своих целей % достижений.

Изложение событий, связанных с разрешением этих задач, иначе **Говоря**, *история Московского государства* составит содержание следующего, второго тома настоящего Курса.

ЛИТЕРАТУРА

П. В. Владимиров. Введение в историю русской словесности Киев, 1896. *Он же*. Древняя русская литература Киевского периода XI—XIII веков.. Киев, 1901 (обстоятельная и полезная для читателя этой книги рецензия В. М. Истрина. Ж. М. Н. Пр. 1902, март август: оценка методов автора; указание недостатков и положительных сторон сочинения) *Келтуяла*. Курс истории русской литературы Часть I. кн. 1—2. СПб., 1911—1913. В. Н. Перетц. Из лекций по истории древнерусской литературы. Часть I. Древний период XI—XII вв. По лекциям проф. составил студент А. В. Киев, 1914 (2-е изд.). В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.). СПб., 1922 М. Н. Сперанский История древнерусской литературы. Пособие к лекциям в университете. Введение. Киевский период. Изд. 2-е. М., 1914; изд. 3-е. М., 1920. *Он же* (продолжение предыдущей книги). История древнерусской литературы. Московский период. Изд. 2-е. М., 1914; изд. 3-е М., 1921. Л. С. Архангельский. Литература домонгольской Руси Казань, 1903. В. Н. Перетц. Образованность (Древней Руси) Русская история под ред. Довнар-Запольского. Т. I. С 461—479 А. И. Соболевский. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV вв. СПб., 1894. Н. В. Волков. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XV вв. и их указатель СПб., 1898 (изд. Общ. Люб. Др. Письм. 1897, № 123). Н. Никольский. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности Памятники древнерусской письм. и литературы. СПб., 1902, № 147 В. Ключевский. Древнерусские жития святых, как исторический источник М., 1871. А. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875 Рец. А. Павлова в «Отчете о 19-м присуд. нагр. гр. Уварова» (1878); здесь, в приложении, в новой редакции, «Повесть Симеона Суздальского об Осьмом (Флорентийском) соборе». Н. С. Тихонравов. Рец. книги Галахова: История русской словесности (см. выше, стр 56 литературу «Введения») в том же «Отчете о 19-м присуждении нагр. гр. Уварова». Две статьи М. Шахматова и Д. Чижевского. Платон в Древней Руси. Записки Рус.Ист. Общ. в Праге. Кн. 2-я. Прага, 1930

Слово о полку Игореве. Историческая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря. М., 1800, перепеч с приложением факсимиле рукописи и статьи М. Н. Сперанского М-> 1920. *Слово оп. Я.*, изд. Н.С.Тихонравова. М., 1866; изд 2-е М-> 1868. А. А. Потебня. Слово о п. И Текст и примеч. Воронеж, 1878 (оттиск из «Филологич. Записок», 1877—1878 гг.); 2-е изд. Харьков, 1914. *Слово о п. И*. СПб., 1911, с разночтениями и библиографией В. Ф. Миллер. Взгляд на Слово о п. И. М., 1877. Е. В. Барсов.

Слово о п. И., как художественный памятник Киевской дружинной руси. Три тома. М., 1887-1890 (из «Чтений». 1883, I; 1884, II, III; 4885, III, IV; 1886, III; 1889, II). *Шанбинаго*. Слово о п. И. («История русской лит-ры до XIX в.», под ред. Грузинского. М., 1916). *ft, И. Козловский*. Палеографические особенности погибшей рукописи Слова о п. И. «Древности. Труды Имп Моск. Археолог. Общ.» т. XIII, вып. 2-й. М., 1890. *В. Н. Перетц*. К изучению «Слова о П. И.». СПб., 1925 (отд. отт. из «Известий отд. ряз и слов Ак Н.»), тт. 28—30). *Он же*. Слово о п. Игоревѣм. Памятка феодально! Ук-рагги-Руси XII в. Кшв, 1926 (**Збірн.** Истор.-фл. вщд. Укр. Ак. Н. 33). Оценку этого труда с украинофильской тенденцией дает С. Н. Розанов в рецензии, помещенной в «Известиях отделения рус. яз. и словесности на 1927 год». Т. XXXII и последний (1927), 292-299.

Народное творчество. *Л. Н. Майков*. О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863. *В. В. Стасов*. О происхождении русских былин, вестник Европы. 1868, №№ 1—4, 6—7 (перепеч. в Собр соч Т. Ш. СПб., 1894); рец. Буслаева в «Отчете о 12-м присуждении йаград гр. Уварова». СПб., 1870. *Халанский*. Великорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1885. *И. Жданов*. Русский былевой эпос. Исследования и материалы. СПб., 1895. *Всеv. Миллер*. Экскурсы в рбласть русского народного эпоса. I—VIII. М., 1892. *Он же*. Очерки русской народной словесности. 2 тома. М., 1897—1911. *Он же*. Былины. Нов. Энци. словарь Брок.—Ефр. Т. VIII. С. 802—809 (обильные указания на литературу предмета). Русская Устная Словесность. 2 тома, посвященные былинам. М., 1916—1919. Ред., ввводные статьи и примеч. *М. Сперанского*.

Сергий Радонежский. *Митрополит Макарий и Голубинский*. История русской церкви (см. «Введение»). *Голубинский*. Прп. Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. Жизнеописание прп. Сергия и путеводитель по Лавре. Сергиев Посад, 1892; изд. 2-е (дополн. и перераб.). М., 1909 (из «Чтений», 1909, кн. II: собственно Жизнеописание, без путеводителя). *Ключевский*. Значение прп. Сергия Для русского народа и государства. Богословский Вестник. 1892, XI (перепеч. Очерки и Речи. М., 1913, и под титулом* «Прп. Сергий Радонежский, благодатный воспитатель русского народного духа». Берлин, 1922. *В. Эйнгорн*. О значении прп. Сергия Радонежского и основанной им обители в русской истории. М., 1899. Сергий Радонежский. Русский Биографический Словарь (с библиогр.). *Бор. Зайцев*. Преподобный Сергий Радонежский. Париж, 1925.

¹ **Искусство.** Общая история (см. Введение). Древности Российского Государства. М., 1849-1853. 6 тт. в лист: текст (Вельтмана и Сне-

гирева) и 510 рисунков, в красках и с золотом (от руки, Ф. Солнцева), с изображением предметов церковного обихода (иконы, кресты, различения и пр.), царского, военного; одежда, столовая и домашняя утварь; портреты. *А. Мартынов и П. Снегирев.* Русская Старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. М., 1846.; 2-е изд. М., 1852—1860. Тт. I—VI. *Они же.* Памятники древнего художества в России. М., 1850. *Батюшков.* Памятники старины в западных губерниях. Восемь вып., СПб., 1868—1885. *Гр. И. Толстой и Н. Кондаков.* Русские Древности в памятниках искусства. Шесть вып., СПб., 1889—1899. Памятники древнерусского искусства. Изд. Имп. Акад. худ. Три выпуска. СПб., 1908—1910, в лист; текст (Суслова) с рисунками. Учебный атлас по истории древнерусского искусства; ред. А. И. Некрасов. Три вып. (период домонгольский, эпоха татарщины и Московского государства). М., 1916—1917. *Забелин.* Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. «Др. Нов. Россия». 1878, №№ 3, 4 и отд. М., 1900. *Н. Кондаков.* Русские клады. 1896. *Никольский.* Древнерусское декоративное искусство. СПб., 1923. Древности Российского государства. Киево-Софийский собор. Вып. I—IV. СПб., 1871—1887. Атлас рисунков в лист *Д. Айналов и Е. Редин.* Киево-Софийский собор. Исследование древней живописи—мозаики и фресок собора (пояснительный текст к атласу) «Записки Рус. Археолог. Общ.». Новая серия. СПб., 1889, т. IV, вып. 3—4. *Граф Строганов.* Дмитриевский собор во Владимире на Клязьме. СПб., 1849. *Бережков.* О храмах Владимиро-Суздальского княжества. XII—XIII вв. Владимир, 1902 («Труды Владим. Учен. Археолог. Комитета», вып. 5-й). *Н. В. Покровский.* Стенные росписи в древних храмах греческих и русских. Труды VII Археолог. Съезда в Ярославле. М., 1887. Т. I. 1890. *А. М. Павлинов.* Древности Ярославские и Ростовские. Там же. Т. III. М., 1892. Рец. на это соч. Павлинова и на его «Историю русской архитектуры» (см. выше), - Султанова в «Отчете о 37-м присуждении наград гр. Уварова» (1897). *А. И. Соболевский.* Русские фрески в старой Польше. М., 1916 См. еще Приложения. № 36: «Какой „школы" было письмо А. Рублева»

Промышленность. Торговля. *Аристов.* Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. *В. Г. Васильевский.* Древняя торговля Киева с Регенсбургом. Ж. М. Н. Пр., 1888, № 7. *Довнар-Запольский.* История русского народного хозяйства. Т. I. Киев, 1911 (указана литература). *Кулишер.* Очерк истории русской промышленности. СПб., 1922. *Он же.* История русского народного хозяйства. Т. I. М., 1925. *Он же.* История русской торговли. СПб., 1923 (до XIX века включительно). Указания на литературу см. еще у *Грушевского.* История Украши-Руси. Т. I, изд. 3-е (1913), 282. /. *Sadowskij.* Drogi handlowe greckie i rzymskie. Krak., 1877. *Он же:* Handelstrassen der Gnechen und Romer durch das Flussgebiet der Oder. Weichzel, des Dniepr und

jsjeman an die Gestade des Baltischen Meeres. Jena., 1877. A. Szela-
gowski. Naistarsze drogi z Polski na Wschod a okresie Bizantynsko-
ДгаЪзЫет Z тара. Krakow, 1909.

ДОПОЛНЕНИЯ

НАИБОЛЕЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ. 862-1462 (СОХРАНИВШИЕСЯ)

/ . Памятники вещественные.¹

А. Ранее 862 года.

1. *Чертомлыцкая серебряная ваза*, тонкой греческой работы, конца IV—начала III в. до Р. Х.; найдена в 1863 г. в Чертомлыцком кургане (гробница скифского царя), на юге России, близ Днепровских порогов. «Ваза имеет форму амфоры и, очевидно, предназначена была для хранения на пиршестве вина или кумыса». Богатая орнаментация. Другой подобной «нет ни в каком другом музее» (Кондаков). Прекрасное изображение скифов, укрощающих диких коней (хранится в Эрмитаже, в СПб.).

2. *Руль-Обская ваза*, из электрона (смесь золота: $\frac{4}{5}$, с серебром $\frac{1}{5}$), греческой работы III в. до Р. Х., найдена в 1831 г. в кургане Куль-Оба, близ Керчи, в царском могильнике; с изображением сцен из скифской жизни (Эрмитаж).

3. *Траянова колонна* в Риме, в честь побед императора Траяна над даками (101—106 гг. по Р. Х.), с изображением сцен из войны римлян с этим народом (2 500 человеческих фигур).

Примечание. Некоторые ученые находят в изображениях этих двух ваз и колонны (одежда, вооружение, прическа, жилье) сходные бытовые черты из русской жизни в начальную эпоху русской истории; однако в применении к Траяновой колонне высказано мнение, что изображенные на ней фигуры в длинном одеянии, напоминающем малороссийскую свиту, еще не дают к тому основания, «так как не исключена возможность, что другие, соседние римлянам народы, например, фракийцы и даки, имели наряд, похожий на свиту» (Нидерле).

¹ Фрески, иконы, миниатюры, церковное шитье, евангелия — выделены в особые группы; см. ниже.

Б. После 862 года.

4. *Пара турьих рогов*, оправленных в серебро, с орнаментом, русской (киевской) работы, второй половины X века; охота северных варваров с собаками на больших птиц. Сочетание арабского стиля с грековосточным звериным. Найдена в кургане «Черная Могила» Черниговской губернии (Эрмитаж).

5. *Златники и серебрянники Владимира Великого*, который первый начал чеканить на Руси золотую и серебряную монету; на них изображены, лик Спасителя, портрет (голова) самого Владимира и надпись: «Владимир на столе» (Эрмитаж).

6. «*Ярославле серебро*» — монета времени Ярослава Мудрого (изображение Георгия Победоносца и надпись: «Ярославле серебро»). Два экземпляра в коллекциях графов Строганова и Мусина-Пушкина (кажется, есть еще третий в Стокгольме).

Примечание. Первые русские монетчики руководились византийскими образцами, но не копировали их рабски, а наносили на штемпеля «такие изображения и своеобразные штрихи, которые резко отличают наши монеты и от византийских, и от многочисленных подражаний византийскому типу у соседних народов» (Кондаков).

7. *Златые врата в Киеве*. По преданию, Ярослав Мудрый, воздвигая каменные стены вокруг Киева, построил в них Золотые Врата по образцу Царьградских, на которых некогда Олег повесил свой щит. Ворота стали символом бытия и благоденствия Киева. Басня, будто польский король Болеслав Храбрый, при победоносном въезде в Киев в 1018 г., ударил по ним своею саблею, оставив на них след-шербину (зазубрину), несообразна уже в силу одной хронологии — в 1018 г. Ворот еще не существовало. Остатки Ворот сохранились, и ныне огорожены железною решеткою.

8. *Гробница Ярослава Мудрого* в Софийском соборе (Киев), с греческою надписью на ней: 0. X. в. П. (свет Христов просвещает всех) и IX. XС. Νισστ (Иисус Христос побеждает).

9. «Ана Рѣина» (что значит: Анна Рейна, т. е. regina, королева) — Подлинная (собственноручная) подпись королевы Анны, дочери Ярослава Мудрого, вдовы французского короля Генриха I (ум. в 1060 г.), Ва латинской грамоте, данной аббатству Сан-Крепи в 1063 г. В это **Время** Анна была женою, вторым браком, Рудольфа, графа де Крепи (Стеру). Нынешний город Крепи лежит к северу от Парижа, на пути в Суассон (Париж. Bibliothèque Nationale).

10. *Тмутараканский камень* — запись, в 2 строки, князя **Глеба** Святославича, внука Ярослава Мудрого, на камне в одну **сажень** слишком длиною; определение ширины Керченского пролива, **измеренной** по льду, между Тмутараканью и Керчью в 1068 г. (**окончания** обеих строк отбиты или вообще стерлись):

В лето 6576 ини. 6. Глеб князь мерил мо(ре) по льду со Тьмутороканя до Кърчева 10 000 и 4000 саже(нь) (**Эрмитаж**)

11 *Рязанские бармы* — нагрудные украшения: подвески, **медальоны**, образок тельник, дутые бусы; большая часть их местной, **рязанской** работы (Эрмитаж?).

12. *Мощи* св. великомученицы Варвары; их привезла в **Киев** гречанка Варвара, жена вел. князя Святополка II (Киев, Михайловский монастырь).

13. *Черниговская гривна* (названная так по месту нахождения); носилась на шее; XI века (конец его?) (Эрмитаж). Изображение см Древности Российского Государства. I, № 23.

14. *Шелковая синяя шапочка*, опушенная горностаем, с нашитыми крестами и серафимами; ее носил новгородский архиепископ **Никита** (ум. 1108 г.) (Новгород. Ризница Софийского собора). Изображение: Древности Российского Государства. I, № 99.

15. *Двинские или Борисовы камни*, числом четыре, **размером** от 2 до 5 сажень в обхвате, до 1 сажени вышины; на каждом **камне** вырезаны крест и надпись: «Господи, помози рабу соему **Борису**», лежат в реке Двине, близ Полоцка и Десны (один, меньших **размеров**, перенесен в Москву, в Исторический музей). Назначение этих **камней** точно не выяснено. «Борис» — по всей вероятности, полоцкий князь Борис Всеславич (ум. 1128 г.).

16. *Меч князя Всеволода Гавриила* (ум. 1138 г.), **фряжской** работы, с гербами и с латинскою надписью: «Нопогет мешт **пепино** (sic! вместо классического правильного: *nemini dabo*), т. е «**честь** своей никому не отдам» (Псков. Троицкий собор. Лежит на **раке** с мощами князя Всеволода).

17. *Фелонь* (риза-безрукавка; употреблялась при богослужении) прп. Антония Римлянина (ум. 1147 г.), из белой шелковой **крещатой** материи, с орнаментальными, на пурпурных галунах, подобиями **арабских** надписей и с великолепными разводами сложного рисунка «**Это** одна из наиболее любопытных тканей XII в., сохранившихся в **Европе**» (Кондаков). (Антониев монастырь под Новгородом).

18. *Чара* черниговского князя Владимира Давидовича, **серебряная**, позолоченная, половины XII в. (Эрмитаж).

19. *Крест* прп. Евфросинии Полоцкой, 1161 г. — «одно из **редчайших**, по драгоценности и высоте технического искусства, **произведенных** древнерусского мастерства, воспользовавшегося **предметами**

И средствами византийского художества» (Кондаков); богато украшен драгоценными камнями; по образцу византийских эмалей (Полоцк Спасский монастырь).

20. *Рогволодов* (иначе: *Борисов*) *Камень*, плоский, необтесанный **валун** с глубоко выбитым на нем крестом и надписью вокруг* «помози рабу своему Василию в крщени именемъ Рогволоду сну Борисову» (т. е. «в лето 6679 (1171) месяца мая в 7 день поставлен крест сий. Господи, помози рабу своему Василию, в крещении именем Рогволоду, **сыну Борисову**»); вделан в пол деревянной часовни, что близ деревни Дятловки, в 22 верстах от г. Орши. Рогволод был полоцким князем

21. *Княжеская женская диадема*, из 7 золотых створок с цветными эмалевыми иконками на них и с золотыми подвесками, русской работы конца XII в.; найдена в Киевском кладе 1889 г. (Эрмитаж).

22. *Корсунские врата*, главные входные (западные) двери в Софийском соборе, в Новгороде: на деревянной основе набиты дощечки из листовой меди с изображением 48 сцен из Св. Писания с объяснительными надписями по латыни (надписи славянские — позднейшие), немецкой работы конца XII в.; образчик северного романского стиля.

23. *Сигтунские врата*, боковые, там же; итало-византийской работы, с орнаментом; попали в Новгород, вероятно, из города Сигтуна (в Швеции); XII века.

24. *Шлем князя Ярослава*, сына Всеволода III, потерянный им на поле брани в день Липецкой битвы (1216); найден там же в 1808 г (Москва, Оружейная палата).

25. *Шлем Александра Невского* (Оружейная палата).

26. *Меч князя Довмонта*, работы западноевропейского мастера (Псков. Троицкий собор. Лежит на гробнице Довмонта). Довмонт (ум. 1299 г.) — национальный псковский герой; при Ракоборе (Везенберге) он нанес (1267) Ливонским рыцарям тяжелое поражение.

Примечание. Меч Довмонта короткий, а меч Всеволода-Гавриила (см. выше № 16) длинный. Некоторые думают, что мечи перемешаны что длинный — Довмонтов, а короткий принадлежал Гавриилу.

27. *Оклад Евангелия Симеона Гордого*, 1344 г. (лицевые изображения). «Удары чекана в руках мастеров отрывисты и резки, в Рисунке много режущих, острых линий и углов, словом, руки мастера **еще** связаны, замыслы явно возносятся над техникой. Но в области орнаментики русские мастера этой эпохи свободно выявляют уже **Присущее** им умение преобразовать чужие образы, русифицировать их в самом благородном смысле слова» (Никольский) (Сергиева Лавра)

28. *Деревянный резной крест* 1359 г. — типичный образчик хорошего древнерусского резного дела (Новгород, церковь св. Флора и Лавра).

29. *Служебник* — экземпляр, по которому Сергей Радонежский отправлял церковную службу (Москва, Синодальная библиотека).

30. *Потир и дискос*, служившие Сергию Радонежскому при богослужении, деревянные, покрыты красною краскою, с изображениями и надписями (Ризница Троицкой Лавры).

31. *Схима*, которую носил Сергей Радонежский (Ризница Троицкой Лавры).

32. *Крест*, которым прп. Сергей Радонежский благословил Дмитрия Донского перед отправлением его на битву с Мамаем (Киев. Музей Духовной Академии).

33. *Знамя*, бывшее при Дмитрии Донском в день битвы с татарами на Куликовом поле, в 1380 г. (Москва. Оружейная палата).

34. *Посох Стефана Пермского* (Пермь. Кафедральный собор) Стефан ум. в 1396 г.

35. Росписной холщевый *саккос*, по преданию, принадлежал Стефану Пермскому. По бокам покрыт живописью; кажется, это единственный памятник подобного рода (Сольвычегодск; соборная ризница).

36. Серебряный *оклад на «Евангелии боярина Кошки»* 1392 г., ценный памятник русского ювелирного дела (финифть и филигрань) (Сергиева Лавра).

37. *Саккос митрополита Фотия*. Саккос — риза, верхнее облачение; его надевали во время богослужения. В Древней Руси он был принадлежностью исключительно одних митрополитов и патриархов. Ввел его в употребление вышеназванный митрополит Фотий (1409—1431). На его саккосе вышиты изображения святых и портреты: великого князя Василия I и его жены, Софьи Витовтовны, их зятя, императора Иоанна Палеолога, и его жены Анны, их дочери и самого Фотия. Работа, кажется, греческая. Василий I женился в 1390 г.; Иоанн VIII Палеолог (тот самый, что принял во Флоренции в 1489 г. унию с римскою Церковью) воцарился в 1425 г. (Москва. Патриаршая ризница) — Когда сделан был саккос? Воцарение Иоанна совпало со смертью Василия (1425); Анна вышла замуж в 1414 г. и уже через 3 года умерла.

38. *Соборное постановление о Флорентийской унии*, 6 июля 1439 г., за собственноручными подписями папы Евгения IV, греческого императора Иоанна VIII Палеолога, русского митрополита Исидора и других участников собора. Единственная славянская подпись — спутника митрополита Исидора: «смирный епископ Авраамие суждальский подписую»; подлинник (Флоренция. Лаврентьевская Библиотека).

39. *Потир* с порфировою чашей, 1449 г., работа русского мастера Ивана Фомина (Сергиева Лавра).

40. Золотая *панаяга складень*, 1456 г., работа русского мастера Двраамия (Сергиева Лавра).

Стоит сравнить эти две последние вещи с окладом евангелия 1392 г. (см. выше № 36), «гдетак грубы по своей зернистости нити **скани** и так робки еще их без нужды измельченные извивы, чтоб **донять**, как сильно развилось русское искусство скани» за последние 50—60 лет. «Красота пропорции потира, подлинно-артистическая скромность в украшениях, каксе-то особое, хочется сказать „классическое“ благородство форм — тавят его почти вне общего уровня русского мастерства эпохи»- (Никольский).

41. *Шапка Мономахова* — гамятник византийский, «который был выполнен не в Константинополе или в Малой Азии, или на Кавказе, или в Херсонесе (Таврическом), словом, в местности, где византийское искусство в XI—XII вв. соприкасалось с развитым арабским орнаментом. Мономахову шапку, по деталям техники, необходимо относить к XII веку» (Кондаков). — Впрочем, другие ученые считают шапку произведением чисто восточным (египетский султан Калавун прислал де ее Узбеку, хану Золотой Орды (XIV в.); позже, при падении Золотой Орды, она попала в число добычи московским великим князьям) Верхнее полушарие шапки и кр.т, что венчает ее — прибавка позднейшая, равно и мех по нижнему краю (Филимонов). — Третье толкование, более раннее: как царская (императорская) корона, шапка из **Византии** не могла быть прислана)же по одному тому, что не имела ничего общего с коронами византийскими; греческие императоры обыкновенно носили диадемы: *оІручи* или же *повязки*, унизанные жемчугом и камнями, с *подвесками*, которые спускались с висков на щеки; шапка же Мономахова есть именно *шапка*: тулья с меховой опушкой, убор чисто русский, служивший и ранее головным убором. Недаром «вещь эту ни в XIV, ни в XV веке не называли царским венцом, а называли просто Золотою шапкою. По всей вероятности, знаменитая Мономахова шапка есть не что гное, как чисто русская — великокняжеская корона, да она и употреблена была Иоанном III для венчания **Дмитрия** Ивановича не на царстю, а на великое княжение, царским же **венцом** сделалась она уже с венчшия Иоанна Грозного, а не ранее. Она Чрезвычайно похожа на шапку сз. князя, изображенного на Рязанских **бармах**, с которою сходствуют отчасти шапки Бориса и Глеба на окладе Мстиславова евангелия; есть также в ней немало общего с шапкою **Ярослава** Владимировича Новгородс<ого» (Прозоровский).

Церкви.

1. *Церковь св. Василия* в Киеве, на холме, где раньше стоял идол Перуна. Это *первая* церковь, псггавленная Владимиром по принятии ^Христианства, и в этом все ее историческое значение. Сохранилась **только** алтарная часть. Ныне на ее месте Трехсвятительская церковь

2. *Десятинная церковь* в Киеве, 989 — 996 гг., была украшена мозаикой и стеною живописью (фресками) Сохранился один только фундамент, да и тот закрыт позднейшею перестройкой. После татарского разгрома возобновлена киевским митрополитом Петром Могилоу в 1635 г.

Примечание. Тогда же, в 1639 г., здесь были найдены мощи похороненного в Десятинной церкви Владимира Святого, строителя церкви Часть мощей ныне хранится* глава — в Печерском монастыре, что под Киевом; ручная кость — в Софийском киевском соборе, челюсть главы — в московском Успенском соборе

3. *Храм св. Василия Великого* в Овруче, уездном городе Волынской губ., построен, по преданию, Владимиром Святым. Одни развалины

4. *Пречистенский собор в городе Холме]* построен Владимиром Святым в 1001 г.; находящаяся в нем икона Божией Матери кисти евангелиста Луки, по преданию, привезена была Владимиром из Корсуня: в 1261 г. татары, будто бы, забросили эту икону, а 100 лет спустя она была найдена под слоем щебня.

5. *Софийский собор в Киеве*, 13-главный, обилует фресками и мозаикой; заложен в 1037 г., в честь Софии, Премудрости Божией. Его строили если не по образцу, то по примеру Софии константинопольской. За последнее время (1921) выяснилось, что архитектурная конструкция храма велась в двух направлениях: *парусными* сводами покрыт весь нижний этаж, северная же, западная и южная стороны окружены были поясом подпружных, косых арок, для упора вертикальных стен — это так называемый *Сирийский расчлененный* свод. «Откуда бы ни пришли в Киев зодчие св. Софии, своими конструктивными приемами они обнаружили свою сирийскую архитектурную школу». Этот «расчлененный свод родился на Иране и еще в первые века нашей эры получил широкое распространение по всей Сирии и, главным образом, в Заиорданской области, откуда был, пока неизвестно, какими путями, занесен в Киевскую Русь» (Базилевич). — Для Киева Софийский собор стал центром религиозного культа, его гордостью и славой, выражением его Я. Самые отрадные и самые тяжелые моменты общественной жизни киевлян связаны были с «Святою Софией», которая стала местной святыней по преимуществу.

Примечание. Такой же смысл и значение местной городской святыни получили кафедральные соборы и во многих других городах Древней Руси; таковы, например, Софийский собор в Новгороде, Троицкий собор в Пскове, Успенские соборы во Владимире и в Москве

6. *Софийский собор в Новгороде* — строился в 1045—1052 гг тоже в честь Софии, Премудрости Божией: типичная византийская церковь с куполом, на 4 квадратных столпах. Позднейшие пристройки и перedelка отняли у собора его первоначальный характер, придав ему чисто русский колорит: 5 позолоченных глав, белые, гладкие стены без украшений, цветная живопись над входом. В куполе фреска Христос-Вседержитель, о ней сложилась легенда* трижды рисовали Христа с благословляющей десницей и трижды рука становилась сжатою, наконец, свыше раздался голос: «не пишете меня с благословляющей десницей; в своей руке я держу город Новгород, и лишь только разожмется рука — наступит конец и самому Новгороду». Народная мысль связала с этим изображением судьбу своего города, его силу и независимость: «Где Святая София, ту Новгород». «В этой Сжатой руке народ видел верный залог своего исторического бытия, своей славы и могущества. Эта легенда поддерживала национальные силы и привязывала к родной старине» (Буслаев).

«В Новгородской Софии недавно открыт самый древний памятник, писанный *тайнописью*, именно глаголицею. Уже в древнейшее время глаголица вышла из употребления, и ее перестали понимать; она стала достоянием немногих, что и дало возможность использовать ее для тайнописания. Софийский храм, как все старые памятники, переделывался, и, как все старые памятники, зарастал землей; постепенно пол его поднимался, насыпалась новая земля, строился новый пол. Когда же при реставрации храма открыли, уже в наше время, старый пол, то оказалось, что стены храма от пола по цоколю были исцарапаны надписями; очевидно, та привычка, в силу которой и теперь еще пишут на стенах и скамьях, существовала уже и в XI — XII веке. В XI—XII веке человек, пришедший в храм, хотел отметить свое посещение, но в то же время ему было, по-видимому, совестно сделать это просто, и он стал писать отчасти кириллицей, отчасти глаголицей, письмом малоизвестным» (Сперанский).

7. *Спасо-Преображенский собор в Чернигове* построен Мстиславом Тмутараканским, братом и соперником Ярослава Мудрого.

8. *Церковь Успения Божией Матери в Киево-Печерском монастыре*, 1073—1089 гг. Она была необыкновенной красоты, «небеси подобной». Более не существует. «Ее стены и иконостас блистали золотом, разноцветною мозаикою и прекрасною иконною живописью; пол состоял из разновидных камней, расположенных узорами; верхи были позолочены, а большой крест на главном куполе сделан из чистого золота» (митрополит Макарий). Перестроена в конце XVII в.

9. *Михайловский собор в Златоверхо-Михайловском монастыре*, в Киеве; внешностью схож с киевской Софиею; 15-главый; купола позолочены; построен в 1108 г.

10. *Георгиевский собор в Юрьевском монастыре*, под Новгородом гладкие, без малейшего узора, стены величаво уходят в небо, формы храма простые, величественные, даже суровые; строил мастер Петр, 1119 — 1129 г. «Истинный перл русского зодчества» (Муратов)

11. *Борисоглебский собор в Чернигове*, 1120 — 1123 г. При нем хранится капитель (верхняя часть уже не существующей колонны, которая некогда поддерживала карниз храма) с резными украшениями из жгутов и плетений. «Эта драгоценная капитель заслуживает того, чтобы занять самое почетное место среди предметов древнерусского искусства, не только по своей красоте и оригинальности, но и по своей исторической важности, как единственный памятник подобного рода» (Павлуцкий). В этой капители видят одно из доказательств того, что влияние *романского* стиля проявилось на черниговской почве раньше, чем оно сказалось в церквях Суздальского края. Помимо того в Чернигове указывают на церкви с романским фризом из висячих столбиков (Пятницкая церковь) или пояском из полукруглых арочек, обходящим здание с 3-х сторон (Елецкая церковь).

12. *Преображенский собор* в Переяславле Залесском, построен Юрием Долгоруким, 1152 — 1155 г.; одноглавый; «Простота всех украшений, благородство пропорций придают этой церкви своеобразную, строгую красоту: особенно характерны узкие окна, с глубокими арками, напоминающими крепостные бойницы» (Кондаков). На этой церкви уже сказывается влияние западного, именно *романского* стиля¹ пилястры делят фасад на три неравные части; резьба из полуарочек вверху наружных стен, под кровлю, и вверху барабана, под главою.

13. *Успенский собор во Владимире на Клязьме*, 1158—1160 г., одноглавый, с фресками; был богато украшен Андреем Боголюбским: наружные стены обложены мрамором, внутри убраны чистым кованым золотом; глава и кровля из меди покрыты листами кованого серебра, с золоченою резьбою. После пожара,¹ будучи перестроен (1189) в пятиглавый, утерял первоначальный романский стиль, наружные стены обведены горизонтальным поясом из колонок, признак романского стиля.

14. *Церковь Покрова на Нерли*, в Суздальском крае, заложена в 1165 г. Андреем Боголюбским. Романский стиль архитектуры ярко выступает в ней: одноглавая; пилястры, узкие полуколонки; пояс из ряда колонн; внешние украшения: человеческие фигуры, звери, фантастические животные; внутренность разделена пилястрами на 3 нефа (корабля). Прототип Дмитриевского собора в меньших размерах. «Один из величайших памятников мирового искусства. Как все ве-

¹ Лаврентьевская летопись: 1185 г.; Ипатьевская: 1183 г., и тот и другой списки одинаково: «13 апреля в среду». Середя могла приходиться на 13 апреля только в 1183 г.

^икие памятники, Покров на Нерли непередаваем ни в каких воспроизведениях на бумаге, и только тот, кто видел его в действительности, кто ходил в тени окружающих его деревьев, испытывал обаяние фсего его неопиcуемо стройного силуэта и наслаждался совершенством его деталей, — только тот в состоянии оценить это подлинное чудо русского искусства» (Грaбарь).

15. *Дмитриевский (Дмитровский) собор во Владимире на Клязьме*, в честь св. Дмитрия Солунского, 1194-1197 г.; построен из белого известняка, привезенного водою из Болгарии, с Волги; наиболее совершенный образец романского стиля у нас в России; самый нарядный из суздальских храмов. Одноглавый; богатейшая орнаментация наружных стен: птицы, звери, грифоны, гарпии; многие фигуры напоминают украшения венецианского собора св. Марка; богатый пояс из колонок; внутри 5 нефов, украшенных фресками. Особенность {Дмитриевского собора, как и церкви Покрова на Нерли, в сочетании "влиятельный романской архитектуры с грековосточной. В этом сочетании зародыш будущего русского национального искусства. — Об этом драме и следующем (№ 16) Кондаков: «На пространстве от Галиции то Дунаю и через Венгрию до Тироля и верхней Италии, а также ярез Швейцарию до южной Франции включительно, как от восточной Померании до берегов Рейна, за период IX—XII веков, не находится Ни одной церкви, собора, дворца или здания, которое могло бы быть принято за образец двух Владимирских церквей. Можно найти по частям фигуры святых, животных, фантастических зверей и орнаментов; можно встретить тот же порядок украшений, можно, наконец, найти много лучших скульптур, более затейливых и характерных, но Нельзя встретить ничего тождественного: наши два собора в своем роде единственные памятники, особенно Дмитриевский собор, по Небывалому богатству скульптур, рассыпанному на южной, западной И северной сторонах храма».

16. *Георгиевский собор в Юрьеве-Польском*, 1230—1234 гг., на Месте прежнего, поставленного в 1152 г.; одноглавый; оригинальная скульптура; роскошные узоры, высеченные из белого камня, почти сплошь покрывают наружные стены собора — это точно затканый по рисунку ковер: резьбы здесь, пожалуй, еще больше, чем в Дмитриевском соборе, сочетание романского стиля с восточными заимствованиями.

17. *Успенский собор в Московском Кремле*; первая в Москве Каменная церковь; заложен митрополитом Петром в 1326 г.

18. *Архангельский собор*, там же, 1332 г.

19. *Церковь Федора Стратилата в Новгороде*, на Торговой стороне, 1360 г.

20. *Церковь Спаса Преображения*, там же, 1374 г.

21. *Церковь апостолов Петра и Павла в Новгороде*, на Софийской броне, 1406 г.

Эти три церкви представляют собою расцвет новгородского зодчества во второй половине XIV в.; их формы сложились под сильным влиянием северного зодчества, деревянного. «Федор Стратилат» может быть, наиболее типичная церковь из всех трех — лучше всего отвечая тому представлению, какое обыкновенно связывается с выражением «храм *новгородской* архитектуры».

Монастыри.

1. *Киево-Печерский*, основан в 1057 г. прп. Антонием Печерским Первоувеличником русского просвещения; школа, где впервые на Руси стали выковываться духовные устои общественной жизни.

2. *Антониев*, под Новгородом, основан в 1117 г. Антонием Римлянином. По преданию, из Рима, места своей родины, Антоний приплыл по морю на камне и заложил церковь на месте, где камень остановился.

3. *Юрьев*, в Новгороде, основан в 1119 г., в память Ярослава Мудрого (Георгия). Самый древний из городских монастырей Новгорода. Его игумен считался первым по месту среди других местных игуменов.

4. *Спасский*, в Полоцке, основан около 1128 г. преподобной Евфросиниею Полоцкою (ум. 1173 г.).

Примечание 1-е. Евфросинию Полоцкую не следует смешивать с другою Евфросиниею, тоже преподобною, но «Сuzдальскою», эта последняя жила в XIII в. и постриглась в Ризоположенском монастыре, что был основан в городе Суздале в 1227 г.

Примечание 2-е. В 1155 г. Андрей Боголюбский основал Боголюбский монастырь на месте, где остановилась Владимирская Богоматерь, привезенная им из Киева. Монастырь, вместе с самим городом Боголюбовым, был разрушен татарами в 1237 г. и потом более не возобновлялся.

5. *Хутынский*, в 10 верстах от Новгорода, основан в 1192 г. Варлаамом Хутынским. Варлаам (ум. 1193 г.) один из местных святых; почитался в Новгороде, как *свой, специально новгородский* святой, почему и самый монастырь, где покоятся его мощи, пользовался большою славою.

6. *Данилов*, под Москвою; основан Даниилом, сыном Александра Невского, основателем Московского княжества (ум. 1303 г.), родоначальник монастырей московской области. Здесь похоронены, поэт Языков (ум. 1846), Гоголь (ум. 1852) и славянофил Хомяков (ум. 1860)

7. *Валаамский*, на Ладожском озере, основан в 1329 году (?') преподобными Сергием и Германом. Тип трудового, «крестьянского»

монастыря. Монахи прекрасные хозяева, подчинили себе суровую **Неверную** природу. Скиты и подвижническая жизнь. Трудовая и строго монастырская жизнь разнесли далеко славу о Валаамском монастыре **0** создали ему громкое имя в массе народной.

8. Троице-Сергиев (с 1744 г. Троицкая Лавра), основан около **1340** г. преподобным Сергием Радонежским. О культурном значении монастыря достаточно говорилось выше; о его роли в Смутное время, р **Начале** XVII ст., см. во втором томе настоящего Курса,

9. Чудов, в Московском Кремле, основан в 1365 г. митрополитом **Дексеом**, в память *чуда* в Хонех (6 сентября) архангела Михаила, — **га** месте, где раньше стоял конюшенный двор татарских ханов, место **Царско** было Алексею ханшею Тайдулою в благодарность за исцеление от слепоты. «Один из **самых** крупных по своему литературному рачению в Древней Руси» (Сперанский). Богатое собрание ценных рукописей, литературные занятия **живших** в нем лиц (например, **4аксим Грек**) сделали из Чудова монастыря один из просветительных **центров** России **В** московское **Время** (XVI—XVII вв.). Патриарх **Фидарет** основал в нем Патриаршую школу; при Никоне чудовские **Монахи** принимали деятельное участие в переводе книг Св. Писания **8** в исправлении богослужебных книг по греческим подлинникам. **Одно** **Время** здесь жил Гришка Отрепьев. Здесь крестили Петра **реликого** и императора Александра II (оба они родились в Москве)

10. Симонов, под Москвою, основан около 1370 г. св. Феодором, Племянником Сергия Радонежского, по **Мысли** последнего **Прочные** **стены** превращали монастырь в сильную крепость и позволяли ему **додерживать** в XV и в XVI вв. нападения врагов («Бедня Лиза» **Карамзина**). Разрушен **Долга** большевиками в 1930 г.

11. Вознесенский женский, в Московском Кремле, основан 1393 г. **Великой** княгиней Евдокией, вдовой Дмитрия Донского. Вплоть до XVIII столетия здесь погребали великих княгинь и княжон, цариц и **Даревен**. Здесь жила Мария Нагая (**Июскня** Марфа), мать царевича **Дмитрия**; **Также** Марина Мнишек по приезде из Польши, до дня бракосочетания с Лже-Димитрием.

12. Сретенский, в Москве, основан 1395 г. великим князем Василием I **На** том месте, где город встретил чудотворную **Икону** Божией Матери, **принесенную** из Владимира. В день встречи Тамерлан, шедший **Рблю** на Москву, повернул обратно в Степь — икона спасла московскую столицу. Эта икона **есть** именно та, **что** была вывезена Андреем **Боголюбским** из Киева и «остановилась» на пути во Владимир.

13. Кирилло-Белозерский, у Сиверского озера, близ Белоозера, **Новгородской** губернии, основан в 1397 г. прп. Кириллом Белозерским (ум. 1427 г.). Обнесен высокими крепостными стенами, свыше версты **'585 саж.)** длиною. Место заточения князя Вассиана Патрикеева и **патриарха** Никона. Монахам этого монастыря писал Иван Грозный свое **известное** обличительное послание. В Заволжском крае монастырь

«имел приблизительно то же значение, какое в своих местах монастыри Печерский и Троице-Сергиев. В нем и в отшельничьих кельях белозерских лесов выросло то новое направление, которое носит имя *заволжского*, — направление созерцательное, поставившее для монашества новые задачи, по-своему понимавшие его идеалы» (Смирнов) В XV—XVI вв. Кирилло-Белозерский монастырь «стоял во главе общественно-литературного течения *Заволжских Старцев*, этих аскетов-рационалистов. Монастырь этот сыграл очень важную роль в нашей истории (Сперанский). Подобно Чудову и Троице-Сергиеву монастырям, иноки Кирилло-Белозерского монастыря всегда питали наклонность к научным литературным занятиям. Большое и ценное собрание рукописей; в 1859 г. оно передано (1355 номеров) в СПб Духовную Академию. Кроме того: богатое собрание древнего церковного художественного шитья (пелены, плащаницы). «Каждым воздухом, каждой плащаницей отсюда был бы горд любой европейский музей» (Муратов).

14. *Ферапонтов*, недалеко от Кирилло-Белозерского, основан в 1398 г. преподобным Ферапонтом. Знаменит своими фресками, работы иконника Дионисия (1500 г.). В 1667 — 1676 гг. здесь жил в заточении патриарх Никон.

15. *Саввин-Сторожевский*, Звенигородского уезда, Московской губернии, основан в 1398 г. преподобным Саввою, учеником Сергия Радонежского (ум. 1406 г.). Излюбленный монастырь царя Алексея Михайловича, его монастырь. Царь не жалел средств, чтобы поставить его, по богатству и блеску, на уровень знаменитой обители Сергия Радонежского. Он зачастую ездил туда с семьей на поклонение мощам св. Саввы; после Алексея монастырь ревностно посещался царем Федором; нередко бывал там в молодые годы и Петр Великий

16. *Ипатьевский*, под Костромью; впервые упоминается в 1421 г., по преданию же, его основал Мурза Чета, предок Бориса Годунова (значит, после 1330 г.). Связан с историей двух фамилий: Годуновых и Романовых. Михаил, родоначальник династии Романовых, жил здесь со своей матерью, когда в Москве происходило избрание его на царство. Богатые вклады; лицевая Псалтирь Годунова, 1594 г. Монастырь сохранил древних икон более, чем даже Успенский собор в Москве

17. *Соловецкий*, на Белом море, основан 1429 — 1436 гг., трудами преподобных Германа, Савватия и Зосимы. Трудолюбие и аскетизм — навсегда стали характерными чертами Соловецкого монастыря. Замечательна его культурно-колониаторская деятельность. Еще более, чем Валаам, он представил собою яркий пример трудового, деловитого хозяйства. Земельные угодья, рыбные ловли обогатили монастырь, а производство, на широкую ногу, собственными руками всего, что необходимо в домашнем обиходе, заведение собственных мастерских и заводов (свои лесопильни, мельницы, кузницы, смолокурни, столярные, слесарные, салотопни, своя одежда, обувь, посуда) вносили культуру

среди некультурного населения северного края; отдаленность же от центра зачастую вызывали необходимость принимать самостоятельные решения, что неизбежно наложило на монашескую братию известный отпечаток независимости и бодрой энергии. Соловецкий монастырь стал «Северным Афоном». Знаменитая библиотека: начало ей положено еще в конце XV в.; ценное собрание по истории русской письменности и русской Церкви; обогащалось путем вкладов, так как монастырь пользовался большим уважением одинаково и в Новгороде (в районе владений которого находился), и в Москве. С 1855 г. библиотека (в количестве свыше 1500 рукописей) переведена в Казанскую Духовную Академию. В царствование Федора Ивановича монастырь был обведен высокими стенами (общая длина их превышает версту), что превратило его в крепость и важный стратегический пункт. Раскольнический бунт и осада монастыря правительственными войсками, 1668—1676 гг. Двукратное посещение Петром Великим, 1694, 1701 гг. Обстрел англичанами в Крымскую войну. Сюда были сосланы: игумен Артемий, священник Сильвестр (советник Ивана Грозного), царь Симеон Бекбулатович, келарь Авраамий Палицын, граф П. А. Толстой.

18. *Пафнутиев Боровской*, близ города Боровска, Калужской губернии, основан 1444 г. преподобным Пафнутием Боровским, родом из татар.

IV. Фрески (и мозаики; перечень церквей и монастырей, в которых они находятся).

1. *Софийский собор в Киеве (1037)*. Фрески (большей частью реставрированы, переделаны или переписаны; сохранилось 625 фигур) двойного содержания: религиозного (события из Св. Писания, изображение святых) и светского. 1) Особенно замечательна так называемая «Нерушимая Стена», над горным местом: колоссальное изображение Богоматери в форме *orante* (с воздетыми руками), как обыкновенно рисовали Богородицу в первые века христианства; около 7 аршин вышины. Также: таинство Евхаристии; Благовещение; Христос-Вседержитель (Пантократор). 2) Светского содержания: «Лев, растерзывающий какое-то животное; охота на тигра и кабана; ипподром с дрессированными конями и всадниками; музыканты с трубами, литаврами и цитрами; акробаты; грифоны; охота на льва, белку, медведя и оленя; битва рыцаря с чудовищем; царский дворец и т. п.» (Покровский). Это — изображение византийского цирка и зрелищ ипподрома (Кондаков).

2. *Софийский собор в Новгороде (1045 — 1052)*. Старых фресок немного: София-Премудрость, Спаситель-Пантократор в куполе; фрески в приделе свв. Константина и Елены.

Примечание. Слово «София» значит: «Премудрость» — «Слово Божие», т. е. вторая Ипостась св. Троицы — Сын Божий. София изо-

бражалась двойко: 1) в виде крылатого огненного херувима в царском венце и одеянии на золотом престоле, с предстоящими Богоматерью и Иоанном Предтечею; в правой руке у него жезл с крестом, в левой — свиток, над головою Спаситель, в огненном кругу, благословляющий (Новгород); 2) в виде женщины стоящей на портике посреди семи столбов (Киев: «Нерушимая Стена»). Как надо понимать эту женщину? а) это невещественный *Дом Премудрости*, «который есть не иное что а девственное чрево Божией Матери, внедрившее Сына Божия» — потому Она и изображена одна, без Младенца на руках: Младенец — во чреве Ее. Такое изображение Премудрости (Софии) основано на словах Библии (Притч. 9, 1): «Премудрость создала Себе дом и утвердила столпов семь» (митрополит Антоний); б) «Это одновременно образ церкви земной, возносящей непрестанно молитвы к престолу Вышнего, и изображение непорочной Заступницы, Матери Божией» (Кондаков).

3. *Златоверхо-Михайловский монастырь в Киеве* (1108) Мозаика сохранилась здесь в одном алтаре: св. Евхаристия на Тайной Вечери

4. *Кирилловский монастырь в Киеве* (1138). Фрески изображают сцены из жизни св. Кирилла, епископа Александрийского

5. *Спасо-Преображенский собор в Мирожском монастыре*, в окрестностях Пскова. Фрески (сцены из Нового Завета), по лучшим оригиналам византийской стенописи, сохранились замечательно хорошо (1156).

6. *Церковь св. Георгия в Старой Ладоге* (в так называемой Рюриковой крепости). Стенные фрески XII в. большого художественного значения; по византийским образцам; работа русских мастеров новгородской школы.

7. *Дмитриевский собор во Владимире* (1194 — 1197). Фрески собора, вместе с фресками новгородской Софии и старо-ладожской церкви св. Георгия, — «высшее художественное достижение византийско-русского искусства XII в.» (Муратов). Дмитриевские фрески возникли «не позднее XIII века. Они представляют группу апостолов и ангелов, введение праведников в рай и самый рай из сложной композиции Страшного Суда. Среди современных им памятников византийской живописи этим фрескам предстоит занять выдающееся место. Фигуры апостолов на тронах и ангелов позади них написаны

таким исключительным мастерством, что обличают руку незаурядного мастера» (Анисимов).

8. Церковь Спаса Нередицы, в окрестностях Новгорода, 1198 г., йогатейшие, оригинальные фрески (1200), почти не тронутые временем. Характерно *портретное* изображение, во весь рост, князя Ярослава (правнука Владимира Мономаха), строителя Храма на нем соболья щипка с голубым верхом, темно-малиновое корзно (узкий, длинный 5Й.Лам) в золотых разводах, с широкой шелковой каймою под цвет подладки, и высокие сафьянные сапоги. В оценке нередицких фресок нет ПОЛНОГО согласия. «Все стены внутри храма покрыты сплошным коврем фресок, хорошо сохранившихся и оставляющих глубокое впечатление значительностью композиций и торжественной суровостью красок. Фрески эти должны быть отнесены к числу лучших созданий стенной живописи XII века не только в России, но и в целой Европе и придают в высшей степени драгоценный вид этому, так долго находившемуся в забвении созданию примитивной веры» (Грабарь) — «Драгоценный, ррошо сохранившийся памятник русской иконографии» (Суслов) — «Не следует преувеличивать художественное значение нередицких фресок. Общее гармоническое впечатление этих стен не уничтожает возможности некоторых невыгодных для них сравнений: это искусство более простое, народное и бедное по сравнению с искусством ДмитриевскоЮ собора. Это все еще Византия, ее стиль и выражение, но Византия Э понимании „малого люда“, уже очень далекого от управляющих искусством столицы» (Муратов). — *Нередица* — местность, расположенная не в ряду города, а за чертою, именно за чертою Словенского КОНЦА.

9. Церковь св. Николая на Липне, близ Новгорода. Фрески КОНЦА XIII в.

10. Успенская церковь на Волотовом поле, близ Новгорода. Фрески 1353-1363 гг.

11. Церковь Федора Стратилата в Новгороде, на Торговой стороне. Фрески 1370-х гг. кисти Феофана Грека. Открытые в 1910 г., они сохранились довольно плохо, однако «даже в нынешнем своем состоянии, даже только как ряд фрагментов, федоровская роспись является ОДНИМ из лучших памятников древнерусского искусства» (Муратов)

12. Церковь Спаса Преображения в Новгороде, на Торговой Стороне. Фрески 1478 г., работа того же Феофана Грека.

13. Церковь в селе Ковалево, близ Новгорода. Фрески 1380 г.

14. Успенский собор во Владимире (1158—1160) Андрей Рублев с Данилом-иконником расписали собор в 1408 г. фресками, которые в Настоящее время реставрируются.

V. Иконы.

1. *Божия Мать Одигитрия* (Путеводительница) *Смоленская* — писана, по преданию, евангелистом Лукою, привезена из Царьграда в 1077 — 1078 гг. (?) (Смоленск. Соборный храм).

2. *Владимирская Божия Мать*, в Москве; писана тоже Лукою принесена в Киев из Царьграда в 1131 г. Андрей Боголюбский перенес ее в 1155 г. во Владимир на Клязьме (первоначально в стольный город Ростов, но там икона «не захотела» оставаться, как бы заранее благословляя Андрея на перенос столицы из Ростова во Владимир) — отсюда ее название — а из Владимира ее перенесли в Москву в 1395 г., в год нашествия Тамерлана на Россию. Ее заступничеству приписывали спасение русской столицы от грозившей ей опасности: в самый день привоза иконы в Москву, 28 августа, Тамерлан неожиданно повернул у города Ельца обратно в степи. В память этого события был установлен ежегодный крестный ход, и с той поры икона стала как бы залогом спасения и благоденствия города Москвы, а с нею и всей России, — ее государственным щитом; самый собор Успенский (в Кремле), куда она была помещена, стал называться «Домом Пресвятыя Богородицы». Изображение в красках: 1) Древности Российского Государства I, № 1, от руки; 2) новейшее, более точное, при книге Анисимова

Памятник византийской живописи XI в., икона Владимирской Божией Матери принадлежит к типу *умиления* (греч. элеусе, т е милостивая): Младенец обхватил шею Матери и с детским доверием тесно прижавшись, тянется к Ней для поцелуя. Только пылая огнем чистой веры, можно было создать картину, подобную этой. Невольно вспоминается Фра Беат'Анджел и ко, который, говорят, плакал чистыми слезами умиления, рисуя Страсти Господни. — «Мать глубоко скорбит о предстоящих Сыну страданиях, в молчании переживая их неизбежность. Весь лик Ее — одно воплощение материнской любви и скорби, средоточием которых являются глаза, одновременно устремленные на зрителя и в свою собственную глубину. От этого горе, заключенное в них, кажется еще безысходнее и неразрешеннее, из боли личной потери превращается в сострадание вселенскому горю, в боль от того, что страдание вообще существует, как неустранимый элемент мирового порядка. Среди самых прославленных Мадонн мировой живописи Владимирская Богоматерь, как образ материнства, занимает одно из первых мест по силе и совершенству художественного выражения того великого человеческого чувства, которое заключено в Ней, как ее внутреннее содержание. Перед лицом именно таких икон, как Владимирская, легче всего понять, почему в истории христианства почитание Богоматери играет такую исключительную роль. Сознывая себя обреченным на вечное искупление страданием своего греховного счастья, человечество в образе Матери, скорбящей за Распятого Сына, видело наиболее полное воплощение той стихий

Духа, которая зовется любовью, и только любовью, и которая не знает ни закона справедливости, ни закона возмездия, никаких законов, кроме закона жалости и сострадания» (Анисимов)

3. *Благовещние*. «Не позже XII века». Композиция, сдержанный ритм, любовь к закругленной линии, сдержанный колорит, ценность материала, мастерство техники, тонкий вкус художника — «все до; называет принадлежность этой иконы к той художественной среде, которая черпала свои силы еще из непосредственного соприкосновения с великой византийской культурой». Русскую кисть выдает лишь «та интимная простота и непосредственная открытость ликов, которая говорит только внутреннему чувству» (Анисимов). (Москва. Успенский собор).

4. *Толгская Богоматерь*, XIII в. (Толгский монастырь под Ярославлем). Воспроизведение: Кондаков. Русская икона. II, № 9

5. *Святые Борис и Глеб*, конца XIII — нач. XIV в. «Два князя, с поднятым крестом в правой руке и опущенным мечом в левой стоят в величественной спокойной позе, в цветных шапках, отороченных мехом, в кафтанах и плащах», ткань плащей красная и синяя, заткана пышным орнаментом. Яркие краски удивительно сохранились; по строгости рисунка, прекрасной технике эта икона «одно из лучших произведений иконописи» (Макаренко) (СПб. Собрание Н. П. Лихачева).

6. Другая икона *Святых Бориса и Глеба*, того же времени и того же типа, с чертами лица еще не русскими, а византийскими; оба князя сидят на конях (Москва. Успенский собор в Кремле).

7. *Святой Великомученик Георгий Победоносец* («Чудо о змие»), на белом коне. На всем скаку, не останавливаясь, Георгий, резким поворотом в сторону змия, воткнул ему в пасть свое копьё; ярко-красный плащ трепещет в воздухе легкими складками. Икона полна жизни; конь (анатомически плохо представленный) тоже повернул голову к змию, как бы активно участвуя в борьбе; тело змия все в извивах (Москва. Собрание И. С. Остроухова). Воспроизведено в красках: Кондаков. I, № 5.

8. *Донская Божия Матерь*, XIV в.; икона сопровождала Дмитрия Донского во время похода его на Мамаю и чудотворно помогла ему одолеть врага на Куликовом поле (Москва. Кремль. Благовещенский собор).

9. *Молящиеся новгородцы*, 1367 г. (Новгород. Епархиальный Музей).

10. *Знамение Пресвященной Богородицы* (иначе: «Битва новгородцев с суздальцами»), конца XIV в. Вместе с предыдущей иконой это Дин из шедевров той поры. Икона писана в память чудотворной помощи, которую другая икона, Знамения Богоматери, оказала новгородцам, отразив от Новгорода войска Андрея Боголюбского во время битвы 25 февраля 1169 г. Для новгородцев победа над суздальским

князем имела смысл, аналогичный тому, что раньше для киевлян имели победоносные походы Владимира Мономаха на половцев, или позже для Москвы, победа над Мамаем, взятие Казани Иваном Грозным она содействовала выработке народного самосознания, укрепляя веру в собственные силы, служила опорой в години бедствий. В конце XIV в легенда ожила с новой силой: отношения к Москве сильно обострились; московские князья унаследовали враждебную политику суздальских князей, и самостоятельности Новгородской республики снова стала грозить опасность, — в такой атмосфере политических переживаний была задумана и выполнена эта икона (Новгород. Епархиальный музей). Воспроизведение иконы и ее деталей (девять раскрашенных рисунков): Древности Российского Государства, вып. III; повторено, тоже в красках, в журнале «Перезвоны» (1927), № 32.

11. *Чудо Св. Георгия*, нач. XV в., «провинциальное письмо Новгородской школы» (Русский музей). См. Кондаков, II, № 89

12. *Смоленская Богоматерь Одигитрия*, XV в. (Москва Собрание С. П. Рябушинского). См. Кондаков, I, № 7 (в красках).

13. *Св. Троица (ветхозаветная)*, знаменитая икона работы Андрея Рублева, первоклассная жемчужина древней русской иконописи. См. о ней выше (Троице-Сергиева Лавра).

14. *Голова св. великомученика Димитрия*, работа А. Рублева. Деталь иконостаса собора в Троице-Сергиевой Лавре. См.: Кондаков, II, № 54.

15. *Владимирская Божия Матерь, во Владимире*. Успенский собор во Владимире, лишившись в 1395 г. своей чудотворной иконы Божией Матери, вскоре возместил утрату притивнем, который считается тоже чудотворным. По преданию, его писал митрополит Петр еще в бытность свою настоятелем Ратского монастыря на Волини. Есть ли эта икона копия или оригинальное произведение, остается пока вопросом. Во всяком случае, если и в самом деле художник копировал, то он дал не столько «копию», сколько вольный пересказ оригинала; причем работа его значительно позднее эпохи митрополита Петра: стиль ее чисто Рублевский. «Здесь все, сверху донизу, от Рублева: холодный, голубоватый общий тон; характер рисунка; черты лица с типичной для Рублева легкой горбинкой носа; изящные руки; прекрасный силуэт всей композиции; ритм линий и гармония красок». Художник замечательно задушевно и пленительно передал „чарующую песнь материнства“. Рисовал эту икону Рублев, вероятно, в 1408 г., будучи во Владимире, что близко совпадает и со временем появления „копии“ в соборе» (Грабарь).

16. Поясные иконы *Спаса, архангела Михаила и апостола Павла*, из собора «Успения на Городе», что в Звенигороде; сильно пострадавшие (их нашли в сарае под грудой досок). «Сейчас, когда они висят на стене большого иконного зала Исторического музея, рядом с ними все тускнеет и мельчает, даже наиболее сильные и известнейшие из памят-

яков древней живописи. Их создателем мог быть только Рублев, только он владел искусством подчинять единой гармонизирующей воле все эти холодные розово-сиренево-голубые цвета, только он дерзал решать колористические задачи, бывшие под силу разве лишь венецианцам, да и то сто слишком лет спустя после его смерти» (Грабарь).

17. *Апостол Павел*, икона, помещавшаяся в старом, снятом во времена Екатерины II и ныне реставрируемом иконостасе Успенского собора во Владимире, работы Рублевской эпохи. «Это одна из самых монументальных фигур во всей древнерусской живописи, до сих пор ; нам известной, и вообще одна из ее высших точек» (Грабарь)

18. *Головы Илии, Моисея и детали иконы Преображения*, середина XV в., школы Рублева (Москва. Кремль. Церковь Спаса на Бору). См.: Кондаков, II, № 55.

I Иконы XV века, новгородского письма (без точной датировки их).

19. *Усекновение главы Иоанна Крестителя* — симметрия в замахнутом мече палача и склоненной фигуре Иоанна, безропотно торгового принять удар (Киев. Собрание А. И. Ханенка).

20. *Сретение Господне* — нежность красок; большая грация в наклоненных, одна к другой, фигурах Богоматери и Симеона Богоприимца (Собрание И. С. Остроухова).

21. *Тайная вечеря* — фигуры апостолов (правильнее силуэты ; фигур) ритмически расположены вокруг круглого стола; простого поворота голов, несложного движения рук оказалось достаточно, чтобы выразить волнение, охватившее учеников при словах Спасителя: «единый из вас предаст Меня». Иоанн, припавший к Учителю, и Иуда, потянувшийся через весь стол за хлебом, еще более усиливают впечатление (Собрание А. И. Ханенка).

22. *Тайная вечеря (причащение)* — апостолы подходят, один за другим, ко Христу, протянувшему им сосуд с вином. Прекрасно схвачено их душевное движение, сознание ими близости Бога и торжественности переживаемой минуты. (СПб. Музей императора Александра III).

23. *Архангел с поднятым мечом* — перед нами богатырь-небожитель, неусыпный и строгий, неустрашимый страж божественного закона; решительная поза, сосредоточенный взгляд говорят о большой Духовной силе. На плечах накинут ярко-красный плащ; он эффектно выделяется на фоне длинных темно-коричневых крыльев; вообще краски смелые; богатство одеяния сочеталось с его достоинством и красотой (Собрание Н. П. Лихачева).

VI. Миниатюры.

1. *Menologium* (Менологий, т. е. Месяцеслов) императора Василия Багрянородного (989—1025): 430 великолепных миниатюр на

золоте; работа конца X — начала XI в. (Рим. Ватиканская библиотека). Содержание: краткие сведения о святых, преимущественно о мучениках, что сделало Менологий своего рода мартирологией. По существу, это не есть «памятник русской культуры»: ни по технике (работа не русского художника), ни по сюжету (содержание взято не из русской жизни или русской обстановки); но Менологий послужил образцом для русских прологов (прологи — жития святых, собрания нравственных бесед, исторических сведений о церковных празднествах и пр.) и лег в основу древнерусских иконописных подлинников (Буслаев). Таким образом, *текст* Менология (конечно, не самые рисунки), будучи в переводе, занесен на Русь, стал руководством — как писать св. иконы. — «Это рукопись той эпохи, когда византийское искусство переносилось на Русь» (Щепкин).

2. Миниатюры *Остромирова евангелия*: три евангелиста. «Замечательная стильность. Это работа привычного иконописца, располагающего и умением, и опытным знанием» (Кондаков). См. ниже, отд VIII.

3. Миниатюры *Святославова Изборника 1073 года*: соединение византийско-болгарских элементов с национальными русскими, между прочим, изображение вел. князя киевского Святослава (сына Ярослава Мудрого) с женою и 5 сыновьями — первые русские портреты, писанные русским художником. «Оригинальный пошиб византийского стиля, который мы должны назвать киевским или южнорусским. Краски здесь отличаются замечательной чистотою и прозрачною», они «превосходно скомпонованы в своеобразных легких полутонах», в отличие от сухих резких фигур Остромирова евангелия, где «рисовальщик, дорожа каждою подробностью усвоенного им стиля, заботливо вычерчивает все контуры фигуры, не умея их моделировать и не понимая художественной лепки» (Кондаков). Семья Святослава воспроизведена: 1) *Прохоров*. Материалы по истории русских одежд СПб., 1871; 2) Изборник 1880 года. См. ниже, отд IX.

4. *Две миниатюры с изображением внука Ярослава Мудрого, владимири-волинского князя Ярополка Изяславича с женой и матерью*, современные (Ярополк, умер в 1085 г.): 1) Ярополк, его жена (их христианские имена Петр и Ирина) и его мать Гертруда (дочь польского короля Болеслава Храброго или Мечислава II) молятся апостолу Петру; 2) Христос во славе венчает на великокняжение Ярополка и Ирину. Писаны: по Кондакову, в пределах Польши или Галича; по Газелову, в Киеве, между 1078 — 1087 гг. Миниатюры входят в состав Латинской Псалтири, писанной по заказу Трирского епископа Эгберта (Архив города Чивидале в Ломбардии). См. • 1) *гр. А. А. Бобринский*. Киевские миниатюры XI в. и портрет князя Ярополка Изяславича в псалтире Егберта, архиеп. Трирского. «Зап. Импер. Арх. Общ.». XII (1903); 2) *Н. П. Кондаков*. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906.

5. *Миниатюры* к сочинению, на греческом языке, *Иоанна Скиязицы Куропалата* о событиях византийской истории за 811—1079 гт, в списке XIV в. (автор ум. в первой половине XII в.). Миниатюры писаны с образцов, современных автору; некоторые из них изображают печенегов, прием вел. княгини Ольги при византийском дворе и сцены из войны греков с Святославом (переговоры и свидание с ним императора Цимисхия) и с Ярославом (поход 1043 г.). (Мадрид. Национальная библиотека). Фотографии снимков имеются в СПб публичной библиотеке.

б. *Миниатюры* к «Хронике Манассии», описывающей события всемирной истории от Адама до 1081 г., в списке XIV в., в болгарском переводе с греческого языка. В числе прочих, пять миниатюр изображают: крещение Руси (1 рис.) и сцены из борьбы Святослава с болгарскими греками (осада Доростола: 4 рис.). (Рим. Ватиканская библиотека) Копии пяти рисунков, в красках, снятые художником Катарбинским, в СПб. публичной библиотеке, воспроизведены в красках же В. Стасовым: «Миниатюры некоторых рукописей». СПб., 1893. — «Промежуток времени между событиями и их воспроизведением слишком значителен; рисунки поверхностны и порою неясны» (Нидерле).

7. *Миниатюры* к «Александрии», повести о баснословных подвигах Александра Македонского; середина XIII в. Изданы в красках, фототипически, вместе с текстом. СПб., 1887.

8. *Миниатюры* к «Христианской топографии Козмы Индикопова» (см. выше: стр. 258 «Знакомство с внешним миром»); славянский перевод появился на Руси в XIV ст., а, может быть, и раньше; книга была любимым чтением наших предков. Миниатюры изданы в красках, фототипически, вместе с текстом: СПб., 1886

Примечание. Инди-ко-плов — т. е. пловец в Индию, плававший (по морю) туда.

9. *Лицевое житие святых Бориса и Глеба* (в так называемом Сильвестровом сборнике) текст — Нестора-летописца (XI в.), а миниатюры — первой половины XV ст., по-видимому, копия более древнего оригинала. Изд. «Сказания о святых Борисе и Глебе». СПб., 1860. — Сравн. Другое лицевое житие тех же святых, изданное по рукописи XV века, в фототипиях и красках, Н. П. Лихачевым (СПб Музей имп. Александра III. Собрание Н. П. Лихачева).

VII. Церковное художественное шитье.

1. *Воздух*, вышитый по заказу *Марии Тверской*, вдовы великого князя московского Симеона Гордого (сына Ивана Калиты), 1389 г. Ик Спасителя с фигурами святых и ангелов, из сохранившихся это самый ранний образец русского художественного шитья цветными релками (Москва. Музей Шукина).

2 «Суздальский воздух», с изображением таинства Евхаристии, стеганный шелками, серебром и золотом, начала XV в.; пелена длиной почти в одну сажень; назначение ее остается невыясненным (Москва. Исторический музей).

3. *Плащаница 1466 г.* «Фигуры гибкие, живые и полные глубокого движения» (Анисимов) (Новгород. Ризница Софийского собора)

VIII. Евангелия.

1. *Остромирово* евангелие, апракос,¹ на пергамене, с миниатюрами трех евангелистов (нет Матвея); орнамент геометрический; писано уставным письмом (по всей вероятности, в Киеве), в 1056—1057 гг для новгородского посадника Остромира; старательно выполненная копия оригинала восточно-болгарского происхождения; отлично сохранилось. Это драгоценный памятник для изучения древнего славянского языка, который представлен здесь в «почти ненарушенном древнейшем его строе; самые даже отклонения от требований этого строя замечательны, указывая на особенности двух наречий: одного южного, за-Дунайского, и другого северного, Русского, что для нас особенно важно. Наконец, важно Остромирово евангелие как древнейшая из доселе открытых рукописей русских, отмеченных годами, а вместе с тем написанная, по времени, очень изящно» (Срезневский). Из Новгородской Софийской библиотеки Евангелие перешло в кабинет имп. Екатерины II, где и было найдено после ее смерти (СПб. публичная библиотека) Изд. СПб., 1843 (фототипически) СПб., 1883.

2. *Архангельское* евангелие, апракос, 1092 г.; отыскалось на севере России (Москва, Румянцевский музей). Изд.: М., 1912 (трехцветная цинкография).

3. *Туровское* евангелие, апракос, XI века; писано уставом, на пергамене; сохранилось всего 10 листов (отрывок из евангелия Иоанна); открыто в городе Турове, в 1866 г. (Вильна. Публичная библиотека). Изд.: СПб., 1868.

4. *Мстиславово* евангелие, апракос, писано ранее 1117 г., для новгородского князя Мстислава, сына Владимира Мономаха. «Один из важнейших образцов древнерусской каллиграфии. Вместе с Остромировым принадлежит к числу самых красивых древних рукописей русских» (Срезневский). При Иване Грозном Евангелие возили в Константинополь для переплета. Верхняя доска филигранной работы, серебряная, позолоченная; выложена драгоценными камнями и жемчугом; много финифтяных изображений (Москва Синодальная библиотека).

5. *Юрьевское* евангелие, апракос, писано для Юрьевского монастыря в Новгороде, 1110—1128 гг.; в лист (Синодальная библиотека).

¹ Что такое *пгетпр* и *апракос*, см. выше, стр 248

6. *Евангелие* 1144 г., тетр,¹ писано в Галиции, малое 4 (Синодальная библиотека). Изд.: М., 1882-1885.
7. *Симеоново*, или *Добрилово* евангелие, писано 1184 г. дьяком Добрилою для попа Симеона церкви Иоанна Предтечи (Москва, румянцевский музей).
8. *Евангелие XIII века*, апракос; устав, с записью 1376 г (Москва Румянцевский музей).
9. *Евангелие XIII века*, апракос, на пергамене, крупным уставом, с раскрашенными заглавными буквами (орнамент: звериный, листва, плетенье) (Ярославский Спасо-Преображенский монастырь). Снимки см.: «Труды VII Арх. Съезда в Ярославле». Т. III. М., 1892.
10. *Галицкое* евангелие 1266—1301 гг. (СПб. публичная библиотека).
11. *Холмское* евангелие XIII—XIV в.; из церкви города Холма (Москва. Румянцевский музей).
12. *Поликарпова* евангелие 1307 г. (Москва. Синодальная библиотека).
13. *Книги Нового Завета*, по преданию, писанные собственноручно митрополитом Алексеем. Перевод, очень близкий к греческому подлиннику, по-видимому, действительно сделан Алексеем в бытность его в Константинополе для посвящения в сан митрополита (1354—1355), но самое письмо, вероятно, не его руки. Перевод греческого оригинала почти дословный; устранены ошибки прежних переписчиков; служил, предпочтительно перед другими списками, руководством при последующих исправлениях славянского текста Нового Завета (Москва. Кремль. Чудов монастырь). Изд. (фототипически) М., 1892.

IX. Памятники литературные.

1. *Четьи-Минеи* на март месяц, так называемая Супрасльская рукопись; кириллицей; X—XI ст., первоначально хранилась в Супрасльском монастыре.

2. *Святославов Изборник* 1073 года с миниатюрами; копия болгарского перевода (с греческого подлинника), приготовленного для болгарского царя Симеона (893—927) Перевод этот, при переписке русским переписчиком, искажен руссизмами. Содержание сборника — своего рода богословская энциклопедия: статьи исторические, По философии, риторике, литературе, в целях истолкования Св. Писания; о различных способах деления времени; многое взято из творений отцов Церкви. Сборник открыт в 1817 г. (Строевым и Калайдовичем) в остатках библиотеки, основанной патриархом Никоном Воскресенского монастыря (Новый Иерусалим, под Москвою) (Москва. Синодальная библиотека). Изд. (фотолитографически): СПб., 1880. Славянский текст с греческим подлинником напечатан: «Чтения», 1882, кн. 4 (издание не окончено).

3. *Святославов Изборник 1076 года*. Статьи наставительные и пояснительные (о посте, молитве, чтении книг и др.), между прочим, «Поучение Ксенофонта детям своим», послужившее, вероятно, образцом «Поучению» Владимира Мономаха (СПб. публичная библиотека Изд.: Варшава, 1887 и 1894. Второе издание удовлетворительнее первого).

4. *Книги служебной минеи* (за сентябрь, октябрь и ноябрь), 1095 — 1097 гг.; сохранились неполные (Москва. Синодальная библиотека) Изд.: СПб., 1886.

5. XIII *глав Григория Назианзина*¹ XI в. «Это одна из лучших древних рукописей, доселе найденных, цельная и хорошо сохранившаяся. Правписание древнее юсовое, но с признаками русского написания и притом с глаголическими буквами» (Срезневский) (СПб. публичная библиотека). Изд.: СПб., 1875.

6. *Первая Новгородская летопись*, писана уставом, на пергамене, в самом начале XIII в. Это самый древний из известных нам списков русских летописей; без начала; события доведены до 1200 г., с позднейшим продолжением охватывает события 1016—1352 гг. (Москва. Синодальная библиотека).

7. *Повесть Временных Лет по Лаврентьевскому списку* (в общезнании ошибочно называется «Лаврентьевскою летописью»). Это самый древний из дошедших до нас списков «Повести» Нестора-Сильвестра (с продолжением до 1305 года); писан частью уставом, частью полууставом, на пергамене (во второй, полууставной, половине — монахом Лаврентьем в 1377 году). Найден во Владимире на Клязьме, в Рождественском монастыре, в XVIII ст. (СПб. публичная библиотека).

8. *Повесть Временных Лет по Ипатьевскому списку* (в общезнании ошибочно именуемая «Ипатьевскою летописью»). Это второй по древности из дошедших до нас списков «Повести» (с продолжением до 1292 г.), писан разными почерками, на бумаге, конца XIV или начала XV века. Найден в Ипатьевском монастыре, что под Костромой (СПб. академия наук).

9. *Кодекс библейских книг*, содержащий в себе все ветхозаветные книги, кроме пророческих; переведены с латинского, вероятно, в 1423 г.; значит, много древнее Геннадиевой Библии 1499 г. (Москва. Румянцевский музей. Собрание Ундольского).

X. Памятники юридические*.

1. *Жалованная грамота великого князя Мстислава* (сына Владимира Мономаха) и сына его Всеволода Мстиславича, князя новгородского, новгородскому Юрьеву монастырю, ИЗО г, на владение селом, с правом дани и суда; монастырю жалуются серебряное трапезное блюдо; древнейшая из сохранившихся, в подлиннике, русских грамот, на пергамене. «Вся грамота писана золотым раствором, в котором золото (химически чистое) соединено с растительным клеем,

¶ <Который теперь невооруженному глазу кажется цвета коричневого, а под микроскопом лилового, первоначально же был, вероятно, цвета вишневого> (Срезневский). Печать из двух круглых тонких серебряных позолоченных листков, скреплявших шелковый шнурок, на котором печать была привешена к грамоте (Новгород. Юрьевский монастырь) Изд. СПб. (палеографический снимок)

2. *Договорная грамота смоленского князя* (имя его неизвестно) с Ригю и Готским берегом, т. е. с Готландом, после 1230 г.; древнейшая из сохранившихся в подлиннике договорных русских грамот; ценный памятник древнерусского права (Рига. Городской архив) \ Более ранняя договорная грамота, 1229 года, тоже с Ригю и Готландом, тоже смоленского князя (Мстислава Давидовича; ум. 1230 г.) • и почти того же содержания, сохранилась лишь в копии.

3. *Две договорные грамоты Новгорода* с великим князем Ярославом Ярославичем (обе почти тождественны по содержанию), 1264 или 1265 г.; древнейшие из дошедших до нас, в оригинале, договорных грамот исключительно русского происхождения (сравн. выше грамоту с Ригю и Готландом). (Москва. Главный Архив Мин. Ин. Дел).

4. *Славянская кормчая с толкованиями* — впервые появилась на Руси (из Болгарии) в 1270 г.; древнейшие ее списки: Рязанская Кормчая 1284 г., сокращенная (Москва. Синодальная библиотека), и кормчая Софийская; новгородская, полная, писана несколько раньше или позже 1284 года: между 1276 и 1294 гг. (СПб. публичная библиотека). Редакция Рязанская напечатана: М., 1650—1653.

Примечание. Номоканон — свод законов церковного управления и суда. Содержание этого законодательного памятника определило самое его название. Это: 1) гражданские законы, касающиеся Церкви — **Kavoveq**; 2) правила Вселенских соборов и отцов Церкви — **vojaoi**. По-русски «Номоканон» переводится словом «Кормчая», что значит: правило, кормило, руль, *направляющий* жизнь церковного общества, указывающий ему надлежащий путь. — Существуют два Номоканона, оба составленные константинопольскими патриархами (по их инициативе или под их наблюдением) 1) так называемый неполный Иоанна Схоластика (ум. 578 г.); 2) так называемый полный, знаменитого Фотия (ум. 891 г.) На Русь тот и другой перешли в славянском переводе из Болгарии. Древнейшие списки" 1) Фотиев — XII в. (Синодальная библиотека); 2) Схоластиков — XIII в. (Румянцевский музей).

5. *Сербский номоканон*, список 1305 года (на пергамене), копия с рукописи, принадлежавшей сербскому архиепископу св. Савве (ум 1268 г.); «капитальный памятник по истории Славянской кормчей» (А. С. Павлов в передаче Ключевского).

6. *Два духовных завещания* («Духовная грамота») *Ивана Калиты* 1327 (или 1328) и 1331 гг. (впрочем, обе эти даты очень спорные. См. *Пресняков. Образование Великорусского государства*, 163) по содержанию близкие одно другому; писаны, каждое, перед поездкой Калиты в Орду; первые из дошедших до нас исторических памятников этого типа; оба подлинники (СПб. Государственный архив) Первоначальное издание: «Собрание Государственных Грамот и Договоров» Т. I (СПб., 1813).

7. Такое же *Завещание Симеона Гордого*, 1353 года (там же). Первоначальное издание — там же.

А. *Три договора русских князей с греками*: Олега (907); Игоря (944) и Святослава (972). На каком языке и каким алфавитом был написан их, не дошедший до нас, текст? Высказаны разные мнения. 1) Руническими буквами; 2) глаголицей; 3) по-русски, но греческими буквами; 4) по-гречески.

Б) *Церковные уставы Владимира Великого и Ярослава Мудрого*. Они дошли до нас в редакциях поздних, искаженных, обросших дополнениями и анахронизмами; о первоначальном тексте можно только догадываться; возможно, что это даже не *уставы*, как что-либо систематическое и объединенное, а простые указания на отдельные случаи (кто и по каким делам подлежит суду епископскому; какому наказанию и в каких размерах надлежит подвергать преступника). Древнейшие списки: 1) устав Владимира — в Кормчей конца XII века (Москва. Синодальная библиотека); 2) устав Ярослава — в Соловецкой Кормчей 1593 г. (Казанская Духовная Академия).

П Р И Л О Ж Е Н И Я

**Спорные и невыясненные вопросы
русской истории**

№ 1. Прародина индоевропейцев
(к стр. 22)

По вопросу, где искать прародину индоевропейцев, наука далеко еще не сказала последнего слова: ее ищут в разных местах Азии и Европы, также на Кавказе (Пешель), в Армении (Фр Мюллер)

1 Первоначально прародину наших предков искали в *Центра чь-ной Азии*, в разных местах ее: к западу от горных массивов **Болортага** и **Мустага**, вблизи плоскогорья Памир, у верхнего Оксуса (**Аму-Дарья**) и **Яксарта** (**Сыр-Дарья**). Этого взгляда держались **Пиктэ**, **Гримм**, **Потт**, **Лассен**, **Шлейхер**, **Ренан**, **Киперт**, **Ген**, **Макс Мюллер**, **Фик**, **Говелак**, **Сейс**, **Крек** и мн. др. По времени это наиболее **ранний** взгляд. Впрочем, недавно (1913 г.) центральноазиатская гипотеза **была** снова выдвинута **Фейстом**.

2. *Европа* — по времени, гипотеза более новая и, по-видимому, имеющая более доказательств в свою пользу Ее представители* **Латам**, **Бенфей**, **Куно**, **Пеше**, **Пэнке**, **Шрадер**, **Муха**, **Шахматов** и др По вопросу: *где именно в Европе?* ответ дается тоже неодинаковый 1) Подолия и Вольнь (**Латам**); 2) на севере от Черного и Каспийского морей (**Куно**); 3) Скандинавия (**Пэнке**); 4) степи Южной **России** (**Шрадер**); 5) Германия (**Муха**); 6) Южная Германия или западные области Австрии (**Шахматов**)

См. *A. Pictet. Les origines indoeuropeennes ou les Aryas primitifs* Paris. 1878. — *Poesche. Die Arier.* Jena. 1878. — *G. Krek. Einleitung in die slavische Literaturgeschichte* 2-te Aufl. Gratz 1887 — *O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte.* 2-te Aufl. Berlin 1893 — *H. Hirt. Die Indogermanen. Ihre Verbreitung, ihre Urheimat und ihre Kultur.* 2 Bnde Lpzg. 1905-1907. — *С. Булич. Индоевропейские языки* Нов. Энц слов. Брок.—Ефр. — *Ф. А. Браун* **Первобытное население Европы.** «Беседа» Книга 1, № 1, май-июнь 1927 **Берлин**

№ 2. Как возникли наречия.
Великорусское, белорусское и Малорусское
(к стр. 27)

1. Вопрос о происхождении русского языка¹ и, в **особенности**, образования его наречий, далеко еще нельзя считать **окончательно**

¹ «Язык русский, говоря терминами родства, приходится младшим братом языку старославянскому и племянником языку литовскому» (Истрин Известия 2. отд. Акад. Наук. Т. XX (1920) С. 29).

решенным. За последнее время новую постановку дал ему покойный академик *Шахматов* (ум. 1920 г.), следя за ростом *языка и наречий* в тесной связи с ростом *народности* и возникновением его *племенных* отличий. В свои положения, однако, он постоянно вносил поправки и дополнения, и еще нельзя сказать, какой законченный вид приняли бы они, если бы смерть не прервала его работы.

В статье, помещенной в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (полutom 55-й (1899). С. 554 — 581), выходя из деления русского языка на три группы: Южную, Среднюю и Северную, Шахматов в таком виде изображает наречия Великорусское, Белорусское и Малорусское.

Великорусское наречие — составилось из Северной группы и восточной отрасли Средней группы. Само оно делится на два поднаречия 1. Северновеликорусское, *окающее*, и 2. Южновеликорусское, *акающее*. В *окающем* поднаречии различают два говора: восточный и западный — суздальско-владимирский и новгородский; в поднаречии *акающем* тоже два, и тоже восточный и западный: рязанско-тамбовский и приднепровский — в частях губерний Смоленской, Курской, Черниговской. Южновеликорусское наречие (*акающее*) некогда составляло с родственным ему наречием Белорусским одну диалектическую группу; от него оно и *аканье* свое заимствовало.

На положении политического центра Москва объединила прикнувшие к ней области, восприняла говоры (севернорусские и восточносреднерусские) и племенные черты населения этих областей, и этим путем создала свое собственное наречие, соединив в нем звуковые черты главных наречий, сталкивавшихся у ее стен. Московский говор — это говор великорусского наречия, главный и типический его представитель. Центр новой народности, великорусской, Москва положила основание государственному и общему литературному языку — русскому.

Примечание. Южновеликорусское поднаречие (*акающее*) перешло, в южном направлении, далеко за свои первоначальные пределы оно разошлось по Воронежской губ., по Земле Войска Донского, зашло в Новороссию. Это результат колонизационного движения в эти края из бассейна реки Оки.

Белорусское наречие — «это прямой потомок той ветви Среднерусского наречия, которая соседил издавна с польскими говорами и Пережила вместе с ними некоторые общие звуковые явления (*дзекание*)». Позже оно вобрало в себя еще элементы северновеликорусские и северномалорусские. «Полоцкая область объединила среднерусские Племена с некоторыми северными и южными русскими племенами в бассейнах Березины и Припяти», а «тесный союз русского ее населения

с Литвой обеспечил рост нового государства. Благодаря ему окрепла белорусская народность».

Малорусское наречие — подобно Великорусскому и Белорусскому, тоже не монолит: оно сложилось из Южной диалектической группы и, частью, из Средней. Главные племена малорусские состояли из двух групп: северной и южной. Их сочетание положило основание малорусской народности, причем, подобно тому, как «великорусская народность образовывалась в связи с политическим ростом государства в бассейне Оки, так точно начало развития народности малорусской стоит в тесной связи с государственной деятельностью Даниила (Галицкого) и его преемников: при них начало оседать население, пришедшее в бродение вследствие татарского нашествия». Эти попытки политического объединения Юго-Западной Руси и дали основу двум главным малорусским говорам: северно-малорусскому и украинско-галицкому, с центрами во Владимире-Волыньском и в Галиче. Отличия Малорусского наречия от Великорусского и Белорусского значительнее, чем различие между великорусскими и белорусскими говорами.

Те же положения высказаны Шахматовым и в статье «К вопросу об образовании русских наречий и народностей» (Ж. М. Н. Пр 1899, апрель).

«Здесь¹ А. А-ч для древнейшей эпохи предполагал распадение прарусского языка на три части: говоры южнорусские, легшие в основу малорусского наречия; среднерусские — в своей восточной ветви послужившие основой южновеликорусского наречия, а в западной — для белорусского; наконец, севернорусская часть прарусских говоров дала северновеликорусское наречие. Однако эта стройная гипотеза не удовлетворила взыскательного автора. Новые факты, накопленные диалектологией, и исторические исследования языка постепенно заставляют его углублять и изменять указанную схему. Уже в своих литографированных лекциях (СПб., 1910—11) он старается более точно формулировать высказанный раньше взгляд, «что в северном Поднепровье в эпоху общерусского единства различались три племенные группы* северная группа, отошедшая впоследствии к северу; восточная, отошедшая на восток; и западная, оставшаяся на прежних местах... Четвертую группу составляли южные племена, занявшие среднее, а затем южное Поднепровье» (19). Со временем, под давлением кочевников, восточнорусы с юго-востока стремятся в прежние свои пределы в верхнем Поднепровье и, слившись с оставшимися здесь племенами, образуют Белорусскую народность; и юж-

¹ Все дальнейшее изложено словами проф. Карского. А. А. Шахматов как историк русского языка. «Известия 2 отд. р. яз. и сл. Рос Акад. Наук». Т. XXV (1920). С. 81-82.

норусы, несколько потесненные с юга, объединив все южные племена, дают народность Малорусскую; восточнорусы и севернорусы оказывают взаимное влияние друг на друга и образуют Великорусскую народность (23). Во введении к «Очерку древнейшего периода истории русского языка» (Птр. 1915) А. А-ч уже решительно утверждает, что «общерусский праязык выделил из себя первоначально три наречия — южное, северное и восточное» (VIII). В белорусском наречии тут он видит уже не западную ветвь среднерусских говоров, а «соединение северной группы южного наречия с западной группой восточного»; да и великорусское наречие рассматривает как соединение северного наречия с восточной группой восточного наречия. В том и другом не придется усматривать ветви распавшегося общерусского праязыка, а необходимо будет признать образование эпохи, наступившей вследствие влияния одних наречий на другие в дальнейшей жизни языка. — Во «Введении в курс истории русского языка» (Птр 1916, 46) он приходит к заключению, «что прародиной русского народа была территория антов, следовательно, область между Прутом и Днестром». Отсюда анты были потеснены аварами в современную Волинскую и северную часть Киевской губернии. Эта область и стала колыбелью русского племени и русской прародиной (ib. 58). Исторические условия, вызвавшие движения среди русских племен, послужившие причиной образования теперешних наречий, и окончательную группировку их автор дает в своей последней печатной работе «Древнейшие судьбы русского племени» (Птр. 1919). Восточное славянство, когда-то зашедшее далеко на восток, в VI веке автор помещает в бассейне среднего Днепра (22), где оно очутилось под давлением авар Радимичей и вятичей, о которых летописец сообщает, что они пришли от ляхов, Шахматов заставляет двигаться в бассейн верхнего течения Днепра и к Оке, сделать что они опять были вынуждены аварами. Теперь же расширяется, по мнению А. А-ча, польское влияние на западные окраины, населенные дреговичами, радимичами и даже кривичами (38). В образовании великорусской народности приходится огромное значение тем русским племенам, которые под властью хазар жили на юго-востоке Руси, в бассейне нижнего течения Дона и Азовского моря, и двинулись отсюда на северо-запад под давлением полчищ печенегов и половцев. Язык их уже называется восточно-русским или степным (64). Так постепенно складывался взгляд А. А-ча на распад общерусского пранарода и его праязыка на взаимоотношение русских племен и их языка, на образование теперешних наречий».

П. История *наречий* есть, одновременно, и история образования тех *народностей*, которые говорят этими наречиями. Образование отдельных *ветвей* русской народности *Нидерле* представляет в таком виде:

1. Русская народность, первоначально единое целое, дробится на три ветви: Западную, Южную и Восточную.

2. Восточная ветвь (ее места: Припять и средний Днепр), в свою очередь, дробится на две группы: Северную и Южную.

3. Северная группа тянется на Север и Северо-Восток (верхний Днепр, Ильмень и верхняя Волга); Южная группа — к Югу и Юго-Востоку (Черное море и Дон).

4. Несколько позже дреговичи и радимичи (главным образом они), соседи поляков, подвергшиеся, в языке, влиянию польской речи, вклинились в Восточную ветвь, образовав между ее Северной и Южной группами, до той поры смежными, чересполосицу, нейтральную зону. Из этой-то нейтральной зоны выросла впоследствии *Белоруссия*.

5. Новгородские славяне и кривичи (Северная группа Восточной ветви), вобрав в себя некоторую часть Центральной зоны, положили основание *Великороссии*.

6. Южная ветвь дала основу будущей *Малороссии*.

7. Впоследствии, отчасти уже на глазах истории, эти три отпрыска русской народности: Белорусская, Великорусская и Малорусская, испытали на себе влияние примеси этнически чуждых ей литовских, финских и тюрко-татарских элементов (Niederle. Manuel de l'antiquite Slave. Tome I. P. 1923. p. 230-231).

III. Иную группировку русских племен предлагает *Спицын* (Расселение древнерусских племен по археологическим данным. Ж. М. Н. Пр. 1899, август, 301—304. Карта к этой статье в «Записках Р. Арх. Общ.». Т. XII. С. 407). Материалом для суждений автору служат данные курганных раскопок. Курганы данной местности отличаются от других большей или меньшей высотой насыпи, устройством погребальных камер; присутствием или отсутствием погребального костра; предметами, там находимыми: их разнообразием, ценностью, степенью искусства, с каким они были выделаны, и т. д. На основании этих отличий автор делит древнерусские племена на три большие группы:

1. *Юго-Западная*: 1) Воляняне; 2) Поляне; 3) Древляне - на юге; 4) Дреговичи — на севере; 2. *Северная*: 1) Новгородцы; 2) Кривичи: псковские, полоцкие и смоленские; 3. *Восточная*: 1) северяне, 2) Радимичи; 3) Вятичи (321, 327, 331).

«Летописи не говорят о существовании особого русского племени — Ростовского. Да его и не было. Была лишь Муромо-Ростовская область со смешанным русским населением, своего рода сибирская украинна» (334 — 335); причем «ядро населения Ростовской области составили новгородцы и кривичи» (336).

Примечание. «Как о местоположении, так и древностях уличей и тиверцев не имеем никакого понятия» (325).

Выводы:

1 «Все показания летописи о расселении древнерусских племен вполне совпадают с археологическими наблюдениями. В собственно русских древностях (главным образом XI века) намечается столько же археологических типов и районов, сколько летопись перечисляет древнерусских племен. Географическое положение этих районов соответствует указаниям летописи о местах расселения племен каждого в отдельности» (338 — 339).

2. «Группировка древнерусских племен, представленная разысканиями филологических (Шахматов. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. Ж. М. Н. Пр 1899, IV) не совпадает с группировкою на основании данных археологических. У нас в первую группу входят волыняне, древляне, поляне и дреговичи, во вторую — кривичи с новгородцами и ростовцами, в третью радимичи и вятичи под главенством северян. По схеме академика Шахматова первую группу (малоруссы) составляют волыняне, тиверцы, древляне, поляне и северяне; вторую (белоруссы) дреговичи, радимичи и вятичи; третью (великоруссы) кривичи и новгородцы. По культурным данным XI века, радимичи и вятичи обособлены от дреговичей; сами дреговичи далеко не составляют какого-либо культурного центра и целиком примыкают к своим южным соседям. Вообще, археологические изыскания не видят в XI веке особого белорусского племени, если не считать таковыми радимичей и вятичей, на что вряд ли мы имеем основание» (339).

Литература. Сверх указанного см. еще:

Срезневский. Мысли об истории русского языка. СПб., 1849, изд. 2-е. Это «общий очерк развития русского языка сравнительно с другими славянскими языками» (Шахматов). — *Житецкий.* Очерк звуковой истории малороссийского языка. Киев, 1876 — *Соболевский.* Очерки из истории русского языка. Киев, 1884. — *Крымский.* Филология и Погодинская гипотеза (Киевская Старина. 1898, № 6), сторонник обособленности малорусского языка, со ссылками (в подтверждение своего мнения на Миклошича, Даля, П. Лавровского). — *Шахматов.* Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк отношений развития литературного языка. История русской литературы до XIX в. Под ред. Грузинского. Т. I. С. 39 — 63 (1916). — *Он же.* Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка. «Украинский народ в его прошлом и настоящем». Т. П. С. 664 — 707. — *Булич.* Малорусское наречие. Энци. слов. Брокг. — Ефр.; полут. 36 (1896); указана литература. — *Он же.* Белорусское наречие. Нов. Энци. слов. Т. VIII; указана литература (по 1912 г.). — *В. М. Лянунов.* Единство

русского языка в его наречиях. Одесса, 1919. — *A. Meillet. L'introduction a l'etude comparative des langues indoeuropeennes.* P. 1903.

№ 3. Что такое Россия: часть ли Европы
или особый мир — Евразия?
(к стр. 45)

1. За последнее десятилетие, непосредственно вслед за мировой войною, возникло новое учение — *евразийство*. Это учение ломает в корне сложившееся и ставшее общепризнанным представление о России, как о составной части Европы. Оно отламывает от Европы так называемую «Европейскую Россию», видя в ней не равнину *Восточной* Европы, а продолжение или завершение тех равнин, что географически лежат к востоку от нее, т. е. (по «старой» терминологии) в Северной и Средней Азии. Если нет «Европейской» России, то нет и «Азиатской»: можно говорить лишь о России «Доуральской» и «Зауральской», причем сам Урал, горный хребет, в силу своих орографических и геологических особенностей, «не только не разъединяет, а, наоборот, теснейшим образом связывает» ту и другую.

2. Обычное представление об Азии и Европе, как о *двух* особых географических мирах, евразийское учение отмечает и говорит: материк Старого Света («Азия» и «Европа») включает в себе не два, а *три* особых географических мира: Европу, *Евразию* и Азию.

а) Европа — это «Европа» старой терминологии без «Европейской России».

б) Евразия — это та обширная пустынно-степная полоса, что тянется от нынешней Восточной Галиции до Китайской стены к северу от Черного моря и ирано-тибетских нагорий, и географические пределы которой приблизительно совпадают с недавними политическими границами Российской империи.

в) Азия — на этот раз «бесспорная» Азия — это система восточных, юго-восточных и южных периферий Старого Света: Япония, Застенный Китай, Загималайская и Заиндукушская Индия, Иран (в пределах нынешней Персии) и так называемая «Передняя Азия» Сюда же, к Азии, евразийцы зачисляют и Русский Дальний Восток («как совокупность стран, лежащих восточнее 90° восточной долготы от Пулкова»).

3. Таким образом, географическую основу Евразии составляет *континентальный* массив Старого Света. Географический характер Евразии всецело *материковый*.

4. Природа разделила Евразию на *четыре* параллельные зоны' 1) пустыню; 2) степь; 3) лес и 4) тундру. Зоны эти сплошными полосами залегли и горизонтально протянулись с юга на север, на-

подобие четырехполосного флага с горизонтально распределенными полосами.

Этой горизонтальности зон в Европе не наблюдается. Зональное сложение Европы мозаичное, дробное.

5. Дело, однако, не в одних только географических *границах* Евразии, но и в ее географической *цельности*: географический мир Евразии отличен одинаково как от географического мира Европы, так и от географического мира Азии.

6. Евразия не только особый географический мир, но и особый мир *исторический*. На пространстве Евразии развертывалась и разворачивается вся русская история. Евразия служила месторазвитием особого культурного типа — евразийского. Общие черты евразийской культуры всецело зависели от *места*, где она проявлялась и развивалась, а не от генетической близости народов, бывших носителями этой культуры. Скифы, хотя и были по происхождению родственны персам, однако свой культурно-государственный уклад они выработали отличный от уклада персидского, но близкий к типу позднейшего хазарского царства или татарской Золотой Орды, и это потому, что месторазвитие в первом случае было различное, а во втором одно и то же.

7. Вот почему русский исторический процесс есть часть евразийского исторического процесса, одна из глав большой книги, имя которой — Евразия.

8. Что же касается самой «книги», т. е. до истории Евразии в ее целом, то она проявляет постоянную тенденцию к передвижению политического центра с *Востока* на *Запад*. Этому закону подчинена и история России — Евразии, как составной части истории Евразии (в противоположность тому, что утверждают не-евразийцы, для которых «история России» есть постепенное, хотя и вынужденное, Движение с *Запада* на *Восток*).

9. В истории Евразии последователи евразийского учения указывают на три важнейших объединительных движения:

а) Монгольская держава (Чингис-хан и его династия): XIII — XIV вв. Она объединила почти весь континентальный массив Старого Света (⁹/₁₀ его), превратила его в настоящую *Монголосферу* и создала, по территориальному протяжению своему, величайшую державу, известную истории.

б) Держава Тимура (Тамерлана) — на грани XIV и XV вв.

в) Москва с XV века, Петербург в XVIII — XIX вв. Россия новых веков родилась в лоне монгольской державы и стала ее наследницей.

10. Навстречу и наперерез этому евразийскому потоку, к западному географическому пределу Евразии, двигались с юга (со стороны Византии) и с запада (со стороны Европы) «элементы культурной традиции западной части Старого Света». Там, где они столкнулись с движением евразийской политической объединительной традиции - «образовался российский политико-культурный объединительный узел».

Литература: 1) П. Н. Савицкий. Россия особый географический мир. 1927. Подробнее на ту же тему, он же: «Географические особенности России». 1927. 2) Он же. О задачах кочевниковедения (почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?) Приложение к книге Н. П. Толля: Скифы и гунны. 1928. 3) И. Р. Наследие Чингис-хана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин, 1925, первые две главы

Противоположного взгляда на Евразию держится Б. Н. Одинцов «Евразия» не есть особый, замкнутый в самом себе географический мир; объяснить целостность этого мира наличием четырех ботанических зон (тундра, тайга, степь, пустыня) и симметрией и периодичностью в смене их нельзя хотя бы уже потому, что количество этих зон в России колеблется от двух до четырех, «между тем только при условии наличия на всем протяжении России всех четырех зон и отсутствии их в остальных частях Европы и Азии можно было бы утверждать, что Россия «являет в своих изменениях образ замкнутого круга». Неубедительны и все рассуждения о симметриях, так как с выпадением хотя бы одной из зон симметричность нарушается»

Наоборот, ряд существенных фактов указывает, что «Россия тесно связана рядом переходов с Западной Европой и не представляет сама единства в отношении любого из естественно-исторических явлений. Далеко не вся Россия обладает равнинным характером, и не вся Западная Европа покрыта горами... Медленное и равномерное изменение температуры и влажности на равнинах России не является ее исключительной особенностью, а наблюдается и в Западной Европе повсюду, где нет гор... В отношении температурных условий Европейская Россия также связана непрерывной цепью переходов с Западной Европой. Подобно тому, как Западная Европа внедряется в Европейскую Россию своими лесами, Россия вторгается в Европу своими степями, которые непосредственно распространяются в Румынию, Галицию и Венгрию».

Вообще, «не только в климатическом, но и в ботаническом, и почвенном отношениях Европейская Россия и Западная Европа имеют много общих черт, почему и нельзя рассматривать их как особые

географические миры. Занимая обширные пространства в Европе и Азии, Россия сама не представляет однообразия по климату, растительным сообществам и почвенным типам. В климатическом отношении отдельные области России отличаются друг от друга сильнее, нежели любые части Западной Европы от Европейской России... Степи Европейской и Азиатской России, имея много общих черт, обладают целым рядом существенных различий.. Почвы Европейской и Азиатской России обладают многими несходными признаками и существенными особенностями их генезиса.. Различие в климате, растительности и почвах в разных частях России больше, чем между Западной Европой и Европейской Россией».

Заключительные слова автора: «Европейская и Азиатская части России связаны как друг с другом, так и с остальными областями Европы и Азии постепенными переходами климатических и других физико-географических условий и составляют неотъемлемую часть Единого материка» (Пределы Евразии. Русский Народный Университет в Праге. Научные Труды. Т. II (1929). С. 152-164.

Новое доказательство справедливости своей теории евразийская школа видит в характерной особенности, присущей языкам вообще всех народов, населяющих территорию Евразии, — в существовании твердых и мягких согласных, отличающихся одни от других лишь по тембру, по выговору. Таковы в русском языке твердые согласные р, л, н, м, д, т, з, с, б, п, в, ф и соответствующие им мягкие: рь, в. ль, нь, мь, дь, ть, зь, сь, бь, пь, вь, фь. Примеры:
 і быт — быть, бит — бить, мат — мять, мыл — мыль, мил — миль,
 вес — весь, пилу — пилю, волна — вольна, горка — горько, стенка — Стенька.

Эта особенность свойственна не только русскому языку, но «и другим языкам Евразии — от самоедского, бытующего на берегах Северного Ледовитого океана, до кара-киргизского, занимающего горные степи Памира, и от наречий Подкарпатской Руси до монгольских Диалектов Ордоса (область великой китайской стены)». (Евразия в свете языкознания. Изд. евразийцев. 1931).

№ 4. Прародина славян

(к стр. 60)

Вопрос о прародине славян имеет громадную литературу. Гипотез, Догадок всякого рода, высказывалось много. Целый ряд ученых выводят славян со Среднего Дуная, с южных склонов Карпат; видели их в Германии, между Эльбой и Вислой; на Балканах, в Италии, на побережье Адриатического моря, даже в Бретани, в Пиренеях, Греции и Малой Азии. Новейший свод этих гипотез см. у Нидерле в его 1) «Slovanske Starožitnosti Oddíl I. Svaz. I. IV». 2) «Manuel de l'An-

tiquite Slave. Tome I. Paris. 1923». Интересующийся вопросом найдет там ценную руководящую нить: указание на литературу и изложение самих мнений. Выводы Нидерле приняты нами и внесены в текст книги. Здесь мы ограничимся немногим, остановившись главным образом на гипотезе Шахматова, как выдающегося русского ученого, к тому же резко разошедшегося в своих домыслах с построениями других исследователей.

P.J. Šafárik. Slované starofitnosti, v Praze. 1837; р пер Боянского: «Славянские древности». М., 1848, 2-е изд. Два тома Прародину славян Шафарик видит в Среднем Дунае и в Прикарпатье «Нам ничего больше не остается, как только признать, что (следуя древнейшему отечественному преданию, сохраненному Нестором) древние славяне в незапамятное время были вытеснены кельтами или влахами из Подунайских земель и что значительная часть их удалась за Карпаты к родственным себе народам». Хотя сказание Нестора еще нуждается в подтверждении, но можно признать, что оно основывалось на действительном событии (Т. I. С. 394, 398, 405). «Уже на самом рассвете Североевропейской истории, лишь только первые лучи бледного света ее начинают озарять Пред- и Закарпатские края, мы находим ветви славян под именем венедов от моря Адриатического до Балтийского, от Одры по Днепр» (Т. I, кн. II. С. 409)

По следам Шафарика идут: *Беляев*. Русская земля перед прибытием Рюрика в Новгород. Временник Общ. ист. и др. Рос VIII (1850). С. 4; *Бестужев-Рюмин*. Русская история. Т. I. С. 2 (автор опирается, кроме того, на топографическую номенклатуру Надеждина); *Ключевский*. Курс русской истории. Т. I. С. 126; *Голубовский*. История Смоленской земли. Киев, 1894. С. 42.

Шахматов прародину славян ищет на побережье Балтийского моря, от низовья Немана до низовья Западной Двины. См. Шахматов¹

1) К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях Известия отд. р. яз. и сл. Рос. Акад. Наук. 1911, №№ 9, 10, - 2) Очерк древнего периода истории русского языка. СПб., 1915. - 3) Древнейшие судьбы русского племени. СПб., 1919. Его взгляд можно передать в такой схеме:

1. Славяне с незапамятных времен живут у Балтийского моря, составляя одно целое с семьей балтийских народов (литва, латыши).

2. Несколько веков спустя это единое целое распадается на две самостоятельные группы: Славянскую и Балтийскую. Они продолжают жить на прежней территории, занимая: Славянская группа — западную ее половину, Балтийская — восточную. Славяне в эту пору соседят на западе с племенами германскими. К юго-востоку от них, занимая Поднепровье и Полесье, живут финны. Побережье Балтийского моря было *первою* прародиной славян.

3. Появление в Южной России Иранского племени отбросило финнов к северу, где их соседями с юга оказались сперва скифы, а потом сменившие их сарматы.

4. В Повислинье издавна жили венеды. В противность установившемуся в науке взгляду, Шахматов видит в них не славян, а кельтов. Этим венедов сменили пришедшие с севера готы, а когда и готы, в конце II или в начале III века, покинули Повислинье, то туда двинулись славяне и заняли их места. Повислинье, вплоть до Карпат, стало *второю* их прародиной.

5. Появление гуннов (375) кладет конец державе готов: последние уходят на Балканский полуостров. Недолго на местах готов удержались и гунны. Падение Гунской державы в середине V века открыло дорогу славянам на юг.

6. В Повислинье как раз к этому времени произошло первое дробление славян¹ часть их (предки Западных славян) осталась на месте, а остальные передвинулись на восток и юго-восток, на покинутые готами и гуннами места, к Дунаю и границам Византийской империи. Это случилось в VI, самое раннее, в конце V века.

7. В начале VI века в области нижнего Днестра и нижнего Дуная происходит новый распад: на словен и антов. Словене (εκxxxητjvoι Προκοπια), предки болгар, сербов, хорват, словинцев, переходят на Балканский полуостров; Анты (Ἀντοι), предки русского народа, устраиваются меж Днестром и Днепром, по нижнему течению этих рек, доходя вплоть до Черного моря, и уже отсюда двигаются на север к Днепру и Десне (недаром же эту последнюю реку они называли *Десною'* будучи *левым* притоком Днепра, Десна, для славян, шедших с юга, лежала *вправо* от их пути).

8. В 558 году появляются авары и подчиняют себе антов.

9. В 799 году Аварская держава разрушена Карлом Великим.

10. Изгнанные из Паннонии авары обрушились на дулебов, потеснили их (летопись, «примучиша дулебы») и, двигаясь по направлению к востоку и северо-востоку, заставили два ляхских племени, радимичей и вятичей, перейти на восток и осесть в Белоруссии и далее, в бассейне верхней Оки, у Волги. Сюда же, несколько позже, пришли и русские племена, поглотили их, зато сами подверглись, лингвистически, их влиянию, сохранив ляхские следы в своем языке (наречии).

И. Северяне и вятичи колонизуют средний и нижний Дон, проникая на берега Азовского моря (Гмутаракань).

12. Тогда же, в XVIII ст., юго-восточные русские племена подпадают под власть хазар, а на севере появляются скандинавы. С этой поры начинается «исторический» период русской истории.

Ильинский. Проблема праславянской прародины в научном освещении А. А. Шахматова. Известия отд. р. яз. и сл. Рос. Акад. Наук Т. XXV (1920), в корне оспаривает построение Шахматова ни лингвистический материал, привлеченный Шахматовым, ни этнографи-

ческая среда, как он понимает ее, ни показания классических писателей не подтверждают, по мнению Ильинского, этого построения. Правильнее утверждать, что в непрерывной тяге к морю славяне продвинулись из Прикарпатского края «так далеко, что финны принуждены были отступить перед ними на восток, а балтийцы частью на юго-восток (ятвяги), частью же на север (литовцы), частью на северо-запад (прусссы). В II в. по Р. Х. славяне уже были хозяевами юго-восточных берегов Балтийского моря, которое поэтому Птолемей не напрасно называет «венедским», т. е. «славянским». Что же до картины, нарисованной Шахматовым, то «она передает действительность в совершенно ложном освещении» (436).

Также в самых основах расходится с Шахматовым и Бузу к, «Взгляды акад. Шахматова на доисторические судьбы славянства. Известия отд. р. яз. и сл. Рос. Акад. Наук. 1918 года (СПб., 1921) Т. XXIII, кн. 2.

Нидерле — в последнем выпуске своих «Славянских Старожитностей» (отд. I, вып. IV, 1925 г.) продолжает оставаться на своей прежней позиции. Где сидели славяне во 2-м или 3-м тысячелетии до Рождества Христова — можно лишь гадать; но в первом тысячелетии до Р. Х. они сидели на Висле, и то, что Шахматов называет их «вторую» прародиной, была их *первая* (и единственная) прародина. Таким образом, колыбель славянства — область вислинско-днепровская. Точно так же, в противность Шахматову, Нидерле утверждает, что задолго до прихода готов в места нынешней России — там уже сидели славяне и что они не пришли туда лишь в III или IV ст., но раньше, еще до них. Восточные границы славянской прародины доходили до Днепра и Десны, и славяне еще до Р. Х. двинулись по Днепру на север и юг. Тем не менее, поэтому, может быть, принято мнение Ростовцева, будто славяне заняли бассейн Днепра лишь в V—VI ст., после ухода готов. Центром прарусских славян был бассейн Днепра с нижней Припятью и Десною. Здесь была колыбель России.

В частности: данные филологии убеждают Нидерле, что праславяне первоначально с финнами не соседствовали, но были отделены от них полосой литовских поселений, которую впоследствии прорвала старая Русь.

Оспаривая Пича (J. L. Pif. *Starozitnosti zieme feske*, прародину славян он определяет между Лабой и Вислой), Самоквасова (Северянская земля. М., 1908), Филевича (Угорская Русь и связанные с нею вопросы и задачи русской исторической науки. Варшава, 1894 — Очерк Карпатской территории. Ж. М. Н. Пр., 1895 — История Древней Руси. Варшава, 1896), Нидерле говорит: славяне не вышли из страны готов и даков (Самоквасов), археологические доводы Пича (равно как и лингвистические Шахматова) о появлении славян на Днепре лишь после ухода готов, неубедительны (стр. 7—15).

Rostafiński. O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie slowian w przedhistorycznych czasach. Sprawozdanie Akad. Um Wydział histor-filozof. Krk. 1908, находит прародину славян в бассейне Припяти и далее на восток.

J. Peisker. Neue Grundlagen zur slavischen Altertumskunde. Stuttg 1910, опираясь на результаты ботанико-географических исследований Ростафиньского (праславяне не знали у себя на родине дерева *бук*), определяет прародину славян в русско-польском Полесье (бассейн Припяти, от Бреста на восток, бассейн верхнего Немана и нижней Березины). Нидерле (Слав. Старож., отд. II, вып. I. С. 37—38) оспаривает этот взгляд: сам де Ростафиньский, хотя и включает Полесье в первоначальные места славян, но, кроме него, указывает также и на области, лежащие восточнее: на верхнее течение Десны и Сейма. Полесье же, и в настоящее время обильное громадными болотистыми пространствами, малонаселенными и мало удобными для жизни, в ту пору, вероятнее всего, являлось сплошным озером.

В другом, более позднем труде (J. Peisker. Kdo byli naši predkové a co jsme po nich v sobě zdělili, v Praze 1921), Пейскер развивает далее свои мысли: в болотах Припятского края славяне не знали ни земледелия, ни скотоводства; они жили рыболовством и возделывали растение *glyceria fluitans*, зернами которого питались. Долговременное существование под игом германским и тюрко-татарским внесло существенные этнические перемены и наложило отпечаток на самый характер славян, воспитав их в раболепстве и трусливости, лишив чувства патриотизма. Взгляд Пейскера нашел себе суровую оценку в лице Л. Нидерле, беспощадно («это все одни фантазии») разбивающую его доводы и соображения (L. Niederle. Des théories nouvelles de Jan Peisker sur les anciens slaves. «Revue des études slaves». II. faktet 2. 1922).

См. еще: *Rozwadowski* Kilka uwag do przedhistor stosunków Wschodniej Europy Rocznik Slawistyczny VI (прародина: бассейн Западной Двины, вплоть до озера Ильменя). — *Janko*. O pravěku slovan-ském. v Praze. 1912. — L. Niederle, статья в «Ceský Casopis historický». 1915, вып. I (разбор новейших теорий). — *J. Mikkola*. L'avance des slaves vers la Baltique. «Revue des études slaves», t. I (1921). — Ф. А. Браун. Варяги на Руси. «Беседа», кн. 6/7. Берлин, 1925.

№ 5. Каким бытом жили русские племена в середине IX века?
(к стр. 67)

В тексте (см. выше, стр. 67) было сказано, что русские славяне жили в середине IX века общинным бытом; что черты родового и задружного быта сохранились лишь в обломках, нехарактерных для тогдашнего общественного строя. Однако такое мнение еще нельзя

считать общепризнанным: одни ученые утверждают, что история застала русские племена в указанную пору живущими бытом родовым, другие — бытом задружным. Сжатое изложение взглядов Шлецера, Карамзина, Эверса, Соловьева, Сергеевича, Лешкова, Чебышева-Дмитриева, Леонтовича, Кавелина, Забелина, Никитского (а также данные о задруге) дает *Самоковсов*. Древнее русское право. М., 1903 С. 160—165, 176—185 (или «Курс истории русского права», изд 3-е М., 1908. С. 166—174, 180—190). Свод мнений о первоначальном быте славян в русской литературе дают: 1) *Собестианский*. Учение о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян. Харьков, 1892; 2) *Максимович*. Учение первых славянофилов Киев, 1907; 3) *Сторожев*. Киевская Русь. М., 1910.

/ . Теория родового быта

Впервые мысль о том, что история застала русские племена еще в период их родового быта, была брошена Эверсом.¹ Усвоенная Рейцем, она возведена была в стройную систему Соловьевым³ и Кавелиным.⁴ Точкою опоры служили им слова летописца: «И живяху кождо с своим родом и на своих местах, владеюще кождо родом своим». Отсюда делался вывод: у русских славян род был первичною формою общежития; община же развилась из рода уже на глазах истории; вече поэтому было собранием родоначальников. Соловьев и Кавелин не сходились лишь в частностях, в понимании тех этапов, какие прошел родовой быт уже в позднейшую пору. Соловьев 1) Кровный род, где семья отсутствует; 2) Территориальная община (с семьею); 3) Государство. Кавелин: 1) Такой же кровный род, без семьи; 2) Родовая община; 3) Государство. Соловьев высказался в своих диссертациях и в основном труде — «История России», Кавелин — в разборе (этих) сочинений Соловьева и Терещенка, а также в самостоятельной статье: «Взгляд на юридический быт древней России».

¹ G. *Ewers*. Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtl. Entwicklung dargestellt. Dorpat. 1826, р. пер. Платонова: «Древнейшее право Руссов». СПб., 1835.

Al. v. Reutz. Versuch u^{ber} die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats- u. Rechts-Verfassung. Mitau. 1829; р. пер. Морошкина. «Опыт истории российских государственных и гражданских законов» М., 1836

* Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846. — История отношений между князьями Рюрикова дома. М., 1847. История России Т. I. — Начала Русской земли. «Сборник государственных знаний». Т. I (1877) и в «Сочинениях». СПб., 1882.

⁴ Сочинения Кавелина. М., 1859 и СПб., 1897 (перепечатки статей из «Отечественных Записок» и «Современника» 1848—1851 гг.).

Что община выросла из рода («патриархальная община») утверждал и Чичерин.¹

В направлении Соловьева и Кавелина пошел и Забелин,² но он различал быт патриархальный от собственно родового, *братского*, как он называл его, и, кроме того, подчеркивал значение *города*. Род, по Забелину, пережил две эпохи: родовую патриархальную и родовую братскую: в первой вся власть принадлежит отцу — неограниченному владыке; между отцом и детьми абсолютное неравенство, на родовой братской ступени — власть в руках старшего колена братьев, отношения между родственниками напоминают союзнические между ними господствует братское равенство.

Другой вариант родовой теории дал Никитский:³ он выдвинул идею фиктивного (искусственного) рода, притом тоже прошедшего через две ступени. 1. Простой род — «добровольный союз лиц, основанный на предположении родства между союзниками, живущими на одной земле и управляемыми предполагаемыми родоначальниками». 2. Сложный род — союз простых родов на тех же началах. Таким образом, фиктивный род не есть ни естественный род, ни территориальная община.

Тоже искусственным родом объясняет наш древний быт и Хлебников.⁴

///. Теория общинного быта

С защитой общины как первичной формы общежития в историческую пору выступил Константин Аксаков.⁵ Оспаривая положение Соловьева (История России. Т. I), он доказывал, что к середине IX века родовый быт русскими племенами был уже изжит; что он распался прежде, чем эти племена успели занять те области, на которых их застаёт история; что основа кровного родства, будучи уже пережита, была заменена основой территориальной общины —

¹ Б. Н. Чичерин. Обзор истории развития сельской общины в России. Р. Вестник. 1856, кн. I; перепеч.: «Опыты по истории русского права» М., 1859.

² Домашний быт русских цариц. М., 1872. История русской жизни Т. 1-й.

³ Теория родового быта в Древней Руси. Вестник Европы 1870, август; Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873, гл. I.

⁴ Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872.

⁵ О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности. По поводу мнений о родовом быте. «Московский Сборник». 1852 г., позже, в более полном виде, в «Поли. Собр. сочинений К. С. Аксакова». Т. I. М., 1861 и (2-е изд.) 1889.

совместным сожительством на одном определенном месте, и что поэтому к середине IX века русские племена жили бытом **СЕМЕЙНЫМ** и **ОБЩИНЫМ**.

Слова летописца: «И избрашася три братья с роды своими» дают Аксакову основание к следующему выводу: «Невозможно вообразить, чтобы эти три брата были три родоначальника. Во всяком случае, при родовом быте не могли бы быть они родоначальниками. Нельзя предполагать, чтобы у каждого был свой род, ему подчиненный; это невозможно, ибо это были братья, следовательно, род у них был один». И далее Аксаков замечает: «Мы говорим **двоюродный брат**. Что значит **двоюродный!** Здесь мы легко открываем двойное (т. е. двойственное) число: **двою роду**, т е **двух родов**, т е **двух семей**. Брат родной значит брат одной семьи, односемейный, брат двоюродный — брат двух семей, дву-семейный — что так и есть».

Соловьев парировал удары Аксакова в обширном 52-м примечании при втором издании первого тома своей «Истории»; спорного вопроса он коснулся (но только **КОСНУЛСЯ**) и в полемической статье «Шлецер и антиисторическое направление».¹ Аксаков выступил против этой статьи и, подвергнув внимательной критике примечание 52-е, продолжал защиту теории семейно-общинного быта.²

Параллельно этой литературной дуэли велась и другая — между Чичериным и Беляевым. Первоначально Беляев полагал, что русские племена «развивались не в одно время, не в одинаковой степени и не в одних формах»: у одних племен он находил быт родовой, у других совмещение общинного с родовым при преобладании первого начала, у третьих — формы только одного общинного.³ Однако вскоре он признал третью форм[^]у — исключительно общинную — за общую всем племенам русским. Общинный быт по племенам полнее всего прослежен в его «Лекциях».⁵

¹ Русский Вестник. Т. XIII, 1856, апрель.

² К. Аксаков. Замечания на статью г. Соловьева: «Шлецер и антиисторическое направление». Русский Вестник. 1857. Т. III и Полное Соч. Соч.

[^] Беляев И. Д. Русская земля пред прибытием князя Рюрика в Новгород. Временник Общ. ист. и др. Рос, кн. VIII (1850).

⁴ Отзыв о книге Лешкова: «Русская беседа», 1858, кн 12 и Отчет о третьем присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1859.

⁵ Беляев. Лекции по истории р. законодательства. М., 1879; первое, но, при всех его недостатках, лучшее издание. Сравн. его же: Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в р обществе. «Русская Беседа». 1859 и отд. М., 1860.

Статья Чичерина (см. выше, примеч. 5) вызвала отповедь со стороны Беляева.¹ Она не осталась без ответа; своим возражением Чичерин вызвал новое выступление Беляева в печати.² В защиту общинной теории написана и книга Лешкова: автор исходил из понятия верви, в которой видел «географическую общину и первичную форму общественной жизни нашего народа».

Детальный анализ значения слова род дал, в духе аксаковской школы, Сергеевич;³ однако в последующих своих трудах он не счел нужным повторить его.⁶ Согласно с Сергеевичем, критикует родовую теорию и Самоквасов.⁷

///. Теория задружного быта

Задругу Леонтович (Ж. М. Н. Пр. 1874, № 7; см. ниже) определяет так: «Задруга — союз лиц и семей, живущих на одном огнище (оседлости), одним или несколькими домами (дымами); союз, связанный не столько кровным единством, сколько связями территориальными и экономическими, сожительством на одном огнище, семейном участке земли, бывшей в общем обладании общины. Такие ассоциации земледельческие управлялись автономически, по общей думе, совету, уговору и наряду, под ближайшим заведованием отца или выборного

¹ О белой земле и о составе древнерусских общин по поводу сочинения г. Чичерина. «Русская беседа», 1856, кн. I.

² Еще о сельской общине. Ответ г. Беляеву. «Русский Вестник». 1856, июль, кн. 2-я (перепеч. в «Опытах»).

³ Еще о сельской общине. «Русская Беседа». 1856, кн. II.

⁴ Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII в. М., 1858.

См. еще: *Соловьев*. Спор о сельской общине. «Русский Вестник». 1856, VI. — В «Современнике», 1858, № 7 было напечатано извлечение из книги барона Гакстгаузена, «открывшего в России общину»: Studien über die inneren zustände des Volksleben und insbesondere die ländliche Einrichtungen Russlands. 3 Theile. Berlin. 1847 — 1852. Позднейшая работа* *Л. Ефименко*. Крестьянское землевладение на Крайнем Севере, 1884

Спор о сельской общине изложен (разумеется, в субъективном освещении) одним из участников его; см.: *Б. Н. Чичерин*. Воспоминания Москва сороковых годов. М., 1929. С. 262 — 276.

⁵ *Сергеевич В. И.* Вече и князь. М., 1867.

⁶ *Р.* Юридические Древности. Т. II, вып. I. Зато здесь внесена Дополнительная глава «Княжеские отношения и порядок преемства столов точки зрения теории родового быта».

⁷ Заметки по истории р. государствоустройства и управления. Ж. М. Н. Пр. 1869, ноябрь. См. *его же*: История р. права. Т. I. Варшава, 1878.

старшины». «Равноправие и солидарность всех членов общины было основным началом задружного устройства» (№ 7, 138—139).

Путем брака или по уговору, в задругу могли входить и чуждые между собою семьи, и отдельные лица. «Задруги, соединенные пространственно, сводились общими бытовыми интересами в более обширные союзы — общины чисто территориальные, представлявшие по своему устройству не больше, как разросшиеся задруги. Первичная задруга, по мере нарастания членов и семей, возникающих в ней или приселявшихся к ней в силу уговора или общих браков, разрасталась с течением времени в починок, деревню, село, посад, город» (138—139).

Совокупность таких разросшихся задруг-деревень, территориально смежных одна с другою, создавала *жулу*, *волость*, *землю*, где старейший город, возникший из первичного, старейшего села или задруги, становился главным центром, остальные же второстепенными (отсюда и летописное: «на чем старейшие сдумают, на том пригороды станут») Во главе Земель, Волостей появляются княжеские роды, династии, которые «организуются по тем же началам, как и простые задруги по старшинству лет, принадлежности к старшей (по времени происхождения) семье рода, по ряду князей и избранию общин, по добыванию, захвату и пр.» (140, 143).

Главные труды по изучению задруги принадлежат чешским и сербским ученым: Иречку, Богишичу, Кадлецу,³ Бальцеру,⁴ Пейскеру.⁵ В русской научной литературе идею задруги выдвинул Леонтович⁶ и Бестужев-Рюмин;⁷ вслед за ними ее принял Пресняков.⁸ Задруга, как пережиток старины всего долее удержалась в Сербии, и в нашей

¹ *H. Jirehek*. Slované v řechách a na Moravě v Praze. 1862
² *V. Vodňák*. Zbornik sadasrijih pravnih običaja u jičnih Slovena Knjižnica u Zagrebu. 1874. С содержанием этих ценных материалов (далеко, однако, не исчерпывая их) знакомит в повествовательной форме, Demeli? Le droit coutumier des Slaves méridionaux d'après les recherches de M. Bogič. Р. 1876. р. пер. Гецевича: «Обычное право южных славян по исследованиям д-ра Богишича». М., 1878. — См. еще более раннее сочинение *Богишича*: Pravni običaji u Slovena. u Zagrebu. 1867

³ *K. Kadlec*. Rodinny nedifil cili zadruha v pravu slovanskeam v Praze 1898, Свод ранее высказанных мнений и полная библиография

⁴ *Balzer*. O zadrudze slowianskiej Kwartalnik Historyczny 1899

⁵ *J. Peisker*. Slovo j zaadrudze. v Praze 1899. *Он же*: Die Serbische Zadruga. Berlin, 1900.

⁶ О значении верви по Русской Правде и Полицкому статуту сравнительно с задругою юго-западных славян. Ж. М. Н. Пр 1874, июнь, июль, август.

⁷ Русская история. СПб., 1872.

⁸ Княжое право. СПб., 1909.

литературе 1850-х годов, в пору оживленного спора между сторонниками и противниками теории общинного быта, ей посвящены были переводные статьи Миличевича¹ и Утешеневица. Позже о ней писали Иречек,³ Ровинский,⁴ Самоквасов,⁵ Евреинов,⁶ Милюков⁷ и Филиппов. Впрочем, подобно статьям, посвященным *общине*, так и в этих, Задруга рассматривается в тесной связи, а то и исключительно, как форма поземельной собственности. Новейшую литературу о задруге см. у Ястребова, «Задруга» в Нов. Энци. словаре Брок — Ефр. Т. XVIII, и у Грушевского. Киевская Русь. СПб., 1911. С. 439-440, с указанием разных мнений о ней.

№ 6. Как зародилось Русское государство
(к стр. 74)

По вопросу о происхождении Варягов-Руси, положивших основание Русскому государству, в исторической науке почти два столетия тянется все еще незаконченный спор. Скандинавская школа выводит Варягов-Русь из Скандинавии, признает за норманнов; представители Славянской школы — резко отделяют Варягов (скандинавов) от Руси (славян), причем одни из них (Гедеонов, Забелин) ищут эту Русь на южном побережье Балтийского моря, другие (Иловайский) — «у себя дома», на Киевском Приднепровье. Среднюю примиряющую позицию заняли некоторые норманисты, сводя до минимума влияние Варягов-Руси на политический и культурный рост основанного **при** их участии Русского государства (Бестужев-Рюмин, Успенский, особенно Ключевский). Кроме того, высказывались гипотезы о финском, хазарском, литовском, готском происхождении Руси.

¹ Семейная община по селам сербским, известная под именем задруги Р. Ђеседа. 1858. Т. III, кн. 11.

² 'Uties'enoVIC'. Die Hauscommunien der Su^dslaven. Wien, 1859. Краткий пересказ содержания: «Семейная община южных славян» Р. Ђеседа. 1859, кн. 16.

³ История болгар. Перев. Бруна. Одесса, 1878. С чешского подлинника (Прага, 1876), с дополнениями автора.

⁴ Сербская Морава. Вестник Европы. 1876, апрель. - Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1897. Т. II, ч. 1.

⁵ История р. права. Варшава, 1878. Т. I, примеч. С. 47-50

⁶ В «Юридическом Вестнике». 1878, август (сжатый реферат о задруге)

Древнейший быт славян. Книга для чтения по истории средних Веков, под ред. проф. Виноградова. М., 1896.

⁸ А. Н. Филиппов. Очерки по обычному праву южнославянскому и Русскому. Юридич. Вестник, 1886, № 5 — 6

I. *Скандинавская*, иначе *Норманнская* школа. Основателем ее был академик Байер. Ее представители:

G. *Vayer*: 1. De Varagie «Commentarii Acad. Petropolitanae IV; р. пер. 1747 г. изд.: СПб., 1767. - 2. Origines Russicae, ibid t. VIII (1736). — Г. Ф. *Миллер*. О происхождении и имени Российского народа. СПб., 1749: De origine gentis et nominis Russorum Petr 1749 (на рус. и лат. яз.) — *Tunmann*. Untersuchungen uber die Geschichte der ostlichen europaischen Volker. Leipzig. 1774. — *Schlbzer*. Nestor Russische Annalen in ihren slawonischen Grundsprache verglichen, iibersetzt und erklart 5 Theile Gottingen. 1802 — 1809; р.пер. Языкова. СПб., 1809—1814. — *М. П. Погодин*. О происхождении Руси. М., 1825. — *Krug*. Forschungen in der alteren Geschichte Russlands. 2 Bnde. Petersburg. 1847. — *A. Kunik*. Die Berufung der Schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. 2 BndePtsbg. 1844 — 1845. — Кроме того* Лерберг, Карамзин, Каченовский, Дорн, Соловьев, Д. И. Беляев (Рассказы из р. истории, кн. 1), Томсен, Ламбин, Ключевский, Вестберг, Арнэ, Браун, Шахматов, Любавский, бар. Корф, Погодин А. Л., Беляев Н. Т.

II. *Славянская* школа — выводит варягов с Балтийского побережья, населенного славянскими племенами. Родоначальником этой школы был Ломоносов. Ее сторонники: Максимович (1837), Венелин (1842), Морошкин, Савельев-Ростиславич (Варяжская Русь по Нестору и чужеземным писателям. Ж. М. Н. Пр. 1845. Т. 48-й), Забелин, Ламанский, Ал. Котляревский, Первольф, Филевич, Грушевский, Потеня, Багалеи. Наиболее выдающиеся представители этого направления (при всем их отличии в представлении *географического* положения Руси) — Гедеонов и Иловайский.

III. *Готская* гипотеза: В. Г. Васильевский, А. С. Будилович (см ниже, приложение № 7: «Происхождение имени Русь»).

IV. *Финская* гипотеза: Татищев, Болтин, Бутков.

V. *Хазарская* гипотеза: Ewers: I. Vom Ursprunge des russischen Staates. Riga u. Leipzig. 1808. ~ 2 Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen. 1814.

VI. *Литовская* гипотеза: Костомаров: 1. О начале Руси («Современник», 1860); 2. Северорусские народоправства (позже Костомаров отказался от этой гипотезы).

VII. «*Средняя школа*»: Бестужев-Рюмин, Успенский.

См. еще:

1) *М. И. Ростовцев*: 1. Эллинизмо и Иранство на юге России. Общий очерк. СПб., 1918, с илл. 2. Происхождение Киевского государства. «Совр. Записки», кн. III (1922). 3. Les origines de la Russie Kievienne. «Revue des etudes Slaves», t. II (1923). — 4. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford. 1922. Это более подробная и обстоятельная переработка предыдущих трех трудов автора. Последняя глава: «Происхождение Русского государства на Днепре». — 5. Скифия и Боспор. СПб., 1925. — 6. Skythien und Bosphorus. Berlin. 1930. — Отзывы о работах Ростовцева: *Формаковский* (о первой): «Русский Исторический Журнал», № 7 (1921); *Пресняков* (о 3-й и 4-й): «Века», I (1924).

Русскую историю (говорит Ростовцев) следует начинать не с истории *племени*, а с истории *страны*, — тех событий, которые обычно относятся к «доисторическому периоду» русской истории, так как история самого племени (с 862 г.) тесно связана с событиями предшествующих веков (скифы, сарматы, готы). Готы указали своим преемникам, славянам, путь к Константинополю; от них унаследовала Киевская Русь военно-торговый характер их общественного уклада жизни и тягу к Черному морю, их ориентацию к югу и востоку, а не к северу и не к западу. «Нет никакого основания думать, что германцы разрушили городскую жизнь на Днепре. Для них города нужны были не менее, чем для их предшественников. Наоборот, я склонен думать, что при них на севере возникли новые городские центры, новые узлы обмена, к которым, может быть, относится и Новгород».

2) *А. А. Спицын*. Археология в темах начальной русской истории. «Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф.Платонову». СПб., 1922 С. 1 — 12: до середины IX в. норманнов не было в землях к востоку от Балтийского моря: здесь с VI в. развивалась своя особая, самобытная культура. Путь «из Варяг в Греки» — не реальность, а лишь возможность, подмеченная летописцем. «Норманны все греческие товары могли иметь в Новгороде и в Киеве, куда товары привозились херсонесцами, хазарами и киевскими норманнами. И не здесь пролегал Ostweg, а на Волгу».

3) *Вл. Пархоменко*. О происхождении Руси. «Русское прошлое. Исторические сборники», кн. 4 (1923). Автор принимает положение Ростовцева о ориентации Киевской Руси не на запад и не на север, а на юг и восток. Решительный поворот от востока в сторону Византии совершился лишь со времен Ярослава Мудрого (постройка Софийских соборов в Киеве и Новгороде; учреждение митрополии), «что стояло в связи с развитием в это именно время пути *из Варяг в Греки*». В противоположность Шахматову, происхождение русского каганата автор ищет не на севере, вокруг Старой Русы, а юго-восточнее Киева, ближе к хазарам и к Тмутаракани.

4) Ю. Д. Бруцкус. Письмо хазарского еврея от I века. Берлин, 1924: прослежена борьба хазар с киевскими князьями, начиная с Аскольда и Дира, отнявших у них город Самбат (Киев) в 850 г

1. Норманисты

М. П. Погодин. Исследования, Заметки и Лекции. Т. III (1848). С. 500: Русское государство возникло на началах, диаметрально противоположных Западной Европе: там было завоевание, у нас — мирное призвание, добровольное соглашение. «Наш государь был званым мирным гостем, желанным *защитником*», а не ненавистным правителем, как на Западе.

С. М. Соловьев. История России. Т. I. С. 84 — 86: Варяги-Русь были скандинавского происхождения. «Свидетельство русского летописца подтверждается свидетельствами иностранными» (Вертинские летописи; Лиутпранд; арабские писатели; имена первых князей, членов их дружины; имена Днепровских порогов). Варяги и Русь — это два названия, усвоенные: первое — на западе племенами германскими; второе — на востоке племенами славянскими, финскими, греками и арабами. Но под тем и другим именем разумелись *дружины*: на западе — «составленные из людей, волею или неволею покинувших свое отечество и принужденных искать счастья на морях или в странах чуждых»; на востоке — подобные же дружины, «как видно, людей — мореплавателей, приходящих на кораблях, морем, входящих по рекам внутрь стран, живущих по берегам морским. Прибавим сюда, что название Русь было гораздо более распространено на юге, чем на севере, и что, во всем вероятностям, Русь на берегах Черного моря была известна прежде середины IX века, прежде прибытия Рюрика с братьями.

Фр. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе. Ж. М. Н. Пр. 1908, март.

1. Основываясь на показаниях Ибн-Ростеха (Ибн-Даста) о Руси, живущей на «острове, окруженном озером» (Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах... Ибн-Даста. СПб., 1869. С. 34—35), Вестберг полагает, что речь идет о Новгороде, который в исландских сагах неоднократно называется Holmgard, что значит островной город.

2. Русь Ибн-Ростеха — это организованная по-военному, занимающаяся грабежом и торговлею, разбойничья колония в числе 100 000 в севернославянской земле (цифру населения указывает другой арабский источник — Гардизи). «Первоисточник (Ибн-Ростех) переносит нас во время основания Русского государства и как исторический документ — неоценим. По своему содержанию он в состоянии разогнать туман, окутывающий спорное начало русской истории и заставить замолчать навсегда исследователей, сомневающихся в неславянском

происхождении Древней Руси. Во всяком случае наше свидетельство исключает всякую мысль об исконном жительстве русов в Поднепровье» (с. 27).

3. «В 860 году русы с сильным войском подступили к Константинополю, так что завоевание Киева Русью следует приурочить ко времени не позднее середины пятидесятих годов IX ст. . Впервые упоминаются росы в истории под 839 годом. Этих-то росов Бертиньянских летописей я вместе с Куником и Томсоном признаю за выслышавшееся уже из Скандинавии норманнское племя» (с. 27 — 28).

Ключевский. Вопрос о возникновении Русского государства он ставит в более узкие и более определенные рамки: *образования Киевского княжества*. В наиболее сжатой, а потому и более наглядной форме, свое мнение он изложил в «Истории сословий в России» М., 1913.

По Великому Водному пути из Варяг в Греки, говорит он, «шло давнее и живое торговое движение, вызванное и поддержанное еще до Р. Х. многочисленными греческими колониями по северному берегу Черного моря. В это торговое движение втянулись и славянские поселенцы в Днепровье» (с. 36 — 37). Подчинение в VIII в. хазарам южнорусских племен открыло этим последним «свободный проход по многочисленным степным речным дорогам», связало днепровские рынки с рынками черноморскими и каспийскими, содействовало развитию русского мореходства на Черном море, а на главном торговом пути создало крупные торговые центры: Новгород, Полоцк, Смоленск, Чернигов и Киев. Орда печенегов, прорвавшаяся в начале IX века сквозь хазарские жилища к Днепру, и бессилие самих хазар защитить своих русских данников заставили торговые города Руси взять в собственные руки «охрану своих торговых путей и торговых оборотов» (38). Торговые города стали укрепляться; в них появился новый элемент — вооруженная сила. В ее состав вошли, в числе других, и заморские варяги. Торговый город превратился в торгово-военный. Беззащитные окрестные обыватели подчинились тому городу, который служил им торговым средоточием, или добровольно, или силою.

«Из всех этих городов с их округами особенное значение для всей полосы равнины, втянутой в торговый оборот, имел город Киев. Он возник с своим торговым округом на самом рубеже степи. Таким образом, он служил главными воротами русской торговли, направлявшейся с севера и северо-запада на юг и юго-восток. Торговый оборот на Руси прерывался и останавливался, как скоро степные кочевники захватывали Киев в свои руки. Отсюда вышел общий экономический интерес, который привязывал все торговые города Руси к Киеву. Этот общий интерес состоял в том, чтобы Киев был всегда открыт для русского торгового движения, чтобы мимо него Шел свободный путь по степным рекам к каспийским и черноморским

рынкам, — следовательно, чтобы в нем находилась сила, способная защищать этот пограничный пункт от внешних врагов. Этот общий интерес и вызвал усиленное сосредоточение в Киеве вооруженного люда, дотоле рассеянного по русским городам» (с. 38 — 39).

Этим торгово-военным значением Киева объясняются и мотивы, побуждавшие одни племена добровольно подчиняться ему, а другие — сопротивляться подчинению. Племена, жившие по главной речной дороге — кривичи, северяне, поляне — охотно признали над собою киевскую власть: они нуждались в ней; племена же, лежавшие в стороне от Великого пути, как не участвовавшие в общем торговом движении и мало заинтересованные в его успехе — древляне, дреговичи, радимичи, вятичи, — оказали наибольшее сопротивление.

«Таким образом Киевское княжество имело двойное — военно-промышленное происхождение. Оно возникло при содействии общего интереса, созданного торговым оборотом, но этот интерес разделялся далеко не всеми частями Русской земли. Эти, не разделявшие его, части нужно было подчинять силой оружия, завоевывать» (с. 39)

«С конца X века, когда почти все племена западной полосы стали уже данниками Киевского князя, племенной антагонизм заметно стихает. Варяжские толпы, не переставая приливать на Русь из-за моря, мирно уживались с туземцами. Славянские племена, разорванные между городовыми областями, по-видимому, начинали забывать свое племенное происхождение. Племенные различия и интересы уступали место провинциальным, областным... Торговый капитал продолжал господствовать исключительно до XI века, не встречая соперника со стороны землевладения... Верхние слои русско-славянского общества... не имели недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственный их промысел состоял в торговле мехами. Военный класс, с Киевским князем во главе, руководил торговым движением страны и принимал в нем живейшее участие, ежегодно посылая лодки с товарами в Царьград и на другие черноморские и каспийские рынки» (с. 40).

Те же мысли, лишь подробнее изложенные и детальнее обставленные, лежат в основе и других трудов Ключевского: «Курс русской истории», ч. I, лекция 8-я (вторая половина), 9-я, 10-я и «Боярская дума» (собственно, стр. 20 — 39 по 3-му изд. М., 1902, причем здесь заявлено, что изложенный на этих страницах очерк первоначальной истории городов на Руси является сокращением II — V глав исследования, помещенного в №№ 1, 3, 4 и 10 «Русской мысли» за 1880 г.: «там подробнее изложены соображения, на которых основан помещаемый здесь краткий очерк»).

В вопросе о происхождении варягов и имени Русь Ключевский держится взглядов норманнской школы: «Балтийские варяги, как черноморская Русь, по многим признакам, были скандинавы, а не славянские обитатели южнобалтийского побережья или нынешней

Южной России, как думают некоторые ученые... Эти варяги-скандинавы и вошли в состав военно-промышленного класса, который стал складываться в IX в. по большим торговым городам Руси под влиянием внешних опасностей» (Курс. Т. I. С. 154, 155).

Барон С. А. Корф. История русской государственности. Том I. СПб., 1908:

Социальные формы жизни ко времени появления варягов уже существовали, были налицо. Родовой быт уже перешел в быт городской (вслед за Сергеевичем и Ключевским, автор отвергает теорию Соловьева, будто город к середине IX ст. был центром этнографическим, племенным); город экономически вырос (торговля, промышленность) и «к IX столетию уже стал совершенно определенным военно-торговым центром, в котором сосредоточилась вся власть, *imregium* маленького новорожденного государства-волости» (с. 17). «Вследствие этого князь неизбежно спервоначала должен был занять *придаточное* положение в волости» (с. 13). Варяжские находники, будучи дружинами бродячими, «постоянно находились в движении, кочуя, передвигаясь из города в город, не останавливаясь подолгу на одном и том же месте, эти передвижения обуславливались необходимостью отыскивания корма, материальным расчетом наживы, выгодностью торговли и т. д. Такие переходы варяжских дружин объясняют нам и поход Олега на юг, и последующее занятие Киева, где, между прочим, уже сидели другие варяги, Аскольд и Дир» (с. 46—47). Принятые на время, избранные на срок, варяжские князья первоначально были лишь защитниками волости, не ее правителями, «и пользовались своею властью только по воле народной, а не по собственной воле» (с. 51). Первоначально простой «придаток к волости-государству», они лишь с течением времени, постепенно приняли на себя также и функции суда, управления (времена Игоря) (с. 52—53).

Вот в какой обстановке следует искать объяснения легенд о призвании Рюрика с братьями. «Призванные» князья — не третейские судьи, которым народ поручил установить мир между прежними родоначальниками (Соловьев), не исключительно военные защитники (Погодин): «мысль верная, но односторонняя»; точно также нельзя говорить о «передаче князьям права суда и управления» (Костомаров с Беляевым) — «факт появления князей-варягов среди славянских племен (есть) лишь естественное следствие их соприкосновения с варяжскими находниками, последствием чего было водворение варягов *tacitu consensu*, или на основании договоров в городах и постепенное приобретение ими значения государственных органов». Таким образом, князья-варяги не были «призваны» — они *пришли*; они были *пришельцами* и явились в то время, «когда государственность волости Уже вполне определилась, когда во главе ее стоял полноправный и Неограниченный орган — народное вече» (с. 54, 56).

Любавский. Лекции по древнерусской истории до конца XVI века. М., 1918. С. 78—81: «Вопрос о варягах можно считать решенным в смысле учения норманнской школы, и едва ли уже можно видеть в них западнославянское племя вагров, как хотел Ломоносов и его последователи. Труднее для решения вопрос о том, что такое была Русь, хотя и в этом вопросе больше шансов истины за норманнскою школою, чем за славянскою». Правда, западные источники не знают имени «Русь», но это потому, что «Русью стали называть скандинавов только у нас, в Восточной Европе. Славяне услышали это имя впервые от финнов, которые и до сих пор зовут Швецию Ruotsi, Rots (эстонцы), а финны, в свою очередь, услышали это слово от самих прибывавших в Восточную Европу скандинавов, которые называли себя gothsmens, моряки. Финны это нарицательное имя приняли за собственное этнографическое, а с их легкой руки оно и утвердилось за варягами-скандинавами в нашей стране и в соседних — Хазарии и Византии»

Любавский признает за антинорманистами научную заслугу в том, что они «отодвинули назад в более древнее время прибытие Варягов-Руси в нашу страну. Так, ими было указано, что имя Руси *является* в памятниках гораздо ранее 862 г., в самом начале IX в. Жития Стефана Сурожского и Георгия Амастридского говорят о нападении князя россов на берега Малой Азии в начале IX в.; византийские хроники сообщают под 835 г. о просьбе кагана хазарского прислать помощь против народа Рось. Вертинские летописи сообщают о народе Русь под 839 годом. Приведенные антинорманистами данные, отодвинув назад прибытие к нам Варягов-Руси, помогают нам объяснить и тот факт, что в начале X в. имя „Русь“ сделалось уже топографическим наименованием известной области в нашей стране. Константин Багрянородный это имя относит как раз именно к среднему Приднепровью, где стоял город Киев. Очевидно, что Варяги-Русь уже давно хозяйничали в этой местности и потому и сообщили ей имя Руси, Русской земли. Вот почему и князь Киевский в договорах Олега и Игоря именуется князем Русским; вот почему и законы, существовавшие здесь, называются в договорах Олега и Игоря законами русскими».

Академик Шахматов

По этому вопросу он имел случай дважды высказаться: в статье «Сказания о призвании варягов» (Известия отд. р. яз. и сл. Рос. Акад. Наук. 1904. Т. II, кн. 4-я) и в книге «Древнейшие судьбы русского племени». СПб., 1919, глава 5-я. С. 53—64: «Начало Русского государства». См. еще сводку мнений Шахматова в статье Ю. В. Готье «Шахматов — историк» (Известия отд. р. яз. и сл. Акад. Наук. Т. XXV). На эту же тему Шахматов писал еще раз в Ж. М. Н. Пр. 1914, август, в рецензии на книгу Пархоменка: «Начало христианства на Руси. Полтава, 1913».

Схема 1904 года

1. В IX, а может быть, уже и в VIII веке скандинавы (Варяги) появились в России. Цель их была двоякая: грабежи и торговля (с. 337, 338).

2. На севере и на юге варяги встретились с двумя разными укладами жизни: на юге — «вековая культура, восходящая ко времени первых греческих колоний; близость Византии, соседство с хазарами и зависимость от этого народа — народа с развитою гражданственностью»; «города и волостное устройство». На севере — рыболовство и звероловство, племенной быт, все еще не изжитый; объединение (лишь) на основе общности языка, нравов и занятий (с. 338).

3. Поэтому «роль варягов на севере сводилась к собиранию дани с покоренных ими славян и финнов». Здесь варяги — насильники и грабители; с местным населением они не смешиваются, в его жизнь не входят (с. 338 — 339).

4. Иная роль варягов на юге: здесь городская и волостная жизнь выдвинула два необходимых класса: воинов (защита от внешнего врага) и купцов (торговые сношения, внутренние и внешние). Здесь варяги не данщики, не насильники, а дружинники и торговцы, захватившие в свои руки власть (с. 339).

5. На востоке варяги назывались Русью. Так их звали финны (они и теперь зовут Швецию «Русью»: Ruotsi); от них название это усвоили словене и кривичи, а эти последние, в свою очередь, передали его южным славянским племенам России (с. 339 — 341).

6. Различная роль варягов на севере и юге отразилась и на судьбе имени Русь: на севере варяги — элемент наносной, временный; простые данщики и насильники, в глубь народной жизни они не проникали, и когда их прогнали, то с ними исчезло и самое имя Русь, разве что оставив кое-где местами память о себе в некоторых топографических названиях (речка Руса, город Руса и др.). Имя Русь здесь, на севере, — простое этнографическое обозначение варягов, не более (с. 342).

7. Иное на юге. Здесь «появление варягов в городах меняет весь строй жизни этих городов и тянувших к ним волостей: города возвышаются до значения политических центров, в них скапливаются значительные военные силы, которые при первой возможности устремляются сначала на соседей, а потом и к более далеким целям, для грабежа и наживы. Главным поприщем деятельности варягов, поселившихся на юге, является, так же как в покинутой ими родине, море: они быстро становятся хозяевами на Черном море, которое получает от окрестных жителей имя Русского, подобно тому как Балтийское море было названо славянами морем Варяжским. Племенной быт полян и северян, значительно пошатнувшийся благодаря общим условиям жизни Южной России, блекнет совсем, теряет всякую устойчивость под напором новых

начал, вызванных к жизни Варяго-Руссами; племенные интересы отходят на задний план, давая место интересам политическим, государственным. На берегах Днепра закладываются основания для славянского государства: элементы для создания здесь государства были давно налицо; их подготовил, как мы говорили, городской быт, развившийся под влиянием Византии и ее крымских колоний, подготовила вековая цивилизация, издавна оседавшая на северных берегах Черного моря: сначала иранцы, потом греки, позже римляне, наконец, готы, а в последнее время самое культурное из тюркских племен — хазары являлись носителями высших форм быта, как будто противопоставляя их всеокрушающему потоку варваров, искони веков проходивших через Южную Россию. Недоставало только силы, которая соединила бы и оживила все эти элементы культуры и цивилизации. Сила эта явилась в лице Руси, именем которой назвались и созданное ими государство, и покоренные ими племена. Вот почему имени Русь не пришлось исчезнуть на юге, как оно исчезло на севере: напротив, оно распространяется, охватывая собой все области, племена и народы, которые объединяются сначала в политическое тело, а впоследствии, по принятии христианства, и в духовно-религиозное» (с. 342, 343).

8. В 860 году Русь напала на Царьград — очевидно, к этому времени Русское государство уже началось, политическая организация на севере от Черного моря уже существовала. Однако ес^ди и началось, то не раньше этого времени: «до этого о народе 'Рсоq греки, их ближайшие соседи, имели лишь смутное понятие, что так очевидно доказывается инцидентом 839 года с прибывшими в Царьград русскими послами» (с. 348).

9. Политическая организованность Киева сделала из него центр, который притягивал к себе, в соседних племенах, элементы, не находившие себе выхода в силу отсутствия или неустойчивости политического быта» (с. 343 — 344).

10. Брожение среди племен захватило и Север: племенной быт там распадается; возникают волостные центры («и начаша владети сами себе и города ставити»). На место племени выступил город. Но город есть сосредоточение военной силы; «сила стремится к господству; начинаются столкновения между городами» (с. 345).

И. «Юг России, только что организовавшийся в государство, не мог оставаться равнодушным к политическому росту севера. Торговые сношения варягов с Византией, на которых основывалось значение Киева, требовало сосредоточения всего торгового пути из Варяг в Греки в одних руках; последующая история доказала неизбежность того общего начала, по которому тот, кто владел Киевом, должен был держать и Новгород (Бестужев-Рюмин). Можно думать, что южнорусское государство должно было с тревогой прислушиваться к сообщениям о новых порядках, завязывавшихся у начала водного пути, порядках, не замедливших, конечно, отразиться и на торговых интересах Киева;

можно с вероятностью думать, что киевский князь, оправившись от морского поражения у Константинополя, пожелал положить конец политической самостоятельности Ильменских словен и кривичей» (с. 345).

12. «Опасность нападения с юга объединила северные племена словен, кривичей и мерю в военный союз и заставила их послать за море к варягам». На этот раз пришедшие Варяги явились к ним не в качестве данщиков и насильников, а как наемная военная дружина, призванная для защиты северных племен от южнорусского государства (с. 346).

13. «Роль варягов на севере стала аналогичной роли Варягов-Русов на юге, благодаря наличности новых условий политической жизни... Варяги кладут основания прочной политической организации \ на севере, прекратив междоусобицы и соревнование городов, объединенных верховенством Новгорода» (с. 346).

14. «На севере имя Руси скоро было забыто после изгнания ее в середине IX века восставшими славянскими племенами. С именем Руси стало соединяться представление о Южной России, где так прочно утвердились Варяго-Руссы. Скандинавских же выходцев, появлявшихся вновь из-за моря, на севере, как и на юге, называли только варягами» (с. 347).

Схема 1919 года

1. Норманны, приходившие в Русскую землю, чаще всего назывались варягами; однако это название пришло к ним не в Северной Руси, а на юге и в Византии, где им назывались скандинавские наемники, телохранители императора. Слово «варяги» — *Varinger*, *rþrauoi* — вероятно, испорченное слово, которым авары обозначали франков.

2. Скандинавов, живших к востоку от Финского залива и к югу от озера Ильменя, местные жители называли Русью (еще и теперь финны называют Скандинавию Русью: *Ruotsi*).

3. «Происхождение имени Русь, несмотря на настойчивые старания ученых, остается темным. С уверенностью можно сказать, что более первоначальной его формой было *Ros*, ср. греческое имя, а также эстонское *Rots*, водское *Rotsi*; далее вероятно, что конечной согласной было не *S*, а какая-то группа согласных... Наконец, весьма вероятным приходится признать, что этим именем называли себя и сами осевшие в России скандинавы: это видно, во-первых, из различной передачи его, с одной стороны, русскими (Русь), а с другой, греками (*ῥ5q*), во-вторых, из того, что скандинавы, прибывшие к императору греческому Феofilу, а им препровожденные в 833 г. ко двору императора Людовика Благочестивого, сами себя называли *Rhos*. Ввиду этого считаю необходимым этимологию имени Русь искать в скандинавском языке, допуская, что в русский язык оно могло попасть через посредство финнов» (52).

4. В половине IX века все восточное славянство и значительная часть финского населения России находилась в сфере двух влияний — скандинавского (север и северо-запад) и хазарского (юг и юго-восток).

5. Обширные скандинавские поселения в IX—X вв., находившиеся в пределах современных Петербургской, Новгородской, Смоленской, Ярославской, Владимирской и др. губерний, были не простыми факториями, а «административными центрами, куда свозилась собираемая дань и награбленная добыча» (с. 54).

6. Поселения Руси, «Русию», арабский писатель Ибн-Рустэ указывает на острове, окруженном озером, остров занимает пространство в три дня пути, «покрыт лесами и болотами; нездоров и сыр до того, что стоит наступить ногою на землю, и она уже трясется по причине обилия в ней воды. Они имеют царя, который зовется хакан-Русь. Они производят набеги на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их (славян) в плен, отвозят в Хазран и Булгар и продают там» (с. 55).

7. Показание Ибн-Рустэ заставляет Шахматова признать несомненным вывод Вестберга (Weitfrage, 219), что русы образовывали на славянском севере военно-организованную, ведущую торговлю, разбойничью колонию численностью до ста тысяч человек» (с. 55). Это, по выражению Шахматова, *Первое* возникновение русской государственности.

8. Эту «Русию» Шахматов ищет к югу от озера Ильменя, в местности около Старой Русы, в древнем поселении, возникшем раньше Новгорода — *нового* города: «вероятным представляется, что островным островом, Holmgarder, скандинавы называли город, получивший позже (после основания Новгорода) имя *Старой Русы*» (с. 55—56).

9. Проникнув в Россию, скандинавы использовали первоначально Волжский водный путь, и уже потом — Днепровский. На первом пути встретилось меньше затруднений и препятствий, чем на втором: там 1) в интересах населения было поддерживать торговые сношения; 2) «путь через Волгу мог быть открыт торговцами, шедшими из Болгар и Итиля — скандинавам оставалось только использовать» его. Днепровским путем надо было сперва овладеть, пробиться туда силою. «С полной вероятностью можно утверждать, что Днепровский путь из Варяг в Греки установился уже только в историческую эпоху в результате упорной борьбы и завоеваний. Эта борьба привела к созданию восточнославянского государства» (с. 45).

10. Вследствие «отсутствия на месте достаточного количества хлеба», очередной и «неотложной» задачей стало для Руси завоевание Днепра, который вел в плодородные местности (с. 57).

11. Но захватить Днепр — значит схватиться с хазарами. В поисках себе союзников русский каган шлет послов императору Феофилу хлопотать о содействии.

12. Ромеи ли поддержали русов, скопилось ли вокруг русского кагана достаточно собственных сил, но вскоре после того (838 — 839) Русь двинулась на юг, основала здесь, в Киеве, *Второе* государство и укрепилась там настолько прочно, что через 10 — 15 лет, 18 июня 860 г., могла явиться под стенами Царьграда (Аскольд и Дир) и заключить с греками мир на почетных условиях (с. 60).

13. Все же положение завоевателей в Киеве было довольно затруднительное: печенеги и мадьяры загородили дорогу к морю; с востока напирала хазары. Их трудным положением пользуются северные славяне: они сбрасывают иго чужезмцев, отказывают в дани, изгоняют русских посадников и зовут из-за моря на помощь варягов (призвание Рюрика).

14. «У нас нет основания считать Рюрика легендарной личностью; но понятно, что данные об его родстве с Синеусом и Трувором, варяжскими князьями, севшими на Белоозере и в Изборске, равно и об его отношении к Игорю обязаны догадке летописца или находчивости народного предания» (с. 61).

15. «Одно представляется несомненным: во второй половине IX века на место *русского* государства, основанного скандинавами на северо-западе России, возникает здесь, со средоточием в Новгороде, новое *варяжское* государство. В его создании приняли живое участие местные, туземные элементы, народ; в этом отличие нового государства от старого, основанного завоевателями, иноземными насильниками» — прежнее государство было простым «разбойничьим гнездом» (с. 62).

16. Борьба между варяжским (новгородским) и русским (киевским) государством кончается победою первого: «варяжский конунг Олег овладевает Киевом и объединяет под своею властью территории русского и варяжского государств» — «возникла новая русская держава, *третья* по счету» (с. 62).

17. «Третье» государство «стало собирателем восточнославянских земель» (62).

18. Север, с перенесением центра в Киеве, далеко не сразу входит в орбиту политической жизни Юга, но еще долго держит себя враждебно по отношению к нему; и враги Киевского центра, в борьбе с ним, не раз находят себе на Севере (в Новгороде) точку опоры (особенно при содействии норманнов, всегда готовых прийти из-за моря на зов). Таковы: Владимир в борьбе с братом Ярополком, 980 г.; Ярослав, пославший за варягами в 1014 г.; тот же Ярослав, призвавший варягов в 1018 г. в первый раз против отца, в другой раз против брата, Святополка Окаянного (62).

Ламбин. Источник летописного сказания о происхождении Руси. Ж. М. Н. Пр., 1874, № 6, 7: духовно-политическая миссия, находившаяся в Киеве со времени крещения Аскольдовой Руси, послала византийскому правительству официальное донесение о убиении Ас-

кольда и Дира. Таким образом, действительно, Олег, варяг, иноплеменник, заложил государственное здание «на славянской почве, из славянских материалов и преимущественно руками славянских рабочих». Варяжская Русь была сбродной дружиной, разнородной по своему составу, потому так легко и растворилась в постоянных сношениях с подвластными ей славянскими племенами.

Т. /. *Arne*. La Suedevet ГOrient. Etudes archeologiques sur les relations de la Suede et de ГOrient pendant Page des vikings. Upsal. 1914. — Волжский водный путь открылся для скандинавов раньше Днепровского («Великого Греческого»), еще в первой половине IX в. В течение всего этого и последующего X в., он имел большее торговое значение, чем тот. Это видно из: а) на берегах Ладожского озера скандинавы утвердились уже в первой половине IX, а в Гнездове (около Смоленска) их поселения появились лишь около 900 г.; б) в Скандинавии найдено до 40 000 арабских (куфических) монет, а византийских всего сотни две (стр. 7, 20, 207, 222; 117; 62, 89).

Ф. А. *Браун*. Варяги на Руси. «Беседа», кн. 6/7. Берлин. 1926. Варяги и в Восточной Европе, как на Западе, не только совершали грабительские набеги, но и вступали в соглашение с местными властями, поступая к ним на службу в качестве «защитников Земли», *Landvarnamenn*, как называли таких людей в Скандинавии. Принятие на службу таких «защитников» — Рюрика с братьями — и преломилось в нашей летописи в виде призвания варягов».

А. Л. *Погодин*. Вопрос о происхождении имени Руси. «Сборник в честь на Васил Н.Златарски. София, 1925. С. 269 — 275. Уже при готах существовали города, *гарды*, как складочные места для дани и для расположения гарнизонов. Гунны, а затем хазары, захватившие киевские водные пути, нарушили этот порядок, но после «начались попытки северогерманских дружин укрепиться на том же пути. О том, что шведы занимались добычей соболей на востоке, знал уже в VI в Иордан. Так продолжалось целые века: по Западной Двине, по Северной Двине, по Неману, по Висле — нахлынули на восток германские дружины. В середине IX века кое-где население делает попытки свергнуть завоевателей. Эти попытки не удались: явились новые дружины и уселись еще крепче, а в России, на важнейшем водном пути „из Варяг в Греки“, была расположена целая система гарнизонов, превратившая норманнов из случайных завоевателей в создателей государства». Полюдьё, о котором рассказывает Константин Багрянородный, показывает нам, как принцип «периодического нашествия на земли окрестных племен с целью собирания среди них дани заменился принципом постоянного владычества в земле».

Н. Т. *Беляев*. Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи. *Seminarium Kondakovianum*. Т. III (1929). Вслед за проф. Крузе (см. стр. 237 перечень его работ 1830-х гг.) автор готов видеть в Рорике и Рюрике одно и то же лицо. «Рорик — организатор всех главных

набегов и рейдов в десятилетие, непосредственно предшествующее появлению норманнов в Новгороде». Он стремился «завладеть фризской торговлей и использовать в своих целях прежние фризские торговые станции и торговые пути» (с. 239). В 854 г. он теряет свои владения, Фризию и Дорестад (нынешнюю Голландию и низовья Рейна), и взамен получает южную Ютландию. Это передает в его руки владычество над морскими путями из Северного моря в Балтийское, а полное разорение Западной Европы приводит к мысли «об открытии новых торговых путей» с тем, чтобы «повернуть старинную фризскую торговлю в новое русло» (с. 236). Таким руслом являлся Новгород, как по своим связям с Биркой, уже известной Рорику (на озере Мелар, в Швеции), так и «по положению на водных путях, ведущих к Днепру. Днепровская же система, после набегов Бравлина и других, уже была в сфере норманнского кругозора» (с. 236).

Одновременно с набегом Аскольда и Дира на Константинополь (18 июня 860 г.) другие норманны, Бьорн и Гастинг, сыновья Рагнара Лодброка, отправляются (туда же) в 859 году западным путем. На 62 судах они обогнули Испанию и, разорив Севилью, забравшись в Марокко, поднявшись по Роне, спалив Арль и Ним, побывав в Пизе, в Италии, добираются до Греции. Отсюда, после двух зимовок, они возвращаются обратно. *Малога не хватало тогда, чтобы замкнуть кольцо.*

«Нападение на Грецию было произведено норманнами одновременно и с юго-запада, со стороны Средиземного моря, и с севера, со стороны восточного участка Великого Водного пути. Трудно допустить, чтобы совпадение это было игрой случая, все данные за то, что либо оба нападения были так рассчитаны опытной рукой, чтобы совпасть одно с другим, или это было одновременным стремлением к одной и той же цели двух соперников, одного на обход Испании, другого — из Новгорода Волховом и Днепром. У нас нет данных, указывающих на возможное соперничество между Рориком и сыновьями Рагнара Лодброка, наоборот, все указывает на то, что направляющая рука Рорика чувствовалась в каждом большом прежнем рейде и набеге, где исполнителями неоднократно выступали те же Бьорн и Гастинг. Все средства и ресурсы были также у Рорика, и к нему одному сходились все нити и западной, и восточной, фризской торговли. У него одного мог быть и достаточный кругозор, и широта замысла, чтобы задумать и выполнить такую задачу, как открытие великого торгового пути. Словом, все нас ведет к тому, чтобы считать, что мысль сомкнуть путь „из Варяг в Греки" давно назревала у Рорика, что, пользуясь родственными связями с Бьорном, он направил его на Константинополь по более известному южному пути, а сам, организовав базу в Новгороде, послал экспедицию с Аскольдом на Константинополь речным путем, по Днепру» (с. 241). Ср. другую работу того же автора: «Начало Руси». Лондон—Прага, 1925. Это «лекции», Простой набросок мыслей, получивших развитие в позднейшем труде.

II. Славянская Школа

С. *Гедеонов*. Варяги и Русь. Историческое исследование. Две части. СПб., 1876.

1. Следов норманнского влияния на Руси не найти: «В основных положениях и духе русского права нет и тени норманства». «Одного, даже поверхностного взгляда на начала русского язычества достаточно для определения разноплеменности Руси и Норманнов». «Летоисчисление у всех славянских народов начинается с марта, а не с сентября, как у греков; следовательно, нет причины считать его заимствованным у норманнов». «Как русский язык, русское право и религия, так и народные обычаи, действия первых князей, военное дело, торговля и пр. совершенно свободны от влияния норманнского» (с. 1, 44 — 46).

2. «Норманны не основной, а случайный элемент в нашей истории» (55).

3. Шесть племен: поляне, древляне, дреговичи, словене, полочане, северяне составили «особую, совокупную Славянскую народность (и) искони назывались Русью» (с. 67, 69).

4. Соловьев ошибочно «именует прежних князей до варягов родоначальниками, старшинами, князьями племен»; древлянский князь Мал был *Князем*: «он не норманн, не варяг; он единственный, нам известный по имени, не покорившийся варяжской династии князь, от прежних словенорусских князей» (116, 118). «Никакая софистическая изворотливость не возможет против положительно засвидетельствованного Нестором существования на Руси до варягов наследственных князей и княжеских родов, наравне с другими славянскими племенами» (с. 120).

5. «Как на западе, так и у нас, основанное на патриархальном начале господство княжеских родов должно было непременно вести к усобицам княжеским» (с. 125). Когда северные племена изгнали варягов, то «первое упоение торжества над иноплеменниками обнаружилось новым разгаром страстей в князьях и в народе, новыми притязаниями на старшинство родов, племен и князей; из этого хаотического состояния новгородская держава могла выйти только передачею княжеских прав в новую династию» (с. 130 — 131) — здесь основная причина так называемого «призвания варягов».

6. Где же было искать такую власть? Среди южных русских князей? Нет: смысл передачи своих прав в другие руки обусловлен был тем, чтобы эти «руки» были высшими, между тем Новгород «был старшим городом, его князья — старшими князьями на Руси». Князьям неславянского происхождения? Тоже нет: «Поищем себе князя, иже бы володел нами и судил *по праву*», разумеется, праву *словенскому*, а по такому праву судить мог, очевидно, только славянский князь (132) — такового и нашли среди вендских (балтийских) славян (с. 135).

7. На юге сложилось иначе: «здесь Олег является не по призванию; здесь он находит прежних, славянских князей» (с. 147).

8. Слово «Русь» славянского происхождения (см. в другом отделе «Происхождение имени Русь»).

9. В IX веке (839—871) существовал русский хаганат (II, 491). Вертинские летописи о хаганате русском: «В 871 году Василий (император) называл Аскольда хаганом славян». «С водворением в Киеве варяга-славянина Олега титул хагана исчезает для русских князей» (494).

10. Днепровские пороги. «У Константина везде: рюочст — по-русски, т. е. по-киевски; ЕісХарівіста — по-словенски, т. е. по-новгородски» (II, 536). «Норманны дали, конечно, *всем* порогам свои скандинавские названия; но Русь усвоила себе *не все*, а те, которые усвоила, порядочно исказила». Русь переняла их от лоцманов норманнов, Константин же Багрянородный ознакомился с этими искаженными скандинавскими названиями, вероятно, от новгородца или новгородского варяга, не совсем понятно изъяснявшегося по-гречески (II, С. 537-538).¹

Иловайский: История России. Часть I. М., 1876. С. 19, 24, 25. — Разыскания о начале Руси. М., 1876. С. 262—269. (2-е изд. М., 1882). — Дополнительная полемика по вопросам варяго-русскому и болгаро-гунскому. М., 1886. С. 38—40, 49. — Вторая дополнительная полемика и т. д. М., 1902. С. 6, 300, 301.

1. Летописный рассказ о призвании Рюрика с братьями — легенда, позднейшая выдумка, лишенная исторической основы. Наше государство основалось не на севере, а на юге, притом самостоятельно, туземными, славянскими силами. Основало его Полянское или Русское племя — «*Росъ* в тесном смысле». Русь IX века была народом южнорусским, а не скандинавским. Зато варяги — те, действительно, были иноземцы-варяги.

2. Основанное на юге, наше государство постепенно распространилось в разные стороны. Олег был верховным князем только Русской (Киевской) земли; в других же важнейших городах (Чернигове, Переяславле, Полоцке, Ростове и др.) сидели князья, от него зависевшие (История России. С. 19, 24, 25).

3. Начальная русская летопись не смешивает Русь с варягами. Не смешивали с ними ее и позднейшие летописцы, вплоть до конца XIII в. «А в этом-то и весь корень вопроса! Как только отделим Русь от варягов, то вся система норманистов превращается в прах» (Второе Дополнение, 69301).

¹ См. еще другую, более раннюю работу Геденонова: Отрывки из Исследований о происхождении Варягов — Руси. «Записки имп. Акад. Наук». Т. I, II, III. СПб., 1863.

4. Непримирымый антинорманист Иловайский одинаково горячо оспаривает и гипотезу Ключевского о якобы *торговом* происхождении Киевского государства. «Выходит, будто наше государство возникло на торговых основаниях — оригинальный вывод, для которого в истории нет аналогии. Везде государства возникали из борьбы племен и народов, т. е. силою оружия». В построении Ключевского Иловайский видит внутреннее противоречие. Сперва (Боярской Думы. С. 19—20) говорится о *военном* союзе восточных славян VI в., о *воинственном движении* их с Карпат к Днепру в VI и VII вв., «а на следующих страницах те же воинственные славяне каким-то образом превращаются в мирных купцов, до того пассивных, что они только и могут смиренно поддаваться чужому господству, ища покровительства своим «торговым оборотам» сначала у хазар, потом у призванных варягов (Боярская дума. С. 39—40). Этому необыкновенному влечению славян к торговым оборотам скоро подчинились и призванные князья, *беспрепятственно* овладевшие всем торговым путем из Варяг в Греки»... Вот к каким необычным выводам приводит иногда даже наиболее достойных исследователей русской древности одна какая-нибудь неверно истолкованная фраза летописца, вроде «бе путь из Варяг в Греки» (Доп. Пол. С. 38—40).

Мнение Иловайского «резко отличается от всех остальных тем, что он отрицает самую достоверность летописного рассказа о призвании варягов, — здесь Д. И. Иловайский вполне оригинален, и в этом самая сильная и убедительная сторона его теории... В книге Д. И. Иловайского находится весьма полный систематический подбор данных против норманнской теории. Гораздо менее убедительна положительная сторона теории Д. И. Иловайского, состоящая в отождествлении Руси с роксоланами» (Д. И. Багалей. Русская история. Т. I. М., 1914. С. 156).

Грушевский. История Украши — Руси. Т. I, изд. 3-е, 1913. Противник норманнской гипотезы, автор видит слабые стороны и в гипотезах славянской и готской (подробно указана литература вопроса). Русью, по мнению Грушевского, называлось население Полянкой (Киевской) земли. Об этом см. ниже. Приложения, № 7.

III. «Средняя» школа — К. Н. Бестужев-Рюмин, Ф. И. Успенский

«С 1870-х годов обозначилась средняя научная партия, вызванная капитальным трудом Геденова. Представители этой последней признают, что за норманнской теорией остаются теперь две твердыни: скандинавские имена первых русских князей и Днепровские пороги. Но они делают уступку и антинорманистам, признавая, что норманнский элемент в России не обнаруживает почти никакого воздействия на внутреннюю жизнь новгородцев, полян и кривичей, не оставив следов ни в языке, ни в обычаях и т. п. Эта *средняя школа* приняла

поэтому следующее положение: пришлые из-за моря люди не были племенем или народом, а составляли сбродные дружины, набираемые отовсюду. Согласно воззрению этой школы, скандинавский элемент, вследствие своей малочисленности, должен был без особенной борьбы ассимилироваться со славянами» (Успенский. Русь и Византия в X веке. Одесса, 1888. С. 7). — Сам разделяя это мнение, Успенский, несомненно, имел в виду главным образом мнение Бестужева-Рюмина, который, признавая вслед за Соловьевым, что «Варяги, собственно, не народ, а дружина, состоявшая из разноплеменного сброда с преобладанием скандинавов», приходил к такому выводу:

«Дружина была разноплеменная и потому не внесла какого-либо племенного начала, а внесла только связь между разрозненными племенами — связь, состоящую в единстве власти, представляемой князьями, имеющими право суда и сбора дани и передающими по произволу часть этих прав своим дружинникам, лицам, чуждым местного населения и тяготеющим к предводителю дружины — князю» (Русская история. Т. I. 1872. С. 96).

№ 7. Происхождение имени Русь (к стр. 75)

Происхождение имени Русь толкуется различно, в большинстве случаев в зависимости от взгляда на племенное происхождение основателей Русского государства — Варягов-Руси. Эти толкования можно свести к четырем главным группам: скандинавской, местной (славянской), южной и ее разновидности — готской.

I. Гипотеза скандинавского происхождения

W. Thomsen. Die Ursprung des russischen Staates. Berlin. 1879.

В. Томсен. Начало Русского государства. Три чтения, пер. В. Амона. М., 1881 (из «Чтений»).

1. Призванное финнами и славянами скандинавское племя Русь состояло «из шведских переселенцев, первоначальную родину которых следует искать (не в Швеции, а) на побережье, лежащем прямо против Финского залива»; эти переселенцы «уже прожили известное время где-нибудь по соседству с финнами и славянами, вероятно, при Ладожском озере. Может быть, люди из племени *Рос*, появившиеся в 838 или 839 г. в Константинополе, принадлежали именно к этому **Поселению**, а не пришли из самой Швеции; также известие мусульманских авторов о том, будто *Русь* живет на каком-то нездоровом острове посреди озера, могло первоначально относиться к такой колонии. Возможно, что и рассказ некоторых русских летописей о том, что Рюрик и его братья построили город Ладогу и там сперва поселились, является отголоском предания о подобном промежуточном

поселении Руси, так как Ладога, действительно, лежит вне древней территории славян» (с. 92 — 93).

2. «Единственным именем, с которым имя *Русь* непосредственно связано, является финское обозначение Швеции: Ruotsi» (84).

«Откуда, в свою очередь, взялось имя Ruotsi (84)? Весьма вероятным является предположение, что шведы, жившие на морском берегу и ездившие на противоположный его берег, очень рано могли назвать себя — не в смысле определения народности, а по своим занятиям и образу жизни — gods-menn или gods-karlar, или как-нибудь в этом роде, т. е. гребцами, мореплавателями. В самой Швеции это слово, равно как и отвлеченное понятие *goder*, мало-помалу обратилось в имя собственное. Тем не менее, удивительно, что финны приняли это имя за название народа и переняли его в свой язык с таким значением, удержавши при этом лишь первую половину сложного существительного» (с. 85 — 86).

Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. Летопись мыслит имя Руси как «имя княжеской дружины, княжеских бояр и вообще правящих верхов». Эта Русь и полянам передала свое название: «Поляне, иже ныне зовомая Русь» (под 6406 г.). Но если на Юге правящий слой носил название Руси, то на Севере, в Новгороде, он назывался Варягами. «Летописец различает и на севере, и на юге эти правящие слои от сидевшего под ними народа. Говоря о древнейших временах или сообщая этнографические подробности современные, он скажет о словенах и полянах, но в рассказе о политических событиях, где на первом месте выступают князь и его дружина, он употребит названия Варяги и Русь, прибегнет еще к терминам кыяне и новгородцы» (с. 324 — 325).

«Варяги и Русь — это, с одной стороны, племена севера, с другой — племена юга». Повесть Временных Лет говорит иное: она отождествляет Русь с Варягами (325). Действительно, ср.: «идоша за море к Варягом к Руси, сице бо ся зваху тьи Варязи Русь... И избьрашася 3 братья с роды своими, пояша по себе всю Русь, и придоша... От тех прозвася Русская земля... и прия власть Рюрик, и раздая мужем своим грады... И по тем городом суть находници Варязи» (под 6370 годом).

Хотя в словах летописца и ясно просвечивает тенденциозное желание доказать тождество Руси и Варягов, однако в исходных своих положениях он прав: «Русь — это те же норманны, те же скандинавы; Русь — это древнейший слой варягов, первые выходцы из Скандинавии, осевшие на юге России раньше, чем потомки их стали оседать на менее привлекательном, лесистом и болотистом славянском севере. Эти вторые выходцы, потомки скандинавского населения, давшего и первых выходцев, стали известны уже не под именем Руси, а варягов; впрочем, финские племена продолжали называть и новых выходцев из Скандинавии старым именем, как и до сих пор финны называют их все так же (Ruotsi)» (с. 325).

Выводы, к каким пришел Шахматов, передаем здесь в форме нижеследующих положений:

1. Скандинавы-Русь сажаются в укрепленных местах в Приднепровье и занимают южные области.

2. Скандинавы-варяги, новые выходцы, направляются туда же, но Русь встречает их недружелюбно, не желая делиться насиженными местами, облюбованными данями.

3. Юг для варягов, таким образом, отрезан; колонизационная волна вынуждена осесть севернее; она занимает Озерную область, покоряя себе финнов и Ильменских славян (с. 326).

4. И на Юге и на Севере зарождается государственность. «Покорители и тут и там ассимилируются с местным населением: в этом их сила».

5. Выходцы из Скандинавии, ранние и поздние, дают местностям, в которых они осели, и племенам, которых они покорили, свои имена: на юге поляне получают имя Русь, на севере — словене получают имя варягов.

6. «Русскому (т. е. южному) князю необходимо удержать в своих руках весь торговый путь из Варяг в Греки, иначе упадет торговое значение Киева, Переяславля, Чернигова и других южных городов; ему важно оградить свои владения от новых пришельцев, которых готов выслать теперь не только скандинавский, но и славянский, и чудской Север».

7. «Варяжскому (т. е. северному) князю естественно стремиться на юг с организованными полчищами словен и чуди, чтобы вытеснить оттуда счастливых своих сородичей, занявших богатые области славянского юга».

8. «Столкновение двух государственностей — русской и варяжской становится неизбежным». «В IX веке начинается продолжительная борьба, тянувшаяся около двух столетий, борьба между варяжским Севером и русским Югом».

9. «Северный князь остается не раз победителем (сравн.: Олег, Игорь, Владимир, Ярослав); он захватывает Киев, изгоняет соперника, но потом оседает в Киеве и становится сам уже русским, а не варяжским князем: «и беша у него мужи Варязи и отътоле прозвашаяся Русью» (сравн. про Олега, под 6390 г.: «Беша у него варязи и словени, и прочи прозвашашася Русью»).

10. Своеобразная особенность в этой борьбе Юга с Севером: *русские* (южные) князья проигрывают, зато *Юг* выигрывает; князья *варяжские* (северные) побеждают, зато варяжский *Север* проигрывает. Восторжествовало *русское* (южное) начало; *северный* Новгород подпал **Под** зависимость *южного* киевского князя. «Ясно, что государственность покоилась на юге на более прочных основаниях» (с. 327).

11. «Торжество русской (южной) государственности имеет самое решительное значение для судьбы варяжского имени: Варяги спешат

переименоваться в русских не только на юге, но и на севере. Имя Варягов быстро забывается; не удерживается оно и в Новгороде; на смену ему проникает на север имя Руси, но оно означает уже не Скандинавов, а киевского князя и его родичей, а также княжеских дружинников; преимущественное же его значение — это жители южного Приднепровья» (328).¹

М. Ф. Владимирский-Буданов. Национальное имя Русь («Обзор истории русского права», изд. 5-е. Киев, 1907. С. 289-291). Цель этой коротенькой заметки — уяснить, что думал наш летописец о названии Русь, какой смысл и значение вкладывал в него. Сам летописец дает на это вполне определенный ответ:

1. Русью называлось одно из варяжских племен — «И от тех варяг прозвася Русская земля».

2. Имя Русь перешло на славянские племена по мере завоевания их варягами — «Словенск язык в *Руси*] поляне, древляне, новгородци, полочане, дрьговичи, севере, бужане».

3. В X и XII вв. Русью называлось не какое-либо одно славянское племя, а вся совокупность их — «А словенск язык и Руский один; от варяг бо прозвася Русью, а первое беша Словене».

Что это не простая догадка летописца, а исторический факт, можно проверить по договорам Олега и Игоря с греками: договоры заключены от имени *Руси*] клятва дана «по закону *Русскому*] страна названа «*Рускою* землею» — между тем, в походе Олега участвовали варяги и все восточные племена. Поэтому «нет никакого сомнения, что здесь под Рускою землею, или Русью разумеется вся совокупность территорий славянских, подчиненных Олегу, ибо дань, которую должны платить греки, назначалась «на Руские города: первое на Киев, таже и на Чернигов, и на Переяславль, и на Полтеек, и на Ростов, и на Любеч и на прочая города».

Niederle. Manuel, 206: слово «Русь» происходит, вероятно, от финского Routsii, по аналогии со славянским именем *Сумь* от финского *Suomi*. Происхождение же слова Ruotsii еще не разъяснено окончательно (ссылка на Томсена, Ursprung, 93, 96).

Niederle. Slov. Star. Oddili, Svazek. IV, стр. III: объяснение Томсена (Rodslagen — горег (плавание) — Rops-маен (корабельщики) правдоподобно; его объяснение приняли Шахматов, Ягич, Брикнер, Миккола; но затруднение — как объяснить греческую форму ρῥῥ, которая, по-видимому, более древняя. Нидерле указывает еще на три

¹ Сравн. сводку однородных мыслей в другой статье Шахматова: «Сказание о призвании варягов» (см. выше приложение № 6: «Как зародилось Русское государство»).

сочинения по данному вопросу (107): 1. *H. Pipping*. De skandinaviska rñjerpnamnen (Stud. Nord Fil. II, 5); 2. *T. Torbibrnsson*. Den sjunde Dnjepr-forsen (St. Nord Fil. II, 6) Helsingfors. 1910; 3) *E. Muka*. Prohi Dnjepra a mestne mjena z 10 l (Cas. mat serb. 1916. 68), 84 — 89.

С. Ф. Платонов. Русса. «Дела и дни. Исторический журнал». 1920. Кн. 1. С. 1—5. Автор подтверждает мысль Шахматова о существовании политического центра варягов в местности к югу от озера Ильменя указанием на обилие там топографических названий, производных от имени Рус: вся эта местность еще в XV веке носила название *Русы*.

Ф. А. Браун. Варяги на Руси. «Беседа», кн. 6/7. Берлин, 1925: «Русь и варяги — два элемента одного и того же явления; и те и другие — шведы». *Народа* «Русь» в Швеции никогда не было, а потому нечего искать его в Скандинавии: «оно возникло лишь на русской почве»; это финны называли Швецию «Русью» (Ruotsi). Слово «варяг» происходит от древнешведского vaeringi, var, верность, обещание обоюдной верности.

Б. Брим. Происхождение термина «Русь». «Россия и Запад». Историч. сборники. I. СПб., 1923. С. 5 — 10 (указана литература).

1. Исторически засвидетельствованы две формы: одна с «у» — «Русь», другая с «о» — «Россия». Первая сложилась на севере, вторая на юге. Сравн. ряд местностей с именем *Руса*, *Русский*, *Порусье* и т. д. — на севере, и *Рось* — на юге (откуда и греческая форма роϋ).

2. *Русью* в древности называли варягов-дружинников. Лингвистическая связь слова *Русь* с финским Ruotsi, для обозначения Швеции, как страны, доказана. Ср. финское Ruotsalainen = швед.

3. Как же возникло самое слово «Русь»? Из древнешведского drot = толпа, дружина. Так как финский язык не терпит в начале слов сочетания согласных, то слово drot финн произносит got, а сложное слово drotsmenn, дружинники — gotsmenn. Приставка menn (люди) отпала, осталась первая половина — gots, давшее в конечном образовании gotsi, ruotsi.

А. Л. Погодин. Вопрос о происхождении имени Руси. Сборник в честь на Васи л Н. Златарски. София, 1925. С. 269— 275. Ставит вопрос «чисто филологический»: «через какую среду проникло имя Русь в славянский язык, и к какому периоду это проникновение **Может** фонетически относиться?» Автор отрицает возможность образования слова *Русь* из финского *Ruotsi*: «Никакого финского посредничества здесь не было: древнешведская форма *Rovs* прямо перешла в русскую Русь: или непосредственно с выпадением d перед s, или **Же** через промежуточную форму Рудсь», причем самое слово Русь **Вошло** в русский язык задолго до «привзвания варягов» — быть может, **Еще** в IV—V веке. Мнение Брима (см. выше) Погодин считает совершенно «искусственным», а мнение Пархоменка (см. ниже) «будто **Имя** Русь заимствовано из греч. ρϷϣ, опровергается и лингвистически

(отсутствием *d* перед *s*) и культурно-исторически: северные славяне давно и хорошо знали скандинавов (мурман), и их культурное влияние отразилось в их языке, политическое — в договорах с греками».

Р. Ekblom. Rus et Vareg dans les noms de lieux de la region de Novgorod. «Archives d'Etudes Orientales. publiees par J.-A. Lundell». Vol. II. Upsala. 1915. Труд историко-географический. Анализ местных названий в целях подобрать материал для выяснения этимологии и происхождения слов «Русь» и «Варяг». См. рецензию Е. Брима в «Историческом сборнике» «Россия и Запад». I, СПб., 1923: «Достоинство книги Экблома заключается в добросовестном собрании и ясном изложении фактов. Но он не делает никаких выводов».

Ф. И. Кнауэр. О происхождении имени народа Русь. Труды XI археолог. Съезда в Киеве. Т. II. М., 1901. *Knauer.* Die russische Nationalname und die germanische Urheimat. Zu Russ-Frage «Indogermanische Forschungen». Bnd XXXI (1912), XXXII (1914). *K. Fritzler.* Das russische Reich — eine Grtindung der Franken. 2 Aufl. Marburg, 1923; Об этой книге см.: А. Флоровский. Франко-тюркская теория происхождения Руси. «Slavia», 1924, III.

II. Гипотеза местного (славянского) происхождения

Гедеонов. Варяги и Русь. СПб., 1876. Часть 2-я.

1. Эсты и финны называли шведов *ротсами*, от слова roots, хребет, скала; Rootsmåa — Швеция, утесистая страна; rootsmees — швед, обитатель утесов, горец. Точно в таком же смысле прозваны и хорваты, от слова horbu, Chrby, обитателями горных хребтов; поляне от полей, древляне от дерев и т. д. (II, 415).

2. Имя *Русь* славянского происхождения: коренное РС, РЪС проявляется вообще у славянских народов в названиях рек, источников и озер (417). Явление отнюдь не случайное это «множество названий *Рось, Русь* для славянских вод» (419).

3. Двойное значение имени Русь до Нестора и в эпоху его:

а) «Как *народное*, оно принадлежность всех славянских племен, входивших в состав словенорусского союза. Только этим именем отличает себя русский народ в сношениях с иноземцами».

б) «Как *племенное*, имя Руси принадлежит южным племенам, искони признававшим старейшинство Киева; сначала только полянам, древлянам, северянам, и, кажется, южным дреговичам; впоследствии и прочим, с ними слившимися югославянскими народностями. В теснейшем смысле *Русью* именуется только поляне и Киев; *русский* — синоним *Киевского*; Киев был настоящим центром Руси» (439 -440).

Иловайский. Разыскания о начале Руси. М., 1876. С. 254 — 258: по поводу слов Лиутпранда («по наружному качеству греки называют этот народ Русыми Rusios), Иловайский замечает: очень возможно, что «толкование Руссов в смысле русских перешло к грекам от самой

же Руси, которая главным образом осмысливала свое собственное название. Древнейшая форма этого названия, по всей вероятности, была не Русь, а *Рас* или *Рось*. Это *Рось*, как слово, чуждое греческому языку, потому и сохранилось в нем без изменения, в неподвижной, несклоняемой форме (fSq).

Грушевский. История Украиш — Руси. Т. I, изд. 3-е. 1913. С. 192: «Очевидно, «Русь» було спещальне Імя кигвьско! околицг, ПоляньюТ землг, 'і як всг проби вивести руське Імя вщ иньших, чужих народів, щвшчних і полудневих, не удають ся досськ, то приходить ся вважати його просто тубильним споконвчним Іменем КиГвьско! околиц'!».

Д. А. Хвольсон. О Русах у арабского писателя первой половины IX века Ибн-Хордабеха. Труды VIII Археол. Съезда. Т. IV, 1897. С. 116: коротенькое изложение доклада; пересказ более подробный (с изложением дебатов, вызванных докладом) у Шмурло, «Восьмой археолог. Съезд». Ж. М. Н. Пр. 1890, май и отд. СПб., 1890.

1. Показание Ибн-Хордабеха (847 г.): в Багдаде существовали *славянские* пленники-евнухи, служившие в случае нужды переводчиками для *русских*, приехавших в столицу халифов со своими товарами с севера по Дону, Волге и Каспию.

2. Значит, арабы знали руссов раньше появления на Руси норманнов — «основателей» Русского государства.

3. А поэтому слово *русский* есть наше, родное, исконное, от норманнов не заимствованное. Иначе пришлось бы допустить невозможное: что норманны настолько быстро успели передать свое имя племенам Восточной Европы, что имена: славянин и русс стали синонимами в Багдаде еще в IX веке.

Примечание. Напомним, что у Гаркави, Сказания мусульманских писателей. СПб., 1870. С. 48 о славянах и руссах сказано только это: «В Магреб (?) привозятся также через Западное море эвнухи Славянские и Суданские, мальчики Румские, девушки Андалузские, кожи рогатого и домашнего скота».

III. Гипотеза южного происхождения

В. З. Завитневич. Происхождение и первоначальная история имени «Русь». Труды Киев. Дух. Акад., 1892, декабрь. Слово «Русь» возникло на греческой почве: *русами* (Ρουαίος, т. е. рыжими, краснотельными) греческое простонародье называло восточных славян по их внешнему виду, и не только их, но, вероятно, и проходивших **Через** их землю северных варягов. Таким образом, слово Русь не было названием народа, а было народной кличкой.

Marquardt. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. Излагаю по статье Ю. Кулаковского. Новые домыслы о происхождении имени Русь. Киев. Ун. Изв. 1906, июнь. Имя Ros или Крог держалось в приазовских странах в течение веков еще с IV века, прилагалось к народу высокого роста, знавшего только пеший строй. Когда шведы пришли в середине IX в. на юг, то это имя было перенесено на них. — Кулаковский оспаривает этот домысел. Не согласен с Марквардтом и Грушевский: История Украины — Русь Т I С. 611.

Влад. Пархоменко. Норманизм и антинорманизм (к вопросу о происхождении имени «Русь»). Изв. отд. р. яз. и сл. Рос. Акад. Наук. 1923. Т. XXVIII (1924). С. 71-74: оспаривает гипотезу Брима; по его мнению, 1) имя Русь «возникло на юге в связи с Византией и походами туда»; 2) «Позже, затем уже оно принесено было в Киев».

IV. Гипотеза готского происхождения

А. С. Вудилович. К вопросу о происхождении слова Русь. Труды VIII археолог. Съезда. Т. IV (1897). С. 118—119; более подробный отчет о содержании доклада см. у Шмурло: «Восьмой Археолог. Съезд». СПб., 1890 (отд. отт. из Ж. М. Н. Пр., 1890, май).

1. В *неоднородности строения слова*. Русь (двойственность корневой вокализации); в *разнообразии его значения* (земля; народ; государство) автор чувствует какой-то иноязычный и инородческий элемент.

2. С севера прийти Русь не могла, так как Русь распространялась не с севера на юг, а с юга на север, причем Киев **ЯВЛЯЛСЯ** матерью русских городов. Однако норманисты правы, находя в германских корнях объяснение значительному числу загадочных древнерусских слов. Трудно оспаривать присутствие в древнерусском языке германского наслоения.

3. Таковым наслоением было наслоение *готское*, слово «Русь» соответствует готскому *hrothis*, *hros*, в котором о произносится как русское о и у, и в слове слышатся два корня — *рус* и *рос*, так что из него легко могло образоваться как *Русь*, так и *Рось*. *hrothis* у Ульфилы означает: победоносный, славный. *hrodh* — *gotoland* означало готскую область, лежавшую к востоку за Польшею, между Карпатами и Днепром.

В. Г. Васильевский. Житие Стефана Сурожского. Ж. М. Н. Пр., 1889, июнь. С. 448—450 (позже вошло в «Русско-византийские открытки». СПб., 1893; отд. отт. из «Летописи занят. Археогр. Комиссии». Т. IX).

1. «Тавроскифы суть смесь готов с таврами, иначе аланами». На юге России было три центра, сохранивших остатки пребывания там

готов: 1) полуостров Тендра, близ устьев Днепра; 2) южный берег Крыма и 3) местность около Анапы.

2. «Не мы первые скажем, что и под русскими письменами, найденными св. Кириллом, следует разуместь готские письмена, Евангелие и Псалтирь в переводе Ульфилы».

3. «Мы не хотим здесь проповедовать новой теории происхождения русского государства или, лучше сказать, русского имени, которую пришлось бы назвать *готскою*, но не можем обойтись без замечания, что при современном положении вопроса она была бы во многих отношениях пригоднее норманно-скандинавской» (449).

4. «В самых звуках слова тавроскифов есть элементы, из которых в народном греческом языке, столь склонном к усечениям, могло выработаться название Рось» («тавроСкиф»). «На это как будто указывает замечание Льва Диакона (рад. 63), что Рось есть просто-народное выражение, означающее народ, который по-настоящему должен именоваться тавроскифами» (460).

Дополнение к № 7

Толкование наших историков имени *Русь* в значительной степени опирается на показания арабских писателей IX—XI вв. Их сведения, чаще всего отрывочные, случайные и мало согласованные, дают материал для догадок и выводов (большой частью довольно шатких), позволяя судить о географическом местоположении народа *русое* и сближать (или противопоставлять) с народом *славянским*. Наиболее ценные указания дают следующие писатели:

1. *Ибн-Хордадбе* (Хордадбех, Хордадбег, Кхордадбег), ум. 912 г.: «Книга путей и государств» (написана между 866—874 гг.); сочинение географического характера. «У него единственно мы находим славянское слово князь; он один знает о славянском происхождении Русов, и ему одному известно о торговом пути купцов Русов» (Гаркави).

2. *Льв-Якуби*: «Книга стран» (892 г.). Труд тоже географический. Упоминает о набеге русов на город Ишбилия (Севиля в Испании) в 843 году.

3. *Абу-Джафар ат-Табари* (839—923), родом из Табаристана: «История царей». Это всеобщая история, доведенная до 915 года. Сведения о русах, хазарах: русы живут к западу от хазар, у Черного моря.

4. *Ион-Фадлан* (Ибн-Фацлан): «Записка» — официальный отчет правительству (халифу) о посольстве, посланном из Багдада в 921 году к Волжским болгарам в целях укрепления в вере новообращенных мусульманство болгарского царя и его подданных. Обстоятельное описание болгар (автор считает их славянами), хазар и русов (подробный рассказ о погребении воина и сожжении его трупa). Одно из «важнейших литературных произведений арабов о Восточной Европе» (Гаркави). См. А. Спицын. О степени достоверности «Записок»

Ибн-Фадлана. Записки Р. Арх. Общ. Т. XI (Труды отд. Слав, и р. арх., кн. IV. СПб., 1899).

5. *Ибн-Даста* (Ибн-Дустэ или Ибн-Дустех) (Куник). Голландский ориенталист де Гье (de Goje) а за ним Вестберг, предпочитают звать его: Ибн-Ростах (ibn-Rostch) в силу обычного у арабов смешения букв Даль (Д) с буквою Реш (Р). «Книга драгоценных сокровищ», ок. 930-х годов (Гаркави). По Хвольсону, писано раньше Ибн-Фадлана, даже ранее 913—914 г.: о болгарях, буртасах; быт славян и русов. Между прочим: «Что касается до Руси, то находится она на острове, окруженном озером. Остров этот, на котором живут они (русы), занимает пространство трех дней пути; покрыт он лесами и болотами; нездоров и сыр до того, что стоит наступить ногою на землю, и она уже трясется по причине обилия в ней воды. Они имеют царя, который зовется хакан-Рус. Они производят набеги на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаются, забирают их (славян) в плен, отвозят в Хазрен и Булгар и продают там».

6. *Аль-Масуду*: «Золотые Луга», ок. 940—950 гг.: о хазарах, славянах (их цари; племена), русах (их поход 913 г. на Каспийское побережье). После Ибн-Фадлана это наиболее подробные сведения о славянах и русах.

7. *Аль-Истахри аль-Фарси* [т. е. (человек) из Истархи (города), из Фарси — Персии]: «Книга климатов», ок. 950 г.: Каспийское море; река Итиль; деление русов на 3 племени: 1) Славия, 2) Арта (Эрзя-Мордва?); 3) третье племя не поименовано, названа лишь его столица: Кюяба (Киев).

8. *Ибн-Хаукал*: «Книга путей и государств», 976 год. Немало заимствований у прежних писателей (болгары, хазары, русы): О походах русов 913, 943 гг. и Святослава.

9. *Аль-Мукадесси*: «Книга лучшего разделения в познании климатов», 985 год. Торговля славян: город Итиль. «Русы живут на нездоровом острове, окруженном озером и служащем укреплением для них против врагов. Количество их — около ста тысяч человек; не имеют ни пашен, ни стад. Славяне нападают на них и забирают их имущество» Сравн. — противоречие с ибн-Дастой о том, кто на кого нападает.

10. *Ибнан-Надим*: «Книга росписи наукам», 987 год. Краткое сообщение о существовавших у русов письменах, вырезанных на дереве.

11. *Аноним X века*: «Книга стран»: с какими странами и народами ведут торговлю славянские купцы: 1) Рум-Византия; 2) хазары; 3) Джурджана (юго-восточное побережье Каспийского моря).

12. *Аль-Бекри*, ум. 1094 г.: «Книга путей и стран», труд географический и компилятивный. Главные источники: аль-Масуди, ибн-Дустэх и гл. обр. (недошедший до нас) испанский еврей Ибрагим-ибн-Якуб, писавший ок. 965 г.: славяне, хазары, буртасы, мадьяры, болгары приволжские и придунайские (их крещение; русы, печенеги).

См. еще: *В. Бартольд*. Новое мусульманское известие о русских. Записки Вост. отд. Рус. Арх. Общ., т. IX, вып. I—IV (1896). С. 262—267: персидский писатель *Ауфи*, XIII в., «Сборник анекдотов». В главе «О путях и государствах» повторяет показание *Ибн-Рустэ* о русах, живущих на острове среди моря. — *А. Туманский*. Новооткрытый персидский географ X века и известия его о славянах и русских. Записки Вост. отд. Рус. Арх. Общ. Т. X. СПб., 1897.

№ 8. Славянская Русь на побережье Черного и Азовского морей
(к стр. 75)

1. *Факты и соображения, приводимые в доказательство издавнего существования Славянской Руси на этих местах.*

1. Вятичи и северяне еще в VIII—IX ст. колонизовали область реки Дона (*Голубовский, Багaley, Шахматов*). Отсюда, по Дону, Руси нетрудно было спуститься к Азовскому морю.

2. Из Киева существовал прямой речной путь в Азовское море: Днепром, ее притоком Самарой, притоком Самары — Волчьей Водой; волоком по р. Калмиус или Миус — та и другая впадали в Азовское море. Еще в XIII в. Рубруквис нашел к западу от Дона большие леса. «Отсюда можно заключить, какие густые леса росли здесь в более глубокой древности; а они-то и обусловливали значительную массу воды в реках этого края. Особенно в полую воду судоходство могло совершаться беспрепятственно. И самый волок между Волчьей Водой и каким-либо ближним притоком Миуса или Калмиуса, по всей вероятности, покрывался водою» (*Иловайский*. Разыскания о начале Руси. М., 1876. С. 116).

3. Черное море уже к концу VIII в. называется современниками морем Русским. У арабов река Дон и Азовское море известны были под именем «Славянской» реки и «Славянского» моря.

4. Договоры Олега и Игоря с греками обязывали русских оказывать греческим «кубарам» и лодьям в случае, если они потерпят крушение на море или вообще очутятся в беспомощном положении, содействие и помощь для возвращения на родину. Это обязательство показывает, что Русь на Черном море была населением постоянным, не временной гостею, и имела там свой *ped-a-terge* (*Багaley*. История Северной земли. Киев. Ун. Изв., 1881, февраль. С. 24).

5. Договор, заключенный Игорем, обязывал его не только не нападать самому на Корсунскую область (южный берег нынешнего Крыма, входивший тогда в состав греческих владений), но не допускать к тому и Черных Болгар. Последние жили на нижней Кубани и в восточной части Тавриды. «Не допускать» их из Киева, очевидно, было бы трудно, почти невозможно (в этом случае пункт договора **Неизбежно** остался бы мертвою буквою); и только из Тмутаракани и ближайших к ней мест мог русский князь помешать Черным Болгарам

делать набеги на Корсунскую страну. *Иловайский* полагает, что эти болгары, первоначально подчиненные хазарам, перешли при Игоре под власть Руси (Разыскания. С. 123).

6. Тот же Игорь, по свидетельству Льва Диякона, после неудачного похода своего под Царьград, возвращался с остатками разбитого флота обратно в Киев по дороге не к устью Днепра, а к Босфору, т. е. Тмутаракани.

7. Договор, заключенный греками с Игорем, обязывал их, в случае надобности, оказывать киевскому князю военную помощь — против кого же? Помощь могла быть только морская, флотом: очевидно, имелись в виду такие враги Игоря, чьи земли прилегали к Черному или Азовскому морю и с которыми у него именно тут, на этом побережье, могли быть враждебные столкновения.

8. В договоре Святослава повторено обязательство Игорева договора: не нападать на Корсунскую землю.

9. Св. Кирилл, отправляясь на проповедь в землю хазар, нашел в Корсуне евангелие и псалтирь, писанные «русскими письменами», и познакомился там с одним «русином», который говорил «русским» языком и выучил Кирилла читать и писать на этом языке.

10. Свидетельство «Повести временных лет» о существовании русского Тмутараканского княжества. Главный центр его, Тмутаракань, находился на месте нынешней Тамани, т. е. на восточной, кавказской стороне Керченского пролива (в последний раз летопись упоминает о нем под 1094 г.). Русь могла появиться здесь с начала X века, а более или менее прочно утвердилась в княжение Игоря (*Багалей*. С. 25).

11. Если признать последнее положение, то можно допустить, что отсюда же, из тмутараканско-азовских мест, делала Русь, под предводительством своего князя Бравлина в конце VIII—начале IX вв. набеги на Сурож и Амастриду.

12. *Ламбин*. О тмутараканской Руси. Ж. М. Н. Пр. 1874, январь. С. 79, 95: Основание русского господству в Тмутаракани положил Олег в годы 884—906, отвоевав эту область у хазар. Утверждение на обоих берегах Босфора Киммерийского «имело важные последствия: обезопасив от хазар столицу и приднепровские завоевания Олега и передав в его руки не только все торговое движение на морях Черном и Азовском, но и самую судьбу Хазарской державы, оно открыло торговле и воинским предприятиям Руси обширнейшее поприще и сделало имя ее известным и грозным на Востоке. Вот почему с этого времени восточные писатели так много говорят о Руси».

13. *Грушевский*. Исторія Украши—Руси. Т. II, изд. 2-е (1905). С. 506—514: Тмутаракань находилась на месте нынешней Керчи; здесь была издавна, с V—VI столетия, русская колонизация. Под власть русских князей Тмутаракань перешла после упадка Хазарской державы. (Автор дает полный свод сведений о Тмутаракани).

П. Этим соображениям противопоставляются другие:

1. Тмутараканская Русь не славяне, а готы (*Васильевский*).

2. *ЕСЛИ* Русь утвердилась в Тмутаракани только при Игоре (что находит себе подтверждение в недавно открытом «Письме хазарского еврея»), то трудно объяснить появление в этих местах *русского* князя Бравлина на целое поколение или даже на два раньше, чем Игорь.

3. Принадлежность Босфора Киммерийского в 950 году хазарам (Константин Багрянородный) тоже нелегко согласовать с одновременным существованием на противоположном берегу пролива русской Тмутаракани.

4. Киевская летопись упоминает о Тмутаракани впервые не ранее 988 года, раньше же, в 912 — 913 гг., когда Русь направлялась Черным морем к Азовскому, чтобы пробраться далее к Кавказу, она нашла Керченский пролив в руках не славян, а хазар (*Niederle. Puvod a Po&atky slovenu Vychodnich*, 134).

5. Вот почему самое утверждение русских в Тмутаракани иные относят ко временам Святослава, не раньше, полагая, что только при Владимире Великом, с окончательным распадением Хазарского царства, она вполне вошла в состав Русской земли.

6. Мало того: не все признают существование Тмутаракани там, где ее видят другие: она находилась в устьях реки Дона, на земле алан, ее гавань «естественнее всего предполагать в Азове или несколько выше его»; на Тамани же лежал другой город — Матарха (*Спицын. Историко-археологические разыскания. Ж. М. Н. Пр.*, 1909, январь. Сравн.: *его же. Торговые пути Киевской Руси в сборнике «С. Ф. Платонову — ученики, друзья и почитатели»*. СПб., 1911. См. еще: *Вл. Пархоменко. Три центра древнейшей Руси. Известия отд. р. яз. и сл. Т. XVIII*, кн. 2-я (1913).

7. Тмутаракань даже не город, а целая область, простиравшаяся от Керченского пролива до реки Куры, и никакого княжества русского там не было [*В. Д. Смирнов. Что такое Тмутаракань? Византийский Временник, XXIII (1917-1922). С. 15-73*].

8. «Тмутаракань Таманская представляет пока полную загадку» (*Спицын. Тмутараканский камень. Записки р. и слав. арх. Р. Арх. Общ. Т. XI*; см. Смирнов, что выше).

9. Новейшие догадки о личности Бравлина проф. *Васильева, Врима* и *Н. Т. Беляева* см. в статье последнего «Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи» [*Seminarium Kondakovianum*, кн. III (1929). С. 320-322].

№ 9. Первоисточник сказаний о смерти Олега
и мести Ольги древлянам (скандинавский или славянский?)
(к стр. 77)

Буслаев, вслед за Шлецером (Нестор, II. С. 765), Погодиным (Исследования, I. С. 179), Соловьевым (История России, I, прим 187), считает источник скандинавским: 1) Сказание о смерти Олега ничто иное, как отголосок исландской саги о норвежском герое Орваре Одде. Орвару Одду колдунья предсказала 300 лет счастливой жизни и смерть от коня. Орвар умерщвляет коня, свергнув его в глубокий ров и насыпав над ним курган. Через 300 лет, вернувшись в Норвегию, он находит большие перемены: места, раньше зеленевшие, поблекли и засохли; рассыпался и курган, обнаружив голову коня. Орвар ворочает голову копьём, а из нее выскакивает ящерица и смертельно жалит его в пятку. — 2) Ольга сжигает древлянских послов в бане — «казнь очень обыкновенная в северных скандинавских сагах». *Геденов* горячо оспаривает Буслаева, утверждая, что как эти два сказания, так и два других, попавших в скандинавские саги: о мести Рогнеды и о Яне Усмошвце, — славянского происхождения. Между русскими сказаниями и скандинавскими сагами «есть все отличие оригинальных проявлений народного духа, от сухого, искусственного подражания неискусных литературных промышленников. Рассказ о смерти Олега не может принадлежать скандинавам уже потому, что до XII столетия они не знали верховой езды. Сказание об Ольгиной мести — народная поэма о покорении Древлянской земли. Как в Илиаде гнев Ахиллеса и разрушение Трои, так в русской поэме мщение Игоревой вдовы и сожжение Коростеня, являют все поэтические условия народных преданий и глубоко связанных с народной жизнью. Скандинавских сказочников поразило одно — военная хитрость; они пользуются ею при рассказе о взятии всевозможных городов, даже таких, которых не знают по имени; одного только не могли они придумать: средства к получению из осажденного города голубей и воробьев. Фридлов ловит ласточек под Дублином; Гаральд смолит целый лес под стенами неизвестного сицилийского города. — Сказание о мести Рогнеды — другое высокопоэтическое произведение народной фантазии... Сказание о Яне Усмошвце, соединенное в предании с основанием Переяславля, без сомнения, перенесено из древнейших времен в эпоху Владимира; если только еще не перешло к нам от вендов, о чем, кажется, следует заключить из западнославянской формы имени Ян; быть может, и Переяславль какой-нибудь западный Preslawl. Как бы то ни было, это сказание стало русским народным, подобно прочим; и оно отличается поэтической простотой рассказа, оригинальную естественностью подробностей. В скандинавской переделке преувеличения доходят до уродства; где русский богатырь вырывает у разъяренного быка «кожу с мясы, елико ему рука зая», скандинавский

силач вырывает заднюю ногу быка с лядвеею, и бык ударяется так сильно передними ногами в землю, что они уходят в нее по колена» (Варяги и Русь. СПб., 1876, ч. II, прим. 197).

У Гедеонова приведены для сравнения тексты русский, летописный, и латинский.

Характерно, что и в Азии, у монголов, сохранилось подобное же предание. Легендарное жизнеописание Чингис-хана рассказывает, как последний, обложив со своим войском непокорный стан племени Джуршид, «потребовал у осажденных в кочевье небольшую дань: 10 000 ласточек и 1000 кошек. Каждой ласточке и каждой кошке на хвост привязали по клочку хлопка, зажгли, ласточки полетели в свои гнезда, кошки бросились на свои крыши, и все запылало». (Всеv. Иванов. Мы. Харбин, 1926. С. 83).

Ср. еще: Л. И. Лященко. Летописные сказания о смерти Олега Вещего. Известия отд. р. яз. и слов. Акад. Наук. 1921. Т. XXIX (1925). С. 254-288.

№ 10. Походы Святослава на Восток

(к стр. 79)

Об этих походах имеются весьма неполные сведения в русской летописи и у арабских писателей (Ибн-Хаукаль); в исторической литературе о них высказаны суждения противоречивые. По взгляду почти всех наших историков, «Святослав является государем, которому были совершенно чужды интересы его родной земли, каким-то авантюристом, искателем приключений, любившим войну ради самой войны, готовым даже служить за деньги каждому, кто пожелал бы воспользоваться его услугами, умевшим делать завоевания, но не умевшим сохранять их за собой, одним словом, каким-то Пирром нашей истории» (Знойко. О посольстве Калокира в Киев. Ж. М. Н. Пр. 1907, апрель. С. 231-232).

Знойко оспаривает этот взгляд; он видит в деятельности Святослава сознательные мотивы государственной пользы: его походы на Восток имели целью открыть там новые торговые рынки. Предшественники Святослава устанавливали торговые сношения по *западному* пути, главной артерией служил им Днепр; Святослав же намеревался открыть путь в *восточном* направлении. Вот почему первый удар свой он нанес вятичам: через их землю лежал один из путей поволжской торговли. Здесь же объяснение, «почему вятичи были покорены киевскими князьями позже всех других славянских племен: они сидели не на том пути, на который было направлено все внимание предшественников Святослава» (Знойко. О походах Святослава на Восток. Ж. М. Н. Пр. 1908, декабрь. С. 273-274).

Три летописных похода Святослава (под 964—966 гг.) Знойко сводит в один, рисуя такой маршрут: Киев (май 964 г.); верховья

Оки, разорение вятичей; вниз по Оке (март 965 г.); Волга, разорение земель болгар и буртасов; разгром Итиля (август); разгром западных берегов Каспийского моря; вверх по реке Куме; Кубань (ноябрь 965 г.); покорение ясов и касогов, или, «вернее, Тмутараканской земли» (зимние месяцы); вниз по Кубани в Азовское море (апрель — май 966 г.); вверх по Дону до Саркела, взятие и разорение его (сентябрь); из Саркела далее вверх по Дону, волоком в землю вятичей, окончательное покорение их и возврат в Киев (май 967 г.) (Ж. М. Н. Пр. 1908, декабрь. С. 270).

Каковы же были результаты этого трехлетнего похода?

Чтобы добраться до земли болгар, «он выбрал новый путь, вверх по Десне, а оттуда на Оку и Волгу. И только пройдя этот путь, понял наш князь, что он гонялся за несбыточной мечтой. Он понял, что найти торговые пути и рынки и овладеть ими — мало; надо еще иметь силы, чтобы удержать их за собой. Только проплыв все огромное пространство от Киева до Тмутаракани, узнал Святослав всю колоссальность его размеров и страшную отдаленность его от Поднепровья; узнал, что земли, лежащие по этому пути, богаты тем же сырьем, которого и у него много, что сбывать это сырье нужно далеко на Восток, что вести торговлю с мусульманскими народами Азии могли только мусульмане же, — хазары и болгары, и что заменить их в этом отношении он никоим образом не может. Сидя уже в Тмутаракани, понял наш князь, что слишком рано вздумал он идти по тому историческому пути, по которому, спустя несколько веков, пошла затем Русь, хотя все-таки путь этот — из Киева на Оку и Волгу — первым прошел Святослав. — Таким образом, киевскому князю приходилось волей или неволей возвращаться на старую столбовую дорогу его предков. Приходилось вновь начинать дело все с той же Византией. Надо было только придумать новое средство, так как старые не годились: ни походы, ни переговоры не привели ни к чему. Таким средством было приобретение какого-либо опорного пункта на пути от Киева до Византии. Только владея таким пунктом, имея там всегда наготове достаточное количество морских и сухопутных сил, можно было держать Византию в страхе, можно было не беспокоиться за участь русской торговли. Один такой пункт уже был в руках Святослава: это была Тмутаракань» (Ж. М. Н. Пр. 1908, декабрь С. 295); другой Святослав задумал создать в Болгарии Дунайской, отсюда его поход туда, завоевание Доростола и противодействие, встреченное со стороны греков.

NB. Вслед за академиком Успенским, Знойко считает Саркел хазарскою крепостью, а византийскою, лишь несколько расходитя с ним в понимании мотивов ее построения. Успенский: «Крепость Саркел была построена византийцами с целью укрепления своего влияния на северных берегах Черного моря и, конечно, не по просьбе хазарского кагана. Византийский император строил укрепления не для хазар, а

для себя: в X веке Саркел принадлежал грекам, а не хазарам» (Византийские владения на северном берегу Черного моря IX и X веков. Киевская старина. 1889, № 5; ср.: Знойко. 1907, апрель. С. 262). Между тем, по мнению Знойко, «Саркел был построен византийцами не столько против хазар, сколько против Руси; построением этой крепости Византия не только ослабляла влияние Руси Киевской и Руси Черноморской на всем Азовском побережье, но и обеспечивала за собой свободную торговую дорогу на Дон и Волгу» (1908, декабрь. С. 285). См. там же еще:

1. «В X веке по обеим сторонам Керченского пролива успело образоваться и окрепнуть совершенно независимое и от Киева, и от хазар княжество Черноморской Руси» (с. 285).

2. «Походы 913 и 943 годов, о которых говорит в своей «Книге путей и государств» Ибн-Хаукаль, совершены не Киевской, а Черноморской Русью, которая усиливалась по мере того, как падало могущество хазар, и стремилась захватить в свои руки не только подонскую, но и поволжскую торговлю» (с. 285).

3. «Если Черноморская Русь в эпоху своего основания и считалась находящейся в зависимости от киевских князей, то уже с первых же дней своего существования упорно начала стремиться к независимости, чего в конце концов и добилась, умело пользуясь для этого благоприятными обстоятельствами. Поэтому положительно можно утверждать, что к концу княжения Игоря она представляла собой *совершенно независимое и от Киева, и от хазар владение*» (с. 269 — 280).

Фр. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе. Ж. М. Н. Пр. 1908, март.

1. Ибн-Хаукаль рассказывает, что в 358 году геджры (= 969 г.) город Булгар, «подобно Хазарану, Итилю и Самандару, был совершенно разграблен русами, которые тотчас после этого отправились в страну Румов (Византию) и Испанию» (с. 3).

2. Разгром Поволжья и Прикаспийских берегов был делом не восточных славян, а норманнской вольницы. Недаром «нагруженные несметною добычею, русы-норманны пускаются в обратный путь (в Скандинавию) через Средиземное море, вероятно, с целью сбыть награбленное добро, а может быть, и потому, что путь вверх по Волге или Днепру был невозможен вследствие наступившего зимнего времени» (с. 4).

3. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Lpzg., 1903, S. 1—5: связывает этот поход 969 года с походами Святослава на вятичей, хазар, ясов и касогов в 965 и 966 годах. Но в таком случае «выходило бы, что Святослав одновременно с войною русских на Балканском полуострове в 969 г., в год смерти Ольги, покоряет, кроме вятичей, все народы по средней и нижней Волге и в Прикавказье: болгар, буртас, хазар (Итиль и Семендер), ясов и касогов. Вещь вполне несообразная» (с. 5). В 968 г. Святослав спешит из приду-

найской Болгарии в Киев на защиту его от печенегов, присутствует при смерти матери (летом 969 г.) и остается дома до конца (мартовского) 970 года. «Поэтому крайне трудно себе представить, чтобы великий князь в то время, когда мать его находилась при смерти и собственное его войско занимало на юге Болгарию, раздробил свои силы и снарядил большое войско вниз по Волге в долговременную экспедицию против двух значительных государств: Камскую Болгарию и Хазарию» (с. 4).

4. «Хазарская крепость Саркел, построенная около 935 года, имела, очевидно, целью охранить землю хазар от вторжения печенегов» (с. 51).

№ Н. О достоверности договоров русских с греками X века
(к стр. 80)

В настоящее время самый вопрос уже не представляется более спорным: достоверность договоров признана в историко-юридической науке. Впервые сомнение в их достоверности высказал Шлецер; его мнение разделил Каченовский. Не воспринимая полностью их мнения, Сергеевич подчеркивал обилие в договорах «неясностей», «сомнительность» и «спорность» их содержания (Лекции и Исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 199. Сравн. его же: Греческое и русское право X века. Ж. М. Н. Пр. 1882, январь. См. также *Димитриу*. К вопросу о договорах русских с греками. «Византийский Временник». 1895. Т. II). В позднейших изданиях своих «Лекций» Сергеевич, однако, признал, что, при всех неясностях, «в настоящее время никто не отвергает достоверности договоров Олега, Игоря и Святослава» (изд. 3-е (1903), стр. 604, 616, 653).

Первыми горячими защитниками достоверности договоров были Круг, Эверс и Погодин (Исследования, Заметки и Лекции. М., 1846. Т. I, С. 111 — 154.). На признании достоверности Эверс построил и самый главный труд свой: «Das älteste Recht der Russen» Derpt, 1828. *Самоквасов*. Древнерусское право. М., 1903. С. 1—46 (и Курс истории русского права, изд. 3-е. М., 1908, те же страницы). Горячий защитник не только достоверности договоров, но и русского национального их происхождения; полемизирует со Шлецером (договоры подложны), Кругом, Карамзиным, Эверсом, Погодиным (договоры — продукт германского, не славянского права) и с Сергеевичем (продукт греческого права).

Литература обоих течений указана *И. М. Кулишером* в его книгах. «История русской торговли до 19-го века включительно». СПб., 1923. С. 14 — 31; и «История русского народного хозяйства», т. I. Москва, 1925. С. 27 — 41. Там же см. указания и на литературу, касающуюся оценки содержания этих договоров. См. еще: *В. Истрин*. Договоры русских с греками X века.: Известия отд. р. яз. и слов. Акад. Наук.

1924 года. Т. XXIX (1925). С. 383-393. - Gotz. Die russische Handelsverträge. Hamb., 1916.

№ 12. Торговая ли деятельность Киева обусловила его политическое возвышение?
(к стр. 85)

Вопрос о том, как велико было значение торговли, обмена товаров в древней Руси и, в частности, в Руси Киевской, представляется спорным в русской литературе. Как известно, именно крупным торговым значением Киева Ключевский объяснял его политическое возвышение, самый факт превращения его в центр народившегося Русского государства. Вслед за ним и Милюков: Очерки по истории русской культуры. Т. I, «на успехах внешней торговли» основывал «кратковременный блеск киевского юга, который быстро обеднел и потерял политический вес, как только расстроилась эта торговля». По их стопам идут: *Мельгунов*. Очерки по истории русской торговли, 1905; *Бутенко*. Краткий обзор истории русской торговли, 1911; *Святловский*. Примитивно-торговое государство, 1912, особенно *Довнар-Запольский*. История русского народного хозяйства. Т. I. Киев, 1911.

Наоборот, торговлю Киевской Руси считают незначительной: *Рожков*. Обзор русской истории, 1905; *Покровский*. Русская история, 1920; *Пресняков*. Княжое право, 1909; *Плеханов*. История русской общественной мысли. Т. I, 1914; Никитский (гл. обр. для Новгорода). Экономический быт Великого Новгорода, 1893 и, наконец, *Кулишер* История русского народного хозяйства. Т. I. М., 1925, у которого сведены все вышеуказанные данные по этому вопросу (с. 142—147).

См. выше: Спорные вопросы, № 6: «Как зародилось Русское государство», мнение Шахматова: «Русское государство создано не на торговом пути, а на пути завоеваний»; и указания Иловайского на противоречия, допущенные Ключевским в своей схеме. Ростовцев говорит о «военно-торговом» характере общественного уклада жизни Киевской Руси.

№ 13. Посольства, которыми обменялись княгиня Ольга и император Оттон I
(к стр. 87)

Вопрос этот один из самых спорных в нашей литературе. Источником служат одни лишь записи немецких летописцев, к тому же не всегда бесспорные: так называемый Продолжатель Регинона, Ламберт и др., напеч.: Pertz. Monumenta Germaniae Historica. Т. I; перечень **ИХ** дает *Голубинский*. Т. I, ч. 1. С. 103 и Ediger. Russlands älteste Beziehungen zu Deutschland, Frankreich und der römischen Kurie. haugural. Dissertation. Halle a. S. 1911, S.16.

Карамзин относил известие Рeginона не к Ольге, а к королеве Ругов (на острове Рюгене); Соловьев считал посольство Ольги обманным делом варягов; Макарий и Голубинский — посольством с целями, ничего общего с религией не имевшими; по мнению Грушевского, цель Ольгина посольства политическая, но Отгон воспользовался переговорами для посылки епископа на положении миссионера. Пархоменко относит посольство ко времени до принятия Ольгой христианской веры; Воронов, Фортинский, Приселков, Коробка — допускают посольство к Оттону в целях религиозных. Иловайский полагает, что цель была «может быть, отчасти политическая, отчасти религиозная»; Спицын говорит о целях торговых.

Карамзин. История Государства Российского. Т. I, прим. 395-е. — *Соловьев.* История России. Т. I, прим. 217-е.— *Макарий*, архиеп. Харьковский. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира. 2-е изд. СПб., 1868. С. 254 — 260. — *Голубинский* История русской Церкви. Т. I, полов. 1-ая, изд. 2-е. М., 1901. С. 81 — 83. — *Грушевский.* История Украины—Руси. Т. I. Кшв, 1913, изд. 3-е. С. 455. То же и в его «Очерке истории Украинского народа» СПб., 1904. С. 59. — *Пархоменко.* Древ. р. княгиня, равноап. Ольга (вопрос о ее крещении). Киев, 1911; *его же* на ту же тему о крещении Ольги статьи в журн. «Вера и Разум». 1911, №№ 10, 19; Начало христианства Руси. Очерк из истории Руси IX—X вв. Полтава, 1913 С. 133 — 138 (с Пархоменко полемизирует М. Козловский. Новая попытка решения вопросов о месте и времени крещения княгини Ольги. Варш. Унив. Изв. 1912, февраль). — *Воронов.* О латинских проповедниках на Руси Киевской в X и XI вв. Чтения в Истор. Общ. Нестора-Летописца, кн. 1, Киев, 1879. — *Фортинский.* Крещение кн. Владимира и Руси по западным известиям. Там же, кн. II (1889). — *Приселков.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913. С. 9—13. — *Коробка*, см. ниже, Приложения № 15. — *Иловайский.* История России, ч. I (1876). С. 43. — *Спицын.* Торговые пути Киевской Руси, см. выше, Приложения № 8.

№ 14. Когда и где крестился Владимир Святой
(к стр. 92)

Вопрос этот вызвал обширную литературу, а решается он по-разному.

Источники можно свести в следующие три группы:

А. Русская группа: 1. Начальная летопись. — 2. «Житие блаженного Володимера». — 3. Древнее житие св. Владимира. — 4. Житие Владимира особого состава. — 5. Повесть о крещении Владимира (в реконструкции Шахматова). — 6. «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона. — 7. «Чтение о житии Бориса и Глеба»

Нестора-Летописца (Нестора Печерского?). — 8. «Сказание страстей и похвала Борису и Глебу» неизвестного автора (Иакова Мниха?) — 9. «Память и похвала Владимиру» Иакова Мниха. — 10. Иоакимовская летопись.

Б. Византийско-Армянская Группа: 1. Лев Диакон. - 2. Михаил Пселл. - 3. Скилица. - 4. Кедрин. — 5. Зонара. - 6. «Записка греческого топарха». — 7. «Повесть о латынях», перевод греческого, не дошедшего до нас, текста. — 8. Житие св. Стефана Сурожского. — 9. Житие св. Георгия Амастридского. — 10. Асохик.

В. Арабская группа: 1. Яхъя Антиохийский. — 2. Ибн-ал-Атир. - 3. Ал-Макин. — 4. Продолжатель Ибн-Мисхавейха.

Главнейшие исследования

1) А. А. Куник. О записке греческого топарха. СПб., 1874 (Записки Акад. Наук. Т. 24, ч. 1). Впервые в русской литературе отмечено важное значение известий Аль-Макина и Ибн-ал-Атира в вопросе о крещении Владимира. Чудеса, рассказанные в Житии Стефана Сурожского, Куник связывает с личностью Владимира: возможно, что «первое побуждение к крещению явилось Владимиру из Сурожа».

Примечание. О записке греческого топарха писали еще: а) В. Г. Васильевский. Русско-византийские отрывки. IV: Записка Греческого топарха. Ж. М. Н. Пр. 1876, № 6 (и Труды В. Г. Василевского. Т. II, вып. I. СПб., 1909); б) Ф. И. Успенский. Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX и X вв. Оттиск из «Киев. Старины». Киев, 1889; в) П. Н. Милюков. Время и место действия записки греческого топарха. Труды VIII Археолог. Съезда. Т. III. М., 1897. Fr. Westberg. Die Fragmente des Toparcha Gothicus aus dem X Jahrhundert. СПб., 1901, изд. Акад. Наук.

2) В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков. Ж. М. Н. Пр. 1874, ноябрь (и Труды, т. I. СПб., 1908). Вводит в научный оборот показание армянского историка Асохика о шеститысячном отряде русских войск на службе у греков в 998 году. — *Он же.* Русско-византийские отрывки. II: К истории 976—988 годов (из Ал-Мекина и Иоанна Геометра). Ж. М. Н. Пр. 1876, март (и Труды. Т. II, вып. I). Пока нет причин сомневаться, что крещение Владимира произошло в 988 г. Но Корсунь взят позже апреля 989 г., следовательно, и крещение

Владимира состоялось позже 988 г. — *Он же*. Русско-византийские отрывки. Житие Георгия Амастридского. Ж. М. Н. Пр. 1878, февраль, март и отд. СПб., 1893 (Летопись зан. Археогр. Ком. Т. IX). Житие составлено ранее 842 года, а потому описанное в нем нападение Руси на Амастриду нельзя относить ко времени Владимира. — *Он же* Житие св. Стефана Сурожского. Ж. М. Н. Пр. 1889, май, июнь и отд. СПб., 1893. (Летопись зан. Арх. Ком. Т. IX). Автор жития жил до Владимира; описанное им нашествие русской рати на Сурож произошло в первой половине X в., а потому его нельзя ставить в связь с принятием христианства Владимиром.

3) *Е. Е. Голубинский*. История русской Церкви. Т. I, половина первая. М., 1880; 2-е изд. М., 1901. Опираясь главным образом на «Памяти и Похвале Владимиру», говорит: Владимир крестился не в 988, а в 987 г., притом не в Корсуне, а в Киеве, и не от греков, а руками священников из киевских варягов; на Корсунь же он ходил, во-первых, чтобы *завоевать* себе у греков высшую иерархию, не становясь вассалом византийского императора, а во-вторых, чтобы силою добыть руку царевны Анны.

4) *Ив. Малышевский* в рецензии на труд Голубинского («Отчет о 24 присуждении наград гр. Уварова». СПб., 1882) вводит существенные изменения в основном его тезисе: возможно, что в 987 г. Владимир заявил себя христианином, членом киевской христианской общины и допустил совершить над собою обряд, однако не крещения, а *оглашения* (наречение христианским именем; прочтение над оглашаемым известных молитв; надевание нательного крестика); само же крещение совершилось в Корсуне, почему и впоследствии точно не могли сказать, где именно крестился Владимир: в Корсуне ли, в Киеве или в Василеве.

5) *Бар. В. В. Розен*. Император Василий Болгаробойца. Извлечение из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883 (Записки Акад. Наук. Т. 44). Вводит в научный оборот новый важный источник — Яхью: показания Яхьи заставляют совершенно заново перестроить хронологию событий, связанных с крещением Владимира. Крещение киевского князя Розен приурочивает к Корсуню, но не ранее позднего лета или осени 989 года.

6) *Ф. И. Успенский*, в рецензии на книгу Розена (Ж. М. Н. Пр., 1884, апрель), в согласии с «Повестью о латынях», полагает, что в июне или июле 989 г. Владимир ходил на Константинополь, где и произошло его крещение и брак.

7) *П. Г. Лебединцев*. «Когда и где состоялось крещение киевлян при св. Владимире?». Киев. Старина, 1887, сентябрь. Пытается согласовать показание Начальной летописи с показанием Иакова Мниха (взял де Корсунь на третий год по крещении): в 988 г. Владимир взял Корсунь и крестился там, а в 990 году брал почему-то снова этот город вторично.

8) *Д. И. Иловайский* первоначально придерживался общепринятого взгляда, основанного на Начальной летописи (История России, ч. I. М., 1876), а позже, под влиянием Голубинского и Розена, сохраняя за взятием Корсуня прежнюю дату (988), крещение и брак относил уже к 989 году (понадобилось де известное время на переговоры, приезд Анны), а потому и крещение киевлян тоже не ранее 989 г. (Р. Старина, 1888, апрель и «Исторические Сочинения Д. И. Иловайского», ч. II. М., 1897).

9) *В. З. Завитневич*: 1) О месте и времени крещения св. Владимира и о годе крещения киевлян. Киев, 1888 (отд. отт. из Трудов Киев. Дух. Акад. 1888, № 1; 2) Владимир Святой как политический деятель. Исследование. Киев, 1888 (отд. отт. из Труд. Киев. Дух. Акад. 1888). Вслед за Голубинским принимает 987 год за дату крещения. «Это случилось в конце 987 мартовского года и, по всей вероятности, в начале 988 январского года, т. е. в промежуток времени между 1 января и 1 марта, так что по современному нашему числению, Владимир крестился в 988 году». Выражение Иакова Мниха «во святом крещении поживе блаженный князь Володимер 28 лет» прямо указывает на 987 год, так как вычитание следует производить не из числа, обозначающего текущий год (1015 — 28), а из числа, обозначающего протекшее перед тем полное число лет (1014 — 28).

10) *А. И. Соболевский*: 1) В каком году крестился св. Владимир? Ж. М. Н. Пр. 1888, № 6 (по поводу статьи Завитневича); 2) Год крещения Владимира Святого. Чтения в историч. Общ. Нестора-Летописца, кн. II (1888). Иаков Мних, на «Похвале» которого опираются Голубинский и Завитневич, не современник события: он жил сотнею лет позже. Вычитая 28 из 1015, года смерти Владимира, получим, конечно, 87; но вычитать-то следует 27, потому что «древнерусские люди были мало знакомы с именованными числами и производили действия с ними не по арифметическим правилам, а как-нибудь проще, вероятно, по пальцам; при этом, высчитывая годы от события до события, они обыкновенно включали в их число оба года, в которые совершились эти события».

И) *А. А. Шахматов*. Корсунская легенда о крещении Владимира. Сборник статей, посвященный В. И. Ламанскому, ч. II. СПб., 1908 (отд. отт. СПб., 1906). Владимир крестился дома, за два года до своего похода на Корсунь. Летописный рассказ — греческого происхождения: если в глазах русского человека первостепенное значение имел *политический* успех: завоевание Византийского города, торжество на поле брани; то грек, наоборот, на первый план выдвигал высококультурное, *религиозное* значение события. Корсунь дал Владимиру духовенство, царевну Анну, книги, духовное просвещение, которое новообращенный князь «повез» к себе домой — поэтому «вокруг воспоминаний об осаде и взятии Корсуня Владимиром *должна* была возникнуть христианская легенда». Но если легенду обрабатывал

грек, то ему (все же) «пришлось обратиться к устным преданиям о Владимире, к историческим сказаниям и песням». Вот почему в его труде сплелись «с одной стороны, корсунские легенды о чудесном обращении в христианство князя Владимира, а с другой, русские легенды о походе на Корсунь, о военных подвигах Владимира вообще».

12) *Г. М. Барац*. Библейско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире Святом (Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках др. р. письменности. Т. I, отдел 2-й. Париж, 1927; писано в 1908 г.). Летописный рассказ о походе Владимира на Корсунь не есть произведение народного творчества, как думает Шахматов, а изделие книжника, «по национальности, наверное, иудео-хазарина, или просто иудея, или самаританина, конечно, новообращенного, который для описания бесспорно исторических фактов... почерпал легендарные прикрасы преимущественно из еврейской и, лишь отчасти, из византийской письменности, подвергнув заимствованный материал самостоятельной обработке и воспользовавшись при изложении рассказа готовыми библейскими фразами и образами, а также некоторыми оборотами и выражениями, встречающимися в летописных же сказаниях о событиях, имевших место при князе Олеге и княгине Ольге» (598), причем «повесть о завладении Корсунем составляет лишь переработку, и даже не особенно значительную, сказания об осаде и взятии палестинского города Беттара», императором Адрианом (605).

13) *М. Д. Приселков*. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913 (Записки ист.-фил. факульт. СПб. ун. Т. 116). Выговорив себе, в уплату за военную помощь, руку царевны и выгодные условия при предстоящем образовании церковной иерархии, Владимир крестился в конце 987 г. «вместе с семьей и боярами, а может быть, и народом». Невыполнение греками условий привело к осаде Корсуни. Рука Анны была получена, но вопрос о церковном устройстве народа, уже крещенного, остался открытым. Тогда киевский князь обратился к Охридскому патриарху и получил от него то, чего добивался: архиепископа.

14) *В. М. Истрин*. Замечания о начале русского летописания (Известия отд. р. яз. и сл. Рос. Акад. Наук. 1921 г.). Т. XXVI. СПб., 1923. Греки старались внедрить «в умах русских людей убеждение, что вера христианская принесена на Русь исключительно греками, и что только они, греки, являются виновниками новой жизни на Руси, а никак не князь Владимир, который, по их мнению, не имеет никаких прав на канонизацию и на признание за ним заслуг по введению на Русь христианства». Обстоятельства содействовали этому; «Русские люди хорошо помнили крещение киевлян, но крещение самого князя Владимира, совершившееся, очевидно, без всякой помпы, прошло для них как-то бесследно, и тотчас, очевидно, возникло разногласие в определении места и времени его крещения. Одни указывали на Киев,

другие на Корсунь; одни утверждали, что Владимир крестился по взятии Корсуни, другие — после взятия. Если — в Корсуне, то, конечно, греки играли при этом главную роль. И вот новоприбывшие греки воспользовались корсунской версией и постарались ее распространить и усилить».

15) *Е. Ф. Шмурло*. Когда и где крестился Владимир Святой? Записки Рус. Историч. Общ. в Праге, кн. I. Прага, 1927 (отд. отт. Прага, 1928). В основе расходится с Шахматовым: «*Корсунская легенда* не миф, облеченный в историческую одежду, а, наоборот, исторический факт, изукрашенный фантастическим убором». Предложенная автором схема событий (соглашение 987 г.; поражение Варды фоки под Абидосом 13 апреля 989 г.; взятие Корсуни в конце 989 или начале 990 г.; крещение и брак весною, а крещение киевлян летом 990 г.) обладает, по его мнению, двумя существенными преимуществами: 1) «она берет дошедшие до нас данные такими, какими они дошли до нас; читает в них то, что в них написано, не прибегая к предположениям, будто такой-то источник дошел до нас в искаженном виде» и 2) то, что до сих пор понималось, как противоречие и несогласованность, освобождает от этих «противоречий».

Примечание. Сравн. еще дополнительно: Макарий, архиеп. Харьковский. История христианства в России до равноап. кн. Владимира. 2-е изд. СПб., 1868: всецело принимает показания Начальной летописи, как соответствующей действительности. — *А. Гаркави*. По вопросу о иудейских древностях, найденных в Крыму. Ж. М. Н. Пр. 1877, № 7: в противоположность Хвольсону, отрицает их достоверность (речь идет о записи Авраама Керченского о посольстве русского князя к хазарам для испытания веры). — *Иона Берхин*. Еврейский документ о посольствах св. Владимира для испытания вер. Киев. Старина. 1884. Т. X, декабрь: отстаивает подлинность этого документа, оспаривая сказанное Гаркави как в Ж. М. Н. Пр. 1877, № 7, так и в Известиях Р. Археол. Общ. Т. VIII. — *И. А. Линниченко*. Современное состояние вопроса об обстоятельствах крещения Руси. Труды Киев. Дух. Акад. 1886, декабрь: своего дает мало; одно берет у Голубинского, другое у Розена; оспаривает Успенского. — *С. П. Шестаков*. К вопросу о месте крещения св. Владимира (по поводу исследования акад. А. А. Шахма-

Е. Ф. Шмурло

това). Известия археологии, истории и этнографии при Казгнск. унив. Т. XXIII (1908), вып. 6. Шахматовская «гипотеза слишком удаляет нас от исторической основы легенды и тех версий ее, какие сохранились в дошедших до нас памятниках. Элемент былины, поэтического вымысла на русской почве, в создании корсунской легенды чрезмерно выдвинут автором на первый план, может быть, в некоторый ущерб исторической обстановке сказания и мотивам местного херсонского предания» (с. 325). — *Грушевский*. История Ук-раши-Руси, т. I, изд. 3-е (1913). С. 500-501. Владимир крестился до похода на Корсунь, а самый поход вызван был проволочкой в исполнении обещания — выдачи замуж царевны Анны. См. там же. С. 572 — 578: литература вопроса и оценка иностранных и русских источников. — Ср. еще: *В. Бартольд*. Новое мусульманское известие о русских. Записки Вост. отд. Р. Арх. Общ. Т. IX, вып. 1—4 (1896). С. 262 — 267 (о посольстве Владимира в Хорезм, к хорезмшаху и о принятии им мусульманской веры). — *Влад. Пархоменко*. Начало христианства на Руси. Полтава, 1913: принимает толкование Шахматова; ссылка на книгу епископа Кириона. Культурная роль Иверии в истории Руси. Тифлис, 1910. С. 290 след.: «готов заподозрить самый факт крещения Руси Владимиром» (с. 180). — *В. Титлинов*. К вопросу о начальной истории христианства на Руси. Христ. Чтение. 1913, декабрь: полемизирует с Приселковым. — *Ю. А. Якубовский*. Ибн-Мискавейх о походе Русов в Берда в 332 (944) г. (Византийский Временник. 1926. Т. XXIV). — *А. В. Флоровский*. Известия о Древней Руси арабского писателя Мисхавейхи, X—XI вв. и его продолжатели. (Seminarium Kondakovianum Recueil d'etudes I. Prague, 1927).

- № 15. По какому **обряду** вводилось христианство на Руси:
по восточному или по западному?
(к стр. 93)

Издавна сложившееся представление о месте и времени крещения Владимира Святого, основанное на летописном рассказе (Повесть временных лет) и державшееся в науке со времен Татищева вплоть до Соловьева, Бестужева и Забелина включительно, за последнее время было сильно поколеблено в трудах Голубинского и Шахматова (см. выше: «Когда и где крестился Владимир Святой?»),

Натиск на летописное повествование, однако не ограничился этим: и Голубинский, и Шахматов, утверждая, противно Повести временных лет, крещение Владимира не в Корсуне, а у себя дома, и не в 988 г., а годом раньше, не касались *обряда*, по которому принял Владимир новую веру. Теперь оказалось возможным утверждать, что обряд этот был латино-западный, не греко-восточный. Таково мнение Коробки: К вопросу об источниках русского христианства. Известия Акад. Наук. 1906. Т. XI, кн. 2. Вот что он говорит:

1. «В одной очень старой русской молитве встречаются, несомненно, норманнские имена святых, неизвестных в Восточной, но чтимых Западной церковью». Эти имена указывают пути, какими христианство проникало на Русь: западнославянский и скандинавский: 1) Борис и Глеб, Кирилл и Мефодий — и поныне чтимые в русской Церкви; 2) Войтех — западнославянский святой; 3) Магнус, Канут, Альбан, Олаф и Ватульф — все скандинавского происхождения.

2. Характерно, что о посольстве Ольги русские летописи совершенно умалчивают: свидетельство о нем сохранили одни лишь западные летописцы. Русскому летописцу, исповеднику восточной Церкви, неприятно было упоминать о том, что, в глазах его, бросало на Ольгу известную тень, — отсюда и молчание его о сношениях княгини с западными латинниками.

3. В словах летописца по поводу крещения Владимира в Корсуне: «Се же не сведуще право глаголют, яко крестися есть Владимир в Киеве, инии же реша: в Василёве, друзии же инако скажут» — звучит некоторое неудовольствие на существование слухов о крещении в Василёве или в Киеве. Эти слухи «как будто смущают летописца, и является предположение, не есть ли самая летописная повесть о крещении результат желания вытеснить эти слухи. Невольно напрашивается сопоставление этого факта — с фактом умолчания летописи о посольстве Ольги к Оттону. Летопись, по-видимому, скрывает нечто ей неприятное, и в обоих случаях этим неприятным является одно и то же».

4. Голубинским точно установлено, что Владимира крестили не греки; всего вероятнее, — говорит он, — христианскую веру Владимир **Принял** из рук местных (киевских) варягов-христиан. Но какого

обряда были эти последние? Обратим внимание на сагу об Олафе, конунге норвежском: креститься убедил Владимира Олаф.

5. «Греческие проповедники застали уже на Руси «варяжские» (латинские) церкви и «варяжских» попов, а простой народ и даже князья не умели еще отличить одной религии от другой, и бывали случаи (что, несомненно, известно относительно Новгорода), что даже своих детей на молитву носили варяжским попам».

6. Ряд показаний свидетельствует нам о сношениях Руси с римскою Церковью как в первые века ее христианства, до раздела Церквей, так и долгое еще время спустя после раздела:

а) К Ярополку (ошибочно сказано: в 979 г.) приходили послы от папы.

б) В 988 г. к Владимиру, по взятии им Корсуня, приходили туда послы от папы «и моши святые принесоша» (Никоновская летопись). — «С какой стати папа присылает Владимиру моши? Возможен ли самый факт присылки мощей человеку иной веры? Уже один этот факт делает очень вероятным крещение Владимира именно по западному обряду».

в) Послы папские приходили и в 991 г «с любовью и честью»

г) Приходили они и в 1000 году.¹

д) Сношения с папами продолжаются и после разделения Церквей, в 1074 — 1075 гг.; между 1084 и 1089 гг.; 1091 («приде Феодор, грек митрополичь, от папы из Рима, и принесе много мощей святых»), 1096, 1169, 1227, 1231 гг.²

12. Праздник перенесения мощей Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бар 9 мая установлен на Руси во второй половине XI в., уже по разделению церквей. Перенесение являлось празднеством для латин: они приобретали славные останки великого деятеля Церкви, но празднество печальное для греков: они теряли святые моши. Между тем этот день празднуется русскою Церковью — кто же установил в ней это празднество? Конечно, не греки, которые, конечно, не ввели его у себя.

13. После разделения Церквей (1054) греки ведут упорную полемику с латиной; начало ей кладет уже первый киевский митрополит Леон — между тем русское духовенство остается совершенно в стороне от нее. Сама полемика была бы непонятна, не представляй «латина» реальной силы.

¹ Никоновская летопись под 994 и 1001 гг.: посольства Владимира к папе. — *Е. Ш.*

² Возможно, что и в 1207 г. папа отправлял посольство на Русь. — *Е. Ш.*

14. Привить к новообращенным русским христианам ненависть к латинской вере греческому духовенству удастся не скоро; «даже сами греки митрополиты в одно и то же время сочиняют послания против латины и посылают послов к папе, принимая от последнего мощи» (Иоанн II; см. выше пункт II, д. под 1091 г.).

15. Западное христианство распространялось главным образом среди варягов, следовательно, в высшем, правящем классе. Народная масса крещена была позже по греческому обряду. Владимиру важно было закрепить культурные отношения к Византии (Корсунь; брак с царевной Анной). Полуварвар, он плохо разбирался в обрядности и догме, и ему «было по существу все равно, к какой Церкви прикнудить, но для него не безразличны отношения с Византией, и он, принимая греческую иерархию, крестя массу по восточному обряду, продолжает сноситься с папами». Лишь «постепенно греки успели внушить свое отношение к латине и русским вместе с другими византийскими идеалами, но это сделалось не сразу, думается, не ранее конца домонгольского периода, до тех же пор русское христианство, получая высшую иерархию из Византии, не рвало и с Римом».

Таковы положения Коробки; но и они не могут быть признаны последним словом по данному вопросу, тем более, что сам автор не претендует на безусловную верность своего взгляда и высказывает его лишь как гипотезу. Ср. ниже приложение No 34: «Когда, в действительности, началось отчуждение Древней Руси от римской Церкви?»

См. *А. И. Соболевский*. Несколько редких молитв из русского сборника XIII века. Известия отд. р. яз. и сл. Рос. Акад. Наук. 1906. Т. X, кн. 4. Эти молитвы переведены с латинского; между прочим, «Молитва св. Григория Двоеслова» (т. е. римского папы Григория I Великого, 590 — 604) содержит слова: «тебе моля Господи Иисусе Христе вседержителю, да отпустиши мне все грехы моя... и тебе моля Петре иже держиши ключа царствия небеснаго, да разрешиши грехы моя на земли» (с. 72). Другая молитва, приписываемая тому же папе Григорию, сохранилась в списке XI в.: «Молитва ш збавлени и б блоуда и© оугашени плъти» (там же, 1906. Т. XI, кн. 2. С. 13).

№ 16. О примате Римского первосвященника (к стр. 95)

Отметим еще некоторые факты, свидетельствующие о том, как неуклонно и последовательно росла и крепла в сознании христианского Запада идея о праве Римского первосвященника на главенство в Церкви.

1. Уже в IV веке папы Дамас и Сириций провозглашают, как правило: рукоположение во епископа действительно лишь с согласия рим-

ской Церкви; по рукоположении, епископы обязаны являться в Рим для получения паллия (омофора). Тогда же император Грациан (375 — 383), ревностный христианин, особым декретом признал за папами право судить епископов, сам не будучи им подсудным. Правда, в жизнь постановления эти тогда еще не вошли, но мысль была пущена в оборот и несколько позже принесла свои плоды. Византийский император Фока (еретик и нуждавшийся в поддержке пап) признал римскую Церковь главою всех Церквей, а титул «вселенского» исключительной принадлежностью римского епископа (606), так что последний, недовольный постановлениями 2-го и 4-го вселенских соборов, признавшими за ним первое место лишь *по чести*, теперь, действительно, получил основание претендовать и на главенство церковное.

2. Моральный авторитет пап неуклонно рос по мере того, как росли *территориальные* размеры их влияния, раздвигались пределы римской «епархии». Главнейшие германские племена обращены были в христианство (франки, англосаксы, германцы), арианство заменено православием (лонгобарды, вестготы). Это поставило местные церкви в варварских государствах Западной Европы в положение дочерей к римской Церкви-матери. Их создал папа, за ним и право руководить ими. Попытки местных Церквей отстоять свою независимость кончились неудачей (Франция, Милан, Равенна, Аквилея). Таким образом, Западная и Северная Европа с центральнойю ее частью образовали как бы одну громадную епархию под властью и верховным наблюдением римского епископа.

3. Дар Пипина Короткого (пожалование Равенского экзархата папе Стефану II) положил начало светской власти пап (756). Авторитет духовный получил поддержку в авторитете светского владыки. Но реального факта духовного примата и светской власти было недостаточно — чувствовалась потребность в идейном, юридическом оправдании этого факта. Его дали так называемый Дар Константина и Исидоры Декреталии.

4. ДАР КОНСТАНТИНА (Donatio Constantini), иначе ВЕНО КОНСТАНТИНА — это жалованная грамота, якобы выданная Константином Великим папе Сильвестру в знак своего духовного подчинения и в благодарность за исцеление от слепоты, перед тем поразившей его. В силу этой грамоты папа признан главою над всеми остальными епископами (патриархами), кафедра апостола Петра выше всех остальных. Император уступил папе Латеранский дворец, «превосходящий все дворцы в мире», город Рим, Италию и все западные страны — короче говоря, весь Запад, себе же оставил Восток, куда и перенес свою столицу: не подобает де главе империи жить там, где живет глава Церкви. Как символ светской власти над Римом, Константин передал Стефану диадему с собственной головы.

5. ИСИДОРОВЫ¹, или, как их чаще и справедливее называют, ЛЖЕ-ИСИДОРОВЫ ДЕКРЕТАЛИИ - сборник постановлений раз-

ных пап за время от I до VII в. (до Григория Великого). В числе разных постановлений, писем сюда внесена и грамота — «Дар Константина». Декреталии объявились в 836 г.; папа Николай I (858 — 867) принял их за руководство, и с тех пор они получили значение канонических, т. е. обязательных для верующего и непререкаемых постановлений римской Церкви. Вот главнейшие из их положений: 1) ни один поместный собор не может законно собраться без разрешения папы; 2) окончательный суд над епископом, последнее решающее слово принадлежит одному папе; 3) право открывать новые епархии, равно и основывать митрополии, тоже принадлежит одному папе.

Происхождение Декреталий надлежащим образом не выяснено. Одни приписывают их Исидору Меркатору, монаху из Майнца; другие полагают, что источник их происхождения следует искать в галликанском (французском) духовенстве: желая де обеспечить себя от притязаний светской власти (франкских королей), последнее задумало приписать римскому епископу права, опираясь на которые, духовенство могло бы легче отстаивать свое положение и интересы.

Ложные, Декреталии не были, однако, *подложными*; по крайней мере, в течение всех средних веков они признавались всем католическим миром за действительные; в их достоверность верила не только простая толпа или не только те, кому, по честолюбивым мотивам, выгодно было считать их за действительные, но и ученые-богословы, как, например, знаменитый канонист Грациан (см. ниже) или Фома Аквинский, этот еще более знаменитый учитель римской Церкви. Подложность Декреталий (а вместе с ними и Константинова «Вена») выяснилась лишь в XV веке, в эпоху гуманизма и классического возрождения, с рождением научной критики и новых материалов (греческих рукописей) для суждения. Серьезный удар Декреталиям нанес Кальвин (1509—1564), а «Дару Константина» — еще раньше Лоренцо Валла (1407—1457), доказавший его подложность в сочинении «De falso credita et ementita Constantini donatione declamatio». Восточная Церковь никогда не признавала подлинность Декреталий, так как они расходились с постановлениями Вселенских соборов, Католический же мир считал их действительными, несмотря на эти противоречия, потому что по духу, по своему направлению, они вполне подходили к воззрениям средневекового общества Западной Европы, к его представлениям о власти папы. И если Декреталии Давали точку опоры этому взгляду, то и самая авторитетность их, **Может** быть, еще в большей степени зависела от их согласованности с этими воззрениями.

6. ПАПА НИКОЛАЙ I (858 — 867) широко использовал и «Вено», и Декреталии, найдя в них точку опоры в борьбе своей с константинопольским патриархом. Он особенно выдвинул следующее положение: по праву вселенского судьи, папа судит всех, но сам ничему ^сУду не подлежит. Анафема тому, кто не подчинится суду папы. Этот

тезис Николай применил на деле, позвав на свой суд константинопольских патриархов Фотия и Игнатия и лишив равенского экзарха независимости. Со времени Николая I постепенно создается фикция: папство есть установление божественное, издавна вселенскую церковь признававшееся.

7. ПАПА ГРИГОРИЙ VII (1073-1085). В области *церковной* жизни он учил: «Римская церковь никогда не заблуждалась и не будет заблуждаться во веки веков» (Корелин). «Благодать св. Петра уничтожает человеческую свободу папы: он волей-неволей становится святым; от него отнимается возможность погрешать в области догмата. Вследствие возведения на апостольский престол он не может не стать лучше: он приобретает святость ex office; и, что важнее всего, — в сфере догмата он становится непогрешимым автоматом благодаря св. Петру» (Трубецкой).

Вот еще несколько его положений: «1) правильно избранный папа свят и непогрешим; 2) один он правильно называется вселенским; 3) без его позволения никакой собор не может называться вселенским; 4) без его свидетельства ни одна книга не может быть издана в свет и считаться правильною; 5) его суда никто не может отринуть, а он один может отвергнуть всякий суд; 6) судить его самого никто не может; 7) все важные дела церковные подлежат его решению; 8) епископов он может низлагать и переводить с одного места на другое без собора» (Лебедев).

В области *политической* жизни: 1) инвеститура (возложение на епископа перстня, в знак его епископского достоинства) принадлежит папе, а не императору; 2) папа может отлучать недостойных государей от Церкви; 3) отлученных низвергать с престола; 4) разрешать подданных от присяги такому государю; 5) поднимать подданных против них, призывать к бунту против такого, отлученного от Церкви государя.

8. БОЛОНСКАЯ ШКОЛА ЮРИСТОВ XII века выработала целую стройную систему церковного права, придав юридическую силу тому, что уже существовало в действительности. Наиболее известный представитель ее, знаменитый канонист *Грациан* в своем сочинении «*Decretum*» (1159) доказывал, что: 1) папа выше закона; 2) что могущество папы — это бездонное море, *mare magnum*, в котором тонут все права остальных; 3) что папа имеет право не только бичевать злых (еретиков), но и казнить их.

9. ПАПА ИННОКЕНТИЙ III (1198-1216) поднял величие и значение папства до его апогея. Император Отгон IV, короли Кастилии, Арагона, Сицилии, Венгрии признавали себя его ленниками; французский король Филипп-Август полатился интердиктом (отлучением от Церкви) за развод свой с женою-королевою. Обаяние своей власти Иннокентий распространил и на Восток — православный и языческий (завоевание Константинополя крестоносцами и основанием Латинской империи; образование Ливонского ордена). Он утверждал:

1) в Церкви полнота власти у одного только папы, ни у кого больше; иными словами, папа выше вселенских соборов; 2) все епископы лишь его помощники, папа может их отрешать, перемещать с одной епархии на другую, вмешиваться в дела их управления и призывать к себе на суд; 3) папа есть наместник Христа и владыка мира.

10. **ФОМА АКВИНАТ** (1227 — 1274), доминиканец, величайший философ Католического мира, выработал систематическое учение о главенстве папы, ставшее догматом католической Церкви. В 1323 году папа Иоанн XXII канонизировал его, не дожидаясь от его тела чудес, как того требовали правила римской Церкви, потому что каждое де его сочинение само по себе уже есть чудо (*Quot scripsit, articulos tot miraculos fecit*). Его главнейшие сочинения — две «Суммы»: «*Summa philosophiae, de veritate fidei catholicae contra gentiles*» и «*Summa theologiae in tres partes distributa*». Папа Лев XIII возвел Фому Аквината в доктора Церкви, а изучение его «Сумм» признал обязательным в католических школах, как образец для других богословии.

Точку опоры своему учению Фома искал и нашел в Лже-Исидоровых Декреталиях и в сборнике искаженных (или вымышленных) свидетельств восточных соборов и отцов Церкви: Златоуста, Кирилла Иерусалимского, Кирилла Александрийского, якобы признававших главенство и непогрешимость папы. Фома Аквинат учил: 1) Иисус Христос передал ап. Петру и его преемникам всю полноту своей власти, а потому не повиноваться папе — то же самое, что не повиноваться И. Христу, самому Богу; 2) не папа заимствует свой авторитет от собора, а собор его от папы; 3) папа вправе постановить новое исповедание веры (значит, изменять догматы?); 4) тот еретик, кто не подчиняется авторитету папы (Лебедев).

Идея главенства Римского первосвященника в христианской Церкви, как явление историческое, выросла и сложилась не сразу, а на протяжении целого ряда веков и не раз встречала авторитетную оппозицию. Один из отцов Церкви, св.Ириней, епископ лионский (177) утверждал, что епископы в Галлии могут быть рукополагаемы безо всякого участия римского папы. Вообще вплоть до Карла Великого на Западе далеко не все признавали за папами право на верховную власть в Церкви.

Блаженный Августин, епископ гиппонский (354—430), «величайший из отцов древней Церкви христианского Запада», автор знаменитого «Града Божьего» (*De civitate Dei*), ту же мысль выразил еще в более резкой форме, так формулируя одно из постановлений собора Меливийского: «Кто захочет апеллировать к тем, которые находятся **По** ту сторону моря (т. е. в епархиях, лежащих вне Африки), тот нигде не будет принят в общение в Африке» — иными словами: **Христианин** африканской диэцензии, передавший свое дело на суд

римского епископа, будет за такой поступок отлучен от Церкви. Тот же блаженный Августин, основываясь на постановлении шестого Карфагенского собора, запретившего кому бы то ни было из епископов принимать титул «князя епископов», или «верховного епископа», настойчиво убеждал папу Целестина не принимать апелляций от африканских епископов и не посылать своих делегатов, дабы не водворять в церкви человеческую гордость.

Тот же блаженный Августин: 1) Христос дал всем без различия апостолам одинаковую власть; сами же апостолы никогда не признавали Петра заместителем Христа и непогрешимым учителем Церкви, никогда и сам Петр не смотрел на себя такими глазами.

Но сторонники папского примата ссылаются на слова Спасителя. «И аз же тебе глаголю, яко ты еси Петр; и на сем камени созижду церковь мою, и врата ада не одолеют ей» (Мф. XVI, 18), понимая их в том смысле, что Церковь, основанная ап. Петром, есть основной фундамент Церкви христианской. Августин же под «камнем» понимает не самого Петра, а его *исповедание*, ту сильную *веру* в божественность И. Христа, которая его захватила, превратив в горячего последователя божественного Учителя. Именно эта вера, это чувство названо камнем, а сам исповедник — *Петром, каменным* человеком, Petrus; ideo Petrus a petra, поп петра а Petra, подобно тому, как слово «христианин» произошло от слова «Христос», а не наоборот, не «Христос» от «христианина». Мысль Спасителя такая: «Не тебя, Петр-Симон, Я заложу фундаментом Своей церкви, а силу твоей веры, и на ней, на глубине, на прочности твоего чувства, которая одинаково может быть уделом всякого глубоко и сильно верующего человека, — заложу церковь».

Согласно с Августином думали и св. Кирилл Александрийский, Иоанн Златоуст, Ориген, св. Василий Великий, блаженный Феодорит.

В эпоху Великого Церковного Раскола Константинопольский собор постановил: ему, как собору вселенскому, и потому получившему власть от И. Христа, подчинены все, не исключая папы (1414). Базельский собор подтвердил это постановление, добавив, что папа может погрешить, Церковь же никогда (1442). Приоритет собора над папою провозгласила впоследствии и галликанская Церковь, во главе которой стоял тогда знаменитый французский проповедник Боссюэт (1682).

На Римском соборе 1870 года, установившем догмат о непогрешимости папы, Штроссмайер, епископ загребский, выставил такие основания против примата (опускаю то, что говорилось до него и указано выше):

А. Иисус Христос не выделял Петра и совсем не думал давать ему какие-либо преимущества перед другими апостолами: а) посылая апостолов на евангельскую проповедь, Он всем им дал *одинаковую* власть брать и решать; б) Петру и прочим апостолам Он прямо запретил господствовать и стремиться к господству (Лк. XXII, 25).

Б. Не смотрели и апостолы на Петра, как на старшего: а) апостолы посылают Петра (вместе с Иоанном) в Самарию на проповедь Евангелия; решение исходит от всей коллегии апостольской. Такого коллегиального постановления не могло бы состояться, будь Петр, действительно, старшим; б) на вселенском соборе в Иерусалиме Петр присутствует на положении, одинаковом с другими апостолами. Будь он, действительно, папою, созвать собор надлежало бы ему; между тем собор был созван не им, а св. Иаковом; в) определения этого собора были опубликованы от имени апостолов, старейшин и братьев (Деяния Апост., XV), а не Петра; г) ни Б в одном из своих посланий ап. Павел не упоминает о первенствующем положении Петра, хотя поводов к тому имел бы достаточно.

В. Да и сам Петр ни в чем не проявил своего первенства: ни на соборе Иерусалимском, ни в Антиохии, ни в обоих своих посланиях. Более того: он прямо упрекал тех, кто говорил: «Мы Павловы», «мы Аполлоновы», «мы Петровы», т. е. являемся последователями преимущественно такого-то апостола или проповедника (Коринф., I, 12). Будь он главным, Петр не мог бы бросить такого упрека, по крайней мере, тем, кто называл себя «Петровыми».

С вопросом о *главенстве* папы неразрывно связан другой вопрос — о его *непогрешимости*. В 1870 году католическая Церковь признала непогрешимость римского первосвященника за догмат, как один из основных канонов Церкви. Идею непогрешимости отстаивал еще *Беллармин* (1542 — 1621), знаменитый богослов-иезуит (главнейшие его сочинения: «Disputationes de controversiis fidei adversus hujus temporis haereticis» и «Tractatus de potestate summi pontificis in rebus temporalibus»).

Папа, учил Беллармин, есть душа Церкви; без него она не более, как труп. Если папа прикажет совершить грех, то Церковь должна считать такой грех за добродетель. Но так как в действительности этого не может быть, то папа, значит, непогрешим. Он выше вселенских соборов, не подлежит ничьей юрисдикции, ибо сам есть источник церковного правосудия, а юрисдикция епископов есть лишь простая эманация его собственной.

В папе, говорит Беллармин, надо различать два лица: обыкновенного смертного и вселенского пастыря. Как простой человек он может грешить, и не только в частной своей жизни, но и в вопросах веры и нравственности, т. е. может неправильно верить и совершать поступки, неприемлемые человеческой совестью и моралью; как таковой, он может в своих поступках идти наперекор Духу Святому, «пребывать в заблуждениях и неверии»; но когда он действует *ex cathedra*, т. е. как высший Представитель богоустановленной Церкви; когда из простого, частного лица превращается в Наместника Христа, то он становится непогрешим-

мым: как скоро он начинает говорить, как вселенский пастырь, то тогда «Дух Божий движет его устами и непогрешительное ведение богооткровенной истины открывается всему миру». Вот почему постановления, сделанные *ex cathedra*, неизменны сами по себе, и для их действительности согласие Церкви не есть безусловная необходимость. Таким образом, порочность папы, как частного человека, не мешает ему изрекать определения по действию Духа Святого. Уж на что, казалось, порочнее папы Иоанна XXIII: Констанцкий собор признал его великим грешником, еретиком и беззаконником, обвинил в человекоубийстве; между тем его акт, произведенный «с кафедры» — канонизация шведской святой Бригитты, сопричисление ее к лику святых — принят римской Церковью, несмотря на то, что незадолго перед Иоанном другой папа, Григорий XII, изгнал Бригитту из Рима, как вредную для Церкви мечтательницу. — Не имея права низлагать государей, папа, однако (учил Беллармин), вправе отнять у них их власть, передать ее другим и объявлять гражданские законы недействительными в случае, если того потребует «спасение душ христианских».

Правильность догмата непогрешимости оспаривается не только православною Церковью, но и некоторыми католиками. Они указывают на невозможность допущения, чтобы Дух Святой говорил устами одного папы то, что потом или раньше отвергал устами другого, и чтобы лица явно преступные или поступавшие противно учению Церкви, были выразителями божественной воли.

1. Папа Виктор (192 г.) сперва одобрил монотеизм, а потом осудил его. Между тем и в том, и в другом случае он действовал «с кафедры»
 2. Папа Марцелин (296 — 303) был идолопоклонником: приносил жертвы богине Весте.
 3. Папа Либерий (358) принял арианство, лишь бы вернуться из ссылки и получить обратно кафедру, с которой он был низведен.
 4. Папа Вигилий (538) купил папство у Велизария.
 5. Тоже путем симонии получил свою кафедру и папа Евгений III (1145).
 6. Папа Григорий I (578 — 590) называет антихристом того, кто титулет себя «вселенским» епископом; между тем один из ближайших его преемников, папа Бонифаций (607 — 608) сам понудил императора Фоку (отцеубийцу) дать ему этот титул.
 7. Этот же Бонифаций подтвердил еретическое учение Пелагия.
 8. Папа Иоанн XXII (1316—1334) отвергал бессмертие души и был за то низложен на Констанцком соборе.
 9. Среди пап были корыстолюбцы, кровосмесители, убийцы — неужели они могли быть заместителями И. Христа? Наместничество неразрывно связано с преемственностью действий; между тем мы видим, что один папа нередко уничтожал то, что устанавливал другой (Штрессмайер).

Далее, каким мерилom можно установить, «с кафедры» или не «с кафедры» действовал папа в таких, например, случаях:

1. Папа Сикст V (1585—1590) собственноручно исправил перевод Библии, ввел его в употребление вместо прежнего и, под угрозой

анафемы, обязал считать его наравне с подлинником. Однако с течением времени перевод оказался и был признан ошибочным, изъят из обращения и заменен другим. Очевидно, действие Сикста, как ошибочное, не могло быть «кафедральным», между тем анафема состоялась, конечно, «с кафедры».

2. Учение о Филиокве, т. е. об исхождении Духа Святого «и от Сына» (*filioque*) возникло в Испании в IV веке, отсюда проникло в Германию и привилось там, но не сразу. Карл Великий настаивал на внесении *filioque* в текст Символа веры, но встретил энергичное сопротивление со стороны папы Льва III. В целях предохранить на будущее время старую редакцию (с признанием исхождения Духа Святого только от Бога Отца) от новых посягательств на нее, папа распорядился вычеканить текст Символа веры на двух металлических таблицах и прибить последние к дверям храма. Это, однако, не помогло: другой папа, Бенедикт VIII, по настоянию другого императора, Генриха II, ввел «филиоквэ» в текст (1015), и с тех пор новая редакция Символа веры вошла во всеобщее употребление в католической Церкви, стала для нее обязательной. Спрашивается: из этих двух пап кто прав, кто ошибался, потому что, очевидно, тот или другой читал и исповедовал 8-й член Символа веры неправильно?

3. Папа Евгений IV признал постановление Констанцского собора о верховенстве соборов над папами, но позже стал утверждать, что папы выше соборов — в котором из этих двух случаев он был «кафедрален», иными словами, в каком случае его «кафедральный» акт был совершен не «с кафедры»?

4. Аналогичный вопрос возникает и по поводу ордена иезуитов: папа Климент XIV в 1773 г. закрыл его «с кафедры», а папа Пий VII, действуя тоже «с кафедры», восстановил его действия в 1814 г. В одном случае существование ордена признавалось вредным, в другом — восстановление его полезным и необходимым.

Православная Церковь не признает и не может признать ни главенства, ни непогрешимости папы в силу тех начал, какие положены в ее основание.

1. Папа не может быть видимым главою Церкви, потому что Церковь сама по себе уже есть тело Христово, а потому у нее не может быть иной главы, как сам И. Христос.

2. Высшая духовная власть на земле принадлежит одному лишь Вселенскому собору — ему, наравне с остальными епископами, подчинен и папа.

3. Церковь непогрешима не потому, что во главе ее стоит якобы Непогрешимый папа, через которого действует Дух Святой, а потому, что она сама по себе святая, т. е. непогрешимость ее покоится на собственной святости, отнюдь не на святости папы.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Бесконечно громадна. Наиболее доступное: Л. *Лебедев*: 1) Церковь римская и византийская в их догматических и обрядовых спорах. Чтения Общ. Люб. Дух. Проев. 1875, №№ 1—3; 2) История разделения Церквей в IX, X и XI веках. Изд. 2-е. СПб., 1905; 3) О главенстве папы, или о разности православных и папистов в учении о Церкви. СПб., 1887. — *Иванцов-Платонов*. О римском католицизме и его отношении к православию. М., 1870. — *А. С. Павлов*. Теория восточного папизма в новейшей русской литературе канонического права. Прав. Обзор. 1879, декабрь. — *Мелиоранский*. Разделение Церквей. Энцикл. слов. Брок.—Ефр. — *Конский*. Папство. Там же. — *А. Готлиб*. Папская власть (теория). Там же, полут. 44. С. 741. — *М. С. Корелин*. Важнейшие моменты в истории средневекового папства. СПб., 1901. — Кн. *Е. С. Трубецкой*. Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI в. Киев, 1897. — *В. И. Герье*: 1) Средневековое воззрение, его возникновение и идеал. Вестн. Европы. 1891, №№ 1—4; 2) Торжество теократического идеала на Западе. Папа Иннокентий III. Там же, 1892, №№ 1,2. — *Свяш. И. Бускэ*. Греческий раскол, перев. с фр. Париж, 1925. — *Wattenbach*. Geschichte des römischen Papstthums. Lpzg., 1876. — *Roquin*. La papauté au moyen age P., 1881. — *Eicken*. Geschichte und System der mittelalterlichen Weltanschauung. Gotha, 1887. — *Strossmayerov Spomenik Svomu narodu (Govor biskupa Strossmayera)*. Zagreb, 1926. Есть русский перевод в «Православном календаре на 1927 год».

№ 17. Анна Ярославна
(к стр. 100)

В личности и судьбе Ярославовой дочери Анны, жены французского короля Генриха I, несмотря на обширную литературу, посвященную ей, и донныне остается многое неясным. Когда она покинула Киев и приехала во Францию? Кто входил в состав французского посольства, приехавшего за ней? В котором году состоялся ее брак с королем Генрихом? Меняла ли она свое исповедание, переходила ли в католичество, или осталась православною? И поскольку вообще можно говорить для той поры о «католичестве» и «православии», как о двух несходных вероисповеданиях? При каких обстоятельствах состоялся ее вторичный брак с графом Крэпи и Валуа: был ли он добровольный или вынужденный? — На эти вопросы ответы даются неодинаковые. Старое показание, будто, вторично овдовев, Анна вернулась на родину и окончила свои дни в монастыре около Киева, хотя и не считается правдоподобным, но реальных доказательств, опровергающих его, и донныне еще не представлено.

Генрих I в первом браке был женат на Матильде, дочери императора Генриха II. Брак был бездетен (1044). Полагают, что в 1049 году король отправил пышное посольство к Ярославу Мудрому; во главе его стояли Gauthier, eveque de Meaux, Roger, eveque de Chalons, Gosselin de Chauny и др. В 1051 году, вероятно, 19 мая, в день Пятидесятницы, в Реймсе состоялась церемония бракосочетания и коронования Анны. Восемь лет спустя, 23 мая 1059 года, тоже в день Пятидесятницы, король и королева присутствовали в Реймском соборе на короновании (au sacre) своего старшего сына, семилетнего Филиппа. В эти годы папа Николай II пишет Анне брeve, восхваляя ее благочестие, заботы и помощь обиженным и обездоленным: «Pervenit quippe ad aures nostras praecellentissima filia, serenitatem tuam indigentibus munificentia piae liberalitatis affluere devotissimae orationis studiis insudare pro violenter oppressis vim districtioris exercere, coeterisque bonis operibus in quantum tibi competit, officium regiae dignitatis implere» (Migne. Patrol lat. t. 144, col. 453). Овдовев, Анна вышла замуж за Рауля, графа Валуа, пережила и его (1074). Последний след ее в 1075 году: документ за подписью «Анны, матери короля Филиппа».

В истории русской письменности Анна Ярославна занимает своеобразное и почетное место: ее подпись на официальном документе 1063 года, после Остромирова евангелия (1056—1057), есть первая по времени запись (из дошедших до нас), писанная русскою рукою русскими (славянскими) буквами: *Ана Ръина*. Что значит эта *ръина*? Одни видят в ней латинское слово regina, другие читают как французское reine (см. ниже).

А) Литература на иностранных языках

1. *Fr. de Lezeray* Histoire de France vol. I Paris. 1643; *он же'* Histoire de France depuis Pharamond jusqu a present. P. 1643 (сокращенное изложение). — 2. Menestriet, или Menetriet, см. ниже. — 3. *Moreri* Le grand Ditionaire historique Tome I. Amsterdam. 1740. p. 469 (18-eme edition) «Le pere Menetrier jesuite a pretendu avoir irouve le tombeau de cette princesse en I abbaye de Villiers ordre de Citeaux pres de la Ferto-Alais en Gatinois et qu'elle se nummoit Agnes ainsi qu'on le dit sur la tombe piate Hie jacet domina Agnes uxor quondam Henrici regis Memoires pour servir a 1 histoire de France dans la Leurnal des Savans 22 ruin 1682. Consuitez sur Ghistoire de cette reine *Guillaume de Jumiegesl* 7 Hist S. 28. Le Continueur *d'Aimon*. Un fragment de notre histoire et la Lettre *de Gervais*, archeveque de Reimsm que nous avons dans le quatrieme volume des Historiens de France du sieur *Du Chene**. Заметка Менестриэ перепечатана у Лобанова. — 4. R. Benzelsstierna Genealogia Annae reginae Galliae conjugis Henrici I e scriptoribus genuinis explicita «Acta Rocietatis Upsaliensis»

1740 перев. на франц. яз. в «Bibliothèque Akademique», vol. VII (1811). — 5. Levesque a) Memoire sur les anciennes relations de la France avec la Russie (Memoire de l'Institut National an VII). — b) Histoire de Russie, t. I (1782) — 6. R. Durdant E poques et faits memorables de l'histoire de Russie P. 1816 (с фантастическим изображением венчания Анны с Генрихом). — 7. Prince Alex Lobanoff de Rostoff Recueil de pieces historiques sur la reine Anne ou Agnes epouse de Henri Vier roi de France et fille de Jarosslaf I-er grand due de Russie Paris. 1825 (приложение 17 подлинных документ, грамот — 8. 'Anne de Russie (Nouvelle biographie general. Paris. 1852). — 9. C. Couderc. Une signature autographe d'Anne de Russie femme d'Henri I-er roi de France «La Russie». Paris Larousse (s d) 2-e, стр 473—475, с факсимиле диплома 1063 г., на котором проставлена славянскими буквами подпись Анны: Ана Ръина. — 10. Buteau La princesse Anne (Nouvelle Revue. 1893. Novembre). — 11. Prou «Anne» La grande Encyclopedic, vol. III (1893). — 12. Vicomtedde Caix de Saint-Aymour. Anne de Russie reine de France puis comtesse de Valois fondatrice de l'abbaye de Saint Vincent de Senlis 1894 (Melanges pour servir e — histoire des pays qui forment aujourd'hui le departement de TOise Paris 1895) 2-eme edit 1896. Автор полагает, что, ставя свою подпись 1063 года, Анна славянскими буквами хотела обозначить латинские слова: Anna Regina. — 13. A de Glay. Les origines historiques de Talliance franco-russe. P. 1897. — 14. Ant Thoma Essais de la philologie francaise. P. 1897; автор полагает, что «славянская» подпись Анны обнаруживает ее желание написать *по-французски*, а не по-латыни: Anna Reine. — 15. L Brehier. Le clerge russe et les unions matrimoniales des grands princes de Russie avec l'Occident au XI-e siecle (Revue d'Auvergne et Bulletin de l'Universite, t. XXIII (1906), p. 284—286). — 16. Prou. Recueil des actes de Philippe 1-er roi de France (1059-1108). Paris. 1908. — 17. Theodor Ediger. Russlands alteste Beziehungen zu Deutschland, Frankreich und der romischen Kurie Inaugural Dissertation Halle a S. 1911 (см. здесь еще некоторые другие данные, мною опущенные). — 18. A Fliche. Le regne de Philippe 1-er roi de France (1060-1108). P. 1912. — Leib Pome Kiev et Byzance a la fin du XI-e siecle Rapports religieux des Latins et des Greco-Russes sous le pontificat d'Urbain II (1088-1089). Paris, 1924. У Лейба подобраны указания, помимо источников (Gallia Christiana, vol. VIII, IX, XII Recueil des historiens de France, vol. XI (гл. обр.) XII, XIV Fr. Sachnes. Catalogue des actes d'Henri I-er roi de France fascicule 161. Paris 1907 и др.), также и на некоторые другие пособия: P. Apsemy Histoire genealogique et chronologique de la maison de France P. 1726, p. 73. — Bulletin des sciences historiques t. XIII (1829), p. 405—411: пересказ статьи Русова — «Gaulois» 1892, 2 octobre (Ярослав требует, чтобы при Анне находился священник восточного обряда).

Б) Литература на русском языке

1. *Карамзин*. История Государства Российского. Т. II, примеч. 42 (сводка данных). — 2. *Русов*. Исторические разыскания о дочерях Ярослава. СПб., 1824 (Сын Отечества, 1824, №№ 46, 47). — 3. *Погодин*. Исследования, замечания и лекции, т. III, с. 98—99. — 4. *Сухомлинов*. О языкознании в Древней России. Ученые Записки 2 отд. Акад. Наук, кн. I (1854). С. 190 (приведена в подлиннике выписка из соч. Сисмонди о браке Генриха с Анною. Histoire des Francais, par Sigismonde de Sismondi, 1823, t. IV, p. 265—267). — 5. К портрету Анны Ярославны. Киевская Старина. 1884. IX, июль, анонимная заметка с приложением портрета работы XVIII в. См. еще «Портрет Анны Ярославны с пояснительным к нему текстом. Киев, 1884» (о нем рецензия в Историческом Вестнике, 1885, XIX, январь). Кажется, это перепечатка или отд. оттиск заметки, что в Киевской Старине. — 6. Русская святыня на Западе Европы. Киевская Старина. 1885. XI, февраль (об убресе, который, может быть, привезла с собою из Киева Анна). — 7. Археолог. Известия и Заметки. 1893, № 1, 2 (о подписи Анны). — 8. *Тимирязев*. Французская королева Анна Ярославна. Исторический Вестник. 1894, январь. — 9. *Л. Л-р (Леже)* Письмо из Парижа. Ж. М. Н. Пр. 1894, март. — 10. *П. Голубовский*. Новое исследование о жизни французской королевы Анны Ярославны. Киевская Старина. 1896, LIV, июль—август (о сочинении Кэ де-Сент-Эймур). — 11. *М. де Рошефор*. Анна Ярославна, французская королева. Исторический очерк. СПб., 1914, с 3 рис. — 12. *А. П. Вороников*. Анна Ярославна, королева Франции (1051—1060). Париж, 1930 (произведение драматическое, с сознательным отступлением от исторической действительности).

№ 18. Как следует понимать выражения:

земля, волость, княжение?

(к стр. 106)

Кроме Костомарова (Начало единодержавия в Древней Руси. Сочинения. Т. XII. Книга V. СПб., 1905), см. еще:

Соловьев. История России. Т. III. С. 25: «Волость, власть означало и княжение (власть), и княжество (владение, область). Между словами *волость* и *земля* можно, впрочем, заметить различие: *земля* имела **Чисто** географическое значение, тогда как *волость* содержит в себе всегда значение зависимости известного участка земли от князя или главного города. Переход слова: *власть* (*волость*) от означения владеющего к означению владеемого был очень легок: князь, старший город были **Власти**, владели окружающими населенными местами; здесь была их **Власть**; эти места были в их власти; они были их власть. Каждое племя **Имело свое** княженье; следовательно, можно думать, что первоначально границы земель соответствовали границам племен».

Сергеевич. Древности русского права. Т. I. С. 1 след.: «Слово волость, иначе власть, обозначает территорию, состоящую под одною властью» (с. 1). «Все, что находится в пределах территории, состоит под одною властью, а потому и составляет одно государственное целое — волость» (с. 3). «Так как земля, окружающая город, всегда входит в состав волости, то иногда целое, волость, обозначается именем своей части земли, — землей» (с. 7). «Но слово „земля" не всегда употребляется в смысле отдельного государства; оно обозначает и просто известную географическую местность без всякого отношения к государственному ее единству» (с. 8). «Князь сажается народом на стол в главном городе волости. Вследствие этого главный город носит наименование стольного, а по званию князя - вся волость называется *княжением*» (с. 13). «Кроме княжения и удела, волости назывались еще отчинами» (с. 30). «Волости-княжения составляли самостоятельные государства» (с. 34).

Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. Изд. 5-е. Киев, 1907. Для выражения понятия о государстве употреблялись выражения: «княжение», «волость», но последнее преимущественно только *части* государства, провинции. «Термин волость («власть») имеет ближайшее отношение к слову «княжение» и означает территорию, принадлежащую тому или другому князю». «Княжением же именуется всякая область (провинция или целая земля), управляемая князем. *Земля* — «союз волостей и пригородов под властью старшего города». Этот термин постоянно употребляется в памятниках для обозначения государства» (с. 11). «Летопись термином *земля* означает не только государство в целом, но и отдельные элементы государства, а именно: территорию, население и власть» (с. 13). «Древние памятники недаром обозначают тогдашнее государство термином *земля*; в нем выражены существенные особенности этого типа государства, совершенно неуловимые из терминов «княжение» и «волость». Им означает, что древнее государство есть государство вечевое» (с. 13). Последнее мнение оспаривает:

Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. Изд. 4-е. СПб., 1912. С. 66: «Термины „княжение" и „волость" также обозначают древние государства в смысле территориальном, как и термин „земля". Слово „княжение" пошло от слова „князь" и указывает на подчинение данной территории какому-либо князю, как термин „волость" означает территорию, подчиненную *власти* какого-либо князя». Вообще же «древнерусские государства носят название „земель", „княжений", „волостей", „уездов", „вотчин". Термин „земля", в смысле территориальной политической единицы, часто встречается и в летописи, и в других памятниках».

Филиппов. Учебник истории русского права. Изд. 4-е. Юрьев, 1912. С. 147: «Слова „государство" еще нет в первом периоде истории нашей, и понятие это обозначалось чаще всего словами *земля*, или

волость, причем первое слово употреблялось нередко также и для обозначения всех отдельных русских княжеств вместе, как единого целого, в противоположность *нерусским*, иноземным государствам, с прибавлением к слову „земля“ эпитета „русская“. Но, если слово *земля* употреблялось для обозначения всех отдельных княжеств в *совокупности*, то оно обозначало нередко и отдельное княжество-государство. В значении слова „государство“ являлось затем и слово „волость“ (или „власть“). Волости, как отдельные государства-княжества, состояли из городов и пригородов. Волости, понимаемые в смысле территориального целого, или государства, позднее называются нередко *княжениями*». Останавливаясь на спорном вопросе о значении терминов «земля» и «волость», — «о том, какой из этих двух терминов чаще употреблялся в данном значении, т. е. обозначалось ли государство больше словом „земля“, как думает проф. Вл.-Буданов, или словом „волость“, как думает проф. Сергеевич», — Филиппов добавляет: «важны, однако, не эти трудно доказуемые утверждения, а то, что оба термина употреблялись, действительно, для обозначения понятия *государства*, хотя иногда так обозначались и *части* его».

Самокасов. Древнее русское право. М., 1903. С. 122 (тоже: Курс истории русского права. Изд. 3-е. М., 1908. С. 128). «Племенное славяно-русское государство-княжение заключало в себе три формы общности, автономные по внутренним своим делам и связанные последовательной подчиненностью политическому центру государства по внешним делам город — городскую общину, волость — союз городских общин и землю — союз волостей. *Городскую общину* составлял союз лиц и семейств, живших в укрепленном поселении, владевших своим участком земли и управлявшихся своим вече и своим князем — старейшиною — старшиною. *Волость* составляла группа городских общин, имевшая область, свое вече и своего князя. Власть волости помещалась в старейшем ее городе. Решения волостной власти были обязательны для всех городских общин, составлявших волость. *Землю* составляла группа волостей, владевших общею территориею и связанных общим подчинением власти веча и князя старейшего города земли».

№ 19. Кто такие были огнищане?

(к стр. 107)

Ответы на этот вопрос даются разные, нередко противоречивые один другому. За убийство огнищанина Русская Правда наказывала наивысшим штрафом в 80 гривен. Русская Правда впервые издана Шлецером в 1767 году по списку, найденному Татишевым.

Карамзин. История Государства Российского. Т. II, прим. 67: «Огнищанами именовались вообще люди нарочитые, граждане перво-степенные. Имя огнищан произошло в глубокой древности от слова *огнище*, или *очаг*, знаменовало граждан домовитых и, наконец, обратилось в название *житых* людей». Там же: «Издатели „Правды“

сравнивают огнищан с нынешними однодворцами и толкуют, что сие имя принадлежало свободным людям, которые имели собственные земли в деревнях, нанимали работников, не платили податей и могли избирать добровольно всякое иное состояние. Слова, написанные единственно из головы!»

Соловьев. История России. Т. I. С. 220: Огнищанин противопоставлялся смерду; тиун огнищный означал смотрителя за огнищем, или домом княжеским, огнищанин же — «человека, который живет при огнище княжеском, домочадца княжеского, человека близкого к князю, его думца, боярина, в переводе на наши понятия, придворного человека». «Эти-то домочадцы или огнищане княжеские имели то преимущество пред остальным народонаселением, что за их голову убийца платил двойную пенью, или виру, именно 80 гривен вместо 40». И тут же, прим. 351: «У западных славян огнищанин означал отпущенника (*libertus*), следовательно, в обширном смысле это слово означало первоначально домочадца, но не раба, а свободного, какими именно были древние отпущенники, находившиеся в тесной связи с домом прежнего господина, и однако переставшие быть рабами».

В. Мстиславский. Огнищанин и князь муж, или следы быта древних славянских князей в Русской Правде. Чтения. 1860? IV. Это «древняя аристократия»; они стояли выше бояр, составляли своего рода привилегированную касту. Огнищанин происходит от слова *огнище*, хранилище или вместилище огня; огонь же был символом божества. Огнищане «были потомками древних князей славянских, владык народа, молившихся огню» (с. 14, 28, 31—35).

Мрочек-Дроздовский. Исследования о Русской Правде. Дополнения ко Второму выпуску. М., 1886 (из «Чтений», 1886, кн. I). С. 117—135: «Огнищане — земские бояре». Огнищанин — землевладелец-собственник, хозяин своего огнища. С течением времени этим именем стали обозначать лишь крупных землевладельцев» (с. 120, 122). См. здесь же краткие указания на толкование слова огнищанин Погодиным, Эверсом, Рейцом, Каченовским, Поповым, Беляевым, Мстиславским и Ланге.

Ключевский. Подушная подать и отмена холопства в России: первоначально в Русской мысли, 1886, No 5, 7, 9, 10; перепеч. в «Опытах и Исследованиях», изд. 1-е. М., 1913. С. 365; изд. 2-е. СПб., 1918. С. 316: «Термин *огнище*, которому древний славянский переводчик слов Григория Богослова придал производное значение челяди, собственно означал пастбище, точнее, стоянку пастухов на пастбище. *Огневицина* — древнейшее русское название сельской челяди, которое вместе с *огнищанином*, термином, ему родственным этимологически, успело уже обветшать ко времени составления Русской Правды». — *Он же.* Курс русской истории. Т. I. С. 196: «В древних памятниках славяно-русской письменности слово *огнище* является со значением челяди; следовательно, огнищане были рабовладельцы».

Можно думать, что так назывался до князей высший класс населения в больших торговых городах Руси, торговавший преимущественно рабами». И еще: «Привилегированный купец-огнищанин и витязь-княж муж X в. превратился в *боярина*, как называется на языке Русской Правды привилегированный землевладелец» (Т. I. С. 336). По договору Владимира Святого с волжскими болгарами (1006 г.), изложенному Татищевым, болгарским купцам запрещено было «ездить по русским селам и продавать товары огневтине и смердине». *Смердина* — свободные крестьяне, жившие на княжеских или государственных землях, огневтина — рабочее население частно-владельческих земель без различия челяди и наймитов» (Т. I. С. 337). — *Он же*. История сословий в России. М., 1913. С. 47: В обозначении привилегированного класса рабовладельцев Русскою Правдою огнищанами «надобно видеть ее воспоминание о том времени, когда такое положение создавалось условием экономическим, а не политическим, не службою князю, а рабовладением, точнее говоря, когда рабовладение служило самой характерной особенностью господствующего класса».

Сергеевич. Древности русского права. Т. I. СПб., 1890. С. 351: Тивун огнищный был, «надо думать», домовым княжеским тивуном. «Огнище означает очаг, слово это могло употребляться для обозначения целого дома, подобно тому, как слово «дым» употреблялось для обозначения целого двора».

Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. Изд. 5-е. Киев, 1907. С. 29: Огнищане первоначально были общим названием для старшей дружины; к ним, по положению, приравнивались княжеские тиуны, подъездные и конюшие; «впоследствии за ними утвердилось название *княжих мужей*] но в то же время они именовались и боярами. Это последнее название утвердилось окончательно после слияния земских бояр с дружинными».

С. Ф. *Платонов*. Лекции по русской истории. Изд. 10-е. СПб., 1917. С. 97 — 98: «Старые ученые считали их домовладельцами или землевладельцами, производя термин от слова *огнище* (в областных говорах оно означает очаг или пашню на изгари, т. е. на месте сожженного леса); Владимирский-Буданов говорит в своем «Обзоре ист. р. права», что старшие дружинники именовались сначала «огнищанами», но тут же прибавляет, что чешский памятник *Mater verborum* толкует слово огнищанин как вольноотпущенный» (*libertus, cui post servitium accedit libertas*); видимое противоречие автор думает скрыть тем соображением, что старшие дружинники могли происходить из младших, *невольных* слуг князя. Слово *огнище* в древности значило, действительно, *раб, челядь*; в таком смысле встречается оно в древнем, XI веке, переводе Слов Григория Богослова; поэтому **Некоторые** исследователи (Ключевский) в огнищанах видят рабовладельцев, иначе говоря, богатых людей в ту древнейшую пору жизни общества, когда не земля, а рабы были главным видом собственности

Если же обратить внимание на статьи пространной Русской Правды, которые вместо «огнишанина» краткой Русской Правды, говорят о «княжом муже» или «тиуне огнишном», то можно огнишанина счесть именно за князя мужа, в частности, за тиуна, заведывающего княжескими холопами, т. е. за лицо, предшествующее позднейшим *дворским* или *дворецким*. Положение последних было очень высоко при княжеских дворах, и в то же время они могли быть сами холопами. В Новгороде же, как кажется, огнишанами звали не одних дворецких, а весь княжеский двор (позднее *дворяне*). Так, стало быть, возможно принимать огнишан за знатных княжеских мужей; но сомнительно, чтобы огнишане были высшим классом земского общества».

Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. Изд. 4-е. СПб., 1912. С. 75: «Огнище», как позднее «печище» в древности означало домашний очаг, как символ хозяйства. «Поэтому огнишанином мог называться домохозяин и домочадец. Судя по договору 1006 г. (см. выше), „огневщина" обозначала „домашнюю челядь, как необходимую принадлежность всякого крупного хозяйства"». Вот почему исторические памятники XI—XIII вв. «называют огнишанами только крупных домохозяев».

Пресняков. Князье право в Древней Руси. СПб., 1909. С. 230—231: «Параллелизм в употреблении нашими источниками выражений: огнишанин — княж муж, огнишане и гриди — бояре и гриди, достаточно освещает значение первого из этих слов как члена дружины. Не должно бы быть и колебаний относительно этимологии слова: этимологический (и социальный) близнец северно-германского *hirð-mann'a*, огнишанин — член огнища, дома своего вождя. Латинский перевод этого термина был бы: *familiaris, domesticus*. Он мог бы применяться ко всей дружине; но с ним стал рядом заимствованный и родственный по смыслу термин — гридь. Огнишане — слово, ставшее специально означать высший, ближайший к князю слой дружинников старших. Но и это явление вторичное. В Русской Правде видим значение огнишанина как вообще княжого мужа. Едва ли будет ошибочным предположение, что оба термина, туземный и пришлый, первоначально чередовались и были равносильны». Ср. С. 265.

Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси (Сочинения Т. III). СПб., 1910. С. 453—466: «Кроме первоначального значения слова *очаг*, слово *огнище* употреблялось также в производном условном смысле для обозначения челяди, людей, принадлежащих к чужому очагу, — к чужому хозяйству; к чужому дому». В переводе слова Григория Богослова греческое слово «раб» переведено словом «огнище»; из этого, однако, не следует, что слово «огнище» означает *раба*, «потому что для обозначения рабов мы имеем термины, хорошо известные из Русской Правды: челядь, холоп, раб, а в этом переводе названа *огнищем челядь*, подобно тому, как придворные люди назывались и называются *двором*». «Слово *огнище* — *очаг* имело также

более широкий смысл, дома, двора, а отсюда иногда употреблялось и для обозначения лиц, принадлежащих к дому или двору, дворовой челяди или холопов». Поэтому Ключевский неправильно отождествляет огнищан с рабовладельцами. Опираясь на показание Татищева (договор 1006 г.) нельзя. «Огнищанин — это княжеский дружинник, человек огнища — очага, но не всякого, а княжеского». «Внимательный анализ всех известий об огнищанах приводит нас к убеждению, что огнищанами назывались княжие мужи, княжеские дружинники, люди, принадлежащие к княжескому огнищу-очагу-дому. Так именно полагал один из авторитетнейших наших историков Соловьев»

См. еще: Костомаров. Северо-русские народоправства. Т. II; Филиппов. Учебник истории русского права Юрьев, 1912. С. 202.

№ 20. Политический строй Древней Руси в домонгольский период (к стр. 110)

По этому важному вопросу, одному из самых кардинальных, в русской истории, в исторической литературе нашей наблюдается большое расхождение взглядов. Их можно свести в более или менее определенные группы. Таковы: теория государственная, общинная, племенно-областная; теория родовая, вотчинная; теория очередного порядка, федеративная, договорная, теория сложного порядка. Полезную сводку «Литературных мнений о сущности государственных отношений Древней Руси» дает Г. Максимович в «Русской истории в очерках и статьях, под ред. Довнар-Запольского». Т. I. С. 216 — 225.

1. *Государственная теория.* Ее представители — Татищев, Шлецер, Карамзин, Эверс, Рейц, Полевой, Беляев — в первых же Рюриковичах видят *монархов, государей*: в середине IX века *государство*, по их мнению, уже существует, уже сложилось, его создали князь-иноземцы по иноземным формам. Этим форм две: Киевская монархия и Новгородская республика. Последним по времени выразителем этого устарелого взгляда является Самоквасов. См. его Заметки по истории русского государственного устройства. Ж. М. Н. Пр. 1869, ноябрь и декабрь. Оценку его взгляда дает Леонтович, Ж. М. Н. Пр., 1874, август. С. 197 — 199. Указанному взгляду Самоквасов остается верен и в позднейших своих трудах: «Первые Рюриковичи признавали Русскую землю своим благоприобретенным имением и почитали себя вправе распоряжаться ею по своему произволу, как частною собственностью» (Древнее русское право. М., 1903. С. 325; Курс истории р. права, изд. 3-е. М., 1908. С. 315). Те же мысли и в статье «Главнейшие моменты в государственном развитии Древней Руси и происхождение Московского государства». Варш. Унив. Известия. 1886, № № 1, 2 и отд. отт. В. 1886.

2. *Общинная теория.* Ее отстаивает Конст. Аксаков (см. выше, Прилож. № 5): «Русская земля была изначально наименее патриар-

хальная, наиболее семейная и наиболее общественная земля». Леонтович, Ж. М. Н. Пр., 1874, № 6. С. 211, сближает эту теорию с государственной теорией карамзинской эпохи: отличие лишь в том, что «старые историки смотрели на государство Рюрика, как на иноземный продукт, сразу устроенный по иностранным формам феодально-монархическим или республиканским, тогда как основатели Общинной теории выводили государство из внутренних условий народного (общинного) быта русских славян».

3. *Теория племенно-областного начала.* Ее держится В.Пассек: Княжеская и Докняжеская Русь. Чтения Общ. Ист. и Др. Руси. 1870 С. 111: дробление Древней Руси на отдельные княжества обуславливалось главным образом стремлением самих областей к обособлению и образованию из себя самостоятельного целого. Вот почему область так держится за своего князя.

4. *Родовая теория.* Ее представители: Соловьев, Никитский. Политический строй, утверждают они, определялся началами родового быта: 1) вся система междукняжеских отношений «родового восхождения», так называемая «Родовая Лествица» построена на нем; 2) из родового начала развилось и народовластие: на совещание (вече) сходятся родоначальники как представители отдельных родов. — Таким образом: а) отношения князей между собою и б) отношение веча к князю, — те и другие проникнуты понятием родового порядка, обусловили содержание и характер политической жизни Древней Руси. Подробнее эти положения развиты Соловьевым в его докторской диссертации: История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847, гл. 1. 1) Старший в княжеском роде был для младших в *отца место* он «имел обязанность блюсти интересы рода», а те — «ходить» у него «в послушании», «ездить подле стремени», быть в его воле (с. 13, 15). «Великий князь имел право судить и наказывать младших членов рода» (с. 16).

2) Однако лишить младшего князя волости или наказать его как-нибудь иначе, по произволу, без обличения в вине, великий князь не мог. А если сам он не соблюдал свято своих отеческих обязанностей, отделял личные свои интересы от интересов целого рода, делал различие между ближними и отдаленными родичами, предпочитал собственные выгоды, то «все его право, равно как обязанности младших к нему рушились, его власть заменялась или общим родовым советом, или, в случае раздора между князьями, каждый из них действовал, защищал свои права, как умел и как мог» (с. 16—19). Также и в том случае, если великий князь обращался с младшими «не по родственному, не как с сыновьями, а как с подчиненными правителями, подручниками», — младшие имели право отказать ему в повиновении (с. 19).

3) При распределении волостей — родовой собственности — старший князь распоряжался не единолично, а сообща с младшими (с. 19 — 20).

4) В деле приобретения великокняжеского достоинства дядя имел преимущество перед племянником.

5) Идея, положенная в основу этого предпочтения дяди, на практике вскоре нашла затруднение вследствие размножения княжеского дома: племянник не всегда оставался «племянником», а брат мог оказаться на положении «дяди»:

а) старший сын старшего брата (по смерти своего отца) — отец для своих младших братьев, значит, брат своим дядьям, правда, брат младший, но все же поднявшийся на один уровень с ними (с. 23).

б) Сыновья такого старшего брата, для его младших братьев, из племянников тоже становятся братьями, хотя бы и младшими (с. 24). На Северо-Востоке, в потомстве Всеволода III, пересилило представление «о старшинстве сына от старшего брата уже не над одними младшими, но над всеми дядьями, причем однако до пресечения Рюрикова рода на престоле Московском дядья самые младшие не хотят уступать старшинства сыну от первого брата, так что оба представления остаются при своих крайностях, не уступают друг другу, не допускают ничего среднего» (с. 26).

б) Если князь умирал, не будучи старшим в роде, или великим князем, то дети его оставались навсегда младшими. Так, например, Владимир, старший сын Ярослава I, «умер при жизни отца, следовательно, не был отцом для братьев своих, и потому сын его Ростислав не имел уже возможности быть братом дядьям своим, остался навсегда племянником, младшим, неспособным ни к великокняжескому достоинству, ни к владению родовой собственностью» (с. 31). «Сын такого преждевременно умершего князя не мог быть совладельцем со своим дядею, исключался из владения родовой собственностью» и если получал волость, то или по милости дядей, или по какому-нибудь другому обстоятельству» (с. 32).

7) «Для предохранения сыновей своих от такой участи князь давали друг другу клятву, что, в случае преждевременной смерти одного из них, оставшийся в живых должен заботиться, чтоб дети покойного не были исключены из владения родовой собственностью» (с. 32).

8) «Князья, которых отцы умерли при жизни дедов, назывались *изгоями*» (с. 34).

9) Насильственное изгнание из волости исключало князя из права старшинства: это, значит, сам Бог покарал его, так как, по понятиям века, битва считалась судом Божиим. А «если побежденный изгнанный князь силою оружия возвращал свое право, свою волость, то в этом видели возвращение к нему благосклонности Божией, прощение греха» (с. 35).

Ср. его же: История России. Т. II, гл. 1; и О родовых отношениях московских князей Древней Руси. «Московский Литературный Сборник», 1846.

5. *Вотчинная теория*. Ее представители: Кавелин. Сочинения Т. I-Й. СПб., 1859; 2-е изд.: СПб., 1897 и Чичерин: 1) Областные учреждения России в XVII в. М., 1856; 2) Опыты по истории русского права. М., 1858. Теория эта представляет собою вариант родовой.

Кавелин расходится с Соловьевым в одном существенном пункте: по Соловьеву, принцип родовых отношений, как живое, действующее начало, пошатнулся еще со второй половины XI в. (смерть Ярослава Мудрого), с Андрея Боголюбского его заменил принцип государственный: фундамент будущего государства, по крайней мере, его первый, сознательно заложенный, камень, — дело рук Боголюбского и Всеволода III. Кавелин же преобладание родовых начал в нашей жизни считает возможным проследить гораздо дальше: кровное начало, по его мнению, определяет собою весь древний период русской истории вплоть до Петра Великого, причем родовой строй сменился государственным не сразу: последнему предшествовала промежуточная стадия юридического гражданского быта: эпоха вотчинного строя — время с Боголюбского до конца XV — начала XVI века. Перестав быть членами большой родовой семьи, единого княжеского дома, русские князья превратились пока еще не в государей, а в вотчинников, собственников земли, наследственных, неограниченных ее владельцев. О *государстве* можно говорить лишь со времени московских Иванов III и IV.

В основе та же мысль и у *Чичерина*. Он различает три стадии общественных отношений: союз кровный (родовой), гражданский (вотчинный) и государственный. В отличие от Кавелина, вотчинный строй он начинает не с Боголюбского, а с первого появления варяжских дружин на Руси, т. е. с середины IX века. В Кровном союзе личность еще не выступает; она затеряна в роде; но появилась варяжская дружина, — и Кровный союз распался, личность выделилась; возникло частное право, стали слагаться договорные отношения — выросло гражданское общество.

Форм гражданского общежития было две: 1) *Княжеская вотчина* — частная, наследственная собственность князя; между княжеские отношения и договоры носят характер частно-семейный; ничего, что напоминало бы в них отношения государственные, международные; 2) *Вольная община* (Новгород, Псков) — отношения к князю на основе свободного договора обеих сторон. Самостоятельность Вольной общины не делает ее, однако, еще государством — это такой же вотчинник, но коллективный, в форме союза свободных лиц, и этот вотчинник заключает договор с князем, чтобы тот правил его землю, творил суд и защищал от врага.

Разногласия и точки соприкосновения Кавелина с Соловьевым

«Все разногласие между нами и г. Соловьевым вертится на том, что он смотрит на владения как на средство для целей, устанавливаемых родовой честью, а мы видим в родовых правах, предъявляемых князьями, средство, предлог для получения лучшего владения. То, что у него играет главную роль, нам кажется второстепенным, и наоборот» (Соч. 1859. Т. II. С. 535).

6. *Теория очередного порядка.* Она представлена Ключевским. Курс русской истории. Т. 1. С. 200 — 210. Это другой вариант родовой теории.

Вслед за Соловьевым, *Ключевский* говорит, что «князья-родичи не являются постоянными, неподвижными владельцами областей», но передвигаются «из волости в волость, с младшего стола на старший». Но кроме генеалогической лестницы — «Лествичного Восхождения» — он указывает на существование еще другой — *территориальной*, «лестницы областей», ступени которой определялись соответственно экономической ценности их: старший князь, киевский, и областью лучшею, более богатою владел; младшему князю доставалась и область экономически более слабая. «Если я не ошибаюсь, нигде более в истории мы не имеем возможности наблюдать столь своеобразный политический порядок. По его главной основе, очереди старшинства, будем называть его *очередным* в отличие от последующего, удельного, установившегося в XIII и XIV вв.»

7. *Федеративная теория* — Н. И. Костомаров. Исторические монографии и Исследования, изд. 2-е. СПб., 1872. Т. I: а) «Мысли о федеративном начале Древней Руси», писано в 1859 г. (с. 3—49); б) «Две русские народности», писано в 1861 г. (с. 53 — 108).

1) Этнографические, местные и исторические условия выработали самобытность отдельных земель и отдельных племен. На этой племенно-областной самобытности построился порядок междукняжеских отношений и распорядок удельный. Влияние родовых начал в сознании этого порядка играло второстепенную роль. Жизненным нервом отношений была *областная* самостоятельность земель.

2) Две силы регулируют общественную и политическую жизнь* вече и князь. Вече выше князя: оно — суверенный *государь*, владелец земли; князь — лишь его орган, простой *господин* — не более.

3) Всякий член княжеского рода имел право на волость, т. е. на право управления Землею (Мысли, 46).

4) «Более или менее, князья размещались параллельно народностям, и, таким образом, их родовое единство между собою шло в параллели с сознанием единства народностей» (Мысли, 36).

5) «В Киеве напрасно было бы искать какого-нибудь определенного **Права** и порядка в преименстве князей. Существовала, правда, в их условия неясная идея старейшинства, но народное право избрания стояло выше ее» (Две нар., 68).

6) «Вечевое начало было родное всем славянам русским. Повсюду как коренное учреждение народное, *является вече*, народное сборище» (Мысли, 24).

7) «Старые славянские понятия об общественном строе признавали за источник общей народной правды волю народа, приговор веча, из кого бы то ни состоял этот народ, как бы ни собиралось это вече... При этом давно возникла и укоренилась в понятиях идея князя-правителя, третейского судьи, установителя порядка, охранителя от внешних и внутренних беспокойств». Князь был необходим, но он избирался, и его можно было изгнать, если он не удовлетворял потребностям народным или злоупотреблял своею властью и значением. «Принцип этот в XI, XII и XIII веках вырабатывается везде: и в Киеве, и в Новгороде, и в Полоцке, и в Ростове, и в Галиче» (Две нар., 67).

«С разветвлением княжеских ветвей... значение князей, как Начальников земли стало упадать. Уже в XII веке видно, как народное начало всплыло наверх и взяло перевес над княжеским. Вместо того, чтобы князь наследовал, он избирался толпою; вместо того, чтоб быть единым начальником и предводителем, являлось по нескольку князей разом предводителями в одном и том же месте зараз. . В Галиче князья до такой степени потеряли свое древнее значение, что их судили и казнили смертью, как простых людей, а места их пытались занимать люди не княжеского рода» (Мысли, 35).

Леонтович. Ж. М. Н. Пр. 1874, июнь. С. 213; замечает, что первоначальную свою теорию о федеративном строе, высказанную в статье «Мысли о федеративном начале», Костомаров несколько изменил в позднейшей работе: «Начало единой державы в Древней Руси»: «Оставив прежнюю свою идею о федеративности, как о господствующем, руководящем начале удельно-вечевой Руси, автор с полной определенностью развил свой взгляд на областную самобытность земель — главное начало, определяющее весь тогдашний политический быт Русского народа».

Оценка теории Костомарова Леонтовичем: федеративности государственной, политической — не было; но можно признать федеративность общинно-волостную, земельную: она, несомненно, имела место в устройстве отдельных территориальных союзов. Нельзя и в Земле видеть государя, со всеми существенными атрибутами «государственного» устройства. Вече, по Костомарову, есть В Ы Р А Ж Е Н И Е верховной власти земли, а князь — ее ОРГАН; но «быть органом власти — не значит ли то же, что и быть ее выражением, быть представителем или орудием, посредством которого проявляется, «выражается» власть в ее практическом применении и действии (Август, 206, 208).

8) *Договорная теория* — Сергеевича. Еще в первом своем труде (Вече и Князь. М., 1867) Сергеевич определенно и резко отмежевал

себя от родовой теории. Решительно отвергает он ее и в последнем своем сочинении «Русские Юридические Древности» (СПб., 1890 — 1903; особенно см. т. II. СПб., 1893).

«Договорное начало в княжеских сношениях проходит чрез всю нашу историю» (II, 120). «Древнейшие владетельные князья, известные нашей истории, родные братья Святославичи, улаживают свои отношения либо ратью, либо миром. Это было во второй половине X века. Совершенно то же наблюдаем и во все последующее время до полного исчезновения удельных князей. Один из последних московских удельных князей, Юрий Иванович Дмитровский, состоял в мирном договоре с братом своим, великим князем Московским, Василием Ивановичем. Договор этот был заключен еще при жизни отца их, великого князя Ивана Васильевича, и по его личному желанию. Факт чрезвычайной важности. Он указывает на то, что и с точки зрения этого ловкого и энергического преобразователя старых порядков, отношения владетельных князей не могли быть определены иначе, как с их согласия, выраженного в договоре. Договор этот был заключен в 1504 году, а затем, по смерти Ивана Васильевича, еще раз повторен в 1531 году».

«Война и мир определяют взаимные отношения князей-родственников боковых линий во всех возможных степенях родства». Число договоров между дядьями и племянниками и братьями разных степеней большое. «Наоборот, князья-родственники в нисходящей линии никогда не заключают между собою договоров. Это объясняется тем, что отношения детей к родителям определяются семейным правом, в силу которого дети состоят в подчинении воле родителей. Подчинение детей родителям выражалось в том, что при жизни отца сыновья никогда не были самостоятельными владетельными князьями. Если бы им и была дана в управление самостоятельная волость, они управляли ею в качестве посадников князя-отца, а не самостоятельных владетельцев» (с. 121 — 122).

Точно так же расходится Сергеевич с Соловьевым и в понимании основ, которыми Древняя Русь руководилась при *распределении волюстей (столов) между князьями*.

Распределение столов опиралось отнюдь не на одно только родовое начало: таковых начал было целых четыре: 1) народное избрание (воля народная); 2) распоряжение царствующего князя (его завещание; предварительный договор, заключенный с вечем или с другими князьями); 3) начало отчины и 4) старшинство князей, причем «ни одно из этих начал не было настолько сильно, чтобы могло осуществляться само собой и наперекор другим. Для проведения одного из этих начал в действие необходимо было, чтобы другие содействовали ему или, по крайней мере, не мешали. В противном случае между разнородными началами возникала борьба и торжествующим выходило то, представители которого в данном случае были фактически сильнее» (с. 292-293).

Таким образом, полностью Сергеевич не отвергает *прав старейшинства*, но роль их при распределении княжеских столов признает очень скромною. «Права старшего брата не имеют в глазах младших безусловного значения. Права старейшинства — это практика, имеющая место при наличности некоторых благоприятных условий, а не общепризнанный обычай» (II, 261).

«Еще меньше общего признания выпадало на долю старшинства дядей перед племянниками. Дяди и племянники могут считать себя одинаково призванными занять известный стол в силу начала отчины. Это общая дядям и племянникам отчина и есть та среда, в которой права дядей и племянников сталкиваются. Не подлежит сомнению, что начало отчины дает право и дяде, и племяннику искать обладания отчиной. Но у кого больше прав? Это всегда было спорно и оставалось спорным даже в пятнадцатом веке. Спорный вопрос этот разрешался в каждом отдельном случае либо ратью, либо миром... История с древнейших времен одинаково представляет примеры как торжества дядей над племянниками, так и обратно. Счет случаев, когда победили дяди, а когда племянники, невозможен, так как летописи записали очень немногие из них и преимущественно для Киева; но если бы их и можно было сосчитать, это ни к чему бы не привело, потому что перевес случаев свидетельствовал бы не о преимуществе права дядей или племянников, а только о большей силе и большем искусстве тех или других в борьбе с противниками» (II, 262 — 263).

В особой главе (II, 320 — 336) Сергеевич дает разбор теории Соловьева и подробно указывает, в чем и почему он расходится с нею.

Роль веча и его отношения к князю Сергеевич определяет так: Вече — верховный орган власти. Законодательствует вече, а князь судит и управляет (и только). Князь и вече — это две независимые одна от другой силы; поэтому сила князя в его единении с вечем и в согласованности своих действий с его волей, желанием или настроением. С началом татарского ига политическое значение веча падает; центр политической жизни перешел в Орду.

Взглядов Сергеевича держится и барон С. А. Корф, История русской государственности. Т. I. СПб., 1908: роль веча он выдвигает на первый план, пожалуй, даже еще с большей остротой. Отношения к нему князя, говорит он, «с самого начала приняли форму договорную». Главенствующей стороной в этом договоре было вече: «от его воли зависело положение князя и санкции договора». Случаи насильственного водворения князя не изменяли основы последующих взаимных отношений (с. 67 — 71). Эта зависимость князей от народных собраний в варяжский период (в период последующий, так называемый

удельный, она уже признана) «остается и по сей день в тени, если не считать двух, трех историков, как, например, проф. Костомарова и Сергеевича, принявших другую точку зрения; даже в трудах проф. Ключевского положение веча и зависимость от него первых князей вовсе не оттенены» (с. 72).

Государственного *единства* страны, о котором говорят Карамзин и его последователи, в варяжский период «никогда не существовало» (с. 83): каждая «волость обладала всеми необходимыми элементами государственности; у нее была и своя определенная территория, и свой народ, и самостоятельная верховная власть, осуществляемая независимым органом вечем» (с. 84). Например, «не только кривичи и новгородцы не были подчинены Киевской волости, но и целая масса других народцев; вспомним хотя бы дреговичей, Ростов и Суздальскую землю, заселенную вполне самостоятельным народом, мерей, несомненно, имевшим своих собственных князей. Как ни ясно это положение Древней Руси, оно находило неверное освещение даже в исследованиях таких видных историков, как проф. Ключевского и Кавелина» (с. 92). «Но из этого еще не следует, что мы можем принять мнение Костомарова о существовании на Руси федерации. Чтобы принять его мысль, необходимо было бы „предварительно доказать существование связывающих отдельных князей той эпохи договоров или верховного над ними органа, как неизбежный атрибут понятия федерации“, а это никем не доказано» (с. 95).

9) *Теория сложного порядка.* Порядок наследования княжеских столов определялся не одним каким-нибудь началом, а совокупностью и взаимодействием нескольких. Такого взгляда держатся *Градовский*. Государственный строй Древней Руси. Ж. М. Н. Пр., 1868, октябрь (перепеч. в «Собрании сочинений». Т. I, СПб., 1899), — и *Бестужев-Рюмин*. Русская история. Т. I. С. 154 — 162. Некоторый вариант представляет мнение *Владимирского-Буданова*. Обзор истории русского права, изд. 5-е. Киев, 1907: он выделяет преимущественно два, одновременно действовавших, начала: наследие (родовое) и избрание (воля народная).

Градовский: «Начало наследования действовало в Древней Руси рядом с началом призвания». Теория Соловьева применима к князьям, но не к населению: Лествица являлась законом и руководящим началом единственно в княжеской среде, для веча же (населения) обязательной силы отнюдь не имела. Да и самый порядок Лествичного Восхождения применялся на практике слабо, лишь в тех случаях, когда это было возможно: непререкаемого авторитета, беспрекословного решающего значения он не имел. — Территориальная община, волость была основной формой народного быта и, как политическая единица, несла в себе зародыш государства.

Бе стуже в-Рюмин: оспаривая или лишь в некоторых частях соглашаясь с положениями Соловьева, Костомарова, Сергеевича, Пассека, приходит к выводу: Одного движущего начала не было: в жизни переплетались многие начала; их взаимодействием и определялась та пестрота событий, какая наблюдается в политической жизни Древней Руси.

Владимирский-Буданов. Его положения:

1) «Происхождение княжеской власти доисторическое. В землях восточных славян княжеская власть существовала до прибытия Рюрика. Состав княжеской власти *родовой*: власть принадлежит не лицу, а *целому роду*».

2) «Члены княжеского рода или соправительствуют без раздела власти (Кий, Шек и Хорив; Аскольд и Дир), или делят между собою власть территориально (Рюрик, Синеус и Трувор; Святослав и его дети: Ярополк, Олег и Владимир)».

3) «Приобретение княжеской власти лицами совершается одновременно по наследованию и по избранию. Обычный порядок наследования столов следовал порядку старшинства членов рода». Избрание имело место «при прекращении или неимении княжеского рода». Начало избрания действует *рядом* с началом наследования, что было совершенно необходимо при постоянном участии населения в государственных делах. Обыкновенно начала наследственности и избрания совпадают и (до середины XII в.) не вступают в борьбу между собою».

4) «С середины XII в. такое мирное совпадение двух начал преемства нарушается во всех землях; при борьбе их фактически берет перевес начало избрания. Но начало избрания не вытесняет начала наследственности в принципе нигде, кроме Новгорода и Пскова.»

5) «Кроме наследования и избрания, нет других правомерных способов приобретения княжеской власти. Добывание стола и договор между князьями не могут быть признаны таковыми. Добывание (узурпация силою) нуждается в оправдании или правом наследства, или правом избрания».

6) «Княжеская власть есть необходимый элемент государственного устройства всех древнерусских земель». «Князю вручается вся государственная власть управления и суда. Князю принадлежит и власть законодательная».

7) «Вече такого же доисторического происхождения, как и княжеская власть».

8) «Вече состоит главным образом из простых граждан, т. е. главная роль при решении дел принадлежит простому народу. Однако при нормальном порядке, с вечем сливается и Боярская дума; бояре присутствуют на вече наравне с прочими гражданами»; участвуют и князь, и лица духовные. Вообще вече есть власть *общеземская*. «Эта форма государственной власти создана не во имя борьбы с двумя остальными — князем и боярством — (понятие борьбы чуждо рус-

скому государственному праву), а для единения («одиначества»), т. е. для решения земских дел согласно волею князя, бояр и народа».

9) «Вече есть необходимая составная часть общеземской власти, ибо участие народа в государственных делах в древнее время бывает самым непосредственным и живым. Права веча не могут быть ограничиваемы каким-нибудь одним родом дел (например, законодательством), они, подобно правам князя и думы, простираются на всю сферу высших государственных дел управления и суда» (с. 37 — 43, 53, 56, 57, 60).

Несколько по-иному объясняет политический строй Древней Руси А. Пресняков. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII столетия. СПб., 1909 (из «Записок ист.-фил. фак. СПб.»).

1) В противоположность Соловьеву и Кавелину, автор не видит в Древней Руси «родовых отношений»; но его одинаково не удовлетворяет ни договорная теория Сергеевича, ни очередная Ключевского. Вслед за Рожковым он полагает, что значение внешней торговли для первичных стадий русского исторического процесса Ключевским преувеличено уже по одному тому, что масса населения в торговле этой участия никакого не принимала, да и высшие классы, торговавшие, «все необходимое получали натурой, отправляя на внешний рынок лишь избытки и выменивая там только предметы роскоши» (с. 162).

2) Древняя Русь не была ни единым государством, ни федерацией, ни суммой суверенных государств-волостей (с. 154).

3) «Разбираясь в вопросе о началах преемства в княжом древнерусском владении, следует строго различать наследование земель-волостей, с одной, и преемство в старейшинстве над всеми князьями Русской земли, с другой стороны. По существу, эти два вопроса никогда не смешивались в древнерусских княжеских отношениях, и если их раздельность не всегда ясно выступает, то лишь потому, что в течение двух столетий старейшинство в земле Русской более или менее связывалось с обладанием Киевом. В ряде Ярослава, как он нам передан, нет признаков установления на будущее время порядка преемства во владении княжими волостями; и, прежде всего, нет в нем понятия о сохранении единого, общего и нераздельного владения Русской землей всеми князьями Ярославля, а тем более Рюрика рода (Полоцкие Изяславичи остаются совсем в стороне. Внуки и правнуки Ярослава вернее, чем позднейшие теории понимали суть происшедшего раздела, считая своими отчинами и дединами то, что получили их деды от своего отца Ярослава» (с. 37).

4) Междукняжеские отношения определялись борьбой двух начал: отчины и старейшинства (92). Отчина (право на долю в отцовском владении) вела к дроблению Русской земли; старейшинство — к политической концентрации областей, к сохранению государственного единства (с. 42).

5) «На всех волостях русских княжили князья Рюрикова рода. Княжение это они понимали как владение по праву. Право на княжение в данной волости приобреталось, прежде всего, наследованием по отцу. Отчинное право самое полное и бесспорное, в сознании князя, его право на волость. Князья добиваются столов отчих и дедних. Избирая князя, вече зовет его на стол отеч и деден» (с. 154).

6) Таким образом, «в основе княжого владения волостями лежит понятие семейного владения. Князь-отец наделяет сыновей волостями, дает им города — при жизни ли своей, или в предсмертном ряде. Это — семейный раздел, такой же, как раздел дома по отцовскому ряду согласно Русской Правде». В результате такого раздела произошло дробление отчин, образование ряда владельческих линий (с. 154).

7) С другой стороны, интересы политического или семейно-династического характера постоянно противодействовали такому дроблению. Противодействие это проходит красной нитью через всю историю междукняжеских отношений в Древней Руси, «начиная с ряда Ярослава и до ряда Всеволода Юрьевича. Если в X и первой половине XI вв. оно вело к уничтожению самого раздела кровавой борьбой, то, хоть проявление таких же тенденций не вполне чуждо и позднему времени, преобладает в нем искание компромисса между отчинным разделом и сохранением единства отчины, как территориально-политического целого. Такова функция старейшинства» (с. 155).

8) А как само население, вече реагировало на эти междукняжеские счеты? «Народное общественно-правовое воззрение признает за членами княжого рода их владельческую привилегию, но игнорирует княжие семейно-владельческие отношения и соглашения, стремясь то нарушить, то использовать их, как внешнее условие, в пользу интересов данной земли» (с. 216).

Пресняков вводит новый термин — *княжое* право, понимая под ним «совокупность обычно-правовых норм, возникавших вне общего хода правового развития древнерусских земель-княжений, в сфере деятельности княжих сил, независимой от общего уклада народной жизни» (предисловие, VI; ср. с. 220).

Четыре дополнения к приложению № 20

I. *«Имел ли каждый Рюрикович право на участие во владении Русской землей или нет?».*

Большинство наших историков отвечает на этот вопрос утвердительно, — это мнение, можно сказать, господствующее. Сергеевичу же (Р. Юрид. Древности. Т. II. С. 250) оно представляется «весьма сомнительным». «Можно допустить только то, что каждый Рюрикович сам считал себя призванным владеть русской землей, но чтобы его

субъективное сознание о своем княжеском призвании было общепризнанным правом, этого никак нельзя утверждать. Даже отцы не признавали за своими детьми этого права».

II. *«Собиралось ли народное вече периодически, или нет?»*

Владимирский-Буданов (Обзор..., с. 57 — 58): «Лишь предположительно можно сказать, что были периодические собрания во время братчин, в дни церковных местных торжеств». Годичная городская братчина полочан в 1158 г., «лестию» заманив князя, решило сместить его. «Таким образом собрание, составившееся для религиозного пиришества, есть в то же время вече».

Сергеевич (Р. Юр. Др., II, с. 55) указывает на невозможность сближать братчину с вечем. «Мы не находим никаких указаний на периодичность вечевых собраний. Они составлялись по мере потребности и всякий раз по особому приглашению».

III. *«Какое вече считать законным, какое незаконным?»*

Неволин (Поли. собр. соч., VI, с. 112) и Беляев (Рассказы, II, с. 158) признают законными веча только те, которые созданы князем и посадником и непременно на дворе Ярослава. Сходно с ними толкует и Владимирский-Буданов (Обзор истории Русского права, I, с. 28, 32). Сергеевич (Р. Юр. Др., II, с. 97 — 103) приводя их мнения, утверждает, что такое деление вечевых собраний на законные и незаконные «совершенно чуждо сознанию древней эпохи и несогласно с существом дела».

Дьяконов (Очерки, с. 127): «установить отличительные признаки нормальных или законных вечевых собраний совершенно невозможно».

Корф (История р. гос., с. 30 — 36): будучи верховным органом, вече решало судьбы народа, управляло и законодательствовало (с. 30), а потому в самой основе своей было бы ошибочно (как это делают Неволин, Беляев, Вл.-Буданов, Самоквасов, Соловьев) допускать деление веч на законные и незаконные, правильные или неправильные: «всякое вече, представлявшее собою народ, было законное и правильное, кто бы его ни собирал, где бы оно ни сходилось; вопрос был только в том, представляет ли данная сходка весь народ или часть его, другими словами, это был вопрос силы; если у сошедшегося народа была возможность проведения своего мнения на практике, если он представлял собою большинство населения данной волости, сходка была вечем, т. е. имела право и возможность фактически распоряжаться судьбами прочего населения; если такой силы у нее не было, она была простой сходкой или „незаконным вечем"» (с. 35).

IV. *Политическое значение Княжеской (Боярской) думы*

На вопрос, каково было это значение, Соловьев прямого ответа не дает: «Хороший князь, по современным понятиям, не отделял своих

выгод от выгод дружины, ничего не щадил для последней, ничего не откладывал собственно для себя; жил он с нею в братском, задушевном кружку, не скрывая от нее имения, не тая дум своих, намерений. Князь почти все время свое проводил с дружиною: с нею думу думал, на охоту ездил, пировал. При таких близких отношениях бояр к князю естественно ожидать, что советы их и внушения не оставались без следствий в распрах и усобицах княжеских» (История России, III, 17).

Бестужев-Рюмин. Русская История. Т. I. С. 208 — 209 (СПб., 1872): Право совета считалось неотъемлемым правом дружины. «Это право было также следствием свободы поступления в дружину и выхода из нее: каждый муж считал себя вправе обсудить то предприятие, в котором должен участвовать».

Сергеевич. Русские Юридические Древности. Т. II. С. 337 — 350 (СПб., 1903).

1. Княжеская дума лишь *простой акт думания*, но не *учреждение*: князья «имели советников, а не совет».

2. «Был ли князь обязан иметь советников? Конечно, нет». Князь советуется лишь в тех случаях, «когда находит это нужным и желательным». «Мы имеем перед собою не учреждение, не думу, а думцев».

3. «Хотя совещание с думцами и не составляло обязанности князя, но, ввиду фактической необходимости в содействии князю окружавших его лиц, оно было весьма обыкновенным явлением нашей древней жизни».

4. Состав думы «всегда зависел от усмотрения князя и состоял то из небольшого числа 1, 2, 3 лиц, то включал в себя всю княжескую дружину, то, наконец, расширился до целого веча».

Обстоятельный разбор и оценку мнений Сергеевича дал Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, изд. 5-е, 1907. С. 45-47.

Ключевский. Боярская Дума Древней Руси, изд. 3-е. М., 1902. С. 70-73.

1. В отличие от двух других правительственных форм (совещания князя со всей дружиной и городского веча), Боярская дума была «*учреждением постоянным, действовавшим ежедневно*».

2. «Имела ли она обязательный для князя и решающий голос, или была только совещательным собранием, к которому князь обращался за справкой, когда хотел, оставляя за собой решающее слово? Ответ на этот вопрос легче почувствовать, чем сформулировать. Думаем, что не может быть речи ни о совещательном, ни об обязательном голосе».

3. Обычай совещаться с боярами существовал; но такое совещание не было правом бояр; однако нарушение такого обычая «создавало важные неудобства для обеих сторон. Общество не доверяло князю, который действовал без соглашения с боярами; не думая с ними, князь мог задумать дело, которому они не могли или не хотели содействовать. Значит, совещание с боярами было не *политическим*

правом бояр или обязанностью князя, а *практическим удобством* для обеих сторон, не условием взаимного уговора, а средством его исполнения».

4. В случае разногласия князя с боярами дело разрешалось «не *обязательностью* мнений одной стороны для другой, а *возможностью* навязать свое мнение противной стороне. Из совокупности этих условий вытекала для князя и практическая *необходимость* совещаться с боярами, и *возможность* не принять их мнение в ином случае»

Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, изд. 5-е. Киев, 1907. С. 45—52. См. *его же.* Новые исследования о Боярской думе. Сборник государственных знаний. Т. VIII. С. 104—121.

1. «Боярская дума составляет *необходимый* элемент власти в каждой земле».

2. Она не есть личный совет князя, который может созвать его, а может и не созвать — ее созыв составляет для князя *обязанность*, утвердившуюся обычаем.

3. Дума участвует в решении целого ряда государственных дел: в решении вопросов религиозных, законодательных; внутреннего государственного устройства; ей принадлежит право приглашать князя и рядиться с ним; «Дума по преимуществу участвует в решении вопросов внешней политики, войны и мира». «Думе (иногда вместе с вечем) предоставляется высший суд над князьями и членами их семейств».

4. Состав думы: а) бояре, высшие служилые люди; б) земские бояре, так называемые «старцы» или «старейшины»; в) (в отдельных случаях) епископы и игумены главнейших монастырей.

М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси, изд. 4-е. СПб., 1912. С. 161—163: считает выяснение Владимирским-Будановым политического значения Княжеской думы «окончательным» и, одновременно, «ученой заслугой» киевского профессора. «Политические интересы каждого князя создают для него практическую необходимость обращаться за советом и содействием к своим боярам... А интересы политики, изо дня в день повторяющиеся, порождают все государственные порядки и не могут не найти отражения и в государственном строе».

См. у него литературу вопроса, а также указания на мнение проф. Загоскина (очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси; История права Московского государства): «фактическая необходимость» обсуждать дела с думою сводилась для князя «почти к юридической обязанности».

Д. И. Багалей. Русская история. Т. I. М., 1914. С. 197: Дума носила совещательный характер; «но советов ее не могли игнорировать князья».

А. Н. Филиппов. Учебник истории русского права. Часть I, изд 4-е. Юрьев, 1912. С. 107:

1. Княжеская дума не есть учреждение в нашем современном значении этого слова: она действовала не по какому-либо определенному уставу, в котором были бы точно обозначены состав ее, устройство, компетенция, отношение к другим местам и лицам.

2. Однако все же она есть *дума*, а не один только «акт думания», как это полагает Сергеевич.

3. Не будучи учреждением, Княжеская дума была лишь «личным советом князя, или при князе, к которому он прибежал, когда находил это нужным, и без которого, если мог, обходился».

С. А. Корф. История русской государственности. Т. I. СПб., 1908. С. 122 — 124: Сергеевич (по мнению автора) справедливо восстает против того «недоразумения, которое возникло в нашей литературе со времен Неволлина и с которым связаны так тесно имена профессоров Загоскина и Ключевского»: *юридической* зависимости князя от Думы, конечно, не было никакой; но он недооценил несомненную *фактическую* зависимость князя от дружины. Дружина была *всегда* при князе, а ее независимое положение заставляло его советоваться с нею, считаться с ее мнением, хотя прямого *обязательства* непременно поступать так, действительно, и не существовало.

№ 21. Была ли княжеская отчина *вотчиною*?
(к стр. 115)

Кавелин и Чичерин полагали, что в Древней Руси, в дотатарский период, и даже позже, князь владел княжеством-отчиной на правах собственника по праву наследования, и что такая *отчина* была его *вотчиною*, т. е. *частною* собственностью, сам же он по отношению к ней являлся помещиком, землевладельцем. «Князья делят свои отчины между детьми по частному праву наследования, продают, покупают, меняют земли на том же основании, как и всякое частное имущество (по Чичерину, даже Новгород — «большой вотчинник»). Отсюда и все управление, и суд носили частио-правный тип, рассматривались как частная собственность князя, которую он уступал в частное пользование, кормление, своим мужам, наместникам и волостелям. Господство вотчинных начал в татарскую эпоху допускает также Костомаров; но он, в отличие от Кавелина и Чичерина, видевших корень этих начал в условиях народной жизни, придает им татарское происхождение, выводит их из власти хана — верховного собственника Руси, раздававшего князьям земли в вотчины, на правах частной собственности» (Леонтович. Задружно-общинный характер быта Древней России. Ж. М. Н. Пр. 1874, август. С. 224).

Такое представление о княжеской отчине в науке не удержалось. См. между прочим Леонтович:

«Отчина никогда не означала наследственного владения *по частному праву*: великие князья называли ведь своею вотчиной и Новгород в то время, когда он, по выражению Костомарова, был сам себе государь, — когда политические его вольности и пошлыны еще не были разрушены. Лучшее объяснение значения, в каком «отчина» употреблялась в источниках, дано Сергеевичем: «отчина», по его словам, «есть ничто иное, как стол отца, т. е. стол, который прежде занимал отец известного князя. Название волости отчиной выражает *не существо власти князя — правителя* (как думают Кавелин, Чичерин и Костомаров), а только одно указание на то, что такой-то стол был некогда занят отцом такого-то князя. Князья, называя известную волость отчиной, и таким образом указывая на ее принадлежность отцу, заявляют этим самым свои притязания на обладание этою волостью и именно в силу того, что она — стол отца, отчина» (Вече и князь, с. 318—319).¹ Князь имел значение вотчинника не в отношении к самой волости, не по существу княжеской власти над населением, но главным образом в отношении к другим князьям, не имевшим «отчинных» прав на его волость. Князь-отчич управлял волостью независимо от других князей, имел право на занятие «отчинного» стола и на наряд в «отчине», с устранением князей других родов и других отчин» (там же, август, с. 225).

Еще раньше Соловьев: «Отчиною для князя была та волость, которую владел отец и владеть которою он имеет право, если на родовой лестнице занимает ту же степень, какую занимал отец его, владея означенною волостью, потому что владение волостями условливалось степенью на родовой лестнице, родовыми счетами». Постановления съезда 1097 года о том, чтобы каждый князь владел своею отчиною, останутся нам непонятными, «если станем принимать слово «отчина» в смысле *наследственного* владения для одной линии, потому что Киев был столько же отчиною Святополка, сколько и отчиною всех остальных князей: и Всеволод, и Святослав княжили в нем» (История России, т. II, гл. 1).

№ 22. Что побуждало черниговских князей
наводить половцев на Южную Русь?
(к стр. 122)

Этот вопрос *Д. А. Расовский*. О роли Черных клобуков в истории Древней Руси. *Seminarium Kondakovianum, Recueil d'Etudes*. Prague, 1927, думает разрешить таким образом: как известно, кроме «диких»

¹ Ср. Сергеевича же: Русские Юридические Древности. Т. I. С. 30—31; Т. II. С. 142—143.

половцев, Южная Русь знала еще и «своих поганых»; это были торки-узы, печенеги, берендеи, известные под общим собирательным именем черных клобуков, они были поселены на южной окраине Киевского княжества, в Поросьи (по реке Роси). Прекрасные кавалеристы, они были тесно связаны с интересами Киевского княжества и обычно оказывали киевским князьям военную поддержку. «Борьба за Киев велась между Приднепровьем правым и левым, между князьями суздальской, черниговской, северской Руси и волынскими, и смоленскими князьями, в обладании которых преимущественно был Киев. В правобережье для этой борьбы существовала замечательно удобная и количественно большая военная сила черных клобуков, которой киевские князья очень широко и пользовались. Левобережье же не могло из собственных сил противопоставить что-либо равноценное этим тюркским вспомогательным войскам. Отсюда — обращение левобережных претендентов в степи, к «диким» половцам, единственно равной черным клобукам военной силе на тогдашнем политическом горизонте левобережной Руси. Быть может, поэтому, в самой наличии киевских черноклобуцких населений и был корень того зла, которым так страдала Древняя Русь: навод половцев в междоусобных войнах. Может быть, в черных клобуках и разгадка того удивлявшего нас всегда отсутствия патриотизма русских князей, в особенности черниговских Ольговичей, так часто прибегавших к помощи ненавистных половцев» (с. 105).

№ 23. Допустимо ли массовое переселение
приднепровской Руси на север в XII и XIII вв.?
(к стр. 124)

Вопрос этот можно формулировать еще в такой форме: «Было ли население Киевской Руси таким же «великорусским», каким мы знаем его в Северо-Восточной Руси?»

Вопрос о «великорускости» населения Южной Руси был впервые поставлен Погодиным. Опираясь на шаткие филологические данные (якобы на отсутствие в летописях киевского периода признаков «малороссийского» языка), он создал гипотезу о массовом переселении «великорусского» населения с Юга на Север. «После татар они (жители Юга) отодвинулись на север, да и до тех пор они распространялись беспрестанно на север вместе с князьями»; малороссы же первоначально жили в Карпатах и на Волыни и заняли Киевский юг («Киевскую губернию») уже после татар (Исследования, Замечания и Лекции о русской истории. Т. VII. М., 1856. С. 425, 426; и Известия Акад. Наук. («Записка о древнем языке русском»). Кому недоступна книга Погодина, тот может ознакомиться с его гипотезой по изложению Пыпина, История русской этнографии. Т. III, гл. X («Спор между южанами и северянами»). С. 319 — 324; тут же и литература вопроса:

полемиические статьи Максимовича (против) и Лавровского (в защиту погодинской теории).

Исторические данные Погодина нашли поддержку в *филологических* толкованиях А. И. Соболевского: 1) «Как говорили в Киеве в XIV—XV в.?» (Чтения в Общ. Нестора-Летописца, т. II, 1883 г.); 2) «Очерки из истории русского языка» (Киев. Унив. Изв. 1883—1884 и отд. 1884); 3) Лекции по истории русского языка. Киев, 1888 и др.

Противники Соболевского: Ягич, Антонович (Монографии), Мочульский, Ал. Колесса, Грушевский (Очерк истории Киевской земли. Киев, 1891. С. 427—443, и История Украши—Руси. Т. III, изд. 2-е (1905). С. 143—154). С резкой критикой выступил проф. Крымский: «Филология и погодинская гипотеза. Дает ли филология малейшие основания поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевского о галицко-вольском происхождении малоруссов?» (Киевская Старина, 1898, №№ 6, 9; 1899, №№ 1, 6, 9; не закончено). Акад. Шахматов первоначально стоял на стороне Погодина и Соболевского, но позже, частично, уступил мнению их противников. См. еще Ир. Житецкий, Смена народностей в Южной России. Историко-этнографич. заметки. Киевская Старина, 1883, №№ 5, 6; 1884, №№ 8, 9, 11 (статья не закончена).

Более подробные указания на литературу см. у Грушевского, Киевская Русь. СПб., 1911. С. 468—473; а также его же, История Украши—Руси. Т. I, изд. 3-е (1913). С. 551—556, где обстоятельно изложена история самого спора (указана и вся относящаяся сюда литература); тут же и оценка мнений Ягича и Шахматова о принадлежности племени северян к великорусской группе: это, по мнению Грушевского, не более, как уступка старой погодинской теории.

Ключевский. Курс русской истории (Т. I, лекция 16-я, вторая ее половина) изложил свою гипотезу заселения Ростовской области из Приднепровья в духе Погодина. Спицын ставит себя в ряды «решительных противников» ее, находя положения Ключевского «или спорными или неприемлемыми» (Историко-археологические разыскания. Ж. М. Н. Пр., 1909, январь. С. 91). Самую теорию Ключевского он так формулирует (с. 91):

«1) В X—XI в. русское население Приднепровья было значительным; 2) к середине XII в. Приднепровье сильно запустело; 3) переселение из Киевской области направилось главным образом на север, и лишь отчасти на запад».

Спицын же полагает:

1. Ничем не доказано, что население Приднепровья было значительным (с. 91).

2. Ссылка на семь черниговских городов, в которых, по словам современника, жили «только псари да половцы», теряет свою убедительность, «если принять во внимание, что на Руси всегда бывало множество бедных городов, имевших лишь административное значение». Речь идет о *неторговых* городах: оттого они и «бедны» (с. 92).

3. «Ссылка на Русскую Правду для доказательства тяжелого экономического положения Киевской Руси, конечно, не имеет серьезного значения, так как закон обнимает лишь экономические и правовые нормы и не дает ни цифровой, ни исторической перспективы» (с. 94).

4. «Опасность от кочевников — это величина реальная. Несомненно, что близость Степи создавала весьма тревожное настроение. Но где на Руси подобного настроения в ту пору не было? Нападения половцев имели, можно сказать, исключительно разбойничий характер, и серьезной угрозы для Руси они никогда не представляли. Про половцев мы можем прямо сказать, что это было сравнительно мирное население наших степей, никогда не угрожавшее нашей самобытности. Половцы были несравненно опаснее для страны не самостоятельными набегами, а участием в междоусобиях князей, так как услуги их всегда оканчивались предоставлением на грабеж земель противников» (с. 94-95).

5. «Возможность передвижения приднепровского населения на далекий север совершенно недопустима. От благодатного чернозема к глине и песку, требующим удобрения! От степи к лесу, от тепла в холод, от хороших урожаев к малым! От поля к коню, от хаты к избе, от больших селений к починкам, от легкой работы к упорному труду! Борьба с лесом столь тяжела, что прочно садится в лесу на пашне только третья смена населения». Да, наконец, если бежать, то зачем непременно «за тридевять земель, когда под боком были черниговские и курские, и орловские (леса)? потеснить вятичей ничего не стоило. Но именно в лес население Приднепровья не могло пожелать идти, раз была полная возможность передвинуться в район того же родного, степного быта, — на запад, в Галич, к старой родине. Сюда-то, в степь, к ближайшим родичам, и бросилось население Киевской области в татарский разгром» (с. 95 — 96).

6. Ключевский хочет опереться на «названия населенных мест Суздальской области, тождественные с киевскими и вообще южнорусскими; но ведь это названия правительственные, княжеские, а не народные. Князья были южнорусского происхождения, чем без всякого затруднения и объясняются южнорусские названия *некоторых* городов и урочищ Суздальского края» (с. 96).

7. Коли южнорусские былины сохранились на севере России, то они вообще распевались безразлично на юге, на севере, на западе и востоке, на севере же они «нашли для себя весьма благоприятную почву — длинные зимние вечера, а южное население быстро их растеряло, под впечатлением иных событий, иных героев» (с. 96 — 97).

8. Ссылка на то, что раньше, в X веке, св. Глеб идет из Киева в Муром окольным путем, через Смоленск, Владимир же Мономах, Юрий и Андрей ходили туда напрямик лесами вятичей и что, значит, «какое-то движение» расчистило им перед этим путь «сквозь непроходимые леса», теряет свое значение потому, что последние три князя

проходили через враждебные земли вятичей «лишь потому, что это были *военные* походы, не признающие никаких препятствий на пути» (с. 97).

9. Вообще, «теория южно-русского происхождения основного ядра Суздальской Руси, столь рельефно изложенная в последнее время ее сильнейшим защитником, — красивое и призрачное здание. Секрет начала удивительного роста и усиления этой Руси еще не уловлен» (с. 98).

№ 24. На какой ступени культурного развития находился Суздальский край перед приходом туда Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского?
(к стр. 135)

Вопрос этот обычно решался так, как решали его Соловьев и Кавелин: степень культуры Суздальского края в середине XII ст. была весьма невысокою. Однако за последнее время в исторической литературе высказаны мнения, резко расходящиеся с этим взглядом.

Соловьев. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846. С. 17: «В этой суровой и почти дикой стране возвышался только один древний город, упоминаемый летописцем еще до прихода варягов: то был Ростов Великий. Скоро начали возникать около него города новые: сын Мономаха, Юрий, особенно прославил себя, как строитель неутомимый».

То же, почти дословно, повторено и в Истории России. Т. II. С. 233: вариант лишь в первых словах: «в этой суровой и *редко населенной* стране...» вместо «почти дикой».

Ключевский. Курс русской истории. Т. I. С. 429: В Суздальском крае князья, в противоположность Югу, сами все строили и создавали; здесь они являлись не *продолжателями* начатого дела, а его *творцами*. «Здесь, особенно за Волгой, садясь на удел, первый князь его обыкновенно находил в своем владении не готовое общество, которым предстояло ему править, а пустыню, которая только что начинала заселяться, в которой все надо было завести и устроить, чтобы создать в ней общество. Край оживал на глазах своего князя: глухие дебри расчищались, пришлые люди селились на «новях», заводили новые поселки и промысловые доходы прилипали в княжескую казну. Всем этим руководил князь, все это он считал делом рук своих, своим личным созданием».

Пресняков. Образование Великорусского государства. СПб., 1918. С. 32 — 35, возражая Соловьеву и Ключевскому, ссылается на существование в Суздальском крае боярства и каменного церковного строительства:

1. Уже при Юрии Долгоруком выступает сильное боярство в Ростовской земле. Формулы летописного текста вроде: «Ростов, Суздаль и все бояре», «Ростовци и Суздальци и Переяславци и вся дружина» свидетельствуют о существовании в Суздальщине боярства, сильного административным влиянием, общественным положением и земельным богатством. «Нет ни оснований, ни возможности считать этот класс новообразованием, только что возникшим при Андрее Боголюбском или Юрии Долгоруком. А наличность сильного земского класса заставляет признать, что первые князья Ростово-Суздальской земли, Юрий Долгорукий и Андрей Боголюбский, строили свое политическое и владельческое здание не на зыбкой только что колонизирующейся почве, а на основе окрепшего общественного быта, сложного по внутреннему строю, в среде того же уклада, какой в ту же пору наблюдаем в Киевщине или на Волыни, в Галицкой земле или в Черниговщине».

2. «Еще Владимир Мономах построил церковь св. Спаса во Владимире». Церкви, построенные при Юрии Долгоруком, Андрее Боголюбском и Всеволоде III, выделяются как своим количеством, так и художественной архитектурой. Эти церкви свидетельствуют, по словам Кондакова, что «русское искусство есть оригинальный художественный тип, крупное историческое явление, сложившееся работою великорусского племени при содействии целого ряда инородных и восточных народностей». Такие церкви «возможны только в стране с развитой городской жизнью, богатой материальными средствами, развитием местного ремесла и вообще своей местной культурой. Н. П. Кондаков справедливо указывает на украшение наружных стен суздальских храмов назидательной скульптурной символикой, как на признак развитой городской жизни, так как эта символическая скульптура рассчитана на внимание и понимание населения, толпящегося на храмовой площади. Одних этих храмов достаточно, чтобы отказаться от представления о северо-восточной Руси XII века, как о темном захолустье, где и культура, и благосостояние, и городская жизнь стояли несравненно ниже, чем на Киевском юге».

К этому же, «анти-Соловьевскому» взгляду, опираясь на данные, обычно по этому вопросу не привлекавшиеся — зодчество и живопись, — примыкает Игорь Грабарь: Андрей Рублев. Очерк творчества художника по данным реставрационных работ 1916—1925 гг. («Вопросы реставрации. Сборник Центр. Госуд. Реставрац. мастерских». М., 1926):

«Мы ничего не знаем о культурном облике древнейшей Ростовско-Суздальской земли, но в XII веке, когда административный центр был перенесен во Владимир, мы застаем здесь столь высокую культуру, что есть все основания видеть в ней результат длительного, по меньшей мере полуторавекового цветущего периода, маловяжущегося с обычным

представлением о начале русской государственности. Если придерживаться общепринятой схемы построения истории русской жизни отдаленнейших времен, то оказывается, что Андрей Боголюбский, уйдя против воли отца в 1154 г. в Суздаль, насадил здесь на пустынном месте первые семена вывезенной им из Киева культуры, сразу же, через несколько лет давшие столь замечательные плоды, как Успенский собор во Владимире, палаты в Боголюбове и Покров на Нерли там же. Такие совершенные создания человеческого гения, не похожие ни на что на свете, не возникают вдруг, из ничего, и не могут быть механически перевозимы из одного места в другое. Кроме того, неужели можно допустить, что в течение тех трех столетий, которые протекли со времени первого известия об отдаче Рюриком Ростова «одному из его мужей» (862) до построения Успенского собора (1158 г.), здесь, действительно, была пустыня? Конечно, нет. Московские князья уже рано стали подумывать о «Третьем Риме», муссируя легенду о преемственности Москвы через Киев и Владимир, почему летописные своды были подвергнуты соответствующей переработке, в результате которой навеки погибли хранившиеся в них драгоценные сведения. Едва ли можно сомневаться в том, что к моменту прихода в Суздальскую землю Андрея Боголюбского здесь не только была уже подготовлена почва для принятия привезенных зерен, но навряд ли была даже особенная нужда в этих завозных злаках, и во всяком случае, если они на самом деле были привезены, то подверглись основательной переработке, быстро ассимилировались и совершенно претворились в местной, как-никак трехвеховой культуре» (с.49).

«Если в конце X века в Ростове стоял уже храм, то в нем были, конечно, и иконы. Какие? Разумеется, привозные — из Киева, быть может, из Корсуня и Константинополя. Но можно ли допустить, чтобы в течение 150 лет, до появления в Суздале Андрея Боголюбского, вновь строившиеся церкви украшались только привозными иконами? Едва ли это допустимо: при Андрее во Владимире уже были обширные мастерские, обслуживавшие работы по художественному украшению строившихся им церквей, выросшие, несомненно, на почве, достаточно уже подготовленной предшествующими веками» (50).

№ 25. Существовали ли в Киевской Руси положительные данные для создания там государственности?

(к стр. 153)

Что мешало образоваться в Киевской Руси прочному ядру государственности — это в русской историографии обозначено и выделено достаточно ярко и определенно: 1) постоянные усобицы князей; 2) Киев — вечное яблоко раздора; 3) соседство со Степью и бессилие Противостоять ее натиску; 4) обусловленный этим бессилием отлив Населения в другие более спокойные области; 5) близкое соседство с

Венгрии и Польшею: хотя и не в такой степени пагубное, как соседство со Степью, оно также мешало упрочить и выходить молодые ростки государственного порядка; наконец, б) крестовые походы и Латинская империя, открывшие товарам с Востока и из Западной Европы новые транзитные пути и тем сильно подорвавшие торговое значение Киева и его экономическое благосостояние.

Таковы явления *отрицательные*, такова *помеха*. Но значит ли это, что, не будь помехи, государственность выросла бы и окрепла в Киевской Руси? Ведь одного отсутствия отрицательных явлений еще недостаточно — для созидательной работы необходима наличность еще и *положительных* факторов. Имелись ли они налицо?

На этот вопрос *Забелин* готов ответить отрицательно. Дружинный элемент (говорит он) был непригоден для развития единовластия, а между тем он-то на юге и давал тон всей жизни. Государственность окрепла на Северо-Востоке Русской земли, где основу жизни дала не *бродячая дружина*, а *оседлый посад*. «Господствующею силою древнерусской и собственно южнорусской политической жизни было боярство, называемое в то время дружиною. Для его целей единовластие, единодержавие было противно, ибо цели дружины и ее вождей, разновластных князей, заключались в добывании княжеских столов и боярских волостей». Вот почему «впоследствии, когда ход истории потребовал так или иначе создать государство, в Южной Руси не нашлось основания, в ней не оказалось народа, т. е. той промышленной по преимуществу городской престолярной среды, без которой, как дом без четырех углов, государство не ставится» (Взгляд на развитие московского единовластия. Историч. Вестник, 1881, апрель. С. 763 — 764).

Ту же мысль, но гораздо бледнее и не так заостренно, высказывает и *Костомаров*: «Развитие личного произвола, свобода, неопределенность форм — были отличительными чертами южнорусского общества в древние периоды, и так оно явилось впоследствии. С этим вместе соединялось непостоянство, недостаток ясной цели, порывчатость движения, стремление к созданию и какое-то разложение недосозданного, все, что неминуемо вытекало из перевеса личности над общинностью. В натуре южнорусской не было ничего насилующего, нивелирующего, не было политики, не было холодной расчетливости, твердости на пути к предназначенной цели» (Две народности. Историч. монографии. Т. I. С. 69-70).

№ 26. Кому принадлежит почин в сближении на почве унии:

Даниилу Галицкому или папе Иннокентию IV?

(к стр. 175)

1. Признавая справедливыми слова Платона Карпини о том, что, возвращаясь от хана Гаюка в Киев, он и его спутники получили от братьев Романовичей (Даниила и Василька) и духовенства заявление о готов-

ности их «принять св. отца главою их церкви, подтверждая все сказанное ими о том *прежде чрез особенного посла, бывшего у папы*», Карамзин тем самым *implicite* инициативу сношений приписывает Даниилу. «Даниил с горестию видел слабость России, уныние князей и народа, не мог надеяться на их содействие и долженствовал искать способов вне отечества». Он «обратил глаза на Запад, где Рим был душою и средоточием всех государственных движений». Но сама уния была для него личиной. Убедившись в ее бесполезности, Даниил не затруднился сбросить ее с себя, смеясь «над злобою папы и строго наблюдая уставы греческой Церкви, доказал, что мнимое присоединение его к Латинской было одною государственною хитростью» (ИГР, IV, с. 51 — 54).

2. О *побуждениях* Даниила *Соловьев*, по существу, говорит то же, что и Карамзин: сломить могущество татар с одними силами Галича нечего было и думать: «отбросить их в степи можно было только с помощью новых крестовых походов, с помощью союза всей Европы, или, по крайней мере, всей восточной ее половины. Но о крестовом союзе католических государств нельзя было думать без главы римской Церкви, от которого должно было изойти первое, самое сильное побуждение; князь русский мог быть принят в этот союз только в качестве сына римской Церкви — и вот Даниил завязал сношения с папою Иннокентием IV о соединении Церквей» (История России. Т. III. С. 210).

3. Того же взгляда держится и *Костомаров*: чтобы обеспечить себе успех в борьбе с татарами, которую он замышлял, Даниилу необходимо было сойтись «с такою центральною силою, которая двигала всем западным миром. Такою центральною силою казался ему папа. Постоянные и долгие сношения с западными католическими государями неизбежно должны были внушить ему высокое мнение о могуществе духовного римского престола... Данило изъявил желание отдать себя под покровительство св. Петра, чтобы идти под благословением Римского престола, вместе с западным христианством, на монголов». Русская История в жизнеописаниях, вып. 1, с. 146 (СПб., 1873).

4. Иной оттенок у *Иловайского*: первый шаг к сближению сделан был не с русской стороны, однако папа, по существу, лишь предупредил Даниила. Так, думается, следует понимать слова автора: «Родство и тесное сближение с западными соседями, т. е. угорскими и польскими государями, частое их посещение с самого детства, большую часть которого Даниил провел при их дворах, — все это не могло остаться без влияния на его отношения к католической пропаганде». Умение, испытанное в Орде; тяжелые дани, наложенные на его землю, должны были усилить симпатии Даниила к Западу. «Только отсюда стал он ожидать помощи своему намерению свергнуть постыдное иго. Особенно с той поры, когда попытка его зятя Андрея Всеволодовича Суздальского была подавлена, и восточная Русь еще

глубже впала в татарское рабство, Даниил сделался еще более доступен мысли о церковном подчинении папе, который по отношениям и понятиям того времени только один мог подвигнуть европейских государей и рыцарство на новые крестовые походы против восточных варваров». И на папскую грамоту, посланную ему с Плано Карпини, Даниил не замедлил откликнуться, отправив «послом в Рим (Лион?) одного из русских игуменов для переговоров о борьбе с татарами и единении Церквей». Впоследствии, не видя практической пользы от унии, Даниил порвал с нею. «Тщетно Александр IV посылал ему укорительные грамоты и отечески увещевал возвратиться под сень Апостольского престола. Очевидно, вся эта затея об унии со стороны Даниила была только делом ловкой политики, и едва ли он относился к ней серьезно» (История России, ч. I, М., 1880. С. 463, 466).

5. *Дашкевич* инициативу сношений определенно приписывает папе, не Даниилу. «Русские историки (говорит он) вслед за польскими повторяют, что почин переговоров принадлежал Даниилу, и одни готовы заподозрить Даниила в некотором легкомыслии и недальновидности (Соловьев, Ист. Р. III, изд. 3-е. С. 216), а другие, признавая величие Даниилова замысла (Карамзин, т. IV, гл. I) восхваляют *хитрость* его политики. Эту хитрость выдвигает на вид в особенности статья К. Т. Мурковского: «Даниил Романович Галицкий в сношении с Римом», помещенная в «Киев. Епарх. Ведом.», 1873 г... Толки об инициативе Даниила в переговорах с папою повторяет А. С. Петрушевич, «готовый, подобно польским историкам, считать началом сношений русского князя с папой появление русского посла на Лионском соборе». Между тем «не Даниил был искателем унии: почин в переговорах о ней принадлежал папе и католическим монахам, поселившим в русском князе несбыточную мечту о всеобщем католическом ополчении против татар. Согласившись затем на признание вселенского значения римского епископа, Даниил никогда не думал о пожертвовании самостоятельностью русской Церкви и не прибегал к хитрости» (Первая уния Юго-Западной Руси с католичеством. Киев, 1884. С. 10—12).

I. Архиепископ Петр на Лионском соборе не был посланцем Даниила; мы даже не знаем, где, собственно, находилась его епархия, и имел ли он вообще таковую. Всего скорее он был «за пределами господства дома Владимира» и не имел никакого отношения к переговорам Даниила с папою» (с. 16, 19).

П. «Идея посылки миссии к татарам возникла независимо от переговоров с Даниилом — под влиянием постоянно доходивших до папы вестей о произведенных татарами опустошениях и о новых их замыслах. Иннокентий IV во все время своего правления заботился об отстранении опасности и тотчас же по вступлении на папский престол побуждал немцев к крестовому походу против татар в защиту Венгрии» (с. 19).

III. «Послы (Плано Карпини) первые, по-видимому, завели речь об унии и от имени папы убеждали Василька и епископов присоединиться к римской Церкви» (с. 21).

IV. «Где-то за Днепром, быть может, у Батыея, они встретились с Даниилом и предложили ему то же, что говорили Васильку. В то время Даниил находился под тяжелым впечатлением поездки в Орду... и он с радостью бросился навстречу сверкнувшему лучу надежды на освобождение из тягостного ига. Даниил начал лелеять обширный политический замысел. В то время он еще верил в силу папского слова и готов был думать, что оно двинет против татар закованные в железо полки Запада. Даниил порешил примкнуть к этому католическому союзу и немедленно по возвращении от татар позаботился довести до сведения папы о своей покорности Папскому престолу» (с. 23 — 24).

Грушевский (История Украины — Руси. Т. II, изд. 2-е, 1905. С. 68) разделяет взгляд Дашкевича; точка зрения *Преснякова* («Анналы», кн. II, 1922. С. 191) неясна: «Нашествие Батыея было современниками воспринято как событие общеевропейского значения. О нем, как угрозе христианству, говорил папа Иннокентий IV на Лионском соборе 1245 г. Для выяснения положения дел в Восточной Европе и попытки влиянием проповеди среди неверных обеспечить мир, отправлено в Золотую Орду знаменитое посольство Плано Карпини. В такой обстановке возникла и попытка сплотить христианский мир церковным объединением — переговоры Даниила Галицкого с Римом об унии и военной помощи». Выражение «переговоры *Даниила* с Римом» является неожиданным: предыдущие строки давали основание ожидать иного оборота: «переговоры *Рима* с Даниилом».

№ 27. «Купли» Ивана Калиты
(к стр. 193)

В своей духовной Дмитрий Донской, завещая сыновьям, между прочим, три города: Галич, Белоозеро и Углич, назвал их «куплею деда своего»; между тем ни сам Калита, ни его сыновья в своих завещаниях о них не упоминают ни словом, давая основание думать, что своею собственностью они города эти не считали. Такое умолчание *Карамзин* объяснил предположением, что покупались города эти Калитою не к Москве, а к великокняжеству Владимирскому, почему и считались великокняжескими, а не московскими (И. Г. Р. Т. IV, гл. IX. С. 247). *Соловьев* отказался принять такое толкование: «Как **Мог** Калита прикупить к великому княжению, которое вовсе не принадлежало в собственность его роду, и по смерти его могло перейти к князю тверскому или нижегородскому? Это значило бы обогащать Других князей на свой счет». По мнению Соловьева, «Калита купил

эти города у князей, но оставил им еще некоторые права владетельных, подчиненных, однако, князю московскому, а при Димитрии Донском они были лишены этих прав» (История России, т. IV, прим. 417).

Сергеевич не удовлетворен ни тем, ни другим толкованием: «Вещь возможная, что Калита оставил свои купли за князьями продавцами, обязав их службой себе и детям; но все-таки то, что он купил, приобретено им, и в завещании, в котором не забыт даже прикупленный кусок золота, надо было упомянуть о Галиче с Белоозером и Угличем; упомянуто же там село Богородское, хотя оно и не находилось во владении сыновей, а было отдано Борису Воркову. Итак, молчание завещаний Калиты и его детей остается не объясненным, а возбуждаемые им сомнения неустраненными. Несомненно только следующее: Галич, Белоозеро и Углич в состав московской территории вошли только при Димитрии Донском» (Рус. Юрид. Древн. Т. I. С. 53-54).

Пресняков полагает, что «сомнения» Сергеевича навсегда останутся «неустраненными», пока мы будем держаться традиционного взгляда на Ивана Калиту, как на *собирателя* Русской земли. «Не землю собирали московские князья, а власть; не территорию своей московской вотчины расширяли, а строили великое княжение, постепенно и упорно превращая его в свое *государство*». Карамзин уже указывал на связь этих трех городов с великим княжением — связь эта и пояснит нам, «почему в духовной Ивана Калиты нет упоминания о Галиче, Устюге и Белоозере, как не упоминаются ни Переяславль, ни Кострома, никакая великокняжеская волость, ни само великое княжение». Невыясненными и трудно выяснимыми остаются два вопроса: «о содержании тех сделок, которые в духовной Димитрия Донского названы «куплями», а также о судьбах Галича, Белоозера и Углича до той поры, как они слились с вотчинными владениями московских князей. Мы не знаем, когда и с какими князьями мог заключить Калита «ряд» о «купле»; притом возможно, что он, как черта сугубого подчинения мелких князей-вотичей великокняжеской власти, явился следствием той новой борьбы, какую пришлось выдержать Ивану Калите по возвращении кн. Александра Михайловича на Тверское княжение, а дальнейшие судьбы Галича и Белоозера осложнены соперничеством Москвы и Нижнего Новгорода» (Образование Великорусского государства. СПб., 1918. С. 150—153).

Любавский, сторонник «традиционного» взгляда на московских князей, как на «собирателей», говорит: «Вопрос о куплях Калиты обычно разрешался историками догадками, что купля состоялась на таких условиях, которые до поры до времени оставляли за названными князьями права князей самостоятельных. Но такая сделка была бы мыслима в форме предоставления княжеств в пожизненное владение продававшими князьями, а не до поры до времени, со включением и преемников... Приходится поэтому отказаться от этой догадки. Но

возможна, на наш взгляд, иная гипотеза. Иван Данилович Калита выручил князей Углицкого, Галицкого и Белозерского, внося за них; ордынские недоимки, но за то названные князья должны были по* ступить в его пользу своей самостоятельностью, низойти на положение служебных князей, держащих свои отчины по милости князя Московского, под условием службы ему. Так как при этом ни Калита, ни его преемники до Донского не брали княжеств в свое непосредственное владение и управление, то эти княжества и не фигурируют в числе волостей, отказываемых по духовным грамотам московских \ князей» (Образование основной государственной территории Велико-русской народности. Л., 1929. С. 54).

Ни *Ключевский*, ни *Дьяконов* чего-либо нового в разъяснение {вопроса не внесли, говоря — один: «Покупая села и деревни в чужих уделах, Иван Калита купил целых три удельных города с округами, Белозерск, Галич и Углич, оставив, впрочем, эти уделы до времени за прежними князьями на каких-либо условиях зависимости» (Курс русской истории. Т. I. С. 15 — 16); другой: «Хотя ссылка Дмитрия, Донского на „купли деда своего" и возбуждает сомнения, так как Калита этими городами не распорядился в своей духовной, и их снова силою захватил Донской; но самый факт покупки каких-то прав на эти города этими сомнениями еще не устраняется» (Очерки общ. и гос. строя др. Руси. Изд. 4-е, СПб., 1912. С. 233).

№ 28. Существовал ли феодализм в Древней Руси?
(к стр. 197)

Мысль о феодализме на Руси впервые высказана А. Л. Шлецером (в его *Несторе*, т. II, с. 7). Из позднейших ученых допускали феодализм Н. С. Арцыбашев (*Повесть о России*), Н. А. Полевой (*История русск. нар.*), И. И. Эверс (*Др. русское право*), К. Д. Кавелин (*Взгляд на юридический быт*), А. С. Клеванов (*О феодализме на Руси*), И. Е. Андреевский (*О наместии*) и И. И. Срезневский (*Изв. Акад. Наук*. Т. III, С. 264), Н. И. Костомаров в последнем своем исследовании (*О начале единой державы в древней Руси*; см. *Вестн. Евр.* 1870. 11 и 12) допускает у нас феодализм в общих его признаках, как один из результатов татарского завоевания» (Леонтович. *Задружно-общинный характер быта Др. России*. Ж. М. Н. Пр. 1874, июнь. С. 203-204).

Кулишер (*История русского народного хозяйства*. Т. I, М., 1925. С. 109 — 111) дает следующую сводку взглядам, высказанным в нашей литературе о феодализме:

«На наличность в Древней Руси различных черт, свойственных феодализму, в особенности на роль и значение иммунитета, указывали^с Ще Чичерин, Соловьев, Кавелин, Неволин, Б. Милютин, хотя они^{***} пытались сопоставлять наши институты с западноевропейскими; в

особенности же подчеркивал характер феодального строя Костомаров, находивший его со времени татарского нашествия и усматривавший его в дроблении власти между князьями, причем образовались высшие и низшие ступени с известной подчиненностью вторых первым. Но возникновение феодального строя он еще называл произведением татарского завоевания и точно также прекращение его приписывал исчезновению татарского ига («Начало единой державы в Древней Руси»).... Отношения, сложившиеся в удельный период Ключевскому напоминали феодальные порядки, но в них он видел «явления не сходные, а только параллельные». (Курс русской истории, т. I, лекция 20-я). Рожков находил, что «хотя феодализма в окончательно сложившемся виде в России никогда не существовало, но зародыши его были... свойственны и нашему отечеству» («Город и деревня»; «Обзор русской истории»; «Русская история», т. III).

Павлову-Сильванскому принадлежит огромная заслуга выяснения вопроса о феодализме в Древней Руси путем детального сопоставления характерных явлений русской жизни с соответствующими институтами на Западе, в результате чего ему удалось установить положение, что мы имеем и на Руси все важнейшие признаки феодальной организации - раздробление верховной власти, сеньориальный строй, вассальную иерархию, службу с земли, иммунитет, защиту-патронат, победу боярщины над общиной (Феодализм в древней Руси, 1907; Феодализм в удельной Руси, 1910). Хотя ему и ставили в вину, что он слишком выдвинул общие России и Западу явления и главным образом имел в виду правовые, а не экономические явления, свойственные феодализму, расходились с ним и в различных частных вопросах, все же огромное большинство исследователей не могло не признать правильности его положения, что нельзя говорить о своеобразии русского исторического процесса и отрицать существование и на Руси феодальных порядков (см. библиографию: Статьи, заметки, рецензии по поводу его первой книги в приложении II к III тому его «Сочинений»).

«На этой точке зрения стоят: Тарановский („Феодализм в России", 1902), Кареев „В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России?", 1910), Покровский (Русская история, т. I, История русской культуры, т. I), Плеханов (История русской общественной мысли, 1914), Огановский (Закономерность аграрной эволюции, 1911), М. М. Ковалевский („Минувшие годы", 1908. Т. I) и ряд других авторов».

Расходятся с Павловым-Сильванским: Владимирский-Буданов; приведенные Павловым-Сильванским факты он не считает за феодализм, известный Западной Европе (Обзор истории русского права); Сергеевич полагает, что предвестники феодализма были, но слабые (Древности русского права. Т. III, 1903. С. 469—475); Милюков же (Феодализм в Северо-Восточной Руси. Энцикл. слов. Брок.—Ефр, полутом 70) «готов признать существование у нас основных черт средне-

векового строя Западной Европы и наличие феодализма в родовом смысле, но ввиду видовой разницы он не считает возможным называть русский вариант этим термином». Сравн. еще более ранние труды Павлова-Сильванского: «Закладничество и патронат» (СПб., 1897); «Иммунитет в удельной Руси» (СПб., 1900 и «Феодальные отношения в удельной Руси» (СПб., 1901). Также: Любавский. Феодализм в Литовско-Русском государстве (Энци. слов. Брок. — Ефр., полутом 70); в Северо-Восточной Руси (Др. русская история до конца XVI в., с. 173—181). Кареев. Поместье-государство и сословная монархия средних веков. СПб., 1906 — П. Б. Струве. Существовал ли в Древней Руси феодальный правопорядок? «Сборник Русского института в Праге. Прага, 1929. С. Г. Пушкирев. Россия и Европа в их историческом прошлом. «Евразийский Временник», кн. V (1927): феодализма не было в Древней Руси.

В трудах Павлова-Сильванского теория феодализма на Руси нашла свое наиболее яркое выражение; никто до него так остро не ставил вопроса и не собрал столько доказательств в пользу существования феодального строя не только в Западной Европе, но и в Древней Руси. Вот его основные мысли и положения (цитирую последний его труд 1910 г.):

1. Боярский самосуд (иммунитет) существовал на Руси, как и на Западе: привилегированный землевладелец (боярин, монастырь) был неподсуден княжескому суду и управлению; он и все люди, жившие на его земле, были свободны от налогов, пошлин и повинностей в пользу казны или чиновников. «Княжеские наместники, волостели и низшие провинциальные чиновники: тиуны, доводчики, пошлинники, таможенники лишаются права «въезжать в околицу» монастыря или светского вотчинника» (с. 265, 266).

2. Сходны и условия пожалования иммунитетных привилегий (с. 282): они давались, как милость, пожалование (бенефициум), хотя, по существу, жалованные грамоты, как и на Западе, лишь закрепляли факт, самобытно выросший, независимо от воли лица жалующего (с. 295).

3. *Закладничество* — соответствует западноевропейской коммодации. Павлов-Сильванский категорически оспаривает господствующее в науке представление о закладничестве как о «личном закладе, как о самозалоге, о залоговой зависимости по закладному контракту» — закладничество, возражает он, есть «вступление в защитную зависимость, отдачу себя не на залог, а под защиту сильного человека», «за хребтом» которого он, таким образом, становится».

4. С развивающейся в XII веке оседлостью князей приобретала оседлость и княжеская дружина, превращаясь в бояр и слуг-землевладельцев. Боярская служба удельного времени, по основным своим началам, создавала положение, сходное с положением западноевро-

пейского вассала. Как на Западе вассалы обязаны выступать в поход по первому зову господина, нести придворную и гражданскую службу, такую же службу несут и наши бояре и слуги князя. И как на Западе «выбор господина-сеньера зависел единственно от желания слуг-вассалов», так и «боярин, военный слуга, был так же, как дружинник, *вольным слугою* своего князя-господина. Он сохранял за собою право во всякое время, по своему усмотрению, порвать свою служебную связь с господином» (с. 357).

5. На Западе сеньор обязывался оказывать своему вассалу покровительство, помогать ему материально, ставить его в привилегированное положение — и у нас вольные военные слуги-землевладельцы пользовались правом на личный суд великого князя или его боярина введенного, получали материальную помощь в виде земли и доходных должностей (бенефиции — жалования)».

6. «Духовные владыки нашей древности, митрополиты и архиепископы, носят резкие, неоспоримые черты феодальных сеньоров. Совершенно так же, как западноевропейские духовные феодалы, они окружены штатом светских военных слуг-землевладельцев, бояр и детей боярских, служащих им на тех же самых условиях, на каких другие бояре и дети боярские служат великим князьям».

7. Русской вотчине и поместью соответствует на Западе аллод и фео́д: природа того и другого института в обоих случаях одинакова.

8. Характернейшая черта феодализма — разъединение страны, раздробление власти, переход ее к помещикам — явление, наблюдаемое и там и здесь (с. 405).

Возражения *ВладимирскогоБуданова* (Обзор истории русского права, изд. 5-е, с. 292 — 298):

1. «Павлов-Сильванский нигде не ставит вопроса, как относится его теория к установленным ныне воззрениям на историю русского государственного порядка. В сущности его теория вносит не дополнение или поправку к существующим воззрениям, а полный пересмотр господствующей историко-политической догмы или, точнее, разрушение ее до глубочайших оснований» (с. 293).

2. Ошибочно утверждение, будто в домонгольский период государственный строй Руси был, как и в системе западного феодализма, построен на *личном* подчинении, т. е. на вассалитете — он строился на подчинении *территориальном*: на отношениях старших городов к пригородам (с. 294).

3. Феодальный порядок предполагает существование сословных привилегий — в домонгольский период Русь их не знала (с. 295).

4. Древняя Русь не знает боярских владений с государственными правами; княжеские дружинники (это главное подобие феодальных вассалов) сначала вовсе не обладали земельными имуществами. Имунитет, как бы широко он ни применялся на Руси, действительно,

не превращался в суверенитет. Князья не *приобрели* суверенные права, а временно *сохранили* некоторые из них; эти права не возрастали, а напротив, сокращались с течением времени» (с. 296).

5. «У нас ни один кормленщик не превратился в государя: кормление давалось на весьма краткий срок — один, два года» (с. 297).

6. «Вся теория является делом будущего», пока же перед нами «громадное количество исторических фактов, несогласных с этой теориею; или, по крайней мере, еще не примиренных с нею. Подобранные же теперь отдельные факты обозначают пока не феодализм, знакомый нам по истории средневековой Западной Европы, а то всемирно-историческое явление смешения государственных и частных начал права, которое наблюдается и в дореформенной Японии, и в среднеазиатских тарханах, и в древнеримском клиентстве, и в византийских поместьях» (с. 298).

См. также указания академика *Струве*: служба на Западе неслась с феода, не с аллода, т. е. не с вотчин, которые «в феодальной службе в счет не шли и во внимание не принимались»; между тем русские вольные слуги служили князю, сидя на своих вотчинах, и, сохраняя право отъезда, не лишались их, если покидали службу. «Бояре и вольные слуги служили в Древней Руси совсем на других началах, чем западно-европейские вассалы. Служба первых, как слуг вассальных, не была связана с их «жалованием»: наоборот, последнее было необходимым основанием и условием службы вторых. Поэтому-то первые имели право ничем первоначально не ограниченного отъезда и отказа. Для вторых отъезд и отказ, если и был возможен, то был сопряжен с потерей жалованья. В этом смысле юридически и фактически западный феодальный порядок был в корне отличен от порядка древнерусской вольной службы». Таким образом, в отношениях между государем и его слугой отсутствовало «то обязательство взаимной верности, которое составляло душу и определяло дух феодального права» (с. 397, 399, 402).

Сравн. еще высказанное *Костомаровым*: «Русь с половины XII в. до конца XV пережила период феодализма». Это не был порядок, известный на Западе под именем феодального, но это был, подобный ему, «такой политический строй, когда весь край находится в руках владетелей, образующих из себя низшие и высшие ступени с известного рода подчиненностью низших высшим и с верховным главою выше всех. Такой строй существовал на Руси вполне. Русский феодализм начинается с появлением татар: «Верховный владыка, завоеватель и собственник Руси, хан, называемый правильно русским царем, раздал князьям земли и вотчины и по этим землям они естественно очутились в неровном между собою отношении: одни, владевшие прежними **Пригородами**, были ниже, другие — сидевшие в главных городах — выше. Над всеми ими был старейший или великий князь. Меньшие князья были в такой зависимости у великих, которая напоминает нам

феодалную лестницу на Западе. Обязанные вносить великому князю следуемую с них татарскую дань для передачи по принадлежности, они также обязаны были быть готовыми на ратную помощь великому князю по его призыву». Но «такой феодальный строй мог существовать и был крепок только до тех пор, пока была крепка и деятельна власть Орды». Кончилось татарское иго — кончился и феодализм на Руси. (Начало единой державы в Древней Руси. Вестник Европы, 1870, декабрь, гл. VIII. Сочинения. Т. XII).

См. еще свод «Литературных мнений по вопросу о влиянии татарского ига на Русское государство и общество», П. Смирнова, в «Русской истории», под ред. Довнар-Запольского. Т. I: здесь приведены мнения еще и других исследователей.

№ 29. Роль князей и земщины
в борьбе с Мамаем на Куликовом поле
(к стр. 198)

Наши историки, говоря об единодушии, с каким русские люди сошлись на Куликовом поле под стягом великого князя московского, останавливаются больше на *князьях*, на *боярах* и глухо упоминают, если совсем не молчат о *земщине*. Правда, их изложение не дает никаких оснований думать, чтобы они исключали ее участие в общем деле или вообще допускали пассивное с ее стороны отношение к нему; но все же земщины, как таковой, не видать в их описаниях.

1. *Карамзин*: «Целые города вооружились в несколько дней; ратники тысячами стремились отовсюду к столице. Князья ростовские, белозерские, ярославские со своими слугами; бояре владимирские, суздальские, переславские, костромские, муромские, дмитровские, можайские, звенигородские, углецикие, серпуховские с детьми боярскими или с воинскими дружинами составили полки многочисленные» (V, 63).

2. *Соловьев*: «Дмитрий московский стал немедленно собирать войска; послал за полками и к князьям подручным — ростовским, ярославским, белозерским; есть известие, что князь тверской прислал войско с племянником своим, Иваном Всеволодовичем Холмским» (и в примечании 494): «Известие очень вероятно. Замечательно, что не упоминается о князьях нижегородских» (История России, III, 343). Отсутствие нижегородского князя показалось Соловьеву «замечательным», вероятно, потому, что Дмитрий Константинович нижегородский приходился тестем Дмитрию Московскому.

3. *Костомаров*: «Кроме тверского князя, непримиримого врага Москвы, да кроме Олега (язанского), который поневоле должен был держаться Мамай из расчета спасти свою землю, все русские князья и все русские земли охотно готовы были участвовать в предстоявшей борьбе русского народа с татарами. С Дмитрием были силы земли мое-

ковской, владимирской, суздальской, ростовской, нижегородской, белозерской, муромской, псковичи со своим князем Андреем Ольгердовичем, брянцы с братом Андрея, Дмитрием Ольгердовичем» (Русская история в жизнеописаниях, вып. I. СПб., 1873. С. 219).

4. *Иловайский*: Дмитрий «послал гонцов во все концы своей земли с повелением, чтобы наместники его и воеводы спешили с ратными людьми в Москву. Разослал также грамоты к подручным себе и соседним князьям русским... Вскоре со всех сторон стали собираться в Москву ратные люди. Начали прибывать и подручные князья». — При выезде из Москвы Дмитрия окружала «свита из собравшихся в Москву подручных князей, каковы: Белозерские Федор Романович и Семен Михайлович, Андрей Кемский, Глеб Каргопольский и Кубенский, удельные князья Ростовские, Ярославские, Устюжские, Андрей и Роман Прозоровские, Лев Курбский, Андрей Муромский, Юрий Мещерский, Федор Елецкий и другие». — Рать собралась большая; «а между тем эта рать собрана была далеко не со всей Русской земли, но только во владениях Московского великого князя и подручных ему мелких удельных князей Северо-Восточной Руси. Ни один из областных князей того времени не принял участия в столь славном предприятии». Не было Олега рязанского, Михаила тверского, Дмитрия нижегородского. «Не явились также смоляне и новгородцы. А черниговцы, киевляне и волынцы в то время находились уже под властью литовскою» (История России. Т. II. М., 1884. С. 115, 120, 123).

Иначе окрашивает события *Забелин*. Его расхождение не в фактах, но в их освещении: на первом плане у него участие земщины; княжеский элемент частью даже совсем отбрасывается. Громадное политическое значение Куликовской битвы, по его мнению, именно в том, что борьба с Мамаем была делом *общеземским*; князья, как участники ее, лишь простые выразители общественного движения, и потому их роль и значение, по существу, второстепенные. На Куликово поле не они привели земщину, а земщина их.

Забелин: «По всей Земле собиралось ополчение. Великий князь „с великою любовью и со многим смирением" просил союза и помощи у князей владетельных; со смирением и умилением посылал и к местным, к своим служебным и подручным князьям, и по всем землям посылал, смиренно зовя на общее дело и собирая *всякие человеки* в воинство. Очевидно, что не на всех князей он мог надеяться и потому обращался к Земле, ко всяким человеком, к людям охочим. Вот по какой причине на Куликово поле пришло много пешего войска, много „жителей" людей, и купцы со всех земель и городов. Пришли все мелкие служебные князья, особенно с севера, князья белозерские; пришел даже половецкий князь с псковичами. Но не слышно в сказаниях летописей, чтобы тронулись со своих мест князья крупные, независимые. Смолен-

ский, если б и хотел, не мог прийти, потому что в тылу у него сидел литовский Ягайло, союзник татар. Тверской князь мог отказаться, что был разорен тою же Москвою, хотя есть известие, что он послал полк с племянником, между тем как по договору должен был явиться сам. Не поминаются и нижегородские князья. После, когда Москва победила иные и в летописи записывали, что и они пахали, как это сделали верхние новгородцы, и как, вероятно, явилась запись и о тверской помощи Старый летописец новгородский ни слова не говорит о том, чтобы Новгород помог Москве. Он заметил только, что многие москвичи, т. е. собравшаяся рать, небывальцы, очень устрашились, увидя татарские полки, и иные побежали. Сильные князья и области, если и допустить, что они по договорам посылали некоторую помощь, все-таки умывали руки в этом деле, ибо почитали это дело не общерусским, а исключительно московским местным, хотя бы и великокняжеским, ведь на то и существовала тогдашняя пресловутая федерация. И в действительности, это дело было в собственном смысле московское, поднятое с самого начала русскую же крамолою, из зависти, ненависти и озлобления к Москве. — Москва надеялась только на самое себя и только на земских людей, так что одним из сильных ее союзников был собственно *посад* — житейские люди и купцы, как упомянуто выше. Когда Дмитрий выступил из Москвы, то взял с собою и выборных из московского посада — 10 мужей сурожан-гостей для того, чтобы они могли видеть все своими глазами и могли бы рассказать о случившемся в дальних землях. Собралось таким образом в истинном смысле всенародное ополчение. На побоище явились героями не сильные высокомерные и честолюбивые князья, так много спорившие о великом княжении, а слабые владетели мелких отчин, князья белозерские, торусские, брянские и т. д.; явились героями вообще земцы, не помышлявшие о владычестве над Землею, но помышлявшие только о службе родной Земле. И вот почему после этой достославной битвы московское личное дело борьбы с Мамаем явилось делом общерусским. Все завистники и враги Москвы были посрамлены, как враги всея Руси, и народ еще раз почувствовал великую заслугу Москвы перед землею и естественно потянулся к ней со всех сторон, как к истинному своему средоточию, державшему крепко общие цели и общее благо всей Земли. Житие Дмитрия прямо говорит, что после побед, «раскольники и мятежники его княжения все погибли и иные страны подклонились под его руки» (Взгляд на развитие московского самодержавия. Историч. Вестник. 1881, апрель. С. 748-749).

№ 30. Суждение С. М. Соловьева о Куликовской битве
(к стр. 198)

Соловьев ставит Куликовскую битву в один ряд с грандиозными столкновениями европейских и азиатских ополчений, от исхода кото-

рых зависела судьба целых народов, всей христианской культуры. Так, в эпоху Великого переселения народов римский полководец Аэций спас на Каталаунских полях Западную Европу и ее цивилизацию от диких гуннов (451); несколько позже (732) почти на тех же местах, под Туром, Карл Мартелл разгромил арабов и остановил ислам в его поступательном движении. Точно также и Куликовская победа «была знаком торжества Европы над Азией; она имеет в истории Восточной Европы такое же значение, какие победы Каталаунская и Турская имеют в истории Европы Западной, и носит одинакий с ними характер, — характер страшного, кровавого побоища, отчаянного столкновения Европы с Азией, долженствовавшего решить великий в истории человечества вопрос — которой из этих частей света восторжествовать над другою».

Решила ли, однако, Куликовская битва этот вопрос? Устранила ли она опасность, тяготевшую над Русской землею? *Побоище*, действительно, было кровавое; но практического решения оно не принесло: *реальные* результаты поражения Мамаю ничтожны. Значение ее, как уже было указано (см. выше, с. 193), лишь *моральное, идейное*: она воочию указала на возможность одолеть татар, в корень подточила прежнее убеждение в их непобедимости, зародила светлые надежды, укрепила веру в будущее, оправдала собирательную политику московских князей; но *торжества* над Азией еще не дала. Да и самая опасность для тогдашней Руси была не та, что в свое время грозила Западной Европе: в конце XIV в. татары совсем не представляли той силы, как некогда гунны или арабы; смести с лица земли русский народ, как это мог бы сделать Атила в V в., или духовно поработить его, навязав свою культуру, чего можно было опасаться от арабов в VIII столетии, они все равно были бы не в состоянии. В случае неудачи Дмитрия Донского Россия поплатилась бы новым вторжением, новым разорением страны, но не больше.

Зато, бессильные уничтожить Московскую Русь татары обладали еще достаточными средствами, чтобы держать ее под постоянной угрозой. После Каталаунского побоища и битвы под Туром гунны и арабы исчезли навсегда, татары же еще долго давали знать о своем существовании. От набегов и вторжений татарских Куликовская победа Русь не избавила, и даже сама Москва, столица, еще не раз будет дрожать от страха за свою судьбу. Вообще вплоть до вокняжения Ивана III, т. е. почти вплоть до фактического падения татарского ига, Москва продолжает жить в полной неуверенности за завтрашний день.

Ср. нашествие Тохтамыша, испепелившее Москву (1381), нашествие Тамерлана (1395), появление Едигея под стенами Московского Кремля (1408), внезапный набег на Москву ордынского царя Махмета (1439), пленение, тем же Махметом, великого князя Василия Темного (1445), и, наконец, два набег на Москву в 1451 и 1459 гг.

№ 31. О первоначальной колонизации Московского княжества
(к стр. 204)

Говоря о географическом положении Московского княжества, как одном из благоприятных условий его политического роста, мы намеренно обошли молчанием вопрос о *первоначальном* заселении Московской области. До последнего времени в науке держался и развивался взгляд, высказанный, с некоторыми вариантами, Соловьевым, Забелиным и Ключевским, но теперь Любавский вносит в него существенные поправки и изменения.

Общепринятое мнение таково: 1) Московский удел лежал на границе Юго-Западной и Северо-Восточной Руси; переселенческий поток, направляясь с киевского Приднепровья в бассейн Волги и Оки, перевалив за рубеж, расплывался по области и тем значительно содействовал уплотнению ее народонаселения; 2) эту дорогу с Юго-Запада на Северо-Восток перекрещивала почти под прямым углом, другая дорога, — с Северо-Запада на Юго-Восток, с Верхней Волги на среднее течение Оки: река Москва, своим течением сближая Волгу с Окою, создавала удобный транзитный путь из Новгорода в Рязанский край, самый богатый на всем Северо-Востоке естественными произведениями. Новгородцы издавна пользовались этим путем для вывоза в Европу меда и воска. — Таким образом, первая дорога увеличивала население московского удела, вторая — материально обогащала его (провозные пошлины в казну князя; заработок местным жителям).

По *Соловьеву*, Москва приобрела важное значение, как срединное пограничное место между старою южною и новою северною Русью. Когда Южная Русь потеряла свое значение, она стала пустеть, переселение направилось отсюда на север «в места более безопасные, и первым пограничным княжеством было Московское». Выгодное торговое положение области сделало ее посредницей между Северо-Западом и Юго-Востоком. Впоследствии большой торговый путь из Азии в Европу и обратно шел по Волге, Оке и Москве-реке. Кроме того, «Москва-река имела важное торговое значение для Новгорода, как путь в Рязанскую область, богатейшую естественными произведениями из всех областей Северо-Восточной Руси, по уверению путешественников» (История России, т. IV, гл. III, с. 131 — 132).

В основе та же мысль и у *Забелина*: Москва возникла на пути из Смоленска (с Днепра) к р. Клязьме, а оттуда к Волге (История Москвы, ч. I. М., 1902, с. 9-11).

По *Ключевскому*, «город возник на перепутье между Днепровским югом и Верхневолжским севером». Колонизационный поток шел сюда по двум линиям: «с новгородского северо-запада и смоленского запада» и «с днепровского юго-запада и с верхнеокского юга, из страны вятичей». «Москва возникла на рубеже между юго-западной днепровской и северо-восточной волжской Русью, на раздельной линии говорюв

о н а . Это был первый край, в который попадали колонисты с юго-запада, перевалив за Угру; здесь, следовательно, они осаживались наибольшими массами, как на первом своем перевале». «Пересечение двух скрещивающихся движений, переселенческого на северо-восток и торгово-транзитного на юго-восток, доставляло московскому князю важные экономические выгоды. Сгущенность населения в его уделе увеличивала количество плательщиков прямых податей. Развитие торгового транзитного движения по реке Москве оживляло промышленность края, втягивало его в это торговое движение и обогащало казну местного князя торговыми пошлинами» (Курс русской истории, т. I, гл. 1, 2, 5, 7, И).

Из двух положений: 1) переселенцы шли с юга, густыми массами оседа в Московской области, и 2) в Москву шли и из других областей северной Руси, вследствие отсутствия в Московском княжестве междоусобий и бедствий от татар, *Любавский* принимает только второе, да и то «с некоторыми оговорками». «Колонизационное движение с юга (говорит он), как известно, шло наиболее усиленно во второй половине XII и первой половине XIII в. Между тем за это время бассейн Москвы-реки, по всем признакам, не наполнялся населением. Самый город Москва, основанный Юрием Долгоруким в 1156 году, сделался стольным княжеским городом только в 1247 году. Москва досталась тогда третьему сыну Ярослава Всеволодовича, князя Переяславского и великого князя Владимирского, Михаилу Хоробриту, — ясное дело, что в составе Переяславского княжества она была в то время не первым городом». Возвышение Москвы, материальное ее усиление произошло лишь в конце XIII и начале XIV в., а в это время значительное массовое передвижение с юга уже прекратилось; и если население Московского княжества тем не менее заполнялось, то, очевидно, откуда-нибудь с других сторон. Откуда же? Отнюдь «не колонистами с юга, а беженцами с Поволжья, Владимиро-Суздальской области и, вероятно, Рязанской, которые искали убежища в отдаленном и глухом московском крае от татар». Отсюда вывод, «скопление населения в Московском княжестве совершилось не столько благодаря его выгодному положению между Киевской Русью и Владимиро-Суздальской областью, сколько благодаря выгодному положению в отношении татарских набегов» (Древняя русская история до конца XVI в. М., 1918, с. 215-217).

Выгодное положение Московского княжества в торговом отношении *Любавский* не думает отрицать, но признает за этим фактором значение более скромное. По его мнению, было бы преувеличением ставить слишком в тесную связь с этим положением относительную населенность области и ее политическое возвышение, так как «транзитное торговое движение, проходившее через Московское княжество, едва ли могло захватить широкие массы местного населения и давать

ему большие материальные ресурсы. Не нужно при этом забывать, что начала и концы путей, через которые шла транзитная торговля Московского княжества, находились не в руках московских князей, и свободный торговый обмен при разных политических конъюнктурах должен был часто встречать препятствия» (Любавский. Образование основной государственной территории Великорусской народности. Лигр, 1929, с. 38).

См. еще его же: Возвышение Москвы. В сборнике «Москва в ее прошлом и настоящем». Изд. «Образование», вып. I, с. 69 — 72: недаром «большая часть княжений в XIII в. группировалась именно в средней и восточной частях Ростово-Суздальской области»: Владимирское, Ростовское, Ярославское с Белоозерским, Костромское, Галицкое, Юрьевское, Переяславское, Суздальское и Городецкое, а в западной только два: Московское и Тверское. Недаром и Даниилу, как младшему сыну Александра Невского, досталось Московское, «еще незначительное, слабо населенное». И так как разгром Батыею коснулся главным образом восточной, наиболее населенной части Суздальской области, то население ее, в поисках спасения и защиты, двинувшись на запад, обусловило возвышение княжеств Московского и Тверского.

В свою очередь, С. Ф. Платонов находит, что из текста летописей отнюдь нельзя выяснить *торговое* значение Москвы в первую пору ее существования, зато те же летописи дают основание видеть в Москве пункт *погранично-военный*: «Москва была самым южным укрепленным пунктом С уз дал ьско-Владимирского княжества»; враги нападают прежде всего на нее; наконец, она — «исходный пункт военных операций Суздальско-Владимирского князя, сборное место его войск в действиях против юга» (О начале Москвы. Статьи по русской истории, изд. 2-е, 1912, с. 76 — 83).

№ 32. Как выросло единоедержавие московских князей
(к стр. 215)

Вопрос о том, как выросло единоедержавие московских князей, по существу, сводится к вопросу, что именно обусловило возвышение Москвы и почему именно Московскому княжеству, а не какому иному, удалось из расчлененной на мелкие уделы Северо-Восточной Руси создать единое политическое тело, выросшее впоследствии в Московское государство, а затем в империю Российскую? Выше (см. с. 199) уже были указаны «Причины усиления Московского княжества». Причины эти, как мы видели, многочисленны и многообразны. Наличие их признают (если не все причины полностью) все наши историки, значительно зато расходясь в оценке их значения, *степени* влияния той или другой из этих причин. Сводку высказанных в литературе мнений см. у Дьяконова. Очерки общественного и государственного строя древней

Руси (с. 191 — 197, указана литература), раньше в Энци. слов. Брок.—Ефр., полutom 22-й, под словом «Единодержавие».

Соловьев особенно выдвинул географическое положение Москвы. Владимир на Клязьме не мог быть средоточивающим пунктом для русских областей: река, на которой он лежит, стремится к финскому северо-востоку — такой пункт был найден в Москве. И хотя Москва лежит на реке, впадающей тоже, как и Клязьма, в Оку, но она впадает в том месте, «где Ока, обращаясь к востоку, передавала Москве обязанность служить соединением для северных и южных русских областей»; а это вытекало из того, что сама Москва-река течет между Волгою, Окою и Верхним Днепром. К тому же «Москва находилась прямо в середине между двумя племенами, из которых, главным образом, составилось народонаселение русское: между племенем славянским и финским» (И. Р., т. I, гл. I). После потери Южную Русью прежнего значения, размельчения волостей и особенно после погрома татарского усилилось переселение народа с юга на север в места более безопасные, «и первым пограничным княжеством было Московское». «Увеличение народонаселения в княжестве вместе с его продолжительной безопасностью увеличивало доходы княжеские. Последнему содействовало и выгодное торговое положение области, как посредствующего звена между Северо-Западом и Юго-Востоком» (т. IV, гл. III).

Ключевский идет по стопам *Соловьева*, указывая на «особенно выгодное» географическое положение города Москвы, благодаря чему, по его словам, «в Москву, как в центральный водоем, со всех краев Русской земли, угрожаемых внешними врагами, стекались народные силы». Москва возникла «в середине пространства, на котором сосредоточивалось тогда наиболее густое русское население, т. е. в центре области тогдашнего распространения великорусского племени. Это центральное положение Москвы прикрывало ее со всех сторон от внешних врагов; внешние удары падали на соседние княжества. Благодаря такому прикрытию Московская область стала убежищем для крайнего русского населения, всюду страдающего от внешних нападений» (Курс, т. I, с. 6—9).

Бестужев-Рюмин большого значения географическому положению не придает. Москву усилили ловкость и такт ее князей, союз с духовною властью, содействие бояр; но то, что Москва лежала близко к истокам важнейших рек, что нападение извне, прежде, чем дойти до нее, должны были падать на окружающие ее княжества, — это причина, «очевидно, второстепенная и без других не имела бы значения. Москва не так далека от других княжеств, чтобы эти выгоды принадлежали ей отдельно. Важнее было, что благоразумная политика, охраняя Москву от нападений татарских, вызвала сюда прибылое население и тем обогатила Москву» (Русская история, т. I, с. 391).

Очень спорным оказался вопрос о влиянии монгольского ига. *Соловьев* готов совершенно игнорировать это влияние. Начало новому

порядку на севере (смене родовых отношений государственными, из чего выросло потом московское единодержавие) положено было еще до прихода монголов Андреем Боголюбским и его братом, а потому монгольские отношения важны лишь в той мере, в какой они содействовали утверждению этого нового порядка. «Влияние монголов не было главным и решительным». В борьбе князей за усиление Московского княжества на счет других монголы — одно лишь орудие в их руках, и, следовательно, особенно выдвигать их на первый план историк не имеет права (т. I, предисловие).

В том же духе, разве только еще ярче и категоричнее, высказывается *Кавелин*: «Нет сомнения, что татарское владычество было горестным, тяжелым и несчастным эпизодом русской истории; оно нас разорило, унизило, сдавило, замедлило, пожалуй, наше развитие, легло тяжким бременем на наши плечи; но напрасно станем мы отыскивать следы органического влияния диких кочевников на нашу жизнь. Несколько слов, позаимствованных русскими у татар, также мало доказывают такое влияние, как турецкие слова, вошедшие в сербское наречие, — влияние на сербов турецкого элемента. Учреждений у татар мы никаких не заимствовали, да и трудно было их заимствовать у победителей и господ, которые правили нами издалека. Словом, нам неизвестно ни одного явления русской жизни, которое бы мы вынуждены были приписать органическому влиянию на нее татарщины, и не объяснялось бы собственным, внутренним развитием западно-русских поселенцев на новой почве. Что Московское государство сложилось, благодаря татарам, — об этом смешно и говорить. Стремление к объединению Восточной России появилось очень скоро после начала колонизации и беспрестанно проявлялось под самыми различными формами; московские князья только воспользовались татарским игом для достижения той же цели, которую имели и другие князья, их предки и современники» (Мысли и заметки о русской истории. Вестник Европы, 1886, II, июнь, с. 335 — 336; и Сочинения).

Совсем иное говорит *Карамзин*. Не закрывая глаза на «кучу пепла и трупов», оставленных после себя Батыем, на долготетнее рабство, явившееся следствием Батыева погрома, он признает «несомнительным» и «благотворные следствия» этого ига: оно восстановило «единодержавие в России и правила самодержавия, ей свойственного» Без монголов «могло пройти еще сто лет и более в княжеских междоусобицах; чем заключились бы оные? вероятно, погибелию нашего отечества: Литва, Польша, Венгрия, Швеция могли бы разделить оное; тогда мы утратили бы и государственное бытие и веру, которые спаслись Москвою; Москва же обязана своим величием ханам» (ИГР, V, гл. IV, с. 380-381).

«Мысль совершенно верная», говорит по поводу последних слов Карамзина *Сергеевич*: «Владычество татар произвело весьма существенные изменения в наших государственных понятиях. С завоеванием

татарами является понятие о власти, господствующей без всякого соглашения с народом. Татары рассматривали Русскую землю как свою частную собственность, как свой улус. Завоевание татар впервые объединяет Русскую землю: слагается одна общая власть для всех князей, все они обязаны подчиняться этой власти. Возникает понятие об едином владыке Русской земли в силу завоевания. Впервые эта мысль о едином государе возникла по отношению к татарским ханам, а потом мало-помалу это понятие стало применяться и к московским царям, которые с устранением татар становятся на их место» (Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883, с. 578).

Костомаров тоже уделяет выдающееся место монголам в образовании московского единогодержавия. В противоположность Соловьеву и Кавелину, он не видит задатков единогодержавия до татар; победа младшего города, Владимира, над старшим, Ростовом, доказательством, говорит он, служить не может: новые переселенцы принесли с юга заветные предания отцов, а «обычай и убеждения веков не перерождаются от одного выселения, без других, более влиятельных обстоятельств». Не разделяет *Костомаров* и мнения, «будто Владимирские князья начали стремиться сознательно к подчинению себе удельных князей и к соединению под своей властью русских земель: в Северо-Восточной Руси до татар не сделано было никакого шага к уничтожению удельно-вечевого строя, а если Всеволоду оказывали уважение и признавали за ним старейшинство, то это делалось во внимание к его силе, из желания получить, в случае нужды, от него его помощь, а никак не потому, чтоб за ним признавали какое-нибудь первенство или главенство над всей Русью».

Но вот появились татары — и «произошел острый и крутой поворот». Русь оказалась *вотчиною* татарского хана; значение великого князя стало зависеть исключительно от его благоволения. «Кто решится ослушаться воли хана и называться великим без его согласия, тот платится за это жестоко, и земли, которые станут за такого ослушника, подвергаются разорению». В народе стала укрепляться мысль, что «его судьба зависит от верховного единого владыки; кого назначит этот владыка, — тот народу господин; все — и князья, и бояре, и простые поселяне, все равны перед этим владыкою, а за непослушание его воле придется страшно отвечать не только виновным, но и десяткам тысяч невинного народа». Татары создали Москве привилегированное положение (великокняжеский титул; сбор Ордынской дани), и естественно, если все потянули к Москве: и бояре, и масса народная, — под ее охраной было и безопаснее, и выгодней жить. А позже, с падением Золотой Орды, московский князь стал наследником ханской власти и сменил его уже на положении государя самодержавного (Начало единогодержавия в Древней Руси. Вестник Европы, 1870, №№ 11, 12; Сочинения, т. XII).

Большое значение приписывает *Кавелин* Церкви: «Во всех важнейших политических событиях, решавших судьбу нарождающегося государства, церковь играет первую роль; она его вскормила, выходила и передала в руки светской государственной власти, когда процесс образования политического тела уже совершился. Не понимая этого высокого призвания в судьбах Великороссии, — призвания, определившегося составными стихиями последней, — нельзя понять характера нашей церкви в древнейшую эпоху великорусской истории» (Мысли, с. 359).

Забелин, в свою очередь, выдвигает роль земщины, народной массы, особенно посадского населения: оно стало за Москву, видя в ней наилучшую гарантию своей мирной и промышленной деятельности (Взгляд на развитие московского единодержавия. Исторический Вестник, 1881, февраль, март, апрель).

Иловайский, в основном, разделяет взгляд Забелина. Перечислив обстоятельства, содействовавшие территориальному росту Москвы и распространению власти московских князей на всю Северо-Восточную Русь (географическое положение, ловкая политика, распадение и неурядицы Золотой Орды, тесный союз князей с духовною властью, слабость и неустойчивость других княжеств и вечевых общин), он с особым вниманием останавливается на «самом главном условии» — на «умном, энергичном Великорусском племени, которое неудержимо потянуло к Москве, как скоро почувствовало в ней надежное средоточие для собрания своих сил в борьбе с варварским внешним игом и внутренними неурядицами. В эту эпоху великоруссы ясно доказали, что из всех славян они составляют народ наиболее государственный, наиболее способный к единству и дисциплине» (История России. Т. II. С. 357).

При решении настоящего вопроса едва ли не все вышепоименованные исследователи выходили из основной предпосылки: Северо-Восточная Русь объединилась под властью московских князей путем *собирания* земель, — путем накопления хозяйственного богатства и постепенного, незаметного превращения вотчинника-хозяина в государя. Собирали начали, не думая о государстве, и стали государями, когда уже ясно стало, что нельзя быть только хозяевами-помещиками (в нашем, современном значении этого слова) «вотчины» столь обширной, что к половине или к концу XV века она захватила целые тысячи квадратных верст, с населением не в один миллион, — притом с населением, не однородным и этнографически, и по хозяйственному укладу, и по внешним условиям существования.

Такой традиционный взгляд нашел принципиального противника в *А. Е. Преснякове*: по его мнению, московские князья собирали не землю, а власть. Признаки этого собирания он находит еще в домосковский и домонгольский период в лице Андрея Боголюбского и Всеволода III, в энергичной деятельности Ярослава Всеволодовича, направленной к спаянию Владимирского великого княжения с Великим

Новгородом, и др. Как ни сузился кругозор суздальских интересов с появлением татар, однако, Александр Невский — «подлинный великий князь всей Северной Руси» (58). Деятельность его брата Ярослава Тверского — это «борьба за сохранение подлинной силы великокняжеской власти» (77). «Владимирское наследство» есть, прежде всего, великокняжеская власть, первенство во всей Великороссии, притязание на распоряжение ее боевыми силами и на руководство ее отношениями к Орде и к соседним странам. Со столом Владимирского великого княжения связаны вековой традицией притязание на княжескую власть в Великом Новгороде, в котором для великих князей опора более широкого политического значения и возможный источник материальных средств» (100). Борьба между Михаилом тверским и Юрием московским шла за власть над всей Великороссией; это была борьба за наследие великих князей, Александра и Ярослава Ярославичей, их отцов (105). Великокняжеской политики держатся и Иван Калита, и все его преемники. В результате их работа подготовила дело Ивана III (Образование Великорусского государства. СПб., 1918).

В самое последнее время по данному вопросу высказался проф. *Любавский*: «Объединение Великорусской территории изображается обычно слишком упрощенно, как дело разбогатевших и усилившихся московских князей, стремившихся к большему властвованию, к большему получению доходов и находивших себе в том поддержку со стороны высших классов населения — бояр и духовенства, заинтересованных в этом объединении и материально, и морально, по побуждениям национального чувства и сознания. Но при этом не выяснено в достаточной степени, откуда взялась сила Москвы, не приняты в расчет народнохозяйственные и военно-политические факторы совершавшегося объединения, а само объединение не представлено в виде органического, имеющего свою жизненную связь и последовательность событий, процесса. Новейшая попытка пересмотра вопроса о государственном объединении Великороссии, предпринятая проф. А. С. Пресняковым в труде «Образование Великорусского государства», на наш взгляд, мало что дала в этом направлении. А. Е. Пресняков сосредоточил свое внимание преимущественно на внутренней эволюции великокняжеской власти и междукняжеских отношениях в эпоху собирания Северо-Восточной Руси вокруг Москвы, разрушил прежние концепции этих отношений, но не уделил достаточного внимания материальному фундаменту, на котором созидалась новая государственная власть Великороссии, т. е. княжениям и их населению. Вследствие такого одностороннего направления исследования получилась у него оригинальная, но едва ли верная формула, что объединение Великороссии произошло, будто бы «не путем собирания земли, а путем собирания власти в развитие и осуществление стародавней

традиции о патриархальности великого княжения в отца место». Выдвигая такое положение, проф. А. Е. Пресняков совершенно упустил из виду, что великое княжение Владимирское с ослаблением ханской власти над Русью к концу XIV века, т. е. к моменту слияния своего с Московской вотчиной, уже утратило свое прежнее властно-объединяющее значение, что наряду с ним образовался в бывшей Ростово-Суздальской земле целый ряд новых великих княжений — Московское, Тверское, Нижегородско-Суздальское и Ярославское с теми же функциями в отношении удельных княжеств, которые прежде принадлежали ему одному, и что, следовательно, из его стародавней традиции нельзя выводить объединения Великороссии в XV и начале XVI века. Преувеличив силу и значение этой властной традиции великого княжения Владимирского, проф. А. Е. Пресняков недооценил в то же время значения «великого княжения Владимирского», как комплекса крупных и ценных территорий, источника больших военных и финансовых средств, благодаря которому, а не благодаря стародавней традиции власти, слияние его с Московской вотчиной действительно было решающим фактором в деле государственного объединения Великороссии вокруг Москвы» (Образование основной государственной территории Великорусской народности. Лн., 1929. С. 2).

№ 33. Роль монголов в русской истории
(к стр. 224)

Мы уже видели, как неодинаково расценивается в нашей историографии роль монгольского ига в деле объединения Северо-Восточной Руси под властью московских князей (см. предыдущее приложение № 32) — теперь нам предстоит ознакомиться со взглядами русских историков не по частному, а по общему вопросу: какое влияние оказали татары на русскую жизнь во всем ее целом; как и в какой степени оно отразилось — да и отражалось ли в действительности? — на народных понятиях и воззрениях, на быте и нравах? Какие изменения претерпевал — и вообще претерпел ли? — самый *строй*, уклад русской жизни, ее порядки и учреждения? И тут мы снова встречаемся с мнениями неодинаковыми, а то и вовсе противоположными, исключаящими одно другое.

1. *Карамзин* признает долголетнее рабство татарское «одним из величайших бедствий»; но, помимо того, что Москва, по его мнению (см. Приложение № 32), «обязана своим величием ханам» — «одним из достопамятных следствий татарского господства над Россией было еще возвышение нашего духовенства, размножение монахов и церковных имений». Оставило ли господство монголов «какие иные следы в народных обычаях, в гражданском законодательстве, в домашней жизни, в языке россиян?» На вопрос этот Карамзин готов дать ответ скорее отрицательный: обычаи татар русский народ считал *погаными*,

гнушался ими; к тому же, несмотря на унижение рабства, мы чувствовали свое гражданское превосходство в отношении к народу кочующему. Следствием было, что россияне вышли из-под ига более с европейским, нежели азиатским характером» (ИГР. Т. V, гл. IV. С. 380-385).

2. *Соловьев* огрубление нравов готов приписать не столько татарам, сколько тому, что все внимание Руси в XII — XV вв. «было поглощено внутренним, тяжким, болезненным переходом от одного порядка вещей к другому. Этот-то болезненный переход и действовал неблагоприятно на нравы». В частности, затворничество женщин в высших классах сложилось «не вследствие византийского или татарского, или какого-нибудь другого влияния», но вследствие того, что в это время вообще «имущества граждан прятались в церквах и монастырях, как местах наиболее, хотя не всегда, безопасных; сокровища нравственные имели нужду также в безопасных убежищах — в пустынях, монастырях, теремах; женщина спешила удалиться, или ее спешили удалить от общества мужчин, чтоб волею или неволею удержать в чистоте нравственность, чистоту семейную» (ИР, т. IV, гл. III, с. 335, 336).

С другой стороны, «утверждение татарского владычества в Средней Азии, также в низовьях Волги и Дона, вступление России в число зависящих от Орды владений, очень много способствовало развитию восточной торговли; время от Калиты до Дмитрия Донского должно считать самым благоприятным для восточной торговли, ибо непосредственной тяжести ига более не чувствовалось, и между тем татары, успокаиваемые покорностью князей, их данью и дарами, не пустошили русских владений, не загораживали путей». Попытка порвать зависимость (Куликовская битва), конечно, временно испортила торговые дела, «но не всегда же Россия после Мамаю находилась в неприязненных отношениях к Орде, и давно проторенный путь не мог быть вдруг покинут» (там же, с. 258 — 259).

Во всяком случае преувеличивать влияние монголов было бы большой ошибкой. Если монголы и принимали деятельное участие в княжеских распрях, то они действовали «безотчетно, бессознательно, точно так, как прежде действовали половцы, помогавшие одному князю против другого». Между тем, ведь никто не вносит в русскую историю *половецкого* периода. Скажут: а ярлыки на княжение? а казни русских князей в Орде? Но монголы «не имеют никакого понятия о княжеских отношениях»; ярлыки давались тем, кто дороже платил за них; а князей русских казнили в Орде не ханы, «но русские князья посредством ханских палачей истребляли друг друга; ханы служили здесь только орудием для целей чуждых, которых они совершенно не понимали». Замена родовых отношений государственными началась еще с Андрея Боголюбского, гораздо раньше монгольского ига. Вот почему «название монгольского периода должно быть

исключено из русской истории» — нельзя приписывать монголам самого сильного влияния на те события, которыми характеризуется наша история, начиная с XIII в., — на замену родовых отношений государственными (История отношений между князьями Рюрикова дома. М., 1847, предисловие).

Бестужев-Рюмин не разделяет «крайностей» ни Карамзина с Костомаровым, ни Соловьева: «влияния татар нельзя отвергать уже потому, что мы долго находились с ними в связи, и потому, что в своих сношениях с Востоком Московское государство пользовалось услугами татар; в администрацию вошло много восточного, особенно в финансовую систему: этого тоже, кажется, нельзя отвергать; быть может, найдутся следы и в военном устройстве. Это следствия прямые; косвенные следствия едва ли не важнее еще, ибо сюда принадлежит отделение Руси Восточной от Западной, значительная доля остановки в развитии просвещения: в татарщину было не до просвещения, — и огрубение нравов; но телесные наказания нельзя вполне считать татарскими: они были известны в Византии и перешли к нам в сборниках церковного права; были известны и на Западе. У нас встречаются в таких местностях, которые мало подчинены были татарам (Псков). Что же касается до затворничества женщин, то и его мы едва ли заимствовали у татар. Мнение же о происхождении понятия о царской власти от татар надо, кажется, вполне отвергнуть, особенно вспомнив постоянную проповедь духовенства и то обстоятельство, что Иван Грозный прямо ссылается на авторитет Библии и примеры римских императоров» (Русская история, т. I, с. 278 — 279).

4. 5. С мнениями *Костомарова* и *Сергеевича* можно ознакомиться по тем выдержкам, что приведены в Приложении № 32.

6. *Иловайский*: «Около двух столетий с половиною тяготело над Россией варварское иго и не могло не оставить глубоких следов в нравах, государственном складе и вообще в гражданственности Русской земли, особенно в ее восточной или Московской половине. Своим давлением оно немало способствовало ее объединению, ибо заставляло народ сознательно и бессознательно тянуть к одному средоточию и сплачиваться около него ради восстановления своей полной самобытности и независимости, как это обыкновенно бывает у народов исторических, одаренных чувством самосохранения и склонностью к государственной жизни. Но, восстанавливая свое политическое могущество, русский народ во время долгой и тяжелой борьбы невольно усвоил себе многие варварские черты от своих бывших завоевателей. Это не были испанские мавры, оставившие в наследие своим бывшим христианским подданным довольно высоко развитую арабскую цивилизацию, это были азиатские кочевники, во всей неприкосновенности сохранившие свое полудикое состояние. Жестокие пытки и кнут,

затворничество женщин, грубое отношение высших к низшим, рабское низших к высшим, и тому подобные черты, усилившиеся у нас с того времени, суть несомненные черты татарского влияния. Многие следы этого влияния остались в народном языке и в некоторых государственных учреждениях» (История России. Т. П. С. 472).

7. Бар. С. А. Корф. История русской государственности. Т. I. СПб., 1908: Княжеская власть «во многих отношениях усилилась и окрепла, найдя в Орде нового союзника и новый источник своему правовому положению»; но «идея народоправства продолжала существовать параллельно с ханским ярлыком. Каждая волость, каждое княжение сохраняли за собой, таким образом, свою прежнюю полную государственную обособленность и самостоятельность». Не следует придавать игу слишком большого значения, как это допускают Кавелин (?), Костомаров, Загоскин, Сергеевич; и если факт внесения некоторых изменений в положение князя в государстве под влиянием татарского владычества и идей, шедших к нам с Востока, несомненен», то «по отношению к идее единой державы можно сказать, что ей лишь подготавливалась почва, сама же она не могла еще появиться в данную эпоху». Тем не менее можно говорить, для той эпохи, о стремлении князей к «собираению» земли (История русской государственности. Т. I. СПб., 1908. С. 207-215).

В вопросе о роли монголов *школа Евразийцев* пошла значительно дальше и Карамзина, и Костомарова с их последователями: речь идет более чем о *влиянии*, о восприятии, можно сказать, целой *идеологии* государства. Особенности евразийского взгляда можно свести к двум основным: 1) Монгольская Русь рассматривается под особым углом зрения: она *часть* всемирной Монгольской империи и, как таковая, втянута в *орбиту* этой империи, зажила новой жизнью; ее можно сравнить с планетой, притянутой к своему солнцу; 2) в своем новом положении монгольская Русь претерпела не только внешнее, но и духовное воздействие монголов, подверглась своего рода духовному перевоспитанию: особенно ярко сказалось это в сфере государственных и правовых понятий.

8. Кн. Н. С. Трубецкой останавливается на влиянии туранской психики в жизни русского народа. Особенности туранской, в частности, тюркской (столь родственной монголам) психологии, поскольку она выразилась в языке, музыке, поэзии, религии и обычном праве, он считает, при сравнительной бедности средств, замечательную последовательную закономерность, ясность схематизации, спокойствие и самодовление. «Туранская психика сообщает нации культурную устойчивость и силу, утверждает культурно-историческую преемственность и создает условия экономии национальных сил, благоприятствующие всякому строительству». Эта туранская психика была вое-

принята русской народностью и «несомненно, сыграла благотворную роль в русской истории».

«Московское государство возникло благодаря татарскому игу. Московские цари далеко не закончив еще „собрание Русской земли“, стали собирать земли западного улуса великой монгольской монархии. Москва стала мощным государством лишь после завоевания Казани, Астрахани и Сибири. Русский царь явился наследником монгольского хана. „Свержение татарского ига“ свелось к замене татарского хана православным царем и к перенесению ханской ставки в Москву. Даже персонально значительный процент бояр и других служилых людей московского царя составляли представители татарской знати. Русская государственность в одном из своих истоков произошла из татарской, и вряд ли правы те историки, которые закрывают глаза на это обстоятельство или стараются преуменьшить его значение». Такие появившиеся в русском языке со времен татар термины татарского происхождения, как деньги, алтын, ям, с его производными: ямская гоньба, ямщина, ямской; казна, тамга (отсюда: таможня), — «ясно указывают на то, что в таких важных функциях государства, как организация финансов и почтовых сообщений, татарское влияние было решающим. При сравнении административных особенностей Московского государства с идеями Чингис-хана, легшими в основу организации его государства, некоторые аналогии напрашиваются сами собой».

Татарский источник русской государственности заслонен православием и византийскими традициями — двумя элементами, прямых аналогий которым в татарской государственности не найдется. «Чудо превращения татарской государственности в русскую осуществилось, благодаря напряженному горению религиозного чувства, благодаря православно-религиозному подъему, охватившему Россию в эпоху татарского ига. Это религиозное горение помогло Древней Руси облагородить татарскую государственность, придать ей новый религиозно-этический характер и сделать ее своей. Произошло обрусение и оправославление татарщины, и московский царь, оказавшийся носителем этой новой формы татарской государственности, получил такой религиозно-этический престиж, что перед ним поблекли и уступили ему место все остальные ханы западного улуса. Массовый переход татарской знати в православие и на службу к московскому царю явился внешним выражением этой моральной притягательной силы».

«Монгольское иго длилось более двух веков. Россия попала под него еще будучи агломератом удельных княжеств, самостийнических, разрозненных, почти лишенных понятий о национальной солидарности и о государственности. Пришли татары, стали Россию угнетать, а попутно и *учить*. А через двести слишком лет Россия вышла из-под ига в виде, может быть, и «неладно скроенного», но очень «крепко сшитого» православного государства, спаянного внутренней духовной дисциплиной и единством «бытового исповедничества», проявляющего силу экс-

пансии и вовне. Это был результат татарского ига, тот плод, по которому можно судить о вредоносности или благоприятности самого ига в судьбах русского народа» (О туранском элементе в русской культуре. «Евразийский Временник», кн. IV, с. 361, 362, 370 — 376. См. его же: «К проблеме русского самопознания. Собрание статей». Евраз. книгоизд-во, 1927).

9. Много однородного с мыслями кн. Трубецкого (сходство даже в отдельных указаниях; оба сочинения появились одновременно, в 1925 г.) представляет брошюра автора, скрывшегося за инициалами М. Р., Наследие Чингис-хана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин, 1925. Вот некоторые из его положений:

1) Россия есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингис-ханом. Чингис-хан объединил под своею властью всю территорию Евразии, «и после него сознание необходимости такого единства проникло во все части Евразии. Русское государство «является наследником, преемником, продолжателем исторического дела Чингис-хана» (с. 8 — 9).

2) «Нелепо было бы писать историю Рязанской губернии вне общей истории России. Но совершенно так же нелепо писать историю России эпохи татарского ига, забывая, что эта Россия была в то время провинцией большого государства. А между тем русские историки до сих пор поступали именно так. Благодаря этому влияние монгольской государственности на русскую остается совершенно невыясненным» (17).

3) «Государственное объединение России под властью Москвы было прямым следствием „татарского ига“» (21).

4) «Важным историческим моментом было не „свержение ига“, не обособление России от власти Орды, а распространение власти Москвы на значительную часть территории, некогда подвластной Орде, другими словами — замена ордынского хана московским царем с перенесением ханской ставки в Москву. Это случилось при Иоанне Грозном после завоевания Казани, Астрахани и Сибири» (с. 21—22).

5) «Возвышение Москвы и образование русской государственности явились следствием психологических процессов, порожденных самым фактом завоевания России татарами» (с. 24).

6) «Московская государственность явилась преемницей монгольской не только в отношении территории и некоторых особенностей государственного устройства, но и в самом идейном содержании» (с. 32).

7) «Титул царя приобретен великим князем московским на Востоке, а не на Западе»; здесь, «стена под железной пятой угнетения», выработал русский народ свое представление о власти (с. 34, 113). Восток выковал у нас «власть, быт, народный характер, до известной степени даже веру» (с. 237).

8) «Азия несла с собою идею владыки божественного происхождения». Искать образцов этой идеи в Риме Москве было не для чего: перед ней в продолжение 300 лет в своей наличности, в рассказах

бывалых людей, в твердой администрации — «стояло во весь рост Царство монголов» (с. 36, 55).

9) Сама судьба предрешила стать нашему отечеству «уголком огромного и сложного Монгольского царства» (с. 113).

10) «Московские властители считали себя царями преемственно, потому что именно они заступили место ханов Золотой Орды. Никакая передача на Москву сомнительных регалий Константина исторически не вывела бы нас и Москву на твердую дорогу, на которую мы вышли нашим монгольским путем» (с. 218, 219).

10. Г. В. *Вернадский*: Монгольское иго (эти два слова автор обыкновенно ставит в кавычках) поставило Русскую землю в теснейшую связь со степным центром и азиатскими перифериями материка, включило ее в огромный исторический мир, «простиравшийся от Тихого океана до Средиземного моря. Политический размах этого мира наглядно рисуется составом великих монгольских курултаев XIII века: в этих курултаях участвовали (помимо монгольских князей, старейшин и администраторов всей средней, северной и восточной Азии) русские великие князья, грузинские и армянские цари, иконийские (сельджукские) султаны, кирманские и мосульские атабеки и пр. К центру монгольской власти должны были тянуться люди из разных концов Материка по своим разным делам — административным, торговым и т. п. Для Руси оказались открыты дороги на Восток».

Мировая империя, в состав которой вошли восточные русские земли, «вела борьбу со своими западными соседями — Литвою, Венгрией, Польшей — а эти соседи были как раз и неприятелями народа русского. Монголо-татарская волна поддержала на своем гребне оборону русского народа от латинского Запада. Когда монгольская империя окончательно распалась, прежняя ее часть, улус Джучиев, Золотая Орда, продолжала традиционную имперскую политику борьбы с Западом. Как в Москве, Сарай боролся с Литвою. Историческая роль Сарая в этом направлении была не меньше. Нападая на Литву, Сарай защищал этим русскую культуру даже тогда, когда политически уже враждовал с Москвою».

«Битва на Ворскле 1399 г. — одно из величайших событий в русской истории»: поражение Витовта подорвало напор латинства на Востоке. Историческое значение битвы «не меньше», чем другой битвы на той же Ворскле 300 лет спустя — битвы при Полтаве, 1709 года.

«Сарайский епископ служил посредником между митрополитом и монгольским ханом, с одной стороны, вселенским царьградским императором и патриархом — с другой». Впоследствии, когда он перенес свою кафедру в Москву и стал митрополитом крутицким, викарием московского, то явился «глубоким символом монгольского влияния на развитие русской культуры» (Монгольское иго в русской истории. «Евраз. Временник», кн. V, Париж, 1927).

11. Основоположник евразийского учения, или, по крайней мере, наиболее яркий и деятельный выразитель его, П. Н. Савицкий высказывается еще сильнее: «Без татарщины не было бы России. Нет ничего более шаблонного и в то же время неправильного, чем превозношение культурного развития дотатарской „Киевской“ Руси, якобы уничтоженного и оборванного татарским населением?» В дотатарской Руси, «от первой половины XI к первой половине XIII века» происходил процесс политического и культурного *измельчания*: относительное политическое единство первой половины XI века сменилось удельным хаосом последующих годов; в области архитектурной упадок выразился «в том, что во всех важнейших центрах эпохи храмами, наиболее крупными по размерам, наиболее богатыми в отделке, неизменно являются наиранее построенные* позднейшие киевские бледнеют перед Св. Софией, позднейшие черниговские — перед Св. Спасом, позднейшие новгородские — перед Св. Софией Новгородской, позднейшие владимиристо-суздальские — перед Успенским собором. Странное „обратное развитие“ художественно-материальных возможностей: наикрупнейшее достижение — в начале, „сморщивание“, сужение масштабов происходившему в тот же период развитию романской и готической архитектуры на Западе».

В том, что Русь беспомощно предалась татарам, не было никакой «роковой случайности»: «в бытии дотатарской Руси был элемент неустойчивости, склонность к деградации, которая ни к чему иному, как — к чужеземному игу, привести не могла». В силу внутреннего разложения она должна была пасть и достаться татарам, которые, не изменив ее духовного существа, все же повлияли на нее, как сила милитарно-организующая, дав России «свойство организоваться военно, создавать государственно-принудительный центр, достигать устойчивости; они дали ей качество — становиться могущественной *ордой*».

И не только это. Как западно-европейский мир выработал, на пространстве всемирной истории, *ощущение моря*, так и монголы выработали *ощущение континента* — «в русских „землепроходцах“, в размахе русских завоеваний и освоений — тот же дух, то же ощущение континента». Наконец, татарское иго явилось горнилом, в котором ковалось *русское благочестие* — оно создано именно во времена «татарщины»: раньше одни лишь намеки, теперь же — «полнота мистического углубления и постигновения и ее лучшее создание — русская религиозная живопись: весь расцвет последней целиком умещается в рамки „татарского ига“!» (Степь и оседлость, в сборнике «На путях. Утверждение евразийцев», кн. II. Москва—Берлин, 1922. С. 342-345).

На эти мысли А. А. Кизеветтер дает такую отповедь: «Весь этот апофеоз русско-татарского культурного единения производит весьма странное впечатление на человека, хотя бы несколько знакомого с фактами русской истории. Общеизвестно, что татарские образцы сыг-

рали некоторую роль в развитии государственной техники в Московском государстве. Но отсюда еще очень далеко от того, чтобы признать, что Московское государство сложилось в форме татарской орды и было обязано татарскому руководству всеми основами своей государственности. О русском благочестии уже и говорить не стоит: автору для спасения своей схемы пришлось замолчать такую безделицу, как Киево-Печерскую лавру, руководящая роль которой в церковно-религиозной жизни русского народа возникла и расцвела как раз в дотатарский период русской истории. О каком-то культурном взаимодействии Руси и татарщины можно говорить, опять-таки, лишь закрыв глаза на длинный ряд красноречивых свидетельств, указывающих на то, что русское национальное самосознание выросло не на почве тяготения к татарщине, а прямо наоборот, на почве возмущения татарским игом и сознательного отталкивания от татарщины, как от чужеродного тела в организме русской жизни. Это чувство объединяло всех русских людей от простой деревенской женщины, пугавшей своего ребенка „злым татаринном“, до монаха-летописца, именовавшего татар не иначе, как „безбожными агарянами“ и до любого из князей, неизменно заканчивавших все свои правительственные грамоты выражением надежды на то, что „переменил Бог орду“. Куликовская битва, завоевание Казанского царства, воспринимались народным сознанием, как великие акты национально-религиозного значения. И вот, всю эту подлинную историческую действительность нам хотят подменить картиной какой-то трогательной русско-татарской идиллии». (Евразийство. «Экономич. обозрение», изд. Институтом Прокоповича. Прага, с. 60. См. его же: Евразийство и наука; «Slavia», 1928, вып. 2-й).

№ 34. Когда, в действительности,
началось отчуждение Древней Руси от римской Церкви?
(к стр. 255)

Что церковный раскол, разорвавший христианскую Церковь на две враждебные половины, Восточную и Западную, русским народом воспринят был и в сознание его, как своего рода обязанность отмежеваться от противномыслящих, отречься от общения с ними в области религии, вошел не сразу, а постепенно, — понятно вполне; но значит ли это, что круги, руководящие церковною жизнью, в своих действиях, тоже пока еще не сделали из этого соответствующего вывода? Католические писатели не отрицают, что митрополиты из *греков* тогда же, непосредственно вслед за официальным разрывом, повели линию антилатинскую, но утверждают, будто *русское* духовенство различия между «католичеством» и «православием» еще не делало никакого, что в течение всей второй половины XI столетия, даже еще в начале

XII века, разница в обряде совсем не мешала культурному общению Востока с Западом, даже в области церковной.

Лишь с десятых — двадцатых годов XII столетия политические и церковные нелады Византии с Римом, в частности, богословский спор 1113 года о филиоквэ и опресноках (происходивший в Константинополе), соглашения не давший и лишь разжегший умы, создали настоящее отчуждение Руси от Рима. Владимир Мономах обращается за разъяснениями к митрополиту Никифору (1104 — 1121), и тот в ответ, пишет послание (первое в ряду других) о «латинской прелести», а затем шлет и второе послание волынскому князю Ярославу Святополковичу, владения которого соприкасались с «латинскою» Польшею. Собственно, с этой только поры началась открытая полемика в России против латинства. Раньше же наблюдаются факты иного рода:

1. Ни в Киеве, ни в Риме не кажется необычным и ненормальным обращение киевского князя Изяслава I к папе Григорию VII с просьбою воздействовать на польского короля и помочь ему вернуть киевский стол.

2. Св. Маркиан из Регенсбурга посылает в Киев за сбором милостыни, и князь, бояре, население наделяют посланцев богатыми дарами.

3. Житие Антония Римлянина называет родителей святого, живших в Риме, *благочестивыми православными* (против этого можно возразить: то же Житие говорит, что они держали себя православными *втайне*).

4. В 1091 году из Рима вернулся «Федор, грек митрополит», и привез с собою много мошей.

5. Частые браки русских князей и княжен с королями, королевичами и королевами «латинской» Европы. При заключении этих браков вопрос об обряде, о перемене веры никогда не затрагивался; современные хроники *ни* разу не обмолвились указанием на затруднения религиозного характера, равно как ни разу не привели случая, когда венчание сопровождалось также и переменою веры. Очевидно, обряды, хотя и были разные, препятствием к брачному союзу не служили. Будь это иначе, какой прекрасный предлог представлялся бы Генриху IV бросить папе Урбану II упрек в защите и покровительстве «еретичке» (когда его жена Евпраксия-Аделаида бежала от императора-мужа и обратилась за помощью к папе)! или Коломану — найти себе оправдание в отказе жить со своею женою (он был женат на Евфимии, дочери Вл. Мономаха)!

6. Как особенно сильный довод в пользу своего тезиса католические писатели выставляют установление русскою православною Церковью празднование перенесения мощей Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бари (9 мая). Перенесение мощей состоялось в 1087 году; празднование в Италии установлено в следующем, 1088 году, а в России вскоре после того, при Ефреме, еп. Переяславском, управ-

лявшем Киевскою митрополиею. Ему, русскому родом, с психикой негреческой, ничто не мешало находиться в духовном общении с римскою Церковью. Церковная служба Николаю Чудотворцу, составленная тогда в России и приуроченная к 9-му мая (в Минеях), воспеваает перенесение, как событие радостное для всего христианского мира (см. Leib, Rome, Kiew et Byzance, passim: полный титул книги см. в Приложении № 17).

Голубинский (ИРЦ, т. I, пол. вторая, с. 399) происхождение праздника перенесения мощей объясняет радостным сознанием, что святые мощи попали из нечистых рук мусульманских, хотя и не в православные, но все же христианские руки. Кроме того, «можно думать (говорит он), что православные греки итальянские, приходившие в Киев для торговли с другими итальянцами, уверяли русских, будто перенесение случилось по их желанию и при их содействии и будто св. Николай пожелал лежать в неправославной Италии именно ради их — православных».

А. А. Дмитриевский (Православное русское паломничество на Западе. Труды Киев. Дух. Акад. 1897, февраль) оспаривает мнение Е. Нестеровского (Литургика. Курск, 1895), будто праздник 9-го мая «у нас в России установлен киевским митрополитом Ефремом в 1097 году» — служба святителю Николаю не русского, а западного происхождения: начальные слова тропаря на праздник 9 мая: «Приспел день светлого торжества, град Барский радуется и с ним вселенная вся ликовствует» — непонятны в устах восточного песнопевца Чему тут радоваться народу православному: видеть мироточивые мощи святителя «в латинстве»?! Объяснение Голубинского не может быть принято: отношение русских в ту пору к латинам под влиянием греков было далеко не безразличным и снисходительным, и места для «ликовствования» быть не могло. Таким образом, вопрос о происхождении службы Николаю Чудотворцу остается «неразгаданным и открытым» (с. 216-217).

См. в «Памятниках Др. Письменности»: архим. Леонид, Житие и чудеса св. Николая Мирликийского и похвала ему. 1862, № 32; его же: Посмертные чудеса св. Николая. Служба. 1868, № 72; Шляпкин. Русское поучение XI века о перенесении мощей Николая Чудотворца (1881, № Ю).

№ 35. ПРОИСХОЖДЕНИЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» (Оглавление) (к стр. 269)

А. Смена взглядов на «Повесть Врем. Лет» в русской историографии.

Б. Повесть Врем. Лет: вопрос об авторе.

1. Что вызвало появление русской летописи?

2. Кто составлял Повесть Врем. Лет: Нестор или Сильвестр?

3. Что, по мнению сторонников авторства Сильвестра, мешает признать Нестора составителем Повести?
- 1) Разночтения Повести с «Житием Феодосия».
  - 2) Разночтения Повести с «Чтением» Нестора.
  - 3) Разночтение «Чтения» Нестора со «Сказанием» Иакова Мниха.
4. Если не Нестор, то кто же был составителем Повести?
5. Как сторонники Нестора доказывали его авторство?
6. А могли вообще быть Нестор автором (составителем) Повести?
- В. Как возникла Повесть Временных Лет.

Схема Шахматова

Критика Истрина

Схема Истрина

Литература.

№ 35. Происхождение «Повести Временных Лет»

А. Смена взглядов на Повесть Временных Лет в русской историографии

1. Научное изучение русских летописей началось с Августа-Людвига Шлецера. Своим «Нестором» (1802 — 1809) он заложил первые основы этому изучению. В начальной летописи он видел подражание летописям византийским, раболоепное повторение их форм и приемов писания. Однако взгляд этот не удержался; за летописью была признана *самобытность* ее происхождения и национальный характер (Бутков, 1840).

2. Последующие исследователи выдвинули вопрос: *из каких элементов выросла летопись?* По Сухомлинову (1857), она выросла из заметок, заносимых для памяти на пасхальных таблицах: предметом таких заметок служили: военные события, рождение и смерть князей, постройка храмов, солнечные затмения, мор, голодные годы, — вообще все, что могло интересовать и казаться важным для лица, ведавшего запись. Такие-то заметки, хронологически расположенные, и послужили основой будущей летописи, которая таким путем постепенно пополняла и расширяла свое содержание.

Зависимость летописи от пасхальных таблиц признал Иловайский (1876); принял ее и Забелин (1876): первым початком летописания, говорит он, были календарные заметки; они возникли в церковном кругу, вносились в церковные книги: в пасхальные таблицы, в святцы — безо всякой мысли, что это *летопись*. Мысль о литературном повествовании родилась лишь после того, как Русь сложилась в одно целое, т. е. не раньше времени Ярослава.

3. Наряду с этим взглядом было выдвинуто другое положение. Еще Строев (1820) высказал предположение, что летописи наши суть *своды*. Его мысль нашла себе подтверждение и дальнейшее развитие в трудах Костомарова (1861), Срезневского (1862) и особенно Бестужева-Рюмина (1868). Отказываясь видеть начало летописания в заметках на пасхальных таблицах, эти историки указывали на существование, наряду с краткими погодными, более или менее случайными, записями, еще исторических сказаний, повестей, народных преданий; из совокупности таких составных частей, по их мнению, и возникли летописные своды — летописи-сборники.

«Прежде чем составила летопись, ее части существовали отдельно, как особые сочинения» (Костомаров). Повесть временных лет не есть цельное сочинение, принадлежащее одному перу, но свод материалов, письменных и устных, уже готовых, уже существовавших. Составителю свода оставалось лишь использовать их. Письменные источники такого свода даже возможно, до известной степени, восстановить, т. е. разложить свод на его составные части (Бестужев-Рюмин).

Представление о летописях, как механической шивке разнородного материала, встретило в работах Шахматова (1897—1918) принципиального противника. Продолжая, вслед за Строевым и его последователями, видеть в летописи *свод*, он признает в ней, однако, не механическое сочетание разнородных по составу и содержанию данных, а «сложное тело, развившееся из других, более древних, но уже сложных тел». Не довольствуясь одним *разложением* памятника на его составные части (погодные списки, легенды, житийные сказания, повести с характером историческим), Шахматов выясняет *состав* Повести временных лет, следит за *эволюцией* ее составных частей, раскрывает ее первоначальную *основу*, ее зародыш, *последовательность* в нарастании ее содержания, определяет, какой *переработке* последовательно подвергались составные части Повести, прежде чем окончательно принять тот вид, в каком дошли до нас. В конечном выводе его анализ показал, что каждый из сводов есть только переработка другого свода, зачастую результат многократной переписки, переделки, с сокращениями и дополнениями на основании новых сведений.

Шахматовский *метод* исследования получил всеобщее признание, зато *выводы* Шахматова встретили суровую критику в лице Истрина.

Таким образом, по вопросу о летописи, во всем его объеме, историческая наука, как видим, далеко еще не сказала последнего слова. По-прежнему: 1) разное толкуются *мотивы*, вызвавшие появление русской летописи; 2) еще спорят о том, кого считать *составителем* Повести временных лет; 3) особенно горячий спор ведется теперь по вопросу, как составила эта Повесть, иными словами* какова была *история* ее возникновения и образования.

I

\

Б. Повесть Временных Лет. Вопрос об авторе

'

1. Что вызвало появление русской летописи?

I Этот вопрос можно разбить на два отдельных: а) ответом на чьи интересы являлась летопись? и б) в какой среде зародилась она?

а) На первый вопрос. Большинство наших историков (Костомаров, Бестужев-Рюмин, Шахматов и др.) полагают, что летопись была произведением официальным, обслуживала интересы правящих лиц и, следовательно, не могла быть выражением объективного, бесстрастного наблюдения современных летописцу событий: летописец отнюдь не описывал их, «добру и злу внимая равнодушно, не ведая ни жалости, ни гнева» — «да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу». Шахматов дальше всего идет в этом направлении, допуская возможность, что достаточно было одной смены на великокняжеском престоле киевском, чтобы придать летописи совершенно иное направление и тенденцию.

Официальность летописи не отрицает и Забелин, но понятие «правящих лиц» он толкует несколько шире обычного, отчетливее определяя самое содержание этого понятия. «Летописание было официально в том смысле, что статьи писались и вносились во Временник с общего приговора и обсуждения княжеской дружины или независимой городской дружины, как, вероятно, было, например, в Новгороде и Пскове» (I, 498).

б) На второй вопрос. Летописание на Руси зародилось в монастырской среде — таково мнение почти всех наших историков. Одиноким стоит мнение Забелина. Так как летопись (говорит он) явилась в ответ на *общественные* потребности, то и произведением была она тоже *общественным*, а потому первые зародыши ее следует искать не в монастыре, а в городе. «Повесть временных лет возникла в городской среде; город, в лице княжеской, военной дружины и в лице дружины торговой, гостинной, первый должен был почувствовать и сознательно понять, что он есть первая историческая сила Русской земли, деяния которой поэтому достойны всякой памяти. Лучшим **Подтверждением**, что летописные записи составлялись не церковниками Или монахами, а светскими людьми, служит летописный язык, —

язык простой, *деловой*, больше всего дьячий и меньше всего церковничий» (История р. жизни. I, 489, 498).

2. Кто составлял Повесть Временных Лет: Нестор или Сильвестр?

Со времен Татищева и Шлецера составителем Повести Временных Лет обыкновенно считался Нестор, черноризец Печерского монастыря; с половины же XIX столетия за составителя Повести стали принимать Сильвестра, игумена Выдубицкого монастыря (Костомаров, Срезневский, Голубинский). Однако в последнее время старый взгляд нашел себе упорного защитника в лице покойного Шахматова: хотя в его построении нашлось место и тому и другому, все же первая редакция Повести принадлежит, по мнению Шахматова, Нестору; Сильвестр лишь переработал ее на свой лад, изменив и дополнив писание своего предшественника. Истрин идет еще дальше: Нестор составлял, Сильвестр же только переписывал.

3. Что, по мнению сторонников авторства Сильвестра, мешает признать Нестора составителем Повести Временных Лет?

Разноречие показаний Повести с двумя несомненными произведениями пера Нестора, из них первое: «Житие прп. Феодосия», а второе: «Чтение о житии и о погублении блаженую стратотерпцю Бориса и Глеба».

1) *Разноречия Повести с «Житием Феодосия»*

1. *Житие*: Нестор говорит в нем про себя, что о Феодосии он собрал сведения от старшей братии монастырской, сам же пришел в Печерскую обитель и принят был в нее уже при игумене Стефане: «О блаженном отци нашем Феодосии оспытовая слышал от древних мене... прият же был в онь (т. е. в монастырь) игуменем Стефаньм и яко же от того острижен быв». — Это было, значит, уже после 1074 г., так как Феодосии скончался в этом году. — *Повесть*: Летописец говорит про себя под 1061 г.: «к нему же (т. е. к Феодосию) я аз придох худый и недостойный раб, и прият мя лет ми сущю 17 от роженья моего».

2. *Житие*: Монастырь над пещерой, вместо самой пещеры, построил Феодосии после того, как сменил на игуменстве своего предшественника Варлаама. — *Повесть*: построил монастырь Варлаам, еще до Феодосия.

3. *Житие*: за уставом Студийским Феодосии посылал в Константинополь одного из братии. — *Повесть*: Феодосии нашел этот устав в Киеве у одного монаха по имени Михаил.

2) *Разноречия Повести с «Чтением» Нестора*

1. Чтение: До Владимира Св. на Руси не было ни одного апостола.

Летопись: апостол Андрей водрузил крест на горах Киевских и доходил до Новгорода.

2. Чтение: Владимир дал Борису город Владимир на Волыни.

Летопись: он дал ему город Ростов.

3. Чтение: Святополк, по смерти Владимира, приехал в Киев.

Летопись: При смерти отца он находился в Киеве.

4. Чтение: Убийцы сразу убили Бориса и привезли его к Святополку уже мертвым.

Летопись: Борис, раненый, привезен был в Киев, и Святополк велел убийцам добить его.

5. Чтение: При появлении убийц Глеб не знал о намерении убить Бориса.

Летопись: Глеб был уже предупрежден.

6. Чтение: Борис пошел неизвестно на каких врагов.

Летопись: враги эти названы: то были печенеги. (Костомаров. Лекции по русской истории. СПб., 1861, с. 28).

3) *Разноречие «Чтения» Нестора со «Сказанием» Иакова Мниха*

Разноречие Несторова «Чтения» с Повестью приобретает тем больший вес и значение, что «Чтение», вдобавок, расходится еще и со «Сказанием» о тех же Борисе и Глебе Иакова Мниха; Иаков же Мних как раз служил образцом и источником автору Повести временных лет в рассказе о младших сыновьях-мучениках Владимира Святого.

Иаков: Глеб не присутствовал при смерти своего отца: он был в это время в своем уделе, в Муроме. Святополк Окаянный коварно вызвал его в Киев и по дороге туда велел его убить.

Нестор: Глеб был в эту пору (не в Муроме, а) в Киеве; узнав о грозившей ему опасности, он бежал из Киева, но посланные убийцы настигли его по дороге и предали смерти.

Сводку разногласий см. у Голубинского, I, 1, с. 751-754; 779-780.

Расхождение Нестора с Иаковом Мнихом, если даже не иметь в виду чисто фактическую сторону, является по существу неизбежным: Иаков писал *повесть*, Нестор же задался целью составить *житие*, прославить первых мучеников христианской веры.

4. *Если не Нестор, то кто же был составителем Повести?*

Срезневский, Костомаров, а вслед за ними Бестужев-Рюмин и Голубинский считают таким Сильвестра, игумена Выдубицкого монастыря: первые два — безусловно, Голубинский же и Бестужев-Рюмин — предположительно; но все основываясь на послесловии, которым заканчивается Повесть: «Игумен Сильвестр святого Михаила написав книги си летописец, надеяся от Бога милость прияти, при

князи Володимере, княжашю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святого Михаила, в 6624, индикта 9 лета, а иже четт книги сия, то буди ми в молитвах».

1) Но в таком случае, как объяснить заглавие на некоторых списках Повести: «Нестора черноризца Феодосиева монастыря Печерского»? — это, отвечают, списки позднейшие (Хлебниковский) или сомнительные, нам неизвестные (те, про которые говорит Татишев, что они были в его руках). Большая же часть дошедших до нас списков или с заглавием без имени Нестора (просто: «черноризца Феодосиева монастыря Печерского»), или вовсе без всякого такого заглавия.

2) А как объяснить показание Поликарпа, киево-печерского монаха, который в своем послании к Акиндину (см. Киево-Печерский Патерик: слово о Никите Затворнике) говорит: «Нестор, иже написа «Летописец»? — на это отвечают: Поликарп жил в XIII в.; он писал, основываясь на монастырском предании, не больше. Нестор был современным составителем Повести Временных Лет, тоже, как и он, жил в Печерском монастыре, тоже занимался писанием («Житие Феодосия», «Чтения о Борисе и Глебе»), пользовался большим уважением — позднейшим поколениям не трудно было смешать его с настоящим составителем летописи.

«К великому сожалению, — говорит Голубинский, — игумен Сильвестр выражается не с совершенною определенностью, которая бы бесспорно давала видеть в нем или самого летописца, или только переписчика. Но во всяком случае его выражение *написах*, а не *переписах*, скорее в пользу того, что он летописец, чем — что он только переписчик». К тому же игумены редко занимались простым переписыванием; будь Сильвестр только переписчиком, он, вероятно, упомянул бы и составителя (I, 1, 781). Кто бы, однако, ни был таким составителем, он был, несомненно, монахом Печерского монастыря, так как сам показывает, что 17-ти лет пришел в монастырь к Феодосию (см. выше).

Не все, однако, даже из числа сторонников Сильвестра, так безусловно отрицают сопричастность Нестора в летописной работе. Нестор, говорит Костомаров, вероятно, писал особую Печерскую летопись, куда заносил события, касавшиеся специально Киево-Печерского монастыря, — вел своего рода хронику монастырской жизни, и эта монастырская летопись вошла потом в состав Повести Временных Лет. Вероятно, все, что в этой Повести относится к Печерскому монастырю, «взято из этой монастырской летописи, писанной, между прочим, и Нестором; но не все, заключающееся в ней, следует приписывать монаху или вообще Печерской обители, в особенности рассказы о древних событиях на Руси» (Лекции, 28).

Мнение Костомарова можно считать тем мостом, которому суждено было соединить два противоположных берега: дальнейшее развитие брошенной им мысли представил нам Шахматов.

5. Как сторонники Нестора доказывали его авторство?

Весьма различными доводами.

1. *Шахматов*. В заботе о своей литературной славе и вопреки господствовавшим в древности приемам, Нестор прямо указывал на свое авторство. Так поступил он в своем «Сказании о Борисе и Глебе» и в «Житии Феодосия». Несомненно, поставил он свое имя и в заглавии Повести временных лет: «Нестора черноризца Феодосьева монастыря Печерского»: «это так согласуется с авторским честолюбием Нестора». Но тут, на третьем труде, его постигла неудача: его труд подвергся переработке в другом монастыре («редакция 1116 г.»), и хотя потом Печерской обители и удалось восстановить его («редакция 1118 г.»), но сама Повесть претерпела изменения, и самое имя Нестора исчезло со страниц летописи. «И только позже усилиями просвещенных людей это имя спасено было для потомства». Поликарп, в послании к Акиндину (XIII в.) настойчиво указывает на Нестора, как на летописца. Прямые указания на это сохранились и в самой Повести, в некоторых ее списках: 1) может быть, тот, что попал к попу Василию (автору рассказа об ослеплении Василька); 2) и 3) списки Раскольниковый и Голицынский, бывшие в руках Татищева (и, может быть, списанные с того, Галицкого), с заглавием: «Повесть временных дей Нестора черноризца Феодосиева монастыря», и 4) Хлебниковский (Повесть Временных Лет. СПб., 1916, с. XVIII).

2) *Истрин*. В старину продолжатели вообще «не ставили своих имен, сознавая, что каждому из них принадлежит не вся летопись, но только часть ее». Так же поступил и Нестор, в данном случае следовавший примеру своего предшественника Никона. Однако его братье по монастырю хорошо известно было как его авторство двух Житий, так и работа его по продолжению летописного свода; «и эта память о нем, как об авторе, продолжала сохраняться по традиции». Поэтому-то впоследствии он выделился в ряду других продолжателей: имена остальных были позабыты, имя же Нестора сохранилось. «В начале XIII века Нестора уже твердо считали автором летописи, и Поликарп в своем послании к Акиндину прямо ссылается на Нестора, как на ее автора. По той же традиции и Хлебниковский список Повести был озаглавлен: Повесть временных лет Нестора черноризца Феодосиева монастыря Печерского» (Очерк, 148).

6. А мог ли вообще быть Нестор автором (составителем) Повести?

1. Раньше, как мы видели, противники Несторова авторства отвергали его, опираясь на противоречия между Повестью и «Житием Феодосия» и «Сказанием о Борисе и Глебе», двумя произведениями, несомненно, принадлежащими перу Нестора; защитники же его объясняли противоречия длинным промежутком времени, отделяющим эти Жития (восьмидесятые годы XI в.) от Повести (1111 г.). За

последнее время Богуславский¹ стал доказывать, что Жития писаны много позже, приблизительно около 1108 г., и что уже по одному тому нельзя допустить, чтобы Нестор за какие-нибудь 3—4 года успел забыть и спутать события. Шахматов и Истрин, а за ними Абрамович² продолжают, однако, держаться старого взгляда.

Смысл и значение спора определяется словами Шахматова: «нельзя не согласиться с С. А. Бугославским, что если Чтение о Борисе и Глебе и Житие Феодосия составлены Нестором около 1108 года, то он не может быть признан летописцем» (Повесть. С. LXIX).

2. Зато Барац, принимая положение Бугославского, дает самому вопросу совершенно иную постановку. По его мнению:

1) Автором первой, основной редакции Повести временных лет был не Нестор, а *Никита Затворник*, впоследствии епископ Новгородский, еврей по происхождению, широко знакомый с еврейской письменностью, чем и объясняется обилие в Начальной летописи еврейского (библейского) элемента (О составителях «Повести Временных Лет» и ее источниках. Берлин, 1924, с. 51—52).

2) Составителем или участником в составлении Начального свода, того, что предшествовал Никонову (Несторову) своду, был пресвитер-мних Григорий, современник Святослава, духовный наставник Ольги, сопровождавший ее в Царьград, знаток византийских и болгарских хроник (там же, с. 75).

В. Как возникла «Повесть Временных Лет»?

По этому вопросу высказано два противоположных мнения академиками Шахматовым и Истриным. Высокий научный авторитет того и другого требует большей подробности и, возможно, большей отчетливости в передаче их положений.

Схема Шахматова

Последовательные этапы образования Повести Временных Лет:

- I. Новгородская владычная летопись 1017 года, с продолжением до 1036 года.
- II. Древнейший Киевский Свод 1039 года.
- III. Древнейший Новгородский Свод 1050 года.
- IV. Первый Киево-Печерский Свод (Никоновский), 1073 г.

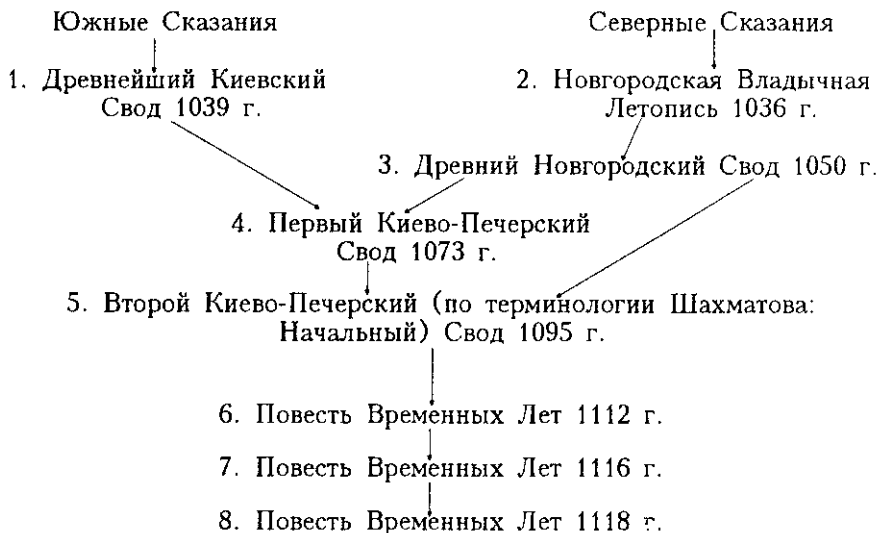
¹ К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора. «Известия отд. р. яз. и сл. Акад. Наук». 1914, кн. I и III; а также в рец. на «Жития» Абрамовича в Ж. М. Н. Пр. 1917, октябрь.
² «Жития св. муч. Бориса и Глеба. СПб., 1916».

- V. Второй Киево-Печерский Свод («Начальный»), по мысли игумена Иоанна, 1095 года.
- VI. Повесть Временных Лет: первая редакция, Несторова, 1112 года.
- VII. Повесть Временных Лет: вторая редакция, Сильвестрова, 1116 года.
- VIII. Повесть Временных Лет: третья редакция, может быть, духовника Мстислава, сына Владимира Мономаха, 1118 года.

Летописные своды за №№ I—VI до нас не дошли: они потонули в Повести временных лет II и III редакций; однако Свод 1039 года в редакции 1073 года, и Свод 1050 г. с продолжениями до 1079 года, могут быть восстановлены. Счастливее была судьба II и III редакций Повести: они дошли до нас, однако, не в подлиннике: самый ранний список редакции 1116 года — в так называемом Лаврентьевском списке 1377 года; самый ранний список редакции 1118 года — в так называемом Ипатьевском списке начала XV века.

Взаимные отношения этих памятников графически могут быть изображены в таком виде:

Северные Сказания. Сложились в Новгороде; ранее 1043 года; их содержание: древние судьбы Новгорода (сказания местного характера) в связи с общерусскими событиями, имевшими место на юге. Таковы:

- 1. Сказание о призвании варягов. — 2. Предание о смерти Олега в Ладоге и о могиле его там. — 3. Рассказ о походе Олега на юг и

о возвращении его оттуда в Новгород и в Ладогу. — 4. Противопоставление Словен Ильменских Южной Руси.

Южные Сказания. Сложились в Киеве; тоже ранее 1043 г.; их содержание (предания и события) тоже местного характера в связи с событиями. Таковы:

1. Топографические данные, свидетельствующие о лице, хорошо знакомом с городом Киевом и его расположением: указание на место погребения Аскольда и Дира, на места, где были погребены Игорь и его внук Олег Святославич; где находился терем Ольги. — 2. Предание о начале Киева. — 3. Предание о дани, взимавшейся с полян хазарами. — 4. Войны Аскольда и Дира, а потом Игоря с древлянами и угличами. — 5. Мечь Ольги.

I. Новгородская Владычная Летопись 1017 года с продолжением до 1036 года. «В Новгороде весьма рано определяются стремления к политической самостоятельности и к ограждению ее договорами с правящим князем». Моментом, когда население города почувствовало и сознало свою свободу, по-видимому, был 1017 год, «когда Ярослав даровал городу вольности, обеспеченные особою учредительною грамотой. Этот момент закреплен был в народном сознании не только передачей грамоты на хранение в местную святую Софию, но и внесением ее в летопись, где изложены были великие события, приведшие Новгород к свободе» (Разыскания, 529).

«В 1017 году новгородские власти во главе с посадником и епископом решили написать Правду Новгородскую (как, по-видимому, называлась Ярославова грамота) в летопись; исполнение этого решения принял на себя епископ Иоаким. Так возникла первая Новгородская летопись: она в начале сообщала кратко о крещении Новгорода прибывшим туда Иоакимом, поставлении им церквей, посажении Вышеслава, приглашении на стол Ярослава и затем подробно говорила о событиях 1015—1016 годов; в конце была вписана Ярославова грамота» (508-509).

«Указаний на то, чтобы летопись велась в Новгороде погодно после 1017 года, мы не имеем; отсутствие погодных записей в Новгороде стоит в связи и однородно с отсутствием таких записей в современном Киеве. Но в 1036 году, когда Новгород получил вторую учредительную грамоту от Ярослава и когда и ее также внесли в летопись, путем припоминаний были воспроизведены главнейшие события между 1017 и 1036 годами. Так появилась Новгородская Владычная Летопись» (529).

II. Древнейший Киевский Свод 1039 года. Летопись, как таковая, т. е. погодная запись событий, есть явление, сравнительно позднее, ей предшествовало составление *свода*] существуют указания на записи

1068, 1073 г. в Чернигове; что же до Киева, таковые появились, всего вероятнее, лишь в последнюю четверть XI века: после 1073 года (Разыскания, 528 — 529). Самым ранним произведением в Киеве был Свод, составленный в 1039 или 1040 году.

События 1039 года: учреждение Киевской митрополии; появление первого митрополита Феопемпта; освящение два года перед тем заложенного собора св. Софии — являлись весьма знаменательными событиями в политической и церковной жизни Киевской Руси и, по всей вероятности, послужили «побудительной причиной к составлению Русского летописца» при возникшей митрополии (Разыскания, 416). Недаром именно этими двумя событиями и восхвалением просветительной деятельности князя Ярослава заканчивает Свод свое повествование.¹

Откуда почерпал составитель Свода свой материал?

Таковым ему служили:

1. Немногочисленные *письменные* источники: Болгарская летопись; Сказания: о княгине Ольге, о Варягах-мучениках; о князе Владимире, о святых Борисе и Глебе; грамота Владимира Святого, данная Десятинной церкви.

2. Местные киевские *предания*: песни, былины: о Кие, Щеке, Хориве и сестре их Лыбеди, об Олеге (захват Киева, поход на Царьград, смерть от укуса змеи), об Игоре (убийство его древлянами, месть Ольги), о Святославе (его войны, нападение печенегов на Киев в его отсутствие), о распри между Святославичами, о войнах Владимира, о пирах его и некоторые другие

3. О событиях более близких по времени составитель записывал то, что знал сам или слышал от *современников*. «Начиная с Ярославова княжения, материалом для составителя Свода служили припоминания об истекших событиях; с этого времени Свод 1039 года становится вполне достоверным историческим источником, хотя и то, что сообщено им раньше об Ольге, Святославе, Владимире, Святополке, в значительной части своей не должно быть признано баснословным, ввиду сравнительно не очень большого промежутка между теми эпохами и моментом составления Свода».

Наконец, 4. *Сочинительство* самого составителя, понимая под этим словом «не одну выдумку, вымысел, но также комбинирование данных, восстановление по ним и по современной действительности

¹ Рассказ о походе Владимира, сына Ярослава, на греков, 1043 года, и другой рассказ — о походе самого Ярослава на мазовшан, 1047 года — суть позднейшие добавления к Древнейшему Своду 1039 года одного из составителей Свода: или 1073, или 1095 года (412).

событий и положений прошедшего времени» (Разыскания, 465 — 491, 530).

III. Древний Новгородский Свод составлен в 1050 году, в тот год, когда «трудами князя новгородского Владимира был окончен постройкой и освящен (14 сентября) каменный храм св. Софии» (514, 523). «В ознаменование этого события строители храма, князь Владимир и епископ Лука решили озаботиться составлением летописного свода» (530). Можно думать, что «замысел создать свод возник под влиянием обстоятельств, сходных с теми, что вызвали создание Свода Киевского, т. е. под влиянием построения нового соборного храма» (515).

Источниками Новгородскому своду служили:

1. Древний Киевский 1039 года и 2. Новгородская летопись 1017 (1036) года. Киевский свод был исчерпан и более или менее переработан и дополнен вставками из Новгородской летописи. Впрочем, Киевский свод использован более или менее полно только в первой, большей половине: «конец его, где излагались события Ярославова княжения, передан в кратком извлечении» (530), потому что местная Новгородская летопись, раньше очень скудная содержанием, теперь стала богаче им. С 1017 года, года вокняжения Ярослава в Киеве, составитель Новгородского свода почти забросил Киевский свод, этот основной свой источник, и обратился к Новгородской летописи. Такое отношение к своим источникам дает нам основание видеть в составителе Новгородского Свода не простого компилятора, но комментатора и «исследователя исторических данных и собирателя народных преданий» (494).

Древний Новгородский Свод был продолжен до 1079 года (611) Затем последовал большой перерыв: 1079—1094 гг. (211), внесены записи 1097, 1108 гг.; с этого года они пошли более регулярно пока новый свод 1167 года не переработал весь материал заново (526).

IV. Первый Киево-Печерский Свод 1073 года. Почин митрополита Феопемпта в великом деле летописания — Древнейший Киевский Свод 1039 г. — непосредственного продолжения не получил. Начатое дело заглохло и оборвалось. В наших отношениях с Византией, источником культурных влияний того времени, наступил крутой поворот: война с нею (1043—1046 гг.), по-видимому, вызвала реакцию, пробудив сознание собственных национальных сил духовных. Своего рода протестом против греческих начал явилось избрание в митрополиты Илариона (1051). Блестящий проповедник и богослов, автор знаменитого «Слова о законе и благодати», всецело обязанный Византии своим образованием, Иларион, русский по рождению, национально, видимо, не сделался духовным сыном своей *almas matris*. Одновременно с возведением Илариона в киевские митрополиты, возникает Киево-Печерская обитель, своюю деятельностью особенно ярко выразившая

нарождавшееся на Руси национальное самосознание. Здесь-то, в ее пещерах, и возродилось русское летописное дело, возник *Первый Киево-Печерский (Никоновский) Свод*, «под главным редакторством иеромонаха Никона» (631). Начаты не раньше 1069 года, вероятно, в 1072 г. (441), он был закончен в 1073 году (531 и 441).

В первой своей половине Свод 1073 года является простой копией Древнего Киевского Свода 1039 года; местами лишь эта копия дополнена незначительными вставками. Зато вторая часть, начиная с описания кончины Ярослава, есть «самостоятельный труд сводчика, руководившегося припоминаниями и рассказами современников. Припоминания эти принадлежат в значительной части самому Никону; некоторые из них — прочей монастырской братии». Свод с некоторым перерывом (437), продолжался и после 1073 года еще в течение 20 лет (до 1093 г.): в него внесена была потом обширная статья о кончине преподобного Феодосия и погодные взаимодействия (531)

Кто такой был Никон? Он был самый старший сподвижник преп. Антония: он первым пришел в его пещеру и поселился вместе с ним (1051 г.); он совершал обряд пострижения над преп. Феодосием (1058); несколько лет он пробыл в Тмутаракани (1061 -1068 гг.), что дало ему потом возможность внести в летопись подробности тамошних событий за 1064 — 1066 гг.; обратно в Киев, по усиленной просьбе Феодосия, он вернулся в 1068 году. «Из Жития Феодосия известно, что Никон, как старейший, пользовался большим влиянием в монастыре; ему Феодосии поручал братию, когда отлучался из монастыря; Никон был человек книжный, тогда как Феодосии поучал братию «духовными словесы», великий Никон говорил поучения братии из книг; он занимался и переплетным делом, что также требовало известной книжности и грамотности» (424). Вставки в Свод, принадлежащие лично Никону, вероятно, именно те, в которых сказалось близкое знакомство с Тмутараканем, Козарами, Касогами и Корсунем: единоборство Мстислава Тмутараканского с касожским князем Редедю; похвала Мстиславу; указания на место его погребения в Чернигове; рассказ о дани, которую поляне платили хозарам и др. (424 — 431, 434, 435).

V. Второй Киево-Печерский Свод 1095 года. В литературе ему присвоено название Начального Свода. Так назвал его Шахматов в пору, когда начал его исследовать и когда ему еще не стало ясно существование других сводов, более «начальных», чем этот. В более позднем труде своем он сам говорит: «за Первым Киево-Печерским Сводом лет через двадцать составлен был Второй Киево-Печерский Свод, который называю только для того, чтобы не нарушать принятой в предшествующих исследованиях терминологии, Начальным сводом» (Разыскания, 527). Нам нет необходимости держаться старой случайной хронологии, тем более, что в наши представления о хронологи-

ческих этапах развития летописного дела она может внести только путаницу.

Подобно Своду 1073 года, и Свод 1095 года зародился и вырос в недрах Киево-Печерской обители, но на этот раз заложен был он на основаниях значительно более широких. В его основу были положены, прежде всего, и притом в *переработанном* виде, два Свода: Древнейший Киевский 1039 года в редакции 1073 года, и Новгородский владычный 1017 — 1036 гг., в редакции 1050 года. Не довольствуясь ими, составитель внес некоторые записи Черниговского происхождения, данные Выдубицкого монастыря; пользовался устными источниками: народными преданиями и устными легендами, греческими хронографами, Паримийником, не дошедшим до нас Житием преподобного Антония. Все это увеличило не только объем, но интерес к новому Своду, обеспечило ему «общерусское значение и общерусский характер». Второй Киево-Печерский Свод явился *первым общерусским сводом* и «лег в основание Повести временных лет, источника и основания всех позднейших летописных сводов» (95, 170, 181, 532), 276.

В этом Своде есть, однако, одна особенность, не встречающаяся в других, более ранних: тенденциозность. На какой почве выросла она? Ответ мы найдем в анализе страниц, повествующих о появлении деятельности первых русских князей.

Что говорит Свод 1039 года: Новгородские Словене, Кривичи и Меря платили дань варягам по белой веверице; варяги насильничали. У них был князь Олег; он взял Смоленск, обманом захватил княживших в Киеве братьев Аскольда и Дира, убил их и стал сам княжить там вместо них; ходил на греков, взял с них обильную дань и, вернувшись в Новгород, а оттуда за море, умер, укушенный змеею. После Олега в Киеве стал княжить Игорь (см. текст Свода 1039 г в редакции 1073 г. Разыскания, 541—543).

Что говорит Свод 1050 года: Новгородские Словене, Кривичи, Меря и Чудь платили варягам дань по белой веверице; потом они прогнали насильников за море и стали владеть сами собою, посадив в Новгороде старейшиною Гостомысла. Однако начавшиеся у них междоусобицы заставили их звать варягов, чтоб они княжили и вол одели ими. На зов откликнулись три брата: Рюрик сел править в Новгороде, Синеус на Белоозере, Трувор в Изборске. И был у них (у «Новгородских людей от рода Варяжска») князь Олег; он начал ставить города и наложил на Словен, Кривичей и Мерю дань, которую они должны были платить варягам. Потом он пошел на Царьград, взял с него большой окуп и вернулся в Новгород, а оттуда в Ладогу, где и умер. После него в Киеве стал княжить Игорь (см. текст Свода 1050 г., «Разыскания», 611—613).

Сравнивая тексты 1039 и 1050 гг. с соответствующими местами текста Второго Киево-Печерского Свода, замечаем:

1. Древнейший русский свод 1039 года не знает ни «Гостомысла», ни «призвания варягов».

2. Олег, Аскольд и Дир для него — князья: Олег не «воевода» Игорев, а те не «дружинники» Рюрика, как утверждает Свод 1095 г.

3. О княжении Рюрика, тем более его братьев, не знают ни Свод 1039, ни Свод 1050 гг. — один только Свод 1095 года.

4. Не знают они и того, что Игорь был *сын* Рюрика.

Таким образом, смерть Синеуса и Трувора два года спустя по прибытии из-за моря; наступившее затем единовластие Рюрика; рождение у последнего сына Игоря; обозначение Олега, как воеводы Игорева, и заявление его, обращенное к Аскольду и Диру, что они не князья и не княжеского рода, истинный же и законный князь — это Игорь; самый *приход* Аскольда и Дира в Киев (в Древнейшем своде просто сказано, что они там «княжиста». Раз., 323) — это все позднейшие вставки и результат переделок, лежащих на ответственности составителя Свода 1095 года.

Что же побудило его на такой шаг? Спаивая свои основные источники, составитель Свода 1095 года допустил «тенденциозное изложение и тенденциозное освещение извлеченных из источников и преданий фактов». Его историко-политическая концепция ставила «единство земли Русской в связь с единством княжеского рода. Этот единый княжеский род является эмблемой единой Русской земли. Но если княжеский род исконно один, то другие князья, т. е. князья не этого рода, должны быть признаны или самозванцами (Аскольд и Дир), или воеводами княжескими (Олег)» (Раз., 293).

Свод 1095 года «дошел до нас не в полном виде, а в обширных отрывках, сохранившихся в Новгородской 1-й летописи младшего извода» (списки Комиссионный и Академический), именно: Предисловие и годы 854-1015, 1052-1074 (Раз., 378).

Своду 1095 года остались неизвестными: Амартол (в руках у составителя был другой источник для хронологии); договоры с греками, сказания о расселении славян, статья 898 г. о предложении книг; легенды об апостоле Андрее; сказание о смерти Олега (Раз., 394).

VI. Повесть Временных Лет, Несторова: первая редакция. Составлена в Печерском монастыре. Составитель ее — черноризец Киево-Печерского монастыря Нестор, автор «Чтения о погублении свв. Бориса и Глеба» и «Жития Феодосия». Труд был закончен в 1112 г.; изложение событий доведено до 1111 г., а возможно, что и до 1112 г. (иными словами: может быть, описан был и поход князей на половцев в 1111 г.). В основу Повести положен Начальный Свод в древнейшей его редакции (Пов. XXII, XXXIV), дополненный и в отдельных частях измененный,

А. *Дополнения, внесенные Нестором; и источники, служившие ему (то, чего нет в Начальном Своде).*

1. Хроника Георгия Амартола под годами: 858, 868, 869, 887, 902, 911-915, 920, 929, 934, 942, 943. - 2. Хронограф. - 3. Житие Василия Нового. - 4. Договоры с греками: 912, 945, 971 гг. и предварительный договор 907 года. - 5. Предание об обрах. - 6. Повествование об обычаях славянских племен, населявших Русскую землю. - 7. Легенда об Андрее Первозванном. - 8. Сказания о Кирилле и Мефодии. - 9. События 883—885 гг. (походы Олега на древлян, северян, радимичей). - 10. Сказание о смерти Олега. - 11. Легенда о том, как великая княгиня Ольга спалила у древлян город Искоростень («четвертая» месть Ольги). - 12. Рассказ о поединке отрока с печенежским богатырем, 993 г. - 13. Рассказ о том, как жители города Белгорода обманули осаждавших печенегов, 997 г. (эпизод с киселем). - 14. Рассказ о начале Печерского монастыря. - 15. События 1094—1110 гг. (да?) Нестор рассказал «частью по непосредственным впечатлениям, частью по устным сообщениям».

Б. *Изменения, допущенные Нестором в тексте Начального Свода*

а) *Что совсем не вошло в Повесть:*

1. Поход Свинельда на угличей и тиверцев.
2. Продолжительная осада Пересечена.

б) *Что переделано:*

1. Игорь, оставшись после отца взрослым, наследовал ему непосредственно; Олег же был при нем воспитателем и воеводой. — Нестор, ознакомившись с новыми данными (договор с греками 912 г. говорит об Олеге, как о князе-государе), не мог оставить Олега простым воеводой: пришлось сочинить малолетство Игоря при смерти Рюрика».

2. Олег после похода на греков возвращается в Новгород и оттуда в Ладогу (Повесть: вернулся в Киев).

3. Могила Олега в Ладоге (Повесть: в Киеве, на Шековице).

В. *Тенденциозность Повести*

Печерская обитель, в стенах которой сложилась первая редакция Повести временных лет, близко стояла к великому князю Святополку II, пользовалась его особым расположением и покровительством. Этим обусловилось: 1) особенно подробное изложение событий великокняжения Святополка; 2) благоприятное освещение его бранных подвигов и благочестия: благожелательная, даже пристрастная оценка вел. князя подсказывалась прямыми интересами монастырской братии (Повесть, XV-XVI).

VII. Повесть Временных Лет, Сильвестровская: вторая редакция. Составлена в Выдубицком монастыре. Составитель ее — игумен названного монастыря Сильвестр. Труд был закончен в 1116 г. Изложение событий доведено до 11 февраля 1111 г. Сильвестровская редакция представляет собой переработку Несторовой редакции, но в иных тонах, с иной тенденцией: подобно тому, как Святополк II нашел апологетов своему княжению в Печерской обители, такое же услужливое перо обрел в монастыре Выдубицком, в лице его игумена Сильвестра, и Владимир Мономах, политический противник и преемник (с 1113 г.) Святополка на великокняжеском престоле. Лицо, близкое к Мономаху, Сильвестр «устранил из Несторовой летописи все то, что могло быть неприятно новому князю, и вставил в свой свод несколько статей, благоприятных Мономаху». У Сильвестра «личность Святополка отодвинута в тень; напротив, личности и деятельности Владимира Мономаха отведено выдающееся место».¹ При переделке Несторова редакция исчезла совсем: была утрачена или сокрыта под спудом. Впрочем, один список ее, кажется, сохранился в Галиции и попал в руки попа Василия, духовника галицкого князя Василька Владимировича и автора известного летописного рассказа об ослеплении этого князя.

VIII. Повесть Временных Лет, Киево-Печерская.

Третья редакция. Составлена в 1118 г.; рассказ кончается изложением событий 1117 года. Подобно первой, она вышла тоже из Печерской обители; о личности ее составителя можно только догадываться, а потому ей приличествует название редакции Киево-Печерской. Составителем был, по всей вероятности, духовник Мстислава, старшего сына Мономаха, подобно Сильвестру, тоже готовый прославлять деяния Мономаховы. Как объяснить такую резкую перемену в симпатиях Печерских монахов? Когда, с вокняжением Мономаха в Киеве, княжеское летописание было перенесено в другой монастырь, то это не могло «не взволновать Печерскую обитель: с летописью уходило ее влияние на

¹ Наиболее яркий пример — переделка рассказа о съезде князей 1103 г. перед походом на половцев: в этом рассказе Нестор прославил Святополка, Сильвестр же выдвинул Мономаха. Для замены Несторова текста он использовал описание аналогичного съезда 1111 г., перенеся основные черты его на событие более раннее. Оттого оба описания почти тождественны. Мало того. Нестор и почин похода 1111 г., и всю его славу тоже приписывал Святополку; Сильвестр же, по-видимому, целиком опустил рассказ об этом походе. Этот рассказ был восстановлен лишь в 3-й редакции (NB. Напомню от себя, что все это лишь одна гипотеза Шахматова, а не удостоверенный реальный факт).

политику великого князя, а также ее моральное значение в глазах всего русского православного мира. Монастырь охотно направил свои симпатии в новое русло: Святополк был забыт, все мысли и надежды перенеслись на Владимира Мономаха» (Повесть Временных Лет, XVII). За утратой основной редакции пришлось пользоваться редакцией Сильвестровской. Составитель «дополнил ее преимущественно известиями, имеющими то или иное отношение к Владимиру Мономаху» и в конце Свода вписал Поучение Мономаха к детям.

Помимо Сильвестровской редакции у составителя редакции Киево-Печерской были еще и другие источники: Таковы:

1. Никифор, Летописец вскоре. — 2. Хроника Иоанна Малалы. — 3. Хроника Георгия Монаха. — 4. Мефодий Патарский. — 5. Ипполит, папа Римский. — 6. Епифаний Кипрский.¹

В каком виде дошла до нашего времени Повесть Временных Лет?

1. *Первая* редакция, Несторова, потонула во второй и третьей редакциях.

2. *Вторая* редакция, Сильвестровская, дошла в списках: Лаврентьевском (наиболее древнем, 1377 г.) и в родственных ему Радзивилловском, Московско-Академическом (оба 2-й половины XV в.), Никоновском (1-я половина XVI в.). Во всех этих списках она оканчивается 1111-м годом и записью игумена Сильвестра. Кроме этих списков, 2-я редакция Повести входила также и в Троицкий список, сгоревший в большой Московский пожар 1812 г., и судить о нем можно лишь по вариантам (до 907 г.) в издании (неоконченном из-за пожара), предпринятом Чеботаревым и Черепановым, и по выпискам Карамзина в его «Истории Государства Российского».

3. *Третья* редакция, Киево-Печерская, дошла до нас в списках Ипатьевском (наиболее древнем, середина XV в.) и Хлебниковском (XVI в.). Текст в том и другом списке доведен до 1117 г. включительно.

Обе редакции, Сильвестровская и Киево-Печерская, если и дошли до нас, то не в своем первоначальном виде, а с теми посторонними наслоениями, какие успели нарасти на них; для Лаврентьевской за время 1116—1377 гг., а для Ипатьевской — за 1118—середина XV в.

Чем обусловлены были изменения их первоначального текста?

1. Невольные ошибки переписчиков.
2. Намеренные вставки из других источников.

¹ Указания на хроники 1. Малалы и Георгия Монаха принадлежат акад. Истрину.

3. Сознательное допущение влияния одной редакции на другую: в Сильвестровской встречаются заимствования из Ипатьевской, и наоборот.

Существует лишь один список, где третья редакция свободна от заимствований из второй: это Синодальный список так называемой 1-й Новгородской летописи.

Начальный Киевский Свод тоже дошел до нас, но не полный и, так сказать, в скрытом виде. Списки, где его можно найти:

1. Синодальный список 1-й Новгородской летописи (ее первая редакция). Здесь Начальный Свод однако без начала: сохранились лишь годы 1016-1094 (или 1016-1074?).

2. Другие списки 1-й Новгородской летописи (ее вторая редакция): Археографический, Академический, Толстовский (Софийская 1-я летопись), Комиссионный и др. летописи: Новгородская 4-я, Тверская, Воскресенская.

Чтобы составить представление о содержании Начального свода, необходимо предварительно восстановить его. Это и делает Шахматов в своем труде: «Повесть Временных Лет. Том I. СПб., 1916».

Критика Истрина

Шахматов вскрывает Древнейший Свод 1039 года путем выделения из Повести Временных Лет тех строк и иногда целых страниц, которые он считает позднейшими вставками; Истрин же, анализируя эти «вставки», приходит к заключению, что они совсем не были *вставками*, но органически связаны с текстом, из которого выделены; что «во всех разобранных примерах исходным пунктом для признания той или другой вставки является исключительно субъективное понимание каждого отдельного летописного рассказа». Он отмечает «особенное стремление» Шахматова «видеть чуть ли не на всякой странице позднейшую вставку, между тем как в действительности построение речи в тех местах Повести Временных Лет, в которых Шахматов видит вставки, идет вполне правильно, логических скачков нет никаких, а последовательность текста нисколько не противоречит той последовательности самих событий, в какой представлены эти последние» («Начала», 56 — 57).

Из тех же оснований выходит Истрин и в другой своей статье «Замечания о начале русского летописания» (См. ниже «Литературу») Приведем главные из его возражений:

1. В тех строках «Повести Временных Лет», которые Шахматов считает позднейшими вставками в «Древнейший Свод 1039 г.», нет оснований видеть непременно *вставки*: эти якобы «вставки» могли находиться уже и в Древнейшем своде (Замечания, 51—61).

2. Точно так же ошибочно искать в Новгородской 1-й летописи остатки Свода 1039 года (61—62): отсутствие в ней ряда известных

еще не есть признак ее древности, так как Новгородская 1-я летопись могла намеренно выпустить эти известия, как излишние и не подходящие к программе, которой держался ее составитель (65 — 66).

3. Новгородская-1 есть простое механическое сокращение Повести Временных Лет (79); уже в силу этого она не могла сохранить в себе «остатков» Древнейшего Свода, а потому нет оснований допускать, будто Свод 1095 года вставил в Свод 1039 года ряд известий (75).

4. Происхождение Хроники Георгия Амартола, появившейся на Руси, не болгарское, а туземное: она «была переведена на Руси в конце первой половины XI века, когда у нас в связи с прибытием митрополита и греческого клира некоторое время продолжался переводческий период, за который летописец посвятил под 1037 годом похвалу князю Ярославу». «Хроника оказалась очень громоздкой, и тогда был составлен из разнообразных источников, но главным образом по той же хронике Георгия Амартола, особый хронограф, который был назван «Хронограф по великому изложению». Некоторые события русской истории (нападение Руси на Царьград) перешли из этого Хронографа в Древнейший Свод, и Нестор, «настоящий агтор» Повести Временных Лет, брал их отсюда (67 — 73).

5. Шахматов полагал, что Летопись *идейно* возникла под непосредственным воздействием греческого направления, а в *смысле сложения и составления* — «явилась совершенно самостоятельно, без всякого литературного влияния со стороны чужих образцов, т. е. византийских». Истрин — наоборот: литературная самостоятельность Летописи явилась бы делом необыкновенным, исключительным, единственным в ряду всех других произведений древнерусской литературы. Первоначально интерес русского читателя сосредоточивался на житиях и поучениях, так как на первом плане для него стояло назидательное чтение; «чисто же исторический интерес, интерес к своему прошлому, должен был проявиться позднее, когда уже до известной степени у русских книжных людей явилось чувство самосознания, вызванное своим славным прошлым, когда уже накопилось достаточно материала для исторического изображения». «И древнерусский книжник с течением времени пришел к мысли изобразить небольшое прошлое своей земли, пришел к этой мысли самостоятельно, хотя и под воздействием той же чужой, византийской литературы. Но это воздействие было, прежде всего, литературное; живого же побуждения, вроде непосредственной инициативы со стороны заезжих просветителей не было. Правда, было как бы воздействие и идейного характера, но оно было совсем иного рода. Среди побуждений к составлению летописи у русского книжника участвовал протест против известного отношения греков к новопросвещенной земле, но этот протест был скрытым, едва ли ясно сознаваемым самим автором» (78 — 79).

6. Шахматов готов допустить, что митрополит Феопемпт, став первым русским митрополитом, следуя «освященному на родине своей примеру», «побудил кого-либо из своих причетников составить первую русскую летопись». - Истрин на это: «С таким взглядом нельзя согласиться. Вся история греческого церковного у нас господства говорит за то, что грекам не было никакой нужды до русского просвещения и до русской истории. Они смотрели на свою новую епархию, лишь как на источник доходов, и при незнании русского языка не могли и заинтересоваться составлением русской летописи. Особенно на первых порах митрополиту и прибывшему с ним клиру было не до составления русской летописи; сами по себе они были чужды русской жизни. Поэтому признать непосредственное участие грека-митрополита в составлении первой русской летописи, да еще тотчас же по своем прибытии — является более, чем невероятным» (с. 98).

7. Совпадение некоторых выражений в Летописи и илларионовском «Слове о законе и благодати» еще не есть доказательство заимствования Илларионом того, что в данном случае источником служила Летопись; скорее, наоборот. «Такой начитанный и талантливый книжник, каков был Илларион, менее всего нуждался в заимствованиях у летописца. Приводимые сходные фразы были на устах у всех книжников, так как они говорили о всем известных вещах». Что же до «Речи философа», обращенной к Владимиру, то Илларион мог читать ее еще в Хронографе по великому изложению, который ко времени написания «Слова» мог быть уже составлен (с. 99).

8. Похвала Ярославу, помещенная в Летописи под 1037 годом, писана не в 1039 году, а позже, уже по смерти Ярослава (с. 99).

9. Что Никон продолжал Древнейший свод — это допустимо; но нет никаких оснований в статье о Лиственской битве 1024 г. видеть его вставки, приписывать ему всю похвалу Мстиславу под 1036 годом и рассказ об избиении дружины Болеслава, 1018 года (с. 207-210).

10. Неверно, будто вторая половина статьи 1074 года о Печерском монастыре составлена в 1072 — 1073 гг. Никоном еще при жизни Феодосия: она составлена уже после Никона (с. 209 — 210).

11. Противоречия между летописным «Сказанием о начале Печерского монастыря» и Нестеровым «Житием Феодосия», действительно существуют; «Сказание» действительно тенденциозно описывает роль Святой Горы (Афон) в основании Печерского монастыря, но отсюда еще нельзя выводить, будто летописное «Сказание» есть позднейшая переработка древнего под влиянием «Жития Антония» («неизвестного в своем содержании»). Летописное «Сказание» и Нестор в своем «Житии Феодосия» пользовались устным преданием, а они могли в некоторых случаях противоречить одно другому. Причина

их могла быть в разногласии монахов на свое недавнее прошлое. Кто восхвалял Антония и всю славу создания своей обители приписывал ему, а кто — Феодосию. Последующие книжники вносили эти противоречия, не заботясь об их согласовании (с. 212). — Как вывод из вышесказанного: «Сказание о начале Печерского монастыря», внесенное в Летопись под 1051 годом, принадлежит не двум авторам, а одному, и следов позднейшей переработки не носят (с. 214).

12. Мнение Истрина о Своде 1095 года: «Я готов признать составление в 1093 — 1095 гг. какого-то летописного свода, но на том лишь основании, что летопись, ведущая свое начало от „Древнейшего свода 50-х годов XI в. (по Шахматову 1037 — 1039 гг.)», постоянно продолжалась и притом не погодно (хотя, может быть, бывали и ежегодные приписки), но через известные промежутки времени, и одним из таких продолжений и могло быть продолжение 90-х годов XI века". Но „если и был какой-либо свод 90-х годов XI в.", то отнюдь не как соединение двух сводов „Древнейшего" (Киевского) и Новгородского, а как «простое продолжение старой летописи, прошедшей, быть может, и через руки Никона. Сам „Древнейший свод", как был составлен в 50-х годах, так и продолжал переписываться без всяких вставок; все Новгородские сведения в нем уже были, и одним словом, он имел тот вид, который имеется теперь в списках Лаврентьевско-Ипатьевском. Следовательно, автору „Начального свода" не из чего было и составлять свой свод». В конечном выводе: «Начального свода в том виде, в каком его изображает А. А. Шахматов, не существовало» (с. 216).

13. Доказательства Шахматова в пользу существования редакции 1118 года не могут быть приняты (с. 225 — 232).

14. Ошибочно утверждение, будто Поучение Владимира Мономаха составлено в 1110 — 1111 гг. и дополнено в 1117 году старшим сыном Мономаха Мстиславом: Поучение написано в год смерти Владимира, как его завещание (с. 227 — 228).

15. Сильвестрову Повесть ни в коем случае нельзя назвать «редакцией», т. е. переработкой прежнего свода: Сильвестр был простым переписчиком (с. 232).

16. «У нас нет никаких данных на то, что Несторова „Повесть" была особенно благоприятна к Святополку, а потому нет данных и для утверждения, что то или другое сведение в ней читалось, а Сильвестром — выпущено». Гораздо правильное старое мнение Бестужева-Рюмина: в Сильвестровой «Повести» «не заметно ни особенного расположения к Святополку, ни особенного расположения к Мономаху». Да и вообще у авторов летописания, если когда и обнаруживались симпатии или антипатии, то это происходило «непроизвольно, не будучи ни в каком случае преднамеренным». «Если бы

Сильвестр переделывал Несторову „Повесть“ в благоприятном для Мономаха духе, то он, наверное, выпустил бы следующие слова Нестора о Всеволоде, отце Мономаха, под 1093 г.: „и нача любити смысл уных, свет творя с ними; си же начата заводити и, негодовати дружины своая первыя и людем не доходити княже правды, начата тиунни грабити, людей предавати“. Точно так же он должен бы переделать рассказ под 1095 г. об убиении сыновей Иглара, где Мономах сыграл во всяком случае не вполне благовидную роль» (с. 234-235).

17. Ошибочно видеть в летописном рассказе о съезде князей в 1103 году, перед походом на половцев, тенденциозную переделку Сильвестра и перенесение событий 1111 года на событие более раннее: «Сильвестр, по утверждению Шахматова, писал для Владимира Мономаха и даже по его заказу. Но можно ли предполагать, что угодливость Сильвестра доходила до того, чтобы он решился придумать событие, которого не было, приписать Мономаху деяние, которого тот не совершал? Ведь Мономах мог потребовать себе для прочтения труд, который он сам заказал и которым, следовательно, интересовался. Сильвестр это мог предвидеть, и можно утверждать, что на такую фальсификацию он бы не решился» (с. 237). «Да и вообще можно, кажется, думать, что наши летописцы были правдивее, нежели можно вынести из предложенного Шахматовым рассуждения: придумать целую историю на глазах у всех, можно утверждать, они бы не решились» (с. 138).

18. Основания, по которым Шахматов полагал, будто летописный рассказ о походе Олега Святославича на Муром и о последующих событиях в Ростовской и Суздальской землях («эти события едва ли могли интересовать киевского летописца и, наоборот, были близки автору 3-й редакции „Повести“, духовнику князя Мстислава») не имеют за собой доказательств и не вызываются никакой необходимостью (с. 238).

19. Существенно расходится с Шахматовым Истрин и в суждениях о рассказе попа Василия об ослеплении Василька под 1097 годом. Шахматов полагал, что Василий уже имел под руками Повесть временных лет и, пользуясь ею, составил свой рассказ, дополнив его собственными данными, как очевидец события; Истрин же утверждает как раз обратное: сам поп Василий послужил источником Нестору, который удачно использовал его повествование, описав его целиком в свою Повесть временных лет (с. 242 — 243).

Схема Истрина

Последовательные этапы в развитии Повести временных лет, по его мнению, были следующие:

- I. Время устной истории.
- II. Первые (недошедшие) записи.
- III. Влияние греческих образцов. Русская история еще не отделена от истории греческой.
- IV. Зарождение национальной истории.
- V. Продолжение Повести временных лет за время с (после) 1054—1112 г.
- VI. Несторова Повесть временных лет.
- VII. Сильвестровская копия.
- VIII. Продолжение Несторова труда.
- IX. Судьба сильвестровской копии.

I. *Время устной истории.* Ян, сын Ярославова воеводы Вышаты, скончавшийся в глубокой старости (1016—1106) — носитель устных преданий и сказаний, живая хроника событий на протяжении всего XI века, а через отца и деда хорошо осведомленный и с событиями и рассказами, сложившимися еще в X веке. Устные рассказы неизбежно передавались неодинаково, варьировались — вот почему Олег умирает то в Ладоге, то в Киеве; Владимир крестится то в Киеве, то в Василеве, то, наконец, в Корсуне, и т. п. (Очерк, 141; Замечания, 80).

II. *Первые (недошедшие) записи* — любительские, в зависимости от личной склонности их автора. Как были различны устные рассказы, так и записи отличались теми или иными подробностями. К этим записям присоединялись немногие сказания церковного характера: «Похвала благоверной княгине Ольге», «Сказание об убиении Бориса и Глеба». Однако «до связного изложения всей своей хотя и кратковременной истории мысль древнерусского книжника еще не доходила, а чужого образца, который дал бы толчок к составлению своей истории, и по которому последняя могла бы быть составлена, еще не было... Исторический интерес проявился позднее» (Очерк, 141; Замечания, 81—82). — Толчок этот, наконец, был дан учреждением в 1037 году Киевской митрополии, привозом греческих книг разнообразного содержания и усиленной переводческой деятельностью русских книжников (Замечания, 247).

III. *Влияние греческих образцов.* Русская история еще не отделена от истории греческой. Хроника Георгия Амартола в русском извлечении (в сокращенном изложении): «Хронограф по великому изложению», послужила образцом для связного изложения собственной истории. Этот Хронограф «скоро получил продолжение в изложении русских событий», которые, будучи внесены в Хронограф, рассказывались «частью по преданиям, частью по письменным записям, частью же комбинировались из тех и других» (нападение Руси

на Царьград Аскольда и Дира, походы Олега и Игоря; крещение Ольги, Владимира, крещение болгар, речь философа, обращенная к Владимиру). «Так создавалось первоначальное русское летописание, первоначальная русская история», пока еще тесно примыкавшая к истории «всемирной», под которой разумелась история христианская, т. е. греческая с подготовительной к ней древней историей. «Мысли о создании своей самостоятельной истории, стоящей независимо от чужой, еще не было» (Очерк, 142 — 143; Зам., 84 — 86).

IV. Зарождение национальной истории.

а) Повесть временных лет. Сознание своей национальности вызвало потребность самостоятельной истории, независимо от истории чужой. Княжение Владимира и Ярослава дало возможность осмыслить новую эпоху народной жизни: христианскую. Русский книжник оторвал русские события от греческих и придал им самостоятельность, что и выразил в заглавии к своему труду: «Се повести временных лет, огыкуду есть пошла Русская земля, кто в Кыеве нача първее кнѣжити, и огыкуду Русская земля стала есть».

Примечание. Однако совершенно порвать связь с прошлым оказалось еще не по силам: начиная свою, родную историю, русский летописец все же выходит из греческой и, приступая к хронологическому обзору событий, так начинает его: «В лето 6360, индикта 15, начьньшу Михаилу цесарьствовати, нача ся прозывати Русьская земля».

б) Первый летописный свод составлен вскоре после смерти Ярослава, при его сыне Изяславе. В рукописи он был озаглавлен: «Повесть временных лет». Это — первая редакция «Повести». В отдельном виде она не сохранилась.

в) Что в Повести на этой первой ее ступени нового сравнительно с «Хронографом по великому изложению»?

1. Лирические излияния; богословско-нравоучительные рассуждения.
2. Договоры с греками.
3. Сказание об убиении Бориса и Глеба.
4. Сказания о Тмутараканских событиях (единоборство Мстислава с Редедеем) (Очерк, 143—145; Зам., 86 — 87, 249—250).

V. Продолжение Повести временных лет за время с (после) 1054-1112 гг.

1. Продолжения велись в Киево-Печерском монастыре.
2. Они велись с перерывами, не регулярно из года в год.

3. Новый книжник, продолжая летопись и переписывая уже готовый текст, обыкновенно не изменял его (разве какое слово вставлял или произвольную ошибку делал).
4. Единственная вставка (она сделана после смерти Феодосия, 1073 г.) — рассказ, внесенный под 1051 годом, о начале Печерского монастыря.
5. Допустимо предположение, что первым продолжателем первой редакции Повести временных лет был игумен Печерского монастыря Никон, сподвижник Феодосия (Очерк, 146; Зам., 250).

VI. *Несторова Повесть временных лет*. Нестор, автор «Жития Бориса и Глеба» и «Жития Феодосия», был одним из продолжателей. Он довел рассказ до смерти Святополка II (он упоминает про смерть Давида Игоревича, а она прилась на 25 мая 1112 г.). Труд Нестора, составленный «тотчас после вступления на киевский великокняжеский стол Владимира Мономаха», является *второю* редакцией Повести временных лет. Самостоятельные дополнения, внесенные Нестором в Повесть:

1. Из Амартола (но не по Хронографу, а по полному списку): а) о расселении потомков Ноя; б) об Аполлонии Тианском; в) о нравах различных народов. — 2. Из Откровения Мефодия Патарского (под 1096 г.). — 3. Повесть об ослеплении князя Василька. — 4. Статья о расселении славян. — 5. Легенда о посещении Руси апостолом Андреем. — 6. О расселении русских племен.

Примечание. Трудно определить, что именно добавил Нестор о русских событиях от себя. (Очерк, 146-147; Зам., 244-245).

VII. *Сильвестровская копия*. Несторова Повесть, по ее составлении, «тотчас же была взята в соседний Выдубицкий монастырь для снятия копии. Копию снял сам игумен монастыря Сильвестр, который и сделал запись, что он написал „книги си летописец“ в лето 6624, т. е. в 1116 г. Он переписал летопись без изменений» (Очерк, 147; Зам., 251).

VIII. *Продолжение Несторова труда*. От Сильвестра труд Нестора вернулся обратно в Печерский монастырь; новый продолжатель, лицо близкое к Мономаху, «вставил от себя краткие указания на события из семейной его жизни, на постройку им церквей и др. В результате Несторова Повесть с ее продолжением образовала то, что известно в литературе под именем «Киевской летописи» и дошло до нас в двух списках: Ипатьевском и Хлебниковском (Очерк, 147; Зам., 251).

IX. *Судьба Сильве строе ской копии*. Копия Сильвестра «стечением времени потеряла свою последнюю тетрадь, которая начиналась бла-

гочестивыми размышлениями по поводу появления огненного столпа над Печерским монастырем в 1110 г. Но самая запись Сильвестра была сделана на отдельном листе, следовавшем за последней тетрадью, и потому сохранилась. Этот вид Повести сохранился в списке Лаврентьевском и сходным с ним» (Очерк, 148; Зам., 251).

Главнейшая литература

1. *Татищев*. История России. СПб., 1768, кн. I, ч. I, главы 5 — 7.
2. *Schldzer*. Nestor. Russische Annalen. 5 Bnde. Gottingen, 1802 — 1809. Русский перевод Языкова. М., 1809 — 1819.
3. *Строев*. Предисловие к «Софийскому временнику». М., 1820.
4. *Бутков*. Оборона Несторовой летописи. СПб., 1840.
5. *Погодин*. Исследования, Лекции и Заметки. Тт. I и IV.
6. *Сухомлинов*. О древней русской летописи как памятнике литературном, а) Ученые Записки 2 отд. Акад. Наук, кн. III (1856); б) Сборник отд. р. яз. и сл. Рос. Акад. Наук. Т. 85 (1908): перепечатка.
7. *Костомаров*. Лекции по русской истории. Вступительная лекция и летописи. СПб., 1862 (на титульном листе: «Ч. I. Источники русской истории. СПб., 1861»).
8. *Срезневский*. Чтения о древнерусской летописи, СПб., 1862 (Записки Акад. Наук. Т. II).
9. *Бестужев Рюмин*. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868 (Летопись зан. Археогр. Комиссии, вып. IV).
10. *Маркевич*: а) О летописях. Одесса, 1883 (вып. 1-й); б) О русских летописях. Одесса, 1885 (вып. 2-й).
- И. *Шахматов*. Хронология древнейших русских летописных сводов. Ж. М. Н. Пр., 1897, апрель.
12. *Шахматов*. О Начальном (Киевском) летописном своде. М., 1897 (из «Чтений Общ. Ист. и др. Рос.»).
13. *Шахматов*. Житие Антония и Печерская летопись. Ж. М. Н. Пр., 1898, март.
14. *Шахматов*. Корсунская легенда о крещении Владимира. Сборник статей в честь В. И. Ламанского, ч. II. СПб., 1908.
15. *Шахматов*. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908 (Летопись зан. Археогр. Комиссии, вып. 20-й).
16. *Шахматов*. Русское летописание. Нов. Энцикл. словарь Брок. и Ефр. Т. 25-й (1915). С. 155-166.
17. *Шахматов*. Повесть временных лет. Том I. Вводная часть. Текст. Примечания. СПб., 1916 (Летопись зан. Арх. Ком., вып. 29-й).
18. *Сперанский*. История др. р. литературы. Пособие к лекциям в университете. Введение. Киевский период. Изд. 3-е, М., 1920. С. 323-345.

19. *Истрин*. Очерк истории древнерусской литературы. СПб., 1922. С. 135-152.
20. *Истрин*. Начало русского летописания. По поводу исследования А. А. Шахматова о древнерусской летописи. «Начала. Журнал истории, литературы и истории общественности», № 2. СПб., 1922. С. 43—63. Продолжение было обещано; в нем Истрин намеревался дать оценку мнения Шахматова о трех редакциях Повести временных лет: 1112, 1116 и 1118 гг.
21. *Истрин*. Замечания о начале русского летописания. По поводу исследования А. А. Шахматова в области древнерусской летописи. «Известия от. р. яз. и сл. Рос. Акад. Наук», 1921 г. Т. XXVII СПб., 1924. С. 207-251 (V-VII).
22. *Грушевский*. История Украши—Руси. Т. I. Изд. 3-е; Кшв, 1913.

Подробности см. у Бестужева-Рюмина (в его книге и в Энциклопедическом словаре), Маркевича, Пыпина. История русской литературы. Т. I, Иконникова, Опыт русской историографии, Т. II (о старой литературе); у Шахматова. Нов. Энциклопедический словарь (о более новой) и Грушевского, История. С. 598-601.

№ 36. Какой «школы» было письмо Андрея Рублева?
(к стр. 298)

Ровинский относил иконы Рублева к «московскому письму», находя ошибочным искать в них «рафаэлевский рисунок», вообще «все качества древней итальянской живописи». ¹ *Муратов* же полагает, что деятельность Рублева, хотя и протекала в Москве и в московской области, однако тесно связана с эпохой Феофана Грека, эпохой «новгородских стенных росписей и написанных в пределах Новгородской области первых национально-русских икон». Работая в Москве, Рублев представлял там собою новгородскую живопись, как до него представлял там ее Феофан Грек. Признать это тем необходимым, что в эпоху, следовавшую непосредственно за Рублевым, никакой другой живописной школы, кроме новгородской, на Руси еще и не существовало. ² Эти мысли Муратов повторяет и в последнем своем труде, изданном по-французски и по-итальянски. ³

Габарь, в свою очередь, заменяет Новгород Суздаlem: по его мнению, Рублев «либо суздалец, либо москвич, впитавший суздаlesкие идеалы с молоком матери». Это ученик Феофана, но ученик «значительно смягченный, осуздаленный, далекий от необузданного темперамента учителя». ⁴

В самое последнее время корни Рублевского художества снова ищут в Москве: не Москва де заимствовала и училась у Новгорода, а Новгород у Москвы: «Москву надо считать тем центром, где на русской почве итальянизированная Византия пустила глубокие

корни... А. Рублев оставил целую школу... Московский живописный стиль переносился в Новгород, где живопись получила наибольшее развитие».⁵ Под пером де Муратова Новгород «превратился в фетиш»⁶ равно и Грабарь применил к Суздалью тот же «метод фетишизации».

Открытие новых икон, расчистка их, новые приемы исследования привели за последние 20 лет к полному пересмотру старых положений: история древнерусской живописи (иконописи) пересматривается заново, и последнего слова далеко еще не сказано. Таков, например, вопрос о характерных особенностях новгородских икон. Сравнение, сказанное выше, в основном тексте (с. 291), со словами В. Н. Щепкина: «Сильное движение или сильный покой выражают новгородские фигуры. Лики обладают энергичным выражением... Воля и спокойный ум, которым веет от этих ликов, облечены в какую-то простую, элементарную форму. Характерна *активность* новгородских ликов: они как бы предполагают *внешний* мир, они обращаются к зрителю. На этой особенности основано главное религиозное значение Новгородской школы: она изображает *деятельное* божество. Всего полнее выразился этот смысл новгородского искусства в ликах Спасителя. Выражение более тонкое, *внутренняя* жизнь более богатая и изящная, при известном рода *мечтательной* погруженности в себя — прямо характеризуют кисть *неногородскую*... В России этот психический тип доведен до высшего, поэтического совершенства несравненным Андреем Рублевым».⁷

¹ Ровинский. Обзорение иконописания. СПб., 1903. С. 29 — 30.

² Грабарь. История русского искусства. Т. IV, гл. V и VI, особенно с. 237.

³ L'ancienne peinture russe. Praha—Roma, 1925. С. 114.

⁴ Вопросы реставрации. Т. I. С. 66.

⁵ А. И. Некрасов. Конспект курса истории древнерусского искусства. М., 1917. С. 30 — 31 (заимств. у Жидкова, 110).

⁶ Г. В. Жидков. Московская живопись середины XIV века. М., 1923. С. 102.

⁷ Труды XI Археол. съезда. Т. II. С. 190.

Главнейшая литература по вопросу о русском иконописании:

И. П. Сахаров. Исследование о русском иконописании. СПб., 1849. — Д. А. Ровинский. История русских школ иконописания до конца XVII в. СПб., 1856 (Записки Археолог. Общ. Т. VIII. Новое издание под титулом: «Обозрение иконописания в России до конца XVII в.». СПб., 1903. — Ф. И. Буслаев. Общие понятия о русском иконописании (Сборник Общ. Любит. р. искусства. М., 1866); 2-е изд. в «Сочинениях» автора. Т. I. СПб., 1908. — Н. В. Покровский.

Евангелие в памятниках иконографии и искусства. СПб., 1892 (из Трудов VIII Археолог. Съезда. Т. I). — В. Н. Щепкин. Новгородская школа иконографии по данным миниатюры. Труды XI Арх. Съезда. Т. II, 1899. — В. И. Успенский. Очерки по истории иконописания СПб., 1899 (брошюра). — В. Н. Щепкин. Московская иконопись (Москва в ее прошлом и настоящем; 12 вып. М., 1900 след.), вып 5-й. — Н. П. Лихачев. Краткое описание икон собрания П. М. Третьякова. М., 1905. — Он же. Манера Андрея Рублева. СПб., 1907. — А. И. Успенский. Очерки по истории русского искусства. Древнерусская живопись XV—XVII вв. СПб., 1907. — Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания. Атлас снимков. Два тома. 419 таблиц с 864 снимками (без текста). СПб., 1907. — Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери. Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения. СПб., 1911. Эта книга составляет как бы преддверие к последующей, под тем же заглавием: Иконография Богоматери. Два тома. СПб., 1914—1915. — В. Т. Георгиевский. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911. — Н. П. Лихачев. Историческое значение итало-греческой живописи. Изображение Богоматери в произведениях итало-греческих икон и их влияние на копонование некоторых православных русских икон. СПб., 1911 (около 500 снимков). — А. В. Грищенко. О связях русской живописи с Византией и Западом. М., 1913. — П. П. Муратов. Эпохи древнерусской живописи. (Старые Годы. 1913, апрель). — Он же. Русская живопись до середины XVII в. («История русского искусства Игоря Грабаря». Т. VI). — Русская икона. Сборник статей Три тома. СПб., 1914. — А. И. Анисимов. Этюды о новгородской живописи. «София». № 3. М., 1914. — Д. В. Айналов. История древнерусского искусства; изд. студентов. СПб. ун-та. СПб., 1915. — Г. Павлуцкий. О происхождении древнерусской иконописи. Киев, 1915. — Кн. Е. Н. Трубецкой. Два мира в древнерусской иконописи. М., 1916. — Он же. Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи. М., 1916. — А. В. Грищенко. Русская икона, как искусство живописи. М., 1917. — А. И. Некрасов. Конспект курса к истории древнерусского искусства. М., 1917. — Он же. Византийское и русское искусство. М., 1924. — И. Грабарь. Фрески Дмитровского собора во Владимире. «Русское искусство». 1923. №№ 2—3. — Paul Mouratov. L'ancienne peinture russe. Praha—Roma. 1925. — Е. Ф. Шмурло. Андрей Рублев («Зодчие русской культуры», Прага, 1925). — И. Эм. Грабарь. Андрей Рублев. Очерк творчества художника по данным реставрационных работ 1918—1925 гг. («Вопросы реставрации. Сборник центр. госуд. реставрац. мастерских». Т. I, М., 1926). — А. И. Анисимов. Путеводитель по выставке памятников древнерусской живописи. М., 1926. — Г. В. Жидков. Рецензия на статью Игоря Грабаря об А. Рублеве (см. выше) в «Известия на Българския Археологически Институт». IV.

София, 1927. — *А. И. Анисимов*. Владимирская икона Божией Матери (Z©ураq>iKa. Памятники иконописи. I. Seminarium Kondakovianum. Прага, 1929). — Он же. Домонгольский период древнерусской живописи («Вопросы реставрации». Т. II. М., 1928). — *Г. В. Жидков*. Московская живопись середины XIV века. М., 1928 (с библиогр.). — *Я. Я. Кондаков*. Русская икона. Прага, 1928 (пока вышел только альбом, без текста; два тома),

См. еще: гр. Бобринский и Кондаков в отделе «Памятников русской культуры», параграф VI: Миниатюры.

Е.Ф.ШМУРЛО КАК ИСТОРИК

Сегодня имя бывшего приват-доцента Санкт-Петербургского (1889—1891) и профессора (1891 — 1903) Юрьевского университетов, ученого корреспондента Императорской академии наук в Риме (1903 — 1924), организатора и первого председателя Русского исторического общества в Праге (1925) Евгения Францевича Шмурло (1853 — 1934)¹ мало что говорит современному читателю, хотя в последние годы мы наблюдаем некоторое оживление интереса к его научному наследию.² Е. Ф. Шмурло известен публикацией относящихся к русской истории документальных богатств итальянских архивов и, прежде всего, архивов Ватикана.²⁴

Что же касается собственно научных разысканий и обзоров по русской истории, то дело здесь обстоит следующим образом. Если статьи и книги Е. Ф. Шмурло дореволюционного периода: магистер-

¹ Наиболее полной сводкой данных, относящихся к жизни и научной деятельности Е. Ф. Шмурло является на сегодняшний день статья В. В. Саханеева. Евгений Францевич Шмурло: Биографический очерки // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага—Нарва, 1937. Кн. 3. См. также: Биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета за последнюю четверть века его существования. Т. 2. СПб., 1896. С. 347 — 349; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского юрьевского университета за 100 лет его существования. (1802-1902). Т. 2. Юрьев., 1902. С. 558-562.

² Пашуто В. Т. Русские историки—эмигранты в Европе. М., 1991. С. 54—56, 188—189; Демина Л. И. Записки Е. Ф. Шмурло об историках Петербургского университета (1889 — 1892) // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986. С. 252 — 256; Она же; Автобиографические заметки Е. Ф. Шмурло о его научной деятельности в Италии (1903 — 1924) // АЕ за 1992 г. М., 1994. С. 248-254. Шмурло Е. Ф. Соловьев С. М. Публ. С. Г. Яковенко // Вопросы истории. 1993. N 9. С. 151—164.

^{2а} Сборник документов, относящихся к истории императора Петра Великого. Юрьев, 1903; Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Т. 1—4. СПб. — Л., 1907 — 1927; Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией. Т. 1. Вып. 1. Л., 1925; Римская курия на православном Востоке в 1609-1654 годы. Прага, 1928.

екая диссертация о митрополите Евгении Болховитинове,³ книги о Петре Великом,⁴ «XVI век и его значение в русской истории» (СПб., 1891), «Восток и Запад в русской истории» (Юрьев, 1895), «А. С. Пушкин в развитии нашего самосознания» (Юрьев, 1899) и другие⁵ (всего за свою жизнь Е. Ф. Шмурло опубликовал 262 работы) всегда были известны и доступны отечественным исследователям, то с работами его эмиграционного периода все обстояло иначе. Даже наиболее крупные из них: «История России» (Мюнхен, 1922); «Введение в русскую историю» (Прага, 1924) и «Курс русской истории». Т. 1—3 (Прага, 1931—1934), осев на полках спецхранов советских библиотек, замалчивались и оставались фактически невосстребованными в СССР. В тех же случаях, когда сделать это представлялось затруднительным, публиковались разгромные рецензии.

Не избежало этой участи и самое крупное произведение Е. Ф. Шмурло — «Курс русской истории». В 1935 г. на него отозвался ведущий орган советских историков той поры — журнал «Историк—марксист». Автором рецензии был Сергей Пионтковский, подвизавшийся в эти годы на погромных статьях, посвященных русской «буржуазной» историографии.

«Курс Шмурло, — заявил здесь С. А. Пионтковский, — произведение недоброкачественное, в котором автор под видом сообщения сведений о прошлом нашей страны пытается вести враждебную политическую пропаганду против советской власти».⁷ Е. Ф. Шмурло «никогда не пользовался авторитетом даже среди буржуазных русских историков. Он был больше известен как издатель документов об отношениях между Италией и Россией. Общими вопросами русской истории он не занимался, и ни один из его литературных опытов не привлекал к себе внимания научной мысли». «„Курс русской истории" Е. Ф. Шмурло — есть не что иное как „поверхностная компиляция"»

³ Шмурло Е.Ф. Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы его жизни (1767-1804). СПб., 1888.

⁴ Шмурло Е.Ф. Петр Великий в русской литературе: (Опыт историко-библиографического обзора). СПб., 1889; Он же. Петр Великий в оценке современников и потомков. Вып. 1 (XVIII в.). СПб., 1912; Он же. Петр I Великий. СПб., 1912.

⁵ Саханеев В.В. Библиография печатных трудов Е.Ф.Шмурло // Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага-Нарва, 1937. С. 137-162.

⁶ Пионтковский С. А. Велико-русская буржуазная историография последнего десятилетия // Историк-марксист. 1930. Т. 18—19; Он же: Буржуазная историография в России. М., 1931.

⁷ Пионтковский С. А. (рец.). Е. Шмурло. Курс русской истории. Т. 2. Вып. 1. Москва и Литва (1462-1613). Прага Чешская. 1933 // Историк-марксист. 1935. N 12(52). С. 142.

из Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, С. Ф. Пла-тонова и других „буржуазных" историков. Более того, — уверял своих читателей С. А. Пионтковский, — как компилятор Е. Ф. Шмурло не всегда на высоте, поскольку не сумел „полностью суммировать" даже те знания, «какими обладала буржуазная историография. Если бы кто-нибудь всерьез поверил Шмурло и по его спискам и его курсу стал знакомиться с историей прошлого нашей страны, он никогда не получил бы достоверных научных сведений» Беда Е. Ф. Шмурло состоит в том, что он так и не сумел аккумулялировать достижения своих предшественников. Предпринятое же им механическое объединение высказываний ученых, сделанных «на разных этапах развития русской буржуазно-помещичьей историографии», мало что дает, и как «всякий эпигон», Е. Ф. Шмурло — историк «стоит гораздо ниже своих предшественников».

Особенно возмущало — считал С. А. Пионтковский — отсутствие в «Курсе» Е. Ф. Шмурло ссылок на труды историков-марксистов, в то время как «никому не нужные, давно безнадежно устаревшие имена» Н. М. Карамзина, М. П. Погодина, Д. И. Иловайского, напротив, настойчиво рекомендуются «европейскому читателю».

Времена, однако, меняются, и то, что в начале 1930-х годов казалось С. А. Пионтковскому очевидным недостатком: отказ Е. Ф. Шмурло в духе «петербургской исторической школы» от собственного видения русской истории, которому он предпочитал знакомство читателей с «выводами науки», его внимательное, уважительное отношение к сделанному предшественниками, в глазах современного читателя воспринимается скорее как несомненное достоинство его труда.

Во многом успехи «Курса» Е. Ф. Шмурло был обязан своей предшествующей педагогической деятельности в качестве лектора в С.-Петербургском и Юрьевском университетах. Публикация в 1922 — 1924 годах учебника «История России (1862 — 1917 гг.)» и «Введение в русскую историю», а также двухтомного издания «Истории России» на итальянском языке, осуществленного в 1928—1930 годах,¹⁰ позволили ему подвести определенный итог своим наработкам в этой области. Почувствовав на восьмом десятке лет прилив энергии и вкус к систематизации фактов, Е. Ф. Шмурло решает, наконец, на главную книгу своей жизни — трехтомный «Курс русской истории» с 862 по 1725 годы.

Первый том этого монументального труда Евгения Францевича вышел в 1931 году. Последние годы его жизни прошли в работе по подготовке к печати двух последующих томов, вышедших в 1933 и

⁸ Там же. С. 144.

⁹ Там же. С. 142.

¹⁰ Shmourlo E. Storia della Russia. Vol. 1-3. Roma, 1928-1930.

1934 годах.¹¹ «Вы входили в его беженскую комнату, — вспоминал А. Н. Фатеев, — и вас сразу же охватывал „дух науки“. Книги везде: ими завален письменный стол у окна (а сам Евгений Францевич работал за небольшим овальным столом посредине комнаты); книги на кровати, на стульях, на чемоданах, на вертящейся этажерке, на шкапах. Тех, что в шкапах, не видно, но везде порядок: книги на научных позициях, а не в разбросе. Все свои свободные деньги Евгений Францевич тратил на покупку новых книг. Вхожу однажды и вижу: овальный стол „украшен“ томами Пушкина, в которого наш пражский Пимен был влюблен до забвения иногда иных писателей. Ему Евгений Францевич посвятил несколько замечательных работ... С трудом приподнявшись со своего кресла, опираясь на палку, — это был человек вежливости самой изысканной, — он любовно показал мне на творения поэта и с грустью добавил: «Не могу позволить себе удовольствие читать его, надо писать «Курс»».¹²

Старый историк не мог позволить себе роскоши читать Пушкина «для удовольствия», боясь не успеть завершить свой труд. Он, однако, успел, хотя подержать в руках его последний том Евгению Францевичу, видимо, не пришлось: 3 апреля 1934 года он тихо скончался в больнице на 81-м году жизни.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с «Курсом» Е. Ф. Шмурло, — это его своеобразная архитектоника. Основу работы составляет так называемое догматическое изложение основных фактов русской истории, твердо установленных наукой. Все разногласия между историками по наиболее важным вопросам вынесены автором во вторую часть каждого из опубликованных им томов под названием «Спорные и невыясненные вопросы русской истории». Большой интерес для начинающих ученых представляет тщательно подобранная библиография, являющаяся органической частью труда.

Однако главная ценность книги, как представляется, все же в ином — это необычное для русского университетского курса внимание его автора к духовной, историко-культурной стороне нашего прошлого, истории письменности, литературы и просвещения, развитию национального самосознания. Необычным для университетского курса является и зачастую чисто справочный характер текста, содержащего обширные сведения о дошедших до нас памятниках архитектуры, изобразительного искусства, литературы и письменности, что должно, по замыслу его автора, воочию показать неисчерпаемое богатство

¹¹ Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Т. 1—3. Прага, 1931 — 1934.

¹² Фатеев А. Н. Два историка и два построения русской истории: памяти двух первых председателей Русского исторического общества в Праге — Евгения Францевича Шмурло и Александра Александровича Кизеветтера // Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага Чешская — Нарва, 1937. С. 10.

духовных ценностей русского народа. Это придает книге скорее характер энциклопедического издания, нежели традиционного университетского курса.

П. Н. Милюков объяснял это приверженностью Е. Ф. Шмурло традициям петербургской университетской исторической школы, ограничивавшейся, главным образом, приведением в известность и первоначальной обработкой источников, подготавливая тем самым необходимую почву для последующих поколений исследователей. Именно такой характер носила научная деятельность университетских учителей Е. Ф. Шмурло: К. Н. Бестужева-Рюмина, Е. Е. Замысловского, Ф. Ф. Соколова, В. Г. Васильевского. В этом же ключе развивалась и научная деятельность Евгения Францевича, что дало П. Н. Милюкову повод сопоставить его «Курс» с университетскими лекциями К. Н. Бестужева-Рюмина.

«Трогательно видеть, — отмечал он, — как до конца жизни ученик сохранил завет учителя. „Русская история“ Бестужева-Рюмина — наш общий университетский учебник, подает руку литографированному «Курсу русской истории» Е. Ф. Шмурло, его последнему труду. Там и здесь дается сжатый репертуар главных фактов и явлений в разных областях жизни, с необходимой библиографией и критическим аппаратом, который у Е. Ф. принимает форму специальных эскурсов по „спорным и невыясненным вопросам русской истории“».¹⁴

Первый том «Курса» — «Возникновение и образование Русского государства» представляет собой общий обзор отечественной истории с 862 по 1462 год. Второй — «Москва и Литва» — охватывает период с 1462 по 1613 год. Третий — «Московская Русь» — с 1613 по 1725 годы. Из другой, более ранней работы Е. Ф. Шмурло «Введение в русскую историю» (1924) видно, что всю русскую историю до 1917 года он делил на три крупных периода: Древняя Русь (862—1462), Московская Русь (1462 — 1725), Императорская Русь (1725—1917).

Впрочем, сам Евгений Францевич, видимо, так и не решил, является ли петровское время той гранью, которая принципиально отделяет второй период от третьего, и не целесообразнее ли в качестве таковой считать все же отмену крепостного права в России.

Дело в том, что начавшийся в 1860-е годы процесс реформ должен был, по мнению Е. Ф. Шмурло, привести к тому, что «государственный принцип перестанет быть основной целью» и «на первое место неминуемо выйдет „общество“, которое из прежней инертной массы

¹³ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 108.

¹⁴ Милюков П. Н. Три поколения // Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага Чешская—Нарва, 1937. С. 13.

¹⁵ Шмурло Е. Ф. Введение в русскую историю. Прага, 1924. С. 176 — 177.

станет элементом, полным самосознания и требований на самобытное существование».¹⁵

Историю Литовско-Русского государства Е. Ф. Шмурло, как, впрочем, и вся русская дореволюционная историография, — рассматривал как составную часть русской истории. Судьба же Западных русских земель после слияния Литвы с Польшей выделена им в особый раздел: Литовская Русь (1462 — 1686). Общая схема, которую дает Е. Ф. Шмурло в своей «Истории России», выглядит следующим образом: 1) зарождение Русского государства (862 — 1054); 2) неустойчивость политического центра (1054—1462); 3) Московское государство (1462 — 1613); 4) превращение России в европейскую державу (1613—1725); 5) Россия — европейская держава (1725 — 1855); 6) разрушение старого порядка (1855—1917).¹⁶ Однако из «Курса русской истории» видно, что к концу своей жизни ученый склонялся все же к тому, чтобы рассматривать время с 862 по 1462 годы, в сущности, как одну эпоху — «Возникновение и образование Русского государства», выделяя в ней, в свою очередь, три периода: «Начатки русской государственности» (до 1054 года), «Время вечевого порядка и общинно-родовых отношений» (1054 — 1242) и «Раздробление Русской земли. Время татарского ига и вотчинного порядка» (1242 — 1462).

Е. Ф. Шмурло не случайно выделил 862 год как точку отсчета начала Русского государства. Дело в том, что варяги, по его мнению, действительно сыграли важную роль в его создании. Конечно, «начатки государственности» у восточных славян существовали и в до-варяжский период. Однако импульсы, которые бы могли заронить в сознание людей «потребность объединить отдельные воли для одного дела», все же отсутствовали. В этом смысле «призванию» варягов суждено было сыграть роль своеобразного «фермента», придавшего качественно новый толчок наметившемуся еще до них процессу.¹⁷ «Первый русский князь Рюрик, — пишет Е. Ф. Шмурло, — основоположник русского государственного здания, от него все пошло, он — первая страница русской истории. Это Тезей афинян, Ромул римлян, Пршемысл чехов, Пяст поляков, Хлодвиг франков».¹⁸

Первое столетие существования Руси — это время бурной вечевогой деятельности и родовых отношений, время появления первых элементов ее государственности: объединяются племена вокруг Киева, намечается территория будущего государства. В связи с принятием христианства закладываются основы духовных связей русского народа с европейским культурным миром. Время после смерти Ярослава Мудрого — время падения политического и торгового значения Киева

¹⁶ Шмурло Е. Ф. История России. Мюнхен, 1922. С. IV.

¹⁷ Шмурло Е. Ф. Курс русской истории (862-1462). Прага, 1931. С. 68.

¹⁸ Там же. С. 66.

и возникновения «удельной системы», когда в связи с упадком родовых отношений, дроблением княжеств и превращением дружинников в оседлых «бояр-помещиков», социальный и политический строй Северо-Восточной Руси принимает черты, «напоминающие черты феодального строя в Западной Европе». «Впрочем, — добавлял Е. Ф. Шмурло, — все эти явления, как вообще весь вопрос о русском феодализме весьма спорный и удовлетворительно еще не выяснен».¹⁹

Естественный процесс поиска русскими княжествами «нового политического центра» прервало татаро-монгольское нашествие. Связь между Северо-Востоком и Юго-Западом окончательно прервалась, и центрами притяжения для русских княжеств XIV—XVI вв. становятся теперь Москва и Литва. Государственное строительство в этих частях Русской земли сразу же пошло разными путями: в то время как «Московское государство строится путем активной работы населения Северо-Восточного края, Юго-Запад — пассивно входит в состав Литовского государства».²⁰

Основное содержание этого периода Е. Ф. Шмурло в духе традиций «государственной школы» сводил к процессу собирания «Земли» московскими князьями и постепенному превращению их «княжества — вотчины» в национальное Русское государство. К 1462 году этот «длинный, тяжелый процесс 600-летней работы по созданию государственного дома завершился, — пишет он, — превращением вотчины, частного владения московского князя в государство, в достояние общенародное. Теперь остается лишь доделать начатую работу: последним ударом молотка вбить последний гвоздь, снять леса и выявить здание наружу: факт сам по себе уже совершился; ему не хватает еще внешнего выражения, остается найти его, и слиться с ним. Работа в этом направлении выпадает на долю ближайших преемников Василия II».²¹

Следующая эпоха — «Московское государство» (1462 — 1613), создание и укрепление которого не только столкнуло Москву с Польшей, но и выдвинуло на первый план длительную и изнуряющую борьбу русского народа с Азией (татарами), которую вслед за С. М. Соловьевым, Е. Ф. Шмурло однозначно рассматривал как «борьбу за европейскую культуру».²²

В XVI веке, отмечает он, уверенно заявило о себе самодержавие как форма национальной власти русского народа. «Классовые, сословные интересы должны были поступиться перед требованиями

¹⁹ Там же. С. 192, 193.

²⁰ Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Т. 1 (862-1462). Прага, 1931.

С. IX.

²¹ Там же. С. 307.

²² Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Т. 2, ч. 1. Прага, 1933. С. 3.

²³ Там же. С. 108.

государственной пользы; к этому вела вся предшествующая жизнь, этого требовал рост страны».²³ В духе государственной школы (рост самодержавия и связанная с этим борьба верховной власти с удельными традициями и притязаниями московского боярства) трактует Е. Ф. Шмурло знаменитую опричнину Ивана Грозного. За С. М. Соловьевым идет он и в изложении Смуты как конфликта государства с отживающим свой век старым укладом. Государство как выражение общих интересов восторжествовало в годы Смуты над эгоизмом отдельных классов и групп. Его враги если и не были окончательно сломлены, то во всяком случае основательно «придавлены». Удалось отстоять политическую независимость страны.

В следующую после Смуты эпоху — «превращение России в европейскую державу» (1613 — 1725) государство окончательно принимает абсолютистские, самодержавные формы, «само же общество получает, безусловно, служилый и тяглый характер».²⁴ В результате неимоверного напряжения сил в годы петровских преобразований была благополучно решена важная «культурная задача»: Россия вошла в «общую семью европейских народов», обеспечив себе «постоянный духовный обмен и общение с ними („окно в Европу“)».²⁵

Пятая эпоха — «Россия — европейская держава» (1725 — 1855) — органично включает в себя три далеко не одинаковых по содержанию периода: время дворцовых переворотов (1725—1741), «просвещенного абсолютизма» Елизаветы Петровны и Екатерины II и «реакции» царствований их преемников. «Национальное направление» во внешних делах и «просветительский характер» внутренних мероприятий сменяются после смерти Екатерины II жестким курсом на подчинение интересов страны «интересам международным». Последовавшие за царствованием Екатерины II 60 лет царствований Павла I, Александра I и Николая I характерны прежде всего тем, что государство «снова стало управляться без определенного плана и руководящей программы». Главная особенность этого 60-летия, отмечал Е. Ф. Шмурло, это его ненациональный характер, его полное «противоречие» с екатерининским царствованием как в области внутренней («либеральный» период царствования Александра I не в счет), так и особенно внешней политики, которой все три государя отдавали явное предпочтение.

За эти 60 лет, отмечает Е. Ф. Шмурло, кого только не «спасали» российские императоры. Император Павел I посылал Суворова в Италию «спасать» легитимных монархов от гидры французской революции. Александр I «спасал» Европу от Наполеона, Николай I — турецкого султана от его вассала Махмет-Али, а австрийского императора от «взбунтовавшихся венгров» в 1848 году. «Спасти» евро-

²⁴ Шмурло Е. Ф. Введение в русскую историю. Прага, 1924. С. 168.

²⁵ Шмурло Е. Ф. История России (862-1917). Мюнхен, 1922. С. X.

пейские троны так и не удалось, несмотря на их легитимность. Прямым результатом этой политики явилось дипломатическое одиночество России и севастопольская катастрофа. Она-то и положила конец «политическому преобладанию России в Европе» и открыла новый, последний перед нашим временем период русской истории — «разрушение старого порядка (1855 — 1917)», когда страна опять возвращается на «прежний путь национальных интересов».

Отступление от «курса реформ» в царствования Александра III и Николая II и поражение в русско-японской войне 1904 — 1905 годов привели к резкому противостоянию правительства с обществом и «борьбе за конституцию». Созыва Государственной думы и других уступок «верхов» оказалось недостаточно. Глухая борьба между сторонниками самодержавной власти и ее противниками продолжалась. Тяготы и лишения, связанные с участием России в первой мировой войне настолько обострили ее, что падение старого режима стало неизбежным «при полном, однако, бессилии тех, кто содействовал его падению, соорудить новое здание, вместо прежнего, поваленного».²⁷

Отмена крепостного права, замечает в связи с этим Е. Ф. Шмурло, открыла перед русским народом возможность «сложиться в нацию, у которой есть и должны быть свои исторические задачи и свои национальные идеалы. 1917 год показал, однако, что путь предстоит нам еще дальний, что в нацию мы еще не превратились и до национального самосознания еще не досрели. Зато, может быть, именно самый ураган, что пролетел над нами и безжалостно свалил веками создававшееся здание, он-то и послужит могучим толчком к тому, чтобы выйти возможно скорее на этот единственный путь нашего спасения».²⁸

Сопоставление как «Истории России», так и «Курса русской истории» с обобщающими трудами других русских историков не оставляет никаких сомнений в том, что в основу их он положил схему С. М. Соловьева, дополненную и исправленную К. Д. Кавелиным, Б. Н. Чичериным, В. О. Ключевским и следующими за ними поколениями русских историков. Речь идет о господствовавшей в дореволюционной университетской историографии теории «вотчинного происхождения» Московского государства (К. Д. Кавелин) и закрепощения им под влиянием внешней опасности сословий русского общества того времени (Б. Н. Чичерин). Необходимость раскрепощения сословий, собственно, и составляет всю последующую «внутреннюю» историю России до 1917 года. Что же касается истории «внешней», то в основу ее положены такие традиционные для русской историографии представления как борьба за воссоединение в составе

²⁶ Там же. С. 403.

²⁷ Там же. С. XI.

²⁸ Шмурло Е. Ф. Введение в русскую историю. Прага, 1924. С. 175.

единого государства оказавшихся за его пределами после распада Киевской Руси территорий (Зарубежная Русь), или, говоря другими словами, борьба за «воссоединение народности» и колонизация как основной факт нашей истории.

С. М. Соловьеву обязан Е. Ф. Шмурло и необычно высокой оценкой роли государства в русской истории. При всем внимании к историко-культурной стороне нашего прошлого Е. Ф. Шмурло всегда оставался убежденным государственным и централистом, органично сочетавшим в своих обзорах русской истории интерес к зарождению, развитию и последовательному изменению в государственной организации с интересом к росту национального самосознания и наиболее важным проявлениям духовной жизни народа.

«История, — по Е. Ф. Шмурло, — есть наука, изучающая последовательное развитие человеческой деятельности в обществе на основе тех законов, каким она подлежит».²⁹ Задача истории заключается в том, чтобы «уразуметь жизнь народную, идеи и интересы данного общества, его чувствования и стремления — короче говоря, раскрыть душу человека, жившего в прежнее время. Так называемый внутренний быт, социальный строй народа, его юридические, экономические отношения в данную эпоху еще не есть сама жизнь, а только ее выражение, ее проявления».

Рост и укрепление Русского государства неразрывно связаны в представлении Е. Ф. Шмурло с ростом и укреплением самодержавной власти в России, идея которой была занесена к нам из Византии вместе с принятием христианства. И хотя проявился этот взгляд не так скоро и видимые результаты его сказались лишь в московский период русской истории, идея эта оказала большое влияние на рост государственной власти в России.³¹ В свое время самодержавие совершило «великое национальное дело, создав единую Россию из прежней разрозненной и слабой, превратив ее в могучую державу».

К сожалению, отмечает Е. Ф. Шмурло, создание единой и мощной державы не повлекло за собой политических преобразований. 170 млн. человек ее населения по-прежнему оставались всего лишь «подданными», были, «в сущности, в том же положении, что и во времена Ивана Грозного и царя Алексея Михайловича». Между тем и по своему международному, и по своему внутреннему положению «Россия нуждалась именно в гражданах: чем сложнее становилась жизнь, чем неотразимее вовлекалась Россия в круговорот мировых отношений, тем настоятельнее представлялась необходимость, чтобы чувство долга органически срослось с душевным бытием человека, чтобы над миром личных, семейных и теснокружковых интересов

²⁹ Шмурло Е. Ф. Введение в русскую историю. Прага, 1924. С. 64.

³⁰ Там же. С. 57.

³¹ Шмурло Е. Ф. История России (862-1917). Мюнхен, 1922. С. 22.

властно царил в нашем сознании интерес общества, олицетворявшийся в Родине и государстве».³²

Большое значение в росте и укреплении Русского национального государства Е. Ф. Шмурло придавал «единственной хранительнице истинного учения Христова» — русской православной Церкви. В русской истории, отмечает он, Церковь и государство идут рука об руку, поддерживая друг друга. Много внимания уделял Е. Ф. Шмурло определению места России среди европейских и неевропейских народов, «сходству и отличию» в развитии ее общественного уклада, государственного и церковного строя от развития других государств, поиску черт, которые сближают или отделяют русский народ от других народов.

Как историк, он исходил из того, что «русский народ и по происхождению, и по культуре, и по своему духовному складу есть народ европейский, но фактически связанный с азиатским востоком». Много внимания уделяет он также исторической роли Рима и Византии в судьбе славянских и вообще европейских народов, обращая внимание на принципиальную разницу условий, в каких «вырастал» Церковь в России и на Западе. Рост и укрепление монархии и ее отношение к «общественным классам»; смена «полицейского абсолютизма» «просвещенным», борьба за политические преобразования — все эти явления, приходит к выводу Е. Ф. Шмурло, «при всех их местных особенностях, по существу общие и Европе, и России, свидетельствуют о единстве духовных сил, положенных и там и тут».³³

Особенности исторической судьбы России, наряду с расовыми признаками народа (арийцы) и его религией (православие), во многом определяются, по мнению Е. Ф. Шмурло, ее географией. Дело в том, что природные условия Западной Европы (естественные границы) способствовали тому, что на ее территории сформировалось множество самостоятельных государств. В Восточной же Европе в силу ее равнинного характера и отсутствия естественных преград между народами все вело к созданию крупного государственного организма, неудержимо расширявшегося в поисках своих естественных, предначертанных самой природой границ, все дальше и дальше на Восток.³⁴

В этом непрерывном движении «русская волна» докатилась до Черного и Балтийского морей, Северного Ледовитого океана и, перевалив через неприступные вершины Кавказа, «дошла до Армянского плоскогорья, уткнулась в неприступную стену Памира, Алтайский хребет и остановилась на пороге Тихого океана. Люди шли вперед,

³² Там же.

³³ Там же. С. VI.

³⁴ Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Т. 1. (862-1462). Прага, 1931. С. 32.

но никогда не эмигрировали, как это было на Западе, никогда не теряли территориальной (благодаря этому и духовной) связи с родиной: Россия не имела колоний, и сама не была метрополией. Поступательное движение русского народа — это одна сплошная непрерывная лента, цельный ковер, разостланный от Вислы и Прута до берегов Камчатки».³⁵

Особенностью русской колонизации, отмечал Е. Ф. Шмурло, был ее по преимуществу народный характер. «Правительство шло уже вслед за народной волной, лишь санкционируя совершившийся захват земель. Последний по времени факт этого рода: присоединение, по договору 1883 года с Китаем, Озерной области Маркаколь за хребтом Южного Алтая, куда русский колонист-раскольник и зверолов стал проникать с середины XIX века. Продвижение же на юго-восток, хотя отчасти тоже обязано народной инициативе (донские, запорожские казаки, заволжские раскольничьи скиты), велось главным образом самим правительством и носило характер по преимуществу военный (борьба на Кавказе)».³⁶

Е. Ф. Шмурло решительно протестовал против попыток «доброты» России представить продвижение на Восток как проявление «русского империализма». В действительности же мы имеем дело лишь с простой обороной, самозащитой. Наше продвижение на Восток имело целью не расширение собственной территории — надо было отбросить врага для того, чтобы он не мешал культурной работе, и потому в таком продвижении было много стихийного. «Первые 700 — 800 лет русский народ совсем не знал ни Сибири, ни Средней Азии, ни даже Кавказа; в последний он если и заглядывал на заре своего исторического существования, то совершенно случайно».³⁷

Равнинность страны, легкость передвижения по речным путям и вынужденный уход с юга под напором азиатских кочевников выработали в русском народе большую подвижность и склонность к передвижениям — черты, которые проходят через всю его историю. «Пройдут века, прежде чем русский человек окончательно оседает и заведет себе прочное постоянное жилище. Передвижения эти, не вполне законченные и в наше время, направлялись обыкновенно в сторону наименьшего сопротивления», — отмечал он. Многовековая борьба с кочевниками, непрерывный поиск естественных границ и постоянная борьба с суровой природой привела к тому, что русский народ вынужден был тратить «массу духовных и физических сил, которые в

³⁵ Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Т. 1. (862-1462). Прага, 1931.

³⁶ Шмурло Е. Ф. История России. Прага, 1922. С. 9.

³⁷ Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Т. 1. Прага, 1931. С. 37.

³⁸ Шмурло Е. Ф. История России (862-1917). Мюнхен, 1922. С. 8.

иных условиях могли бы пойти на достижение целей гораздо более продуктивных». ³⁹ Все это не могло не сказаться на культурном развитии русских, которое шло гораздо медленнее и по содержанию оказалось много беднее культурного развития народов Западной Европы. ⁴⁰ Тем не менее, Е. Ф. Шмурло был решительным противником т. н. «евразийцев» (Георгий Вернадский, Н. С. Трубецкой, Петр Савицкий, Мстислав Шахматов и другие), выдвигавших на первый план азиатские, восточные черты в историческом прошлом русского народа

Россия в его представлении — страна, безусловно, европейская, на протяжении столетий вынужденная в силу своего географического положения играть роль форпоста европейской цивилизации в борьбе с кочевой Азией. В первые столетия своего существования грудью встав на пути азиатских кочевых орд, русские поневоле вынуждены были исполнять «почетную миссию», возложенную на них историей, выступая в роли «щита и оплота» западной цивилизации. В последующее время, когда, встав на ноги, русский народ уже сам переходит, правда, «в целях защиты», в наступление против своих извечных врагов, его роль уже иная — приобщение азиатских народов к европейской культуре и просвещению. Такова, по мнению Е. Ф. Шмурло, двойная историческая миссия России на Евразийском континенте. ⁴¹

Биограф Е. Ф. Шмурло В. В. Саханеев в поисках причин того, что при всей своей, казалось бы, «русскости» и патриотизме, Е. Ф. Шмурло и по своим взглядам, и «во всех проявлениях жизни» оставался в то же время «несомненным европейцем», обратил внимание на сильное польское влияние, испытанное им в годы отрочества. Речь идет о некоем Квятковском — ссыльном польском учителе, который не только подготовил мальчика к поступлению в Екатеринбургскую гимназию, но и привил ему характерное для этого историка «уважение к европейской культуре».

Однако о польском происхождении самого Евгения Францевича В. В. Саханеев говорит глухо, отметив лишь, что отец будущего историка был «из мелких шляхтичей» Белостокской (впоследствии Гродненской) губернии. Стремясь не афишировать его польские корни, он специально подчеркнул, что, «как говорит об этом фамилия», род Шмурло «по-видимому, литовского происхождения». ⁴² Новые архивные материалы Департамента Герольдии Правительствующего Сената позволяют уточнить этот вопрос.

³⁹ Там же. С. 5-6.

⁴⁰ Шмурло Е. Ф. История России (862-1917). Мюнхен, 1922. С. 19.

⁴¹ Шмурло Е. Ф. Курс русской истории (862-1462). Т. 1. Прага, 1931.

С. 38.

⁴² Саханеев В. В. Евгений Францевич Шмурло. Биографический очерк // Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага — Нарва, 1937. С. 27, 29.

Как видно из определения Белостокского дворянского собрания 20 ноября 1816 года, род Шмурлов, в том числе и отец будущего историка, «Франц, сын Фомы — Осипа внука Ивана, правнука Карла, праправнука Матвея Шмурла» и его ближайшие родственники, были признаны «древними действительными польскими дворянами» с внесением их рода в шестую часть дворянской родословной книги Белостокской области. Родовым именем их считалась деревня Бржезницы, приобретенная в 1771 году. Здесь и родился в 1805 году отец будущего историка — Франц Иосифович.⁴³ Поскольку в дальнейшем ни сам Евгений Францевич, ни отец его как владельцы Бржезницкой усадьбы не упоминаются, можно предположить, что имение перешло к дяде историка — Викентию (родился в 1809 году).

На военную службу Франц Иосифович вступил в 1825 году унтер-офицером Волынского уланского полка. Наиболее заметными вехами его биографии стало участие в подавлении польского восстания 1831 года и в кампании 1837 — 1839 годов против горцев в Нагорном Дагестане, после чего Ф. И. Шмурло был переведен в 1-й Оренбургский казачий полк. В 1851 году, будучи уже полковником, Франц Иосифович, которому шел в это время 46-й год, неожиданно женится. Принимая во внимание низкое общественное положение (дочь лекаря) и юный возраст невесты — 17 лет,⁴⁴ нельзя не признать неравный характер этого брака. Евгений Францевич Шмурло, родившийся 29 декабря 1853 года в Челябинске (во всех официальных документах значится 1 января 1954 года), был старшим ребенком в этой необычной семье. Крещен он был, как, впрочем, и все дети Ф. И. Шмурло (а их у него было шесть: пятеро сыновей и одна дочь), по православному обряду, хотя сам Франц Иосифович до конца своих дней оставался в лоне римско-католической Церкви.

В 1868 году супруга И. Ф. Шмурло — Раиса Корнильевна (урожд. Покровская), озабоченная тем, чтобы дать образование сыновьям, переезжает в С.-Петербург. Франц Иосифович остался один и выйдя в 1866 году в отставку с производством в генерал-майоры, поселился в небольшом имении при принадлежавшем ему винокуренном заводе близ Златоуста. Умер он в середине 1880-х годов.

Здесь нет необходимости подробно излагать все перипетии личной жизни и научной биографии Евгения Францевича. Отметим лишь, что переведясь 14 октября 1874 г. с первого курса юридического факультета на историко-филологический факультет С.-Петербургского университета,^{44а} Е. Ф. Шмурло обратил здесь на себя внимание знаменитого в то время профессора К. Н. Бестужева-Рюмина и был

⁴³ РГИА. Ф. 1343, оп. 33, ед. хр. 2254, л. 1.

⁴⁴ Там же. Л. 5-7 об.

^{44а} ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. № 18220. Л. 6.

оставлен им 29 мая 1878 года⁴⁵ для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории.

Из всех учеников К. Н. Бестужева-Рюмина наиболее близким к профессору был Е. Ф. Шмурло. На это же указывает и опубликованная им в 1899 году обширная научная биография К. Н. Бестужева-Рюмина.⁴⁶ Неожиданная болезнь К. Н. Бестужева-Рюмина (1882), повлекшая за собой его уход из университета (осень 1884 г.), поколебала положение Е. Ф. Шмурло, тем более что магистерская диссертация о Е. А. Болховитинове (1767 — 1837 гг.) — русском историке, известном как митрополит Евгений, ему как-то не давалась: за 10 лет работы над ней он не написал и половины исследования. Ее и решено было защищать как диссертацию, опубликован предварительного в 1888 г. по тогдашнему обычаю в виде отдельной книги «Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни (1767 — 1804 гг.)».⁴⁶ Заметным событием в исторической науке она не стала, хотя прозорливый К. Н. Бестужев-Рюмин в рецензии на книгу и отмечал, что в лице Е. Ф. Шмурло «русская наука приобретает неумолимого труженика, умного критика и хорошего писателя».^{46a}

Мнение это разделяли, однако, далеко не все. В своем труде, отмечал А. Н. Пыпин, автор сумел осветить «едва ли половину биографии писателя, который при всех его заслугах, занимает только второстепенное место в истории нашей науки» и настаивал на желательности «известной экономии сил, которая сводится в сущности к правильному пониманию большей или меньшей настоятельности того или другого вопроса науки».⁴⁷

Магистерский диспут Е. Ф. Шмурло состоялся 27 ноября 1888 г. В роли официальных оппонентов выступили проф. Е. Е. Замысловский и приват-доцент С. Ф. Платонов. Подпись Е. Е. Замысловского под отзывом о диссертации идет второй, ясно указывая на автора его текста — С. Ф. Платонова. Отметив достоинства труда Е. Ф. Шмурло: широкий круг использованных источников, начитанность и эрудицию автора, С. Ф. Платонов в то же время не преминул указать и на его слабое место как историка — неумение выделить главное, наиболее существенное в предмете исследования. В результате, подчеркивалось в отзыве, диссертация Е. Ф. Шмурло оказалась напол-

⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. № 16019. Л. 111.

^{45a} Шмурло Е. Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. Юрьев, 1899.

⁴⁶ Шмурло Е. Ф. Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни (1767-1804). СПб., 1888.

^{46a} Русский вестник. 1888. X? 9. С. 328.

⁴⁷ Пыпин А. Н. (А.В-Н). Меценаты и ученые Александровского времени // Вестник Европы. 1888. Кн. 10. С. 737-738.

ненной не имеющими научного значения подробностями жизни митрополита Евгения.^{47а}

Защита диссертации позволила Е. Ф. Шмурло получить в январе 1889 г. приват-доцентуру на факультете. Однако претендовать на кафедру, после случившегося с профессором Е. Е. Замысловским в конце 1889 г. «удара» он не мог и был легко обойден С. Ф. Платоновым,⁴⁸ которому и досталась профессура. Е. Ф. Шмурло, оказавшемуся на факультете на вторых ролях, пришлось довольствоваться необязательными курсами, хотя лекции по истории России накануне петровских реформ, которые читал «Барбаросса», как называли его студенты за огненно-рыжую бороду, и пользовались успехом.

Свой вклад в не совсем удачно сложившуюся научную биографию молодого ученого внесли и семейные неурядицы. Его брак в 1882 году с дочерью коллежского асессора Александрой Николаевной Яковлевой, от которой он имел двоих сыновей — Павла (1889) и Сергея,⁴⁹ не принес счастья и в 1892 году распался. Сказанного, как представляется, достаточно, чтобы понять, почему подававший большие надежды ученый уходит в 1891 году из С.-Петербургского университета, предпочтя ему профессорство в провинциальном Юрьевском университете.

В августе 1903 года он уходит и из него, получив при поддержке академика А. С. Лаппо-Данилевского назначение на должность ученого корреспондента Императорской академии наук в Риме. Выхлопотав себе пенсию, на которую, несмотря на свои 50 лет, он имел право как отслуживший по ведомству Министерства народного просвещения необходимые ²⁵ лет, Е. Ф. Шмурло уезжает в Италию, которую он боготворил.⁵⁰ Воспользовавшись содействием представителей русского правительства в Италии, Е. Ф. Шмурло сумел проникнуть в недоступные ранее для русских Архив Конгрегации пропаганды веры при Святом престоле в Риме, открыв здесь немало документов, относящихся к отечественной истории.

Не жалел он времени и для обследования других архивов Рима, Венеции, Падуи, Флоренции и Неаполя. Много работал Е. Ф. Шмурло в эти годы в архивах Парижа, Гааги, а также в ряде австрийский и испанских архивохранилищ. Скопированные им здесь документы, относящиеся к истории дипломатических сношений и истории католической пропаганды в России, печатались в виде обзоров, сборников документов и отдельных публикаций. Цения неутомимую научную деятельность Е. Ф. Шмурло в Италии, Академия наук избирает его в 1911 г. своим членом-корреспондентом по разряду историко-политических наук.

^{47а} РГИА. Ф. 740. Оп. 29. Ед. хр. 548. Л. 55 об.

⁴⁸ Брачев В. С. Русский историк С. Ф. Платонов. Ч. 1. СПб., 1995.

С. ⁴⁹ 50.

⁴⁹ РГИА. Ф. 1343, оп. 33, ед. хр. 2254, л. 11.

⁵⁰ РГИА. Ф. 740, оп. 29, ед. хр. 548, л. 2-3.

И схема, лежащая в основе учебника и «Курса русской истории», и общеисторические представления ученого, позволяют отнести его к умеренно-консервативному крылу либеральной историографии в России: недаром среди близких друзей Е. Ф. Шмурло — А. С. Лаппо-Данилевский и М. А. Дьяконов.^{50a} Либеральным в своей основе было и отношение Е. Ф. Шмурло к явлениям современной ему общественно-политической жизни, будь то такой деликатный вопрос как борьба с «немецким засильем» в Юрьевском университете⁵¹ или же голодные 1891-1899) годы в России.

Еще в начале 1890-х годов, столкнувшись с первыми признаками недорода у себя на родине, он организовал при поддержке руководства гимназии М. Н. Стоюниной в С.-Петербурге сбор пожертвований в фонд помощи голодающим ряда деревень Уфимской губернии.⁵² Так случилось, что едва ли не в эпицентре голода оказался родной для Е. Ф. Шмурло Челябинский уезд. Здесь ученый немало потрудился для организации помощи голодающим (распределение муки, организация столовой). В 1898 году уже в качестве корреспондента газеты «С.-Петербургские ведомости», Е. Ф. Шмурло прибыл в Уфу, избрав местом своего пребывания село Белебеевское Стерлитамакского уезда.

Регулярно посылаемые им отсюда статьи и корреспонденции о борьбе с голодом имели большой общественный отклик. Изданные в 1900 году отдельной книгой,⁵³ они навсегда останутся свидетельством человеколюбия и глубокой гуманистической сущности мировоззрения ученого.

Либеральные и гуманные взгляды органично сочетались у Е. Ф. Шмурло с чувством государственности и патриотизма. С болью в сердце воспринял он крах в 1917 году тысячелетней России.

Причину катастрофы он видел прежде всего в моральной, нравственной сфере человеческого бытия: остром дефиците у тогдашних «россиян» «горячего патриотизма, сознательной, живой любви к Родине, отсутствия готовности пожертвовать собою, отбросив в сторону партийные счеты, забыв личные интересы, привычки и симпатии... Когда жизнь идет по заведенному порядку и ничто не нарушает его, то без патриотизма страна с грехом пополам, пожалуй, еще может существовать; но когда она стоит на краю глубокой пропасти, когда решается ее судьба, все ее будущее — тогда одна лишь беззаветная любовь и пре-

^{50a} Саханеев В. В. Евгений Францевич Шмурло. Биографический очерк // Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага — Нарва, 1937. С. 36.

⁵¹ Там же. С. 44.

⁵² Синакевич О. В. Жили-были. Воспоминания // ОР РНБ. Ф.163 (Второвы), ед. хр. 316, л. 174.

⁵³ Шмурло Е. Ф. Голодный год. Письма в С.-Петербургские ведомости (1898-1899). М., 1900.

данность родине в силах спасти ее и не допустить до падения» — справедливо отмечал он.⁵⁴

«Между тем, достаточно ли любили Родину, всегда ли готовы были ради нее пожертвовать собою правящие классы, классы интеллигентные и масса народная — те, чьи действия и поступки определили ход событий последних лет?» — ставит вопрос Е. Ф. Шмурло и однозначно констатирует, что далеко нет. Одни — это правящие классы «всем своим поведением создавали благоприятные условия для революции», другие — интеллигенция — «сами толкали на нее, всемерно содействуя ее проявлению», третьи — народные массы — «первоначально слепое орудие в чужих руках, позже явились слепой разрушительной силой».⁵⁵ Одни так увлеклись борьбой за власть, что забыли о России, другие — «авторитет власти, и без того ею самою подорванный, роняли еще более и тоже не на пользу Родине; третьи — со своим грубо-эгоистическим, узко-утилитарным «моя хата с краю», «мы вятские, немец все равно до нас не дойдет» совсем не думали о ней и творили, хорошо не сознавая, что творят».⁵⁶

Чуждый, что было характерно для представителей «петербургской школы», стремлению к участию в реальной политике Е. Ф. Шмурло, которому шел уже 65-й год, не удержался, однако, от соблазна вступить в 1918 году в Риме в антисоветскую организацию генерала М. Н. Леонтьева, заняв в ней, правда, только на короткое время, должность секретаря. Как свидетельствуют хорошо знавшие ученого, вплоть до конца дней своих, он оставался непримиримым противником большевизма.

Горькое недоумение историка-патриота вызвало отторжение от России, по Рижскому мирному договору с Польшей 1922 года, коренных русских земель, известных на старом московском языке как «Зарубежная Русь» — факт, по его мнению, наносящий оскорбление «национальной чести и достоинству народному». Еще более тяжелым ударом для России, предостерегал он, может оказаться потеря берегов Балтийского и Черного морей. «Эти два моря — два легких, которыми дышит Россия. А может ли существовать человек без свободного

⁵⁴ Шмурло Е. Ф. История России (862-1917). Мюнхен, 1922. С. 551-552.

⁵⁵ Там же. С. 552.

⁵⁶ Там же. С. 552-553.

⁵⁷ Фатеев А. Н. Два историка и два построения русской истории: памяти двух первых председателей Русского исторического общества в Праге — Евгения Францевича Шмурло и Александра Александровича Кизеветтера // Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага—Нарва, 1937. С. 50.

⁵⁸ Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Т. 1. Возникновение и образование Русского государства (862—1462). Прага, 1931. С. 23.

дыхания?» — «Нам грозят образованием „украинского" государства. Допустить такой исход — значит потерять одно „легкое". Хотят повернуть историю вспять, но это значит вызвать русский народ на новый бой, вынудить его снова силою пробивать себе путь к югу, снова утверждаться на нем... Поступиться Черным или Балтийским морем или окончательно примириться с нынешней русско-литовской границей значило бы не только отбросить себя назад в XVII или XVIII век, не только свести на нет работу предшествующих поколений, но и признать ее внутреннюю неправду, в корне ошибочную... Это значило бы, наконец, по иному начать строить историю всего нашего прошлого, произвести новую переоценку, снести с пьедестала многих и многих из тех, чью память мы не только чтим, но и благоговейно храним в своем сердце».⁵⁹

Весьма своевременно воспринимается, в свете вытеснения в последние годы слова «русские» словом «россияне», и горячая защита Е. Ф. Шмурло тождества понятий «Россия» и «русский народ». «Могут заметить, — пишет он, — что русский народ далеко не определяет собою всей России, и указать на массу иных народностей, входящих в состав Русского государства...» Тем не менее, отождествление это, доказывает Е. Ф. Шмурло, вполне оправданно: ведь «Русское государство есть та форма общежития, которую выработал, упрочил и придал ей настоящий вид и характер никто иной как русский народ; остальные народности играли и играют в ходе этого построения и развития до настоящей минуты лишь второстепенную, служебную роль».

Главный завет, который оставил нам русский историк Е. Ф. Шмурло сводится к тому, чтобы несмотря ни на какие испытания, твердо стоять на русской национальной почве, быть «верными своему прошлому» и ни в коем случае не изменять «основным устоям» нашей жизни, как они сложились за последнюю тысячу лет; «чувству государственности», просвещения, православия, прогресса, «не исключаящего традиций, и традиций, не исключаяющих прогресса». Устои эти, подчеркивал он, пронизывают всю историческую жизнь русского народа. Вскрытие их — важная заслуга дореволюционной историографии, в частности, С. М. Соловьева. И «если мы действительно дети своих отцов, то на них — на этих устоях и должна строиться наша современная жизнь».⁶¹

Как ни унижена была в те годы Россия и как ни уязвлено было национальное самолюбие самого историка, Е. Ф. Шмурло, тем не

⁵⁹ Там же. С. 24.

⁶⁰ Шмурло Е. Ф. Введение в русскую историю. Прага, 1924. С. 70.

⁶¹ Шмурло Е. Ф. С. М. Соловьев. Публ. С. Г. Яковенко // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 164.

мене, он не терял уверенности, что русскому народу самим Провидением, самой природой в силу особенностей его географического положения предназначено великое будущее. «Великий народ требует, — писал он, — себе непременно большой по размерам территории. В стране с тесным горизонтом народу, обладающему задатками стать великим, негде было бы развернуть своих крыльев, в ней не могли бы сложиться и духовные условия, при наличии которых только и могут назреть грандиозные планы и ум человека осмелится дерзать. Только в бурю на океане может человек познать свои силы; только борьба в крупном масштабе может содействовать в надлежащей мере полному и всестороннему развитию этих сил».⁶²

Напомнить соотечественникам об их русскости, заронить в их душах чувство гордости за свою страну, свой народ, показать непреходящие ценности русской культуры, объяснить ее мировые заслуги — Е. Ф. Шмурло считал своим нравственным долгом. «Многие с трепетом прислушивались к его словам, загорались новой верой в Россию и удваивали силы в борьбе с денационализацией, мысленно повторяя вслед за ним: «Россия не погибнет, никогда не погибнет, не может погибнуть!» Такой народ как русские не может не иметь своего будущего и «никакая темная сила не в состоянии будет одолеть его», — утверждал он.⁶³

Нет сомнения, что внимательное чтение «Курса» Е. Ф. Шмурло не только позволит читателю познакомиться с основными фактами истории Руси — нашего Отечества, но и облагородит, освежит в известной степени его сердце и его душу — так велик в нем, заложенный его творцом, нравственный потенциал.

*В. С. Брачев, доктор исторических наук, доцент,
действительный член Нью-Йоркской академии наук (США)*

⁶² Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Т. 1. Прага, 1931. С. 39.

⁶³ Пель Г. Евгений Францевич Шмурло и младшее поколение русских историков за рубежом // Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага Чешская - Нарва, 1937. С. 84.

Оглавление

Введение (с. 9 — 49)

Культурные достижения русского народа. — Общие понятия о государстве. — Деление человеческого рода на расы и народности. — Классификация языков. — Население земного шара. — Индоевропейцы (Арийская раса). — Славяне.

Русская народность

Последовательные этапы ее выделения из Арийской расы. — Русское племя и его разветвления. Смешанные расы. — Русский язык и его наречия. — Славянская азбука.

Русский дом

Равнинность (Западная Европа. — Мировые империи. — Восток Европы. — Зло громадной территории. Разбросанность русских сил. — Зарубежная Русь. — Два легких). — Континентальный характер страны. Роль моря. — Реки — фактор политического объединения. — Лес и Степь.

Соседи русского племени

Финны. — Волжские, или Серебряные, болгары. — Хазары. — Литовцы. — Поляки. — Болгары.

Россия и античный мир

Россия и Византия

Раздвоенность русской жизни

Непосредственное соседство с Азией. — Два потока. — Европейский фронт. — Азиатский фронт: а) отсутствие природных границ; б) Азия — «кузница народов»; в) натиск с Востока; г) «Русский империализм»; д) сравнение с Западом; е) роль Славянства; ж) будущее.

Великодержавие русского народа

Великому народу — великая территория. — Пример великодержавий. — Колониальные великодержавия. — Россия. — Северо-Американские Соединенные Штаты. — Древний Рим. — Ум латинский и славянский.

Литература, (с. 50 — 59)

Глава первая**Начатки русской государственности (до 1054 г.)**

(с. 60-102)

/. **Доисторический период**

Прародина славян. Русское племя. — Венеды, анты, славяне. — Скифы и Сарматы. — Греческие колонии на берегах Черного и Азовского морей. — Готское царство. — Смена кочевых народов. — Пути сообщения между морями Балтийским, Черным, Азовским и Каспийским. — Русские племена и места, ими заняты. — Быт русских славян: 1) Три ступени быта; 2) Быт русских племен в середине IX века; 3) Распределение труда. Общественные классы.

//. **Основание Русского государства**

Норманны-варяги. — Норманны в бассейне Волги. — Норманны в бассейне Днепра. — Ильменские и Киевские норманны. Борьба за власть. — Варяги-Русь и Русь-страна. — Деятельность первых князей. Что положительного внесли они в русскую жизнь [Объединение племен; Борьба со Степью (оборона страны от внешних врагов); Культурные сношения с Византией]. — Святослав и Владимир. Опорные пункты на пути в Византию. — Киев, а не Новгород — центр деятельности первых русских князей.

///. **Введение христианства**

Проникновение христианства в Русскую землю. — Языческие верования русских славян. Сравнение русского Олимпа с Олимпом греческим. — Обстоятельства, сопровождавшие принятие Владимиром Великим христианской веры. — Что побудило Владимира принять христианскую веру. — Особенности восточной Церкви и западной. — Ближайшие последствия принятия христианства. — Влияние христианства на язык. — Владимир Великий и Ярослав Мудрый. Брачные союзы.

Литература, (с. 102 — 103)**Глава вторая**

**Единство Русской земли. Время вечевого порядка
и отчинно-родовых отношений (1054—1242) (с. 104 — 153)
Киевский период. 1054—1169**

Характеристика периода
Состав Русской земли
Княжение. Земля. Волость
Состав населения Русской земли

Государственный строй

Органы власти (Князь и вече. — Взаимные отношения между князем и вечем. — Князь и вече в Новгороде. — Княжеская дума). — Управление и суд.

Русская Правда

Русская Правда не есть свод законов. — Что такое Русская Правда? — Двойкие цели Русской Правды. — Смешение уголовных преступлений с гражданскими. — Смертная казнь. — Источники Русской Правды. — Две редакции. — Аналогичные памятники Западной Европы.

Отношения между князьями Рюрикава дома и порядок княжеского владения

Родословная таблица. — Система «Лествичного Восхождения». — Отчина. — Избрание вечем. Право народное. — Добывание стола (захват силою). — Завещание. — Соглашение с вечем и с князьями.

Княжеские усобицы

А. При сыновьях Ярослава Мудрого (1054—1093). — Б. При внуках Ярослава Мудрого (1093—1125). — В. При правнуках и праправнуках Ярослава Мудрого (1125—1169).

Борьба со Степью

Роль Владимира Мономаха в борьбе со Степью. — Походы половецкие и крестовые походы.

Киев и Южная Русь

Положение южной окраины. — Киев — яблоко раздора. — Обесценение Киева.

Деятели Киевского периода

Давид Игоревич. — Василько. — Олег Гориславич. — Владимирко Галицкий. — Давид Смоленский. — Владимир Мономах. — Юрий Долгорукий. — Изяслав II.

Суздальско-Волынский период. 1169—1242

Характеристика периода

Суздальская земля

Природа Суздальского края. — Первоначальное население края. — Образование Великорусского племени. — Две колонизации Суздальского края. — Посадский характер Суздальского края. — Спаянность Суздальского края. — Отличия новых порядков от порядков Южной Руси. — Тип хозяина-вотчинника:

а) Андрей Боголюбский; б) Всеволод III. — Следствие новых порядков в Суздальском крае (вечевой строй; родовая связь; вотчина-удел).

Галич с Волынью

Родословная таблица. — Особенности истории Галича (Преемственность стола от отца к сыну. — Оседлость дружины. — Положение Галича на западной окраине. — Ярослав Осмомысл. — Ярослав Осмомысл и Всеволод III. — Смуты в Галиче). — Волынская земля (Роман Мстиславич).

Господин Великий Новгород. А. Страна и люди

Природные условия Новгородского края. — Географическое положение Новгорода. — Состав Новгородской области (пятины, «Земли», город Новгород, пригороды). — Как выросла Новгородская территория. — Состав населения. — Торговля.

Господин Великий Новгород. Б. Государственное устройство

Князь. — Ограничение княжеской власти. — Посадник и тысяцкий. — Что влекло князей к Новгороду. — Вече. Его права. — Правительственный Совет, или Господа, Совет Господ. — Владыка. — Самодержавие Новгородской земли. — Как выросло Новгородское самодержавие.

Русский Юг

Опустошение края. — Упадок Киева

Два Мстислава

Литература, (с. 153-155)

Глава третья

Раздробление Русской земли. Время татарского ига и вотчинного порядка. 1242—1462

(с. 156-231)

Характеристика периода

/. *Нашествие с Востока. Монголы*

Родословная монгольских ханов (династия Чингис-хана). — Монголы (исторический очерк). — Нашествие Батыя. — Ближайшие последствия Батыева нашествия. — В чем выразилось подчинение Русской земли татарам? — Северо-Восточная и Юго-Западная Русь. Александр Невский и Даниил Галицкий.

II. Натиск с Запада. Ордена Ливонский и Тевтонский

Основание Ливонского и Тевтонского ордена. — Значение побед Александра Невского над шведами и немцами

III. Натиск с Запада. Римский престол и его отношения с Древней Русью

Древние века. — Иннокентий IV и Даниил Галицкий. — Иннокентий IV и Александр Невский. — Южная Русь в XIV в.

IV. Натиск с Запада. Литва и Миндовг

Миндовг. — Александр Невский, Даниил Галицкий и Миндовг Литовский. Черты сходства и различия. — Холм или Вильна? Кому предназначено объединить западные русские земли? — Какие преимущества были у литовских князей?

V. Литовско-Русское государство

Состав его. Родословная литовских князей (дом Гедимина)

Гедимин и его преемники. 1316 — 1392

Гедимин. — Ольгерд. — Ягейло. — Обязательства Ягейлы. Договор 1385 г., заключенный в Креве. — Кревский договор и брак Ягейлы. Их значение в жизни литовской и русской народностей.

Витовт. 1392-1430*Внешняя политика*

Договор 1392 г. — Москва. — Имела ли наступательная политика Витовта на Восток внутреннее оправдание? — Поражение на Ворскле. — Следствия поражения. — Договор 1401 г. — Грюнвальдская (Танненбергская) битва. — Городельская уния 1413 г. — Две особенности Городельского соглашения.

Внутренняя политика

Областные княжения. — Независимая митрополия. — Королевский титул.

Преемники Витовта. 1430 — 1492

Скиргейло и Сигизмунд

Казимир IV Ягеллончик

Смута в Литве. — Избрание Казимира на польский престол. — Привилей 1447 г. — Окончательное отделение западнорусской Церкви от восточнорусской (московской). — Областная автономия. — Феодальный строй. — Личная уния.

VI. Объединение Северо-Восточной Руси

А. Возвышение Москвы в XIV веке

Родословная московских и тверских князей. — Борьба Юрия и Ивана Калиты, сыновей Даниила, с тверскими князьями за великокняжение. — Рах Ioannis. — Борьба за Владимирский стол преемников Калиты. — Судьба города Владимира. — Рост московской силы. — Упадок родовых отношений. — Удельные княжества. — Оседлость дружины. Право вольного перехода. — Черты феодализма.

Б. Дмитрий Донской и его преемники. 1362 — 1462

Дмитрий Донской

Куликовская битва. Национальное, идейное, политическое и практическое значение ее. — Казнь Вельяминова. — Духовное завещание Дмитрия Донского.

Василий I**Василий II**

Борьба за великокняжение. — Возникновение Казанского царства. — Флорентийский собор 1439 года

Последовательный рост территории Московского княжества.
1263-1462

В. Причины усиления Московского княжества

Географическое положение. — Личные свойства и политика московских князей. — Признание великокняжеского города Владимира неотчуждаемой частью московской отчины. — Военный успех. — Куликовская битва. — Перенесение митрополии из Владимира в Москву. — Поддержка духовенства. — Содействие бояр, вообще служилых людей. — Содействие земщины. — Малочисленность княжеской семьи в потомстве Даниила Александровича. — Распадение и неурядицы в Золотой Орде со второй половины XIV в. — Заключение.

Г. Москва и Литва. Особенности развития их политического и общественного строя

VII. Татарское иго

А. Какие изменения внесло татарское иго в уклад русской жизни

Князья. — Вече. — Материальное положение. — Бесправие и рабство. — Церковь.

Б. Влияние татарского ига на быт и духовную жизнь русского народа

Огрубение нравов. — Прилив татарского элемента в русскую среду. — Влияние татар на посольский церемониал. — Порча русского языка. — Просвещение.

VIII. Господин Великий Новгород

Как отразилось татарское иго на положении новгородских князей. — Вражда сословная; усабицы. — Ушкуйники. — Борьба Новгорода с Москвой. Постепенный перевес Москвы.

IX. Господин Псков

Политическая независимость Пскова

Чем вызвано было отделение Пскова от Новгорода

Государственный строй Пскова

1. Князь. — 2. Вече. — 3. Взаимные отношения классов населения. — 4. Ограниченные размеры Псковской территории. — 5. Топография и географическое положение Псковской территории.

Историческая заслуга Пскова

Псковская Судная Грамота

Литература, (с. 231—233)

Глава четвертая

Просвещение, культура и общественность в Древней Руси. 862-1462 (с. 234-309)

I. Общие замечания

Как высока была культурность русского народа в середине IX века. — Культурное влияние христианства и Византии. — Большая разница в просвещении на Руси и в Западной Европе. — Что обусловило эту разницу. — Культурный слой древнерусского общества и его представители. — Двоеверие. Народные праздники и поверья. — Церковь и книга.

II. Письменность и литература

A. Общие замечания

Б. Цикл церковно-богословских книг

Священное Писание. — Апокрифы (Отреченные книги). — Палея. — Богословско-учительская литература. — Литература полемическая (против иудейства и латинян). — Проповеди.

В. Знакомство с внешним миром

Сведения научного характера. — Путешествия. — Светская литература переводная. — Светская литература оригинальная.

Г. Знакомство с прошлым

Жития святых. — Византийские хроники. — Оригинальные русские сочинения по истории.

Д. Художественное творчество

Слово о полку Игореве. — Былины. — Произведения, навеянные татарским разгромом и игом. — Исторические повести татарского периода.

III. Монашество

Общие замечания. 1. Период домонгольский. — 2. Бремя татарского ига.

IV. Искусство

А. Церковная архитектура

Два типа христианских храмов. — Киевские храмы.

Б. Живопись

Предварительное замечание. Искусство Византии. — Два периода русской живописи. — Особенности новгородской живописи. — Отличия Суздальской иконописи от Новгородской. — Андрей Рублев. — Миниатюра и орнамент.

В. Прикладное искусство

V. Национальная идея. Идея общественная

Что воспитало в русских людях национальную идею. — В ком нашла национальная идея наиболее яркое выражение? — Патриотизм и общественность. — Представители идеи общест-венности. — Омертвление национальной идеи. Местные святыни.

На рубеже новой эпохи

Литература, (с. 310 — 313)

Дополнения (с. 314 — 340)

Наиболее замечательные памятники духовной культуры
862 — 1462 (сохранившиеся)

I. Памятники вещественные

- II. Церкви
- III. Монастыри
- IV. Фрески (и мозаики)
- V. Иконы
- VI. Миниатюры
- VII. Церковное художественное шитье
- VIII. Евангелия
- IX. Памятники литературные
- X. Памятники юридические

Приложения

Спорные и невыясненные вопросы русской истории (с. 341—511)

1. Прародина индоевропейцев
2. Как возникли наречия: Великорусское, Белорусское и Малорусское
3. Что такое Россия: часть ли Европы или особый мир — Евразия?
4. Прародина славян
5. Каким бытом жили русские племена в середине IX века?
6. Как зародилось Русское государство
7. Происхождение имени Русь
8. Славянская Русь на побережье Черного и Азовского морей
9. Первоисточник сказаний о смерти Олега и мести Ольги древлянам (скандинавский или славянский?)
10. Походы Святослава на Восток
- И. О достоверности договоров русских с греками X века
12. Торговая ли деятельность Киева обусловила его политическое возвышение?
13. Посольства, которыми обменялись княгиня Ольга и император Оттон I
14. Когда и где крестился Владимир Святой?
15. По какому обряду вводилось христианство на Руси: по восточному или по западному?
16. О примате Римского первосвященника
17. Анна Ярославна
18. Как следует понимать выражения: земля, волость, княжение?
19. Кто такие были огнищане?
20. Политический строй Древней Руси в домонгольский период
21. Была ли княжеская отчина *вотчиною!*
22. Что побуждало черниговских князей наводить половцев на Южную Русь?

23. Допустимо ли массовое переселение приднепровской Руси на север в XII и в XIII вв.?

24. На какой ступени культурного развития находился Суздальский край перед приходом туда Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского?

25. Существовали ли в Киевской Руси положительные данные для создания там государственности?

26. Кому принадлежит почин в сближении на почве унии: Даниилу Галицкому или папе Иннокентию IV?

27. «Купли» Ивана Калиты

28. Существовал ли феодализм в Древней Руси?

29. Роль князей и земщины в борьбе с Мамаем на Куликовом поле

30. Суждение С. М. Соловьева о Куликовской битве

31. О первоначальной колонизации Московского княжества

32. Как выросло единое державие московских князей

33. Роль монголов в русской истории

34. Когда, в действительности, началось отчуждение Древней Руси от римской Церкви?

35. Происхождение «Повести Временных Лет»

36. Какой «школы» было письмо Андрея Рублева?

В. С. Брачев. Е. Ф. Шмурло как историк (с. 512 — 531)

Оглавление (с. 532 — 540)

Директор издательства:

Лбышко О. Л.

Главный редактор:

Савкин Я. А.

Рецензент:

член-корреспондент РАО, доктор исторических наук,
профессор, зав. кафедрой русской истории РГПУ им. А. И. Герцена

Старцев В. И.

Художественный редактор:

Кучукбаев В. С.

Редакторы:

Седова Г. А.

Румянцева Л. Ю.

Шмурло Евгений Францевич «Возникновение и образование Русского государства (862-1462)», серия «Библиотека русской педагогической»

ИЛ № 064366 от 26. 12. 1995 г.

Издательство «Алетейя»

Санкт-Петербург, ул. 2-ая Советская, д.27

Телефон издательства: (812) 277-2119

Факс: (812) 277-5319

Сдано в набор 0. 01. 1997 г. Подписано в печать 18 09. 1997 г. Бумага офсетная. Формат 60x90^{1/16}. Печать офсетная. Объем 34 п. л. Тираж 2500. Заказ № 3457

Отпечатано с готовых диапозитивов в Санкт-Петербургской типографии «Наука» РАН: 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12.

Printed in Russia